Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

КНИГА ВТОРАЯ
МАРТ-АПРЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925

Редакция
номера закончена
20-го февраля

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

1. Л. Войтоловский. ЛЕНИН ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1
2. А. Лежнев. ПЛЕХАНОВ КАК ТЕОРЕТИК ИСКУССТВА 16
3. В. Волькенштейн. СУДЬБА ДРАМАТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ. 28
4. А. Смирнов-Кутаческий. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧАСТУШКИ . . . 42
5. Р. Переверзев. СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС ОБЛОМОВЩИНЫ . . 61
6. Вяч. Полонский. НИКОЛАЙ СТАВРОГИН И РОМАН «БЕСЫ» . 79
7. Синеира. ЕЩЕ О МАРКСИЗМЕ И БЛАНКИЗМЕ 105
8. В. Адарюков. РУССКИЕ ГРАВЕРЫ: П. ШИЛЛИНГОВСКИЙ . . 115

9—13. ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ и ЛИТЕРАТУРЫ.

9. А. Лежнев. О ПРОЛЕТАРСКИХ ПОЭТАХ 134
10. Ф доров-Давыдов. ГОСПЛАН ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВА 139
11. П. Марков. К ВОПРОСУ О ГЛАВИСКУССТВЕ 144
12. Е. Браудо. МУЗЫКА НА ЗАПАДЕ 147
13. Б. Розенблюм. НА ЗАПАДЕ 150

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. Ленинская литература. Ц. Фридлянда, Н. Семашко, Г. Бройдо, М. Брагинского, Д. Биленкина, В. Сарабьянова, И. Варейкиса . 154
II. Вопросы текущей жизни. Я. Шафира, П. Керженцева, д-ра И. Гельмана 164
III. Империализм и международная политика. Г. Сандомирского, А. Чекина, И. Звавича 169
IV. Экономические науки и народное хозяйство. М. Брагинского, А. Герценштейна, Ю. Спасского, А. Хавина, Д. Кашинцева, А. Бессера, Г. Эльяшева 174
V. Рабочее и профессиональное движение. Я. Фина, А. Мильштейна, С. Гальперина, А. Чекина 187
VI. Научная организация труда. Д. Рейтынбарга, И. Шпильрейна, Л. Рабиновича 192
VII. История революционного движения в России. Г. Лелевича, В. Невского, А. Дивильковского, С. Пионтковского, М. Клевенского, Р. Ковнатор, Б. Козьмина, М. Зеликмана, К. Злинченко 195

Стр.

VIII. **История культуры.** Проф. П. Преображенского, Н. Щербакова, В. Авдиева 211

IX. **Философия и психология.** И. Луппола, С. Васильева, В. Сарабьянова, Я. Шафира 216

X. **Народы и страны.** В. Виленского-Сибирякова 223

XI. **Народное просвещение.** Я. Шафира, С. Марголиной, А. Залкинда . 226

XII. **Языковедение.** Г. Винокура, М. Петерсона, Р. Шор 231

XIII. **Науки о природе.** Проф. С. Блажко, М. Гремяцкого, проф. Я. Никитинского, М. Завадовского, проф. А. Крубера, А. Бессера, Б. Андреева 237

XIV. **Военное дело.** Г. Гордона, Путна, Н. Какурина, Е. Смысловского . 243

XV. **Теория и история литературы.** Н. Пиксанова, В. Фриче, Л. Некора, Вал. Полянского, А. Лежнева, Н. Фатова, Д. Благого, М. Клевенского, Н. Бельчикова, Арк. Глаголева, И. Кубикова 249

XVI. **Художественная литература:**
а. Русская. Г. Лелевича, А. Лежнева, А. Луначарской . . . 267
б. Иностранная. Р. Шор, Л. Войтоловского, К. Локса, Федорова-Давыдова, Я. Зунделовича, И. Гливенко, М. Эйхенгольца, Л. Розенталя 276

XVII. **Искусства.** Т. Козьминой, В. Згура, В. Гливенко, Н. Щербакова, проф. А. Некрасова, В. Волькенштейна, Н. Тихонова, Т. Корнилова 286

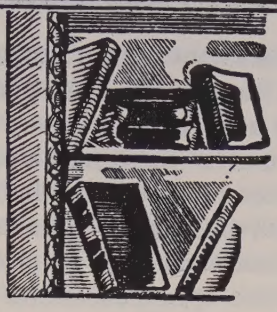
Письма в редакцию М. Ольминского и А. Горнфельда 298

Литературная хроника. 303

Список книг, полученных для отзыва. 318

19 иллюстраций в тексте.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



ЛЕНИН ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

Л. Войтоловский.

I.

Мысль об исторической роли русской интеллигенции издавна не давала покоя Ленину. К этой теме он обращается по всевозможнейшим поводам и под саморазнообразнейшими рубриками. При беглом знакомстве с этими статьями создается такое впечатление, будто в оценках, даваемых Лениным интеллигенции, кроется какая-то разладица. Поражают крутые переходы от похвал к порицанию. Он то прославляет фанатическую веру интеллигенции, сумевшей «дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и социализм», с энтузиазмом отзывается о Радищеве, Герцене, декабристах и революционерах 70-х годов и с благоговением поминает «многострадальные» тени Белинского и Чернышевского, вскормивших своею кровью лучшие идеалы своего времени. То в длинном ряде других статей беспощадно трактует интеллигенцию, как предательницу революции, издевается над ее хитроумной схоластичностью, пересыпает свои отзывы о ней такими презрительными кличками, как хлюпики, нытики, рабы, холуи и хамы, не вызывающие к себе ничего, кроме «чувства презрения, негодования и отвращения». Но это только кажущаяся разладица. Сказать точнее — разладицы вовсе нет. Ошибочно думать, будто Ленин, прославляя героизм одних и понося переметчивость других, тем самым имел в виду сказать, что он смотрит на интеллигенцию, как на случайный и разношерстный сброд, куда вместе с холуями и хлюпиками втиснуты герои и страстотерпцы. Своими разноречивыми отзывами Ленин определенно подчеркивает, что интеллигенция интеллигенции рознь, и этим безжалостно вскрывает ее классовую природу, т.-е. настойчиво твердит и напоминает: сидит ли в парламенте интеллигент, редактирует ли газету, работает ли в научной лаборатории, пишет ли радикальную передовицу, сочиняет ли книгу или проект, — он продолжает смотреть на мир глазами своего класса; отсюда вовсе не следует, что, разоблачая подлаживание, лживость и оппортунизм известных слоев интеллигенции, предугадывая двойственность мелкой

буржуазии в революционной борьбе, Ленин хотел этим сказать, будто вся интеллигенция такова. Наоборот. Ленин никогда, и нигде, и ни на миг не упускал из виду той колоссальной роли, которую играет интеллигенция в качестве культурного организатора своего класса. И этим самым неуклонно ставил на вид рабочему классу, что последний кровно заинтересован в создании собственной интеллигенции; что в войне труда с капиталом труд не может итти на приступ, не заручившись содействием научно-организованной мысли, без помощи которой самые решительные завоевания труда теряют свой практический смысл. Без интеллигенции нет и не может быть культуры, — повторяет Ленин бесчисленное множество раз. Но интеллигенция не выскакивает во всеоружии, как Минерва из головы Юпитера; интеллигенция не является на свет божий по щучьему веленью, по классовому хотенью. Ее судьба теснейшим образом спаяна с культурой минувших поколений, от которых она преемственно должна унаследовать все те запасы культурного опыта и знаний, которые успело накопить человечество на своем историческом пути. Вот что говорил по этому поводу Ленин в своем обращении к молодежи:

«Без ясного понимания того, что только полным знанием культуры, созданным всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру, — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это — все сплошной вздор: пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, чиновничьего общества».

В другом месте, в том же обращении к молодежи Ленин выражается так:

«Было бы опасно, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги, если бы мы во-время эту опасность не поняли и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить. Тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма».

И дальше еще убедительнее подчеркивается эта мысль в таком предостережении:

«Вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистами, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием, не усвоив себе той суммы знаний, *последствием которых является сам коммунизм*» (курсив мой *Л. В.*).

Что это значит? Это значит, что Ленин смотрел на каждого члена коммунистической партии, как на представителя пролетарской интеллигенции и носителя пролетарской культуры и неуклонно подчеркивал, что это звание колоссально обязывает. Ибо дело борьбы за пролетарскую

культуру заключается не в простом устранении всего устарелого и исторически вредного; борьба за пролетарскую культуру требует, чтобы последняя сделалась местом встречи культурного человечества от древнейших времен до нынешних. Представитель пролетарской интеллигенции — не враг, не противник, не отрицатель всего того, что не подходит под категорию «пролетарий». Он не противопоставляет себя умнейшим и глубокомысленнейшим философам древности или ученым буржуазной культуры, не повторяет вслед за литературными апашами всех пород: долой музеи и колизеи! к чорту Пушкиных, Рылеевых и Менделеевых! Напротив. Представитель пролетарской интеллигенции, по слову Ленина, является живою связью всех исторических эпох, естественным средоточием и «закономерным последствием» всего человеческого познания. Даже в качестве политической руководительницы своего класса пролетарская партийная интеллигенция является беспомощной и бессильной вне союза с научной и общественной мыслью минувших поколений. Вот как подробно обосновывает Ленин свой взгляд на зависимость между партиейи интеллигенцией в знаменитой статье «Что делать?»:

«История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т.-е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов — *интеллигенцией*. Основатели современного научного социализма Маркс и Энгельс принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло, как естественный и неизбежный результат развития мысли *у революционно-социалистической интеллигенции*».

Еще резче оттеняет он эту мысль в «Письме к С. С—у»:

«Социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть... Классовый интерес делает их только восприимчивыми к социализму. Но социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упроченья идеологии, т.-е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм *вносится* (курсив Ленина) идеологами».

Вопрос о роли и значении идеологов-интеллигентов освещен здесь с исчерпывающей ясностью. Выводы, вытекающие из этих категорических оценок, не требуют пояснений. О злобно-пристрастном отношении к интеллигенции и тем более о натравливании на нее не может быть и речи.

Ленин с негодованием отбрасывает малейшее подозрение в махаевщине или в злобном науськивании.

«Если бы мы,—заявляет он в своем «Ответе на открытое письмо специалиста», — если бы мы натравливали на интеллигенцию, нас следовало бы за это повесить. Но мы не только не натравливали народа на нее, а проповедывали от имени партии и от имени власти предоставление интеллигенции лучших условий работы. Я это делал с апреля 1918 года, если не раньше».

Яснее и энергичнее этого сказать невозможно.

Но тут невольно возникает вопрос: как же быть с той интеллигенцией, которая ходит с понурой головой с той самой минуты, как революция победила? Разве мало в рядах ее непримиримых и злостных заговорщиков, отъявленных Замысловских и Пуришкевичей? Разве не из той же интеллигентской почвы вырастают Азефы и Суворины, Муссолини и Зюдекумы?

Конечно, Ленин не забывает и об этой породе интеллигентов. Ведь это как раз те самые интеллигенты, про которых он пишет с таким негодованием, клеймя их хлюпиками, холуями и хамами. Но он резко отмежевывает одну от другой эти интеллигентские группы.

На одной стороне — борцы, непримиримые, стойкие люди железного закала, беззаветно отдающие свои силы трудному делу революционного строительства.

На другой — мелкие прихвостни революции, хлюпики, полные трусости, колебаний, измен, политиканства, угодничества и оппортунистической переметчивости.

Это деление проводится Лениным с непоколебимой последовательностью. Тот или другой характер интеллигенции определяется исторической ролью того класса, выразителем которого является интеллигент. Классы экономически неустойчивые, зависимые, занимающие промежуточную позицию в борьбе труда с капиталом, выдвигают интеллигенцию мечтательную, расплывчатую, бессильную, межеумочную, трусливую, гнусную, фальшивую, старающуюся надуть и народ и себя. Тогда как из классов мощных и энергичных, искушенных в борьбе и экономическом созидании, выходит интеллигенция стойкая, закаленная, «революционеры до мозга костей», как выражается Ленин. И такого названия, по Ленину, заслуживает только та интеллигенция, которая все свои знания и опыт отдает целиком на служение целям своего класса, идет рука об руку с последним, растет и развивается вместе с ним, являясь его организатором, тактиком и вождем на всех решительно этапах и поприщах его исторической борьбы.

Таковы революционеры-интеллигенты:

Бывший вождь германской социал-демократии Август Бебель. «Бебель воплотил в ходе своего развития и своей политической деятельности целый исторической период жизни не только германской, но и международной социал-демократии», — говорит о нем Ленин. На протяжении всей своей деятельности Бебель всегда был ярым врагом оппорту-

нистических шатаний, принципиально-непримиримым противником примиренчески-реформистских взглядов, неуступчивым защитником революционно-социалистической тактики, т.-е. всю жизнь оставался выразителем подлинных настроений рабочих масс. Это и сделало его образцом рабочего вождя. И оттого-то никто с такой рельефностью не воплотил в себе особенностей и задач рабочего класса, никто не проявил такой железной энергии в борьбе за социалистический характер рабочей партии, как Август Бебель.

Дворянин Герцен, безбоязненно вставший на сторону революционной демократии против либерализма и развернувший в борьбе с последней бурную революционную агитацию, подхваченную, расширенную и закаленную интеллигентами-разночинцами.

Лев Толстой. «Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, — он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа главным образом к эпохе 1851—1904 г.г., Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость» («Толстой как зеркало русской революции»).

Выходец из буржуазии Павел Зингер, неразрывно связанный с историей германской с.-д. рабочей партии, беззаветно отдавший партии все свои силы, знания, все свое богатство, все свои недюжинные организаторские способности, все таланты практика и руководителя.

II.

Три блестящих главы открывают собою, по Ленину, историю русской интеллигенции. Из них первая — декабристы, вторая — Герцен и третья — интеллигент-разночинец с Белинским и Чернышевским во главе и героями «Народной Воли» в исходе. Все три поколения тесным образом связаны с историей революционных стремлений крестьянства. С особенной любовью останавливается Ленин на оценке личности Герцена. В статье, озаглавленной «Памяти Герцена» и написанной к 100-летней годовщине со дня рождения Герцена, Ленин в таких выражениях рисует образ этого смелого революционера:

«В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля, он понял, что она представляет алгебру революции. Он пошел дальше Гегеля к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из писем «Об изучении природы» — «Эмпирия и идеализм», написанное в 1844 г., показывает нам мыслителя, который даже теперь головой выше бездны современных естествоиспытателей

эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом».

Ленин расценивает Герцена, как представителя той интеллигенции, революционные теории которой вошли составною частью в борьбу пролетариата. Конечно, во всем учении Герцена, как и во всем русском народничестве, не было ни грана социализма, как выражается Ленин. Но все это учение представляет собою блестящую и убедительную формулировку революционных стремлений крестьянства. И в качестве идеолога последнего, в качестве смелого и воинствующего публициста, сумевшего не только нарушить рабье молчание того времени, но и постигшего различие интересов тогдашней либеральной буржуазии и революционного крестьянства, Герцен заслуживает, по мнению Ленина, самой горячей благодарности потомства. «Он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма, — заканчивает Ленин характеристику Герцена; — он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем; он поднял знамя революции».

Знамя революции, поднятое Герценом, вся его пламенная агитация была подхвачена, расширена и укреплена революционерами-разночинцами, героической работе которых Ленин уделяет так много горячего внимания. С чувством глубочайшего пиэтета говорит он о них в великолепной, прочувствованной статье «О национальной гордости великороссов»:

«Чуждо ли нам, великороссам, сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет. Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.-е. $^{9}/_{10}$ всего населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

«Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь революции, сказал: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы — великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине,—любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения».

С не меньшим энтузиазмом пишет Ленин о героях «Народной Воли», вменяя им в колоссальную историческую заслугу их попытки поднять крестьянские массы до революционного политического сознания. Целые десятилетия отделяют их революционный посев от жатвы. Но история

оправдала их подвиг. Их беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропали даром уже потому, что на их героических примерах пролетариат учился и учится великому значению революционной теории, и вместе со всей революционной интеллигенцией они входят в состав пролетарской борьбы, как будильника революции.

«Политический характер экономическая борьба принимает сплошь и рядом *стихийно*, т.-е. без вмешательства «революционной бациллы — интеллигенции», без вмешательства сознательных социал-демократов. Политический характер приобрела, например, и экономическая борьба рабочих в Англии без всякого участия социалистов. Задача же социал-демократов не исчерпывается политической агитацией на экономической почве, задача их *превратить* эту тред-юнионистскую политику в социал-демократическую политическую борьбу, — *воспользоваться* теми проблесками политического сознания, которое заронила в рабочих экономическая борьба для того, чтобы *поднять* рабочих до *социал-демократического* политического сознания».

Так учил Ленин в статье «Что делать?». И поскольку интеллигенция добросовестно выполняет эту роль «революционной бациллы» по отношению к своему классу и к своему народу, Ленин не устает восхвалять ее революционные заслуги в деле раскрепощения человечества.

«Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация... *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами».

И чем больше мы ненавидим свое рабское прошлое, тем сильнее гордимся мы героизмом и подвигами нашей революционной интеллигенции, тем выше мы ставим тех рыцарей духа, которые перешли на сторону угнетенных и подняли знамя революции.

Именно с этой точки зрения расценивает Ленин и Льва Толстого:

«Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней. Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества,— и потому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самые слабые стороны его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, вредных как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции» (Речь идет, конечно, о революции 1905 года).

В этом резко-революционном отношении Толстого к цивилизованному варварству, в его взглядах на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм и заключается главный источник замалчивания подлинного Толстого всем буржуазным обществом, которое в сущности глубоко ненавидит Толстого.

«Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами, — пишет Ленин.— Они отделываются теми пустыми, казенно-либеральными, избито профессорскими фразами о «голосе цивилизованного человечества», о «единодушном отклике мира», об «идеях правды, добра» и т. д., за которые так бичевал Толстой — и справедливо бичевал — буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, — не потому, что мешает цензура: наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения, а потому, что каждое положение в критике Толстого есть *пощечина буржуазному либерализму*,— потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики» («Л. Н. Толстой»).

Но, воздавая по заслугам Герцену, Чернышевскому и Толстому, как истинным интеллигентам-революционерам, Ленин не скупится на проявление глубочайшего презрения к той буржуазной интеллигенции, которую он рассматривает под общим названием «либерально-народнической» или «мещанско-народнической». Ленин проводит резкую границу между народниками старой формации и так называемым новым народничеством. Из них первое он называет крестьянским, а второе—мещанским народничеством.

«Выражение «мещанский» употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова. Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — вот два признака, составляющие понятие «мелкого буржуа», Kleinbürger'а или, что то же, мещанина. Сюда подходят, таким образом, и крестьянин, и кустарь, которых народники ставили всегда на одну доску — и вполне справедливо, так как оба представляют собой таких производителей, работающих на рынок, и отличаются лишь степенью развития товарного хозяйства. Далее, я отличаю старое и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального «общества» и «шли в народ». Теперь не то: капиталистический путь развития России никем уже не отрицается, разложение деревни — бесспорный факт. От стройной доктрины народничества с детской верой в «общину» остались одни лохмотья».

На практике дело свелось к тому, что как только экономическое развитие России ушло вперед, социальная идиллия «бессословной интеллигенции» мигом канула в Лету. Вместе с дифференциацией общественных сил и ростом мелкого собственника выступает на сцену и новый русский интеллигент. Он по-прежнему называет себя идеологом трудящихся, демократом, считает себя прямым последователем Чернышевского и наследником «Народной Воли», но, пользуясь терминологией старой революционной интеллигенции, он на деле оказывается выразителем мелкой буржуазии и откровенно усвоивает все специфические особенности этого класса: двуличие, двойственность, неустойчивость, тяготение к крепкому буржуазному меньшинству и отталкивание от большинства, обречен на роль неудачника в борьбе. На протяжении целого десятилетия Ленин ведет неустанную борьбу с этим новым народничеством, анализирует, разоблачает, сопоставляет взгляды новых интеллигентских теоретиков со взглядами Чернышевского и в обширных, тонко продуманных и беспощадно доказательных научных и публицистических статьях («Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», «Экономическое содержание народничества», «Революционный авантюризм», «Что делать?») вскрывает вырождение народничества в мещанский оппортунизм.

«Несомненно, — формулирует Ленин свои выводы, — успех громадный и неоспоримый. Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова), и успех этот и это громадное распространение вширь достигнуты путем опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии».

Чем дальше развивается товарное хозяйство, тем сильнее и резче выступают эти качества мещанского народничества, тем яснее становится, что идеализация мелкого производства, положенная в основу народнической программы, выражает лишь реакционную, мелко-буржуазную сущность ее идеологов. Вместе с тем огромное большинство русской передовой, либеральной, «демократической» и «бессословной» интеллигенции стало интеллигенцией буржуазной. То-есть повторился тот самый процесс, который происходил всегда и везде. Всегда и везде буржуазия восставала против отживших сословных привилегий во имя «бессословности», всегда и везде буржуазия выступала против феодальных учреждений во имя всего «народа», поскольку ненавистные учреждения действительно стесняли «весь» народ, а классовые противоречия внутри народа еще не достигли заметного развития. Но как только сословному русскому феодализму был нанесен решительный удар (1861 г.), «бессословность» нашей интеллигенции разлетелась, как дым, и интересы различных классов обнаружились во всей своей социальной противоположности.

«Состав «интеллигенции» обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в послед-

нем царит и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии, — «интеллигенция», довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет. Наши радикалы и либералы не только не отрицают этого факта, а, напротив, усиленно подчеркивают его, надсаживаясь над доказательствами безнравственности этого, над осуждением, усилиями разгромить, пристыдить... и уничтожить. Эти наивные претензии *устыдить* буржуазную интеллигенцию за ее буржуазность так же смешны, как стремления мещанских экономистов напугать нашу буржуазию (ссылаясь на опыт «старших братьев») тем, что она идет к разорению народа, к нищете, безработице и голоданию масс; этот суд над буржуазией и ее идеологами напоминает тот суд над щукой, который порешил бросить ее в реку. За этими пределами начинается либеральная и радикальная «интеллигенция», которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п., любит плакать о 60-х г.г., когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии и все сердца горели демократизмом».

Подробному анализу всех разновидностей этой либеральной интеллигенции — от либеральных Балалайкиных до «радикальных слюнтяев» из «Товарища», от представителей «аналитической» профессуры до «вехистов», «струвистов» и мистических идеалистов включительно — он посвящает ряд едких памфлетов, давно составляющих украшение нашей социалистической публицистики. Таковы «Всероссийский съезд адвокатов», «Русский радикал задним умом крепок», «Памяти графа Гейдена», «Уроки московских событий», «Последнее слово русского либерализма» и друг. Больше всего внимания уделяет он адвокатуре и публицистам, этим forts détachés — крепостям-говорильням, языки и перья которых представляют собою самых бойких приверженцев бакалейно-парламентской системы.

«Адвокаты, — писал Ленин по поводу «Всероссийского съезда адвокатов» в 1905 году, — защитники буржуазных прав, и буржуазия всегда выдвигала их на почетное место... Естественно было ожидать, что и в начавшемся в России движении, этом предисловии к буржуазной революции, адвокаты займут соответствующее место, выступят носителями идей революционной буржуазии, явятся выразителями ее настроений. И всероссийский съезд адвокатов, действительно, представляет в этом отношении много характерного... Съезд адвокатов не пожелал выставить реальных требований, проведение которых в жизнь способно действительно улучшить положение трудящейся массы. Он отказался от родства с последовательно демократическими течениями русской общественной мысли и предпочел утвердить свою духовную преемственность с щедринским Балалайкиным... Бесконечное количество адвокатского краснобайства начало диалектически переходить в качество, притом очень скверное качество — буржуазный страх за свою шкуру... В трехдневной болтовне съезда адвокатов отразился, как в капле воды, весь буржуазный либерализм с его блудливым вожделением конституции, с его угодли-

востью перед сильным еще самодержавием, с его корыстным и лицемерным народолюбием».

Еще с большей язвительностью обрушивается Ленин на холопскую угодливость «радикальных слюнтяев» и «слезоточивых дурачков» из «Товарища», левой интеллигентской газеты, выступившей с поминальным панегириком по поводу смерти основателя «партии мирного обновления», графа Гейдена.

«Тяжелая утрата... прекрасный образ... счастливый удел... был прежде всего *человек*»...

Так пишет газета «Товарищ», № 296, вторник, 19 июня 1907 г.

«Помещик, граф Гейден благородно либеральничал до октябрьской революции. Сейчас же после первой победы народа, после 17 октября 1905 года, он без малейших колебаний перешел в лагерь контр-революции, в партию октябристов, в партию озлобленного против крестьян и против демократии помещика и крупного капиталиста. В I Думе сей благородный мужчина защищал правительство, а после разгона Первой Думы договаривался — но не договорился — об участии в министерстве. Таковы основные крупнейшие этапы в жизненной карьере этого типичного контр-революционного помещика.

«И вот являются прилично одетые, просвещенные и образованные господа с фразами о либерализме, демократизме, социализме на устах, с речами о сочувствии делу свободы, делу крестьянской борьбы за землю против помещиков, господа, которые располагают фактически монополией легальной оппозиции в печати, в союзах, на собраниях, на выборах, и проповедуют народу, вознеся очи горе: «Редкий и счастливый удел! Покойный граф был прежде всего человек».

«Да, Гейден был не только человек, но и гражданин, умевший возвышаться до понимания общих интересов своего класса и отстаивать эти интересы весьма умно. А вы, господа просвещенные демократы, вы — просто слезоточивые дурачки, прикрывающие либеральным юродством свою неспособность быть чем-либо иным, как культурными лакеями того же помещичьего класса.

«Влияние помещиков на народ не страшно. Обмануть сколько-нибудь широкую рабочую и даже крестьянскую массу сколько-нибудь надолго никогда им не удастся. Но влияние интеллигенции, непосредственно не участвующей в эксплоатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей свое междуклассовое положение в принцип внеклассовых партий и внеклассовой политики,—влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно. Тут, и только тут, есть на-лицо заражение широких масс, способное принести деятельный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой».

«—Гейден был человек образованный, культурный, гуманный, терпимый, — захлебываются либеральные и демократические слюнтяи, воображая себя возвысившимися над всякой «партийностью», до «общечеловеческой» точки зрения.

«Ошибаетесь, почтеннейшие. Эта точка зрения не общечеловеческая, а общехолопская. Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, в бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам...

«... — Гейден был убежденный конституционалист, — умиляетесь вы. Вы лжете или вы уже совершенно одурачены Гейденами. Называть перед народом, публично, убежденным конституционалистом человека, который основывал партию, поддерживавшую правительство Витте, Дубасова, Горемыкина и Столыпина, это все равно, что называть какого-нибудь кардинала убежденным борцом против папы...

«...Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика, его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современный российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследства, принадлежащий к кадетской партии или к кадетским подголоскам, учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа. Зрелище едва ли не более отвратительное, чем зрелище подвигов Дубасова и Столыпина...»

Чем определеннее и отчетливее становилась кристаллизация либеральной интеллигенции, тем легче сдавало свои позиции мещанское народничество, становясь добычей этих «беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов». Ленин внимательно изучает этот процесс превращения народничества, отравленного миазмами низкопоклонства, в разновидность либерально-мещанского движения.

«А в чем состоит это либеральное движение? — спрашивает Ленин.— В *попятном* движении, ибо свободой университета профессора пользуются и желают пользоваться не для революционной, а для противореволюционной проповеди, не для разжигания пожара, а для тушения его, не для расширения поля борьбы, а для отвлечения его от решительной борьбы на сторону мирного строительства с Треповым. Либеральное движение при обострении борьбы стало (мы видим это на деле) переметыванием от революционеров к реакционерам».

Так завершился роман «бессословной» интеллигенции с народом. Народничество превратилось в идеологию мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия влилась в широкое море общебуржуазных интересов. Активный либерализм сменился общественным индифферентизмом и начал мечтать о мирном сотрудничестве с Треповым. Конечно, причина этого лежит не только в мечтательном характере отечественной «бессословной интеллигенции», но главным образом, как поясняет Ленин,—в положении тех классов, из которых она выходила и от которых черпала силу; двуликий и неустойчивый мелкий производитель создал интеллигента по образу и подобию своему.

Народничество сошло на-нет, превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя марксизм.

III.

Марксистской интеллигенции Ленин, естественно, уделяет наибольше внимания. Основной ход его мысли остается тем же; только классы, наделенные творческой энергией, выдвигают интеллигенцию революционную и стойкую; тогда как интеллигенция промежуточных групп отличается шаткостью, неустойчивостью и мечтательным утопизмом. Оттого, доколе русский пролетариат находился в стадии формирования, марксистская интеллигенция переживала эпоху «бессословного марксизма». В ее рядах находились не только Прокоповичи, Кусковы и Португаловы, не только сотрудники «Товарища» и «Современного Слова», но даже Бердяевы и Струве и другие «самые левые представители нашего просвещенного, чуждого узкой подпольщины, демократического и т. д. общества».

Но медовый месяц марксистской маниловщины продолжался недолго. От кристаллизующегося пролетариата раньше всех отделились мелко-буржуазные попутчики с закваской мещанского народничества. Это те интеллигенты, которые под именем «левых кадетов» мотались все время между «трудовиками и передней Столыпина, клянчили, примиряли, обещали примирить, пока их не выгнали пинком солдатского сапога». Но, разумеется, расслоение марксистской интелигенции на этом не остановилось. Ряд статей, написанных Лениным за последние 30 лет, является великолепным комментарием к истории этого расслоения. Как и в народнической интеллигенции, Ленин различает в марксистской ителигенции две несливающиеся группы: подлинно революционную интеллигенцию, выдвинутую пролетариатом (большевики), и группу мещанских социалистов, состоящую из представителей оппортунистического мещанства. Из рядов этих последних вышли сперва сторонники так называемого «экономизма», а потом — меньшевики. Кто следил за борьбой большевиков с меньшевиками, тот не мог не заметить той аналогии, которую Ленин проводит между мещанским социализмом меньшевиков и мещанским радикализмом народников. И у тех, и у других Ленин отмечает любовь к общим фразам, мечтательность, неустойчивость, утопичность, склонность к уступчивости, соглашательству и переметчивости. Поэтому он и рассматривает меньшевиков, как марксистскую разновидность мещанской интеллигенции, одержимой постоянной готовностью укрыться под крылышко буржуазии.

«Меньшевики, — говорит Ленин в «Партийной программе», — слой не пролетарский. В этом слое только ничтожные верхушки пролетарские, а сам он состоит из мелкой интеллигенции».

Все многочисленные выступления Ленина против меньшевиков и направлены к разоблачению мещански-буржуазной природы меньшевизма — во всех его разновидностях, — от экономизма и ликвидатор-

ства до самых левых оттенков их; освобождению партии революционного пролетариата от мещанской интеллигенции. Этой перестройке партийных организаций на чисто пролетарском фундаменте и посвящена вся его политическая и литературная деятельность, начиная с эпохи ликвидаторства. Оттого-то Ленин так равнодушно относится к бегству интеллигенции из социал-демократических организаций,—бегству, начавшемуся после разгрома революции 1905 г. и вскоре принявшему стихийный, панический характер. Он знает, что пробуждение пролетариата неминуемо вызовет создание новой пролетарской интеллигенции, и на смену бегущим придут чисто-пролетарские силы. И действительно, несмотря на бегство буржуазной интеллигенции, социал-демократические организации не гибли.

«Рабочие партийные гнезда, рассеянные в изобилии по округу, — пишет он в статье «На большую дорогу», — в большинстве случаев без интеллигентских сил, без литературы, даже без всякой связи с партийными центрами не желают умирать... Число организованных не уменьшается, а увеличивается... Интеллигентных сил нет, приходится вести пропагандистскую работу самим же рабочим, наиболее сознательным».

Но из этого не следует делать вывода, будто Ленин совершенно отказывается от работы буржуазной интеллигенции в пролетарской среде. Мы знаем, какое огромное значение Ленин приписывает интеллигенции в качестве «революционной бациллы». Еще задолго до Октябрьской революции Ленин твердо указывал, что «организация революционеров должна обнимать, прежде всего и главным образом, людей, которых профессия состоит в революционной деятельности (потому я и говорю об организации *революционеров*, имея в виду революционеров социал-демократов). Перед этим общим признаком членов нашей организации *должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов...*» («Что делать?»). Империалистическая война и крах II Интернационала снова выдвинули вопрос об интеллигентской неустойчивости, малодушии, соглашательстве и бегстве.

«Факты говорят о повальном присоединении к империалистам всех имущих классов, вплоть до мелкого буржуа и интеллигенции», — писал Ленин в статье «Крах II Интернационала». Но это не помешало Ленину выступить горячим защитником интеллигенции, как только власть перешла к пролетариату. Ленин прекрасно знает, что огромное большинство интеллигенции тянет к буржуазии, что буржуазии, а не пролетариату, несет она свои знания, свой технический опыт и уменье. Ленин знает, что «только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу; только социализм даст возможность сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния». Но ему хорошо известно также, что без усвоения капиталистической культуры не может быть культуры пролетарской. И призывая к созданию своей пролетарской интеллигенции, Ленин ни на минуту не забывал, что источник культуры и знаний — в руках представителей умственного труда, которые насквозь пропитаны

буржуазными навыками и взглядами. Поэтому все его обращения к молодежи и коммунистам дышат суровым протестом против разрыва со старой интеллигенцией. Горячо и настойчиво доказывает он молодежи, что строить коммунизм мы можем только из той суммы знаний, организаций и учреждений, из того запаса человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества. И чтобы не оставалось ни малейших сомнений, что речь идет не только о коммунистических книгах и знаниях, полученных нами в наследство от эпохи капитализма, что пролетарская культура должна явиться закономерным развитием всех, без исключения, запасов человеческого знания, Ленин категорически заявляет:

«Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы неумеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того коммунизм действительно требует» («Задачи союзов молодежи»).

Другими словами, одно коммунистическое знание, без промежуточных звеньев, каковыми являются технический опыт и культура всех предыдущих поколений, на практике ничего не стоит. Как капитализм неизбежно ведет к коммунизму, так и, обратно, коммунизм неизбежно вытекает из капитализма. И мостом между ними является старая наука со всем ее персоналом—старой интеллигенцией. Ленин энергично призывает учиться у буржуазных специалистов и всячески вовлекать их в дело коммунистического строительства и создания пролетарской культуры.

«Задача коммунистов (внутри «Гоэлро»), — говорит Ленин в статье «Об едином хозяйственном плане», — поменьше командовать, вернее, вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки, что по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему — лесовод и т. д. Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами *за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца*».

Отсюда единственный вывод:

Путь к пролетарской культуре лежит через смычку с интеллигенцией. Чтобы стать во главе своего класса, новая пролетарская интеллигенция должна вооружиться всем техническим опытом и всеми знаниями буржуазного общества, которые перейдут к ней по праву завоевания, как копье и щит побежденных.

ПЛЕХАНОВ КАК ТЕОРЕТИК ИСКУССТВА [1]).

А. Лежнев.

1.

На этот счет существуют два мнения. Одно из них, более распространенное, мы находим в статьях Л. И. Аксельрод, Фриче и некоторых др. Оно сводится к тому, что Плеханов является основоположником «научной эстетики», «науки об искусстве на основах марксистской социологии» [2]). Другое высказал Л. Д. Троцкий в одной из своих статей об искусстве: «Одной своей стороной, и крайне существенной, Плеханов был марксистским Белинским, последним представителем этой благородной публицистической династии. Через литературу Белинские пробивали отдушину в общественность — в этом была их историческая роль. Литературная критика заменяла политику и подготовляла ее... Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Михайловский, Плеханов были каждый по-своему общественными вдохновителями литературы и еще более литературными вдохновителями зарождавшейся общественности» [3]).

Нетрудно видеть, что оба эти взгляда противоположны друг другу. В самом деле, к чему сводится беглая оценка деятельности Плеханова, как критика, заключенная в вышеприведенных словах т. Троцкого? К тому, что деятельность эта являлась критикой публицистической, т.-е. такой, для которой литературные произведения служат лишь поводом для высказывания тех или иных общественно-политических взглядов критика. Эта критика пробивала отдушину в общественность и заменяла политику. Но как бы мы ни расценивали «научную эстетику», какие бы принципы мы ни клали в ее основу, — ясно, что, как и всякая другая наука, она не может рассматривать предмет своего исследования как нечто постороннее, как повод для высказывания хотя бы и самых

[1]) Статья эта написана осенью 1923 года. Автор оставил ссылки на старые разрозненные издания Плеханова, хотя со времени написания статьи работы Плеханова по вопросам литературы и искусства успели выйти уже в Рязановском издании.

[2]) Предисловие к сборнику статей *Плеханова* «Искусство», стр. 6.

[3]) *Л. Троцкий*, Литература и революция, стр. 154.

передовых и необходимых для своего времени политических и общественных взглядов. Критика, которая поступает так, может иметь много разных достоинств и заслуг перед общественностью, но она прежде всего ненаучна.

Пойдем дальше. Тов. Троцкий со своей точки зрения вполне прав, когда ставит Плеханова в один ряд с Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Писаревым и Михайловским. Все они, даже до известной степени и Белинский, являются типичными просветителями. Публицистическая критика, как это прекрасно выяснил Плеханов, свойственна обычно «просветительным» эпохам и является следствием той отвлеченной точки зрения, на которой стоят просветители всех времен. «Отвлеченная точка зрения составляет отличительную черту всех известных нам просветительных периодов. С отвлеченной точки зрения видна только отвлеченная противоположность между истиной и заблуждением, между добром и злом, между тем, что есть, и тем, чему следовало бы быть. В борьбе против отжившего свой век порядка такой отвлеченный, а потому односторонний взгляд на вещи иногда даже очень полезен. Но он препятствует всестороннему изучению предмета. Благодаря ему литературная критика превращается в публицистику. Критик занимается не тем, что сказано в разбираемом им произведении, а тем, что можно было бы сказать в нем, если б его автор усвоил себе общественные взгляды критика [1]). Но отвлеченная точка зрения как нельзя более противоречит марксистской, диалектической. Определение т. Троцкого: «марксистский Белинский» — может означать, в том толковании, которое он придает литературно-критической деятельности Белинского, лишь одно: «марксистский просветитель». Но марксистский просветитель есть понятие внутренне-противоречивое. Его, в свою очередь, можно понять только так, что Плеханов в своих статьях о литературе и искусстве покидал марксистскую точку зрения и становился на точку зрения просветительскую.

Такая оценка Плеханова, конечно, не совместима с тем взглядом, согласно которому он является основоположником научной, марксистской эстетики. Если мнение тов. Троцкого справедливо, то Плеханов для нас, действительно, не более как преодоленная ступень, представитель «династии» критиков, ставшей ненужной «как раз с того времени, как на политическую сцену вышла пролетарская масса» [2]), и т. Троцкий в таком случае вполне прав, заявляя поэтам «Кузницы», что в наше время «вздыхать о Белинских значит обнаруживать — увы, увы! — интеллигентски-кружковую отрешенность совершенно в стиле... какого-нибудь благочестивейшего лево-народнического Иванова-Разумника. «Белинских нет». Но ведь Белинский был не литературным критиком, а общественным вождем своей эпохи» [3]). Не забудем только, что «Белинский тут взят,

---

[1]) *Плеханов*, В. Г. Белинский, сборн. статей, Госиздат, 1923 г., стр. 196.

[2]) *Л. Троцкий*, там же.

[3]) Там же.

разумеется, не как лицо, а как представитель династии русских критиков» [1]),—той династии критиков-публицистов, к числу которых относится, по мнению тов. Троцкого, и Плеханов, так что слова, направленные по адресу Белинских, обращаются в полной мере и в сторону Плеханова.

Итак, перед нами два противоположных взгляда. Какой же из них верен? Кто Плеханов: критик-публицист, просветитель или основоположник науки об искусстве на основах марксистской социологии? Проще всего ответить на этот вопрос, ознакомившись со взглядами Плеханова на роль и задачи критики, на роль и задачи эстетики.

«Задача истинной эстетики состоит не в том, чтобы решать, чем должно быть искусство, а в том, что̀ такое искусство. Другими словами: эстетика не должна рассуждать об искусстве, как о каком-то идеале, который может осуществиться только в теории: нет, она должна рассматривать искусство, как предмет, который существовал давно прежде ее и существованию которого она сама обязана своим существованием», — эти слова Белинского Плеханов особенно охотно и часто повторяет, считая заключенную в них мысль «поистине гениальной, вполне достойной человека, воспитавшегося на гегелевой диалектике» [2]). Он дополняет ее аналогичными рассуждениями Ипполита Тэна: «Новый метод, которому я стараюсь следовать... заключается в том, чтобы смотреть на человеческие произведения и, в частности, на произведения художественные, как на факты и явления, которым должно обозначать характеристические черты и отыскать причины — и более ничего. Наука, понимаемая таким образом, не осуждает и не прощает; она только указывает и объясняет» [3]). И, наконец, ту же мысль высказывает он сам — с большой ясностью, энергией и силой: «Научная эстетика не дает искусству никаких предписаний. Она не говорит ему: ты должен придерживаться таких-то и таких-то приемов. Она ограничивается наблюдением над тем, как возникают различные правила и приемы, господствующие в различные исторические эпохи. Она не провозглашает вечных законов искусства, она старается изучить те вечные законы, которыми обусловливается его историческое развитие... Словом, она объективна, как физика, и именно потому, что чужда всякой метафизики» [4]). Я думаю, что не ошибусь, сказавши, что в этих положениях Плеханова действительно заключаются необходимые условия для всякой истинно-научной критики, для «научной эстетики» и что человек, придерживающийся таких взглядов, отвергающий категорию должного (выражение Плеханова), как нельзя более далек от точки зрения критики публицистической, просветительской. И мы на деле найдем в произведениях Плеханова не одно указание на этот счет. Отчасти они заключаются в приведенных мною в самом начале статьи словах его о просветителях

---

[1]) Там же.

[2]) *Плеханов*, Н. Г. Чернышевский, стр. 257.

[3]) Цитирую по книге *Плеханова* «В. Белинский», стр. 224.

[4]) *Плеханов*, Судьбы русской критики, Сборник «За 20 лет», 1908 г., стр. 158.

и односторонности их взглядов, мешавшей всестороннему изучению предмета. Но в других местах Плеханов выражается много определеннее и резче. Отдавая должную дань уважения просветительской критике, сыгравшей такую огромную роль в истории русской общественности, Плеханов вместе с тем находил, что время этой критики безвозвратно прошло. «Во времена Писарева русскому писателю невозможно было стать на указываемую нами точку зрения (т.-е. научную. *А. Л.*)... Но мы не думаем винить Писарева: мы говорим только, что странно было бы теперь заниматься такой критикой, какой он должен был заниматься по обстоятельствам своего времени. Теперь возможна научная литературная критика, потому что теперь уже установлены некоторые необходимые prolegomena общественной науки. А раз возможна научная критика, то публицистическая критика, как нечто от нее отдельное и независимое, становится смешным архаизмом» [1]... «Кто раз узнал великую общественную силу этой (научной) критики, тот уж не захочет браться за орудие критики «публицистической» (в кавычках), подобно тому, как человек, узнавший силу магазинного ружья, не вернется к первобытному луку» [2].

Могут возразить, что Плеханов говорит здесь о «публицистической» критике — в кавычках. Значит, есть какая-то публицистическая критика — без кавычек, которая им признается. Это возражение будет справедливо, но только в известном смысле. Плеханов, действительно, говорил, что научная критика не может не быть публицистической. Но почему? Именно в силу своей объктивности. «*Объективная* критика оканчивается *публицистической* именно постольку, поскольку она является истинно-научной... О научной критике можно сказать, что она тем ярче оттеняет общественное зло, чем объективнее ее анализ, т.-е. чем ярче и рельефнее она это зло изображает» [3]. Но ясно, что такого рода публицистичность не имеет ничего общего с публицистической критикой Писарева и других просветителей, пробивавшей отдушину в общественность и заменявшей политику.

Итак, по своим взглядам на задачи литературной критики и, вообще, эстетики Плеханов был очень далек от просветителей. Наоборот, отвергая категорию должного, Плеханов стремился поставить критику, эстетику на чисто-научную почву. Те требования, которые он предъявляет к критике, есть как раз необходимые предварительные условия всякого научного исследования. Тут мы имеем уже, до известной степени, ответ на поставленный нами вопрос: кем был Плеханов — критиком-публицистом, просветителем или основоположником науки об искусстве на основах марксистской социологии. Но только до известной степени. Плеханов мог не пойти дальше формулировки самых общих предварительных условий науки об искусстве, он мог оказаться непосле-

[1]) Там же, стр. 162
[2]) Там же, стр. 160.
[3]) Там же, стр. 159

довательным в применении собственных принципов — и хотя все эти предположения очень мало вероятны в отношении к человеку такой огромной теоретической силы и последовательности, как Плеханов, но все же надлежащим образом выяснить значение Плеханова в области исследования искусства может только разбор, хотя бы в самых основных чертах, его работ по этому предмету, вернее, того, что он дал в области метода и установки некоторых общих, исходных положений.

Но прежде чем перейти к этому разбору, я принужден сделать небольшое отступление — по поводу Белинского. Тов. Троцкий не совсем прав, относя его безоговорочно к «благородной публицистической династии». Публицистической, т.-е. просветительской, стала критика Белинского лишь в последний период его деятельности, как это опять-таки выяснено Плехановым в его статьях о знаменитом критике. Да и в этот последний период он далеко не всегда становится на отвлеченную точку зрения, но очень часто выступает перед нами как диалектик. «В высшей степени важно то, что в последние годы своей жизни он (Белинский) видит последнюю инстанцию для критики... в историческом развитии общественных классов и классовых отношений. От этого направления, совершенно тождественного с тем направлением, в котором развивалась философская мысль современной ему передовой Германии, его критика отклонялась только в тех случаях, когда он покидал точку зрения *диалектики* и становился на точку зрения *просветителя*» [1]). Белинский-диалектик, Белинский, писавший, что задача истинной эстетики состоит не в том, чтобы решать, чем должно быть искусство, а в том, что такое искусство, видевший последнюю инстанцию для критики в историческом развитии общественных классов и классовых отношений, заложил первые камни в здании научной эстетики. Именно он должен считаться — в России — действительным родоначальником науки об искусстве. Уже это одно не позволяет нам признать вполне правильным слова т. Троцкого: «Белинский был не литературным критиком, а общественным вождем своего времени». Но этим нисколько не опровергается то бесспорное обстоятельство, что он обладал особенными дарованиями именно в области литературной критики (в старину бы сказали: критик «божьей милостью»), и тот бесспорный факт, что в этой области он сделал у нас больше, чем кто бы то ни было, за исключением разве Плеханова. Слова самого Белинского: «Ну, какой я критик? Я памфлетист...» и т. д., вырвавшиеся у него в пылу раздражения цензурными условиями, стеснявшими его, суживавшими его размах, заставляя писать только о литературе, не могут считаться доказательными. Тов. Троцкий говорит, что в наше время Белинский был бы членом Политбюро. Это очень вероятно. Но, думается, он и тогда бы не перестал писать о литературе.

Но если все это так, то выходит, что т. Троцкий слишком сурово обошелся с поэтами из «Кузницы», сетовавшими в своей декларации на отсутствие у нас Белинских. Ведь ничто не дает нам права думать, что они

[1]) *Плеханов*, В. Белинский, стр. 212—213.

имели в виду именно Белинского-просветителя. Наоборот, с большим основанием можно предположить, что речь шла о том Белинском, который сохранил свое значение и в наши дни о Белинском-диалектике, о мыслителе, чьи гениальные догадки вошли составной частью в марксистскую науку об искусстве, о критике с несравненным художественным чутьем и вкусом. И если они сетуют на отсутствие у нас *такого* Белинского, то эти их сетования вполне понятны и законны. Во всяком случае, оснований для них наша современная крикливая, фразерская, псевдо-научная критика дает более чем достаточно. Но, пожалуй, поэты из «Кузницы» слишком уже углубились в прошлое. Не заходя так далеко и с большим основанием они могли бы взять как представителя научной критики Плеханова, который действительно является «марксистским Белинским», если только иметь в виду не Белинского-просветителя, а Белинского диалектика.

2.

Переходя к изложению взглядов Плеханова на искусство и методы его изучения, я должен сделать одну оговорку. Плеханов понимал свою задачу очень широко. «К решению поставленной им проблемы Г. В. Плеханов подошел со свойственной ему широтой взгляда и интереса, подвергая изучению не только литературу, но и пластические искусства и музыку... охватывая творчество как первобытных племен, так и высокоцивилизованных народов, и, кажется, нет ни одного принципиально важного в этой области вопроса, который бы не был им выдвинут: происхождение и сущность искусства, влияние на него среды, значение «гениальной» личности, факторы эволюции художественного творчества, форма и содержание и т. д.» [1]). Но именно ввиду такого разнообразия выдвинутых Плехановым вопросов не представляется возможным удовлетворительно изложить в сравнительно небольшой статье более или менее полно то, что им сказано и сделано в области изучения искусства. Приходится сильно ограничить свою задачу, затрагивая только главнейшие вопросы.

Для всякого серьезного исследователя искусства первый и основной вопрос—о задачах, границах и характере исследования. Мы уже выше видели, как поставил и решил этот вопрос Плеханов. Научная эстетика отбрасывает категорию должного, она не дает искусству никаких предписаний, она объективна, как физика, она не думает об установлении каких-либо вечных законов искусства, но старается изучить те вечные законы, которыми обусловливается его (искусства) развитие.

Эта мысль Плеханова не является целиком его собственностью. Она представляет собой лишь дальнейшее развитие, даже, вернее, вариацию, идей Белинского и Тэна. Плеханов брал у своих предшественников все, что представляло действительную ценность. В этом отношении он вполне оправдал примененные им к марксизму слова Гайма о Гегеле,

[1]) Предисловие к сборн. статей *Плеханова* «Искусство», стр. 5.

что тот привязывает к своей колеснице каждое побежденное им мнение. То обстоятельство, что в эстетическую теорию Плеханова входят составной частью элементы, взятые у его предшественников, не-марксистов, разумеется, нисколько не говорит против нее. Напротив. Когда строишь здание научной дисциплины, вовсе не необходимо каждый камень обтесывать самому. Умный строитель никогда не откажется из груды отесанных камней, оставленных теми, кто работал до него, выбрать подходящие и употребить их в дело. Разумеется, это не так легко: надо уметь выбирать, а иногда и изменять форму выбранного камня, так чтоб он оказался у места. Но Плеханов был умный строитель и умел выбирать.

Глубокая мысль о задачах научной эстетики — не единственная в этом роде. У Плеханова есть ряд положений, которыми он в той или другой степени обязан своим предшественникам. Мы с ними сейчас познакомимся.

Первое из них относится специально к поэзии. *Поэзия есть мышление образами*, в противоположность *науке* (а также философии, критике, публицистике), *являющейся мышлением силлогизмами*. Плеханов неоднократно приводит эту излюбленную мысль Белинского [1]), кладя ее в основу и своего «эстетического кодекса». В статье «Виссарион Белинский и Валериан Майков» он доказывает несостоятельность «углубления» В. Майковым этого будто бы недостаточного принципа. «Углубление» мысли Белинского Майковым заключалось в том, что специфической особенностью «художественной идеи» он считал ее способность «быть не только понятой, но и прочувствованной». «Художественная мысль зарождается в форме любви и негодования, и тайна творчества состоит в способности верно изображать действительность с ее симпатической стороны» [2]). Плеханову не составило большого труда показать, что эти определения несостоятельны. «Иное дело сочувственное (или несочувственное) отношение к тому или иному явлению в природе или общественной жизни людей, а иное дело — художественное изображение этого явления. Не всякий тот, кто «любит» или «негодует», способен быть поэтом. Любовь (или негодование) может быть условием возникновения художественной мысли — это, вероятно, и хотел сказать Майков, говоря: «художественная мысль зарождается в форме любви или негодования», — но и любовь и негодование — еще не художественная мысль. Майков смешал два понятия, которые необходимо отличать одно от другого» [3]). Эти слова Плеханова интересны вот в каком отношении: в последнее время старая формула В. Майкова опять как-будто возрождается. Так, т. Чужак утверждает, что «искусство есть временный *с преобладанием эмоции* метод жизнестроения». Согласимся условно с т. Чужаком, что искусство есть, действительно, метод жизнестроения — в его понимании. Но и тогда его формула,

---

[1]) Так, например: «В. Белинский», сборн. статей, стр. 43; «Искусство», сборн. статей, стр. 147.

[2]) Цитирую по статье *Плеханова*, там же, стр. 291.

[3]) Там же, стр. 292.

упуская из виду самый существенный признак искусства (в применении к поэзии — мышление образами), выдвигает свойства, хотя и присущие искусству, но не специфические для него, как эмоция.

То же относится, по существу, и к теории «заражения», заимствованной некоторыми критиками-марксистами у Л. Толстого («искусство — средство эмоционального заражения»). Само по себе это положение верно, но не заключает в себе ничего специфического для искусства. Способность действовать преимущественно на эмоциональную область не является исключительной особенностью искусства, свойственной ему одному Религия, например, тоже является одним из способов эмоционального заражения, при чем ее «заразительность» не может быть объяснена одной наличностью заключенных в ней элементов искусства. Можно найти менее одиозные параллели: агитация. Разница между майковским и толстовским определением та, что первое рассматривает искусство со стороны творчества, момента «производства», второе — со стороны восприятия, момента «потребления», но оба они исходят от одного и того же отправного пункта, от эмоции. И точно так же, как нельзя искать специфических особенностей искусства в «любви и негодовании», которые испытывает по отношению к тем или иным явлениям жизни художник, так нельзя их находить и в тех чувствах, которые испытывает зритель, слушатель, читатель.

Положение — «мышление образами» применимо, однако, не к одной поэзии. Его можно приложить и к живописи, графике, скульптуре. Собственно, за его пределами останется одна музыка. Важность этого положения заключается в том, что оно принципиально и резко разграничивает области науки и искусства, вернее — методы науки и искусства. Белинский и Плеханов проводили это разграничение лишь между поэзией и наукой. Им и в голову не могло притти, что когда-нибудь встретится необходимость в проведении такого разграничения также между наукой и пластическими искусствами. В наши дни им пришлось бы об этом подумать.

Второе положение: *искусство отражает, воспроизводит жизнь.* «Плеханов стоял на твердой почве реализма»,— пишет т. Л. Аксельрод (Ортодокс). «Искусство имеет своей задачей отражать действительность, но не только, как она есть, но так, как должна быть; иными словами, действительность в ее поступательном движении и развитии. Ясно таким образом, что долженствование, идеалы, которые должны найти свое отражение в художественном творчестве, также заключены в действительности» [1]). Но, признавая правильной и важной идею о воспроизведении действительности искусством, Плеханов, однако, нигде не развил ее подробно, систематически. У него мы найдем на этот счет, правда, довольно много указаний, но указаний разрозненных и отрывочных. Одно из них я приведу здесь. Речь идет об идее Шиллера-Канта: родство искусства и игры — которую отвергал Чернышевский

[1]) *Плеханов*, Искусство, стр. 18.

и считал правильной Плеханов: «Мы не можем согласиться с Чернышевским и тогда, когда он отвергает ту, усвоенную Шиллером, идею Канта, что искусство есть игра... Если, как это говорит Чернышевский, существенным признаком искусства является воспроизведение жизни, то искусство должно быть безусловно признано родственным игре, которая тоже воспроизводит жизнь не только у человека, но и у животного. Воспроизведение жизни в игре или в искусстве имеет большое социологическое значение» [1]).

Понятно, почему Плеханов сравнительно мало останавливался на мысли, что искусство есть отражение жизни. С одной стороны, тогда эта идея — уже со времени Белинского и Чернышевского — являлась общепризнанной и ни в ком не возбуждала сомнений. Подчеркивать ее являлось излишним. С другой стороны, слова об отражении искусством жизни имеют двоякое значение. Их можно рассматривать и как определенное указание на то, что в основе искусства лежит воспроизведение жизни, и как неопределенную, расплывчатую идею о связи между развитием литературы и общественной жизнью. И то и другое будет верно. Но в то время как в первом случае мы имеем конкретную мысль, обладающую известной — и крупной — ценностью и могущую служить одним из основных положений научной эстетики, во втором случае общее соображение о связи между жизнью и искусством нуждается для того, чтобы получить конкретный смысл и значение, в дальнейшем уточнении и разработке: «Сказать, что искусство есть отражение жизни, значит высказать хотя и верную, но все-таки еще очень неопределенную мысль. Чтоб понять, каким образом искусство отражает жизнь, надо понять механизм этой последней. А у цивилизованных народов борьба классов составляет в этом механизме одну из самых важных пружин. И только рассмотрев эту пружину, только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многоразличные перипетии, мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить «духовную» историю цивилизованного общества: «ход его идей» отражает собой историю его классов и их борьбы друг с другом» [2]). Одна из заслуг Плеханова и состоит в том, что он уточнил неопределенную идею: «Искусство отражает жизнь», осветив ее с точки зрения борьбы классов и показав на конкретных примерах, как эта борьба классов влияла на развитие искусства (особенно замечательна в этом отношении статья «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии»). Но об этом подробнее мы скажем дальше. Пока отметим, как широко понимал Плеханов отражение жизни искусством: «Задача искусства заключается в изображении всего того, что интересует и волнует общественного человека» [3]).

---

[1]) *Плеханов*, Н. Г. Чернышевский, стр. 221.
[2]) *Плеханов*, Искусство, стр. 126.
[3]) Там же, стр. 212.

Из только что цитированных слов Плеханова, а также из общего смысла положения: «Поэзия есть мышление образами, наука—силлогизмами» —следует, что нет какой-то особой, заповедной области искусства; предмет искусства тот же, что и науки: жизнь во всех ее проявлениях. Разница не в объекте, а в «подходе». Это важное обстоятельство Плеханов подчеркивает в статьях о Чернышевском и Белинском.

Третье положение: *форма художественного произведения должна соответствовать его идее*. Эта мысль, которую мы также найдем в «эстетическом кодексе» Белинского, может на первый взгляд показаться бессодержательной. Для того, чтобы показать, какое содержание вкладывал в приведенные слова Плеханов, как он их понимал и какое значение они имеют для критики, я приведу историю одного спора, в котором Плеханову пришлось на это положение опереться. Статья Плеханова «Искусство и общественная жизнь» вызвала ряд возражений т. Луначарского. Одно из этих возражений было следующим: по статье Плеханова выходит, что он как-будто признает существование абсолютных критериев. Так, он утверждает, что новейшее искусство переживает кризис безобразия. Но абсолютных критериев нет. Понятия людей о красоте изменяются. А раз так, то нельзя доказать, что современное искусство и в самом деле переживает кризис безобразия.

Плеханов ответил: «Я возражаю, что абсолютного критерия красоты, по-моему, нет и быть не может. Понятия людей о красоте несомненно в ходе исторического процесса. Но если нет *абсолютного* критерия красоты; если все ее критерии относительны, то это еще не значит, что мы лишены всякой *объективной* возможности судить о том, хорошо ли выполнен данный художественный замысел. Положим, что художник хочет написать «женщину в синем». Если то, что он изобразит на своей картине, в самом деле будет похоже на такую женщину, то мы скажем, что ему удалось написать хорошую картину. Если же вместо женщины, одетой в синее платье, мы увидим на его полотне несколько стереометрических фигур, местами более или менее густо и более или менее грубо раскрашенных в синий цвет, то мы скажем, что он написал все, что угодно, но только не хорошую картину. Чем более соответствует исполнение замыслу или, — чтобы употребить более общее выражение, — *чем больше форма художественного произведения соответствует его идее, тем оно удачнее* (курсив мой. *А. Л.*) Вот вам и *объективное* мерило. И только потому, что подобное мерило существует, мы имеем право утверждать, что рисунки, например, Леонардо-да-Винчи лучше рисунков какого-нибудь маленького Фемистоклюса, пачкающего бумагу для своего развлечения» [1]).

«Научная критика объективна», «поэт мыслит образами», «искусство воспроизводит жизнь», «форма должна соответствовать содержанию» — что за старые, избитые истины! Что нам могут дать эти, хотя

---

[1]) *Г. Плеханов.* Искусство и обществ. жизнь, изд. Моск. инст. журнал., 1922 г., стр. 79—80.

бы и бесспорные, общие места! — так, представляется мне, подумает не один читатель. И я уверен, что многие и многие из «левых» критиков презрительно пожимают плечами по поводу этих «банальностей» Плеханова. И, однако, нетрудно показать, что эти «общие места» обладают еще и сейчас огромной живой силой. Нетрудно показать даже, что при помощи только этих 3—4 положений, далеко не составляющих всего вклада Плеханова в эстетику, а представляющих скорее лишь ряд некоторых предварительных условий, можно до известной степени ориентироваться в хаосе современных течений в области теории искусства.

В самом деле, возьмем самый актуальный в настоящий момент [1]) вопрос — «производственное искусство». Какая мысль лежит в основе его? — Вот какая: искусство, изображающее жизнь, пассивно. Таким было все прежнее искусство, созданное эксплоатирующими и праздными классами. Но оно не годится для пролетариата. Художники до сих пор только известным образом изображали мир, но задача состоит в том, чтоб изменить его. Но если существенным признаком искусства является воспроизведение жизни, то бессмысленно ставить ему это воспроизведение в упрек. Искусство не может не воспроизводить жизнь. С другой стороны, ни на чем не основано приписывание этому воспроизведению жизни какой-то специфической пассивности и связывание его с психологическими и идеологическими особенностями эксплоатирующих классов. Воспроизведение жизни в искусстве не выдумано буржуазией или, вообще, каким бы то ни было классом эксплоататоров. Оно существует еще в искусстве племен, не знающих разделения на классы. То, что искусство последних десятилетий пассивно и расслаблено, объясняется не тем, что оно воспроизводит жизнь, — а рядом исторических причин, ходом экономического и общественного развития, целым рядом условий, приведших класс буржуазии к упадку. Искусство пролетариата будет тоже неизбежно воспроизводить (а значит, и изображать) жизнь, как искусство буржуазии, но только, разумеется, по-иному.

То же самое относится и к модному сейчас походу против «иллюзионизма» в театре, т.-е. против воспроизведения на сцене жизни, — воспроизведения, дающего иллюзию действительности. В сущности это лишь применение к частному случаю разобранных нами выше общих утверждений. Те самые крайние субъективисты, которые прежде заявляли: «Мне на вашу действительность наплевать. Я вижу предметы именно такими, и кто мне может доказать, что я не прав. Единственная реальность для меня — мое я», или: «Мы объелись сластями. Нас потянуло на капусту», — теперь уже аргументируют от Маркса и клянутся пролетариатом. Создается целая категория *пересмешников Маркса*, людей, мыслящих исключительно по поверхностной аналогии. Маркс говорит: Религия — опиум для народа. Пересмешники высвистывают: Искусство — опиум для народа. Маркс замечает: Философы лишь объясняли известным образом мир, но дело заключается в том, чтоб изменить его. Пересмеш-

[1]) Напоминаем, что статья написана в 1923 г.

ники подхватывают: Художники до сих пор лишь изображали известным образом мир, но задача состоит в том, чтоб изменить его. Все от Маркса: и Мейерхольд от Маркса, и «заумь» от Маркса, и Арватов от Маркса, и Чарли Чаплин от Маркса, и последний «рыжий» в последнем американском цирке — от Маркса. Далее, одной из характернейших особенностей новых «исканий» в искусстве является стремление к замене художественных приемов, художественного подхода — подходом научным, методами науки. На деле, конечно, ничего общего с наукой эти «искания» не имеют и вырождаются просто в поиски готовых формул, рецептов, которые бы позволили чисто механически «построить» любое произведение искусства, — философский камень для производства шедевров. Мы имеем такие рецепты в схеме «комического» у Маяковского, в математических формулах эмоций опытно-героического театра. Отзвуки того же — в замене живописи световой дисциплиной и во многом другом.

Рассмотренные нами положения эстетики позволяют установить всю ненаучность подобных попыток. «Поэзия есть мышление образами, наука — силлогизмами». Мы уже видели, что это изложение в известной мере приложимо и к искусствам изобразительным. Но оно нам говорит, что между художественными приемами и методами науки существует глубокое внутреннее различие и что идея построения искусства методами науки так же ненаучна, как ненаучна была бы и обратная тенденция: развивать науку приемами искусства. *Наукой может и должна быть эстетика, но не искусство.*

Наконец, опираясь на те же общие положения плехановской критики, мы можем утверждать, что, вообще, весь спор, поднятый вокруг вопросов искусства «левыми» критиками, ведется, по существу, неправильно, ненаучно. Научная эстетика, как мы видели, отбрасывает категорию должного. Наши критики снова ее вводят.

Когда мы говорили: искусство воспроизводит жизнь, мы просто констатировали присущее искусству свойство. Мы не утверждали: искусство *должно* воспроизводить жизнь, но замечали: насколько мы знаем, оно всегда это делало. Критики из «левых» тоже констатируют факт: да, говорят они, искусство всегда изображало жизнь. Но тут же прибавляют: Это неправильно. Оно *должно* делать вещи.

На этих нескольких примерах мы видим, что старые истины плехановской эстетики имеют еще крепкие зубы и в случае чего за себя постоять могут. Хоронить их, хотя бы и по первому разряду — рано Они избиты? Общие места? Хорошо. Но тогда остерегайтесь соглашаться с этими общими местами, не то они вас могут привести к самым неожиданным выводам.

(Окончание следует.)

СУДЬБА ДРАМАТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

(Очерк).

В. Волькенштейна.

I.

История производства и история потребления в искусстве.

Возможны два различных подхода к истории искусств.

Можно рассматривать историю искусства, как историю творческих изобретений в области данного искусства (по аналогии, напр., с историей математики, физики и т. д.). При таком подходе материалом истории искусства будут только произведения искусства в каком бы то ни было отношении оригинальные — только выдающиеся произведения искусства. Банальное искусство, как бы оно ни было распространено, в такую историю войти не может. При таком подходе, напр., в историю русской лирики Апухтин едва ли войдет, а Бенедиктов займет весьма сомнительное место. При таком подходе романы Вербицкой, несмотря на их чрезвычайную популярность (особенно в определенный момент: наиболее читаемый автор после Льва Толстого!), будут историком русского романа отметены с негодованием. Такая история сопряжена со строжайшим критическим отбором художественного материала: история художественного творчества по преимуществу.

Следует подчеркнуть, что такого рода подход к истории искусства с точки зрения художественного производства менее всего противоречит методу социологическому. Конструируя историю художественных произведений-изобретений, их смену и развитие, историк неизбежно вскрывает социальную почву, на которой эти произведения произросли. Строгий отбор такого рода произведений отнюдь не означает «эстетизма», «культа формы» и т. п.; оригинальность может быть и в «содержании» (говоря старым языком теории искусства, унаследованным от Гегеля). — Существенно только одно: такая история искусства не считается с популярностью художественных произведений; в зависимости от художественных вкусов, познаний и идеологических тенденций самого историка отбирает она свой материал.

Можно, однако, конструировать историю искусства не только с точки зрения художественного производства, но и с точки зрения художественного потребления, как историю социально-эстетической жизни определенной эпохи. При таком подходе историк будет также оценивать и отбирать; однако он будет отмечать не только положительные, но и отрицательные явления в области искусства, если только они имели широкое распространение. При таком подходе — романы Вербицкой или Арцыбашева, как бы они ни претили нашему вкусу, яркое общественно-бытовое явление, и обойти молчанием их нельзя. Увлечение «Саниным» в свое время дорого стоило русской молодежи: печальное, но значительное общественное явление. Поэзия Апухтина характерна для определенного момента и определенной среды и при таком подходе в историю искусства не может не войти. История произведений искусства с точки зрения потребления является, прежде всего, историей общественных вкусов. Она разворачивается в широкую социально-психологическую картину, она сливается с историей вообще; а для историка интересно все, что владело человеческими умами и сердцами, как бы отрицательно он ни относился к этим явлениям — это само собой разумеется.

История художественного производства и история художественного потребления — смешение этих задач приводит к методологической путанице. Быть может, историю искусства следует писать в два этажа: верхние полстраницы посвящены описанию и анализу подлинных и оригинальных произведений; нижние — более слабым произведениям, которые, однако, увлекали общество того же исторического момента, тем суррогатам, которыми оно питалось — потому ли, что подлинные художники (по разным причинам) не шли навстречу его желаниям, или вследствие недостаточного культурного развития общества, или оттого, что в данный момент отсутствовали подлинные таланты и макулатура, естественно, заполняла рынок. — Сопоставление верхнего этажа (подлинное искусство) и нижнего (суррогаты) могло бы натолкнуть на самые неожиданные и весьма любопытные наблюдения и выводы. Вопрос о взаимодействии готовых шаблонов и творческих изобретений в области искусства — живой вопрос современной теории искусства.

Следует добавить, что картина вкусов (потребления) определенного момента может быть весьма сложной. В один и тот же момент сосуществуют различные художественные тенденции, обычно связанные с определенными классами, но иногда — по разным причинам — увлекающие разные классы (хотя бы частично), — объединяя их тем самым в причудливые группы художественного потребления. Так, напр., стихи Апухтина имели в свое время успех у части аристократии (вероятно, по различным признакам барственности) и одновременно у мещанства (по признаку сантиментальности, чувствительности) — так, с другой стороны, стихи Пушкина таят в себе всеобъемлющую силу. Они неотразимы для всех классов общества (однако, в разные моменты — по-разному — в различных классах общества — воспринимаются отдельные произведения Пушкина — их отдельные черты).

Таким образом историк искусств — поскольку ему приходится сопоставлять и дифференцировать производство и потребление в области искусства — должен быть не только человеком большого художественного знания и понимания, но и историком вообще У него должен быть не только твердый и проникновенный художественный критерий, дающий ему возможность разбираться в изобильном материале, но и стройное социологическое воззрение: трудное и редкое сочетание [1]).

II.

Суррогаты искусства на театральной сцене.

Быть может, ни в одной области искусства макулатура не достигает такого прочного распространения, как в драме — я подразумеваю драму на сцене, драму в качестве материала сценического. — Здесь вопрос прямой статистики. — В этой небольшой статье я отнюдь не претендую на всестороннее разрешение проблемы о соотношении драмы и театра — я только хочу наметить пути к такому разрешению. А потому я ограничусь немногочисленными указаниями из истории театра, немецкого и русского. — На недоуменные вопросы, почему он так часто ставит пьесы Коцебу и так редко Шиллера, директор Веймарского театра Гете отвечал, что публика любит Коцебу и что театру нужны сборы. Гете прибавлял не без горечи, что, если бы публика интересовалась такими драмами, как «Торквато Тассо», он бы чаще писал для театра [2]).

Это замечание Гете наталкивается на естественное возражение: А! «Торквато Тассо». Но ведь это типичная литературная пьеса. Она перегружена длинными патетическими монологами, бедна драматическим действием. И далее — обычное рассуждение: есть пьесы для театра, напр., пьесы Коцебу, и пьесы для чтения, напр., «Торквато Тассо»; для театра несущественны литературные достоинства и т. д.

Я полагаю, что в основе этих рассуждений большое недоразумение. Я полагаю, что драм «для чтения» (то-есть только для чтения) не существует; что драма, которую нельзя играть — не драма, а либо трактат, либо поэма в диалогической форме — а если драма, то драма неудавшаяся (хотя бы частично и превосходная). Какие свойства драматического произведения (подлинного драматического произведения) придают ему сценичность — об этом речь будет дальше; здесь же я должен оговориться, что вижу в драме естественный сценический материал, *литературу театральных возможностей.*

---

[1]) Какое произведение искусства должно быть отнесено в верхний и какое в нижний этаж, этот вопрос подлежит в каждом отдельном случае особому рассмотрению: здесь указан только принцип рассмотрения.

[2]) Гете поставил 16 пьес Шиллера, 15 своих и более 100 Коцебу и Иффланда. Сведения эти почерпнуты из книги «Göthe als Theaterdirektor».

Все дело в том, *что драматическое произведение живет двойной жизнью*. Будучи самодовлеющим художественным произведением, оно в то же время предназначается для сцены. Его можно «ставить» и можно читать. Возражая тем, кто видит в пьесе, прежде всего, литературное произведение (как, напр., Брюсов, и еще резче, дойдя до отрицания театра, Айхенвальд), я буду также оспаривать распространенное в наши дни одностороннее утверждение, что пьеса пишется только для театра (это воззрение имеет весьма много поборников — Шпетта, Гвоздева, Радлова и др.). Пьесы читаются — быть может, не столь многими, как романы, но иногда с чрезвычайным увлечением; с этими фактом приходится считаться. Следует подчеркнуть, что читающий (рядовой читатель, не актер и не режиссер) воображает не актерскую игру, а то, что в пьесе изображено. *Пьеса есть одновременно сценический материал и законченное художественное произведение*. Сценическим материалом по преимуществу являются пьесы сценичные, но не художественные [1]). — Вглядываясь в историю немецкой драмы, мы наблюдаем, что не только такие пьесы, как «Торкват Тассо», т.-е. поэтические произведения, лишенные подлинной динамической остроты, при том рассчитанные на небольшой круг зрителя (весьма существенная причина театрального неуспеха!), но и драмы, дающие подлинный художественный сценический материал, сплошь и рядом вытеснялись сочинениями театральных ремесленников. Немецкая публика предпочитала Коцебу не только пьесам Гете, но и Шиллера.

Если мы проследим судьбу драм наиболее замечательных немецких драматургов, как, напр., Клейст, Геббель, Граббе, или — у австрийцев — Грильпарцер, мы увидим, что не их пьесами питался немецкий театр. При жизни Клейста (правда, умершего молодым, 34 лет отроду) была поставлена только одна из его семи драм, а именно, его замечательная одноактная комедия «Разбитый кувшин» — и успеха не имела [2]). Без особого успеха шли на сцене пьесы Грильпарцера (это заставило автора замолчать на долгие годы); театр решительно отвергал дерзкие драматические опыты Граббе; драмы Геббеля вызывали не столько интерес, сколько холодное уважение. В то же время на немецкой сцене процветали пьесы драматургов, чьи имена уже давно позабыты

В истории русской драмы мы наблюдаем сходное явление. Правда, по счастливому стечению обстоятельств, основой русского репертуара

---

[1]) Оба односторонних взгляда на природу драматического произведения имеют свою историю. Еще Флобер отрицал театр, как искусство, требуя от произведений искусства незыблемой законченности, неповторимости, отрицая возможность вариаций художественного образа. Еще Гете говаривал, что пьесы, в конце концов, не следует печатать, а нужно хранить при театрах, где они ставятся. — Но зачем лишать людей удовольствия прочесть хорошую драму?

[2]) Гете разделил ее на три акта, поставил закрытым спектаклем; спектакль не понравился, и пьеса была немедленно снята. — «Кетхен из Гейльбронна» была автору театром возвращена, «Битву Арминия» запретила наполеоновская цензура и т. д.

второй половины XIX и начала XX века оказались пьесы Островского; вообще, русская художественная драма, более скромная по своим заданиям, почти сплошь реалистическая, оказалась более доступной вкусам широкой театральной публики, нежели драма немецкая, развивавшаяся на пути трагедийной патетики; однако и в русском театре сравнительно успешно привившийся к сцене художественный репертуар часто бывал оттеснен, задавлен макулатурой, увлекавшей и театры и публику. Подобно тому, как в беллетристике вслед за романами Л. Толстого наибольший успех имели в свое время романы Вербицкой, так и на провинциальной сцене пьесы Островского долгие годы конкурировали с пьесами Софьи Белой, посейчас весьма популярной в широкой провинции. Еще недавно Ермолова играла «Светлый путь», а Художественный театр ставил «Осенние скрипки». Разбираясь в провинциальном репертуаре, мы натолкнемся на чрезвычайный успех таких пьес, о существовании которых в столицах даже не подозревают и названия которых не стоит вспоминать.

Причина такого успеха, во-первых, в некоторых свойствах этих произведений — в их «сценичности». Не будучи произведениями художественными, они удобны для сцены и в этом смысле являются благодарным театральным материалом. Во-вторых, в психологии актеров, в склонности актеров именно к такого рода произведениям. В-третьих, в свойствах театрального восприятия — со сцены легко воспринимается динамика пьесы, но с трудом — поэтическая красота драматического диалога.

III.

Сценичность и художественность драматического произведения.

В чем заключается пресловутая сценичность?

Сценичность драматического произведения прежде всего в строго-выдержанном волюнтаризме его элементов, в действенном характере драматических реплик, чередующихся с действиями физическими, отмеченными в ремарках. Драма сценична только тогда, если слово в ней есть слово-деиствие.

Последовательность реплик действующего лица диктуется в каждой сцене стремлением к какой-либо конкретной цели, единым, цельным стремлением; эти стремления действующих лиц сталкиваются между собой в драматической борьбе. Драматическая сцена есть «поединок», по удачному выражению Ю. Баба. Для того, чтобы пьеса могла быть сыграна, для того, чтобы система реплик стала ролью, необходима такая целеустремленность драматического слова, однородного в этом смысле с действием физическим. Эта целеустремленность (сознательная или бессознательная) и дает актеру возможность действовать на сцене, фантазировать в действии — наполняя схему сценической динамики присущей

ему эмоциональной вибрацией, изобретая жесты и мимику, но всегда оставаясь в крепких рамках единого действия, намеченного автором. — Итак, хорошая роль есть последовательность действенных моментов, действий физических и действий-слов, сливающихся в единое цельное действие.

Общая композиция, архитектоника сценически-увлекательных пьес также отмечена определенными чертами. Действие таких пьес, обычно, развивается в нарастании, крепко приковывающем наше внимание. Такое нарастание достигается введением в борьбу все более энергичных и влиятельных персонажей и все более острых приемов борьбы. — Решительные столкновения в таких пьесах весьма часто заканчиваются эффектным ударом, внезапным и в то же время подготовленным всем предыдущим развитием сцены: сюда относятся, напр., так называемые реплики «под занавес» и т. д. Если эти эффекты сделаны со вкусом, они производят сильное впечатление. Следует признать, что так называемая сценичность — действенность реплик — нарастание — эффектное разрешение борьбы и т. д. — является бесспорным достоинством, более того, она связана с основными и необходимыми элементами драмы. Почти непрерывным нарастанием действия отличаются наравне с десятками тысяч безвкусных пьес и замечательнейшие произведения драматического искусства.

Чего же, однако, не хватает тем пьесам, которые мы называем сценичными, но не признаем художественными? — Очень многого.

Слово в драме многогранно. Для того, чтобы пьеса была жизнеспособна, достаточно, чтобы это слово было действенно; но для того, чтобы оно стало подлинной драматической поэзией, драматическим искусством, оно должно нас увлекать не только динамически, но и своей звуковой прелестью, увлекать своим образным, красочным содержанием и своей идейной остротой. Слово (реплика) в драме есть действие — звукосочетание — ритмическая фигура — образ (метафора) — мысль (идея). Действенная первооснова волевого усилия облекается иногда в самую причудливую форму внезапного и парадоксального красноречия. Борясь словом, обмениваясь в споре разительными доводами, желая убедить друг друга, герои драмы действуют риторикой, образной и диалектически-заостренной. Таким образом, как метафора, так и отвлеченная сентенция, рассуждение, афоризм, имеет в драме значение орудийное — на потребу страсти, драматического действия. И тем не менее — помимо фонетического и ритмического творчества — именно в этой расцветке художественная сила драматурга. Богатством мысли и фантазии отмечены все великие произведения драматического искусства. Но образная ткань «Ревности» Арцыбашева или «Осенних скрипок» Сургучева менее всего напоминает радужный покров поэтического произведения. — Поэзия проникает на сцену, как нечто необязательное и, обычно, с трудом.

IV.

Психология актера.

Как это ни парадоксально, но именно такие сценические и мало поэтические произведения таят для актера особый соблазн. Это наблюдение относится не только к провинциальной актерской массе (в провинции, где спектакль готовится иногда в 1—2 репетиции, особенно разбираться в пьесе не приходится); нет, именно выдающиеся и культурные актеры берутся за сомнительные драматические произведения, усматривая выгодную для себя роль. — Это требует некоторого разъяснения.

Следует различать в актере культурного человека, отличающегося художественным вкусом, — и актера-творца, создающего сценические образы. Интересы того и другого не всегда совпадают. Актеру-чтецу, актеру-критику дорога художественная природа драматического произведения; актеру-творцу нужна, прежде всего, действенная острота реплики — ее волевой стержень. Эта динамика возбуждает его фантазию, в то время как поэтическая форма реплики его связывает и может его отпугнуть.

Я не сомневаюсь в том, что многие актеры сочтут себя задетыми такими наблюдениями и рассуждениями и захотят подчеркнуть свою склонность к высоко-поэтическим произведениям драматического искусства. Уважение к слову есть лозунг каждого серьезного театра. Повторяю — как чтецам, как работникам культуры, актерам нельзя не поверить; они не могут не любоваться словом, они видят преимущество драматурга-поэта над драматургом-ремесленником; но для актера-творца сила мысли, красота метафор во многом только помеха. Самодовлеющее звучание слова ставит границы актерскому воображению. Драматург дает актеру общее направление — схему волевого устремления; конкретное воплощение образа средствами собственного тела и голоса принадлежит актеру: в мизансценах, движениях, жестах, мимике и интонациях проявляется его фантазия. В этих элементах сценической интерпретации он творец, он свободен. Не свободен автор в выборе самого слова. Импровизация на заданную автором тему есть вольное творчество, связанность словом превращает творчество актера в «исполнение».

Не следует преувеличивать разницы между оригинальным творчеством и исполнением; исполнение может быть творчеством, а «творчество» — вялым подражанием. Скованный чужим словом, актер может тем не менее дать ему оригинальное толкование. Слово может звучать по-разному — в зависимости от общей концепции роли, ее «единого» действия. Слово может иметь разнообразный резонанс, различную глубину. Станиславский указывал разные типы исполнения роли Чацкого: можно играть Чацкого — влюбленного, озлобленного на общество,

мешающее его любви; можно в нем подчеркнуть патриота-протестанта и, наконец, наиболее глубокое толкование придает роли Чацкого пафос свободолюбия, уже выходящего за пределы узко-национального протеста. Можно играть Чацкого героически, так сказать, условно, не давая многословным монологам Чацкого психологической, реалистической мотивировки. Можно трактовать его, как неуравновешенного юношу, не считающегося в своем неудержимом негодовании с тем, кто и как его слушает — и этим дать его многословию психологическое оправдание и т. д. Различная интерпретация роли будет сказываться не только в разнообразии сценической динамики, но и в различном звучании слова, в различных эмоциональных и идеологических оттенках этого звучания. Потому-то одну и ту же роль могут играть многие актеры; природа драматических ролей относительно-схематична (сравнительно, напр., с характеристиками романа): они дают простор для разнообразной интерпретации. Говорят, правда, о необходимой конгениальности актера с автором; но конгениальность не есть тождество; творчество актера в том и состоит, что он привносит в свою роль неожиданные черты. Мало того: в исполнении одного и того же актера, естественно, меняются со спектакля на спектакль движения, жесты и т. д. в связи с меняющимися эмоционально-идеологическими оттенками, которые исполнитель вносит в свою роль. Звучание слова меняется, вибрирует; неподвижна только логически-смысловая концепция реплик. Но именно поэтому незаменимость реплики должна быть для актера тягостна. Чацкий — влюбленный, Чацкий - националист, Чацкий - протестант, будущий декабрист — и всегда одни и те же, четко выкованные, слова! Это, конечно, неестественно. Чем даровитее, изобретательнее, оригинальнее актер, тем мучительнее для него зависимость от автора — твердая фиксация слова. Чем рельефнее, чем ярче слова автора, тем они навязчивее. Роль, написанная драматургом-поэтом, роль, из которой слова не выкинешь, — такая роль требует от актера крайне осторожного исполнения, какой-то очень твердой комбинации творческих элементов, которая соответствует великолепно отчеканенному авторскому слову. Автор угнетает актера, создавая ему такой труднейший экзамен. Сыграть роль Отелло или Чацкого — об этом должен мечтать (и об этом мечтает) каждый одаренный актер, но это будет венцом его творческих усилий.

Я говорю «какой-то комбинации», ибо нельзя, конечно, требовать буквального перевоплощения; на пути такого требования можно дойти до сомнительной метафизики. Раз дело идет о разнообразной расцветке и детализации данного автором образа, мы должны допустить возможность вариаций. Но где граница этой возможности? Что можно и чего нельзя изменить в образе, данном от автора? Где начинается искажение и разрушение авторского образа в актерской передаче? Здесь возникает ряд сложных эстетических проблем, порождающих весьма зыбкое актерское самочувствие. Двойственная природа драматического произведения — законченное художественное, поэтическое произведение и сценический

материал — ставит актеру двойственную задачу: надо передать автора и создать нечто свое; надо найти себя в авторе или, точнее, найти авторский образ в себе. Актер должен, будучи оригинальным, добиться сходства с образом автора — и создать тем самым иллюзию перевоплощения: крайне редкий случай. Обычно, увлеченные актерским исполнением замечательного драматического произведения, мы все же ясно видим искажение авторского образа. Само по себе это не столь печально: актерская игра есть нечто самоценное; но чуткий актер не может не томиться тем, что он неизбежно искажает Шекспира.

С другой стороны, пьесы сценичные и мало насыщенные поэтически, возбуждая своей динамикой актерскую фантазию, не предъявляют строгих требований к толкованию ролей. Здесь слово нечеткое, приблизительное, его можно изменить, и, во всяком случае, актер не ощущает его власти над собой [1])

Актер играет Чацкого — и актер играет адвоката из «Осенних скрипок»: два различных творческих процесса. В первом случае, автор актера крепко связывает; во втором — задача упрощается, здесь актер имеет дело не с художественным произведением, а только со сценическим материалом. Здесь он принимает роль только, как тему, только, как намек, и чувствует себя полновластным хозяином сцены. Такой процесс имеет для актерского самочувствия большие преимущества. Можно возразить: есть особое наслаждение для актера в том, чтобы бросить в публику меткий афоризм, остроумное, крепкое гоголевское слово. Это верно. Но наслаждение это творческое лишь постольку, поскольку актер сопровождает это слово ярким жестом, движением или интонацией. Иначе это наслаждение верным эффектом за счет автора. И не такими моментами измеряется сила актерского вдохновения.

Чистейшим образцом актерского творчества была, конечно, comedia dell'arte и, отчасти, проходные комедийные сцены пьес (например, шекспировских), где актеры сами создавали текст.

Как бы мы ни различали основные типы актерской игры [2]), следует признать, что для каждого оригинального актера приспособление к худо-

---

[1]) Как легко отделима актерская работа от точного авторского слова, было видно по лабораторным репетициям Московского Художественного театра. Станиславский в начале работы решительно запрещал актерам выучивать текст. Десятки первых репетиций актеры искали действенного рисунка роли, произнося слова вполголоса, шопотом, приблизительно. И только ориентировавшись в последовательности волевых задач, овладев рисунком роли, актер начинал точно выучивать текст. Конечно, здесь мы имеем дело с особым методом театральной работы, но этот метод свидетельствует о том, что динамическая первооснова пьесы от текста легко может быть оторвана.

[2]) Станиславский делит актеров на актеров-ремесленников, на актеров представления и актеров переживания (весьма неудачный сугубо-натуралистический термин). Можно говорить об актерах, имитирующих образ, который они играют, и актерах, способных к перевоплощению и т. д. по разным принципам эстетики или психологии творчества.

жественному авторскому тексту — трудная, иногда совершенно неестественная задача [1]). Только актеры-декламаторы (весьма нерусская школа!) принимают авторский текст без всякого сопротивления; глубокий и чуткий актер-творец неизбежно вступает с автором в мучительную борьбу — и, естественно, предпочитает подчас пустые, сценичные пьесы, в которых он может быть интересен, не переживая столь трудных испытаний [2]). Так композиторы, авторы романсов, сплошь и рядом предпочитают бледные, бесцветные тексты, избегая поэтов замечательных. Стихотворение Тютчева завершено в себе, трудно к нему что-либо прибавить музыкой; между тем Апухтин или Ратгауз возбуждают фантазию композитора и ни к чему не обязывают. В иных случаях полезнее сотрудничество ремесленника, нежели изобретателя, и в актерской практике таких случаев полезного сотрудничества с драматургом-ремесленником очень много.

Слабая пьеса — превосходное исполнение: такой спектакль может быть блестящим моментом в истории театра, но в истории драмы пьеса займет место только в нижнем этаже — в истории потребления.

V.

Психология зрителя.

Перейдем, наконец, к зрителю, властно диктующему театру свою художественную волю — и мы увидим, что вкус зрителя и выбор актера совпадают.

---

[1]) Здесь идет речь не о тех случаях, когда роль актеру не подходит, но именно о тех, когда роль актером приемлется, как органически ему подходящая.

[2]) Современный театр пытается решительно отделаться от авторского гипноза и подойти к самым прославленным классическим пьесам, как к сценическому материалу, изменяя их композицию и текст. Однако такого рода поединки грозят театру слишком частыми поражениями. Как на наиболее удачный опыт в этом роде указывают на «Лес» в постановке Мейерхольда. Однако переработка «Леса» навряд ли является опытом показательным. Мейерхольд остро подметил в «Лесе» недостатки экспозиции, растянутой на два акта, в которых действие происходит одновременно, и энергично свел их в один акт, в чередование параллельных сцен и т. д. Он произвел радикальную переработку бытовой комедии в фарс, в сценическую буффонаду; но это может сделать только большой мастер сцены, и в этом спектакле напрасный соблазн для более слабых художников. За Мейерхольдом и Немирович-Данченко попробовал перекроить коренным образом «Кармен», превратить пылкую оперу Бизе в какую-то мистерию, и опыт совсем не удался. На основании «Леса» нельзя делать общих выводов; напротив, театрам следует рекомендовать строго придерживаться текста в художественных драматических произведениях. Наконец, «Лес» не во всех своих элементах пьеса замечательная, а «Ревизора» и Мейерхольд не станет переделывать, *этих* слов мы ему не уступим. — В постановку «Ревизора» в МГСПС Бебутов вводит реплики и небольшую сцену во II акте из первоначального гоголевского варианта — и это, очень тонко сделанное, освежение привычного для нас текста уже воспринимается, как дерзновение.

По обычным свойствам театрального восприятия зритель должен избегать пьес поэтических и глубокомысленных; нужны особые условия для того, чтобы подлинный художественный репертуар его мог увлечь. И эти условия пока отсутствуют. История XIX века их создать не могла.

Проследить психологию театрального восприятия — при том на протяжении десятилетий — задача для большого самостоятельного исследования. Различные классы, различные социальные группы в разное время по-разному воспринимают одну и ту же пьесу. Различная сила актерского исполнения сказывается моментально на успехе пьесы. Экономические условия, политические события, наконец, состояние погоды и трамваев: судьба спектакля подвержена самым неожиданным воздействиям, и театральным антрепренерам хорошо знаком этот риск, сопряженный с каждой премьерой. Психология театральной публики ждет своего исследователя. В этой статье я намечу только те более или менее постоянные свойства театрального восприятия, которые характерны прежде всего для современного зрителя; эти свойства дадут объяснение тому факту, что зритель сплошь и рядом охотно посещает постановки мало художественных пьес.

Одной из естественных причин является, как уже указано, то, что актеры такими пьесами часто увлекаются: зритель всегда предпочтет сомнительную пьесу в хорошем исполнении скверному исполнению замечательного драматического произведения [1]). Но даже в талантливом исполнении пьесы, идеологически-насыщенные, художественно-значительные, утомляют зрителя — утомляют, заставляя его глубоко вслушиваться и вдумываться в авторские слова.

В драматическом театре зрение господствует над слухом. На сцене действенному слову параллельно сопутствует физическое движение и мимика, и эти параллели — движение, жест и мимика — воспринимаются легко и непосредственно, тогда как слово требует от зрителя и мысли, и большого внимания. Поэтому во впечатлении зрителя — будем говорить о том зрителе, которого мы наблюдаем воочию, о зрителе конца XIX и начала XX века — не пантомима сопровождает слово, но слово сопровождает пантомиму, наглядную динамику драматической борьбы.

Современный русский театр перерождается на наших глазах, все решительнее выдвигая пантомиму, как основу театрального зрелища. В Малом театре была некогда особая забота о слове, своеобразное умение его со сцены «подать» [2]). В Московском Художественном театре слово уже звучало, так сказать, под сурдинку. Наконец, в наши дни Мейерхольд — здесь идет речь о «Лесе», «Озере Люль» и «Д. Е» — окончательно превратил драматическое произведение в некий предлог для создания энергичной и увлекательной сценической динамики. Идя на-

---

[1]) Примеры встречаются в истории театра беспрерывно.

[2]) К сожалению, в репертуаре Малого театра было много нехудожественных пьес, как, напр., пьес Виктора Крылова, забота эта в таких случаях становилась неосмысленной.

встречу современному зрителю, слово на современной сцене окончательно теряет свое самодовлеющее значение. В театре XIX века художественные образы, созданные автором, превращались в роли, сентенции его героев — в реплики и вся пьеса — художественное произведение — в сценический материал. Ныне роли превращены в темы для ролей, реплики изменяются широко и свободно, пьеса театром трактуется уже не как сценический материал, а как приблизительный сценарий.

Театр возвращается к резкой «театральности»; он уже перекликается с comedia dell'arte. — Как отнестись к этому процессу?

Можно упрекать современный театр в чрезмерном пристрастии к циркачеству, в недостаточной серьезности, но надо предположить, что поэтическое содержание пьесы, идеи и метафоры, которыми насыщен диалог, во все времена воспринимались со сцены смутно и с трудом.

Эти грани драматического слова, столь яркие в чтении, на сцене сильно тускнеют. Здесь, прежде всего, может вредить быстрый темп исполнения, вызванный бурным напором действия, столь характерного, напр., для трагедии Ренессанса, английского и испанского. Кальдероновский монолог, произносимый в бешеном ритме испанской трагедии, напр., любовное объяснение в «Поклонении кресту» — ошеломляет зрителя: поток мятежных слов свидетельствует о силе страсти: но поэтическая красота монолога требует более медленного и вдумчивого восприятия, нежели это возможно в театре. Чем отвлеченнее, чем сложнее диалектика действующих лиц, тем с большим напряжением она зрителем воспринимается. «Быть иль не быть?», «Что ей Гекуба!» — глубокомысленные монологи Гамлета могут взволновать зрителя, *не знающего трагедии*, только как судорога мятежной воли, укоряющей себя в бездействии и тем самым подхлестывающей себя к борьбе; идейный смысл монолога еле скользнет по сознанию зрителя, не ознакомившегося с пьесой предварительно, до спектакля. Если же зритель начнет вдумываться в быстро произносимые слова, он скоро устанет: идеи на сцене — утомительны, действие — занимательно. Широкая театральная публика увлекается Шекспиром *наперекор* его диалектике, и шекспировская комедия, часто *вольно-обрабатываемая театрами*, обычно имеет больше успеха, нежели «Гамлет» или «Король Лир».

Успех «Гамлета» есть в сильной мере успех «Гамлета»-мелодрамы, но не «Гамлета»-трагедии. Это — прежде всего — успех увлекательной фабулы и таинственных сценических положений. Сцена — область движения; идеи проникают сюда как бы контрабандой. Быть может, такова судьба искусства — судьба литературы вообще? Только в тех случаях, когда художник занимателен, он может себе позволить быть значительным; в ином случае он не может рассчитывать на большой успех. Быть может, во всех областях искусства на широкий успех могут рассчитывать только произведения непосредственно увлекательные и в то же время проникнутые высокой мыслью — и произведения, предназначенные для пошлого развлечения: Лев Толстой и Вербицкая. Художник, мало занимательный, облекающий свой прочувствованный и важный

замысел в форму несколько угловатую, художник суровый, мрачный, создающий произведения более глубокомысленные, нежели обаятельные — Геббель, Граббе — у нас Сухово-Кобылин («Смерть Тарелкина»), а из поэтов Боратынский, отчасти Тютчев, — такой художник, как бы он ни был замечателен, никогда не будет господствовать во внимании публики. Чувственно-красочная, языческая природа искусства — то, что мы иногда называем «красотой» — требует культа; и часто публика принимает красивость за красоту. Однако именно история языческого театра говорит о возможности решительной победы серьезного искусства. В эпоху создания трагедии — перед лицом двадцатитысячной толпы разворачивалось зрелище суровое и насыщенное патетической идеологией. То было подлинное взаимодействие народной массы и высокой художественной мысли. Подобные же моменты подлинного духовного экстаза мы угадываем в английском театре елизаветинской эпохи; мы видели такие моменты и в нашем современном театре, но они слишком редки, случайны. И как ни оправдываешь сомнительный репертуар трудностью вовлечения зрителя в круг отвлеченных идей и т. п.,—все же слишком часто приходится наблюдать, как современный европейский театр идет по пути наименьшего сопротивления.

Что же нужно для того, чтобы утвердить на сцене высокую идеологию и сделать ее доступной современному зрителю?

VI.

О театре будущего.

Социальная форма театрального восприятия, огромный зрительный зал, наполненный сотнями и тысячами зрителей, диктует автору свои определенные и специфические задания. Там, где единовременным потребителем является масса, искусство не должно быть интимным. Каждое слово со сцены звучит в рупор — здесь не только акустика зрительного зала, но и акустика, так сказать, духовная, широкий резонанс коллектива — и оно должно быть достойно такого усиления. Театр будущего есть, прежде всего, театр общедоступный. Его поэзия, его идеология обращена к широким массам; пьеса, порожденная идеологией небольших социальных групп, пьесы утонченные, вымыслы изысканной фантазии, — традиция Метерлинка, отчасти Стриндберга, у нас Тургенева и Чехова — отпадают в новом театральном строительстве. Далее: это театр трагедийный. Новая поэзия возникнет на развалинах старой России, старой Европы; только драматург, проникнутый роковым взлетом революции, может участвовать в создании нового репертуара. Это будет театр героический. Уже в репертуаре наших дней мы видим отблески великого пожара, охватившего мир. В зеркале искусства пламя должно сделаться светом. Лишь тогда вернет себе театр обаяние своего прославленного прошлого, когда новая драма ярко и уверенно отразит лучшие

чаяния и величайшие потрясения — судьбу эпохи. Такую драму зритель не сможет не принять.

Проследить социальные и исторические условия для возникновения театра большого стиля, театра трагедийного — задача, не входящая в тему данного очерка. Можно, однако, указать на то, что здесь существенна, быть может, не столько высокая степень культуры, сколько особый стиль этой культуры. Античная трагедия и театр Шекспира были духовным расцветом на почве великих общественных сдвигов и пертурбаций. Наша современность также ставит перед драматургом поистине трагедийные антитезы. Для театра малоценно натуралистическое копирование нового, едва формулирующегося и быстро меняющегося, быта; драматург должен передать патетическую диалектику нашего бурного времени [1]).

Можно ли упрекать современного зрителя в том, что он недостаточно четко воспринимает Софокла, Геббеля, Ибсена? Нелюбовь зрителя к классическому художественному репертуару, предпочтение, которое он оказывает более легкому жанру, еще ничего не говорит в момент переоценки всех ценностей. Нужна новая, наша, современная патетика, новая героическая драма, новая трагедия. И тогда зритель будет готов не только к развлечению, но и к жертве, ибо нужна жертва для того, чтобы приблизиться к серьезному искусству: оно требует от зрителя затраты душевной и духовной энергии, внимания напряженного, восприятия патетического. В этом и заключается подлинное сотрудничество зрителя и театра, служение искусству. Но искусство должно оправдать себя, оно должно быть достойно такого строгого поклонения. И если в античном театре языческая мифология объединяла толпы в художественном празднестве, новый зритель будет с таким же подъемом и с такой же любовью созерцать подлинную трагедию современности.

---

[1]) См. мою статью «Пути современной драмы». — «Печать и Революция» 1923 г., кн. I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧАСТУШКИ.

А. М. Смирнов - Кутаческий.

I. Частушка в смене орудий производства.

Откуда пошла частушка? — Узнать причину явления значит найти пути к его пониманию. А частушка, при всей своей простоте, тонка и многогранна.

Как явление массовой жизни, стихийно захватившее всю территорию РСФСР, она связана с общим укладом нашей хозяйственной жизни и быта. Сейчас частушка разлилась как море. В ближайших же своих корнях она протягивает нити к все более обозначающемуся перелому нашего хозяйственного строя жизни. От земледелия—к фабрике, от безотчетных стихий — к индивидуализации, от патриархального быта — к новой культуре. Не напрасно частушка так широко разлилась в пору диктатуры пролетариата. Еще Григорович ухарскую разгульную частушечного типа песню связывал с фабрикой. Частушку встречали недружелюбно. С грустью об ней говорит Г. Успенский в статье «Новые народные стишки», как о поэзии переходного времени. Для него частушка — деревенская песня, хотя он говорит, что «какой-нибудь новой песни, которая бы вышла непосредственно из земледельческой среды, он не слышал»; но те песни, которые он приводит как песни рабочих, в сущности — частушки.

Нет, ребятушки, трудней
Как работа шахтарей:
Шахтер рубит, шахтер бьет,
Под землею ход ведет.

С кабака ползет детина
Как лутошечка гола...
Ой, гола, гола, гола,
В чем мамаша родила.

Действительно, родина частушки — фабрика, и весь процесс формирования и распространения ее стоит в связи с ростом у нас машинного производства. Вместо широко-раздольного приволья полей и лугов,

русский человек очутился у фабричного станка, среди ритмического стука машин, мелькания челноков, лязганья ремней. Весь его психический мир оказался схваченным, поглощенным этим ритмичным рабочим шумом, в силу чего его звуковой строй должен подчиниться равномерному машинному темпу. Сама механизация работы, вплоть до тейлоризации, требует этого. Бюхер в обстоятельном исследовании «Работа и ритм» доказывает, что народная песня произошла из рабочего ритма. Массой примеров из жизни первобытных народов и позднего времени он иллюстрирует, как музыкальный тон орудий производства вызывал соответствующие звуки у человека. Работы были преимущественно ручные, и каждая имела свою песню. Ритмичный стук при работе формировал психическую энергию и, вызывая эмоции, воплощенные в песне, облегчал однообразие работы, да и самую работу. Нечто подобное осталось в нашей «Дубинушке» или теперь ставшей игровой «Уж я сеяла, сеяла ленок». Частушка по своему музыкальному складу вся насыщена фабричным ритмом. Ее четко выраженный размер—хорей или ямб, без безголосого пиррихия—как нельзя больше соответствует четкому ритму фабричного станка.

При царе, при Николашке, ели пряники, барашки...
Та-та, та-та, та-та, та-та, та-та, та-та...

Самый четырехстопный размер стиха, замкнутый в четверостишии, придал частушке чеканную отчетливость. При всех музыкальных вариациях, в сущности частушки или «тарантушки», как их местами называют («Этногр. Обозрен.» 1899, № 1—2), все в одном темпе. Они *частят*, как равномерные непрерывные стуки у Гужона ли на фабрике или в маленькой мастерской. Конечно, все это не в том смысле, что частушка поется среди самой фабричной работы, что, впрочем, в иных условиях, вполне возможно; нет, длительный рабочий день, весь заполненный ритмичными стуками, так настраивает психику рабочего, что они выносятся вон, за пределы фабрики. Звуки звучат в ушах неотступно, навязчиво и невольно выливаются в соответствующего ритма песне. Стоит прислушаться, темп среднего русского производства, конечно, не больших заграничных трансмиссий — типичен для рядовых наших фабричных установок. Его мы услышим в бегущем поезде, в хлопанье парохода, на телеграфной станции.

Ты, машина, кругом, кругом;
Расстаюсь я с милым другом.

Ты, машина, свистом, свистом,
Расстаюсь я с коммунистом...

Пароход бежит, Анюта,
На нем розова каюта...

Ты, машина, ты, машина,
Ты куда торопишься (Р. Яросл.).

Интересно в этом отношении сравнить частушку с старой, так называемой, длинной народной песней. Своим патриархальным укладом,

натуральным хозяйством, самой медлительностью темпа, как вся эта жизнь, а вслед за ней и песня далеки были от современного частушечного ритма. Вспомним эти длинные вечера, за работой с лучиной: сердце болит у снохи от застарелой безысходной обиды, и вот тянется заунывная тягучая песня:

Лучина, моя лучинушка, березовая,
Что же ты, моя лучинушка, не жарко горишь?
Или ты, моя лучинушка, в печи не была?..
Лютая свекровушка в печку лазила,
Меня, горькую лучинушку, всеё залила...

Или другое — однообразный русский пейзаж, наше широкое раздолье, «дичь и глушь», по выражению Гоголя; одинокий путник на проселке, и начинается с бесконечными переливами:

Ах, не одна то ль, не одна во поле дороженька одна пролегала,
Она ельничком, мелким березничком она зарастала,
Уж и частым ли, частым горьким осинничком ее застилало...

Такие широко-раздольные, разливистые песни могли сложиться лишь в условиях первобытного хозяйственного уклада: необъятность пространств, редкость населения, примитивность орудий производства, отсутствие живого людского взаимообщения — вырабатывали медлительность темпа жизни. Там где-то «кипела, торопилась, грохотала жизнь; здесь она текла неслышно, как вода по болотным травам», пишет Тургенев. Но вот внедряется капиталистический строй, новые орудия производства в условиях городской жизни создают более напряженный темп, и разбуженная, встряхнутая ото сна личность в среде молодежи откликается бойкой частушкой:

Девки, ой, ребята, ой
Уезжает милый мой...

Я гуляю, как разбойник,
Я помру, как сукин сын,
По мне девки не потужат,
Бабы скажут: леший с ним.

Паровоз, паровоз
Полетел, как птичка,
Мой муж спекулянт,
А я спекуличка...

II. Частушка — показатель социального кризиса.

Недаром Г. Успенский считал частушку песней переходного времени. Новые экономические условия, в обстановке капиталистического хозяйства, меняют быт и нравы. Нахлынувшие понятия, вместе с новыми хозяйственными отношениями, становятся в противоречие с старым. Примитивный ум не в силах разобраться в путанице жизни.

Напишу я целый лист
Про свою несчастну жизнь..

пишет одна своему милому (Е. 2548). Теперь все не удовлетворяет. В старый домостроевский быт пахнуло свободой. Прочь от религиозных традиций:

Меня маменька ругала,
Что я в церковь не хожу:
Балалайка заиграла,
Я на улице пляшу (Моск. г.).

Раздражает экономическое неравенство:

У меня богатство есть,
Только нечего мне есть.

———

Погодите, богачи,
Будет воля наша.

Бессильный понять всю сложность современной экономики, деревенский ум в недоумении не знает, чему приписать свою бедность, и вслед Руссо готов винить культуру:

Самовары, самовары,
Самовары медные,
Не от вас ли, самовары,
Стали люди бедные!..

Все старое противно:

На беседы не пускают,
Девке воли не дают...

Да и новое не по сердцу:

Как за нашим за двором белые каменья,
Парень девицу ударил: девица в правленье... (З.184).

Вырабатывается острое, сатирическое отношение ко всему.

Частушка становится занозистой, дразнящей, ядовитой. От ее наблюдательности не скроется ни один изъян жизни. В каждую бочку от нее гвоздь. И под оглушающий рев гармоники в ней нередко скользнет горькая молчаливая правда. Особенно богато и разносторонне это критическое отношение обнаруживается в оценке семейно-бытовых отношений. И понятно. Ведь, здесь, в этом маленьком социальном мирке, кризис на почве старых традиций и новых форм чувствуется острее и напряженнее. Здесь все подвергнуто критике. Вот жена о муже:

Мой муж водовоз,
Поехал на речку.
Кабы, бог дал, утоп,
Поставила бы свечку.

Или:

Шла я полом-колидором,
Полсапожкам грохала —
Вышла замуж за урода,
Целый век проохала. (Твер. г.).

Всего больше взвинчена молодежь. Тут оттенки всевозможных настроений. И нет воли:

Ох, лапти мои,
Новые оборки:
Хочу — дома я ночую
Хочу — у Ягорки (Е. 4169).

И домостроевский уклад:

Меня дома запирают от милого на ключи;
Веселее гулять буду, если станут стеречи.

И угроза:

Тятьке с мамкой досажу:
Сама к Троице рожу...

И комедия на всю деревню:

Тятька с маткой с уговору
Меня ладили набить.
Я бежала по сараю,
Вот те бог—не догонить!

Частушка смеется над всем. Ее задиристое, колючее острее цепляется за каждую шероховатость жизни. Она не щадит, что говорится, ни матери, ни отца. Даже самого себя можно высмеять под горячую руку:

Мой муж—арбуз,
А я его дыня:
Он побил меня вчера,
А я его ныне.

Даже самые интимные, дорогие чувства, быть может, питающие тайную жизнь сердца, сдабриваются в частушке изрядной дозой сатирической соли:

Когда миленький идет, всем стает обидно:
Чрез его горбатый нос ничего не видно.

Или:

У сарая стоят стоги—у миленка кривы ноги.
Кабы серые глаза—настоящая коза (Новг. г.)

Или еще лучше:

Две березки расцвели, третья раскудрявилась,
Я сама себе дивлюсь: кака дрянь понравилась

Все это, собственно говоря, даже нельзя назвать сатирой.

Ведь сатира предполагает известный общественный идеал, с точки зрения которого она оценивает жизнь. У ней есть объект, служащий мерилом действительности. Так было у Аристофана, у Мольера, у Гоголя. В этом отношении частушка, как французское Fablieux, совершенно беспринципна. Ей все равно. Она подденет на-смех кого угодно. Нынче она смеется над одним, завтра над другим, совсем противоположным. В ней больше насмешки, чем сатиры. При социальном кризисе так и должно быть. Нет определенности, нет прочных, ясных убеждений. Быт

расслаивается; противоречия обнажаются пред сознанием; обнаруживающиеся трещины выступают как несообразности, и частушка метко подчеркивает каждый диссонанс жизни.

Все это резче обнаруживается, когда темп жизни быстрее, когда в смене быстро бегущих явлений неразвитое сознание не может осмыслить, что красно, что бело, где кривда, где правда. Такой момент переживала наша частушка в дни революции. От нее доставалось всему и всем без разбору. Здесь частушка могла впитать в себя все едкое, злое, даже клеветническое, явно вышедшее из контр-революционных кругов, что порождала тогдашняя тревожная жизнь.

Частушка отделывает всех: и коммунистов, и белогвардейцев, и спекулянтов, и дезертиров.

Коммунист молодой, в руку раненый,
На базаре торговал рыбой вяленой.

Пароход идет, вода кольцами,
Будем рыбу кормить добровольцами

Или:

На сосне на макушке дезертир качается.
Посмотрите, коммунисты, он от вас скрывается.

Кама-матушка река—бей по роже Колчака...

И рядом же:

Кама, Кама водяниста—бей по роже коммуниста.

А то и такой приговор над всем:

Нет коровки на загоне,
Нет телушки на дворе:
Потонула в самогоне
Наша Ресефесере (Яросл. г.)

Словом, в личных отношениях все перемешалось:
он:

Моя милка баба—во!
Всем первостатейная,
Очень даже ничего,
Только беспартейная.

а она:

Коммунистов не любила,
Всю коммунию кляла.
А сама себе милова
Коммуниста завела (Яросл. г.)

Приведенные частушки показывают, что в них нет, в сущности, никакой политической определенности. Их трудно отнести даже к каким-либо социальным группировкам. Здесь одна эмоциональность, вместо ясных, точных понятий. Раздраженное чувство, остроподмеченный факт растворяется в зубоскальстве, в конечном результате не чуждом безразличия.

Спекулянтики спекулируют,
А Советская власть реквизирует

Частушка—это современный деревенский юмор. Избыток жизненных сил молодежи вырывается в жгучих искорках смеха; социальный кризис со всеми нюансами противоречий разрешается в остроумном слове или образе.

Быстрая, задорная, нервная, как вся наша эпоха, подчас нахальная частушка сейчас искрится по всей России. Сатирический дух, ее создавший, и ненасытимое пока острословие ослабеют по мере изживания кризиса. Частушку убьет прогресс жизни: выравнение хозяйственных отношений, ясность понятий, ставших убеждениями, школа, книга и общая культурность жизни. Но пока мы в полосе кризиса — и отому долго еще мы в потоках колючей сатиры частушек.

III. Частушка — наследие удалого песенного мотива.

Мы так привыкли считать, что главный мотив нашей народной поэзии — грусть. «Печалию согрета поэзия и наших дев, и наших муз» (Пушкин). Для нас как-то исчезает тот порыв удали и разгулья, которые были реакцией безысходной грусти от всякой недоли. А, между тем, этот бурный порыв сил, взмет страстных чувств, давший разиновщину и пугачевщину, имеет в народной песне характерное выражение — свое содержание и стиль. Содержание — по преимуществу трагическое. Это не просто:

А мы пить будем и гулять будем,
Когда смерть придет, умирать будем.

Или:

Мы фабричные ребята, у нас кудри кудреваты
Есть.
Мы затем кудри кудрили, чтобы девушки любили
Нас.
Целовальника по уху: не люби нашу Настюху
Раз!..

Здесь мрачное раздумье о том, куда завела «добра молодца прыткость-бойкость молодецкая и хмелинушка кабацкая», зачем мать не в пору породила, когда впереди для молодца или «каменны палаты» — тюрьма, или «хоромы высокие — два столба с перекладиной», или свадьба, где «дружка и свашка (на Козьем болоте) — топорик и плашка». Этот трагический исход переживаемого мрачного настроения облекся для доброго молодца в образ какого-то рока. Горе горькое — вот его спутник, которого он хочет отбросить в страстном порыве. «А и в горе быть — некручинну быть, нагому ходить — не стыдитися», старается убедить себя наш герой. Есть и чисто удалые, разгульные мотивы:

Отрубили губернатору буйну голову еще...
Ты добре ли, губернатор, к нам строгой был...
Ох, ты бил нас, губил, много в ссылку посылал,
Ох, ты жен наших, детей на воротах расстрелял...

Тут и безоглядная удаль и бесшабашное веселье, переходящее в ритмический, плясовой каданс.

Вот этот мотив удали старой разбойничьей песни и впитала в себя современная частушка. В той группе их, которая принадлежит парням, он звучит буйно, с задором. Пред нами и индивидуальное бахвальство:

Я отчаянна башка, не хожу без камешка,
Меня в остроге ожидают: шьют рубашку из мешка.

———

Я отчаянный родился и ничем не дорожу;
Матка рыло мне своротит, я корчагу привяжу (Т. Яросл. г.).

Или разгулье целой ватаги:

Мы, ребята, ежики: у нас в карманах ножики,
Четыре гири на весу, пистолет на поясу.

Иногда здесь просто озорство, вроде того:

По деревне пройдем, что-нибудь да сделаем:
Дров поленицу разроем или девок уведем.

Даже, когда говорит о себе один из таких молодцов:

Проломили мне голову в семнадцати местах...

кажется больше хвастовством, чем правдой.

А в действительности:

Говорят, что я мазурик,
Всей деревне надоел;
Повели меня в солдаты,
И теленок заревел (Т. Яросл. г.).

Впрочем, иногда встречаются переживания в духе старины:

Хоть в кармане ни гроша,
Да свобода хороша.

Сжато и выразительно; так же, как и там, в формуле резкого контраста. Главное же родство частушки с стариной в терпкой иронии, в которой растворяется внутренняя горечь. Любимый здесь мотив — наподобие старинных прибауток: «от наготы да босоты подломилися шесты, рогатая-то скотина — таракан да жужелица, а медная-то посуда — крест да пуговица». Таких оборотов, касающихся преимущественно богатства, счастья, судьбы, насыщенных сознанием недоступности всех этих благ и удалым к ним пренебрежением, особенно много в частушках. Размахом резкого контраста, беспощадной иронией над собой, сплеча, словно крепким словом, отмахнувшись от всего, хочется сорвать обиду, хоть злостью утолить сердце:

Что нам, что нам не форсить, что нам не бахвалиться:
У отца одна овца — по ляжке достанется (Новгор. г.).

———

Сорок лет — коровы нет, на масло отрыгается;
На дворе один петух с курочкой лягается (Новгор. г.).

———

Берегись, богачи: бедпота гуляет.
Не уважу богачу: прямо в морду закачу (З. 283).

Но в общем, являясь в тональности, в широкой размашистости, в удали наследием старой разбойничьей песни, частушка потеряла самый

живой нерв последней — трагичность. Она — мельче, легковеснее; в ней больше озорства, чем силы; нет — ни житейских серьезных осложнений, ни глубины переживаний; просто разгулье молодых сил. Да и понятно. Ведь частушка — песня молодежи. В деревенской малокультурной обстановке, полная бродящих сил, она проявляет их демонстративно, вызывающе.

Когда такая ватага парней с гармоникой, с присвистом, с хлестким перебором частушек, бросая ядовитые куплеты направо и налево, с примесью похабщины, идет по деревне, степенный обыватель пугается и клянет распущенность нравов. В газетах пишут об «Одичании деревни», о хулиганстве современных Васек Буслаевых («Ярославские Зарницы», № 10). Но, несомненный факт, традиция старой разбойничьей песни питает частушку, давая исход бурливому молодому настроению. В радикализме ее общего тона частушка нашла ту форму, где мог наиболее свободно развернуться ее резкий критицизм. Самый размер частушки, сжатый, афористичный, подходит к ее удалому тону.

Еще любопытный факт. Шальной, но не трагический мотив удали частушки заразил женскую песню. Можем ли мы себе представить удалой разбойничий тон в старых женских песнях. Там вся трагедия женской доли изливалась в тоске, в интимной, замкнутой грусти. В частушках творчество женское идет в уровень с мужским. Женская личность уже не замирает в тупой покорности судьбе, а революционно протестует. Этот ее протест выступает во множестве эпизодов, освещенных ухарской частушкой. Девица заявляет свою волю. Дерзко демонстративно разрывает она все путы, смеясь над самыми, казалось, незыблемыми понятиями. Порой она все готова поставить на карту:

Ой, ой, под ногой золотая рыбка;
До чего я догулялась: скоро будет зыбка.

Даже — любовь:

Девки ой, ребята ой, милый умирает;
Я хотела горевать, смех одолевает (Вятск. г.).

Особенно резкий боевой тон в отношении к родным:

Тятька, мамка, не перечь: разворочаю я печь,
Разворочу по кирпичу, сама в окошко выскочу (Тверск. г.).

Или:

Сошью платье бардовое, сама стану под венец;
Не с помыслым поставите, с головы сшибу венец

То же самое в семейных отношениях замужней

Мой муж пьяница, а я его люже:
Семьсот пропила, сказала на мужа.

Особенно разухабистый тон шуток в частушках в отношении к милому. Тут всякие вариации, вроде:

Милый мой на Волге плавал, утонул, паршивый дьявол,
Пускай тонет, сатана, не хай он девушку меня (Тверск. г.).

Или:

На столе стоит подсвечник — мой-от миленький насмешник,
Ему раньше был почет, а теперь — паршивый чорт (Иван.-Возн.).

Или:

Моего-то кавалера — унеси его, холера,
От земли до небеси хорошенько потряси (Арханг. г.).

И всем парням отпор:

Капуска моя, мелко рубленая,
Шантрапа, не подходи: Лиза пудреная (Т. Яросл. г.).

Таких любезностей по частушкам можно бы приводить без конца. Все они характеризуют общий уклон частушки — вульгарную размашистость стиля. В порывах свободы красная девица бравирует всем своим поведением. Набравшись молодчества и ухарства, она как будто издевается над своей былой скромностью. Удалой, бесшабашный тон частушки, при ее простоте и доступности, в общий тон мужской молодежи, является для нее самым восприимчивым материалом.

IV. Скоморошья старина в частушке.

В Тамбовской губернии частушки называются «скоморошьими» песнями, «прибаутками» или «прибасками». Это очень характерно. Частушка полна веселости, вся брызжет порывистостью движений; в ней нет ни тени обряда, ни замкнутости унылых настроений. Красноречивы и другие названия: ихахошки.

Я сыграю ихахошки под милашкины гармошки (Курск. г. Е. 348).

Ох, хо, и — ха-ха, чем я девочка плоха (Курск. г. Е. 352).

Здесь все полно веселья, смеха и забавы. Словно на свадьбе или на хмельном празднике. В старину это веселье не обходилось без скомороха. Целыми ватагами бродили эти «веселые люди» с праздника на праздник, от одних богатых хором в другие, всегда желанные, интересные. Вот как пиита XVIII века описывает весенний праздник завивания березки с участием скомороха:

Березка шествует в различных лоскутках,
В тафте и бархате и в шелковых платках.
Вина не пьет она, однако пляшет,
И, ветвями тряся, так, как руками, машет.
Пред нею скоморох, неправильно кричит,
Ногами землю он, как добрый конь, стучит.
Танцует и пылит и грязь ногами месит,
Доколе хмель его совсем не перевесит (Е. Аничков, Весенняя обрядовая песня, 141 стр.).

Или вот старинная песня рассказывает о вдовушке, выбирающей из всех претендентов скомороха:

Я ли, не я ли скоморохова жена,
Выду ль я на улицу, мне честь и хвала.

К сожалению, у нас не сохранилось в чистом виде скоморошьей поэзии. Наука пытается ее вскрыть в отдельных сюжетах типа новелл, в исторических песнях, в свадебных прибаутках. Скоморохи на все клали отпечаток своего пьяного, распущенного, безудержного веселья, приделывая, напр., к трогательному зачину былины о турах неподходящий сюжет о Ваське-пьянице. Но чем особенно характерна скоморошья песня—это плясовым мотивом и прибаутками. Песня о свадьбе Ивана Грозного на Марье Темрюковне, даже в позднейшей ее передаче Кривополеновой, звучит веселым, задорным плясом, питаемая самым сюжетом плясового состязания.

Они сватались, сваталисе,
По рукам они ударилисе,
Да слово на слово положилисе...
Собирался наш царь государь
За столы те за дубовые,
Да за яства за сахарные,
Да за напиточки стоялые...
Пировал, жировал государь
Д царь Иван Васильевич...
Кострюк поскакивае,
Кострюк поплясывае («Бабушкины старины», 88 стр.).

Современная частушка, храня через свадьбы, а особенно чрез ее дружек и поезжак, старую скоморошью традицию, это угарное веселье развернуло в необычайно широком масштабе. Плясовой мотив частушки как в хореографических формах, в способах его проведения, так и в словесной фразировке столь разнообразен и стилен, что заслуживает серьезного внимания и изучения. Частушка, можно сказать, родится в пляске. За отсутствием балалайки и гармошки она служит музыкой. В хмелю плясового настроения частушки сыплются горохом.

Пляска неудержимая, стремительная:

Эх, ноженьки, из дороженьки, гулять пришли, плясать пошли.

Прямо с улицы в пляс.

Раскаку, каку, каку, на каку нарвался:
Три раза поцеловал, весь переблевался...

Вы чувствуете вбегание в плясовой круг, а дальше уж вакхическое:

Не сама я пляшу—меня черти носят (Новг. г. Е. 82).

Пойду плясать
Выше переборки —
Пускай говорят
Бабы тараторки (Т. Яросл. г.).

Частушка конструирует движения пляски. То она в одном па:

Пойдем, подружка, в полюшко, найдем гусино перышко;
Мы на это перышко складем тоску и горюшко (Новг. г.).

то в переменном:

Миленький, кудрявенький, купи канфетку с баренькой;
Ты не дорого давай, свой патретик выбирай (Моск. г. Е. 100).

В типах плясовых движений здесь много вариаций. Иногда они в стиле старого камаринского:

Ах ты, сукин сын, камаринский мужик...
. . . . . .
Мой-от миленький хорош-таки, хорош:
Он не ходит без резинковых калош,
У него калоши модненькие,
Страсть баские, переводненькие (Львов И. 22).

То в виде сжатого частого темпа:

Семьсот папирос — накуриться можно:
Мое-т милый без калош, наглядецця можно (Вят. г., 3).

Пускай говорят, что я похудела,
Полюбить гармониста такое бы дело (Моск. г. Е. 104).

То с переходами от сжатого первого стиха (анапеста) к широкому, многостопному ямбу:

Под окном распашу, березку с елкой посажу,
Березка с елкой будет рось, меня, милая, не брось (Моск. г. Е. 103).

Переход особенно красивый. Здесь играет большую роль ударный момент стиха:

Я косила белоус, косенку бросила под кус...

Это как в предыдущих стихах, но в дальнейших стихах ударение меняется:

Оселочку под елочку,
Сама пойду к миленочку (Новг. г. Е. 53).

Платок белый полотняный разорвал милашка пьяный,
Разорвал и кается, трезвый насмехается (Арх. г. Е. 7).

Здесь всюду ударное *а*, но характер ударности его различен, благодаря чему создается разнообразие движения. Повторяю, плясовой мотив частушки разнообразен. В индивидуальных оттенках отдельных исполнений он имеет много тонкостей. В хореографическом и музыкально-стилистическом отношении он заслуживает серьезного внимания, особенно в практическом изучении самого живого плясового действия. Сейчас в моде танец «рязаночка». Пляшущие выходят в середину комнаты, пляшут под частушки, язвительное содержание которых направлено на сидящих по стенам. Обычно же плясовое выражение частушек свободно; любая группа их может вызвать пляску.

Другое наследие старинной скоморошьей песни — прибауточный характер частушек. Недаром их называют прибасками, присказенками. Для пения частушек в народе есть даже особый термин — «насказывать». В бойком переливе, в нанизывании непрерывной цепи стишков, метких и быстрых, — вся художественная изобретательность и талантливость их авторов. Все это так памятно нашей деревне по балагурным скоморошьим сказкам и особенно по свадебным причетам. Такие популярные сказки, как «Не любо — не слушай», «Про Фому про Ерему», «О глупых

людях» да и многие другого содержания полны этого легкого юмора и острого слова. Много его в присказках, в прибаутках, в своеобразном стиле самой устной передачи. На свадьбах роль веселых скоморохов заменили особые специалисты, ведущие весь ритуал свадебного дела. Это по большей части краснобаи, говоруны, острословы. Бойкой, рифмованной речью с меткими словечками, с остроумными прибаутками они поддерживают общее веселье. «Мир — народ, стары, малы, читаем мы в старом описании свадьбы, усаты, бородаты, холосты, неженаты, стрельцы, борцы, кулачные бойцы, молодые молодицы, сизые голубицы, красные девицы, брови щипаны, рожи мазаны, носы тянуты... все гости полюбезные, благословляйте меня, подъежева дружку... в путь ехать»... Это начало, а вот дальше его угощение: «Ах, пивцо, как суслице. Из чашечки три бочечки, в устах примочите, губы слепаются, ноги подгибаются, на землю кружит, очень спать валит: кто винца изопьет, того с ног сшибет» (А. Кузнецов, «Свадебные причеты»).

Такого же типа балагурная речь в наших частушках. Она дает лишнюю иллюстрацию одного характерного качества русского народного слова—его меткости. Примеров ее мы встречали достаточно. Действительно, частушка вся, в сущности, построена на метком подчеркивании какого-нибудь момента. Стоит наугад взять несколько частушек, в каждой из них есть какое-нибудь ударное слово.

Што сказали про милого: худенький да маленький:
В воскресенье видела—*как цветочек аленький* (З. 14).

Погляжу в стеколышко, де-ка сходит солнышко—
Солнце сходит на туман, мил играет *на обман* (З. 22).

С неба звездочка упала — я за пьяницу попала.
Люди бают пьяница, *я живу красавица* (З. 38).

Каждая такая частушка имеет намек по чьему-нибудь адресу. Острота его часто скрыта в психологическом факте личных отношений. Она чувствительна только в самом живом моменте. А иногда ее меткость прорежется ярко, то язвительным эпитетом:

Не заносися, *цвет опалый:* не богатее вы нас;
Я прошла мимо окошка, а вы ели с редькой квас (Р. Яросл. г.).

Завлекательные глазки у телонка нашего... (Т. Яросл. г.).

Или сравнением:

Мои щечки как листочки, глазки — черный чернослив,
Погуляй со мною, милый, навсегда будешь счастлив.

Или контрастом:

Отдавали — хохотала, провожала — плакала,
Провожала—плакала, платочек укайдакала.

Или:

Ты, цветочек мой ерань, стой на окошечке, не вянь:
Ты завянешь, я полью; ты забудешь, я умру.

Остроумной метафорой:

Моя мила шилом шила, топором лапшу крошила,
Сковородником мела — рукодельница была (В. Яросл. г.).

У меня милашка есть, шик по улице провесть:
У ней клошь в семи дырах, дредноуты на ногах (Р. Яросл. г.).

V. Демократизация поэтического творчества в частушке.

Фабрика дала ритм частушке, социальный кризис наполнил ее содержанием, традиция разбойничьей песни придала ей хлесткость, скоморошья поэзия — веселость и меткость слова; но все это не объясняет одного факта — бесчисленного моря частушек, переливающихся из края в край. Откуда это половодье? Разгадка его — в все больше назревающей в массах потребности индивидуального творчества.

Характерная черта последнего полустолетия нашей истории — раскрепощение народной личности. Скидываются один за другими путы — социальные, культурные, бытовые, и, что всего важнее, ощущается сознание этого раскрепощения. Освобождающаяся личность — испытывает радость личного существования и заявляет о себе творческими порывами. При всех научных усилиях вскрыть индивидуальные основы народной поэзии, в массе она все же остается безличной. Творчество было уделом избранничества. Рядовая же личность питалась общими чувствами, как в образованном обществе какая-нибудь модная книга или факт завладевал общим вниманием и интересом. Поэтому-то от старого времени в народной песне мы имеем столь законченные цельные художественные образцы в музыкальном и литературном смысле.

Наше время переставляет центр тяжести. Вместе с процессом освобождения, народная личность индивидуализуется и, ощущая, как в былые времена Владимир Мономах мировую *разноликость*, выражает свое я в виде самых разнообразных переживаний. Творчество демократизуется: от избранных оно переходит к обывателю. Ощущается потребность творить — излить свою душу, сказать о себе. Сейчас в деревне наблюдается какая-то повальная страсть — писанье стихов. Вот примеры этого наивного творчества:

Призывающий.

Братья, проснитесь от сна векового,
Сбросьте свою дремоту,
Возьмите вы в руки винтовки,
Скорей защитим мы свободу свою!
. . . . . .
Скорей завоюем давайте свободу, скорее!
Мы сбросим буржуазное иго с себя, скорее!
Тогда мы будем приветствовать с свободой
Каждый друг друга себя.

(Молодая девушка, студентка 1-го курса рабфака Г-на, едва грамотная, 1920 г.).

Мы с старухою вдвоем с ней кампанию ведем,
А старухи подста лет, одного уж глазу нет.
Все с лестофьки молилась да со мной и зговорилась:
Самогонку с ней варим, мы о пользе говорим.
Но пришлось беде случиться — нашей фирме провалиться:
Нас в милицию забрали, по пяточьку тыщ содрали.
Вот теперь моя старуха поджимат на печьке брюхо.
Ох, друзья, за самагонку не мешало бы дать гонку,
Штук по сорок бы ввалить, мы не стали бы варить
. . . . . .
Райские основатели, лиц и масла собиратели,
Вкус вы поняли у поваров,
Почему не купите своих коров.
С маслом да с яйцами готовить любите,
Почему же за деньги не купите.

Из раю на прокорм муки не даете,
А остатки у граждан берете.
Делаете для многих смех,
Да граждан вводите в грех.

(Крестьянин Хвалынск. у., Сарат. губ.).

Творчество демократизуется. Внутренние движения, вслед за внешними раздражениями, ищут художественного, хотя бы наивного выражения. Один из самых легких способов — частушка. Частушка, это — можно сказать, исповедь текущей жизни нашей деревни. Девушки и парни наперебой рассказывают нам о себе в своих частушках — о всех своих интересах и житейских положениях. Можно бы дать интересную критику психологии и бытовой личности нашей молодежи по частушечным разговорам, так как частушки, в сущности, сплошной диалог молодых людей в разных вариациях. Сейчас же достаточно указать некоторые факты этой демократизации творчества в частушке, индивидуального выражения в ней личности.

Вряд ли можно передать все разнообразие оттенков этих переживаний. Остановимся на некоторых.

Часто частушка представляет простую деталь разговора: вопрос и ответ:

Не корите, девушки, не люба нисколько:
Один вечер походил ради скуки только (Е. 3).

Это как бы ответ на упреки.

Пойдем, подруженька, домой: буде, насиделася,
Мово миленка здеся нет, на ваших нагляделася (Е. 103).

Так просто.

— Уж ты, милая моя, куда конфекты спрятала?
— В сеннике на косяке, в голубом носовике.

Это вопрос и ответ.

Исключительность этого индивидуального момента особенно выступает в будничности явлений, отмечаемых частушкой:

На тарелочке две вилочки, кусочек пирожка —
Пойду, выйду на крылечушко, попотчую дружка.

Или:

Я рябинушку ломала, со рябины пала кисть,
Правой рученькой махала: приходи рябинку ись (Е. 37)

Такие будничные темы могут быть интересны только в индивидуальном ощущении.

Нечего и говорить, как разнообразны оттенки психических состояний. Тут и полнота личного чувства:

Мы с девочкою стояли, снег растаял до земли,
Раза три поцеловались: все цветочки расцвели.

И наивная интимность:

Шила милому кисет, вышли рукавицы —
Посмотрела, улыбнулась — эка мастерица!

И простодушная немудренность рассудка:

Ну, конешно, серцу грусно, ежли влюбишься в кого:
В один час влюбиться можно, расставаться каково?

И скромность желаний:

Экой миленький домочек, и крылечко на боку —
Я люблю и обожаю, кто не курит табаку

И обида:

Осердился—наплевать: у меня на смену пять,
Неужели из пяти покрасивей не найти?

Хорошо также этот индивидуальный момент выступает в отправном моменте творчества. Он очень часто идет от какого-нибудь привычного действия или явления.

Я стояла у ворот, мил спросил — который год...
— Совершенные лета и в любви не занята.

Или:

Я сидела на диване, вышивала платок Ване...

Или:

Голубая моя шаль, до чего милого жаль...
В огороде снегу много, не посадишь огурцов...
Чайник чистый, чай душистый, кипяченая вода...

Благодаря такой простоте и доступности индивидуального творчества через частушку, она становится необычайно популярной и заразительной. Она расширяется количественно и на много ступеней качественно. Частушка говорит о неиссякаемости народного творчества и обещает многие его возможности в будущем.

VI. Критика взглядов на происхождение частушек.

Частушка лишь в недавнее время стала предметом научного исследования. И все же разностороннего изучения ее у нас еще нет, равно и сколько-нибудь прочно обоснованных взглядов. Так же обстоит и с вопросом о происхождении частушки. Большинство высказанных суждений пытается установить ее отношение к старой народной песне, подчеркивая несамостоятельность ее происхождения. Эта мысль, с скептическим взглядом на частушку, резче всего выражена академиком А. И. Соболевским. По нему, «частушка не представляет новой народной поэзии. И прежде она была в употреблении и в хороводе, и на посиделках... Старые собиратели народных песен не обращали на нее внимания и не вносили еще в свои сборники, но частушка им была известна» («Литературн. Вестн.», т. 3, 299).

Поскольку в этом взгляде дается общее хронологическое указание, с ним отчасти можно согласиться. Этот взгляд даже можно расширить: раз мы имеем дело с простым четверостишием, обусловленным известным параллелизмом, размером и рифмой, мы с таким примитивом поэзии, естественно, должны встретиться и в старинном народном творчестве, и в современном. В этом смысле частушка почти рефлекс, самая простейшая форма поэтической мысли. Действительно, подобие ее мы найдем и в старинной греческой веснянке о ласточке, и в сербской загадке, и в разных плясовых вроде коломыйки, казачка, краковяка, и ввиду своей простоты частушечный тип четверостишия, таким образом, является широко распространенным. Но сила частушки не в том, что она не нова, что ее можно встретить среди старых песен. Эта связь с прошлым указана и нами, — только в другом отношении. Главное же в том, что частушка теперь разлилась столь широко, что она заполнила все, что ею вытеснены все другие виды народной поэзии. Игривое четверостишие стало излюбленной формой поэтической народной речи, и если раньше мы могли встречать его лишь отдельные обороты, то теперь это четверостишие сформировалось в специфический литературный прием, типичный в своем содержании и внешней форме. Этот специфический характер частушки освобождает ее от скептически-пренебрежительного отношения, что в ней ничего нового. Еще меньше можно считать частушку обрывками старых народных песен, как это думает акад. В. Перетц. Бесспорно, что частушка вобрала в себя много из старого материала. Какое-нибудь яркое двустишие, вроде:

Ой, бил меня муж,
Колотил меня муж...

из сборника XVIII века (Плач, «Песенник» 125), или четверостишие:

Мой муж нехорош, поехал на речку,
Дай бог, там издох, поставила б свечку.

Или:

Продам юбку и бурнус,
Куплю милому картуз.
Твои серые глаза
Режут сердце без ножа...

(также из старинной песни), могли ассимилироваться с частушками. Такие песенки, равно как и многое из других скоморошьих мотивов, могли, несомненно, питать частушечную поэзию. Для известной части частушек можно наметить определенную литературную традицию. Но ясно, что сводить частушки к обрывкам старых песен нельзя. Мы тогда имели бы дело с искусственным механическим набором. Между тем, в общей массе частушки представляют целостное однородное содержание, говорящее о самобытном новом виде творчества. Лишь первое знакомство с частушкой могло дать повод, при небольшом материале, к столь опрощающему дело заключению. Нельзя также согласиться с близким к этому мнением Д. К. Зеленина. Он пишет: «В последние десятилетия народной жизни совершается крутой перелом: два современные поколения деревни, молодое и старое, живут в разных веках. И старая народная песня, раз только она не окаменела в предсмертных судорогах, стала «переворачиваться» на новую. Сокращение и распадение на части—вот главные симптомы такого «переворачивания». На этой почве явились коротенькие песенки.

По образцу их создавались и создаются новые экспромты. Благодаря сохранению в народе прежнего поэтического чутья и вкуса, эти экспромты создаются по старой схеме параллелизма: «образ — символ и его — объяснение бытовыми чертами как две необходимые части при помощи старых технических приемов (старые символы, отрицательные сравнения)» (Д. К. Зеленин, «Песни деревенской молодежи», 78 стр.). Что в современной деревне два поколения, резко обособленные — факт несомненный; но видеть в частушке одно механическое «переворачивание», приспособление старых технических приемов к формировке новой песни — взгляд, конечно, слишком упрощенный и узкий. Эти технические приемы все же не самое главное в частушке; для народной поэзии они вообще постоянны. Скорее можно видеть их важность в способах применения и в вариациях, и здесь, таким образом, находить ключ для выяснения своеобразия как особой формы поэзии. Главная же сила частушки — в ее широком потоке, залившем от края и до края всю нашу страну Ее пенистые переливы с яркими блестками страстных, острых чувств — вот где живой нерв частушки.

Поэтому нельзя согласиться также с мнением Е. Н. Елеонской, что частушки есть результат как бы *увлечения*.

«Сравнительною новостью следует считать увлечение рассматриваемым песенным видом, — пишет она. — Повсеместное распевание частушек ясно говорит об этом увлечении, которое проявляется не только в повторении уже существующих, но и в составлении новых. Свобода менять постоянно содержание в пределах несложного размера и неболь-

шого объема может рассматриваться как одна из причин увлечения частушкой» («Сборник великорусских частушек», введение, 25 стр.). Верно затем отмечая простор широкого индивидуального выражения в частушках, Елеонская не права в своем основном взгляде. Суть частушки не в одной только моде или создавшемся увлечении известной литературной формой. Сама мода в ее необычайно широком разливе говорит скорее о каких-то подспудных силах, вызвавших ее к жизни. Это дает право отыскивать для частушки более глубокие источники, и не только в условиях современной действительности, но и далекого прошлого. В ней, как было изложено выше, прежде всего чувствуется злободневность во всей остроте и напряженности ее переживания. Обвеянная старыми скоромошьими и удалыми, разгульными мотивами, частушка гармонизована в ритме современного производственного темпа. Думается, эти черты гораздо правдивее вскрывают ее истинную сущность.

Сокращение цитат: Е. — Елеонская, Е. Н. «Сборник великорусских частушек»; З. — Зеленин, Д. К. «Песни деревенской молодежи»; Л. — Львов, «Новые песни»; Р. — Рыжакова, А., «Частушки» (рукопись); Т. — Титов, А., «Частушки», Яросл. губ. (рукопись).

СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС ОБЛОМОВЩИНЫ.

В. Переверзев.

Предлагаемая статья — отрывок из работы о Гончарове. В этой работе изучение писателя ведется в том же направлении, как и в ранее изданных моих работах о Достоевском и Гоголе. Я изучаю не творца, а творение; не биографию, а произведение. Я делаю это потому, что считаю необходимым для историка литературы итти всегда от литературных фактов прежде всего.

В литературном факте наименее интересным моментом я считаю его связь с авторской личностью и потому не ищу в творчестве отражения жизни писателя. Литературное явление — факт социальной жизни и раскрытие его смысла сводится к пониманию социальной природы этого факта.

Социальная природа литературного факта может и должна быть вскрыта средствами чисто литературного анализа и минимальным обращением к данным обществознания, ибо в структуре художественного произведения, в особенностях составляющих его элементов и выражается его социальная природа. Анализ этой структуры стоит в моих работах на переднем плане.

Основным структурным элементом художественного произведения является образ. Ткань романа складывается из сцепления живых образов. Задача литературного анализа заключается в том, чтобы понять природу образов и закон их сцепления.

Углубленный анализ образов, из которых складывается ткань гончаровских романов, показывает, что все творчество Гончарова в своем развитии и в своих достижениях сводится к осуществлению всех потенций, заложенных в одном стержневом образе. В своей работе я исследую социальную природу этого образа и прослеживаю логику его развития. Обломов в плане моей работы является моментом диалектического движения образа, обусловленного его социальной сущностью. Вот ряд общих соображений, которые я счел необходимым предпослать печатаемому здесь отрывку, посвященному анализу Обломова.

Смысл и содержание гончаровского творчества сводится к изображению эволюции буржуазной психики в период капиталистической ломки русской общественной жизни. В «Обыкновенной истории» он

показал нормальный обыкновенный ход этой эволюции, проведши своего героя через все фазы психологического приспособления до последней, самой совершенной для данного момента и наиболее жизнеспособной. Но Гончаров знал, что не всегда процесс приспособления проходит гладко до конца, что возможны задержки и остановки в развитии, что есть отсталые неудачники. В образе Обломова он и показывает одного из таких отсталых, остановившихся в своем развитии. Обломов показывает нам, что сталось бы с Александром Адуевым, если бы он застыл в той фазе душевного роста, когда он, убедившись в бесплодности попыток придать романтический блеск первобытному Адуевскому уюту, жертвует блеском во имя уюта, возвращаясь в лоно примитивной Адуевки. В Обломове перед нами—вариант Александра Адуева. Как и Адуев, он также продукт того глубокого кризиса, который совершался в жизни крупной буржуазии накануне реформы, под влиянием роста капиталистической культуры. Только кризис этот переживается им совсем не так, как пережил его Адуев. Адуев, это — зажиточный буржуа, выросший из патриархальных пеленок, освоившийся с капиталистической культурой, европеизировавшийся русский буржуа; Обломов — буржуа, споткнувшийся в процессе европеизации и повернувший оглобли назад к патриархальному.

Я уже слышу возражения, на первый взгляд совершенно убедительные и уничтожающие мое построение. Какой же Обломов буржуа, когда автор определенно говорит о его помещичьем происхождении, когда у него есть Обломовка, которую он видит во сне, как колыбель своего детства, о которой мечтает на яву, как о цели и призвании всего своего существования? В ответ на это я попрошу только читателя внимательно всмотреться в картину Обломовки, и он увидит тогда, что Обломовку нельзя признать деревенским поместьем, что название деревни, данное ей автором, ничем не оправдывается, потому что художник не находит на своей палитре деревенских красок.

Не поместный и не деревенский характер Обломовки, благодаря яркости художественного изображения этого благодатного уголка, чрезвычайно резко бросается в глаза, так что прямо удивляешься, как это критики до сих пор не замечали этого. Деревни в картине Гончарова вы не видите, а то, что вы видите, выходит далеко за пределы деревенской жизни и едва ли имеет с ней большое соприкосновение. Вокруг Обломовской усадьбы раскинулась не крепостная деревня, а широкая русская провинция с ее медленно текущими реками, гладкой и спокойной природой и сонным населением. В этой грандиозной картине инертной русской провинции нельзя видеть ни деревни, ни города, ни поместья, ни купеческих хором, потому что в ней тонет и сливается в одно все это, потому что провинция, это — и деревня, и город, и поместье, и хоромы. Дом Обломовых, это — особый маленький мирок в безграничном море русской дореформенной провинции, слитом с ним в единое органическое целое. Но мирок этот — не дворянское поместье, потому что это — не деревня, а просто обширный и зажиточный дом. Сон Обломова

открывает зрелище погруженной в мертвую дремоту русской провинции, и на этом обширном фоне виден дом, спящий святым покоем, дом, что называется — полная чаша. Но нигде, ни на фоне, ни в самом доме, не видно и следа русской деревни, с которой Обломов совсем незнаком, которую он, если и видел, то лишь издали. Обломов-ребенок ни разу не заглядывает в деревню: все его впечатления относятся к дому, двору и саду. Таким образом детские годы Обломова, как и Александра Адуева, протекли в обстановке, резко отличной от той, в какой складывались характеры Манилова и Рудиных. Творцы Манилова и Рудиных говорят о тлетворном влиянии барства. Гончаров же говорит о влиянии докапиталистической инертности и разобщенности на психику русского человека. Гончаров напитывает душу своего Обломова не специфически барскими впечатлениями, а впечатлениями всероссийской дореформенной вялости и сонливости, которыми жила вся масса русского люда той поры от барина до мужика. Отрава, которую пьет с детства гончаровский герой, это — не барская никчемность и распущенность, а докапиталистическая неподвижность и рыхлость.

Веским аргументом против поместного происхождения Обломова является на мой взгляд и то обстоятельство, что Гончаров поставил уютный диван своего героя не в деревенской усадьбе, а в Петербурге, на Гороховой улице и окончательно усыпил его не в вотчине Обломовых, среди неусыпных попечений какой-нибудь Пульхерии Ивановны, а на Васильевском острове, на руках простой мещанки Агафьи Матвеевны Пшеницыной. Это — не случайность, а неизбежность. Таких случайностей не бывает, а при создании художественного типа они просто недопустимы. Гончаров сделал это бессознательно, подчиняясь логике творчества, совсем забывши о надуманном намерении придать своему герою вид помещика, и таким образом невольно выдал тайну своего героя, подчиняясь требованиям художественной правды. Вскормленник патриархального буржуазного уюта, а не поместного раздолья, естественно должен был в момент разочарования и усталости заплесневеть в болоте того же городского домашнего, а не поместного уюта. Не потому не поехал Обломов в деревню, что был очень ленив, а просто потому, что никакой деревни у него никогда не было и некуда было ему ехать.

Очень характерно для Гончарова, что, называя своего героя помещиком, он, однако, упорно прячет в каких-то туманных далях все истинно поместные атрибуты Обломова. Обломов — помещик, но никогда не увидите вы этого помещика в его поместьи, не увидите и самого поместья, потому что оно далеко, очень далеко, где-то чуть ли не в Азии. «По смерти отца и матери, — сообщает Гончаров об Обломове, — он стал единственным обладателем 350 душ, доставшихся ему в наследство в одной из отдаленных губерний, чуть не в Азии» (51). Обломов — барин, но никогда вы не увидите этого барина в барской среде и в барской обстановке, потому что и это Обломовское барство тоже далеко, очень далеко, так далеко, что о нем сохраняют память только старые слуги: «предания о старинном бытье и важности фамилии все глохнут, или живут в па-

мяти немногих, оставшихся в деревне стариков» (5). Гончаров отодвинул все поместное и барское в такие дали, что оно приобрело характер чего-то легендарного, мифического, стало похоже на сказку. Со всеми этими мифическими далями Обломов не имеет никакой кровной связи. Деревня Обломова, это — чисто миф, созданный Гончаровым для объяснения абсолютной лени его героя. На мой взгляд миф этот только портит дело, потому что вносит в образ Ильи Ильича фальшивую ноту искусственности. Обломов не мог сделаться типом помещика только оттого, что его творец чисто механически прицепил к нему деревню, а поместной психики с ее обыденным деревенским тоном Гончаров не сумел дать своему герою, потому что он не знал этой психики.

Все мысли и рассуждения Обломова, вложенные в него автором для придания ему помещичьего колорита, отличаются сугубой надуманностью и неестественностью, рассчитанной на детское простодушие читателя. К счастью, и этих мыслей и речей очень немного, так что они не особенно вредят художественному достоинству произведения.

Я напомню здесь одну из таких речей, долженствующих обнаружить барскую природу гончаровского героя — это его длинную речь к Захару о «других» и о себе самом. Можно с уверенностью сказать, что ни один русский барин никогда не говорил и не мог бы сказать ничего подобного своему камердинеру. Не только с камердинером,— с самим собой не мог бы говорить таким образом действительный барин, потому что вся речь редактирована как будто нарочно с таким расчетом, чтобы самодовольство звучало самооплеванием. Величаясь своим барским достоинством, Обломов по странной иронии судьбы собирает в своей речи исключительно отрицательные черты барства. Вся эта речь сильно смахивает на те речи, которые вкладывали в уста басурманских царей старинные простодушные авторы народных песен: «Не веруй в веру правую христианскую, веруй в мою поганую веру басурманскую». Вы сразу чувствуете, что это слова составителя песни, а не басурманского царя. Вот так же чувствуется, что речь Обломова к Захару, это — речь, надуманная Гончаровым, а не речь истого барина-помещика дореформенной поры.

В течение всей первой половины романа Обломов носится с планом устройства своего имения, мечтает о жизни в самой вотчине. Это тоже должно свидетельствовать о поместном происхождении гончаровского героя. Но всмотритесь внимательнее в эти мечтания, и вас поразит полное отсутствие в них именно поместного колорита. «Илья Ильич занялся разработкой плана имения. Он быстро пробежал в уме несколько серьезных коренных статей об оброке, о запашке, придумал новую меру построже против лени и бродяжничества крестьян и перешел к устройству собственного житья-бытья в деревне. Его занимала постройка деревенского дома; он с удовольствием остановился несколько минут на расположении комнат, определил длину и ширину столовой, биллиардной, подумал и о том, куда будет обращен окнами его кабинет, даже вспомнил о мебели и коврах. После этого расположил флигеля дома, сообразив

число гостей, которое намеревался принимать, отвел место для конюшен, сараев, людских и разных других служб и т. д.» (72). Соображения помещичьего хозяйства не занимают в плане никакого места; крестьянин, деревня, земля не принимают в нем никаких конкретных очертаний. Не поместье, не деревня, а дом, богатые и пышные хоромы составляют предметы всех мечтаний Обломова. План Обломова, это — не план имения-поместья, а план обширного патриархального дома с флигелями и флигельчиками, с погребами и кладовыми, рассчитанного на огромную семью с приживалками и многочисленной челядью. Только этот дом и различает ясно герой Гончарова, тот самый «дом — полная чаша», в котором вырос и он сам, и Адуевы, о котором все они мечтают, как о последней цели бытия, стараясь лишь заменить патриархальную «полную чашу» культурным комфортом.

Деревни, крестьян, сельского хозяйства Обломов никогда в глаза не видал. Обо всем этом он ровно ничего не знает, в чем откровенно и признается Ивану Матвеевичу: «Послушайте, — говорит он ему, — я не знаю, что̀ такое барщина, что̀ такое сельский труд, что̀ значит бедный мужик, что̀ богатый; не знаю, что значит четверть ржи или овса, что̀ она стоит, в каком месяце и что̀ сеют и жнут, как и когда продают» (359). Обломов говорит здесь о себе полную правду, но эта правда совершенно не вяжется с тем помещичьим паспортом, которым снабдил его автор. Для помещика-душевладельца такое абсолютное незнание сельского быта психологически невозможно. По части праздности и халатности гоголевские помещики не уступят Обломову; но даже такие птенцы дворянских гнезд, как Иван Федорович Шпонька, Афанасий Иванович Товстогуб, Петр Петрович Петух, прекрасно знают, что̀ такое барщина, что̀ такое рожь и когда она сеется. То обстоятельство, что Обломов не знает всего этого, яснее всего свидетельствует, что крестьянами он никогда не владел, барщиной не пользовался, на деревню смотрел издали, и если заглядывал туда, то лишь в качестве дачника, да в загородных прогулках.

Все попытки выставить Обломова помещиком вносят в его роман фальшивые ноты. Большинство критиков не заметило этих нот, потому что не в них существенное содержание романа, потому что эти фальшивые черты тонут в волнах художественной правды целого. Тем не менее, уже при первом появлении романа оказались люди, чуткие к этой фальши Как и нужно ожидать, эту чуткость обнаружила именно барская поместная среда, которая к промахам Гончарова в нанесении поместных тонов оказалась так же чувствительна, как в известном анекдоте об Апеллесе сапожник оказался весьма чутким к промахам великого живописца в изображении сапог. Критик-барин, граф Кушелев-Безбородко, в статье об Обломове отметил фальшивые ноты в романе и, впадая в крайность, отказался признать его бытовой картиной.

Вообще, стоит только подойти к Обломову с прямо и остро поставленным вопросом об его социальном положении, чтобы тотчас же почувствовать в нем что-то неопределенно-фальшивое. Один из наиболее тонких

критиков - психологов нашего времени, г-н Овсянико-Куликовский, испытывает очевидное затруднение, пытаясь ответить на вплотную поставленный вопрос о классовой сущности Обломова: «в сущности,— говорит он,— среда, к которой он наиболее подходит, это — либо патриархальная полуобразованная среда захолустных помещиков старого времени, либо мещанство того типа, который изображен в последних главах романа». Эта нерешительность несомненно проницательного критика есть результат той путаницы, которую внес в свой роман Гончаров, пытаясь дать поместную трактовку типу, несомненно вышедшему из среды зажиточного мещанства.

Если видеть в Обломове помещика — недоразумение, то еще большее недоразумение видеть в нем представителя романтического идеализма, лишнего человека, разновидность типа Онегина или Рудина. Между тем именно такой взгляд является господствующим в критической литературе. Основоположником такого понимания Обломова был Добролюбов, который объявил, что в этом образе сказано последнее слово и, так сказать, вскрыта последняя тайна об онегинском типе. Это — грубая ошибка, которая, к сожалению, приобрела характер предрассудка. В действительности психика Обломова не имеет ничего общего с психикой героев онегинской и рудинской складки.

У этих последних характерной и основной чертой душевной организации является вечная тревога и непрерывное искание. Это — натуры беспокойные, неудовлетворенные, с сильным уклоном к органическому, не только идейному, пессимизму. Им предназначено судьбой быть духовными скитальцами, томиться жаждой душевного покоя и бесплодно искать его. Полную противоположность этому представляет Обломов. Он—не скиталец, а домосед. Беспокойство и тревога не в натуре Обломова. Его нравственная стихия — инерция и безмятежность. «Ему видятся все ясные дни, ясные лица, без заботы и морщин, смеющиеся, круглые, с ярким румянцем, с двойным подбородком и неувядающим аппетитом. Будет вечное лето, вечное веселье, сладкая еда, да сладкая лень» (96). Это — человек благодушный, мягкий, легко удовлетворимый. Пессимизм и меланхолия, нравственная тоска и страдание чужды ему; Илья Ильич — воплощение душевного равновесия и покоя. Нет ничего труднее, как найти покой для лишнего человека, и нет ничего труднее, как лишить покоя Обломова. Лишний человек живет душевными бурями, и душевная ясность для него является редкими моментами. Обломов живет душевной ясностью, а душевная буря обращается у него в мягкую зыбь и бороздит его душу в редкие моменты. Таким образом, самая основная ткань психической природы, самый темперамент у Обломова и лишних людей глубоко различны.

Критики, настаивающие на сходстве Обломова с лишними людьми, базируются на том, что он так непрактичен и жизненно бесплоден, как они. Если бы даже это было так, то и тогда заключение о сходстве было бы слишком поспешно и едва ли основательно. Но это даже и не так, потому что непрактичность Обломова существенно разнится от непрактичности

лишних людей. Последние ищут и не находят разумного применения своим силам. Они ищут дела, хватаются за него обеими руками, а выходят из этого пустяки. Их бесплодность есть бесплодность неудачно приложенной и попусту растраченной энергии. Ведь даже такой примитивный и элементарный лишний человек, как гоголевский Манилов, и тот воздвиг в своей усадьбе какую-то замысловатую беседку под названием «храм уединенного размышления». Бесплодность Обломова, это — бесплодность пассивности и своего рода практического нигилизма. «„В десять мест в один день — несчастный“,— заключил он, перевертываясь на спину и радуясь, что нет у него таких пустых желаний и мыслей, что он не мыкается, а лежит вот тут, сохраняя свое человеческое достоинство и свой покой». Обломов не ищет дела, не томится бездельем, а боязливо сторонится от надвигающегося практицизма, не питает склонности ни к какой деятельности, влюблен в ленивое и медленное течение жизни. Дело и деловитость пугают его и только в ленивом, полусонном прозябании он чувствует себя, как рыба в воде. «Он терялся в приливе житейских забот и все лежал, ворочаясь с боку на бок. По временам только слышались отрывистые восклицания: „Ах, боже мой! Трогает жизнь, везде достает“» (19/111). «Ах, — горестно вслух вздохнул Ильия Ильич, — что за жизнь! Какое безобразие этот столичный шум! Когда же настанет райское, желанное житье? Когда в поля, в родные рощи? Лежать бы теперь на траве под деревом, да глядеть сквозь ветки на солнышко и считать, сколько птичек перебывает на ветке и т. д.» (96/14). Едва ли даже можно назвать Обломова непрактичным. Непрактичностью мы называем бесплодное расточение энергии, но смешно было бы упрекать Обломова в этом грехе. В чем угодно, но в этом грехе он положительно невиновен.

Лишние люди по идейному складу были все идеалисты и романтики. Их мышление не замыкалось в узком круге эгостических и утилитарных интересов. Их интересовали общие вопросы бытия, их мысль проникнута социальными и универсальными интересами. Они очень склонны к философскому мышлению и к выработке гражданского идеала. В своих построениях они могли доходить до безотрадных выводов, до мрачного пессимизма, как Печорин, могли сохранять оптимистическую веру и светлые надежды, как Рудин, но широкая мысль и широта идеалов составляли всегда их основную черту. Ничего похожего не найдете вы в Обломове. «Ему были доступны наслаждения высоких помыслов»,— цитирует Овсянико-Куликовский, пытаясь связать Обломова с семьей идеалистов 40-х годов. Но посмотрите, что это за помыслы. «Он любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее: у него хлынут, например, народы из Африки в Европу, или устроит он новые крестовые походы и воюет, решает участь народов, разоряет города, щадит, казнит, оказывает подвиги добра и великодушия» (82/111). Высота этих помыслов не поднимается дальше наивной забавы фантастикой примитивной сказки. Между этими наслаждениями высоких помыслов и помыслами Печориных и Рудиных — целая

пропасть огромной умственной культуры, через которую Обломов даже не пытается перейти. «Серьезное чтение утомляло его. Мыслителям не удалось расшевелить в нем жажду к умозрительным истинам» (58/111). „Я и книг не знаю“,— шевельнулось в нем, но не сошло с языка и выразилось печальным вздохом» (360). Философия ему совершенно чужда, социальные вопросы нисколько не интересуют. Если он где-нибудь обмолвится гражданской фразой, она поразит вас своей поистине изумительной в образованном человеке элементарностью. В этом отношении Обломов так же неразвит, так же бестолков, как его крепостной лакей, Захар. Припомните коротенький разговор Обломова с Захаром насчет грамотности.— „Что бы тебе записывать?— ворчливо упрекает своего слугу Обломов,— худо быть неграмотным!“— „Прожил век и без грамоты не хуже других!“ — возразил Захар, глядя в сторону. „Правду говорит Штольц, что надо завести школу в деревне“, — подумал Обломов. — „Вон у Ильинских был грамотный-то, сказывали люди, — продолжал Захар, — да серебро из буфета и стащил“. — „Прошу покорнейше, — трусливо подумал Обломов,— в самом деле, эти грамотеи все такой безнравственный народ: по трактирам с гармоникой, да чаи... Нет, рано школы заводить“ (310). Перед вами такая элементарность и беспомощность гражданской мысли, дальше которой и итти некуда. Мысль Обломова не идет дальше вопросов лично-семейственного характера, она до последней степени эгоистична и утилитарна, вместе с тем, естественно, до последней степени узка. Вспомните только, какой идеал жизни рисует Илья Ильич перед своим приятелем Штольцем. Даже этот человек далеко не гражданского пошиба отворачивается от него, пренебрежительно и совершенно справедливо квалифицируя его названием «обломовщины». В самых пылких мечтах своих этот герой Гончарова не в силах улететь дальше идеала уютной домашней жизни, среди сдобных чад и домочадцев, с добрым соседом поблизости, с чтением поэтических произведений и звуками пианино в светлой гостиной.

Взгляните, какой сдобный идеал носится перед устремленным в прекрасное и желанное будущее взором Обломова: «Ему представилось, как он сидит в летний вечер на террасе, за чайным столом, под непроницаемым для солнца навесом деревьев, с длинной трубкой и лениво втягивает в себя дым, задумчиво наслаждаясь открывающимся из-за деревьев видом, прохладой, тишиной, а вдали желтеют поля, солнце опускается за знакомый березняк и румянит гладкий, как зеркало, пруд; с полей восходит пар; становится прохладно, наступают сумерки; крестьяне толпами идут домой. Праздная дворня сидит у ворот; там слышатся веселые голоса, хохот, балалайка, девки играют в горелки; кругом его самого резвятся его малютки, лезут к нему на колени, вешаются ему на шею; за самоваром сидит... царица всего окружающего, его божество... женщина! Жена! А между тем в столовой, убранной с изящной простотой, ярко заблистали приветные огоньки, накрывался большой круглый стол; Захар, произведенный в мажордомы, с совершенно седыми бакенбардами, накрывает стол, с приятным звоном рас-

ставляет хрусталь и раскладывает серебро, поминутно роняя на пол то стакан, то вилку; садятся за обильный ужин; тут сидит и товарищ его детства, неизменный друг его, Штольц, и другие все знакомые лица; потом отходят ко сну. Лицо Обломова вдруг облилось румянцем счастья: мечта была так ярка, жива, поэтична, что он мгновенно повернулся лицом к подушке» (72—3). О какой бы то ни было деятельности, об общественном служении нет и помину в этом идеале. Называть человека таких взглядов идеалистом и романтиком можно только в насмешку. Идеал Обломова не лежит выше действительности или вне действительности. Это, в сущности, весьма скромный идеал личного благополучия, о котором мечтает всякий филистер, узенький и тесный идеальчик, приросший, как кочка, к земле, а не рвущийся к небу или в неведомую даль идеала романтика.

Итак, Обломов не помещик, не романтик, не лишний человек, каким его до сих пор считает большинство критиков; в литературной галлерее лишних людей он выглядит совсем чужим и попал туда лишь по недоразумению. Не кризис русского барства, породившего тип лишнего человека, а кризис русского патриархализма породил Обломова. Вторжение капитализма в русскую жизнь влекло за собой не только перегруппировку общественных классов, но и глубокое изменение всей национальной психологии. Капитализм не только не отрицал барство, он отрицал и архаическую технику крепостного хозяйства, а вместе с ней и архаическую патриархальную психику русского человека всех классов и всех состояний. Он вступал в русскую жизнь с новой техникой, с машиной и паром, которые повышали темп общественной жизни, требовали и культивировали во всяком человеке подвижность, предприимчивость, знание. Ритмический и быстрый стук паровой машины разрушал сонливую и вялую жизнь натуральной Руси, повышал напряжение труда и энергии, ускорял передвижение вещей и людей, сокращал расстояние, сближал деревню с городом, города и страны друг с другом. Новый порядок вещей требовал и нового человека, умеющего считать время минутами и секундами, быстрого на подъем, способного соразмерить скорость своих движений с темпом машины, знающего, что за пределами его города находится не тридесятое царство, понимающего, что такое давление пара и что такое рычаг. Человек, не обладавший этим качеством и сохранявший патриархальный склад психики, приспособленный к медлительному ритму докапиталистического хозяйства, становился отсталым человеком. И таких отсталых людей было много во всех классах общества. Были они и среди крепостных крестьян, и среди помещиков, и среди горожан. Обломов и является как раз таким отсталым человеком, и притом, несомненно, городского происхождения. Его характер — плод столкновения патриархального города с городом капиталистическим. Вся его жизнь укладывается между двух граней: Обломовской — старомодной, но богатой усадьбой патриархального дореформенного города и Петербургом — проводником новых веяний капиталистической жизни.

Из Обломовки вынес Илья Ильич свою пассивность, свою неспособность к планомерной работе, которая развилась в нем до исключительных размеров. «Там все дышало первобытной ленью, простотою нравов, тишиною и неподвижностью». Атмосфера медленной неторопливой докапиталистической жизни взростила и выхолила в них эту лень и трудовую недисциплинированность, которая являлась национальной чертой и еще до сих пор дает знать о себе в русском человеке.

Не следует, однако, упускать из виду, что национальная черта имеет у Обломова характерную специфическую окраску. Обломовка, это — не крепостное гнездо, не крепостная деревня, а городская усадьба, и это обстоятельство имеет в данном случае большое значение. Инерция обломовцев, это — не инерция раба, неохотно работающего из-под палки, инерция, к которой примешивается оттенок раздражения и злобы; это не инерция барина, освобожденного даровым трудом от хозяйственных забот, инерция, к которой примешивается более или менее смутное чувство неправоты и раскаяния. Обломовская инерция свободна и непринужденна, она — чистый продукт медлительного темпа докапиталистической жизни и значительной имущественной обеспеченности. Их склонность к инерции не омрачается ни барским окриком, ни глухим раздражением, а развивается на просторе, обращаясь в ясную, безмятежную лень. Их безмятежный покой не тревожит уязвленная совесть крепостника, и оттого покой и лень становятся здесь светлым культом. «Не клеймила их жизнь, как других, ни преждевременными морщинами, ни нравственными разрушительными ударами и недугами. Добрые люди понимали ее не иначе, как идеалом покоя и бездействия, нарушаемого по временам разными неприятными случайностями, как-то: болезнями, убытками, ссорами и, между прочим, трудом». Этими особенными условиями обломовщины объясняется и та душевная уравновешенность, тот несокрушимый органический оптимизм, с которым проходят свой жизненный путь гончаровские герои. Свое жизнерадостное настроение они вынесли из Обломовки вместе с ясной ленью.

Из Обломовки вышла и такая черта психики гончаровских героев, как гражданский индифферентизм. Жизнь обломовцев стоит далеко от того основного социального конфликта, которым питается гражданская мысль эпохи. Крепостное право — вот исходный и конечный пункт всех социальных исканий той поры. Вполне понятно, что вопрос о крепостном праве должен был живо интересовать всех, кого это право непосредственно касалось, т.-е. помещиков и крестьян. Социальный конфликт рабов и их владельцев уже с раннего детства наводил мысль на общественные вопросы. Но в Обломовке этот конфликт совсем отсутствует, сводясь к узенькой семейной форме столкновений купленной прислуги с господами. Из своего гнезда обломовцы не выносили ни любви, ни ненависти к крепостничеству, а полное равнодушие и индифферентизм к этому жгучему вопросу эпохи. Пульс социальной жизни бился лихорадочно, заставляя гореть головы тех, кто слышал его, но он был слишком далеко от обломовцев и не отдавался в детских ушах Ильи Ильича.

Не было в жизни обломовцев и другого могучего фактора гражданского воспитания, игравшего, несомненно, немалую роль в жизни лишних людей, именно традиции гражданской деятельности. Традиция эта жила в каждой помещичьей семье, потому что до XIX в. это был единственный политически дееспособный и призванный к гражданственной деятельности класс. Печорины и Рудины с детства слышали рассказы об общественных деяниях их предков. Обломовцы не могли слышать ничего подобного, потому что их класс еще не принимал активного участия в гражданском строительстве.

«Воспитанный в недрах провинции, среди кротких и теплых нравов, обычаев родины, переходя в течение 20 лет из объятий в объятия родных, друзей и знакомых и до того был проникнут семейным началом, что и будущая служба представлялась ему в виде какого-то семейного занятия». Обломовка была плохой школой гражданского воспитания, зато она великолепно прививала и культивировала инстинкты домашнего и семейственного характера. Домашнее раздолье нежило ребяческую душу, насквозь пронизывало ее, царственно завладевало ею и порабощало ее. Именно здесь, на этой почве сложился ничем не сокрушимый идеал семейного уюта, беспечального домашнего житья-бытья, который прочно гнездится в душе Ильи Ильича.

Наконец, эта узенькая, ограниченная домашними спинами и семейными интересами жизнь, по-своему и счастливая даже, накладывала на психику печать крайней ограниченности. В пределах этого узенького горизонта все было ясно, просто, понятно, ничто не смущало душевного, а вместе и умственного покоя. Не тревожили человека в Обломовке никакие проклятые вопросы. «Делали ли они себе вопрос: зачем дана жизнь? — пишет Гончаров. — Бог весть. И как отвечали на него? Вероятно, никак: это казалось им очень просто и ясно. Не слыхивали они о так называемой многотрудной жизни, о людях, носящих томительные заботы в груди, снующих зачем-то из угла в угол по лицу земли, или отдающих жизнь вечному нескончаемому труду. Плохо верили обломовцы и душевным тревогам. О чем же им было задумываться?» Мысль здесь совсем глохла и душевная жизнь сводилась к работе воображения и чувству. Но и воображение-то это должно было летать не очень далеко, и чувство сводилось к чисто семейственному нежничанью и благодушию, проистекающему от особенного рода душевного расслабления на почве беспечальной сытости.

Таковы были психологические воздействия старомодной Обломовки. Если бы устои этой обломовской жизни не были расшатаны, то все указанные психологические черты находились бы в полной гармонии с ней, и психика Ильи Ильича Обломова была бы как нельзя более гармонична, объединивши и бережно сохранивши в себе эти черты. Из него вышел бы хороший человек старозаветной Обломовки, вполне здоровый и жизнеспособный. Он жил бы всей полнотой жизни, доступной ему по условиям времени. Жил бы, как жили его деды и отцы, которые чувствовали себя, как рыба в воде, в обстановке патриархальной про-

стоты и примитивности жизни, которые, по словам Гончарова, «другой жизни и не хотели, и не любили бы». Им бы жаль было, если бы обстоятельства внесли перемены в их быт, какие бы то ни было. Их загрызет тоска, если завтра не будет похоже на сегодня, а послезавтра на завтра. Но условия изменились, и старозаветно-обломовские устои рухнули.

Начиналась эра капитализма, открывавшая перед Обломовкой новые перспективы. Значение дворянства и поместного класса падало; жизнь открывала широкую дорогу для горожан, для третьего сословия и, особенно, для его верхов, к каким и принадлежали обломовцы. Открывались новые возможности, а следовательно, и ставились новые задачи. Место одряхлевшего поместного класса должны были занять они, в свои руки взять руководство общественным строительством. Жизнь много давала обломовцам, а «кому много дано, с того много и взыщется». Жизнь воззвала к обломовцам новым призванием, и от них теперь зависело — стоять на высоте призвания или быть ниже его, использовать возможность новой, более полной и могучей жизни, или зарасти мохом в тесном мирке дряхлеющей Обломовки.

Чтобы стоять на высоте своего нового призвания, нужно было привести свою психику в гармонию с изменившимся социальным положением класса, нужно было освободиться от многого, что было вполне разумно и хорошо в докапиталистическом обломовце, и приобрести много такого, что в условиях старой обломовщины было бы и бесполезно и даже нехорошо. Для выполнения той исторической миссии, которая вставала вместе с капитализмом перед зажиточным слоем третьего сословия, психологические черты старой Обломовки, о которых я говорил выше, совсем не годились, представляли вредный баласт; от которого нужно было избавиться. Теперь, чтобы стать положительным, передовым героем своей среды, необходимо было и серьезное образование, и гражданское сознание, и энергичная подвижная природа.

Обломовцы смутно, инстинктом, как это всегда бывает, почувствовали это, беспокойно зашевелились и начали ориентироваться в новом положении и приспособляться к нему. «Времена Простаковых и Скотининых миновали давно. Пословица «ученье свет, а неученье — тьма» бродила уже по селам и деревням вместе с книгами, развозимыми книгоношами. Стали носиться зловещие слухи о необходимости не только знания грамоты, но и других, до тех пор неслыханных в том быту, наук». Это веяние новой жизни коснулось Ильи Ильича прежде всего в виде школы и университета. С недовольством, ворчанием, неохотно, но все же его послали учиться. «Он учился, как и другие, как всякий, т.-е. до пятнадцати лет в пансионе, потом старики Обломовы, после долгой борьбы, решились послать Илюшу в Москву, где он волей-неволей проследил курс наук до конца». Трудно приходилось Обломову в школе, тяжело досталось ему ученье. Сонная мысль его весьма неохотно погружалась в бездны университетской премудрости. «Дальше той строки, под которой учитель, задавая урок, проводил ногтем черту, он не заглядывал, расспросов никаких ему не делал и пояснений не требовал. Он довольство-

вался тем, что написано в тетрадке и докучливого любопытства не обнаруживал, даже когда и не все понимал, что слушал и учил. Если ему кое-как удавалось одолеть книгу, называемую статистикой, историей, политической экономией, он совершенно был доволен». Умственная неподвижность, выхоленная патриархальными пуховиками обломовского дома, отсутствие нравственной тревоги и пытливости делали для Ильи Ильича университетские науки чем-то чужим, даже враждебным, насильно ворвавшимся в его мирную жизнь. «Все это вообще считалось за наказание, ниспосланное небом за наши грехи». В сущности между Обломовым и университетом кипит глухая борьба, и последний лишь с большим трудом пробивает неглубокие бреши в девственной патриархальной душе Ильи Ильича.

Если Обломов представлял из себя очень упорный и плохо поддающийся университетской обработке материал, то и тогдашний университет представлял из себя плохой аппарат для воспитания обломовской души. Хотя дореформенный университет и был всесословным, но он вовсе не был бессословным и обслуживал по преимуществу дворянскую молодежь, поскольку, конечно, он не был просто официальной школой правительственных чиновников. То, что не было проникнуто казенным духом, было пропитано духом романтизма, отвечая порывам и стремлениям прогрессивной дворянской среды. Философский, гражданский и эстетический романтизм — вот с чем прежде всего пришлось столкнуться пробуждающемуся к новой жизни обломовцу.

Взрощенный на совсем иной почве, чем Обломовка, романтизм многими сторонами должен был остаться вне понимания гончаровского героя. Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что герой этот чувствовал себя в университете так же, как посланные Петром в науку за границу дворянчики: все ново, чуждо, многое привлекает, еще больше непонятно, многое усваивается и перенимается, хотя без понимания, поверхностно, приноровляясь к иному уровню. Философские искания романтизма оказались выше понимания гончаровского героя, и от плавания в его глубоких пучинах он уклонился. «Мыслителям,— сообщает автор,— не удалось расшевелить в нем жажду к умозрительным истинам». Не вслушивался он и в гражданские мотивы романтизма, потому что мотивы эти были слишком чужды его уху. Гораздо доступнее, как и следовало ожидать, оказалась эстетическая сторона романтизма. Романтическая поэзия читается с увлечением, герои романтических поэтов возбуждают большой интерес и нравятся до желания подражать им. Штольц вспоминает, как в юношеские годы его приятель носился с Руссо, Шиллером, Гете, Байроном, как восхищался, кипел и горел под обаянием их поэзии. «Поэты задели его за живое, — пишет Гончаров, — для него настал счастливый момент жизни, расцветающих сил, надежд на бытие, желания блага, доблести, деятельности, эпоха сильного биения сердца, пульса, трепета, восторженных речей и сладких слез. Ум и сердце просветлели, он стряхнул дремоту, душа запросила деятельности».

Конечно, и в понимании этих поэтов и их героев было много дефектов. Обломов понимает все это упрощенно, приноровляя к обломовской почве. Понимается только то, что имеет хоть какие-нибудь аналогии в условиях обломовской жизни. Любовь, дружба, поэзия, играющие значительную роль в жизни романтических героев, хорошо знакомы и обломовцу, хотя и не в таких блестящих проявлениях, как у этих героев. На этих мотивах и останавливается внимание обломовца, ими он и любуется в романтической поэзии. Но и здесь далеко не все понятно Обломову. От него совершенно ускользает резко индивидуалистический характер всех этих чувств у романтиков. Он перерабатывает их в своей психике на патриархальный лад, вкладывает в них семейное, а не индивидуалистическое содержание. Под влиянием поэтов гончаровский герой вырабатывает весьма своеобразный и, в сущности, утопический идеал, в котором старомодный семейный уют наполняется изяществом, одухотворенностью, поэзией.

С этого момента Обломов станет искать осуществления странного внутренно-противоречивого идеала лениво-деятельного, сонно-бодрого, тихо-шумного существования. По словам Гончарова: «он все доискивался нормы жизни, такого существования, которое было бы и исполнено содержания, и текло бы тихо, день за днем, капля по капле, в немом созерцании природы и тихих, едва ползущих явлениях семейной, мирно-хлопотливой жизни». От этого идеала еще очень далеко до философского и гражданского самоопределения. Даже как идеал личной, домашней жизни он неудовлетворителен, представляя из себя безжизненную амальгаму обломовской сущности с совершенно чуждой ей романтикой. Идеал этот важен не своим положительным содержанием, а скорее критическим отношением к старомодности Обломовки. В роли положительного идеала он был даже вреден, сбивая ищущего с прямой дороги, толкая его на путь неосуществимых утопий. Но, взятый в своем критическом отношении к Обломовке, он, несомненно, говорит о росте сознания, что условия изменились и жизнь надо строить по-новому.

Как бы там ни было, университет глубоко отразился на всем психическом складе Ильи Ильича. Это уже не прежний девственно-патриархальный обломовец. «Он был уже не в отца и не в деда, — пишет Гончаров, — он учился, жил в свете; все это наводило его на разные чуждые им соображения». От поэтов и университета у Обломова остался какой-то зуд деятельности, смутное ощущение, что что-то нужно делать, которое как нельзя больше отвечало изменившемуся социальному положению обломовцев. Илья Ильич почувствовал, что жизнь его может потечь по более широкому руслу, чем патриархально-буржуазное русло старой Обломовки, что перед ним раскрыт широкий путь к карьере и фортуне. «Он был полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал многого и от судьбы, и от самого себя; все готовился к поприщу, к роли — прежде всего, конечно, к службе». Он всколыхнулся, расправил крылья и направил свой полет в самый омут надвигающейся капиталистической культуры — в Петербург. Здесь очень скоро Илья Ильич заметил несостоя-

тельность той программы жизни, с какой вылетел он из университета. Он тотчас увидел, что таким, каков он есть, он не годится ни в Обломовке, ни в Петербурге. С патриархальной Обломовкой не мирится тот вкус к культуре, который привился Илье Ильичу в университете; с культурным Петербургом не мирится тот вкус к инерции и семейственности, каким пропитала его Обломовка. «Обломов очень призадумался, когда замелькали у него в глазах пакеты с надписью «нужное» и «весьма нужное», когда его заставляли делать разные справки, выписки, рыться в делах, писать тетради в два пальца толщиной, которые точно на смех называли «записками»; притом все требовали скоро, все куда-то торопились, ни на чем не останавливались: не успеют спустить с рук одно дело, как уже опять с яростью хватаются за другое, как будто в нем вся сила и есть, и, кончив, забудут его и кидаются на третье, — и конца этому никогда нет! Раза два его поднимали ночью и заставляли писать записки, несколько раз добывали посредством курьера из гостей — все по поводу этих же записок. Все это навело на него страх и скуку великую». Илья Ильич убедился, что сочетать патриархальные пуховики с культурными интересами нет никакой возможности, что он пробует сесть между двух стульев и попадает в пустое пространство. Нужно было либо окончательно и бесповоротно оторваться от неги обломовских пуховиков, от старомодной халатности, физической и духовной инертности, чтобы стать двигателем новой буржуазно-капиталистической культуры; либо погасить все зародившиеся культурные интересы, повернуть назад и мирно зажить сдобной жизнью дедов и отцов. Иного исхода не было.

Петербург прямо и остро поставил перед героем Гончарова вопрос — быть ему или не быть культурным буржуа, передовым человеком своего класса? «Итти вперед или остаться» — вот роковой вопрос, вставший, по словам Гончарова, перед Ильей Ильичем. «Этот обломовский вопрос, — продолжает автор, — был для него глубже гамлетовского. Итти вперед — это значит сбросить широкий халат не только с плеч, но и с души, с ума... Остаться — значит надевать рубашку наизнанку, слушать прыганье Захаровых ног с лежанки, обедать с Тарантьевым, меньше думать обо всем». Этот «обломовский вопрос» стоял перед каждым обитателем патриархально-буржуазных гнезд накануне великой реформы, и каждый решал его на свой лад, в зависимости от индивидуальных условий развития.

В Обломове дух буржуазного патриархализма пустил слишком глубокие корни. Вкус к сдобному старинному покою в нем гораздо, неизмеримо сильнее вкуса к прелестям культуры; он очень был бы не прочь от того, чтобы сдобность покрылась лаком культуры, но ни для какой культуры он не откажется от милой его сердцу сдобности.

Когда он увидел, что культурный лак не пристает к патриархальной Обломовке, когда перед ним стала ребром дилемма — либо культурное, либо сдобное существование, он несколько раз вяло качнулся в сторону культуры, а потом мягко, бесшумно, легко покатился назад.

Последовательно деградируя, теряя одну культурную привычку за другой, он докатился до старого халата, любовно закутался в него

и утопил в его складках все культурные порывы, обратившись в копию своих дедов и отцов. «Лениво махнул он рукой на все юношеские, обманувшие его или обманутые им, надежды, все нежно-грустные воспоминания, от которых у иных и под старость бьется сердце. Вглядываясь, вдумываясь в свой быт и все более и более обживаясь в нем, он, наконец, решил, что ему некуда больше итти, нечего искать, что идеал его жизни осуществился, хотя без поэзии, без тех лучей, которыми некогда воображение рисовало ему барское, широкое, беспечное течение жизни». Если культура не пристает к патриархальным пуховикам, то бог с ней, культурой: останемся на пуховиках. Так решил Илья Ильич поставленную жизнью дилемму.

История Обломова, это — история остановившегося в культурном развитии буржуа, который медленно, но неуклонно переживает обратную эволюцию, возвращаясь в первобытное состояние патриархально-буржуазного бытия. В ясные и сознательные минуты жизни Обломов с грустью и болью сознает себя именно отсталым человеком, рабом ленивым и лукавым, зарывшим в землю свои таланты. «Ему грустно и больно стало за свою неразвитость, остановку в росте нравственных сил, за тяжесть, мешающую всему; и зависть грызла его, что другие так полно и широко живут, а у него как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования. В робкой душе его вырабатывалось мучительное сознание, что многие стороны его натуры не пробудились совсем, другие были чуть-чуть тронуты, и ни одна не разработана до конца. А между тем, он болезненно чувствовал, что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее светлое начало, может быть, теперь уже умершее, или лежит оно, как золото, в недрах горы, и давно бы пора этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело завален клад дрянью, наносным сором. И уж не выбиться ему, кажется, из глуши и дичи на прямую тропинку. Лес кругом его и в душе все чаще и темнее. Тропинка зарастает все более и более: светлое сознание просыпается все реже и только на мгновение будит спящие силы. Ум и воля давно парализованы, и, кажется, безвозвратно». В этой внутренней исповеди открывается поистине жуткая картина понятного движения, деградации нравственных сил. Изображение этой психической диссолюции, этого регрессивного движения буржуазной души составляет главное содержание романа и написано с изумительною яркостью и силой.

История Ильи Ильича не имеет ничего общего с историей лишнего человека. Между его биографией и биографией Онегиных или Рудиных нельзя провести никакой аналогии. Зато эта биография является почти дословным повторением того, что сообщает Гончаров о своем первом герое, Александре Адуеве. Детство Обломова, как две капли воды, похоже на детство Адуева. Та же леность и безмятежность, та же материнская ласка, те же нянины сказки, сулящие ребенку золотые горы и жар-птицу, то же полное незнакомство с человеческим горем, бедностью, неволей. Разница сводится лишь к тому, что в «Обломове» картина детства нарисована с бо́льшим мастерством и гораздо детальнее, чем в «Обыкно-

венной истории». В последней детство очерчено мельком, между прочим потому, что все внимание художника ушло на изображение юношеского перелома его излюбленного героя. Здесь о детстве написано меньше странички. В «Обломове» детству посвящена целая и очень большая глава, которая является одной из лучших в романе. Можно смело сказать, что в «Обломове» Гончаров дал единственную по широте, яркости и законченности художественного исполнения картину детства, типичную для той среды, откуда вышли все его герои. И Адуев, и Райский, и Поджабрин станут живыми перед вашими взорами, когда вы представите их себе в обстановке этого детства. Школьные и университетские годы далеко уступают по яркости изображения картине детства. Чувствуется, что этот период в жизни Обломова мало занимал художника Но и в жизни Адуева он изображен слабо,— еще беднее, чем в «Обломове». В «Обыкновенной истории» об этом периоде оброне́но несколько слов. Если бы эти несколько слов вы сравнили с тем, что сказано о школьных и университетских годах Обломова, вы пришли бы к заключению, что и здесь Обломов повторяет Адуева, потому что мельком оброненное об Адуеве почти дословно повторяется в новом романе. То же механическое прохождение курса, то же увлечение романтическими поэтами и в заключение тот же порыв к более утонченному существованию, чем примитивная сдобная обломовщина. Далее у обоих наступает период петербургской жизни. Первые впечатления большого города, первые шаги на службе совершенно одинаковы. Они завершаются разочарованием, которое приводит обоих героев Гончарова к мягкому дивану и халату. Оба испугались тех тревог и той работы, которой требовала культурная жизнь, трусливо ушли от культурных людей, отгородившись от них халатом; около обоих появились грубые некультурные фигуры — Костяков около Адуева, Тарантьев около Обломова. До этого момента между Обломовым и Адуевым мы наблюдаем полное сходство. Дальше начинается их коренное различие: Александр Адуев не остается в халате, не останавливается в своем развитии. Он открывает путь к культурной форме буржуазного уюта, к комфорту. Он освобождается от инерции, патриархализма, сбрасывает халат и приспособляется к европейскому покрою платья. Ленивое лежанье на диване и общение с Костяковыми в «Обыкновенной истории» является только главой. «В «Обломове» это — уже не глава, а все содержание романа.

Илья Ильич не пошел дальше в своем развитии и вернулся в состояние примитивного обломовца. Его история — не прогресс в направлении культурности, а культурная деградация последовательного угасания и отмирания брошенных в его душу семян культурности. Изображение этой деградации и этого угасания, изображение попятного движения от европейского сюртука к азиатскому халату составляет главную цель художника в «Обломове». Здесь все сводится к изображению того халатного существования, которое в «Обыкновенной истории» было только эпизодом.

Адуев и Обломов, без сомнения, связаны генетически. Оба они дети одной среды и одной и той же эпохи. В психике обоих столкнулись две враждебных, непримиримых тенденции: тенденции буржуазного патриархализма и тенденции буржуазной культурности. В этом отношении оба характера совершенно тождественные. Разница лишь в том, что в одном изображается торжество культурных тенденций, а в другом — диссолюция буржуазной психики. В Александре Адуеве изображается прогрессивное движение буржуазии к захвату в свои руки культурного строительства; в Обломове — регрессивное, попятное движение в сторону старого патриархализма, отказ от исполнения той культурной миссии, которую поставило перед буржуазией историческое развитие жизни.

НИКОЛАЙ СТАВРОГИН И РОМАН «БЕСЫ» [1]).

Вяч. Полонский.

I. О некоторых особенностях романа.

I.

Среди других произведений Достоевского, писателя необычайного, особенным своеобразием поражает именно роман «Бесы». На первый взгляд это как будто «хроника», т.-е. некое беспристрастное «описание» некоторых «недавних» и «странных» событий, случившихся в городе, имя которого в романе не произнесено. Значительная часть романа действительно выдержана в духе хроники: все происшествия, вплоть до тайных и интимных, передаются читателю невидимым, но вездесущим летописцем. Но уже в конце второй части хроникер исчезает, уступая место самому автору: одно из главных действующих лиц, именно то, которое определяло характер хроники, оказалось лицом подставным.

Это обстоятельство не может показаться неожиданным: первые же страницы «летописи» с очевидностью говорят о том, что «летописец», которому по роду его деятельности подобает быть беспристрастным, *этого* именно качества и лишен. Первые же штрихи, которыми характеризуется «многочтимый Степан Трофимович Верховенский», обличают в летописце такую злую иронию, такой кипящий избыток язвительной насмешливости, что всякая мысль о «хронике», как своеобразной форме беспристрастного, «почти исторического» повествования, отпадает: роман написан страстно, с сгущенной силой озлобления, без каких бы то ни было претензий на объективность: *недаром* на первой же странице автор вспоминает «*один сатирический английский роман*» и его знаменитого героя *Гулливера*.

Намек, весьма прозрачный, оказался, однако, не раскрытым современниками. Значительная литература о «Бесах» пестрит оценками романа,

---

[1]) См. «Печать и Революция» 1924 г., книга пятая. Содержание настоящей работы было изложено в Обществе Любителей Российской Словесности 14 декабря 1924 г. и в Коммунистической Академии 23 февраля 1925 г.

как злобной карикатуры на некоторых почтенных деятелей. «Достоевский следует по стопам Стебницкого» — «его соблазнили лавры автора „Некуда“», этот упрек, пожалуй,—наиболее распространенный. Самый характер упрека говорит о том, что существенное содержание романа, его основное задание было либо понято неправильно, либо не понято совсем.

А в характере задания коренились главнейшие особенности произведения. Больше всего взволновали современную критику Степан Трофимович Верховенский и писатель Кармазинов. В этих персонажах мгновенно узнали Т. Н. Грановского и И. С. Тургенева. Но странное дело: вступившись за обиженных писателей, критика не обратила или не хотела обратить внимания на то, что *весь* роман, — за исключениями, о которых мы будем говорить ниже, *все* действующие лица, *вся* его ткань, развитие фабулы и положения, в которые становятся его персонажи,— все это было взято под тем самым углом зрения, который преобразил Грановского — в Верховенского-отца, а Тургенева — в Кармазинова.

II.

Прием, с помощью которого преображены «Грановские» [1]) в Степана Верховенского, есть прием сатирический. Этот именно прием и господствует в романе. Его язвительная сила ярче всего дала себя знать на образе Кармазинова, сделанном со злобой, с презрительной и, как известно, с личной ненавистью. Но разве только на Кармазинове? Раскроем наудачу роман и прочтем описание путешествия Варвары Петровны Ставрогиной в Петербург. Взглянем на столичную среду, как изобразил ее Достоевский: здесь господствует тот же прием преображения, деформации душевных обликов, извращения ликов, идей и событий в сторону осмеяния и осуждения.

Вся «*петербургская литература*» с ее «*новыми идеями*» и с «*высшим кругом*», откуда «*управляли движением*», превращена в удивительную кунсткамеру, в собрание уродов, монстров, чудовищных карикатур. В этом кратковременном и неудачном путешествии, в вызывающем презрительную жалость виде показаны не только надуто-глупая Варвара Петровна Ставрогина и ее ученый друг, вдруг сделавшийся страшно высокомерным, но вся духовная аристократия эпохи шестидесятых — семидесятых годов, все «*вожди*», «*светочи*», «*борцы за высокие идеалы*», как издевательски обзывает их Достоевский. Осмеяны литературные споры того времени и руководители споров, «*критики, романисты, драматурги обличители*». Характер одного этого описания говорит о том, что в основе «Бесов» лежало задание, по размах и глубине далеко

[1]) Мы не будем здесь повторять того, что уже известно читателю: в лице Степана Трофимовича выведен не «Грановский», как историческая фигура, а «Грановские», т.-е. некий общественный слой эпохи 30—40 годов.

выходившее за пределы сведения личных счетов и памфлетирования отдельных представителей тогдашнего общества.

Тот же прием продолжает быть характерным при изображении большинства остальных фигур. Как постыдно смешны покровительница молодежи Юлия Михайловна, болтливое олицетворение передовой женщины того времени, и ее супруг, фон-Лембке, тупой немец, дослужившийся до степеней известных — весьма внушительная общественная фигура, зло и дерзко осмеянная Достоевским; не уступают этой фигуре прочие представители общества, его вожди и законодатели, а также случайно всплывающие в поле зрения откуда-то из глубин его рядовые экземпляры, вплоть до студентки, представительницы учащейся женщины, странствующей с целью «принять участие в страданиях бедных студентов и возбудить их к протесту»; вплоть до гимназиста, страдавшего за свои восемнадцать лет, но уже слепившего самостоятельную кучку заговорщиков в старшем классе гимназии; вплоть до глупого майора, через руки которого, в молодости, «прошли целые склады «Колокола» и прокламаций»; вплоть до учителей и семинаристов — и длинного ряда других, подчеркнуто смешных, надуто-глупых или возбуждающих сомнение насчет сохранности их умственных способностей [1]). Охватим одним общим взглядом все богатое многообразие этих осмеянных и оскандаленных персонажей, взглянем на них со стороны: *все* население *неведомого города*, с верху и до самого низа, предстанет пред нами в вихре странных событий.

Случаен ли этот город, оставшийся безымянным? Да «город» ли это? Если современники романа могли раздумывать над ответом — в наши дни нет места для колебаний. *Город этот, конечно, Русь, Россия*, но не с одного боку, а вся целиком, со всех сторон — *таков был размах* Достоевского. И пред лицом этого поистине величественного задания детским лепетом кажется возмущение его современников, негодовавших на неделикатное преображение «идеалистов тридцатых годов». Автор преображал всю страну, превращал ее в трагический балаган, с исступлением раскрашивал чудовищные маски, он хотел быть Свифтом и кровавые рубцы оставлять в душе своих современников, а они обидчиво недоумевали и, переглядываясь, вопрошали:

С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?

Наша историко-литературная критика указывает на Грановского и Тургенева, как на прототипы двух крупных фигур романа. Было бы очень хорошо, если бы какой-нибудь исследователь попытался открыть

[1]) Вспомним, напр., подпоручика, «молчаливого и важного с виду», который бросился однажды на своего командира и укусил его в плечо. Он изрубил топором хозяйские образа, вместо которых разложил на подставках сочинения Фохта, Молешотта и Бюхнера, и перед каждым налоем зажигал восковые церковные свечки. «Если бы у него было пятьдесят тысяч франков, — добавляет дальше Достоевский, — то он уплыл бы, может быть, на Маркизские острова, как тот «кадет», о котором упоминает с таким веселым юмором г. Герцен в одном из своих сочинений».

житейские прототипы других его действующих лиц. Результаты, вероятно, получились бы чрезвычайно интересные.

«...Какие-то Лямшины, Телятниковы, помещики *Тентетниковы*, доморощенные сопляки *Радищевы*, скорбно, но надменно улыбающиеся жидишки, хохотуны заезжие путешественники, поэты с направлением из столицы, *поэты взамен направления и таланта в поддевках и смазных сапогах. майоры и полковники*, смеющиеся над бессмысленностью своего звания и *за лишний рубль готовые* тотчас же снять свою шпагу и *улизнуть в писаря* на железную дорогу, *генералы, перебежавшие в адвокаты;* развитые посредники, *развивающиеся купчики*, бесчисленные семинаристы, женщины, изображающие собою женский вопрос, — все это вдруг у нас взяло полный верх и над кем же!»

Разрешение хотя бы одного вопроса о том, как могли затесаться в хронику нашего неведомого града «Тентетниковы» и «доморощенные сопляки Радищевы», дало бы очень много любопытнейших заключений. Не менее интересно раскрытие общественных фигур, скрытых за «поэтами в поддевках и смазных сапогах», и генералами, перебежавшими в адвокаты. Не случайно попали они на страницы «хроники», а ведь до сего времени эти псевдонимы, в изобилии рассыпанные по страницам у «Бесов», оказываются еще не разоблаченными.

Сделав сатирический прием при построении романа основным, обобщая, типизируя каждое действующее лицо, Достоевский вполне последовательно спутником романа сделал *пародию*. Чаще всего пародийными элементами «Бесов» называли «Довольно» Тургенева, «Студент» Огарева, «Письма» Грановского. А между тем *весь текст романа пересыпан пародиями*. Знаменитые «рассказы из испанской истории» — пародийного происхождения. Далее следуют — превосходная пародия на романтическую поэму Степана Трофимовича; пародия на эстетику Чернышевского; речь маньяка на литературном вечере, устроенном Юлией Михайловной — есть пародия на речь проф. Павлова, посвященную тысячелетию России [1]), а самый праздник пародирует знаменитый литературный вечер в зале Руадзе; кадриль литературы изображает тогдашние литературные направления; теория Шигалева есть крепко сделанная, обобщенная пародия на сен-симонизм, фурьеризм, кабетизм, т.-е. *на мечту утопического социализма о будущей мировой гармонии*, о рае на земле, и не спроста Петр Степанович называет Шигалева «господин Фурье»; идеология Петра Верховенского — и искусная пародия

---

[1]) См. «Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 г.», том II, стр. 351. «Тысячелетие России».

«Россия прожила *тысячелетие*,—говорил Павлов.— В XVIII и XIX столетиях русская земля наказалась вполне за страдания и позор низшего земского сословия... *Никогда* Россия не испытала *более тягостного состояния*...» (стр. 351, 353). Смысл всей речи, за которую Павлов через четыре дня после чтения был отправлен в Ветлугу, Достоевский сжал в одну фразу, которую упорно повторяет маньяк: «*Но никогда Россия за всю бестолковую тысячу лет своей жизни не доходила до такого позора*» («Бесы», стр. 437, 478, изд. 1883 г.).

на воззрения Сергея Нечаева, и даже стихи капитана Лебядкина, как и все вообще его поэтические притязания, по моему мнению, также являются пародийным элементом [1]).

III.

Сам Достоевский, работая над «Бесами», придавал роману значение гораздо большее того, какое увидела в нем современная критика.

«Никогда еще я не брал на себя подобной темы в таком роде»,— писал он Н. Страхову из Дрездена 28 мая (9 июня) 1870 года. «Совершенно не могу угадать, что выйдет из этого»,— добавлял он, проявляя большое беспокойство.

Переписка Достоевского обнаруживает всю мучительность, с какой выформлял он свои замыслы. Писательство не было для него «игрой». Это был труд сверхчеловеческий, с постоянными колебаниями от удовлетворения к сомненьям. Неверие в успех с особенной силой терзало Достоевского во время писания «Бесов» именно потому, что задание он себе поставил необычайное.

«То, что я пишу,— вещь тенденциозная, хочется высказаться погорячее,—сообщает он Майкову, добавляя с скрытым ликованием: — вот завопят-то про меня нигилисты и западники, что ретроград. Да чорт с ними, а я до последнего слова выскажусь» [2]).

Те же соображения почти дословно повторяет он в письме Н. Н. Страхову [24 марта (5 апреля) 1870 года], замечая при этом, что хочет «высказать несколько мыслей», хотя бы при этом погибла *художественность*, ибо его увлекает *«накопившееся в уме и сердце»*. «Пусть выйдет хоть памфлет, — заявляет он, — но я выскажусь».

Горячность и волнение, с какими Достоевский приступал к работе, убедительно говорят о том, что задачи себе он ставил неизмеримо более широкие, чем изображение «нечаевщины», или «подполья русской интеллигенции». Это части задания, детали, вошедшие в картину, но не само задание, не вся картина.

«Нечаевское дело» (подчеркиваю: *не «процесс нечаевцев»* — а **«дело»**, возбужденное вслед за убийством Иванова в ноябре 1869 г.) послужило лишь *предлогом* для романа. Это был, быть может, тот кусочек кристалла, который, падая в насыщенный раствор, вызывает процесс кристаллизации. Но, послужив предлогом для романа, «нечаевское дело» ни в замысле Достоевского, ни в самом романе не заняло центрального места, сохранив житейский характер *эпизода*, частного случая, который

---

[1]) Замечу мимоходом, что между «Бесами» и романом Тургенева «Отцы и дети» существует определенное композиционное сходство. В Петре Верховенском есть кое-что, напоминающее пародию на Базарова. Связь между этими образами, параллельная связи между Степаном Трофимовичем и стариками Кирсановыми, мне представляется несомненной.

[2]) Дрезден, 25 марта (6 апреля) 1870 г.,—т. I, стр. 231. Все цитаты по Собр. соч. Достоевского, изд. 1883 г.

сам Достоевский называл лишь «крупнейшим происшествием» своего рассказа.

В 1873 г., в послании А. А. Романову, наследнику русского престола, в ответ на запрос его, «как автор «Бесов» смотрит на свое произведение», Достоевский называл роман «почти историческим этюдом» и подчеркивал, что в романе своем хотел выразить «родственность и преемственность мысли, развивавшуюся от отцов к детям», т.-е. от поколения идеалистов 30—40 г.г. — к поколению нигилистов 60-х. «Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если бы им сказали, что они прямые отцы нечаевцев» [1]).

Поставив своей задачей изобразить «преемственность» мысли, Достоевский вместе с тем решил убедительно показать, *как именно в нашем обществе могут возникнуть, развиться и найти осуществление такие явления, как нечаевщина.* Но ведь нечаевщина была для него не простой случайностью, а порождением революции. Именно потому, что в эпизоде этом Достоевский увидел лик революции, он за него и ухватился в уверенности, что вот тут-то и нанесет революции удар в самое сердце, разоблачив ее нравственную природу.

Потому-то «общество» и оказалось объектом сатирического изображения, что прониклось революционными идеями. Достоевский не делал при этом разницы между либералами и социалистами — и те и другие одинаково были для него «нигилистами», отрицателями, людьми, в которых вселились бесы. Всю силу ненависти собрал он, чтобы ударить в одну точку: «то-то завопят либералы, что ретроград». Чтобы понять, с каким методом подходил к своему повествованию Достоевский, достаточно вспомнить следующие его строки Н. Н. Страхову, написанные в Дрездене 24 марта (5 апреля) 1870 г.:

«Вы слишком, слишком мягки,— писал он по поводу некоторых выпадов Страхова против нигилистов и западников в статье «Женский вопрос». — Для них надо писать с плетью в руке. Во многих случаях вы для них слишком умны. Если бы вы на них поазартнее и *погрубее* нападали, было бы лучше. Нигилисты и западники требуют окончательной плети».

* * *

Таким было первоначальное задание: тенденциозный роман, даже в ущерб художественности, направленный против пороков революционной заразы, против нигилистов и либералишек, против поколения отцов и поколения детей, написанный с плетью в руке, т.-е. зло, беспощадно, с единственной целью «высказаться погорячее», не заигрывая с молодежью, а раскрывая ей глаза, т.-е. разоблачая, издеваясь, наказывая. Такое задание предопределило форму романа, как произведения сатири-

[1]) Сборник «Недра», книга вторая, 1923 г., изд. «Новая Москва», стр. 275—276.

ческого, сопровождаемого пародией, насмешкой, эпиграммой. Все эти элементы в «Бесах» на-лицо.

Но в процессе своего развития роман испытал вторжение других творческих элементов, которые осложнили его композицию, создали параллельное повествование и вдвинули в роман целый ряд фигур совершенно другого плана и происхождения. Это вторжение сделается нам понятным, если мы проанализируем психологическую и социальную подпочву, на которой развивалось мировоззрение Достоевского и его отношение к революции.

II. Ave, Cesar, morituri te salutant! [1])

I.

Мы мало знаем о душевных переживаниях Достоевского. Нам неясна картина социалистических увлечений его юности. Осталось невыясненным точно, как именно произошел духовный переворот в сибирские годы его жизни. Мы знаем лишь, что именно после Сибири сформулировал он свои мысли о почве, о народе, как о твердой опоре, без которой ни жить, ни спастись невозможно. Эти мысли были тяжелой платой за горький опыт жизни. Но им суждено было остаться неосуществленной мечтой, к которой протягивал он руки. Прилепиться к народу, слиться с ним, стать твердым «почвенником» Достоевский не смог, не сумел, как того ни хотел. Всю свою долгую жизнь он был страшно одиноким, столь же одиноким на родной земле, как и на чужбине.

Достоевский, гениальный художник, принадлежал не только своему времени, но определенному социальному слою. Он был порождением мещанства, в смысле социальном, т.-е. художником, создание которого сформировалось в среде городской нищеты, печальная участь которой с юных лет уязвила его сердце [2]). Если бы история жизни Достоевского развивалась без катастрофы, — наша литература имела бы гениальные произведения, овеянные гуманизмом, который звучал еще в ранних произведениях его, может быть, с оттенком христианского социализма, полные веры в человечество, в его силы и будущее; не даром в юности увлекался Достоевский Шиллером и Жорж-Занд и записался в тайное общество фурьериста Петрашевского. Трагическая судьба бросила его на каторгу; долгие годы пробыл он в мертвой глубине самых низких низов социального дна, среди впечатлений и испытаний, которых не могло вынести живое человеческое сердце. Достоевский не только поставлен был в условия, позволившие ему глаза в глаза смотреть, как безвозвратно и без смысла погибал человек, — он сам почувствовал себя под колесом,

---

[1]) Да здравствует Цезарь, погибающие тебя приветствуют!

[2]) В Переверзев в своей книге о Достоевском дал прекрасный анализ социальных корней творчества этого художника.

за той чертой, откуда никто не возвращался, и никогда, ничего, никому не рассказал.

Достоевскому, посчастливилось. *Он вернулся*, и его гениальность стала рупором, через который с неимоверной силой, на весь мир зазвучали слова и образы, рожденные отчаянием, тоской и протестом погибавших и погибающих. Достоевский не изменил своему кругу: он до последних дней остался ему верен. Но все дело в том, что войдя, в «мертвый дом» социалистом, фурьеристом с христианским оттенком, он вышел оттуда с душой, в которой оказались испепеленными социализм и фурьеризм.

Пройдя сквозь каторгу и бесконечные унижения, — биографами не опровергнуты еще показания некоторых свидетелей о применении к Достоевскому телесного наказания, — он вышел из «мертвого дома» сутуловатым человеком с темным взглядом, опущенным к земле, с припадками эпилепсии и кошмарами, клубившимися в его душе. Спустившись в дантов ад приверженцем социалистических идей, тесно переплетенных с Христом, — ветхий и новый завет были первыми книгами его детства, — в каторге, где чуть ли не единственным чтением его было евангелие, Достоевский нашел, или заставил себя уверовать, что нашел, другую правду, не похожую на ту, какую раскрывал перед ним Белинский в своих проповедях. До «мертвого дома» в его душе пытались ужиться рядом христианство и социализм. «Мертвый дом» это сожительство разрушил, и когда Достоевский, после освобождения, вновь столкнулся с социализмом,—именно в эпоху 60-х г. г. делавшим в России свои широкие завоевания, — он почувствовал, что не только немыслимо мирное сосуществование христианства и социализма, но невозможно вообще их совместное существование в этом мире. Или христианство, или социализм, но только одно из них, такое убеждение Достоевский принес с каторги. Острее других и глубже других — недаром он был гением — *Достоевский понял, что христианство отвергает социализм, и наоборот: социализм не может не отвергнуть христианства.*

II.

Психологам, исследователям Достоевского, предстоит еще интересная задача до тонкостей выяснить этот процесс. Но какова бы ни была картина духовных превращений Достоевского, предопределяющим моментом в ее развитии были впечатления, полученные им с детства, обстановка, напитавшая его юность наблюдениями, другими словами, то духовное наследство, которым наградила его взрастившая его социальная среда. Эти обстоятельства, играющие первенствующую роль в формировании навыков, предрасположений, вкусов, точек зрения, — все то, что составляет классовый психологический костяк индивидуальности, еще до каторги сделали из Достоевского сумрачного нелюдима, с жадностью всматривавшегося в жестокие гримасы жизни, одинокого и нервного, с честолюбивыми мечтами и с предчувствием какой-то свой избранности.

В кружок Петрашевского он забрел в поисках разгадки жизни, потрясшей его своей дисгармонией, в которой он не видел смысла и которой не смог преодолеть до самой смерти. Вброшенный же на каторгу, увидев себя не на краю, но *за краем* гибели, подавленный всем, что было вокруг, одинокий в огромном страшном мире, отчаявшийся и покинутый —у кого же было искать ему помощи? Достоевский так же, как это было тысячу раз до него, как это бывало неоднократно и после него, увидел спасение в мечте о Христе. Первая книга его детства засияла перед ним, как маяк. Или с Христом против социализма, или с социализмом против Христа, это сделалось основой мировоззрения Достоевского после возвращения с каторги. Он пошел с Христом. Больше того — он проникся убеждением, «что если бы математически доказали», что истина вне Христа, он согласился бы лучше остаться с Христом, нежели с истиной. Это было глубочайшим его убеждением. Именно со стороны анти-христианства, со стороны отрицания бога, Достоевский по выходе из «мертвого дома» стал воспринимать социализм. «Он объявил мне, что он окончательный атеист», — с ненавистью вспоминал Белинского Достоевский в письме Майкову из Женевы (16/28 августа 1867 г.), а в другом месте обзывал великого критика «самым смрадным явлением русской жизни» за то только, что тот при нем «ругал Христа».

Шесть лет спустя, уже после окончания «Бесов», неоднократно возвращаясь к роману в «Дневнике писателя», бросая отдельные комментарии, Достоевский подробнее говорил о Белинском, христианстве и социализме.

«В первые дни знакомства привязавшись ко мне всем сердцем, он тотчас же бросился, с самою простодушною торопливостью, обращать меня в свою веру... Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма. В этом много для меня знаменательного, — именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшим образом проникаться идеей. Интернационалка в одном из своих воззваний начала прямо с знаменательного заявления: «Мы прежде всего общество атеистическое», т.-е. начала с самой сути дела; тем же начал и Белинский... Как социалисту, ему следовало прежде всего низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма» [1]).

«*Французский социализм*, — писал он еще четыре года спустя [2]), — *т.-е. успокоение и устройство человеческого общества уже без Христа и вне Христа*». А в одном из неопубликованных черновиков к «Бесам», хранящихся в Центрархиве, он в уста Липутину вкладывает эту самую мысль: «Социализм, — говорит Липутин, — ведь это замена христианства, ведь это новое христианство, которое ведет обновить весь мир. *Это совершенно то же христианство, только без бога*».

---

[1]) «Дневник писателя» за 1873 год.
[2]) «Дневник писателя» за 1877 г., январь, т. XII.

Совершенно очевидно, что в упорном повторении одной и той же мысли на протяжении многих лет сказывается ее значительность в системе воззрений автора «Бесов». Противопоставление социализма и бога было его краеугольным камнем; этот камень лежал в основе всех художественных и публицистических произведений Достоевского, написанных после «Бесов».

«Начав возводить свою «вавилонскую башню» без бога и без всякой религии, человек кончит антропофагией», уверял он, и эту антропофагию искал в социализме — недаром так горячо ухватился он за нечаевское «дело»: происшествие то, рассмакованное газетами всего мира, очень уж было соблазнительно. За «атеизм», за «безбожие» ненавидел он социалистов и нигилистов, за равнодушие презирал либералишек. Или «гнусные атеисты», или «равнодушная развратная дрянь» — вот что видел он в современном ему русском образованном обществе [1]).

В безрелигиозности революции, которую отождествлял он с либерализмом и социализмом, для Достоевского было все дело. *Та самая особенность революции, которую мы ныне считаем ее великим, освобождающим, положительным качеством, в глазах этого писателя, устами которого говорило погибающее мещанство, была ее самой страшной чертой.* Но строить жизнь без бога, по его мнению, значило итти против бога. Бесхристианский социализм превращался в антихристианство.

«Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов», — писал он [2]).

По первоначальному замыслу «Бесы» и были призваны показать человечеству эти удивительные результаты.

Как радиусы к центру круга, так все персонажи «Бесов» сходятся к безбожию. Отсюда трагическое равнодушие Ставрогина, безумие Кириллова («если нет Бога, то я бог»), сатанинское злодейство Петра Верховенского, фанатическая тупость Шигалева, мелкие жульничества Липутиных, самодовольная глупость генеральши Ставрогиной, простодушная жестокость Федьки Каторжного, болтливое пустозвонство Юлии Михайловны, пошлая самовлюбленность Кармазинова. — *«Или гнусные атеисты, или равнодушная развратная дрянь».*

Остановим несколько наше внимание на этом противопоставлении Достоевского: Христос и Социализм.

III.

Очень много было исписано бумаги на тему о вере Достоевского. К сожалению, меньше места было уделено вопросу, не менее интересному: *об его неверии.*

---

[1]) «Дневник писателя» за 1873 г., том X, стр. 5.

[2]) «Дневник писателя», том X, стр. 156: «Одна из современных фальшей».

«**Мерзавцы** дразнили меня необразованною и ретроградною верою в Бога. Этим **олухам** и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в Инквизиторе и в предшествовавшей главе, которому ответом служит *весь роман*. Не как **дурак** же (фанатик) я верую в Бога. И эти хотели меня учить и смеялись над моим неразвитием! Да их **глупой** природе и не снилось такой силы отрицания, которое перешел я».

Мерзавцы, олухи — какой странный стиль! Вряд ли такой стиль можно признать характерным для писаний смиренных последователей учителя, звавшего прощать и любить врагов своих. Не дает ли этот стиль оснований предположить, что не все обстояло благополучно в темной душе нашего апостола христианства?

В той же «записной книжке», откуда взяты приведенные выше строки, мы находим повторение их в записи, адресованной Кавелину. «И в Европе такой силы атеистических *выражений* нет и не было. Стало быть не как мальчик же я верую в Христа и его исповедую, а через большое *горнило сомнений моя осанна* прошла» [1])...

Другими словами: и в Европе *никто* и *никогда* так остро временами *не ощущал своего* **неверия**, как это делал Достоевский. *Он был самым сильным отрицателем, неверующим из неверующих* — иначе невозможно объяснить создание такой редкой галлереи богоборцев, какую находим мы у Достоевского.

Алеша Карамазов говорил как-то Мите: вся жизнь — борьба бога и дьявола, а поле битвы — сердца людей. Это, прежде всего, следует отнести к самому Достоевскому, в душе которого попеременно побеждали то неверие, то вера. Все творчество его, этот потрясающий мир загадочных, прекрасных и омерзительных героев, было ведь не чем иным, как объективированным, художественным воплощением его внутреннего мира. В его душе жили те пауки, которые нередко зловеще скользят по его страницам. Достоевский немного признаний оставил о себе, оберегая свой внутренний мир от вторжения посторонних взоров. Но создания этого писателя дают полное основание заключить, что, яростно браня Белинского за атеизм, страстно обличая нигилистов и безбожников, с исступлением убеждая весь мир в том, что потерять бога, значит потерять все, — *Достоевский более чем кого бы то ни было* **самого себя** *уверить хотел*, именно себя первого стараясь убедить в победе над неверием. Можно лгать в переписке, можно говорить неправду в мемуарах, не лжет только художник, когда из хаоса своей души творчески лепит художественные образы. «Творения Достоевского» были правдивым выформлением его внутреннего мира, полного бесконечных сомнений и глубочайшего отрицания. Мир этот не походил на внешний мир, ибо был отражением, преломленным сквозь больную, истерзанную, необычайную душу художника. Проходя сквозь призму его творческой души, они приобретали своеобразный, почти фантастический характер, и герои

[1]) Курсив Достоевского, том I, Собр. соч. 1883 г., стр. 368—369, 375. В предыдущей цитате жирный шрифт — мой.

Достоевского стоят особняком в истории русской и мировой литературы.

Достоевский-неверующий был вторым и (кто знает?) не настоящим ли «я» — *ибо автор «Двойника» был двойником сам*, — недаром он возлюбил раздвоение человека и двойники проходят по его страницам от первых произведений до последних.

Только наличием внутренней борьбы в нем самом можно объяснить такое неотступное, такое постоянное утверждение и отрицание, какие мы видим в его произведениях, не случайно же главнейшие произведения Достоевского представляют сплошной **диспут**, страстный спор непримиримых противников. Не в этом ли внутреннем споре с самим собою, не в этой ли вечной борьбе «двух душ» в Достоевском кроется пристрастие его к диалогу — неоднократно указывавшееся критикой. *Форма романа Достоевского, романа-трагедии рождалась таким образом из особенностей его душевного состояния.*

Чем ярче ощущал *Достоевский-**христианин*** правоту своей веры, тем сильней сомневался *Достоевский-**неверующий***; чем упорней первый обращал глаза к Христу, тем кощунственней издевался над ним его безбожный двойник, доводя до пределов игру своей богоборческой фантазии.

Религиозные диспуты Шатова и Ставрогина есть ведь не что иное, как объективирование этой внутренней борьбы. *Ставрогин и Шатов, две стороны его собственной души*, раздвоенной, сомневающейся, **неверующей и верующей одновременно**. Если одной стороной ее он с исступлением уверял, что верует, хочет верить, — другой ее половиной подвергал осмеянию эту веру, издевался над нею, кощунствовал, увлекаясь в то горнило сомнений, в то отрицание бога, какого, по его собственным словам, не было даже на Западе. И чем сильней звучал голос неверия, чем острей было сомнение, тем более страстно приникал он к Христу, тем с бо́льшим отчаянием, — ибо это последняя точка в жизни погибающего мещанина, — убеждал он себя в том, что кроме нее ничего нет, не было и не будет, тем с бо́льшей силой загоралась в нем ненависть против попыток погасить этот свет, казавшийся ему спасительным.

Здесь коренится источник его злобы к социализму. То самое, чего больше всего боялся Достоевский, — **безбожие, неверие, атеизм**, — *открыто и победно делало свои завоевания*. «Интернационалка начала с самого главного — с атеизма», вот с чем не мог примириться Достоевский, вот что страшило его, приводило в неистовство, вызывая в его сознании образ апокалипсического зверя из бездны. Социализм, как враг Христа, превращался в Антихриста, которого надо было победить, разоблачить, уничтожить. Либерализм отцов, нигилизм детей, преступность темных низов, пьянство, разврат, — все это от социализма, от безверия, от атеизма, — так сплетались в один клубок в потрясенном сознании Достоевского нечестивость мира, жестокость жизни, ее неоправданная дисгармония.

А глубоко внизу, под этой философско-религиозной постройкой, покоился фундамент, простой и прочный, классовый фундамент город-

ского мещанства, хотя и погибающего, но протягивающего все же истощенные руки к священному праву собственности. «*Несмотря на все возвещаемые цели,*— писал Достоевский в «Дневнике писателя»,— *социализм покамест состоит лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими, а затем будь, что будет*» [1]). Это классическое определение социализма, как понимает его мещанин.

Из религиозно-философского страха и мещанской боязни «повсеместного грабежа», из борьбы за Христа и против социализма родился роман «Бесы», «тенденциозное», по словам автора, произведение, в жертву которому он готов был принести даже «художественность»,— качество для него исключительно дорогое.

Какую же роль в этом тенденциозном произведении призван был сыграть Николай Ставрогин?

III. „Бесы" и Ставрогин.

I.

В первоначальном замысле «Бесов» Ставрогин, как известно, *отсутствовал.* Представим себе, какой вид приобрел бы роман без Николая Всеволодовича.

Это может показаться странным, но с уходом центральной как будто фигуры общий план «тенденциозного» произведения, направленного против либералишек и нигилистов,— не рассыпается в прах. Вглядываясь в его воображаемый вид после ухода Ставрогина, мы замечаем любопытные вещи: *Ставрогин, выпадая из романа, увлекает за собой целый ряд фигур, связанных* **только с ним.** С Ставрогиным уходят, не разрывая нитей замысла: Даша, Лиза Дроздова с матерью и Маврикием Николаевичем, Мария Тимофеевна Лебядкина с братцем, Алексей Егорович, камердинер Ставрогина и, наконец, Тихон. Все остальные действующие лица романа остаются на своих местах, претерпев лишь некоторые изменения: Варвара Петровна Ставрогина окажется бездетной, у нее не будет также воспитанницы, и Степан Трофимович Верховенский из гувернера ее сына превращается просто в «друга - приживала»; Шатов будет добросовестно играть роль убиенного студента Иванова; в центре происшествий по-прежнему будет стоять вездесущий, неуловимый и интригующий нигилист Петр Степанович,— а все остальные лица будут делать то, что им было назначено. Впрочем, у генеральши Ставрогиной мог быть сын, и Степан Трофимович был бы его гувернером, но этот генеральский сынок не играл бы той роли, какая предоставлена ему в осуществленном варианте романа.

О, я не хочу, разумеется, сказать, будто с уходом Ставрогина тактаки ничего не произошло! Конечно же, роман потерял свою углубленность, он сделался плоским, пустым и скучным, в самом деле похожим

[1]) Собр. соч., том X, стр. 154: «Одна из современных фальшей».

на ограниченно-злобные писания Стебницкого. *Но ведь все дело в том-то и заключается, что первоначальный набросок «Бесов», первоначальный-то замысел «тенденциозного» произведения* **был именно таким**, каким мы его сейчас показали; в том-то и дело, что **Ставрогин со своими спутниками вторгся в роман позднее**, неожиданно для автора, что первоначальное задание, им себе поставленное, не требовало присутствия Николая Всеволодовича, ибо ставило в центре замысла нигилиста, атеиста, злодея Петра Верховенского. Разумеется, лучше, чем кто бы то ни было, сам Достоевский замечательным чутьем своим понимал, что роман в том виде, как он его первоначально задумал и осуществлял,—не вытанцовывается. Проследим кратко этапы его развития.

Вначале, загоревшись мыслью «высказаться погорячее», Достоевский был увлечен «идеей» произведения. Вот что писал он Майкову из Дрездена 12/24 февраля 1870 г.

«Сел за богатую идею; не про исполнение говорю, а про идею: одна из тех идей, которые имеют несомненный эффект в публике. Вроде «Преступления и наказания», но еще ближе, еще насущнее к действительности и прямо касается самого важного современного вопроса. Кончу к осени, не спешу и не тороплюсь...

...Только уж слишком горячая тема. Никогда я не работал с таким наслаждением и с такой легкостью» [1])...

II.

Но по мере того, как «горячая» идея принимала определенные формы, автора стали мучить сомнения. Начав писать роман в конце 1869 г., он рассчитывал окончить его к июлю 1870 г. Расчет оказался неверным. «Весь год я только рвал и переиначивал, — сообщает он Н. Н. Страхову из Дрездена 2 (14) декабря 1870 г.—Я исписал такие груды бумаги, что потерял даже систему для справок с записанным. Не менее 10 раз я изменял весь план и писал всю первую часть снова. Два-три месяца назад я был в отчаянии». Роман, очевидно, получал вид совершенно неудовлетворительный. И лишь после нескольких месяцев неудач («никогда никакая вещь не стоила мне большего труда») Достоевский стал овладевать замыслом. «Вначале,—сообщал он Н. Н. Страхову 9/21 октября 1870 г.,— т.-е. еще в конце прошлого года, я смотрел на эту вещь, как на вымученную, как на сочиненную, смотрел свысока. *Потом посетило меня вдохновение настоящее*, и вдруг полюбил вещь, схватился за нее обеими руками — давай черкать написанное» [2]).

Здесь, очевидно, был окончательно намечен тот абрис «Бесов», **но еще без Николая Ставрогина**, который мы представляли себе выше. Наконец, после приведенных только что строк, Достоевский продолжает:

---

[1]) А. Майкову из Дрездена 12/24 февраля 1870 г.,—собр. Соч., т. I, стр. 229—230.
[2]) Собр. соч., т. I, стр. 296. Курсив здесь и дальше—мой.

«*Потом летом опять перемена:* выступило еще новое лицо, с претензией на настоящего *героя романа*, так что прежний герой (лицо любопытное, но действительно не стоящее имени героя) стал на второй план. Новый герой до того пленил меня, что я опять принялся за переделку»

Новый герой — Николай Ставрогин.

Как же произошло вторжение этого героя на страницы романа, спустя почти целый год после того, как было намечено его содержание? Откуда он появился? Возник ли и развивался он из недр воплощавшегося в то время замысла, как необходимое звено в цепи художественных образов, или происхождение и развитие этого образа протекало в стороне от этого замысла, независимо от него, а хронологически и до него?

III.

Исследовать этот вопрос подробно нам нет необходимости, так как можно считать установленным, что образ Николая Ставрогина возник и развивался еще до того, как Достоевский задумал роман «Бесы»; связь его с замыслами «Атеизма» и «Жития великого грешника» не подлежит никакому сомнению. Этого не отрицает даже Л. П. Гроссман, признающий, что «*некоторые черты* героя «Атеизма» и «Жития» *отразились* на образе Ставрогина» [1]). Он не хочет только признать, что эти *некоторые* черты *существеннейшие*, именно те самые, которые определяют характер образа. Достаточно внимательно прочесть черновые записи «Бесов» [2])—те сцены, о которых Достоевский упоминает в одном из своих писем, и сличить их с черновыми набросками «Атеизма» и «Жития», чтобы просто и спокойно убедиться, что *образ Ставрогина эмигрировал из этих замыслов в роман «Бесы»*. Не следует, конечно, забывать, что по мере того, как Достоевский от мнемонических записей переходил к воплощению образа, Ставрогин претерпел ряд различных изменений. Подчиняясь интуиции своего художественного гения, Достоевский отсекал одни, ранее намеченные черты, присоединял другие, видоизменял третьи. Это, однако, нисколько не колеблет утверждения, что, *создавая Ставрогина, Достоевский «исходил» из того, волновавшего его, еще не осуществленного образа*, который, по его словам, давно носил он в своем сердце, и в котором отражались его собственные сомнения и поиски. На множество автобиографических черточек, рассеянных в Ставрогине, критика указывала неоднократно.

Подчеркивая эту органическую близость Ставрогина, героя романа «Бесы», с князем, — из черновиков к этому роману, — я утверждаю —

---

[1]) Здесь уместно отметить, что еще задолго до «Бесов» в образах Валковского *(1861 г.* — «Униженные и Оскорбленные») и Свидригайлова *(1866 г.* — «Преступление и Наказание») — даны фрагментарные зарисовки Ставрогина. Свидригайлов даже в портретном смысле походит на Ставрогина.

[2]) Опубликованы Н. Л. Бродским в сборнике «Свиток» № 1, 1922 г.

и мое утверждение не является открытием, — что *князь-Ставрогин оказывается закрепленным случайно вариантом того именно героя, который стоял в центре «Атеизма» и затем «Жития великого грешника»* [1]). «Главный вопрос, который проведется во всех частях, — писал Достоевский об «Атеизме», — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь — существование божие. Герой, в продолжение жизни, — то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист». Здесь тремя строчками выражена сущность Ставрогина. Все остальные черты его — лишь выводы, которые делал Достоевский из основных посылок.

IV.

Для всего творчества Достоевского был характерен один образ, постоянно его волновавший, отдельные черты которого фрагментарно проявлялись то в одном, то в другом романе, который можно было бы уподобить *навязчивой идее*. Н. Н. Страхов говорит об этом следующими словами:

«*Покаявшийся нигилист*, вот — тема, которую он любил, на которую написано «Преступление и Наказание»... и которая отзывается во всех последующих его произведениях [2])

Этот покаявшийся нигилист и есть ведь герой «Атеизма», «Жития», «Бесов». Ни в одном произведении своем, ни до, ни после «Бесов», Достоевский не давал так широко разработанного, так трагически освещенного образа «великого грешника», каким представлен Ставрогин. Все дело в том, что, намереваясь нарисовать нигилиста раскаявшегося (что явствует из черновых записей романа), под пером Достоевского, также, вероятно, неожиданно, он оказался *нераскаянным*. По этой-то причине Достоевский и повесил брезгливо «гражданина кантона Ури»—на первом попавшемся гвозде, в чулане, затканном пауками, пред лицом той вечности, о которой гадал некогда Свидригайлов. Потому-то, говоря о Ставрогине, я и назвал его «характернейшим» персонажем Достоевского—и разве это было далеко от истины? Не случайно же **во время работы над «Бесами»** набрасывает Достоевский в письме Майкову содержание романа о «великом грешнике», имевшем все главнейшие духовные черты Николая Ставрогина. Вот поистине знаменательное соседство! И нет ничего удивительного в том, *что, обдумывая одновременно оба замысла — «Бесов» и «Жития»*, перечеркивая и переписывая заново неудававшиеся главы «Бесов», недовольный плоскостью первоначально намеченного героя, который выходил смешным [3]), Достоевский неожиданно для самого себя,

---

[1]) Прав Н. Л. Бродский, когда замечает в «Творческой истории «Бесов», что «лишь случайный факт закрепления в печати романа закончил сложную игру творческих замыслов Достоевского».

[2]) *Н. Страхов*, Полн. собрание сочинений Достоевского, т. I, стр. 315.

[3]) В неопубликованных черновиках к «Бесам», хранящихся в Центрархиве, имеется такая пометка: «Приезд сына Ст. Трофимовича *(вроде Хлестакова)*» (тетрадь № 10, стр 291. Курсив мой).

после нескольких месяцев упорной работы, вдруг увидел, что произошла новая «перемена». Письмо Майкову, в котором Достоевский излагал содержание «Жития великого грешника» и облик его героя («то атеист, то верующий» и т. д.), написано было в апреле 1870 г. **Новый герой «Бесов» выступил летом того же года**, т.-е. два — три месяца спустя. *Образ «великого грешника» из «Жития» переплеснулся в роман «Бесы»*, заняв в нем подобающее ему центральное положение. **Вместе с ним из этого замысла** *перекочевали «хроменькая» спутница его, превратившаяся в Марию Тимофеевну Лебядкину, и старец Тихон*, — одно из главнейших действующих лиц «Жития великого грешника».

Гениальная интуиция Достоевского не изменила ему. Ставрогин «спасал» роман «Бесы». Тенденциозное политическое произведение с появлением Ставрогина приобретало ту психологическую углубленность, ту художественную значительность, которых оно до того не имело и отсутствие которых, очевидно, не удовлетворяло Достоевского.

V.

Но, появившись в романе как бы из другого мира, приведя с собой в роман ряд новых лиц, не связанных органически с основной темой «Бесов», Ставрогин *вместе со своими спутниками составил как бы второй план романа, некое параллельное повествование*, отличающееся от основного замысла как внутренними свойствами, так и внешними, формальными особенностями. Два повествования эти отличаются друг от друга по стилю. Николай Ставрогин и его спутники сделаны с помощью приема, резко непохожего на тот, который господствует в «Бесах». Своеобразное построение каждой фигуры в «Бесах», сатирическое подчеркивание психических и физических особенностей вроде огромных ушей Шигалева, неуловимой вертлявости Петра Степановича или трусливой угодливости Кармазинова придает каждой из них вид карикатуры, гротеска, где характерная черта преувеличена, выпячена, шаржирована. С этой стороны «Бесы» производят впечатление трагического балагана. Действующие лица кажутся загримированными, играющими заученные роли. Каждое из них представляет собой маску, как бы олицетворяющую отдельный порок, или порочную черту [1]). И только Николай Ставрогин вместе с его спутниками кажутся людьми, случайно зашедшими за кулисы театра масок прямо из зрительного зала: так отличны они от прочих участников своим внешним видом, отсутствием грима, углубленной духовностью, трагической серьезностью, без какой бы то ни было тени шаржа. Таковы Лиза Дроздова, Даша, Маврикий Николаевич. Они выпадают из общего стиля «Бесов», сделанные с помощью другого художественного приема. Персонажи *подлинной трагедии*, они при-

[1]) Исключение представляет Шатов. Но ведь Шатов изображал собою «положительный» тип,— он был противопоставлен всем прочим «отрицательным» персонажам романа.

нуждены выступать в окружении *балагана*. По этой именно причине главный трагический герой кажется загадкой. Его появление и существование в «Бесах» мотивировано случайными причинами. Его органическая чуждость основной стихии «Бесов» сделается нам более ясной, если мы проанализируем душевное состояние Ставрогина и отношение его к революции.

Традиционная история литературы приписывает Николаю Всеволодовичу некую революционную роль. Ставрогин, по утверждениям, напр., Л. П. Гроссмана, представителя установившихся традиций, является подлинным средоточием «заговора», изображенного в «Бесах». Верховенский — лишь лакей Ставрогина, его подручный, обезьяна.

На решительной ошибочности традиционного понимания Ставрогина нам необходимо остановиться несколько более подробно.

Представим себе Николая Ставрогина и его деятельность в романе «Бесы».

IV. Ставрогин в «Бесах».

Полагая, что для нашей цели нет необходимости привлекать к рассмотрению мнения традиционной истории литературы в целом, ограничимся привлечением лишь Л. П. Гроссмана, ее новейшего представителя.

I.

Вот что утверждает по этому поводу наш автор:

«Приобщившись на Западе к международной революции, — пишет он, — Ставрогин ведет «блистательную пропаганду своих *политико*-философских убеждений, властно подчиняющих ему разнообразных адептов в лице Шатова, Кириллова, *Петра Верховенского*» и др.

«В прошлом,—продолжает он,—Ставрогин и Верховенский *прочно связаны* общей революционной работой в Швейцарии, где они сообща составляли устав революционной организации». «В Ставрогине живет страсть к разрушению, он дает Федьке Каторжному зловещий сигнал к убийствам и поджогам и *по его верховному мановению* сгорает половина города и начинается поножовщина. *Пожары, массовые убийства, раскачка и смута исходят в романе от него,* несмотря на всю его видимую пассивность» [1]).

Обратимся за свидетельствами к роману «Бесы». Перед нами стоят следующие вопросы, на которые должен нам дать ответ анализ романа: был ли Ставрогин революционером; какую именно блистательную *политико*-философскую пропаганду вел он; был ли в числе его заграничных адептов Петр Верховенский; связаны ли были Ставрогин и Верховенский в Швейцарии, да еще «прочно», общей революционной работой; исходят ли от Ставрогина массовые убийства, пожары, поножовщина, вся рас-

[1]) См. «Печать и Революция», 1923 г., кн. IV, 1924 г., кн. IV и V. Курсив мой.

скачка и смута, другими словами, — *был ли Ставрогин вождем и руководителем движения*, изображенного Достоевским в романе «Бесы», — или это традиционное представление, как выражаются газеты, «не соответствует действительности»?

II.

Раскроем первую главу второй части романа и последуем за Ставрогиным в его ночных путешествиях. Ставрогин сообщает Шатову, что его хотят убить.

«Шатов дико посмотрел на него.

— Я знаю, что мне могла бы угрожать опасность, — проговорил он размеренно, — но вам, вам-то почему это может быть известно?

— Потому, — отвечает Ставрогин, — что я тоже принадлежу к ним, как и вы, и такой же член их общества, как вы.

— Вы... вы член общества?

— Я по глазам вашим вижу, что вы всего от меня ожидали, только не этого, — чуть-чуть усмехнулся Николай Всеволодович».

Все это звучит очень странно. Нас уверяют, будто за границей Ставрогин ведет блистательную *политико*-философскую пропаганду, вербуя адептов, в число которых попадает и Шатов. Но когда этот самый «адепт» узнает, что учитель, завербовавший его, также является членом того общества, куда он его завербовал, — то выражает дикое удивление. Куда же в таком случае «вербовал» Шатова Ставрогин? Правильно ли излагается характер блистательной ставрогинской пропаганды? Но прислушаемся к дальнейшей беседе. Шатов, пораженный открытием, кричит Ставрогину:

«— Вы, вы, Ставрогин, как могли вы затереть себя в такую бесстыдную, бездарную, лакейскую нелепость! Вы — член их общества! Это ли подвиг Николая Ставрогина, — вскричал он чуть не в отчаянии».

Можно было бы допустить, что Шатов ровным счетом ничего не понимал в политико-философской пропаганде человека, которого считал своим учителем. Такое допущение отвергается, однако, текстом романа и ролью в нем Шатова. Последний превосходно все понимал. По уверениям традиционной критики, и Л. П. Гроссмана в ее числе, выходит, что Ставрогин — революционер, член тайного общества (вместе с Верховенским «устав писал»), по точному же смыслу реплик, бросаемых Шатовым, этого именно менее всего можно было бы ожидать от Ставрогина. Разрешение вопроса мы найдем в той же беседе, в словах самого Николая Всеволодовича, которыми он разъясняет недоумение Шатова. Эти слова заслуживают внимания.

«Вы спрашиваете, как я мог затереться в такую трущобу,—говорит Ставрогин. — После моего сообщения я вам даже обязан некоторою откровенностью по этому делу. Видите, *в строгом смысле я к этому обще-*

ству совсем не принадлежу, не принадлежал и прежде и гораздо более вас имею право их оставить, потому что и не поступал. Напротив, с самого начала заявил, что я им не товарищ, **а если и помогал случайно, то только так, как праздный человек.** *Я отчасти участвовал в переорганизации общества по новому плану, и только.* Но они теперь одумались и решили про себя, что и меня отпустить опасно и, кажется, я тоже приговорен» [1]).

Вот так «вождь», вот так «руководитель» движения, по мановению руки которого происходит «раскачка», «смута», пожары, «массовые убийства», «поножовщина» и прочие чудеса! Самый «стиль», в каком ведет речь Ставрогин, говорит о том, что он в революции—«гость случайный». «У них есть связи с Internationale», говорит он Шатову. «**У них**»,— разве **так** скажет — не говорим о «вожде»,— но просто «рядовой» член организации, связанный с Интернационалом? «**Они** сумели завести агентов», «что касается до **их** здешних намерений», «все **они** мало понимают в России»,— эта маленькая стилистическая деталь выдает, конечно, отчужденность Ставрогина от «движения».

«— Я вас предупредил, чтобы вы все-таки имели в виду. По моему, тут уж нечего обижаться, что опасность грозит от дураков; дело не в **их** уме: и не на таких, как мы с вами, у **них** подымалась рука».

«*Мы*» и «*они*». Картина, как видим, при чтении романа, получается далеко не та, какую рисует нам традиция.

III.

Но, может быть, в разговоре с Шатовым Ставрогин кривит душой? Быть может, эта беседа недостаточно убеждает? Обратимся к другому источнику и прислушаемся к разговору Николая Всеволодовича с Петром Верховенским. Разговор этот тем более любопытен, что поможет нам убедиться, был ли также адептом Ставрогина сын Степана Трофимовича и связаны ли они были еще в Швейцарии прочной революционной связью.

«— Я вам давеча сказал, для чего вам Шатова кровь нужна,—засверкал глазами Ставрогин. — Вы этою мазью ваши кучки слепить хотите. Сейчас вы отлично выгнали Шатова: вы слишком знали, что он не сказал бы: «не донесу», а солгать пред вами почел бы низостью. *Но я-то для чего вам теперь понадобился? Вы ко мне пристаете почти что с заграницы.* То, чем вы это объясняли мне до сих пор, один только бред. Меж тем вы клоните, чтоб я, отдав полторы тысячи Лебядкину, дал тем случай Федьке его зарезать. Я знаю, у вас мысль, что мне хочется зарезать заодно и жену. Связав меня преступлением, вы, конечно, думаете получить надо мной власть, ведь так? Для чего вам власть? На кой чорт я вам понадобился? Раз навсегда рассмотрите ближе: *ваш ли я человек*, и оставьте меня в покое».

---

[1]) «Бесы», изд. 1883 г., стр. 220 и дальше. Курсив и жирный шрифт здесь и дальше мой.

И когда Верховенский, потрясенный возможностью разрыва с Ставрогиным, умоляюще шепчет ему «помиримтесь» —

«— Да на что я вам, наконец, чорт! — вскричал в решительном гневе и изумлении Ставрогин. — Тайна, что ль, тут какая? Что я вам за талисман достался?»

И дальше предлагает Верховенскому взять Шигалева, а его оставить в покое, с злобной усмешкой иронизируя над Верховенским:

«— *Так это вы серьезно на меня рассчитывали?*»

Вслушиваясь в эту беседу, раскрывающую подлинные отношения этих двух героев «Бесов», просто диву даешься: *откуда могла возникнуть легенда о Ставрогине, как руководителе и центре движения?* Из чего видно, что Петр Верховенский, душа «заговора», оказывается его адептом, связанным с ним прочной революционной связью?

Обратимся, наконец, к последнему источнику, к предсмертному письму Николая Всеволодовича Даше. Здесь Ставрогин, — одной ногой в могиле, — делает свои последние признания:

«Знаете ли, — пишет он, — что я смотрел даже на отрицающих наших со злобой, от зависти к их надеждам. Но вы напрасно боялись: *я не мог быть тут товарищем, ибо не разделял ничего. А для смеху, со злобы, тоже не мог*, и не потому, чтобы боялся смешного, — я смешного не могу испугаться, — а потому, что все-таки имею привычки порядочного человека и мне мерзило. Но если б имел к ним злобы и зависти больше, *то, может, и пошел бы с ними*. Судите, до какой степени мне было легко и сколько я метался».

Таковы: картина участия Ставрогина в революции, связи его с революционерами, руководство движением.

IV.

Легендарность подобной трактовки личности Ставрогина сделается нам еще более ясной, если мы попытаемся представить себе, какую именно «пропаганду» вел за границей Ставрогин, какие «огромные слова» вещал «учитель».

Слова эти были о том, что «теперь на земле единственный народ-«богоносец», грядущий обновить и спасти мир именем нового бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова». И этот единственный народ — русский народ.

Ставрогин говорил за границей Шатову, что «атеист тотчас же перестает быть русским», «неправославный не может быть русским».

«— Но вы еще дальше шли, — напоминает ему Шатов: — вы утверждали, что Рим провозгласил Христа, поддавшегося на третье дьяволово искушение, и что, возвестив всему свету, что Христос без царства земного на земле устоять не может, католичество тем самым провозгласило антихриста, и тем погубило западный мир», — вот какие удивительные мысли, предвосхитившие идеи из «Дневника» Ф. М. Достоевского, проповедывал за границей наш «вождь и руководитель» нигилистов и социа-

листов! Он высказывал, кроме того, еще и другую заветную мысль Достоевского, что «если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться с Христом, нежели с истиной».

И Шатов, напомнив Ставрогину все это, повторяет перед ним «главную его тогдашнюю мысль», собственно говоря, целую религиозно-философскую систему о народе и боге, о науке и разуме, о зле и добре, — *ту самую систему идей, которую позднее, уже от своего имени, будет развивать и защищать в «Дневнике писателя» сам Ф. М. Достоевский.*

V.

Так вот какую «политико-философскую пропаганду» вел «аристократ, пошедший в демократию», революционер и социалист — Николай Ставрогин! Отсюда можно с полнейшим основанием заключить, что эта блестящая пропаганда заключалась в распространении идей, *острие которых было направлено* **против** *революции.* Фигура Шатова, последовавшего по стопам учителя, — тому красноречивое доказательство. На деле оказывается, что благодаря пропаганде Ставрогина Шатов **не вошел** в «общество», которым будто бы руководил Ставрогин, а **вышел** из него. Таков результат нашего анализа. Сам Ставрогин вполне подтверждает это заключение: «В ваших словах, — говорит он Шатову, — я признаю мое собственное настроение два года назад, и теперь уже я не скажу вам, как давеча, что вы мои тогдашние мысли преувеличили».

Но образ Ставрогина ни в какой степени *не* исчерпывается *этой стороной* деятельности. Только бесконечно упрощая и принося сложность в жертву тенденции, можно определить деятельность этого героя «Бесов», как «блистательную политико-философскую пропаганду». В романе подчеркнута, обнажена, заострена та особенность Ставрогина, которая бросает на его духовный облик мрачный отсвет; *насаждая* в сердце Шатова *бога и родину*, в то же самое время, даже, может быть, в те самые дни он отравил Кириллова «ядом» и довел «разум его до исступления», *разрушая в нем бога и родину*, т.-е. то самое, что насаждал в душе Шатова, *и эти обе* «блистательные политико-философские пропаганды» *вел искренно*, не обманывая ни того, ни другого.

Таков Ставрогин, «одна из самых выдающихся трактовок личности Бакунина во всей мировой литературе», как уверяет Л. П. Гроссман. Попытаемся несколько глубже заглянуть в эту «выдающуюся трактовку», тем более, что глава «Ночь» и введена Достоевским лишь для того, чтобы слегка приподнять «завесу» ставрогинской души.

VI.

«— А правда ли, что вы, — злобно ухмыльнулся Шатов, — правда ли, что вы принадлежали в Петербурге к скотскому сладострастному секретному обществу? Правда ли, что маркиз де-Сад мог бы у вас поучиться?

Правда ли, что вы заманивали и развращали детей?» — забрасывает он Ставрогина вопросами и забрасывает не спроста, ибо Ставрогин не может опровергнуть ни одного из этих обвинений. Сущность их никак нельзя назвать «политико-философской пропагандой», да еще блистательной. Пройти мимо этих обвинений, значит закрыть глаза на существеннейшие, основные черты Ставрогина, отрезать всякую возможность более или менее правильного его понимания.

Звериное сладострастие Ставрогина, петербургские притоны, хромоножка, грязные номера на Гороховой, разврат, картежная игра, кабаки, тоска по боге, изнасилование ребенка, погружение в «бездны» — *ведь без этих особенностей нет Ставрогина*. Ведь в этих именно чертах и заключен Ставрогин, это в нем основное, трагическое, роковое.

Мрачную темноту души «великого грешника» и освещал Достоевский. Разбираться в этом черном, порочном клубке было для него делом высокого значения — ведь клубок этот и вмещает в себе все то, что называется **достоевщиной, карамазовщиной.** Здесь лежит центр ставрогинской души, здесь должна быть и разгадка его образа, ибо не случайно же нагромождены в нем проповедь бога, и безбожия, и чудовищные пороки, перед которыми в самом деле маркиз де-Сад должен чувствовать себя гимназистом.

Ставрогин не революционер и никогда им не был; это в романе показано с ясностью определенной. Ставрогин никогда не был ни «вождем», ни «руководителем» движения. Если он и соприкасался с революцией, то «случайно», «как праздный человек», который ищет, куда избыть свою тоску. «Я... хотел убить себя от болезни равнодушия», — признается Ставрогин в «Исповеди»; «главное, мне было скучно жить до одури», «я уже с год назад помышлял застрелиться»; «чрезвычайно позорное, без меры унизительное, подлое и, главное, смешное положение» возбуждает в нем рядом с гневом неимоверное наслаждение, и, погружаясь в «бездны» порока, женившись на хромой уборщице притона, безумствуя и скрывая от чужих глаз то, что происходило в его душе, Ставрогин, как по нотам, разыгрывал программу, которую набросал Достоевский для «Жития великого грешника»:

«Зарождающиеся сильные страсти. Усиление воли и внутренней силы. Гордость безмерная и борьба с тщеславием, чтоб ничего не бояться. Жертвы жизнью. Действие разврата; ужас и холод от него. Его называют извергом и держит себя извергом. Страстное желание удивлять всех неожиданно наглыми выходками. Сила воли — главное себе поставил. Сам дивится себе, сам испытывает себя и любит опускаться в бездну. Так как многое его иногда трогает сердечно, то он в страшном припадке злости и гордости бросается в разгул (это главное).

«В отклонениях фантазии мечты бесконечные, до ниспровержения бога и постановления себя на место его».

И здесь я хочу повторить то, что писал в своей первой критической статье по поводу гипотезы о Бакунине, прототипе Ставрогина:

«Теперь понятно, почему Ставрогин взят «из сердца». Это — *характернейший персонаж Достоевского, излюбленный и постоянный герой его романов, раскаявшийся нигилист, прошедший через неверие в бога, через преступления и падения.* Оригинальностью Ставрогина является то обстоятельство, что он живет в революционной среде, в окружении либералов и социалистов, и эта безбожная среда оказывается горнилом для испытаний его духа». И то обстоятельство, что Ставрогин почти неожиданно появляется в «Бесах», много времени спустя после начала работы над романом, объясняет многие дополнительные черты, появившиеся в облике Ставрогина. Наиболее значительной является его прикосновенность к революции. Эта прикосновенность, не прямая, а косвенная («от нечего делать», «скука», «тоска»), является **спайкой** *двух замыслов,* двух творческих пластов разного происхождения, узлом, которым связаны два разнородных плана, — **трагический балаган,** в центре которого стоит нигилист Петр Верховенский, и **подлинная трагедия,** героем которой Достоевский хотел сделать Ставрогина. Это отразилось на всей композиции романа, придав ей своеобразную сложность. Но так как соединение этих двух планов не было органическим, то все места этой спайки романа являются слабыми местами, случайно мотивированными, производящими загадочное впечатление. Ставрогин, как художественный образ,--давно лелеянный Достоевским, которого, как самого Достоевского, всю жизнь мучила мысль о существовании бога,— не нуждался в революции, как горниле для испытаний, точно так же, как революция не нуждалась в Ставрогине. Таким горнилом революция, на самом деле, и не послужила; Ставрогин лишь механически и случайно оказался в нее вовлеченным, равнодушно слушая речь Верховенского, равнодушно присутствуя на собрании «наших» и с неудовольствием замечая, что «все» навязывает ему «какое-то знамя».

В беседе Ставрогина с Кирилловым Достоевский бросил намек, освещающий загадочную роль, которую играет Ставрогин в романе.

«— Я думал, вы сами ищете бремени, — говорит Кириллов Ставрогину.

— Я ищу бремени?

— Да.

— Вы... это видели?

— Да.

— Это так заметно?

— Да.

Помолчали с минуту. Ставрогин имел очень озабоченный вид, был почти поражен».

«Потерявший веру в бога», как тот «русский человек нашего общества», который должен был сделаться героем «Атеизма», Ставрогин, проповедуя в одно время веру Шатову и неверие Кириллову, прежде всего самого себя уверить хотел, колебался между верой и неверием, **т.-е. играл роль самого Достоевского в те моменты, когда тот находился «в горниле» сомнений».**

«— Не шутил же я с вами и тогда; убеждая вас, я, может, еще больше хлопотал о себе, чем о вас,— загадочно произнес Ставрогин в разговоре в Шатовым» [1].

* * *

Совершенно очевидно, что с традиционным представлением о Ставрогине приходится расстаться. Подлинный облик этого героя не дает никаких оснований для традиционного толкования.

Вовлекая Ставрогина в намеченный план «Бесов», где центральна роль предназначалась ранее Петру Степановичу, Достоевский стоял перед задачей, весьма трудной: спаять два замысла таким образом, чтобы не ослабить всей силы первоначального «тенденциозного» произведения, осуществлявшегося, как сатирическое повествование с центральной фигурой «вроде Хлестакова», и вместе с тем не обезобразить, не принизить, не уплощить всей значительности нового героя, приносившего с собой в трагический балаган дух подлинной трагедии [2]. Взаимоотношения Петра Верховенского и Николая Всеволодовича и были тем швом, который скрепил эти два разнородных замысла. Необъяснимое, непонятное самому Ставрогину (а также и читателю романа) пристрастие к нему Верховенского и является теми «белыми нитками», которые этот шов обозначают. Ставрогин привязан к интриге «заговора» бредовым, совсем не убеждающим пристрастием Верховенского. «Нет на свете иного, как вы! Я вас с заграницы выдумал», — другого ответа Ставрогину не сумел дать «мошенник, а не социалист», лелеющий дикую мечту о «всеобщей раскачке» с помощью самозванца, «Ивана-царевича».

---

[1]) Эту загадку он раскрывает еще в своей беседе с Тихоном, вместе с ним перекочевавшим из «Жития»:

«— Не приготовлены, не закалены, — робко прошептал Тихон, опустив глаза, — оторваны от почвы, не веруете.

— Слушайте, отец Тихон: я хочу простить сам себе, и вот моя главная цель, вся моя цель, — сказал вдруг Ставрогин с мрачным восторгом в глазах. — Я знаю, что только тогда исчезнет видение. Вот почему я и ищу «страдания безмерного», сам и ищу его. Не пугайте же меня, не то погибну во злобе.

Эта искренность была столь неожиданна, что Тихон встал.

— Если веруете, что можете простить сами себе и сего прощения себе в сем мире страданьем достигнуть, если такую цель себе поставляете с верой, то вы уже во все веруете,— восторженно воскликнул Тихон,— как же сказали вы, что в бога не веруете». Ставрогин не ответил («Исповедь Ставрогина», изд. Центрархива, стр. 38).

[2]) Резкую противоположность этих героев подчеркнул сам Достоевский следующими словами: «У Нечаева все ясно до комичности, до омерзения. У князя — все вопрос» (Неопубликованные черновые записи к «Бесам». Центрархив).

Встреча Ставрогина и Верховенского — случайна. Их близость была продиктова не органическим развитием задуманного «тенденциозного» произведения, а случайным соседством, которое надо было как-то композиционно разрешить. Разрешение это и было найдено искусственно. Герой трагического балагана, теряя свою самостоятельность и уступая место герою высокой трагедии, превращался в его оруженосца, хотя это превращение осталось внешним, случайным, обманчивым, так как каждый из них, вопреки своей внешней близости, продолжал выполнять свою первоначальную роль: один — вроде Хлестакова, другой «русского человека», вдруг потерявшего бога и в поисках его проходящего сквозь «бездны» падения, неверия и разврата.

В ПОРЯДКЕ ДИСКУССИИ.

ЕЩЕ О МАРКСИЗМЕ И БЛАНКИЗМЕ.

Синеира.

Предшественники и преемники.

I.

В № 6—7, 1923 г., «Пролетарской Революции» С. И. Мицкевич пишет: «Большевики осуществили заветы якобинцев-бланкистов (стр. 26). «Большевики и явились преемниками якобинцев». Одним словом, П. Г. Зайчневский и П. Н. Ткачев были первыми большевиками, и Ленин их последователь.

Легко сказать преемник и предшественник. Но нужно показать, что̀ именно, кто и как заимствовал. Каков механизм заимствования? Без ближайшего исследования этого вопроса может получиться пустая и ненаучная аналогия.

Рассмотрим для примера нашу национальную программу. В «Молодой России» Зайчневского (1862 г.) читаем: «Мы требуем доставления всем областям возможности решить по большинству голосов, желают ли они войти в состав федеративной республики русской» (стр. 267). Не списал ли у Зайчневского тов. Чичерин своей ноты Румынии?

В программе рабочих членов партии «Народной Воли» (ноябрь 1880 г.) читаем: «Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в общерусском союзе» (стр. 20). Есть тут заимствования или нет? И кто у кого?

В решениях I съезда РСДРП читаем: «Партия признает за каждой национальностью право самоопределе́ния». Дальше берите нашу программу национальную II съезда и затем теперешнюю. Кто у кого здесь заимствовал? Каков здесь механизм преемства? Кто предшественник? Уж если говорить о первоисточнике, тогда надо бы вспомнить письма Маркса и Энгельса к Кугельману, Зигфриду Мейеру об отношениях Англии и Ирландии. Но и тогда потребуется указать механизм заимствования. А о преемстве, в собственном смысле слова, не может быть и речи. Не экзотический фрукт из садов Маркса пересаживался в советский

огород, потому что подобное возможно только в ботанике. В общественной жизни дело не так происходит. Никто, конечно, не сомневается, что национальный вопрос с естественной необходимостью выдвигался у нас фактом сожительства и трения между национальностями в нашей стране. И вдобавок при раздувании взаимно-национального недоверия со стороны самодержавного приказчика помещика и капиталистов, в целях укрепления и поддержания ярма царизма. Вопрос о преемстве — вопрос сложный. А С. И. Мицкевич говорит просто: Зайчневский—первый большевик. Стало вообще как будто модой, после Октябрьской революции, представлять дело очень упрощенно. Горев, напр., в своей книжке о Бланки представляет Маркса вульгарным бланкистом.

Сколько бы Горев ни говорил о своем марксизме, книжка его о Бланки есть образцовое ревизионистское понимание Маркса. Представление о Марксе — вульгарном бланкисте. То, что Горев именно во время писания этой книжки, как он об этом сообщает в «Печати и Революции» (1923 г., книги 5 и 7), перестраивался на коммунистический лад, не помешало ему выявить свою ревизионистскую душу, как она сказалась в разграничении того, что в марксизме есть бланкистского. В книжке о Бланки, может быть, и против желания, Горев делает из Маркса ученого теоретика, который присоединяет к себе от Бланки его революционность. В последних двух главах этой книжки выхолощена вся живая душа марксизма. И Маркс превращается в вульгарного бланкиста. Приведу здесь только одну цитату. В 90-х годах Бернштейном и ревизионистами «против Маркса было выдвинуто именно обвинение в *бланкизме*», «*в основном* они (ревизионисты. *С.*) были правы» (Подчеркнуто Горевым) (стр. 110. Остальные, относящиеся к вопросу места на стр. 108, 118, 119, 120, 121 «Огюст Бланки» Б. И. Горева, изд. I).

Итак, мало сказать преемство (заимствование чужих элементов), нужно показать механизм этого заимствования и самый объект заимствования. Как, через кого, какими путями такое преемство сделалось возможным?

Подобным образом неправильно и утверждение о бланкизме Ленина, который будто имел своими предшественниками якобинцев Зайчневского и Ткачева.

Марксизм, раньше чем сделаться тем, что он собою теперь представляет, очень туго входил в сознание своих учеников, не говоря уже о больших массах. Легко теперь, после трех наших революций и при помощи наследства Ленина, вводить его в качестве руководства пролетарской борьбы. А ведь для этого потребовалось много времени и событий, в том числе Дюринг и Антидюринг, Бернштейн и Антибернштейн, Каутский и Антикаутский (под последним имею в виду всю большевистскую критику Каутского). В это-то именно время, когда только немногие понимали, что есть марксизм, а отчасти и раньше, когда бланкизм стал широко известен и стал флагом революционной действенности, революционеры и начинают называть себя этим именем. Зайчневский и был привлечен этим революционным флагом, так как яркая революционная действен-

ность привлекла Зайчневского. И в это время всякая революционная деятельность и пошла гулять под именем бланкизма и якобинизма Далекий от понимания того, что̀ называется настоящим марксизмом, Зайчневский и считал свои взгляды бланкизмом. И тут случилась история, подобная той, что произошла с наследниками одного погреба вин. Некто, владея хорошей бочкой вина, разлил это вино в бутылки и на бутылках написал: квас. Наткнувшись на этот квас, наследники начали его пить и похваливать: какой хороший квасок! Из приводимого ниже разбора прокламации «Молодая Россия» мы увидим, что̀ здесь от Бланки и что̀ от Маркса. Ткачев, так тот прямо считал себя сторонником исторического материализма. Может быть, он был плохим марксистом, но во всяком случае якобинизм-бланкизм не покрывает всего содержания его учения. Ниже мы то же самое увидим у Зайчневского. Название здесь есть только символ революционности. То, что в данном случае произошло само собою через деятельность Бланки, то в другом случае должны были проделать сами марксисты. При возникновении ревизионизма и меньшевизма, когда бывшие марксисты, несмотря на свою деятельность, не захотели расстаться с именем марксизма, истинным марксистом пришлось прибавить эпитет революционный. По существу, конечно, марксизм всегда революционен. Нереволюционный марксизм существует только в воображении меньшевиков и буржуазных ученых. Но для ясности пришлось говорить: революционный марксизм. И вообще известно, что Колумбы открывают новые страны, а люди их именуют именем Америки.

Теперь перейдемте к рассмотрению прокламации «Молодая Россия». Что мы здесь находим?

Если, прочитав прокламацию «Молодая Россия», скажете, что это большевистский документ и пророческая прокламация, то этого очень мало. Нужно показать, что̀ роднит его с большевизмом и откуда берется это родство. И вот С. И. Мицкевич, а по существу, несмотря на оговорки, и М. Н. Покровский («Молодая Гвардия» № 2—3: «Ленин в истории русской революции») решает вопрос очень просто. Зайчневский был якобинцем-бланкистом, Ленин—тоже, вот и разгадка. Чтобы понять, в чем здесь ошибка, разберем эту прокламацию.

II.

Прокламация «Молодая Россия» в издании Центрархива занимает десять с половиною страниц обычного формата (см. «Политические процессы 60-х годов», стр. 259—269). Первая часть изображает Россию, состоящую из двух лагерей. «Общество разделяется на две части, интересы которых диаметрально противоположны» (стр. 259). Против крестьянства стоят помещики, купцы, чиновники и все имущие, с царем во главе. Антагонизм между ними «не может прекратиться, пока будет существовать современный экономический порядок» (стр. 261). Дальше излагается история борьбы этих частей в русской истории. Потом, после краткой характеристики современного экономического строя: положение работника, жен-

щины, религии, делается вывод, что единственный «выход... революция... которая должна изменить радикально все... основы общества» (стр. 261). И это понимает «кружок... передовых людей», который «и призывает народ на... дело восстания» (стр. 262). Далее идет угроза врагам и перечисляются те элементы, которые способствуют революции. «Революции все способствует... волнения Польши и Литвы, финансовый кризис, увеличение налогов, окончательное решение крестьянского вопроса в 1863 году, когда крестьяне увидят, что они кругом обмануты царем и дворянами» (стр. 262), «слухи о новой войне», «война... рекруты... займы... восстание» (стр. 262). Для руководства восстанием создается Центральный революционный комитет и приступает к изданию своего журнала. А прокламация «Молодая Россия» составляет первый номер этого журнала. Журнал, «который выяснил бы публике принципы, за которые он борется, ...служил бы органом революционной партии в России».

Такой журнал нужен, потому что существующие другие неудовлетворительны. «Колокол» «не может служить... выражением мнений революционной партии» (стр. 263). Герцен с 1849 года перестает быть революционером и «принимается за издание журнала с либеральною (не более) программою». «Колокол» «становится загадкою для людей действительно революционных». Там нет разбора «современного политического и общественного быта в России», нет указаний на принципы, «на которых должно построиться новое общество». Проходит еще год, «Колокол» «становится конституционным» (конституционалистским. *С.*) (стр. 263). Далее, на стр. 264, Герцену ставится в вину его надежды на Александра II, «надежды на мирный переворот», на отвращение от революционных мер, что окончательно уронило «Колокол» «в глазах республиканской партии» (стр. 264). Если думать, что у Герцена это проистекало «от его уверенности, что каждая революция создает своего Наполеона», то мы ответим, «что и сам Герцен не разделяет этого мнения». Революции гибли «от непоследовательных людей». «Мы изучали историю Запада... мы будем последовательнее» (стр. 264). Затем идет критика «Великорусса».

«Великорусс» являет «протест против существующего порядка» «совпадая с желаниями нашего либерального общества», т.-е. массы помещиков... «кучки бездарных литераторов», ...во времена Николая «считавшихся за прогрессистов». «Об остальных заграничных журналах даже и упоминать не стоит» «о прокламациях... тоже распространяться не стоит: неимение определенных принципов, ...ни к чему не ведущее либеральничание» (стр. 265).

Мы проконспектировали больше половины «Молодой России». Где тут бланкизм? Не напоминает ли она скорее марксистскую прозу?

Дальше идет программа о решении национального вопроса, о которой мы уже говорили выше.

«Республиканско-федеративный союз областей» с национальными и областными собраниями; земледельческие общины, с временным землепользованием; выборные судебные власти. Далее идет разделение функций

между Национальным и Областным собраниями (стр. 266). Прогрессивный подоходный налог. Общественные фабрики, общественные лавки, общественное воспитание детей, обеспечение больных, стариков и инвалидов. Гражданское и политическое равноправие женщин со всеми его последствиями. Уничтожение монастырей, отнятие церковных имуществ на уплату внутреннего и внешнего долга (стр. 267). Увеличение жалованья войску, уменьшение срока службы. Независимость Польши и Литвы (стр. 267).

«Революционная партия... должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем» для проведения своей программы.

Вот единственное место во всей прокламации, к которому можно попытаться прицепить ярлычок бланкизма. Но мы ниже еще увидим, как думает по этому поводу Ленин, что в вопросе о восстании и захвате власти идет в счет бланкизма и какой захват ничего общего с бланкизмом не имеет. Но об этом речь впереди. Далее идет подсчет революционных сил для осуществления этой программы «социальной и демократической республики» и мысли о возможном исходе восстания, руководимого Центральным революционным комитетом. Мы развернем «красное знамя» и с лозунгом «социальная и демократическая республика» «с полною верою в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа» (стр. 269), «истребим императорскую фамилию» (стр. 269). Но если за императорской фамилией станут все те, которые выше перечислены, как сторонники ее, тогда придется истребить всех врагов. В случае победы врагов, революционеры, погибая, завещают свой лозунг будущим поколениям.

Остается еще только сказать несколько слов по подсчету революционных кадров на стр. 268. «Мы надеемся на народ... в особенности старообрядцы... крестьянин станет вместе с нами, но... инициатива»... будет принадлежать «войску и нашей молодежи». «Мы надеемся на офицеров»... «славные действия в 1825 году». «Но наша главная надежда на молодежь» (стр. 268). Затем идет обращение к молодежи образовать тайные кружки, с которыми свяжется Центральный революционный комитет (стр. 269).

Я счел нужным разобрать всю прокламацию, чтобы убедиться, что в ней, в смысле бланкизма, имеется только одно подозрительное место о длительной диктатуре, о котором ниже. Все же остальное ничего общего с бланкизмом не имеет. Конечно, подсчет кадров революции говорит кое-что об утопизме. То же в смысле достижения одним ударом социализма, хотя с длительной диктатурой переходного периода. Это то, что потом вошло вместе с некоторыми другими элементами в народничество. Мне еще придется ниже коснуться этих элементов. Но бланкизма здесь нет. Интересно, что Зайчневский ссылается на историю революции 1848 года и Великую Французскую. При большей последовательности он надеется на победу русской революции. Еще пара слов о «главных основаниях» программы Зайчневского. Здесь остается еще поле для исследования, со стороны ее оригинальности. Тут-то и уместнее всего искать предшественников. Но прямого отношения к нашей задаче — доказать, что

«Молодая Россия» не бланкистское произведение — это не имеет, и от бланкизма и якобинизма остается одно название, происхождение которого я ниже объясню.

По Бланки, как известно, диктатура, это—что-то вроде триумвирата. Но как ни понимать длительную диктатуру, о которой пишет Зайчневский в «Молодой Россіи», вся его прокламация представляет обыкновенную марксистскую прозу, хотя и не первосортную. Во всяком случае, бланкизм не покрывает самого главного содержания этой прокламации. Как мы видим, это не квас Бланки, а красное вино Маркса, несмотря на ярлычок. Не бланкизм вошел в теорию Маркса и не взгляды Зайчневского — в учение Ленина, как элементы его, это сущие пустяки! А марксова теория учла все способы и формы классовой борьбы, в том числе и бланкистские заговоры. От восстаний и захвата власти, о которых говорят Маркс и Ленин, бланкистские заговоры отличаются своей узкой базой. Кучка интеллигентов, без подготовленных заранее широких связей с массами, без должного учета сил, своих и чужих, также всей обстановки, что вполне естественно заменяется у них плодами их идеалистического миросозерцания. Ниже будут приведены мысли Ленина о мнимом бланкизме Маркса и Ленина.

То, что дышит на нас из каждой строчки «Молодой России», это не бланкизм, а действенная пламенная революционность. Это, конечно, роднит ее с большевизмом, как роднит великого революционера Бланки с марксизмом. Но Бланки — храбрый рядовой революции, а Маркс или Ленин—главнокомандующие революционной армии.

III.

Теперь перейдем к изложению взглядов М. Н. Покровского на этот же вопрос о предшественниках и преемниках. М. Н. Покровский в «Молодой Гвардии» № 2—3, 1924 г., «Ленин в истории русской революции», пишет: «Вывод, по моему мнению, несколько поспешный, что Ленин находился под влиянием якобинцев, кое-что от них воспринял» (стр. 243). М. Н. Покровский признает, что «это верно, конечно... что учение якобинцев, мелко-буржуазное учение, в ленинскую идеологию не вошло и не могло войти», но «одна проблема... была подготовлена и развита впервые (?—С.) русскими якобинцами. Это проблема захвата власти». Все-таки значит часть учения якобинцев в ленинскую идеологию вошла—проблема захвата власти? Как же это примирить с тем, что Ленин от якобинцев ничего не воспринял? Оказывается, по мнению М. Н. Покровского, что кое-что он у них все-таки воспринял. «Некоторые моменты русского революционного движения 60—70 г.г. влились в ленинскую тактику». Последняя фраза, может быть, относится только к вопросу о конспирации. А, может быть, и ко всем трем элементам: захват власти, длительная диктатура и построение конспиративной партии. И, несмотря на категорическое отмежевывание «от той мысли, что Ленин... был учеником Ткачева и Зайчневского», остается неясность, которую нисколько

не проясняет рассуждение об отношении рек к океану. Есть преемство или нет? И что именно воспринято от предшественников? И кто именно является настоящим предшественником? Начнем с диктатуры.

На этот счет нет решительно никаких оснований предполагать какое бы то ни было влияние на Ленина русских якобинцев или их предполагаемого учителя Бланки — так как здесь источник вполне ясен, это — Маркс. Ленин об этом говорит ясно. Тут противники говорят о бланкизме Маркса.

По вопросу о конспирации дело обстоит не менее ясно. Ленин прекрасно понимал значение конспирации и видел ее значение на примере землевольцев и народовольцев. Здесь важно не заимствование, а то, что Ленин был организатором. И поэтому он не мог не оценить конспирацию. Остается вопрос о захвате власти. Но тут необходимо посчитаться с Лениным, что он писал о бланкизме. «Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством» (Собр. соч. Ленина, т. XIV, ч. 1, стр. 26; также т. XIV, ч. 2, стр. 25, о большинстве и меньшинстве). «Тогда это было бы попыткой меньшинства навязать свою волю большинству, тогда это было бы бланкистским искажением марксизма» (т. XV, стр. 512). «Сколько-нибудь прочной... может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа» (Ленин. «Две тактики»).

Не всякий захват власти оказывается бланкистским, а только такой, о котором мечтает меньшинство. «Он извращает марксизм в брентанизм, считая немарксистскими такие «принципы», как захват свободы, как создание революционной власти, как применение насилия народом» (т. VII, стр. 126). Либо Ленин ошибается, говоря о марксистском методе захвата и его отличиях от бланкистских, — тогда так и говорите и докажите это, — либо ошибаются все те, кто говорит о бланкизме или якобинизме Ленина или Маркса. «Правда ли, что декабрьская борьба (1905 г. в Москве. *С.*) была бланкизмом? Нет, неправда! Бланкизм есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства. Был ли такой заговор или что-либо похожее на него в декабре? Ничего похожего на заговор не было» (Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 238—239). По Ленину, только узкий заговор, без связи с массами, без учета всех сил и обстановки, есть бланкизм. «Оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания... есть бланкизм... Нынешние оппортунисты, в сущности, ни на иоту... не «обогащают» скудные «идеи» Бернштейна, крича о бланкизме... Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это — во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это — во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебание* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных* друзей революции. Это — в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается

марксизм от бланкизма» (Ленин, собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 136). Если это верно, (попробуйте доказать, что нет), то в вопросе о захвате власти источник найден. Это не русские якобинцы и не Бланки, а учение Маркса, по свидетельству самого Ленина. Вся сущность в учете обстановки и борющихся сил. Великий организатор, Ленин находит возможным думать об учете «общественного... момента кипения» (т. VII, ч. 1, стр. 115), об учете «действительного возбуждения в народе» (т. VI, стр. 508), он принимает во внимание «моральный перевес» (т. VI, стр. 510).

То же непонимание различия между бланкизмом и марксизмом сказывается у Е. А. Преображенского, он пишет: «Тот тип организаций, который практиковал Бланки во Франции, в значительной степени напоминает профессионалов-революционеров Ленина» («Молодая Гвардия» № 2—3, стр. 220). Сущие пустяки! Общее — *только* конспирация. А суть именно в связях с массами, пропаганде и создании организаций и длительная подготовка для борьбы в соответствующий момент. Сказать так, как говорит Е. А. Преображенский, это все равно, что считать одинаковым покушение террориста с выступлением вооруженной массовой демонстрации, только на том основании, что и здесь и там есть оружие.

IV.

Переходим к рассмотрению одной интересной исторической схемы истории революционного движения в России М. Н. Покровского («Молодая Гвардия», № 2—3, 1924 г., стр. 244). Среди двух массивов, двух движений, одно *конституционалистское*, пропагандистская струя, которая может быть подведена под формулу: «Пропаганда и агитация вызывают массовое движение, которое заставит самодержавие уступить». Другую формулу давали бакунисты: «Самодержавие, как вообще всякую государственную власть, нужно просто разрушить». «Тоненькой струйкой пробивается среди этих массивов струя, где целью революции ставится захват власти и длительная диктатура захватившей власть партии». «Эта струя находит свой исток... в... прокламации «Молодая Россия»... пророческая прокламация». Она может быть названа «первым большевистским документом». *Конституционализм* и *бакунизм* — два массива, а между ними струя якобинско-бланкистская, идущая от Зайчневского к Ленину. Посмотрим.

Раньше всего пропагандистская струя. Это, очевидно, известный период или некоторая часть того учения Лаврова, которая сосредоточила все свое внимание на пропаганде или, вернее, на самоподготовке пропагандистов к пропаганде. Несомненно, либерализм, конституционализм может считать эту часть учения Лаврова своим началом. Таков массив конституционализма. Переходим к рассмотрению второго массива. Это построение более сложного состава. Первый элемент, это — один из главных элементов анархизма. Всякую государственную власть нужно немедленно разрушить. Это есть только часть этого массива. Вспомним и тактику: агитация на мелких местных требованиях крестьян для поднятия недовольства и превращения его в бунт. Вторая составная

часть этого массива обща с основой первого (конституционализма), поскольку оба эти направления диктуются идеалистическим миросозерцанием. Последнее, однако, не помешало Бакунину видеть весьма реальный подход к крестьянству, основываясь не только на вере в присущую постоянную революционно-социалистическую природу крестьян (отсюда часть утопизма), но и на психологии отчаяния крестьян, разоряющихся внедряющимся капитализмом, разжигающего ненависть не только против капиталистов, но и против государства, как одного из факторов его (крестьянина) разорения.

Итак, кроме одного элемента анархизма (другой его частью является предполагаемая возможность немедленного всегда и везде перехода к строю будущего, более или менее темного, по-анархистски, без предварительно пройденных ступеней, подготовляющих материальные предпосылки и самого носителя этого будущего — пролетариата. Это же характерная вторая составная часть утопизма вообще), сюда присоединяется идеалистическое миросозерцание. Последнее и есть второй элемент этого второго массива, основа его общая и для первого массива (конституционализма). Бакунин, как известно, очень много и часто говорит о материализме. Но материалистическое понимание истории ему чуждо. Наконец, третий элемент — утопизм. Таким образом получаем три части: *анархизм* (собственно один из главных его элементов), *утопизм* и *идеалистическое миросозерцание*,— это и есть та смешанная почва, на которой и выросло народничество. Остается еще сюда прибавить учение кающихся дворян о долге народу и о свободной силе критически-мыслящей личности.

Переходим к самой интересной для нас части схемы М. Н. Покровского. Между двумя массивами струя русского якобинизма. Что она собою представляет? Уже заранее можно сказать, что струя будет не совершенно прозрачная: рыхлые массивы с боков. Русский якобинизм? Что в нем самое характерное, в якобинизме (бланкизме — тож)? Его характеризует то, что характеризует его отцов. Пламенные революционеры, в них горело пламя революции. Это, и только это, диктовало им все их действия. Насилие, захват власти, террор. Все остальное только привходило, не играя существенной роли. А что мы видели в предполагаемом М. Н. Покровским истоке, в «Молодой России»? Кроме одного пункта в абзаце 43-м (всего в прокламации 55 абзацев), на стр. 267—268, где говорится о диктатуре, которая всецело входит в учение Маркса, как главная его составная часть, как бы узко она ни толковалась Зайчневским или Бланки, кроме этого пункта, вся — прокламация, исключая программную часть, где попадаются элементы народничества, все остальное представляет элементы научного социализма. Отсюда и его революционность. Марксизма нереволюционного нет. Что не революционно, то не марксизм. От якобинизма и бланкизма остается одно только название, эмблема революционности. Струя-то оказывается между массивами, струей марксизма. Не квас, как написано на ярлычке, а красное вино Маркса.

Под именем русского якобинизма-бланкизма пробивались через доморощенные массивы первые побеги научного социализма Маркса. Вот что роднит, кроме революционности, Зайчневского, Ткачева и Ленина.

Понятие бланкизма надо свести к его настоящей основе, о которой говорит Ленин. Узкий заговор мелко-буржуазной революционной идеалистической кучки, без учета сил, средств, окружающей обстановки, без заранее подготовленной широкой связи с массами, с утопическими надеждами на успех захвата власти. Только это, как много раз повторяет Ленин. Что сверх того, то от Маркса. И если струя якобинизма и не совершенно отражает учение Маркса, то все же это—отражение учения Маркса. И если у Ленина, в его тактике, мы находим следы мыслей, напоминающих наших двух якобинцев, то это только потому, что Ленин марксист. Преемство-то есть, только оно идет не от Зайчневского и Ткачева, а от Маркса. Ярлычок якобинизма случайный. О причинах его появления сказано выше. А заимствование нового ярлычка произошло по причинам, о которых говорит Ленин в «Детской болезни левизны». «В течение около полувека, примерно, от 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль России, под гнетом невиданного дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной *революционной* (подчеркнуто мною. *С.*) теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области».

Остается сказать пару слов об одной цитате из Ленина, которую приводит С. И. Мицкевич. «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ», т.-е. большевик. Конечно, революционер, связанный с сознательными пролетариями, и есть большевик. Но при чем тут якобинство? Дело в том, что Ленин, всегда чувствуя свою силу, почти никогда не ищет против своего противника особого оружия, а пользуется оружием врага. Это подобно тому, как во время демонстрации, нетрусливый и сильный участник ее, разгоняемый кавалерией, получив нагайку, схватывает бич и, наматывая его на свою руку, таким образом неожиданно стягивает всадника с коня. Не в том дело, что нагайка лучшее оружие против всадника, но в данном случае она может пригодиться. В выше приведенной цитате от слова якобинцев только и остается его революционность, и ничего больше.

Конечно, большевик, это — революционер, связанный с пролетариатом. Но якобинство тут не при чем. У Ленина это слово играет роль нагайки, наматываемой на руку,— прием, которым он может перевести колеблющегося противника, как цо временному мостику, на свою сторону. И постольку прием правильный. Но считать именно этот шаткий мостик фундаментом большевизма, конечно, неправильно. Иначе пришлось бы согласиться, что образцом красоты человеческой является образ, какой рисуется гоголевской невесте, когда усы Ивана Петровича соединить с носом Семена Ивановича и т. д. Считать это определение образцовым для большевизма, это—недоразумение.

РУССКИЕ ГРАВЕРЫ.

П. А. ШИЛЛИНГОВСКИЙ.

Проф. В. Я. Адарюков.

Расцвет гравюры на дереве, широкое ее распространение и огромный интерес к графическому искусству вообще составляют особенность нашего времени. Само собою разумеется, что «возрождение» гравюры не случайно, а объясняется отчасти совпадением близкого родства современной гравюры с психологией революционной современности, которое, несомненно, существует. Несомненно так же, что графика шире и демократичнее живописи, а потому, естественно, является самым современным из всех изобразительных искусств. Вся наша быстротечная жизнь, все наши впечатления легче и вернее выражаются приемами графики. Графические средства более мелки и легки, а потому графика бы стрее, острее, метче живописи. По меткому выражению проф. А. А. Сидорова, «русская графика последнего пятилетия — чудеснейшее зеркало бьющейся самым горячим пульсом живой жизни». Действительно, никогда у нас не появлялось такой массы и притом талантливых гравюр на дереве, никогда наши граверы не принимали такого деятельного участия в иллюстрировании книг, как в последнее пятилетие. Этим несомненным «возрождением» гравюры на дереве может быть объяснено появление такого журнала, как «Гравюра и Книга», в котором все иллюстрации — только гравюры.

П. А. Шиллинговский. Крым (офорт).

К сожалению, того же нельзя сказать об офорте: взгляд на него, как на искусство аристократичное, могущее удовлетворять лишь «аматеров», как на искусство утонченное, в котором нет надобности для пролетарской страны, существует среди известной группы учащейся молодежи, и еще недавно в одном из высших художественных учебных заведений был поднят вопрос о закрытии преподавания офорта совсем и

только общими усилиями всех профессоров удалось его отстоять. Вряд ли надо особенно подробно распространяться о неосновательности подобного взгляда. Офорт позволяет каждому художнику, умеющему рисовать, легко импровизировать на медной доске непосредственно самому, давая полный простор для выражения художественных идей и композиций. Офорт дает огромные возможности художнику, ставящему своею главною целью точность воспроизведения и, в своей точности, передачу самого духа своих оригиналов. Элементы офорта — мягкость очертаний, нежность иглы и световые пятна отличают его от настоящей живописи только отсутствием красок в смысле колеров, и офорт всегда остается оригинальным рисунком, имеющим возможность быть размноженным. Внутреннее эстетическое значение гравюр офортом всегда увлекало и увлекает многие зрелые художественные силы. Прежние великие живописцы хорошо сознавали, что офорт в сотнях отпечатках разнесет их славу гораздо скорее и прочнее, чем картины, которых иному не придется никогда увидеть, а потому они охотно оставляли кисть и брались за гравировальную иглу. С другой стороны, офорт, как произведение печати, должен быть доступен и понятен широким массам, так как язык, которым он говорит, тот же, что и в гравюре на дереве, и несомненно, что офорт представляет собою не менее превосходное средство, чем гравюра на дереве для эстетического воспитания широких масс.

П. А. Шиллинговский. Из альбома «Петербург. Руины и возрождение» (гравюра на дереве).

П. А. Шиллинговский. Голова старика (офорт).

П. А. Шиллинговский. Офорт.

Офорт на Западе имел и имеет огромное распространение. Достаточно сказать, что Словарь Beraldi о граверах состоит из 12 томов и заключает в себе сведения о тысячах мастеров.

У нас хотя офорт и не получил такого широкого распространения, как на Западе, но, начиная с иноκописца Симона Ушакова XVII века, целый ряд художников занимался офортом и некоторые из них, как Егоров, Бруни, Т. Г. Шевченко, Н. С. Мосолов, Л. М. Жемчужников, В. А. Бобров, И. И. Шишкин и др. достигли высокого мастерства. Н. С. Мосолов, получивший за свои офорты золотую медаль в Парижском салоне в 1876 году, пользовался европейской известностью. О И. И. Шишкине А. И. Сомов писал: «Шишкин, как гравер—единственный и небывалый в России. Мало того, среди аквафортистов столь богатой мастерами этого рода Западной Европы, найдется лишь мало соперников ему по искусству передавать в гравюре растения, особенно густые леса, сосны, ели. Живи и работай он в одном из таких центров художественной деятельности, как Париж, Лондон, Вена, или заботься он о распространении своих эстампов вообще в чужих краях, — известность его сделалась бы широкою. Но, к сожалению, он не умеет или не желает искать репутации вне пределов своей родины».

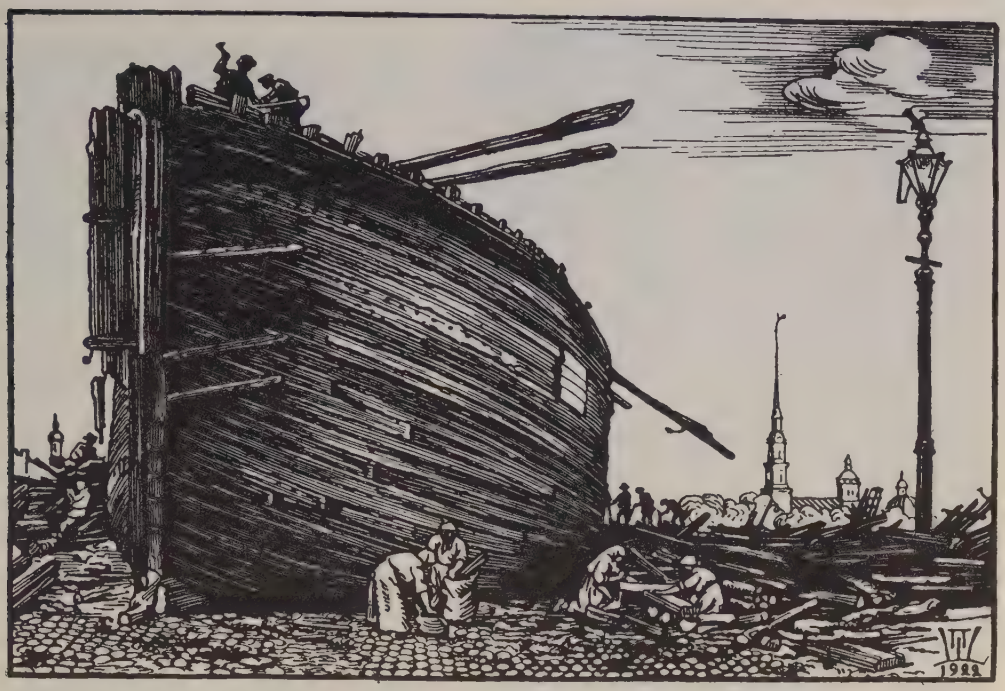
Условия для занятия офортом у нас, в СССР, чрезвычайно тяжелы и избрать себе специальностью офорт у нас являлось и является своего рода подвигом и неблагодарной задачей. При той трудности, которая

существует для сбыта произведений офортистов, приобретаемых только двумя, тремя музеями, при почти полном отсутствии коллекционеров произведений peintres-graveurs, при отсутствии заказов со стороны правительства, надо положительно удивляться, что у нас еще находятся такие художники-поэты линии, как М. А. Добров, М. И. Курилко, Е. С. Кругликова, М. Н. Масютин, И. И. Нивинский, П. А. Шиллинговский, В. Д. Фалилеев и И. А. Фомин, посвятившие себя офорту, но и эти художники, так много сделавшие у нас в области офорта, в силу исключительно тяжелых условий, не могли всецело посвятить себя офорту и в конце концов вынуждены были переходить к гравюре на дереве.

Несомненно, что высокоталантливые наши офортисты, как Н. С. Мосолов и И. И. Шишкин, достигли блестящих результатов отчасти потому, что оба они материально были вполне обеспеченные люди и могли отдаться всецело любимому делу, которое, кстати сказать, требует большого навыка. «В деле искусства,—говорит тот же И. И. Шишкин,—будь то живопись, архитектура или гравюра, великое значение имеет практика. Одна она только дает возможность художнику разобраться в той массе сырого материала, который доставляет природа».

У каждого художника есть что-нибудь свое, что дает ему право на существование, есть своя индивидуальность, более или менее ярко выраженная, но для критика или историка искусства особенное значение имеют только те таланты, которые кладут свою резкую печать на известную эпоху, переживаемую искусством. К числу таких художников принадлежит выдающийся мастер гравюры П. А. Шиллинговский.

П. А. Шиллинговский. Из альбома «Петербург...» (гравюра на дереве).



П. А. Шиллинговский. Из альбома «Петербург...» (гравюра на дереве).

Павел Александрович Шиллинговский родился в 1881 г. в г. Кишеневе, Бессарабской губ. Первоначальное образование получил в Одесском художественном училище, по окончании которого, в 1901 году, был принят в Высшее Художественное училище при Академии Художеств в класс живописи Д. Н. Кардовского, художественные принципы которого очень много помогли впоследствии П. А. Шиллинговскому в его достижениях в гравюре. В 1911 году П. А. Шиллинговским, на соискание звания художника, была представлена картина «В Бессарабии».

П. А. Шиллинговский. Ex libris (гравюра на дереве).

Не удовлетворившись окончанием Академии Художеств по классу живописи, П. А. Шиллинговский, чувствуя громное влечение к гравюре, поступает в гравюрный класс к В. В. Матэ, одному из лучших наших профессоров гравирования, отличавшемуся удивительным трудолюбием, беззаветной любовью к искусству, и достигавшему в области гравюры большого мастерства

П. А. Шиллинговский. Крым (гравюра на дереве).

и огромных знаний в ее технике. В. В. Матэ, как руководитель гравировального класса, обставил свои занятия не по академической рутине, а совершенно свободно, он проводил очень много времени со своими учениками и вместе с ними рисовал и гравировал, стремясь поделиться с ними всеми знаниями, которые успел приобрести сам. П. А. Шиллинговский очень быстро усвоил себе приемы техники офорта и через год, в 1912 году, появился ряд его гравюр «Автопортрет Рембрандта» (копия) и портрет Верди, серия «Радопских гор» и др. Находясь в Академии, П. А. Шиллинговский много времени посвятил тонкому и детальному изучению произведений Дюрера, Гольбейна, Кранаха, имевших огромное влияние на его дальнейшую художественную деятельность. Первое выступление на общественный суд П. А. Шиллинговского состоялось в 1913 году на выставке «Мира Искусства», на которой появились его офорты: «Земля», «Овцы», «Гроза» и три этюда. К этому же 1913 году относятся превосходные большие офорты: «Голова старика» (51×32,5 *см*) и «Бабы» (21×32,5). В 1914 году П. А. Шиллинговский вторично окончил Академию Художеств, при чем им были представлены гравюры: «Бегство в Египет» и «Лот с дочерьми». Таким образом П. А. Шиллинговский пробыл в Академии Художеств 13 лет, что составляет, среди наших граверов, совершенное исключение. П. А. Шиллинговский составляет исключение и в другом отношении: он один из немногих наших граверов, которые не ездили за границу для окончания своего художественного образования, что, однако, не помешало ему быть огромным мастером в техническом смысле этого слова, и чтобы сделаться таковым, нет необходимости, оказывается, ездить в немецкую «учебу».

Будучи таким образом чисто русским гравером, П. А. Шиллинговский сохранил в себе и типичные черты наших граверов: прежде всего сравнительно малую работоспособность, — всех его работ за 12 лет не многим более 100 листов, что по сравнению с западными граверами, дававшими тысячи гравюр, является ничтожной цифрой. П. А. Шиллинговский обладает и другой типичной чертой русских граверов, — неуменьем или нежеланием рекламировать свои работы. Все работы П. А. Шиллин-

П. А. Шиллинговский. Офорт.

говского можно разделить на два отдела: офорты с 1912 г. по 1917 г. (за исключением 1914 года) и гравюры на дереве с 1917 года по настоящее время. По своему содержанию как те, так и другие относятся, главным образом, к пейзажам и портретам.

Первые его офорты-пейзажи, как, например, «Радопские горы» еще носят в себе живописные приемы, но постепенно он от них старается отойти, и впоследствии, как, например, в большом листе «Литовский замок» (31 × 43 *см*), исполненном превосходно в стиле Перонези (1922 г.), этих приемов уже незаметно. Типичными чертами таланта П. А. Шиллинговского являются: превосходный и безупречный рисунок, необычайная верность в передаче сущности художественного замысла, художественное, тонкое и вместе субъективное понимание. Чувство меры и гармонии соединяются с верностью и силою выражения, с тонким мастерством, выражающимся в смелости, четкости полных силы линий, уверенной и блестящей технике. Что касается технических приемов при гравировании офортом, то все работы П. А. Шиллинговского можно разделить на три группы: к первой из них должны быть отнесены такие работы на металле, которым предшествовала большая подготовительная работа, — в выявлении композиции, рисунках с натуры и графическом решении, к таким работам относятся: «Лот», «Бегство в Египет», «Горные вершины» и др. Ко второй группе должны быть отнесены такие офорты, как, например, «Земля», «Гроза», «Пещерный город» и др., где рисунок с натуры служит лишь

П. А. Шиллинговский. Автопортрет (офорт).

материалом—без предварительного перевода его на доску. К третьей группе относятся такие офорты, которые исполнены сразу на доске без предварительного рисунка и травились за один раз, к числу таковых относятся: три листа «Радопских гор» (1912 г.), «Пейзаж» (1913 г.), «Сбор плодов» (1916 г.). «Этюд дерева» (1916 г.), автопортрет и др. Но в общем и большие доски П. А. Шиллинговским травились не более как двумя травлениями, нюансировка достигалась последовательным прикрыванием жидким лаком.

Некоторые из офортов П. А. Шиллинговского глубоко проникнуты какой-то грустью, элегическим настроением, от них веет чем-то библейским, как, например, «Горное озеро» (27×31,5), «Мосты» (27×38) и др. Это элегическое настроение и благородная простота увеличивается от почти полного отсутствия человеческих фигур.

Что касается портретов, исполненных художником офортом, то кроме вышеназванных: автопортрета Рембрандта, портрета Верди, автопортрета художника, им исполнен портрет артиста Александрова и портрет Н. Н. Врангеля по заказу редакции «Старых Годов». Что касается последнего, то самый портрет, отличающийся большим сходством, исполнен пунктирной манерой и травлен, большая стильная рамка, имеющая целью подчеркнуть увлечение Н. Н. Врангеля искусством XVIII века, исполнена офортом и пройдена резцом. Она очень красива, но

П. А. Шиллинговский. Крым (офорт).

П. А. Шиллинговский.

Мосты (офорт).

П. А. Шиллинговский. Портрет скульптора Зальканса (гравюра на дереве).

слишком велика для маленького портрета и совершенно его убивает. Начав с 1917 года заниматься гравюрой на дереве, П. А. Шиллинговский к счастью, не оставил совсем работу офортом: так, в 1922 г. исполнил одну из лучших своих работ «Литовский замок» и в 1924 г. очаровательные миниатюрные виды «Чухут-Кале» ($^3/_4$ верш. × $^1/_2$ верш.) положительно чеканной, ювелирной работы. Эти шесть видов предполагалось выпустить отдельным изданием, но, к сожалению, они до сих пор не появились.

В последнее время П. А. Шиллинговский исполняет офорты непосредственно на доске без предварительного рисунка, работая сухой иглой, карандашной манерой и акватинтой.

Развитие роста работ офортом П. А. Шиллинговского можно уследить по стилистическим приемам, по постепенной концентрации выразительности и по усилению проторые можно виботы первых годов них.

стоты приемов, ко дожник переходит деть. сравнивая ра выказывая и в этих с работами послед ся талант и большое

П. А. Шиллинговский. (Офорт).

С 1917 года ху восходном рисунке, к гравюре на дереве, изводят впечатление работах выдающий четкости и совершенмастерство; при пре не страдают, свои- все его работы про замечательной силы, ной законченности и

П. А. Шиллинговский. Крым (грав. на дереве).

ственной некоторым нашим граверам, какой-то рыхлостью и неуверенностью, здесь чувствуется смелость, грация линий, глубина и сочность и большая уверенность. Особенно удачными надлежит признать портреты скульптора Залькапса (1918 г.) и Л. Д. Троцкого (1919 г.). Чрезвычайно изящны небольшие гравюрки, относящиеся к видам Бахчисарая — 1924 г.: «Фонтан Шах Булат» (10×8), «Ханские бани», «Аркады ханского дворца», «Сапожный ряд в Бахчисарае».

В 1923 году художник выпустил альбом «Петербург. Руины и возрождение. Гравюры на дереве. Доски резаны автором в сотрудничестве с В. Г. Антоновым. Вступительная статья Ф. Г. Беренштама. Полиграфический отдел Академии Художеств». Гравюры несколько стилизованы под старинную резцовую гравюру, безупречны по своей работе и производят впечатление удивительно любовного отношения. Каждая гравюра окаймлена литографской рамкой. Печатаны гравюры на отличной бумаге ручным способом в количестве 500 экземпляров.

Этот альбом служит превосходным памятником нашей великой революции, ярко отражая в своих гравюрах те разрушения, которым подверглась наша «Северная Пальмира», бывшая одной из главных арен разбушевавшихся стихий. Мы никак не можем согласиться с мнением критика («Гравюра и Книга», № 2—3, стр. 85), что гравюрам этим придан «несколько строгий и холодноватый характер, не совсем соответствующий

П. А. Шиллинговский. Крым (гравюра на дереве).

П. А. Шиллинговский. Из альбома «Петербург...» (гравюра на дереве).

тому оттенку смягченности и большей свободы, который приобрел ленинградский пейзаж именно за годы революции; эта строгость и классичность самой техники, как нам думается, была бы уместна при передаче дореволюционного Петербурга». Что же автор этих слов подразумевает вообще под «пейзажем города»?

Несомненно, что городской пейзаж есть общий ансамбль зданий; раз это так, как же он мог приобрести оттенок «смягченности и большей свободы»? Художник в этом альбоме дал правдивые виды города, какими они были в 1921 году, это летопись Ленинграда за этот год его жизни.

Также нельзя согласиться с оценкой работ П. А. Шиллинговского, как ксилографа, высказанного тем же критиком: «В гравюрах Шиллинговского, весьма мастерских, в то же время чувствуется преобладание большой подготовительной работы, большого расчета и подчинение им самого ксилографического процесса. При таком подходе отодвигается в некую тень Шиллинговский-ксилограф, это видно хотя бы из того, что крайне трудно сказать, какие листы резаны самим художником, какие — Антоновым; работа гравера сведена к точному вырезанию подготовительного рисунка, принципиально, совершенно так, как в Дюреровских гравюрах». Действительно, для этого альбома рисунки были исполнены предварительно, из 10 рисунков половина была и резана самим П. А. Шиллинговским, другая половина дана была В. Г. Антонову с готовым графическим решением, при чем во время самого процесса гравирования П. А. Шиллинговский сам же их корректировал, с понятным расчетом, чтобы вся серия носила совершенно однообразный характер, чего художник блестяще достиг. Таким образом упрек в том, что нельзя отличить, какие доски резал П. А. Шиллинговский, какие — В. Г. Антонов, может служить как раз к обратному выводу, т.-е. к уменью подчинить чужую волю своей, и в данном случае роль Шиллинговского, как ксилографа, «не уходит в тень», а напротив — ярко выступает.

Настоящий альбом является лишь первым выпуском, и можно пожелать, чтобы появились и последующие. П. А. Шиллинговский, — высококультурный художник и, как ксилограф, обладает всеми данными, чтобы быть и отличным книжным иллюстратором.

ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

1. О ПРОЛЕТАРСКИХ ПОЭТАХ — А. Лежнева. 2. ГОСПЛАН ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВА — Федорова-Давыдова. 3. О ГЛАВИСКУССТВЕ — П. Маркова. 4. МУЗЫКА НА ЗАПАДЕ — Е. Браудо. 5. НА ЗАПАДЕ — Б. Розенблюма.

1. О ПРОЛЕТАРСКИХ ПОЭТАХ.

А. Лежнев.

(*В. КИРИЛЛОВ. Стихотворения. Книга первая. Мосполиграф. 1924. — МИХ. ГЕРАСИМОВ. Покос. Стихи. Мосполиграф. 1924. — Г. ЯКУБОВСКИЙ. Песни крови. Госиздат. 1925. — С. ОБРАДОВИЧ. Винтовка и любовь. Стихи. Мосполиграф. 1924. — Г. ЛЕЛЕВИЧ. О Смольном. Стихи. Госиздат. — Н. КУЗНЕЦОВ. Рабочее сердце. Стихи. Новая Москва. 1925*).

Лет пять тому назад русской прозы не было. Существовали одни стихи. Литература была представлена исключительно стихами. Теперь положение изменилось. Проза возникла, укрепилась и стала понемногу вытеснять мерную и рифмованную поэзию из занятых ею позиций. Но перемена не так резка, как кажется с первого раза. Стихотворное производство продолжается в широчайших размерах. Если б не неохота, если б не явное нежеланье издательств принимать стихи, это обстоятельство выступило бы еще заметнее. И сейчас поэты количественно перевешивают прозаиков. Но, конечно, центр тяжести уже передвинулся в прозу.

Перед нами шесть книг стихов. Некоторые из них довольно объемисты — полтораста страниц. Это как будто подтверждает первый тезис: о продолжающемся широком производстве стихов. Но если мы приглядимся к ним ближе, то увидим, что, собственно, ничего нового они к облику авторов не прибавляют. Это — книги итоговые. В них подводятся итоги либо всей литературной деятельности поэта в целом, либо какому-нибудь законченному периоду творчества. Здесь — не движенье вперед, а ретроспекция, оглядка назад, собиранье. В наибольшей степени это относится к *Кириллову*. Кириллов, конечно,—значительное явление в пролетарской литературе, и будущему ее историку нельзя будет обойти его молчаньем. В его лице, да в лице Гастева, Герасимова, Филипченки, пролетарская поэзия впервые заговорила зычным, громким голосом. Они заставили с необычной дотоле силой зазвучать ноты революционного энтузиазма, бодрости и уверенности. Он один из первых ввел в литературу индустриальные мотивы. Его надо считать в числе отцов заводской символики и космизма, хотя он сам сумел удержаться от их крайностей. Наконец, не ему ли принадлежат

характерные, напоминающие Маяковского, слова:

Во имя нашего «Завтра» — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Словом, во всех своих достоинствах и недостатках он является выразителем целой эпохи, эпохи первых лет революции. Кириллов входит необходимым звеном в развитие пролетарской литературы. Сейчас существуют пролетпоэты и более оригинальные, и более читаемые. Но не надо забывать, что они в известном смысле стоят на плечах первого, зачинательского поколения, к которому принадлежит Кириллов, и из их высокого роста надо вычесть рост их предтеч. Стихи Кириллова — явление историческое и мерять их *только* литературным аршином нельзя. Но из этого не следует, что нужно закрывать глаза на их недостатки. Из 90 стихотворений, составляющих книгу (а она обнимает период от 1913 до 1923 года, т.-е. почти всю литературную деятельность Кириллова), право на внимание читателя дает ей всего какой-нибудь десяток [«Мы»,«К нам, кто сердцем молод», «Я подслушал эти песни», «Флаг кумачевый», «Поэтам Кузницы», «Первомай», «Шаги», «Из дневника 18-го года» и некоторые другие]. Только этот десяток образует его действительный вклад в литературу. Не то, чтоб поэт здесь был вполне оригинален, но стихи эти полны таким ярким, избыточным чувством, таким героическим пафосом, что способны «заражать» и сейчас. Все остальное слабо, неубедительно, банально-красиво, испорчено безвкусицей и трафаретом. Кириллов — поэт несомненный, хотя и не крупного объема. Но никто еще, кажется, в русской литературе не злоупотребляет так общими местами поэзии, мелкой разменной монетой традиционной банальности, фальшивой красивости, условной «поэтичности», как он. Мы у него найдем в избытке и дали — безбрежные, закатные, синие, бестрепетные, — и жгучие грезы, и безумные бреды, и голубые мечты, и заоблачные миры, и кровавые мечи, и роковые объятья, и мотыльков, и гармонии, восторги, молитвы, розы, фиалки, дымки и пр., и пр., и пр. Словом, целый склад старой бутафории. И это поэт, который сам же заявил:

Ветошь веков долой!

Со стороны формы Кириллов несамостоятелен. Он вырос и развивался под сильнейшим влиянием символистов. К этому влиянию впоследствии прибавилось другое, гораздо более слабое — футуристов (см. «Первомай»). Своего в области формы Кириллов не прибавил ничего. Его стих по-бальмонтовски мелодичен. От Бальмонта же его излюбленные эпитеты: безначально-глубокий, ласково-снежный, зелено-струйный, от Бальмонта его безбрежности, мятежности и бестрепетности, «безумства зачатий и святость игры», и декламация вроде:

Я — эхо ваших душ мятежных,
Я — луч грядущей красоты.

Слабее влияние Брюсова («В те дни») и Блока, в частности «Двенадцати» («Семнадцатый год»). Наконец, мы найдем у Кириллова целый ряд пушкинских строк, почти в неизмененном виде: «Души неясные стремленья», «Вольнолюбивые мечтанья», «Очам явилась ты», «Ее дыханье — розы рая», и даже шиллеровских, например, «Братья, раскройте друг другу объятья».

Герасимов оригинальнее и сильнее Кириллова. Его индивидуальность обозначена более резкими, характерными чертами. Трафаретная красивость Кириллова у него отсутствует (вернее, почти отсутствует). Он угловат, ассиметричен, склонен к гиперболе, символике и абстракции. Он является в гораздо большей степени, чем Кириллов, родоначальником заводской метафизики и космической лирики. Никто не доводил этого до таких огромных масштабов, как он, никто не злоупотреблял так Заводами с большой буквы, электропоэмами, радиогуслями, машинами, отвлеченным пролетариатом и т. д. В сборнике «Покос», где собраны стихи Герасимова, написанные в разные периоды, немало этой метафизики (поэма «Сила»). Но над заводскими, городскими мотивами здесь преобладают сельские («Хлебное лето», «Покос», «Посев», «Петуши-

ные песни», «Березка», «Погост»). В этом отличие «Покоса» от других книг Герасимова. Но деревенские его поэмы отличаются тем же символическим характером, той же тяжелой громоздкой метафизикой, что и стихи о заводе. Посев — не просто посев: это некое символическое, почти мистическое действо, таинство:

Город,
Прочисть труб каменные уши
И таинство посева слушай.

Крестьянин — тоже не реальное существо, обыкновенный человек из плоти, а некоторая философская категория, абстракция:

И я упорно растаял
Над бездной черной,
Растекся на миллионы десятин,
Темных, как ночь.

Эта отвлеченность и символика очень портит стихи Герасимова, заслоняет от читателя здоровое ядро его произведений. А это ядро есть. Поэт и в деревне остается все тем же влюбленным в индустрию пролетарием. Он мечтает о том, чтобы деревню преобразить машиной, перестроить ее на основе развитой техники:

Но я верю — скоро выкует
Машинного гостя город.
Железное сердце не выключат
Ни град, ни черный ворон.

Герасимову нехватает непосредственности, простоты. Его стихи слишком «умные». Они надуманы, автор в них чересчур перемудрил. Их усложненность делает их недоступными как раз тому рабочему-читателю, на которых они как будто рассчитаны. Лучшие из вещей те, где поэт высказывается и описывает, не мудрствуя лукаво: отдельные места из «Хлебного лета» и «Покоса», «Мое детство».

Чтение и без того громоздких стихов Герасимова затрудняется их своеобразной ритмикой. Читатель то-и-дело спотыкается на ухабах ритмических перебоев, которые не вызываются внутренней необходимостью, но вводятся автором, очевидно, из чисто догматических, теоретических соображений. Мы здесь не имеем дело со свободным, «полифоническим» стихом, как у Маяковского, а с обыкновенным метрически-правильным стихом (обычно ямбом), который время от времени (через произвольные промежутки) перебивается одной или несколькими строками другого, правильного размера (обычно хорея). Перебои не повторяются ритмически, в их чередовании нет никакой правильности. Эта *ритмическая ассиметрия* не позволяет воспринимать перебои как новый ритмический ход, как *видоизменение* ритма, но заставляет воспринимать их, как порчу ритма. Ритмика Герасимова образует как бы крайнюю противоположность плавной мелодичности Кириллова.

Таким же абстрактным, полу-символическим характером, как стихи Герасимова, отличаются «Песни крови» *Якубовского*. Философский уклон в них еще более заметен. Но в то время, как у Герасимова, при всех его недостатках, чувствуется поэт с сильным дарованием, в «Песнях крови» сказывается человек, склонный больше к дискурсивному, чем к образному мышлению, не поэт, а критик, теоретик. То, что он пишет, большей частью умно, иногда хорошо сказано, но художественной ткани недостает красок, воплощенью — плоти. Это все-таки больше рассуждение, чем стихи. Конечно, лирика мысли имеет законное право на существование: это доказали Гете и Шиллер, Боратынский и Брюсов, но есть граница между рифмованным рассуждением и поэзией, — а Якубовский ее переступил.

Книга Якубовского проникнута единством настроения и мысли (это ее крупное достоинство): мир как трудовой процесс. Этот основной мотив творчества Якубовского отчетливо выражен в первом же стихотворении сборника «Русло труда»:

Рабочий
Вливает усилья
В станок,
И город
Рождает средь ночи
Шуршащий газетный листок.
От камня—
До блузки
Все вещи — застывших усилий гряда.

Булыжники — мускулов сгустки
И нервы — вверху провода.
О, город, весь город огромный,—
Свернутый туго жгут,
Сгустившийся массовый труд,
Былой подневольный, наемный.
Все потом и кровью облито—
Везде, где ступает нога.
Дрожат тротуарные плиты,
Из теплых грудей берега.
Покорна
Законам жестоким
Сливается жизнь в города,
Клокочет могучим потоком
И мчится по руслу труда.

Дальнейшие стихотворения и поэмы книги лишь углубляют, варьируют, повторяют эту мысль. Не только город, не только жизнь человечества, но и природа представляется поэту, как непрерывный трудовой процесс. В плодах он пьет «труд природы», «вкушает солнце сгущенное».

В «далях первобытной жизни» видит «семафоры бытия, солнечные знаки, сгустки зноя, лужи света, лучей горячих сплавы, разбросанные щедро в земных пространствах трудом вселенским».

Некоторые стихотворения, где выражен этот материалистический монизм, не плохи. Таковы: «Русло труда» (цитированное выше), «Из горячего пепла», «Путь», «Город», «Городская мистерия» Но в целом книга читается с большим трудом и напряжением. Ее вольная и неопределенная ритмика, приближающая ее к прозе, придает ей громоздкость и неуклюжесть, ее рифмовка случайна или слишком сложна. Большая часть поэм растянута. Доминирует влияние Уитмена. Это еще бы не так плохо. Хуже то, что автору нередко изменяет вкус и получаются такие места:

Во мгле рассветной хмури—
Багрец и жар—
Пламенный стяг,
И туча зла
Палаческих ватаг.

Гораздо выше в художественном отношении книга *Обрадовича* «Винтовка и любовь». У Обрадовича одно из самых привлекательных по своей искренности, свежести и непосредственности дарований среди пролетарских поэтов. Как и большинство пролетарских поэтов, он находится под сильным формальным влиянием «попутчиков». В его стихах скрещиваются три влияния: Тихонова («Узловая», «Разведчик», балладный стиль), Есенина (лирика) и футуристов («Молотобоец»). Эти влияния еще не совсем усвоены и слиты воедино. Тихонов и Есенин ассимилированы лучше, чем футуристы, — очевидно, потому, что больше соответствуют характеру поэта. Ритмическая ассиметрия, превращающая поэмы Герасимова в ухабистую дорогу, существует и у Обрадовича, но в гораздо меньшей степени. У Обрадовича большая ритмическая гибкость и чуткость, позволяющая ему несравненно целесообразнее и тактичнее пользоваться перебоями ритма.

Книга Обрадовича разбита на 3 отдела. В первом преобладает героико-балладный тон. Это — самая сильная часть книги в смысле эмоционального напряжения. Здесь показан героический облик революции, гражданская война, борьба, упорство, воля. Лучше в этом отделе— две поэмы: «Узловая» и «Разведчик». Второй и третий отделы книги лиричны по преимуществу. Элегические и полуэлегические настроения, грустные, негромкие стихи, где поэт

К земле припавший тихий путник...

сменяются бурными, оптимистическими, радостными мотивами, яркой и здоровой эротикой:

Мускулы славят утро.
Радуюсь, солнцем звеня
Плоти твоей мудрой,
Первой искре огня!

В камне, в былинке каждой
Кровь и твоей зари.
Слава звериной жажде
Жить, любить и творить!

Стихи, посвященные поэтом весне, деревне, плоти и радости, принадлежат к его лучшим вещам («Оттепель», «Март», «Утро», «Страда», «За рекою— город черной грудой»). Но и в этих лирических отделах «гражданские», революционные мотивы вовсе не стихли. Они своеобразно переплетаются с лирическими мотивами. В революции нахо-

дит Обрадович исход своей грусти, разрешенье своим сомненьям:

Эй, синеблузник, не ной!
На страже — и ты, и я;
Недремлющий часовой
И пылающий маяк.

Революция кончает торжественным, оптимистическим финалом его книгу:

На шамканье и на сон старух,
Минута, звени о весне!
Тому, кто не слеп, тому, кто не глух,—
Не к смерти минутой короче круг!
Не к смерти, товарищи, нет!

Иное впечатление, чем все рассмотренное нами до сих пор, производит сборник стихов *Лелевича* «В Смольном». Здесь нет ни заводской символики Герасимова, ни философии труда Якубовского; нет, с другой стороны, и непосредственной «наивной» лирики, как у Обрадовича. Если поэзия Герасимова, Кириллова, Якубовского декларативная, а потому и декламационная, широчайшая по размаху (космизм) и обобщениям, с наклонностью к философским абстракциям, к отвлеченности, представляет собой первый этап на пути развития пролетлитературы, первую ее стадию, то поэзия Лелевича (и других «октябревцев»: Безыменского, Родова) является уже шагом вперед, является уже второй стадией. Поэты, почувствовав всю ненужность «высокой» отвлеченности космизма, спускаются на грешную землю и стараются брать материал из будней революции, но в некотором романтико-героическом аспекте. Это ее делает проще, доступнее, жизненнее. Но все же она продолжает страдать отвлеченностью, хотя и далеко не в такой степени. Отвлеченно-героический подход не дает увидеть, как следует, живого человека современности. Отсюда многочисленные схемы и деревянные фигуры, заменяющие зачастую у этих поэтов действительные художественные обобщения, типы. Их подход оказывается слишком поверхностным, не задевающим глубины сознания, «души» нового человека. Пролетарской литературе предстоит третий период, который, продолжив то дело, которое было начато Безыменским, Лелевичем и др., — а еще раньше Тихоновым, — пойдет дальше и покажет сегодня, как оно есть, в его действительных, живых красках, а не в черно-белой графической светотени, — покажет, а не только объявит о показе. Начало этого периода мы уже видим в стихах Казина, Обрадовича, некоторых перевальцев.

Но стихи Лелевича хороши уже тем, что они довольно просты, доступны, бодры. Собственно художественные достоинства их невелики. Лелевич, как и Якубовский, в гораздо большей степени критик, чем поэт. Его художественному воплощению также нехватает красок, жизни, оригинальности. Его «Комбриг Иванов», который

...был лихой кавалерист,
Владел и шашкой и винтовкой.
А как на митинге речист!
А как искусен в джигитовке!

ходулен, книжен, надуман. В нем нет ни одной живой черты. Это — чистая схема.

Со стороны формы Лелевич под огромным влиянием Тихонова («Перегруженный», «О председателе треста»). Чувствуются и классики (Лермонтов). Картины Востока очень шаблонны, и стихи, вроде:

Восток узорчатый и сонный,
Я перешел твою черту!
И дым кальяна благовонный,
И красный воин на посту,
В чекмень черкесский облеченный,
Напоминают о тебе,
Восток узорчатый и сонный,
Покорный муллам и судьбе!

звучат, как пересказ «своими словами» лермонтовского «Спора».

То, что хотели дать — отчасти дают — поэты «Октября»: рабочая лирика, песни о живых рабочих — пред нами в стихах безвременно погибшего *Николая Кузнецова*. Они, быть может, сделаны не очень искусно, но в них — неоспоримая искренность и непосредственность. Здесь и сценки в клубе, и комсомольская любовь, и учеба, и поэзия стальных птиц-аэропланов, и суровая поэзия гражданской войны, и тоска по неизведанной ласке рано умершей матери, которая

...сыну не оставила
Ни локона и ни портрета.

Н. Кузнецов умер очень молодым, умер в тот период, когда он еще только проходил стаж учебы.

Он сам рассказывает, как он ночи просиживал напролет, стараясь «в стихов размеренные строчки сердце свое вложить». Он не окончил своей учебы, не успел стать мастером, но его стихи оправдывают слова, обращенные им к рабочим поэтам:

Ничего, братишки, будет время,
Мы научимся писать стихи.

Это время для него уже было близко. Своими ритмами, приемами Кузнецов напоминает народную песню. Он идет от частушки. Об этом говорят такие отрывки:

Эту звонкую гармонь
Тульский мастер мастерил,
Он вложил в нее огонь:
Заиграет — кровь горит.

На утеху молодым
Подбирал ее лады.
Дюже был доволен сам
Тонким, звонким голосам.
А купил ее Ванек,
Бравый парень без сапог.
Под его рукой умелой
В первый раз гармонь запела:
Тула, Тула, Тула я,
Тула родина моя.

(Из поэмы «Гармонист».)

Или:

У Танюши батя строгий
И на дочку смотрит косо,
Провинилась — живо в ноги,
А не то таскать за косы.

(Оттуда же.)

Ближе всего по форме и настроениям Кузнецов к поэтам «Перевала» — Мих. Голодному, Светлову, Ясному.

II. ГОСПЛАН ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВА.

Федоров - Давыдов.

«Правят искусством у нас многие».
А. Луначарский.

Думая о проекте Главискусства, невольно восходишь мыслью к «истокам бытия», к первому возникновению идеи о «Министерстве искусств». Впервые она возникла еще в 1917 году, в обстановке непосредственно после Февральской революции. Датой ее рождения можно считать вечер 4 марта у Максима Горького, когда этот вопрос был впервые поднят А. Бенуа и Горьким. Из организованной тогда же на вечере «Комиссии двенадцати» родились позднее «Особое совещание по делам искусства при комиссаре над бывшим министерством двора и уделов» и «Комиссия по делам искусства при Исполкоме Совета рабочих и солдатских депутатов». Вот предки, казалось бы, столь недавние по времени, но воспринимаемые теперь нами в аспекте чуть ли не доисторическом, всех современных наших многочисленных учреждений по делам искусства и чаемого впереди единого планового органа.

Тогда эта мысль была встречена целой бурей нападок во имя «демократизма» и «свободы искусства». Орган эстетствующей буржуазии и великосветских снобов, «Аполлон» посвятил ей целую громовую статью [1]), в которой «истинный демократ» Сергей Маковский, бия себя в грудь, отстаивал «свободу искусства», якобы не подлежащего никакому руководству, никакому плановому направлению, хотя бы и в смысле простой государственной поддержки.

[1]) В № 2—3 за 1917 год.

Для нас теперь, в плане нашей современности, в достаточной мере чужд взгляд как на «самодовлеющую ценность» искусства, так и на его мнимую свободу, и мы меньше всего хотели бы предоставить искусство самому себе. Если буржуазному демократу казалось варварством использование искусства государством, если ему всякое упорядочение стихийности общественного протекновения искусства и установление ясной и четкой идеологической линии рисовалось, в конце концов, только в виде цензуры, только нарушения всяческих «демократических свобод», то нам сейчас все это представляется совершенно в другом виде.

Заменив мифические «демократические свободы» диктатурой пролетариата, мы, и не надевая цензорских очков, хотим в известных пределах, вовсе не уничтожающих свободу творчества, направлять искусство и идеологически руководить им. На кладбище старого искусства мы хотим видеть новое, из масс и для масс. Уничтожив общество, где ценности жизни были ценностями «для немногих», мы хотим предоставить трудящимся в числе всех ценностей, достигнутых тысячелетиями их труда, и ценности искусства в наших музеях.

Вот почему должна найти и уже нашла положительный отклик идея о Главискусстве. Не стремлением «прибрать к рукам», «обюрократить» искусство вызвана эта идея, но стремлением *помочь* искусству в эти трудные для него дни современности. И если совершенно ясно, что это делается не от бескорыстного, институтского умиления перед искусством, но из чисто-практических соображений, то не менее ясно из статьи А. В. Луначарского и всех откликов на эту статью [1]), что от этого практицизма искусство и его деятели могут только выиграть, так как одной из главнейших задач проектируемого органа является улучшение положения искусства и его деятелей в нашей современности. Советская власть — умный, расчетливый и дальновидный хозяин, и она стремится упорядочить дела искусства, потому что в ее общем «хозяйстве» *искусство нужно*. Нам кажется, что здесь нет надобности доказывать, что подобный подход к искусству есть не только не унижение для него, но величайший комплимент. И подобно тому, как учреждение в свое время Главнауки было только полезным для науки, подобно этому учреждение Главискусства может быть для искусства только полезным. Скажем больше, только это способно спасти его сейчас. Ни для кого не тайна, что наше искусство [1]) переживает сейчас жесточайший кризис. На это неоднократно указывал А. В. Луначарский, об этом везде и всюду разговоры. У нас нет ни настоящего потребителя искусства, ни того, чтобы мы могли ему предложить как действительно подлинное, буде он имеется. Правда, у нас на-лицо многочисленные искания. Они зачастую не так уж далеки друг от друга, хотя бы уже в том отношении, что все они имеют своим идеалом «революционное искусство». Но представители их говорят на разных языках и больше любят заушать друг друга, чем понимать. У нас нет сколько-нибудь ясного сознания тех требований, которые в пределах возможностей современного искусства, сколько-нибудь точного учета, *что* от искусства нужно массам и как они вообще к нему относятся.

А. В. Луначарский бесконечно прав, говоря о тяжелом положении наших художников, при чем это их положение тяжело не только материально, но и морально. Также прав он, указывая, что многочисленные подведомства Наркомпроса не в силах справиться со всеми назревшими в этой области задачами, что здесь необходимо создание единого центра, в котором сходились бы все нити государственного отношения к искусству.

И именно потому, что наше отношение к искусству небескорыстно, что здесь мы должны быть все той же «кухаркой, управляющей государством», как и во всех иных отраслях общественной жизни, именно потому, что, строя

[1]) См. №№ 3 и 6 журнала «Искусство трудящимся».

[1]) Говорю, как и везде дальше, только об изобразительных искусствах.

наше сегодняшнее, мы рассматриваем его, как мост к будущему, наш проектируемый новый орган должен быть сконструирован на трезвой и деловой почве. Подобно Госплану в сфере хозяйственной, мы должны иметь свой Госплан и в области искусства.

Структура такого Госплана дана в статье А. В. Луначарского. В основу его подразделения положен в общем тот же принцип сечения, или подходов к искусству, какой существует и ныне, а именно с точки зрения: научной, политико-просветительной и художественно-образовательной. Разница здесь в упрощении и большей четкости конструкции. В выделении искусства по этим разрезам в одну общую организацию и в соединении в одном отделе функций, ранее (как, напр., художественно-воспитательная) разбросанных по разным подведомствам Наркомпроса. Не входя в подробности этой структуры, подлежащей обсуждению в иной обстановке отметим лишь некоторые принципиальные ее недостатки. Во-первых, нам кажется излишним создание специального отдела Госкино, по данной структуре равного отделам, представляющим собою те или иные *отношения* к искусствам вообще. Кино, как и все прочие виды искусства, должно быть разнесено по упомянутым трем сечениям. Затем, если репертком, учреждение по существу своему цензурное, совершенно правильно сделан подотделом «политико-просветительного отдела», то совершенно естественным было бы полагать, что в ведение этого отдела должна быть включена цензура *всех* видов искусства. Если в задачи Главискусства входит помимо хозяйственного и идеологическое руководство [1]) искусством, то ясно, что в его ведение входят и отметание и недопущение всего политически или идеологически вредного в данный момент в искусстве.

Такое включение цензурных функций в общие функции Главискусства было бы всячески полезным, так как давало бы право думать, что здесь людьми, знающими искусство и близко к нему стоящими, будет проявлен по отношению к нему тот максимум осторожности, который требуется здесь от цензора и который не всегда в должной мере может выполняться Главлитом.

Гораздо более интересным, нежели структурные соображения, представляется нам вопрос о деятельности этого будущего учреждения. Что оно может и *должно* сделать для искусства, а тем самым и для всей современности. Подчеркиваем снова, что только утилитарный (в лучшем смысле этого слова) подход к искусству может обеспечить здесь успех, ибо дальновидная и тонкая утилитарность — пафос нашего сегодняшнего бытия и сознания.

Факт всякого искусства, а в том числе и непосредственно нас здесь интересующих искусств изобразительных, слагается из трех элементов: творческой воли художника, произведения искусства и воспринимающей публики. Без любого из этих трех элементов факта искусства, как такового, не существует, а в лучшем случае существует лишь скрытая в той или иной форме художественная потенция. По этим трем моментам, или элементам, мы и расположим наши высказывания и пожелания.

Начнем с последнего, а именно с потребителя искусства, ибо в плане его интересов и воспринимается нами сейчас все искусство. Мы ставим своей задачей художественно воспитывать массы, с одной стороны, и агитировать в их среде средствами искусства,— с другой. И то, и другое ставит перед нами задачу создания внутреннего художественного рынка. Это — едва ли не главная задача будущего Главискусства, ибо от того или иного ее разрешения зависят все остальные как в плане улучшения материального и морального бытия искусства, так даже и в плане идеологического воздействия на него. Ведь совершенно ясно, что директивы искусству можно ставить, только исходя

[1]) Конечно, только не «управление» в смысле гегемонии под эгидой Главискусства того или иного художественного течения, а такое же руководство, какое имеется сейчас у нас во всех областях идеологической жизни, т.-е. марксистски-революционное предводительство.

из директив масс, хотя бы даже и воспитывая и направляя эти массы. А чтобы узнать эти вкусы масс, нужно иметь художественный рынок, не говоря уже о том трюизме, что лишь при его наличии искусство получит необходимую ему материальную базу. А. В. Луначарский справедливо отмечает, что интерес к искусству в массах увеличивается; но все же надо признать, что дело идет очень медленно и «пока солнце взойдет, роса очи выест». Нам кажется, что совершенно нечего жалеть об исчезновении частного потребителя, а уже тем более пытаться его вновь возродить учреждением всяческих ублюдочных «красных меценатов». Частный богатый потребитель исчез, и да будет ему земля пухом. Не плачьте о нем, но радуйтесь, что вместо него идет потребитель массовый. Только в плане ориентировки на него мы можем надеяться на появление монументального искусства. Частного мецената должны сменить профсоюзы, тресты, всяческие клубы, культпросветы и тому подобное. Надо им растолковать всю важность искусства, надо заставить их понять, что искусство — не только украшение, не только выставки в витринах, но и могучее средство воздействия. А что в этом отношени сделано? Ничего, или почти ничего. Наши тресты тратят безумные деньги на что угодно, но не дадут ни копейки на искусство. В отношении к нему они так же косны и безграмотны, как и нэпманы. Наши профсоюзные органы и ячейки заказывают тысячные знамена, расшиваемые золотом все теми же монашками, которые раньше вышивали плащаницы и хоругви, а в своих помещениях вешают варварскую портретную мазню или ставят ужасные гипсы. «Уголки Ленина» в наших клубах поражают своим безвкусием. Здесь, где должна была быть привлечена вся мощь искусства, чтобы увековечить имя, звучащее сейчас в устах всех народов, образ, бросающий свет в грядущие века, — здесь царит, за малыми исключениями, либо формально-казенное отношение к делу, либо мещанская, слюнявая безвкусица. И это не потому, что денег нет — произведение искусства сейчас чуть ли не дешевле материала, из которого оно сделано — а потому, что нет сознания, нет художественной культуры. Это в столице, а что делается в провинции, в медвежьих углах!

Есть, конечно, отдельные счастливые исключения. ВЦСПС дал пример, достойный всяческой похвалы и подражания, созданием своего «Музея Труда». Музей Революции начинает сейчас украшаться рядом художественных произведений. Нужно всячески поддерживать и пропагандировать подобные начинания, надо давать примерные образцы, убеждать, уговаривать и надоедать.

Гипсовое производство Госиздата могло бы стать, помимо политической агитации, и небывалым средством воспитания в массах совершенно неведомого им восприятия и понимания скульптуры. А что получилось на деле? Тов. Л. Красин пишет: «Если до этой выставки (бюстов и барельефов Ленина) наша забота была в том, чтобы получить по возможности скорее изображение Владимира Ильича, пригодное для немедленного массового распространения, то сейчас наиболее настоятельной задачей становится, пожалуй, изъятие из обращения тех бюстов, скульптур и барельефов Владимира Ильича, которые надо признать решительно неудачными. Уж лучше ставить просто обелиск или памятную доску с надписью «Ленин», чем человеческую фигуру или бюст, вызывающий у всякого, кто сколько-нибудь близко знал Владимира Ильича, лишь чувство непреодолимого отвращения или недоумения» [1]). Была ли здесь вина одних художников? Надо признаться, что нет; не даром же и учреждена специальная Комиссия ЦИК'а. Да, художники почти бессильны перед этой задачей, но хорошо ли организована возможность их работы, всегда ли и везде ли выбирается лучшая вещь и все ли они попадают на конкурс и всегда ли такие конкурсы устраиваются? А. В. Луначарский с сожалением констатирует, что нет. Я лично знаю несколько бюстов Ленина, куда более удачных, нежели распространяемые

[1]) Сборник «О памятнике Ленину», Гиз, Л. 1924, стр. 14.

Гиз'ом. Кроме того, здесь на-лицо та опасность, что учреждения и организации в своей теперешней художественной малограмотности, при наличии хотя бы и скверного, но дешевого гипса, не покупают подлинной скульптуры. А во что только превратятся эти гипсы от времени!

Можно было бы еще на многое указать, но сказанного достаточно, чтобы обрисовать эту сторону деятельности Главискусства. Она должна будет итти по пути создания реальных возможностей сбыта художественной продукции путем, главным образом, агитации за необходимость более серьезного отношения к искусству. Оно должно разъяснять, что нечего питаться суррогатами, когда при желании можно найти настоящие питательные продукты.

Мы не останавливаемся здесь, за недостатком места, на вопросе о создании заграничного рынка. Он касается, конечно, главным образом художественной промышленности и «декоративного» искусства. Здесь дело обстоит лучше, нежели с внутренним рынком, и хочется думать, что теперешнее выступление наше на парижской выставке укрепит это дело и в дальнейшем. Эта сторона дела также должна быть возглавляема Главискусством и войти в сферу его деятельности.

В плане второго элемента — произведения искусства как такового — в сферу деятельности Главискусства, совершенно очевидно, должна быть включена вся деятельность Главмузея, гигантская работа которого за годы революции создала ему почтенную и заслуженную репутацию. Но помимо музейной деятельности, направленной к охранению и использованию памятников старого искусства, Главискусством должна быть проявлена соответствующая деятельность и по отношению к, так сказать, «текущему искусству». Те идеи художественного воспитания и популяризации изобразительных искусств, которые легли в свое время в основу деятельности «Товарищества передвижных выставок», могли бы в условиях нашего огосударствления всего общественного аппарата развернуться в небывалых доселе размерах. Что это мыслимо в финансовом отношении, доказывается хотя бы тем, что АХРР предполагает это в будущем и частично уже осуществила на паре городов в прошлом году. Разумеется, можно только приветствовать это его начинание, но оно, совершенно естественно, не может заменить более мощной и лишенной узкого «направленчества» государственной выставочной организации. Ее наличие будет не только материальной, но и моральной помощью искусству, так как она сможет стать местом объединения ныне враждующих группировок. В процессе осуществления ряда таких выставок может выясниться та основная тенденция современного изобразительного искусства, которую не выведешь ни из каких, даже самых страстных, полемик.

Главискусство должно будет руководить постановкой всякого рода памятников и приступить к обсуждению художественной стороны тех многочисленных архитектурных сооружений, которые скоро, как только оправится наше хозяйство, мы начнем воздвигать. С ответственнейшей задачей сооружения целых архитектурных ансамблей (напр., проекты перепланировки Москвы, проекты новых застроек в Ленинграде, или рабочие поселки), чаемых нами впереди, сможет справиться лишь хорошо организованное, авторитетное и с государственной и с художественной точки зрения учреждение.

Переходим теперь к третьему элементу — работнику искусства. Здесь перед государством две задачи. Во-первых, поддерживать ныне существующих художников, заменить для них случайную халтуру общественными заказами всех тех учреждений, о которых речь шла выше. О современном тяжелом их положении нечего распространяться. Оно хорошо известно и подтверждено в статьях А. Луначарского и Н. Семашко. Также известно, что некоторые меры здесь уже предприняты; и не менее ясно, что один Рабис тут мало что может сделать, что охранять художников «Комиссии по улучшению быта *ученых*» не дело, что создание соответствующей комиссии при РАХН структурно неправильно и приемлемо только как паллиатив. Серьезно за это может приняться только Главискусство. Здесь следует ука-

зать, что вопрос должен ставиться не в плане «охраны». Художники — не фарфоровые чашки и не редкие вымирающие разновидности животного царства. Здесь подход должен быть деловой. Нужных людей надо признать таковыми и соответственно материально и морально их обставить.

Второй задачей является подготовка и воспитание новых кадров художников, от которых одних только мы в праве ожидать «нового искусства». Эта задача также может только выиграть в успешности своего разрешения, будучи поручена Главискусству. Лишь учреждение, которое подобно Главискусству будет сосредоточивать в своих руках и вопросы художественного сбыта, и идеологического руководства искусством, и потребности, и их удовлетворение, может, наконец, внести ту ясность в дело художественно-технического образования, которой в настоящий момент похвастаться нельзя.

Все роды деятельности и отношений Главискусства требуют наличия в его аппарате научного органа, с одной стороны, разрабатывающего те или иные принципиальные вопросы, потребные для деятельности Главискусства, а с другой— получающего от этой деятельности тот необходимый фактический материал, на основе которого может быть произведен учет и выявление задач современного искусства и его стилистических и идеологических тенденций. Таким органом Главискусства — советом экспертов— могла бы стать Академия Художественных Наук, в которую перешел бы соответствующий круг вопросов Художественной Секции Гус'а.

При Главискусстве более чем желательным было бы видеть соответствующий журнал, который мнится соединяющим в себе, так же как и деятельность РАХН, чисто-научные функции с функциями практической художественной политики.

III. К ВОПРОСУ О ГЛАВИСКУССТВЕ.

П. Марков.

Все, кто бывал в ТЕО Наркомпроса в годы восемнадцатый — двадцатый (а бывали все, имевшие причастность к руководству театрами), хорошо помнят первую встречу художников-спецов с представителями революционной власти, совершившуюся именно в стенах ТЕО; романтический облик Вячеслава Иванова, первоначального идеолога ТЕО и проповедника «всенародного» театра; зори рабоче-крестьянского театра; горделивые мечты управлять театром во всероссийском масштабе, не имея ни аппарата, ни средств; энергичную выработку бесчисленных программ по театральному образованию вплоть до театрального университета; не менее энергичную разработку репертуарных схем всех времен, стран и народов; формулу репертуара, «созвучного» эпохе; вспыхнувшую в общем плане политики борьбу за национализацию театров; лозунг «театрального октября», брошенный Мейерхольдом, и логически за ним последовавшее первое, но существенное разделение фронтов: «правого» — академического и — «левого». Гиперболизм планов был свойственен тем годам, им был заражен не один ТЕО и его грех — общий со всеми государственными учреждениями первых лет революции. Как бы ни относиться к этому во многом романтическому органу, впоследствии жестоко раздробленному по отдельным главкам и центрам, необходимо сознаться: его слабость зависела от слабости административных органов; теоретическое значение его деятельности неоспоримо; «Неглинная, 9» было местом, где создавались и выковывались те положения и требования, которые потом — различными путями — воплощались на прак-

тике; на проценты с выдвинутых ТЕО лозунгов и формул теперь все еще продолжают жить многочисленнейшие комиссии, секции, подсекции, отделы, ведающие театральным образованием, клубами, школами, кружками или управляющие театрами. Многие из лозунгов перекинулись в жизнь и воплотились на практике.

В конце концов, раздробление единого Театрального Отдела в свое время было естественно. ТЕО правильно обвиняли в чрезмерной теоретичности. Он вырабатывал политику и выковывал теоретическую мысль более, чем администрировал театральную жизнь. Одновременно его попытки—ближе и практически подойти к театральной жизни—неизбежно сталкивались с противодействием местных органов, претендовавших на непосредственное управление театрами. Аппарата же для учета всего того, что кипело в ответ на выброшенные ТЕО лозунги и призывы, не было. В своих увлечениях ТЕО гиперболизировало потребность в театре. Время — а в особенности новая экономическая политика — разрушили большинство этих увлечений. Постепенно исчезли сотни хореографических студий, число театральных школ стало быстро и решительно сокращаться, театральная жизнь входила в норму после чрезмерной и патетической ее культивировки и ревностного насаждения новых и новых театральных начинаний.

Я не буду следить за всеми преобразованиями на путях управления театрами. Важнейшим фактором является получившееся в результате раздробление управления между разнородными главами Наркомпроса, местными органами, профессиональными организациями. Точно так же, как и в свое время ТЕО в своих теоретических построениях неизбежно должно было притти к прорыву по направлению к практике театра или к самоизживанию — точно так же сейчас раздробленность является главнейшею и существенною опасностью. Худо ли, хорошо ли, ТЕО в свое время пыталось определить художественную тактику государства. Сейчас — вопрос об организации Главискусства — выходит за пределы только административного вопроса. Он вызывается художественною жизнью страны. Он вырастает из необходимости точного учета практики последних лет. Нельзя закрывать глаза на возникающие опасности и на растущие недостатки театрального быта.

Раздробив управление искусствами и в частности театром между отдельными органами, государство лишилось одновременно возможности охватить жизнь искусства в ее целом и определить место искусства в общей жизни страны. Раздробленность привела к разобщенности. Государство лишено возможности поставить проблему в ее целом. Применительно к театру: вопросы театрального образования рассматриваются в Главпрофобре, Главнаука имеет свои научно-художественные учреждения, при ГУС'е имеется Театральная подсекция, при Главполитпросвете — ТЕО. Одни и те же вопросы рассматриваются в ряде органов Наркомпросса.

Между тем, административная чересполосица до тех пор будет катастрофически тягостно влиять на жизнь театра — пока нелепа художественная тактика и пока нет единого органа, который бы учел современную театральную практику, идеологические требования современности и так часто теперь забываемую специфическую природу искусства и театра. Только охватив в целом, что происходит в театральной жизни Республики, начиная самодеятельными театрами, театрами национальных меньшинств и кончая профтеатрами — возможно выстроить единую политику, которую хотел в свое время строить старый Театральный отдел, имея только предпосылки, но оторванный от конкретного материала и реальных данных.

Вопросы единой политики — тем ответственнее и настоятельнее, что новая экономическая политика создала для театра обстановку неизмеримо более сложную, чем та, в окружении которой действовал старый ТЕО. Вопросы тактики возникают и по отношению к репертуару, и к вопросам агитации и пропаганды через театр, и к проблеме «театра и зрителя». Главискусство возникает из необходимости точно учесть значение искусства в жизни рабочего. Раздробление по отдельным органам привело

к специализации в постановке отдельных вопросов. Их нужно связать в один крепкий узел. Невозможно пытаться определять метод воспитания актера и вырабатывать системы театрального образования, не учитывая того, что принесли в театр самодеятельные клубы, не учитывая в полной мере данных актера, который теперь приходит учиться сценическому искусству. Нельзя говорить о методах агитации через театр, забывая о месте театра в жизни рабочего и о тех ожиданиях, которые он несет в театр. Необходимо вырабатывать методы воздействия на зрителя, основываясь на опыте театров, как самостоятельных, так и профессиональных. Вопрос о клубной работе подлежит разрешению в общем плане постановки театральной работы Республики, и конечные выводы методологического порядка о возможности постановки пьес в клубах или необходимости отказа от них связываются с вопросом о пробуждении творческих сил не только рабочей, но и крестьянской массы. Если метод воспитания актера будет один, а метод воздействия — агитационного и художественного — другой, то где найти примирение и выход?

Вопросы «культуры театра» отнюдь не являются сейчас вопросами реакционными. Они возникают из необходимости определить значение театра, который агитирует и пропагандирует своими театральными средствами и имеет свои способы воздействия на зрителя. Нельзя закрывать глаза на то несомненное обстоятельство, что единство жизни, характерное для годов военного коммунизма, нарушено. Жизнь стала сложнее, многообразнее и многоразличнее — тем сложнее, многообразнее и многоразличнее роль театра — и тем она специфичнее. Легко утерять ощущение особой природы театра, подавив ее *только* узко-просветительными целями, повернув театр назад и пренебрегши его особою и значительною ролью в деле «установки» на творчество и на восприятие жизни. Театр сейчас стоит на грани погружения в волны мещанства (под влиянием возрождения дореволюционных навыков) и под опасностью реакции. Нельзя отрывать больше театр от той конкретной жизни, которую ведет зритель-рабочий, советский работник и т. п. Нельзя не думать о том, с какими ощущениями, чувствами радости, усталости, желанием отдыха приходит в театр зритель, нельзя не помнить о тонкости и специфичности тех способов, которыми театр наиболее плодотворно достигает нужных целей. Главискусство должно решить вопрос о роли *театра* и об его воздействии на зрителя особыми приемами в соответствии со всею жизнью страны, а не так узко, как сейчас ставится вопрос о нем, когда театр вырывается из окружающей жизни и на него смотрят, как на единственный путь агитации, со своей очень невысокой колокольни.

Первые годы революции принесли значительную поддержку новым театральным работам. Не должно ли государство сейчас поставить вопрос—не в отдельных деталях, а в его целом — о путях пробуждения и поддержки творчества масс и увязки в связи с этой проблемой вопросов социального и профессионального воспитания; а с другой стороны — о путях поддержки тех театральных начинаний и экспериментов, которые борются с надвигающейся театральной реакцией и этим самым ставят вопрос о театральной культуре?

Театр погружается в дореволюционную обстановку кружковства. Вопросы сбыта и потребления для многих из театров являются роковыми. Понижение покупательной способности может заставить экспериментальные театры остаться без зрителя. Наоборот, театры, работающие на обывательски - мещанского зрителя, естественно ориентируются по кассе.

Профессиональный театр переживает тяжкий и суровый момент своей жизни, который легко может привести к дальнейшему упадку театральной культуры. Театр теряет свое назначение укреплять в зрителе мужественную «установку на творчество».

Одновременно, в самодеятельные театры и на клубные сцены легко проникают обычные провинциальные методы сценической работы. Как бы яростно ни защищать самостоятельность и специфичность клубной работы, опасность

заражения самыми дурными навыками шаблонной театральщины несомненна. Клуб стоит на скользкой грани любительства или отказа от театра.

Репертуарный вопрос — один из самых существенных—не разрешен. Репертком строг и суров. Кроме Репертkома существуют и другие органы, поощряющие и запрещающие пьесы (смотри историю с постановкой «Федьки Есаула», рассказанную в «Рабочем Зрителе»). Политика Репертkома не легка из-за отсутствия увязки со всем театральным делом Наркомпроса.

Период раздробления ТЕО по отдельным главкам был естественен — теперь он изжит. Новая полоса жизни государства требует определить место искусства в общем ходе страны. Практика и реальные данные должны помочь в выработке реальной художественной тактики, в отличие от романтической политики старого ТЕО. Только тогда искусство, а вместе с тем театр, получат максимальные возможности для своего развития и максимальную свободу в переживаемую переходную эпоху.

IV. МУЗЫКА НА ЗАПАДЕ.

Евгений Браудо.

Автор настоящих строк отлично сознает, что многое из сообщаемого им может быть опорочено, как показания не очевидца, а почерпнутые из косвенных источников. Это верно. Наибольшую ценность представила бы, конечно, статья музыканта, прожившего последние годы за границей. Для того, чтобы правильно оценить новейшие течения в искусстве, недостаточно знать самые произведения, необходимо учесть и общесоциальные настроения исторического момента, характерный темп самой музыкальной жизни. Важно также освоиться с исполнением новейшей музыки, в чем значительную роль играет обаяние личной сферы авторов, рассеивающейся по мере удаления от первоисточника. Но после многих лет голода мы постепенно начинаем вновь входить в круг западно-европейских музыкальных интересов, наши передовые музыкальные организации (например, ассоциация современной музыки при Росс. Ак. Худ. Наук) систематически посвящают вечера образцам новейшего западного камерного творчества, прибывают новые нотные материалы и, наконец, благодаря приезду иностранных артистов, мы понемногу персонально соприкасаемся с выдающимися деятелями нашего искусства на Западе.

1.

В одном из прошлых наших обзоров мы коснулись жизни одних лишь руководящих музыкальных центров Берлина и Парижа. В настоящем мы сделаем скромную попытку выяснить, чем живет музыкально «провинция» на Западе, то-есть страны, далекие до сих пор от музыкальной диктатуры. Среди этих стран наше внимание раньше всего привлекает Италия, где впервые обозначился поворот, повидимому, решающий для судеб всего современного западно-европейского искусства. Итальянская камерная и симфоническая музыка еще до недавнего времени имела блестящее прошлое, безотрадное настоящее и, в связи с этим, не давала никаких определенных надежд на будущее. Сила и крепость музыкальной культуры Италии основывались на прочных устоях, заложенных мастерами XVII и XVIII столетий, основоположниками западно-европейского камерного искусства. В девятнадцатом веке гегемония в музыкальном обиходе Италии перешла исключительно к оперным композиторам. Нельзя назвать ни одного крупного автора симфоний или камерной музыки. Под знаком оперной рутины музыкальная Италия вступила и в двадцатое сто-

летие. Неудивительно, что образцом для симфонического творчества молодой Италии послужил Рихард Штраус, но Штраус не «Смерти и просветления» или «Дон-Жуана», а композитор «Саломеи» и «Электры», то-есть музыкант-драматург по преимуществу. Но в настоящее время «вагнерианство» и «штраусианство» в Италии надо считать окончательно преодоленным. Как в свое время французы, так и новоитальянцы, в процессе отпадения от Вагнера и его школы, ищут опоры в национально выраженном простом пластичном стиле итальянских классиков добетховенского периода. Назад к Скарлатти и Вивальди—таков лозунг времени. От Малипиеро до Пицетти, от Казелла до Кастильнуово мы видим единодушные попытки возродить былую классику и очиститься от соблазнов драматически подчеркнутой немецкой музыки.

Из трех нами выше названных авторов самым интересным является, на наш взгляд, *Франческо Малипиеро*. Это весьма распространенный композитор: его перу принадлежат очень строгие выдержанные вокальные произведения, симфонические и камерные композиции. Его последнее произведение «вариации без темы», вышедшее совсем недавно, вызвало очень горячие дебаты в ответственных музыкальных кругах и в прессе. В творчестве Малипиеро впервые очень определенно сказался разрыв с импрессионизмом, до недавнего времени владевшим итальянской музыкой. Характерным для Малипиеро является отчеканенная форма, по своим очертаниям напоминающая итальянский камерный стиль XVIII столетия. Музыка его укладывается легко и свободно в одеяния музыкального барокко. Очень интересны с этой точки зрения два его струнных квартета и вариации.

Другой крупный представитель современной Италии *Альфредо Казелла* тяготеет, напротив того, к музыкально-драматическому выражению. Его музыка следует каким-то глубоким внутренним столкновениям. В ней много пафоса, элементарной силы. В мелодическом отношении Казелла примыкает скорее всего к итальянским музыкальным трагикам XVII столетия (Монтеверди, Чести и др.). Речитативом (в стиле «возбужденном», как писали в XVII веке) он пользуется очень охотно. Примечательно у Казелла тяготение к комическим сюжетам, которые он передает с большим реализмом, острым чувством действительности. Казелла не чужд и исторической стилизации («четыре кантаты в духе четырнадцатого века»), но это не лучшая сторона его творчества.

Иную картину представляет искусство Ильдебрандо Пицетти, у которого, несомненно, чувствуется тоска по грандиозным полифоническим построениям добарочного периода. В музыкальной фантазии Пицетти преобладают импульсы зодческие. Это зодческое начало он переносит и в свои большие музыкальные драмы, отчасти на библейские сюжеты, «Дебора», «Федра», очень мощные по своим подъемам и строго выдержанные с музыкальной стороны. Наиболее из итальянских авторов за границей популярный Отто Респиги по изумительной плодовитости и выдержанному в духе средне-европейских музыкальных вкусов письму нам представляется чем-то вроде итальянского Сен-Санса и не слишком вдохновляет к глубокому проникновению в его творчество.

Подводя итоги нашим впечатлениям от немногочисленных нам пока известных образцов новоитальянской музыки, мы, с одной стороны, должны констатировать, несомненно, уклон к ретроспективности и желание возродить к новой жизни старые мелодические формы музыкального барокко. Этот уклон заключается, впрочем, не только в современном итальянском искусстве, но и в немецкой музыкальной действительности (культ Генделя) и даже в новейшем русском (эмигрантском) творчестве. Дух Скарлатти и Вивальди—двух важнейших представителей инструментального письма в эпоху музыкального барокко—явственно сказывается в последних фортепианных вещах Стравинского, этого бессменного представителя русского модернизма на Западе. С другой стороны, новейшая итальянская музыка обладает достаточной ударной энергией, чтобы разрушить все традиционные формы инструментального и музыкально-драматического пись-

ма во имя очень непосредственного яркого выражения музыкальной эмоции. И это заставляет нас внимательно присматриваться к тому, что делается теперь в стране Скарлатти, Монтеверди, Беллини и Верди, некогда бесспорной владычицы всего западно-европейского музыкального искусства на протяжении многих столетий.

2.

Другая музыкальная «провинция» довоенного времени, ныне тоже приковывающая к себе усиленное внимание всякого наблюдателя западно-европейской жизни, это—Венгрия. Венгерская художественная музыка до последнего времени (если не считать совсем условно принадлежащего к венгерской нации Фр. Листа) не играла никакой роли в европейском концерте. Только в послереволюционную эпоху она стала заметным фактором в жизни музыкально обновленной Европы. В противоположность итальянским музыкантам, идущим от старой вековой культуры звуков и опирающимся в своих поисках широкой могущественной звуковой линии на богатый опыт и наследие исторического прошлого, венгерские музыканты имеют под собой живую черноземную почву народного, еще поныне не иссякшего песенного творчества. Такими «народными музыкантами» ощущают себя два крупнейших представителя нововенгерской школы, *Барток* и *Кодали*.

В одном из последних номеров временника ассоциации современной музыки при Росс. Ак. Худ. Наук помещена интересная автобиография Бела Барток. Свою музыкальную деятельность Барток начал с исследования подлинно народной венгерской песни, не той псевдонациональной, которой, между прочим, пользовался для своих рапсодий Фр. Лист. В разработке материала и истолковании его для художественных целей Бела Барток, по собственному признанию, следовал путями, предуказанными русской могучей кучкой, а в настоящее время — Стравинским. Нам лично известны лишь два струнных квартета Бартока. Насколько его фольклористические принципы осуществлены в этих квартетах, мы, за незнанием венгерской народной песни, судить не беремся. Но музыка этих квартетов необычайно интересна. Она сжата, ударна, полна неукротимой энергии, при всей своей афористичности производит стройное, логическое, завершенное художественное впечатление. Кроме камерной музыки, перу Бартока принадлежит еще балет «Принц, из дерева выточенный» и одноактная опера «Замок Синей Бороды».

Второй крупный современный венгерский мастер звуков *Золтан Кодали*, произведения которого также поставлены на ближайшую исполнительскую очередь «ассоциацией современной музыки», вместе с Бартоком немало потрудился над выяснением подлинного существа венгерской песни. Его лучшее произведение — монументальный венгерский псалом для хора и оркестра признается современной венгерской критикой вершиной нового национального творчества. Кодали по преимуществу лирик. Он великолепно чувствует мрачную меланхолию венгерской поэзии XVI и XVII веков и, пожалуй, при распространении его музыки, последняя найдет доступ к слушателям, ей до сих пор совершенно чуждым. Значительная часть вокальной композиции Кодали написана на народные тексты и превосходно передает «эстетический лаконизм» народной поэзии. Кроме того, в Венгрии и Германии значительный интерес вызывают фортепианные композиции Кодали, лучшим исполнением которых является его друг Бела Барток.

Общая картина музыкального Запада за последний год изменяется в том отношении, что старые, столетиями упрочившие свою гегемонию, столицы музыкального мира начинают терять свое исключительное господствующее положение: на смену старым, отживающим культурам выступают новые, свежие национальные школы. В нашем беглом очерке мы сделаем попытку обратить внимание наших читателей на нескольких ярких представителей Италии и Венгрии, еще неизвестных широкому кругу русских любителей. В последующих очерках мы, по мере наличного материала, постараемся расширить на-

ши наблюдения новоанглийской, скандинавской и испанской музыкой. Надо надеяться, что нам с течением времени «воушию», если так можно выразиться, дано будет соприкоснуться с этой музыкой. Интернациональный музыкальный обмен растет быстро и прочно и этим закладывается прочный фундамент новой культуры, не знающей тесных рамок национальной ограниченности.

V. НА ЗАПАДЕ.

Б. Розенблюм.

В Германии.

I.

Берлинские театры.

Dauerkrise (длительный кризис)—так характеризуют германские театральные критики состояние берлинского театра. Остряки сравнивают его с положением германского правительства и находят при этом сравнении много общих черт. Так же, как не удается сговориться партиям и образовать устойчивое германское правительство, так же нельзя во многих берлинских театрах увидеть единое лицо германского театра. Но не только в этом отсутствии единства берлинской театральной жизни заключается зло. Оно заключается, по мнению германских критиков, в том, что закрываются серьезные театры, открываются варьетэ, что хороший спектакль не собирает публики и т. д. Анализируя это явление, германские критики считают, что причиной кризиса является разрыв между театром и публикой. Публика перестала понимать театр, перестала интересоваться и требовать хороший театр—таков ключ к проблеме современного театрального кризиса в Германии.

Несомненно, в этом утверждении германских критиков большая доля истины. В нашей литературе неоднократно отмечались особенности западно-европейской и, в частности, германской публики, которая ждет от театра легкого смеха, приятного щекотания нервов. Однако проблема имеет и свою обратную сторону. Если публика ушла от театра, то и театр ушел от публики. Современный берлинский театр не умеет быть современным, то, что еще Ницше называл zeitgemäss. Берлинский театр не умеет подойти к публике, он не чувствует своей эпохи, он не умеет схватить нерв времени,—словом, берлинскому театру не хватает своего Мейерхольда. В самом деле, театр в Берлине не занимается разрешением новых театральных проблем. На что ссылаются критики, когда они, говоря о кризисе театра, обвиняют публику в том, что она из театра ушла?! На неуспех Goethe-театра?! В этом неуспехе мало удивительного, если театр начинает с постановки совершенно отжившей свой век пьесы Гете «Побочная дочь» («Die natürliche Tochter»), не умея в этой постановке вскрыть современные моменты, сделать ее современной, злободневной, как, например, Мейерхольд сделал в «Лесе». Или, может быть, на провал Драматического театра? Направление этого театра лучше всего характеризуется зигзагами его репертуара. Он начинает с пьесы Кайзера «Жиль и Жанна» (посвященной любви Жиль де-Ретца к Жанне д'Арк), надуманной и холодной, делает скачок к «недраматической», даже по отзывам германской критики, пьесе Сургучева «Письма с иностранными марками», переходит затем к двум посредственным пьесам, претендующим на бичевание буржуазной морали (Ангермайер—«Комедия вокруг Розы» и «Иван Гол-Метузалем») и закан-

чивает слащавым католицизмом Лео Вайемантеля «Грядущий час» («Die Kommstunde»). Если прибавить к этому, что ни одна из постановок этих пьес не отличается оригинальностью, даже театральной свежестью—становится очевидным, что в неуспехе театра сыграла значительную роль его несовременность, его нежизненность, его нетеатральность.

Несомненно, что основной причиной берлинского театрального кризиса является отсутствие на подмостках Берлина подлинной театральной жизни, театральных исканий. Берлинскому театру почти чужда проблема нашей театральной постановки. Конечно, театр ищет режиссера и режиссер творит постановку, но нашего искания нового слова в постановке, нашего понимания проблемы театра, в смысле проблемы постановки, Берлинский театр не знает. По-прежнему лучшим режиссером Берлина является Макс Рейнгардт. В дополнение к «Grosses Schauspielhaus» он создал новый театр Комедии. Внешний вид нового театра приспособлен для поставленной ему задачи культивировать веселое искусство и напоминает театр XVIII столетия, особенно тем, что ложи заходят на сцену. Театр Комедии дебютировал комедией Гольдони «Слуга двух господ», потом перешел к пьесе Жерара «Эмэ» и в настоящее время ставит «Мнимого больного». Постановка эта, которая вызвала интерес в Берлине поставленными между актами танцами, связанными с действием, заставляет сейчас же вспомнить о нашей «Турандот» и не представляет особого шага вперед в театральном отношении и для самого Рейнгардта. Между тем, это едва ли не самая «передовая» постановка в Берлине. То же отсутствие новых театральных достижений характеризует и постановку Рейнгардта «Святой Иоанны» Б. Шоу.

Для Берлина проблема театра заключается в актере. Продолжающаяся еще в искусстве Германии борьба импрессионизма с экспрессионизмом отражается в коллизии игры актера с тем произведением, которое ему приходится играть. Германская критика говорит о необходимости в этом случае найти синтез между натурализмом и символикой,—синтез, которого не мог найти автор и который должен быть найден в игре актера. Критика отмечает ряд достижений актера на этом пути. В первую очередь в этой связи следует назвать постановку пьесы Г. Гауптмана «Михаэль Крамер» в Deutsches Theater с Клёпфером в заглавной роли. Бледная и ходульная фигура героя пьесы Гауптмана оживает в исполнении Клёпфера. Как истинный артист, он умеет найти те мягкие тона исполнения, которые внушают симпатию к герою Гауптмана,—симпатию, к которой стремился автор, но которой не сумел придать образу своего героя. Еще значительнее по единогласному отзыву критиков достижение актера в пьесе О'Нейля «Волосатая обезьяна».

Более богатый актерами, но бедный театральными достижениями, Берлинский театр отличается также и бедностью репертуара, разделяя, впрочем, в этом отношении судьбу своих западных и восточных собратьев. Из пьес, вызвавших успех в истекшем сезоне, называют пьесу Брехта «Заросль» («Die Dickicht)», изображающую вырождение семьи (не очень новая тема!) и представляющую *заимствование из Рэмбо*, пьесу Г. Кайзера «Давид и Голиаф», представляющую *переработку его более ранней пьесы* «Гроссбюргер Мюллер», пьесу *Стриндберга* «Кроненбраут» и *инсценировку* новеллы Гауптмана «Шлук и Яу». Как видно, полное отсутствие творчества. Пробел не восполняется и привозимыми из-за границы пьесами. Несмотря на игру известной артистки Кэтэ Дорш, не приходится, конечно, считать положительным явлением постановку «Заза». Еще хуже, конечно, что театры, как Ренессанс-Театр, доходят до таких постановок, как «Тереза Ракен» Золя. Не удивительно, что лучшей пьесой сезона считается реторичная пьеса Б. Шоу «Святая Иоанна».

II.

Художественная литература.

Нижеследующее изложение посвящено новинкам книжного рынка Германии в 1924 г. лишь в области изящной

литературы и истории новой литературы. Однако и в этом отношении круг обозрения несколько ограничен, поскольку в дальнейшем называются лишь произведения, успевшие в большей или меньшей степени стать классическими. Новейшая беллетристика совершенно не рассматривается, потому что подавляющее большинство авторов и романов совершенно неизвестно русской читающей публике, и в связи с этим перечисление новых книг не могло бы представить существенного интереса. Достаточно сказать, что в 1924 г. изящная литература Германии не дает ни одного произведения, которое, по признанию критики, заметно поднималось бы над уровнем обыденности. Точно также не делается никакого шага вперед в смысле создания новых форм стиля. По содержанию, значительное количество произведений посвящено истории, преимущественно средневековой в соответствии с общим романтическим уклоном германской мысли. По примеру прошлых лет, попадаются произведения, построенные на ненависти к современному строю и на его отрицании. Есть, однако, и работы, отмеченные романтическим оптимизмом—верой в человека и добро в нем.

Если теперь обратиться к более старой германской литературе, то нельзя не отметить, что в центре интереса современной Германии по-прежнему стоят Гете и романтики. Что касается изданий Гете, то истекший год обогатил литературу 30-м томом (под редакцией Ноха) знаменитого издания, предпринятого издательством «Пропилеи». В издании Pandora-Ausgabe вышла 2-я серия (тт. XIII—XX) сочинений Гете. Вышло новое издание известного с лучшей стороны всем, изучавшим Гете, комментированного «Фауста» Витковского. Из отдельных работ по Гете следует назвать интересную работу А. Метца о стиле Гете, в которой автор приходит к выводу, что «в Риме Гете нашел и потерял себя», Криза «Гете как психолог», очерки Грэфа и т. д., следует упомянуть также о выходе в свет 10 тома «Jahrbuch der Goethe Gesellschaft».

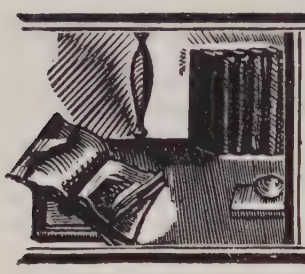
После Гете, наибольший интерес в германской литературе вызывают романтики. Для эпигонских настроений современной Германии характерно, что внимание к себе привлекают не представители раннего романтизма, как Новалис, Тик и Шлегели, а поздние романтики, как Брентано, и, особенно, такие эпигоны романтизма, как Гольдерлин. Автор «Гипериона» и незаконченного «Эпименида», мало известный русским читателям, вызывает к себе оживленный интерес. Из работ, ему посвященных, критика отмечает книгу Г. Бранденбурга: «Гольдерлин. Его жизнь и произведения». Не прекращается также и вспыхнувший сравнительно недавно интерес к Клейсту. В издании «Народного Союза друзей книги» вышло 3-томное собрание его сочинений с предисловием К. Федерна, в котором отмечаются все пробелы нашего знания о Клейсте и указываются те проблемы, которые еще подлежат разрешению. Точно также продолжает привлекать внимание читающей публики и Жан Поль. Следует отметить, что в издательстве «Пропилеи» вышло 6-томное собрание его сочинений.

Из произведений иностранной литературы, появившихся на германском книжном рынке в 1924 г., остановимся прежде всего на русской литературе. Следует отметить, что германской читающей публике почти совершенно неизвестны послереволюционные произведения русской литературы. Для германских литературных критиков русская литература заканчивается поэмой А. Блока «Двенадцать», переведенной на немецкий язык (поскольку вообще такая вещь, как «Двенадцать», наделенная исключительным национальным колоритом, поддается переводу) В. Грогером. С русской литературой Германия знакома преимущественно по переводам Элиасберга и Гюнтера (ср. их 3-томное издание «Россия в памятниках поэзии», а также работы Элиасберга «Картинная галлерея русских писателей» и «Русская литература в портретах»). Насколько эти авторы чужды современной русской литературе, явствует хотя бы из того, что для Элиасберга, по его собственному признанию, «Чехов является последним великим русским писателем».

Произведения новейшей английской литературы почти совершенно не переводятся на немецкий язык. Характерно, что до сих пор не переведены романы и новеллы недавно умершего Д. Конрада, вызвавшего столь живую симпатию у русской читающей публики. Так же мало известна и новая итальянская литература.

Наоборот, по-прежнему много переводят с французского. Из французских романистов особый интерес в современной Германии вызывает Бальзак, которому посвящена работа Э. Р. Курциуса. Книга Курциуса пытается осветить работу известного французского романиста с точки зрения философии и социологии и вскрыть концепцию действительности в романах Бальзака. Мало внимания привлекает к себе Золя. По-прежнему с интересом читают Мопассана. Новейший французский роман почти неизвестен широким кругам читающей Германии.

П. А. Шиллинговский.
Фонтан (гравюра на дереве).



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

ЛЕНИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. П. КЕРЖЕНЦЕВ. Введение в изучение ленинизма. *Ц. Фридлянда.* — 2. И. СТАЛИН. Ленин как организатор и вождь РКП. *Ц. Фридлянда.* — 3. ЛЕНИН О СОВЕТСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ. *Н. Семашко.* — 4. Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ). Избранные статьи по национальному вопросу. *Г. Бройдо.* — 5. Н. ЛЕНИН (В. И. УЛЬЯНОВ). I. О войне 1914 — 1918 г.г. II. Крах Второго Интернационала. *М. Брагинского.* — 6. Н. ЛЕНИН. Октябрь. *Д. Билевкина.* — 7. Н. ЛЕНИН. Экономическая политика. *Вл. Сарабьянова.* — 8. Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ. Мысли Ленина о религии. *Ц. Фридлянда.* — 9. П. ЛИССОВСКИЙ. Иностранная печать о Ленине. *Н. Семашко.* — 10. Н. И. БУХАРИН. К вопросу о троцкизме. *И. Вервйнис.*

П. М. КЕРЖЕНЦЕВ. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. Предисловие Н. К. Крупской. Госиздат. 1925. 2-ое изд. Стр. 295.

Второе издание книги П. Керженцева появилось к годовщине смерти Ильича, когда потребность в изучении ленинизма невероятно выросла среди широких масс. Необходимо отметить, что «Введение» уже завоевало себе прочное место среди литературы о Ленине и ленинизме. Книга имеет безусловно все шансы стать руководством по изучению произведений Ленина.

Автор ставит себе задачу «помочь новым и молодым членам партии в изучении ленинизма», и он «касается лишь некоторых основных идей большевизма-ленинизма», стараясь представить их динамику, их диалектическое развитие в связи с исторической обстановкой». Для второго издания, по словам Керженцева, книга заново пересмотрена и внесен ряд дополнений: по вопросу об уклонах, специально о Троцком, дана библиография по «Собранию сочинений» Ленина.

Двенадцать глав книги охватывают различные стороны ленинизма: борьба с оппортунизмом, большевизм в первой революции, партия, крестьянство, национальный вопрос, вопросы Коминтерна, вопросы теории государства и советской практики, борьба с уклонами. Заметное место занимают проблемы ленинизма, как марксистского учения: диалектика, реализм, революционность и т. д.

Общую оценку книги дает Н. Крупская в своем предисловии. По ее словам, книга «своеобразный путеводитель по Ленину». Она написана заботливо, сделана добросовестно. Но «изучать Ленина надо, конечно, по Ленину, а не по Керженцеву, но Керженцев очень существенно этому делу поможет». Нельзя не присоединиться к этой характеристике. В самом деле, книга П. Керженцева очень выгодно отличается от массы выходящих книг по ленинизму тем, что она прежде всего имеет в виду *читателя* и хочет помочь этому читателю разобраться и самостоятельно прорабатывать сочинения Ленина. Читателя автор с первых же страниц вводит в разбор основных вопросов ленинизма, в обстановку революц. борьбы, которая определяла его развитие. А главное: книга имеет в виду дать читателю представление о ленинизме, как о *системе*. Эта задача очень сложная. Но автор с нею справился. Как это ни трудно, но нам кажется абсолютно необходимым включить в следующее издание книги главу об основных мыслях марксизма или дать это в какой-либо иной связи: скажем, в связи со статьей Ильича

о Марксе. Нам кажется также, что книге должен быть придан характер прямо учебника «по Ленину», а чтобы он был справочником, необходимо дать библиографию к каждой главе, вернее, к каждому параграфу. Отсутствие этого указателя — один из недостатков книги.

Нам незачем останавливаться на разборе содержания книги: в общем и целом она дает строго-выдержанную трактовку вопросов. Но отдельные места требуют более осторожной формулировки. Ведь подобная книга станет «катехизисом»! На стр. 31 в главе «самокритика» вопрос о военном коммунизме толкуется так, что по Ленину эта эпоха — «ошибка»! Не нужна ли здесь более осторожная формулировка? На стр. 67, говоря о том, что задача революции 1905 г. — буржуазно-демократическая, следовало бы указать, что даже в эпоху первой революции Ленин не воздвигал гигантской стены между демократической и социалистической революциями. Он писал в статье о «Парижской Коммуне», что захват власти Р. С.-Д. Р. П. в России будет служить началом революции на Западе. Нам кажется также, что в вопросе о союзе с крестьянством и гегемонии пролетариата т. Керженцев мог бы пустить в оборот богатства, опубликованные во II «Ленинском сборнике» в связи с обсуждением программы. Отметим еще, что в связи с обсуждением опыта первой революции следовало бы поставить вопрос о революции, как искусстве восстания.

Мы ограничимся этими замечаниями. Книга по праву займет видное место в массовой литературе о Ленине и ленинизме. Издана книга удовлетворительно.

Ц. Фридлянд.

И. СТАЛИН. Ленин как организатор и вождь РКП. Госиздат. 1925. 14 стр. Тираж 30.000 экз.

Среди огромной литературы о Ленине и ленинизме работы И. Сталина отличаются выдержанностью и логической законченностью; они всегда формулируют центральную мысль во всей ее теоретической сложности и вместе с тем практической значимости. «Ленин как организатор и вождь РКП»—статья, написанная к 50-летию со дня рождения В. И. Но эта краткая статья дает ряд удачных формулировок.

Работы т. Сталина не могут претендовать на большую популярность. Он слишком скуп на слова; у него точная логическая схема, понимание которой требует уже некоторой подготовки. И эта брошюра-статья лишь частично может удовлетворить требованиям массовой литературы, но она безусловно ценная книжка для массового читателя второй степени подготовки.

«Существуют,— пишет т. Сталин,— две группы марксистов. Обе они работают под флагом марксизма, считают себя «подлинно» марксистами. И все-таки они далеко не тождественны. Более того: между ними целая пропасть, ибо методы их работы диаметрально противоположны». Первая группа марксистов *внешне* признает марксизм, мертвые *формулы*, аргументирует *цитатами*. «Расхождение слова с делом—такова основная болезнь этой группы... Она *лежит* на точке зрения марксизма». Вторая группа *претворяет* марксизм в жизнь: она не только объясняет, но и изменяет мир. «Имя этой группы—большевизм, коммунизм». Ее вождем был Ленин.

Таков Ленин как марксист. Ленин как организатор РКП не менее велик. Он создал партию в условиях борьбы «при жесточайшем абсолютизме, в ожидании буржуазно-демократической революции». То была партия революции, в отличие от парламентских рабочих партий З. Европы. Ленин боролся против меньшевистского «плана» перенести европейский опыт в царскую Россию, и поэтому он «заложил фундамент той сплоченной и закаленной коммунистической партии, равной которой не знает мир». Создание партии революции предполагало непримиримую борьбу с антипартийными и анти-революционными элементами.

Но Ленин был не только основателем партии, он был ее вождем. «Организационные достоинства РКП представляют лишь одну сторону дела». Ленин как вождь партии наполнил ее работу политическим содержанием. «Величайшая

заслуга Ленина перед русской революцией состоит в том, что он вскрыл до корней пустоту исторических параллелей меньшевиков и всю опасность меньшевистской «схемы революции», отдающей рабочее дело на съедение буржуазии». Ленин как вождь отличается от вождей-практиков, слабых в теории, как и тех, кто велики в теории, но слабы в деле организации и борьбы. Ленин «счастливо соединяет в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором» (слова П. Аксельрода).

Брошюра-статья таким образом формулирует ярко и точно особенности Ленина как марксиста, организатора и вождя РКП.

Издана брошюра неважно: она рассыпается при первом чтении.

Ц. Фридлянд.

ЛЕНИН о Советском строительстве (Сборник цитат и отрывков). Изд-во Коммунистической Академии. Составил В. Максимовский.

За последнее время появляется все больше и больше брошюр, посвященных изложению взглядов т. Ленина на тот или другой вопрос. Это явление надо всецело приветствовать: мысли Ленина долго еще будут служить нам путеводной звездой для разрешения тех или других практических, злободневных вопросов. А так как искать эти мысли в Собрании сочинений Ленина далеко не всякому доступно, то такие «вводные» или «справочные» брошюры имеют большое практическое значение, служат большую практическую службу.

Недурной такой сборник составлен т. Керженцевым. В нем можно найти доподлинные мысли Ленина по многим вопросам нашего строительства.

Тов. Максимовский задался хорошей целью дать цитаты и отрывки из речей и статей Ленина по вопросам советского строительства. Злободневность такого сборника бесспорна: задача улучшения советского аппарата и советской практики продолжает оставаться злобой дня. Между тем именно по этому вопросу Лениным дан ряд ценных указаний, из которых мы многие, многие еще не выполнили. Иметь под руками, для постоянного руководства и для справок, мысли Влад. Ильича—очень ценно для каждого советского работника.

Однако выполнение этой задачи не во всем удалось т. Максимовскому. Начать с того, что самая разбивка по главам чрезвычайно затрудняет пользование сборником: прекрасные цитаты из речей Влад. Ильича, определяющие сущность Советской власти, зачем-то трактуются в особой «исторической» главе (1905 г., 1917 г., март, апрель, май... октябрь, после октября); совершенно очевидно, что это хронологическое деление совершенно напрасно разбивает мысли Влад. Ильича, разрезывает их по формальному (хронологическому) признаку и затрудняет пользование сборником, как справочником для той или другой практической цели.

Так же неудачно составлена глава: «практика советской работы». Первый § в ней гласит: «работа центральных органов власти» и—как бы вы думали, что в этой главе имеется? Полемическое замечание т. Ленина на упрек бундовки на VII съезде советов, почему не собрался ВЦИК; краткое замечание о сессиях ВЦИК (на XI съезде); очень краткое замечание об учете практики мест (сколько раз т. Ленин говорил об этом гораздо подробнее!); краткое указание, что на СНК должны ходить наркомы, а не заместители; краткое указание о конструкции и работе СТО; наконец, почему-то отрывок речи об электрификации на VIII съезде. Ну, скажите: где же здесь «работа центральных органов власти»? Разве это все, что говорил т. Ленин на эту тему? Это—одна тысячная его указаний о работе центральных органов; да и то одна тысячная, состоящая из самых мимолетных, наименее важных указаний.

Эти недостатки книги очень затрудняют пользование ею для практических целей. И очень жаль, что т. Максимовский так, видимо, внимательно перечитавший сочинения Ленина, чтобы выбрать то, что относится к советскому строительству, так дурно использовал материал.

Сборник выдержек из речей и статей т. Ленина, касающихся злободневного вопроса о советском строительстве, еще ждет своего составителя.

Н. Семашко.

Н. ЛЕНИН (В. Ульянов). Избранные статьи по национальному вопросу. С предисл. и примечан. И. Товстухи. ГИЗ. Стр. 188.

Составить сборник «избранных статей» по нац. вопр. из работ В. И. Ленина работа не легкая, так как каждая статья Ленина является избранной.

Составитель сборника т. Товстуха хорошо справился с этой задачей, поместив в сборник лишь самое необходимое для того, чтобы читатель составил ясное представление об основных линиях развития ленинизма в области национального вопроса.

Материал отмечает основные этапы развития партийной программы и стратегии в области национальной политики. На-ряду с этим в приводимых статьях и резолюциях отражается борьба за большевистскую линию в национальном вопросе—с одной стороны, с правыми, националистическими уклонами и с левым, нигилистическим уклоном — с другой.

Сборник открывается небольшой статьей В. И. Ленина «Рабочий класс и национальный вопрос», написанной им в 1913 г.

В этой статье четко выдвинуто положение, что только рабочий класс «в наши дни» способен отстаивать до конца «свободу нации», и для того, чтобы эту задачу выполнить, необходимо «полное единство рабочих всех наций».

Во второй статье «О культурно-национальной автономии» Ленин критикует эту «реакционную, вредную, мещанскую националистическую идею», принятую *всеми* буржуазными партиями еврейства, а затем и бундовцами и ликвидаторами. Он вскрывает реакционность этой идеи не только «с точки зрения пролетарской классовой борьбы», но и с точки зрения «обще-демократической, т.-е. буржуазно-демократической».

В статье «Нужен ли обязательный государственный язык», Ленин констатирует всю реакционность не только политическую, но и с точки зрения интересов культуры каких бы то ни было привилегий для одного языка и притеснений для других.

После резолюции по национальному вопросу, принятой на летнем совещании ЦК в 1913 г., помещен ряд статей, комментирующих эту резолюцию с критикой уклонов от нее.

Статьи «Критические заметки по национальному вопросу» и «О праве нации на самоопределение» являются основными по борьбе с националистическим уклоном «Бунда» и левыми ошибками Р. Люксембург.

В первой из указанных статей т. Ленин рассматривает вопросы «культурно-национальных автономий», о равноправии наций, о правах национальных меньшинств и вопросы государственного строительства многонациональных государств (централизация и автономия).

Во второй статье рассматривается сущность лозунга «самоопределение наций». В специальном § разработан вопрос о необходимости подходить к разрешению национального вопроса с исторической точки зрения и дается анализ «конкретных особенностей национального вопроса в России» (§ 3). Далее противополагается наша программа программе либералов и социал-оппортунистов.

Восстановлением Маркса, «погребенного» оппортунистами в польском вопросе, Ленин устанавливает отсутствие марксистского подхода в разрешении польского вопроса Розой Люксембург и на конкретном этом вопросе показывает, как левые слова на деле связываются с правыми делами.

В статье «О национальной гордости великороссов», Ленин на анализе движущих сил российской революции разрабатывает тему «не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы».

Статья «Итоги дискуссии о самоопределении», написанная в 1916 г., разрабатывает постановку вопроса о самоопределении в обстановке империалистической войны. Ленинское, больше-

вистское разрешение вопроса об аннексии и о колониях является доведенным до конца лозунгом «самоопределения нации».

Эта статья и речь, произнесенная на VIII съезде РКП, вплотную подводит читателя к углубленному пониманию «Первоначального наброска тезисов по национальному и колониальному вопросам» Ленина и речи его на II Конгрессе Коммунистического Интернационала.

В этих двух статьях дается законченная постановка национальной политики коммунистов в эпоху непосредственной борьбы пролетариата за диктатуру.

Сборник снабжен сжато, но обстоятельно и внимательно составленными примечаниями т. Товстухи, дающими возможность молодому члену партии при чтении статей ориентироваться в соответствующем периоде развития партии.

Книга тщательно издана.

Г. Бройдо.

Н. ЛЕНИН (В. И. Ульянов). О войне 1914 — 1918 г.г. Избранные статьи и речи. Сборник, составленный Н. Н. Поповым. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 318.

Н. ЛЕНИН (В. И. Ульянов). Крах II Интернационала. Сборник статей. Предисловие и примечания К. П. Новицкого. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 283.

Статьи, помещенные в этих двух сборниках, подобно другим работам Ленина, появлялись в той или иной группировке и в других изданиях. В названных сборниках составители их сгруппировали собранные ими статьи по тематическому признаку. В настоящее время, на-ряду с полным Собранием сочинений В. И., мы имеем уже целый ряд подобных сборников тематически объединенных статей Ленина. Появление их (как и хрестоматий по Ленину) можно только приветствовать. Рассчитанные на самое широкое распространение среди читательской массы и особенно среди учащихся наших совпартшкол и комвузов, такие сборники, несомненно, окажут, в качестве пособий для изучения ленинизма, огромную заслугу.

Такую же серьезную и ответственную задачу ставят себе и редакторы обоих рецензируемых нами сборников,— задачу, в общем разрешаемую ими удовлетворительно. Надо, однако, оговориться: в определении рамок и объемов каждого из этих сборников редакторы их руководились в значительной мере личным усмотрением. Этого и трудно было им избежать, ибо для строго тематического разделения работ Ленина, посвященных мировой войне и краху II Интернационала, и для размещения их в двух отдельных и совершенно самостоятельных сборниках нет ни формального, ни логического оправдания. С этим согласится каждый, прочитав оба сборника один за другим. Крах II Интернационала столь непосредственно обусловлен мировою войною, что нельзя было бы ни понять, ни оценить во всем их объеме глубокие социальные и политические последствия последней, без одновременного изучения того процесса перерождения и гниения, которому подверглись социал-демократические партии, примыкавшие ко II Интернационалу.

Искусственность расщепления органически связного комплекса статей Ленина, посвященных войне и II Интернационалу, бросается в глаза уже при простом внешнем сличении обоих сборников. Одни и те же работы (одиннадцать статей и заметок) помещены и в том и в другом сборнике. И это частичное совпадение содержания обоих сборников не случайно; наоборот, такое совпадение было неизбежно и могло бы быть еще шире.

Мы не видим причин, почему бы, напр., страницы 26—29, 41—51, 103—111 и многие другие нельзя было бы перенести из сборника «Крах II Интернационала» в сборник «Война». И, наоборот, по тем же основаниям, по каким помещена в сборнике, составленном т. Поповым, ну, хотя бы статья «Война и российская социал-демократия» (да и ряд других) можно и, пожалуй, должно было бы поместить в сборнике т. Новицкого. Отсюда мы можем сделать вывод: и с точки зрения методологической, и с точки зрения строго систематизированного подбора работ В. И.

в порядке их внутренней идейной связи правильнее было бы объединить оба рассматриваемых нами сборника в один под общим заглавием «Мировая война и крах II Интернационала», хотя бы и в двух, но уже вполне согласованных и тесно связанных единством содержания и хронологическою последовательностью выпусках.

Таким образом можно было бы избегнуть тех повторений в форме печатания не только одних и тех же статей, но и однородных редакторских примечаний к ним, которые неустранимы при искусственном разъединении единых по содержанию статей по двум совершенно самостоятельным сборникам.

Заметим кстати, что примечания, о которых мы только что упомянули, местами дают довольно обстоятельные биографические, политические, исторические и историко-литературные справки и комментарии, касающиеся лиц, событий, книг, статей, упоминаемых в сборнике. Не обошлось, разумеется, без некоторых мелких дефектов, напр., в примечаниях к сборнику т. Новицкого февральская революция 1848 года названа «июльской»; справки о лицах умерших даны в такой форме, что можно подумать, что они здравствуют и поныне, но в общем следует признать, что примечания как т. Новицкого, так и т. Попова выполняют свое назначение, помогая мало подготовленному читателю до известной степени ориентироваться в той части завещанного нам Лениным великого идейного наследства, малая частица которого заключена в двух новых сборниках, изданных «Красной Новью».

Надо ли говорить о статьях сборников по существу, о богатстве их содержания? Достаточно будет отметить, что эти статьи, написанные 5—10 лет тому назад (1914—1918 гг.), остаются столь же актуальными, как и в годы их написания, ибо в этих своих статьях мудрый вождь пролетарской революции учит нас не только правильной оценке прошлого, но и намечает те пути, по которым мы должны продвигаться вперед к величайшим достижениям будущего.

М. Брагинский.

Н. ЛЕНИН. Октябрь. (Сборник статей и речей). С предисловием Н. Н. Попова. «Пролетарий». Харьков 1924. Стр. 292. Тираж 8.000 экз

В настоящее время партийная мысль напряженно изучает литературу об Октябрьской революции. Интерес к истории Октября охватывает также наиболее сознательные круги беспартийных трудящихся масс. Вопросы об основных законах революции, о путях к Октябрю, о методах подготовки и руководства восстанием, о роли масс, партии и вождей, о тактике и стратегии революционной борьбы,—все эти вопросы занимают центральное место при изучении истории партии десятками тысяч учащихся в вузах, рабфаках, совпартшколах, школах политграмоты.

Само собой разумеется, что ответа каждый ищет прежде всего, и главным образом, в произведениях Вл. Ильича.

Ничего удивительного поэтому нет, если появление в такой момент книги под заглавием «*Н. Ленин. Октябрь*» невольно привлечет всеобщее внимание.

Собрать и сконцентрировать в одном сборнике важнейшие мысли о теории и практике Октября, рассеянные там и сям в произведениях того, кто сам был величайшим организатором и мастером Октябрьского переворота,—задача, вполне назревшая и чрезвычайно благодарная.

Как же выполнена эта ответственная задача в рецензируемом нами сборнике?

В сборнике помещены общеизвестные статьи и речи об Октябрьской революции, напечатанные в 1917 г. и начале 1918 г. и вошедшие в XIV и XV томы произведений В. И. Ленина.

Кроме того, имеется одна речь и одна статья, вошедшие в XVIII том. И только.

Наиболее значительная часть содержания сборника представляет собой повторение того, что уже было помещено в ранее изданных сборниках (см. *Н. Ленин. «Тактика большевизма»*, изд. «Моск. Рабоч.» 1923 г. и *«Речи и статьи» Н. Ленина*. Изд. «Кр. Новь», 1924 г.).

Что касается подбора остального материала, то нельзя сказать, чтобы сборник был составлен удачно. Прежде всего озадачивает следующее обстоя-

тельство. Первый раздел озаглавлен «*На путях к Октябрю*». Между тем путь к Октябрю начинается *не ранее* 1917 г. Не будем уже говорить о том, что в сборнике *нет и следа* тех мыслей о вооруженном восстании, которые высказаны были Ильичем на протяжении целого ряда лет, особенно начиная с 1905 г., и история Октября начинается в сборнике непосредственно с 1917 г., т.-е. *с XIV тома*. Всего характернее вот что. Из того же XIV тома (часть I) составителем сборника пропущена как раз первая статья, на первой странице которой мы находим следующие строки Вл. Ильича: «Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905 — 1907 г.г. была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *начального* этапа в несколько дней, вторая революция («Письма издалека»).

Пропуском этой статьи составитель сборника еще более подчеркивает отрыв истории Октября от всей предшествовавшей революционной подготовки, особенно от «генеральной репетиции» 1905 г. на пути к Октябрю.

Нельзя сказать, чтобы это был подход в ленинском духе...

Кроме того, в сборнике не помещены такие важнейшие статьи (или хотя бы отрывки из них), как «*Крах II Интернационала*» (т. XIII), «*О двоевластии*», «*Уроки революции*» (т. XIV) и целый ряд других, где имеются ценнейшие мысли о предпосылках и уроках революции и вооруженного восстания.

Но важнее всего то, что составитель проглядел не только отдельные статьи, но даже целые книги, отрывки из которых необходимо было дать в сборнике.

Так, напр., в первом разделе, охватывающем предоктябрьский период, нет ни одного отрывка из книги «*Государство и революция*» — этого теоретического преддверья Октября.

В последнем же разделе, озаглавленном «*Оценка Октября*», нет ни одной строки из книги «*Детская болезнь «левизны» в коммунизме*», где имеется целая сокровищница ленинской революционной диалектики в применении к теории и практике вооруженного восстания.

Не приметить таких двух «слонов», как «*Государство и революция*» и «*Детская болезнь*»—довольно-таки мудрено.

Итак, что нового дает нам рецензируемый сборник?

Мы уже видели, что он не только не дает нового по сравнению с уже изданными хрестоматиями подобного типа, но пропускает целый ряд важнейших статей и отрывков.

На какого читателя сборник рассчитан?

Мало подготовленный читатель найдет основное об Октябре в «*Тактике большевизма*» и «*Статьях и речах*».

Пропагандист же без особого труда отыщет в полном Собрании сочинений Вл. Ильича гораздо *больше*, чем найдет в сборнике.

Что касается тех мыслей об Октябре, которые рассыпаны в произведениях Ленина и вкраплены там, где искать их сопряжено с особой затратой времени и энергии, то потребность в *таком собрании мыслей* безусловно назрела, и *такой сборник* ждет своего умелого составителя.

Д. Биленкин.

ЛЕНИН. Экономическая политика. Пособие для совпартшкол и комвузов. Составлено Крумины. Госиздат. 495 стр.

Это — книга, которую долго ждал наш книжный рынок. По экономической политике немало уже выпущено томов и томиков с речами и статьями В. И. Ленина, но они, как правило, не удовлетворительны ни для рядового среднего читателя, ни для совпартшкол.

Дело в том, что Ленина меньше, чем кого бы то ни было, можно изучать по цитатам. Ленин, оторванный от эпохи, не Ленин, а сплошное вопиющее противоречие. Так со всеми крупными марксистами, но с Лениным — в исключительно выдающейся степени.

Ленинские речи и статьи должны иметь «рамку» (характеристику эпохи). Тов. Крумин это именно и сделал. Он к каждому отделу дал свое «введение».

В этом — первое ценное отличие рецензируемого сборника от целого ряда других на ту же тему.

Второе достоинство — в полноте сборника.

Читая Ленина, понимаешь, как трудно отказаться от ссылки на ту или иную статью (речь): все к месту, все — крайне ценно. Другие сборники многое выпускали, в круминском — выпуски не бросаются в глаза, значит, все существенное в сборник включено.

Третье достоинство книги: материал не просто собран и напечатан, но отсортирован, изучен и соответствующим образом распределен. Можно с т. Круминым спорить о том или ином методе распределения, но, по существу говоря, эти споры коснулись бы мелочей, частного, а не общего. Несмотря на трудность распределения материала именно по экономической политике, т. Крумин справился со своей задачей успешно и тем самым помог нашим совпартученикам, рабфаковцам, вузникам легко находить нужное в каждом отдельном случае. Не можем не посоветовать т. Крумину в следующих изданиях не ограничиваться в оглавлении только общими подзаголовками, но поместить и те, которые им же даны в тексте: от этого оглавление увеличится вдвое - втрое, но читателю легче будет использовать книгу в виде справочника.

Отметим, наконец, и четвертое достоинство книги: правильность распределения материала по эпохам. И, действительно, это — основные этапы в нашей политике: 1) до Октября, 2) после Октября до «военного коммунизма», 3) «военный коммунизм», 4) попытки перехода на мирное хозяйственное строительство 5) нэп — отступление, 6) нэп — приостановка отступления.

Если бы речь шла об экономической политике не в связи с работами Ленина, деление нэпа на 2 периода было бы совершенно недостаточным, но до 1922 г. включительно нэп характерен именно этими двумя этапами по признаку «есть отступление или оно окончено».

К недостаткам книги следует отнести недостаточное внимание, почти отсутствие его к теории Ленина об империализме. Мы считаем, что ленинизм есть прежде всего ленинская теория империализма с вытекающими отсюда выводами о союзе рабочих с крестьянами во время революции и о продолжении этого союза на другой день после социалистической революции.

Статья «О кооперации» становится понятной только на базе теории империализма Ленина.

Пришлось бы увеличить объем книги или кое-что выпустить из теперь напечатанного, — что же поделаешь. Но без ленинской теории империализма наша экономическая политика и, прежде всего, лозунг смычки не могут быть поняты нашими читателями, читавшими у Энгельса и Маркса *об ином* отношении к крестьянству и аграрным программам, нежели дает Ленин.

Нужно было бы показать, что лозунг «смычки» не есть только «российский» лозунг, но и мировой. Поэтому необходимо было бы включить в сборник три — четыре страницы из докладов Ленина на конгрессах Коминтерна и статьи его к десятой годовщине «Правды», в которых Ленин отчетливо ставит вопрос о роли крестьянства в мировой революции.

Мало обращено внимание читателя на роль в революции и в деле строительства социализма широких трудящихся масс. Тов. Крумин приводит речь о земле на II съезде советов, но он не показывает ни в введении, ни в примечании, что в этой речи — целая философия нашей революции. Что касается самых «введений», то самая идея дать «введения» превосходна, но выполнение ее следует признать мало удачным.

Мы понимаем, что написать эти «введения» было делом не легким. Ведь надо было дать не вообще главы о том или ином этапе в нашем экономическом строительстве, а так, чтобы это имело прямое отношение к ленинским речам и статьям.

И все же можно было сделать «введения» менее смазанными, либо более полными, либо, если не допускало место, более схематичными.

Читая «введения», мы не получаем характеристики определенных эпох, или же они даны далеко не полно даже в основном, а потому *рамка* не соответствует работам Ленина, помещенным в нее.

Особенно слабо выполнено «введение» к эпохе «военного коммунизма».

Объективная необходимость и полезность военно-коммунистической политики декретированы, но не доказаны; да и трудно было доказать, поскольку самое представление о периоде «военного коммунизма» у т. Крумина очень упрощенное. Он самым характерным признаком этой эпохи считает централизованное распределение продуктов. Это, конечно, верно, но нельзя умолчать и о централизации управления. Ведь главкизм характерен именно переносом методов снабженческой работы в условиях голода на производственную работу.

Тем самым, что т. Крумин выдернул из эпохи «военного коммунизма» только один из стержней, получилась неверная картина этой замечательной эпохи.

По т. Крумину в это время «по отношению к капиталистам уже не стоит вопрос о продолжении ими производства при условии пролетарского контроля, как в предыдущий период, а безжалостная национализация всех отраслей промышленности. На пороге этого периода стоит декрет о «всеобщей национализации», изданный 28 июня 1918 г.».

Совсем дело было не так просто, и Советская власть относилась к национализированию очень осторожно, так что всеобщая национализация была проведена только в самом конце 1920 г., а 28 июня 1918 г. были объявлены собственностью государства только «крупнейшие» предприятия с акционерным капиталом в $^1/_2$—1 милл. рублей.

Ни о какой безжалостной национализации и речи не было. Неверно поставлен вопрос и об отношении в эпоху «военного коммунизма» к среднему крестьянину. Тов. Крумин говорит: «основной задачей является нейтрализация (!? *В. С.*) крестьянства с тем, чтобы в процессе строительства хозяйства экономически перетянуть его к пролетариату, связать его с социалистическим хозяйством».

Так вопрос в эпоху «военного коммунизма» не стоял. Не о нейтрализации мы заботились, но о *тесном* союзе рабочих с крестьянами (включая и середняков), на базе *военной* защиты от помещика и генерала.

И если Ленин все же говорил об экономическ й смычке, то лишь в связи с тем *командованием*, которое шло от неумной части большевиков и представителей Соввласти.

Не командовать крестьянами, а на деле показывать преимущества социалистического (крупного) производства.

Переход к нэпу также освещен неверно. Получается такое впечатление, что если бы не «просчет» в конце 1920 г., если бы не ряд кризисов, то, возможно, политика была бы иной.

Т. Крумин забыл, что продналог, свобода торговли, борьба с тарифной политикой зарплаты, с главкизмом, — все это было содержанием горячих споров в массах рабочего класса и крестьянства еще до «просчетов» (вспомним беспартийные рабочие конференции, к голосу которых с таким вниманием прислушивался Ленин). Нэп тоже характеризован и мотивирован очень недостаточно.

Мы полагаем, что «введения» к Ленину — дело слишком ответственное, чтобы не отнестись к ним с максимумом критики. К сожалению, в «введениях» т. Крумина этой критики не чувствуется.

Будем надеяться, что составитель сборника при следующем переиздании серьезно переработает собственный текст.

Вл. Сарабьянов.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ. Мысли Ленина о религии. Госиздат. 1925 год. Стр. 80. Изд. 2-е, исправлен. и дополн.

Книжка тов. Ярославского не только излагает суждения Ленина о религии и «религиозной» политике нашей партии, но дает также материал по истории этой политики. Тов. Ярославский правильно разграничивает при этом,— и тем самым расширяет охват своей книжки—вопросы религии в партийной постановке и вопросы государственной политики в деле религии.

Борьба с религией — не должна быть сведена к борьбе с теологией. Это огромная задача строительства светской и пролетарской культуры. «Религия,—писал Ленин,—есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной

работой на других, нуждою и одиночеством». Вот почему борьба с религией предполагает освобождение трудящихся от всякого духовного гнета, что достигается классовой борьбой пролетариата, борьбой за лучшую земную жизнь.

Религия есть частное дело. Но это отнюдь не значит, что оно таким остается и по отношению к партии пролетариата. «Для нас, — пишет Ленин, — идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело». Таким частным делом религия должна стать по отношению к государству. Это разграничение Ленин проводил задолго до революции. И в этом вопросе, как и в других, резко отграничил себя от «нейтральности» II Интернационала. Для Ленина важно подчинить дело борьбы с религиозным дурманом — классовой борьбе. Последняя цель — антирелигиозная борьба — лишь одно из средств. И тов. Ярославский удачно подобранными цитатами показывает нам, как Ленин от эпохи к эпохе практически ставил вопросы «религиозной политики».

Очень важно отметить те мысли Ленина о религии, где он вскрывает *социальные* корни ее происхождения. «Страх создал богов». «Страх перед слепой силой капитала»... Стихийность капиталистического процесса и беспомощность рабочего перед слепыми силами капитализма служат питательной почвой для религии. Отсюда практическая задача: организация рабочих, их революционная классовая борьба. Книжка т. Ярославского дает каждому безбожнику ряд ценных указаний, как надо вести борьбу с религией среди темной и бессознательной массы. А это задача сложная и вместе с тем жизненно необходимая для пролетарского государства.

Следовало бы ввести специальную главу о практике антирелигиозной кампании, чтобы книжка стала полезным пособием для агитатора и пропагандиста.

Тов. Ярославский показал нам в своей книжке, как Ленин боролся со всякого рода богоискательством и богостроительством в наших рядах; как он разоблачал помещичью природу толстовства и вместе с тем намечал сущность коммунистической морали, как морали классовой борьбы и классовой солидарности. Имя Ленина — связано поэтому не с вульгарным буржуазным атеизмом, но с атеизмом пролетарским, который прежде всего строит мир по своему образу и подобию, чтобы изгнать все небесные силы темноты и невежества.

Широкий охват книжки, постановка вопроса, указатели литературы,— все это делает книжку ценным и необходимым приобретением «Ленинской библиотечки». Важно, однако, в следующих изданиях спаять больше книжку *единством практической задачи*, чтобы облегчить пропагандисту пользование ею. Книжка издана удовлетворительно.

Ц. Фридлянд.

П. ЛИССОВСКИЙ. Иностранная печать о Ленине. Госиздат. 1924 г. Л. Стр. 161.

Составитель сборника сам в предисловии отмечает недостатки своей книжки: 1) в сборнике собрана лишь ничтожная часть того огромного количества статей и заметок, которые иностранная печать посвятила Ленину после смерти его; 2) приведенные статьи неодинаковой ценности.

И, тем не менее, книга эта интересна, она до некоторой степени (лишь до некоторой степени) показывает, чем был Ленин для европейского пролетариата; и каждая заметка, написанная немцем или французом, или итальянцем, освещает роль Ленина для рабочего движения каждой из этих стран, с разных точек зрения и с разных сторон оценивается значение Ленина для мировой революции.

Приведены некоторые отзывы и буржуазной печати. И из этих отдельных отзывов видно, как даже враги в большинстве случаев не смели сказать ничего против Ленина в торжественную минуту его смерти. Конечно, они старались своими похвалами о «реализме» Ленина испошлить его революционную тактику. С.-д. даже выставляли (пражский «Социал-Демократ») Ленина поумневшим «социал-предателем»; они даже надеялись, что «если бы Ленин прожил дольше, ему удалось бы совершить еще более великое дело: он был единствен-

ным человеком, который был способен привести весь Коммун. Интернационал в священное лоно социал-демократии», ибо «Ленин пришел к своим новым выводам, которые совпадают с выводами с.-д.».

Пусть уж лучше враги ругали бы Влад. Ил.: их ненависть только доказывает, что Ленин их смертельный враг. Но пусть они своей похвалой не опошливают ни его великого имени, ни его великого учения.

Н. Семашко.

Н. И. БУХАРИН. «К вопросу о троцкизме». Госиздат. Москва, 1925 г. Стр. 190.

Последняя дискуссия, развернувшаяся в нашей партии в связи с выступлением т. Троцкого («Уроки Октября»), получила свое завершение в постановлениях пленума Центрального Комитета и Центр. Контр. Комиссии (см. постановление пленума от 17 января).

Пленум ЦК и ЦКК считает дискуссию в партии законченной. Партия с беспримерным в истории единодушием осудила выступление т. Троцкого, осудила его политические позиции, его систему политических взглядов на задачи и перспективы нашей революции. Этим, так сказать, партия подвела итоги политической части дискуссии. Но это, однако, отнюдь не исключает задачи для партии в целом и, в первую очередь, для более молодой части наших партийцев, заняться основательным и детальным изучением природы троцкизма и тех противоречий, которые лежат между взглядами т. Троцкого и ленинизмом.

Наша партия, до последнего времени, в сущности говоря, не занималась этой задачей. Мы намеренно избегали особенно подробного и всестороннего исследования троцкизма в прошлом, ибо, во-первых,— считали это не столь важным и актуальным, а во-вторых — преднамеренно не хотели перетряхивать анти-большевистского прошлого т. Троцкого. Тем не менее, в результате последних внутрипартийных событий, мы вынуждены были изменить свою точку зрения на этот вопрос. Попытка т. Троцкого «исправить» и «углубить» ленинизм обнаружила перед партий неотложную необходимость поставить во всей полноте изучение всех тех разногласий, которые лежали между ленинизмом и троцкизмом на протяжении всей партийной истории. Ибо т. Троцкий все свои «поправочки» и «исправленьица» фактически построил на почве своих прошлых ошибок, заведомо осужденных историей, заведомо оказавшихся негодными.

В нашей стране, с огромным преобладанием крестьянства в условиях сравнительно медленного развития государственной промышленности, самой громадной опасностью становится мелкая буржуазия. Крупную буржуазию мы раздавили, разбили весь ее государственный аппарат. Мелкую буржуазию мы не раздавили и не можем раздавить, потому что наша страна крестьянская и своей крестьянской экономикой сохранит надолго питательные каналы для мелкой буржуазии.

С развитием НЭП'а укрепляется в некоторых слоях и мелкая буржуазия, а это последнее, т.-е. укрепление мелкой буржуазии, создает опасность ее идейного влияния на рабочий класс Опасность такая сохраняется и будет существовать до тех пор, пока рабочий класс не укрепит и не разовьет элементы социалистического хозяйства до таких пределов, на которых социалистические элементы экономики окажутся преобладающими над частными, капиталистическими.

Идеологическое влияние мелкой буржуазии на рабочий класс и на партию может проявляться в различных формах. Очень часто бывает во время революции, что мелко-буржуазные слои находят свое идейное выражение в самых архи-«левых» архи-«революционных» фразах. Отчасти к числу революционной фразы, отражающей идейное шатание мелкой буржуазии, относится и троцкизм.

Воспитание широчайших слоев нашей партии и комсомола на ленинизме, воспитание их в духе исторических традиций большевизма, — есть задача первостепенной важности, есть единственная гарантия к тому, что нашу партию не в состоянии будут разложить никакие лже-марксистские, лже-ленинские идейные течения, хотя они и будут маски-

роваться самой наиреволюционнейшей одеждой.

Книга т. Бухарина «К вопросу о троцкизме» имеет то большое преимущество перед всеми остальными работами на эту тему, что она дает анализ не только боевой части вопросов, возникавших в партии и в последних двух дискуссиях, но и анализ тех основных противоречий, которые образуют пропасть между троцкизмом и ленинизмом. При чем задачей его книги,— как пишет сам т. Бухарин в предисловии,—дать «такой анализ этих вопросов, который заставлял бы читателей продумывать их дальше, а с другой стороны, связал бы каждый данный вопрос с другими и всю совокупность частичных вопросов с некоторыми общими проблемами». При чем он считает, что «центральной проблемой такого рода является проблема рабоче-крестьянского блока — вопрос, который то в скрытом, то в открытом виде фигурировал во время наших внутрипартийных споров».

В заключение предисловия указанной книги он пишет о тех задачах, какие стоят перед партией по изучению ленинизма: «Если ленинизм проверен многими годами борьбы, богатство опыта, который уж никак нельзя переоценить, то понятен поэтому лозунг большевизации компартии. Когда нет прямых гражданских боев, необходимо особенно усиленно оттачивать свою общую линию. Пропаганда ленинизма—одна из настоятельных задач времени. На критике уклонов от ленинизма очень хорошо выяснить и особенность этого учения, последователями которого мы себя признаем».

Книга т. Бухарина послужит ценнейшим подспорьем при разрешении нами указанных выше задач.

Мы не станем излагать здесь содержание рецензируемой работы, во-первых, по соображениям техническим, а, во-вторых, это заставило бы нас очень много изложить, ибо т. Бухарин в своей работе затронул ряд интереснейших вопросов, над которыми надо специально работать. Из пяти глав наибольший интерес представляют из себя две последних главы: «Теория перманентной революции» и «К критике экономической платформы оппозиции». Эти две последние главы являются ценнейшим вкладом в нашу теорию.

И. Варейкис.

ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

1. Л. ГРИГОРОВ. Очерки современной деревни. *Я. Шафира.* — **2. В. КУЙБЫШЕВ. I. Задачи ЦКК и РКИ. II. Работа ЦКК и РКИ в связи с основными задачами партии.** *П. Керженцева.* — **3. ПРОФ. ЦИГЕН. Душевная и половая жизнь юношества.** *Д-ра И. Гельмана.*

Л. ГРИГОРОВ. Очерки современной деревни. Кн. первая. ГИЗ. 1924. Стр. 218.

Автор называет свои очерки «обследованиями». На деле это что-то вроде полубеллетристики, корреспонденций или бытовых фельетонов. Жанр очень неопределенный. Это не в укор, а для установления факта. В этих неопределенного жанра очерках Л. Григоров пытается изобразить председ.совета, судью, милиционера, крестьянина передовика и многих прочих. И не просто изобразить наших деревенских общественников, а давать их в действии. Словом, задача выбрана автором большая и с точки зрения современности злободневнейшая.

Достаточно, однако, прочесть хотя бы первые две страницы, чтобы понять, что у нашего автора нет данных для выполнения поставленной себе задачи. Прежде всего у Л. Григорова воображение, что называется, необузданное. Он, например, видит, как проезжает воз с сеном. Происшествие как будто не потрясающее. Оказывается: «Крестьянин с своей лошадью и грузом с поля вызывает в груди тихий восторг. Деревенская идиллия» (стр. 4). Это не все. Наш

«обследователь» предается таким размышлениям: если бы, де, в барском особняке, мимо которого проехал воз, жил помещик, то он «рассвирепел бы страшно», и мужик был бы избит. Этот «ретроспективный» призрак исторгает из возмущенной груди нашего автора следующие слова: «и все это за то только, что деревенский труженик, чтобы сократить дорогу, осмелился показаться перед помещичьим носом».

Пылкая фантазия автора чувствуется во всем. Председатель, например, совета нарисован как мудрый отец, ведущий беседу с своими сыновьями. Есть, конечно, и заблудшие, которых приходится «матом втемяшивать». Но в конце концов и кроющий и покрытые «матом» улыбаются «доброй улыбкой», кивая «лохматыми головами».

Милиционер Касьянов — это сказочный богатырь, рыцарь без страха и упрека, судья... и т. д. Все это у автора так хорошо, что лучше и не надо.

Больше того. Даже кулак Белешин (у него косилка, жнейка, молотилка, собственная кузница, своя маслобойня. Автор, однако, уверяет, что это не кулак, а просто «старательный мужичок») и тот — образцовый пример, достойный подражания.

Автор откровенно рассказывает о своем прекраснодушии. Видите ли, его «неотвратимо тянуло к положительным явлениям жизни, к положительным образам человеческим» (52 стр.). Немудрено, что «обследование» дает такие блестящие картины. Затем еще одна мелочь. Сам автор не только наблюдал, но и «действовал». Вот, например, образчик его действий. Григоров идет к начальнику почтового отделения «посидеть и поговорить». Последний вместе с попом лежали во дворе и «вели о чем-то разговор». Остальное необходимо рассказать словами автора: «Я подошел к ним и тоже повалился на траву, с моим появлением *собеседники умолкли*. Я выждал небольшую паузу — *и вдруг обратился* к попу Беляеву:

— Скажите, батюшка, неужели вы после всего, что произошло в вашем «приходе», все еще верите в бога?—спросил я.

Поп поглядел на меня что-то соображающими глазами и тихо проговорил:

— Конечно, я верю.

— Верите? — настойчиво повторил я, глядя прямо в глаза ему» (стр. 159). (Курсив везде наш).

Подобный «метод» обследования наш автор применял не только к попу, но и к крестьянам.

Результаты, разумеется, не могли поэтому не получиться самые хорошие. В деревне в общем недурно, плохо только то, что есть «разделы» и еще кое-какие пустяшные недостатки.

Может быть, об этих «очерках» и не следовало бы совсем отзываться. Но беда в том, что ГИЗ считает возможным выпускать подобную, как бы помягче сказать, галиматью в качестве «первой» книги и под заглавием «Очерки современной деревни». Это заставляет невольно говорить о такой никчемной, ненужной, вредной книжонке, как настоящая.

Я. Шафир.

В. КУЙБЫШЕВ. Задачи ЦКК и РКИ. Лекции, читанные в университете им. Свердлова. Москва. 1924. Стр. 119. Изд. Университета имени Свердлова.

В. КУЙБЫШЕВ. Работа ЦКК и РКИ в связи с основными задачами партии. Отчет на первом пленуме ЦКК созыва XIII съезда. Госиздат. Москва 1924 г. Стр. 76.

Первая брошюра является очень удачной уже по самой своей теме: руководитель одного из наркоматов в трех сжатых лекциях на сотне страниц обрисовывает основные задачи Наркомата, его фактическую работу, его достижения, структуру, дальнейшие планы деятельности и т. д. Мы имеем материал, так сказать, из первоисточника. Обилие фактического материала хорошо подкрепляет развиваемые положения.

Первая лекция дает характеристику тех задач, которые поставили Ленин и XII съезд относительно реорганизации ЦКК и РКИ, и намечает, так сказать, основные линии их работы.

Во второй главе рассказана структура РКИ и отмечены основные итоги работ первого года.

В третьей главе довольно подробно рассказывается о работе РКИ по НОТ и, в частности, много места уделено прошлогодней дискуссии о НОТ перед II Всесоюзной конференцией. Здесь же описаны неудачи с попыткой создать ячейки содействия РКИ и намечены некоторые ближайшие перспективы работ.

В приложении к книжке даны резолюции XII и XIII съездов о РКИ, положения о ЦКК и РКИ.

Приведенная характеристика работ ярко отмечает, что главный центр внимания у реорганизованной РКИ был направлен в сторону нашей хозяйственной работы. Так, среди крупных работ новой РКИ нужно отметить ряд обследований, имевших целью выяснить себестоимость угля, хлопка, металла, соли и т. д. Эти обследования дали фактические данные для проведения политики значительного снижения цен. Обследование Русско-Коммерческого банка и Госбанка дали возможность РКИ внести ряд существенных предложений в целях упорядочения нашего государственного кредита. Относительно работ по реорганизации собственного госаппарата в целях его упрощения и улучшения в лекциях тов. Куйбышева говорится лишь мельком. Главное внимание реорганизованного Наркомата было направлено на экономическую политику во всех ее видах. Очевидно, что задачи реорганизации и улучшения госаппарата, поставленные Лениным и XII съездом, в дальнейшей работе РКИ должны занять больше места, чем это было до сих пор. Видимо, РКИ считала необходимым выполнять в первое время некоторые ударные задачи и поставить свой собственный Наркомат на положение более или менее образцового.

Чем ближе подходит Наркомат к вопросу об улучшении и упрощении госаппарата, тем большую роль для него будет играть НОТ. Ленин был глубоко прав, когда он тесно связывал эти две задачи. В течение первого года своей работы РКИ, судя по брошюре тов. Куйбышева, только подходила к вопросам НОТ, но еще не делала попытки основательно приняться за это дело. Согласно заявлению тов. Куйбышева на первом пленуме ЦКК этого года, только теперь РКИ вплотную принимается, например, за объединение работы по НОТ.

То, что тов. Куйбышев посвятил почти целую лекцию вопросам НОТ, показывает внимание, которое РКИ сейчас уделяет этой проблеме. Работники по НОТ не без интереса прочтут описание прошлогодней дискуссии по НОТ. Следует, однако, отметить, что в нее вкрались некоторые неточности. Так, например, тов. Куйбышев утверждает, что в тезисах «17-ти» (Керженцев, Шпильрейн, Рудаков, Архангельский, Гроссман и др.) имелись возражения против интенсификации труда. Он оговаривается, правда, что это было сделано «неопределенно», довольно неясно и пр. Между тем это утверждение вообще совершенно неправильно. В дискуссии сторонники платформы «17-ти» совершенно определенно выдвигали вопрос об интенсификации труда, подчеркивая, что в нашей обстановке он ставится в совершенно иную плоскость, чем в капиталистических странах. Именно этот довод сторонники платформы «17-ти» приводили в обсуждении платформ в ВЦСПС под председательством Томского.

Мало того, за два месяца до дискуссии в профессиональном органе «Призыв» в статье Керженцева было сказано совершенно определенно: «Нам нужно поставить перед собой и проблему интенсификации труда. Некоторые по этому поводу делают испуганные глаза и готовы кричать об эксплоатации. Но мы обязаны объективно, по-марксистски, подойти к этой проблеме... Чтобы интенсификация труда была поставлена правильно, нужно производить ее применение параллельно с другими изменениями в системе работ... Проблему интенсификации труда мы должны будем скоро поставить перед собой, поскольку идет вперед интенсификация всего нашего хозяйства» («Призыв» № 3, январь 1924 года, стр. 12).

Таким образом, именно сторонники платформы «17-ти» первые поставили вопрос об интенсификации труда в наших условиях и поставили вполне ясно и определенно.

Вторая брошюра тов. Куйбышева является перепечаткой доклада на заседании ЦКК 3 октября и дает ряд фак-

тических дополнений к первой книжке. По этому докладу, между прочим, можно видеть всю широту диапазона работ ЦКК и РКИ. Здесь мы встречаем все злободневные вопросы наших дней, вопросы торговли и кооперации, проблему металла, паровозостроения, вопросы культуры и быта, вопросы партдискуссии, зарплаты, производительности труда, организации заводов, обследования деревни, карательной политики и т. д., и т. д.

Обе книжки дают, хотя и краткое, но достаточно полное и фактически хорошо подкрепленное описание работ ЦКК и РКИ. Хотелось бы, чтобы и другие наши наркомы последовали примеру тов. Куйбышева и дали такие же краткие, но содержательные лекции и отчеты о работе их наркоматов.

Приходится отметить, к сожалению, что первая из названных брошюр изобилует опечатками и техническими недосмотрами. Один из примеров—страница 74, где непосредственно после дискуссии по НОТ говорится, что во время дискуссии ЦКК заняла позицию ЦК. Недоумевающий читатель не сразу сообразит, что здесь что-то выпало, и автор перешел уже к вопросу о *партдискуссии*.

П. Керженцев.

Проф. ЦИГЕН. Душевная и половая жизнь юношества. К-во «Современные Проблемы». Москва 1924 г. 142 стр.

Небольшая, но очень интересная книга для всякого, кто интересуется вопросами воспитания и половой жизни юношества. Книга предназначена для педагогов, родителей, врачей и подростков (?) старшего возраста. Несмотря на такой широкий и разнообразный круг намеченных читателей, она заслуженно может рассчитывать на успех. Одновременно физиолог и психолог, автор широко охватывает проблемы половой жизни в их зарождении и развитии. Душевная перестройка, совершающаяся в юношеском возрасте, не обусловливается, по мнению автора, одним только развитием половых желез.

Три фактора обусловливают душевную перестройку в периоде созревания: «анатомическое развитие центральной нервной системы (мозга), созревание половых желез (яичек и яичника) и, в-третьих, по большей части совпадающее с периодом созревания, сильное изменение условий жизни и среды».

Если второму моменту всегда уделялось исключительное внимание, то первому и особенно третьему не придавалось особого значения. Автор вполне правильно подчеркивает значение этих вторгающихся извне влияний, пробуждающих или извращающих развитие различных душевных свойств. Во время этой душевной перестройки вскрываются на-ряду с здоровыми начатками и латентные патологические состояния. Психопатические конституции ярко вырисовываются и дают свои плоды в виде шизофрении, эпилепсии и т. д. Само содержание душевной жизни расширяется и изменяется. Вся эмоциональная сфера и эмоциональные тоны представлений усложняются. В душевной жизни возникают пуберальные настроения. Появляются этические чувства, развивается фантазия, часто наполняющаяся половым содержанием. Логические функции также подвергаются изменениям. Проф. Циген дает не только теоретическое изложение всех этих изменений, он дает целый ряд методов исследования всех этих психологических функций. Его книга является результатом многолетних психологических и социальных исследований в этой области.

Обширная статистика, личные наблюдения, богатая эрудиция и научная методика делают каждый вывод автора если не абсолютно достоверным, то во всяком случае заслуживающим самого серьезного внимания.

Книжке проф. Цигена нужно пожелать самого широкого распространения. Мы только сомневаемся, чтобы ее можно было рекомендовать подросткам, как думает редактор перевода В. Смирнов. Но для педагогов, родителей и врачей она является интересной и нужной.

И. Гельман.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

1. I. B. MUSSOLINI. I Discorsi agl' Italiani. II. B. MUSSOLINI. La pace sociale e l'avvenire d'Italia. III. T. NANNI. Bolscevismo e fascismo, — allumé della critica marxista. IV. M. ROCCA. Idee sul fascismo. V. N. d'AROMA. Fascismo rivoluzionario. VI. P. GOBETTI. Matteoti. VII. F. BONAVITA. Mussolini svelato. VIII. L. FREDDI. Fascismo—la sua storia—la sua dottrina—la sua organizzazione. IX. V. MICELI. Il partito fascista e la sua funzione in Italia. X. S. PANUNZIO. Che cos'è il fascismo. *Г. Сандомирского.*—**2. К. РАДЕК. Девять месяцев английского рабочего правительства.** *А. Ченина.* — **3. D. GOOCH. Franco-german relations. 1871—1914.** *И. Звавича.*

НОВЫЕ КНИГИ О ФАШИЗМЕ.

I. B. MUSSOLINI. I. Discorsi agl'Italiani. — Roma 1924. Стр. 104.

МУССОЛИНИ. Речи к итальянцам. Собрание речей. Рим 1924.

II. B. MUSSOLINI. La pace sociale e l'avvenire d'Italia. Roma 1924. Стр. 168.

МУССОЛИНИ. Социальный мир и будущее Италии. Собр. речей. Рим 1924 г.

Речи Муссолини, собранные в этих книгах, дают прекрасный портрет не только самого вождя итальянского фашизма, но и всего движения, олицетворяемого им. Как оратор, Муссолини должен быть, несомненно, отнесен к числу незаурядных трибунов, — разумеется, поскольку речь идет не о содержании их, а о форме его выступлений. Муссолини воскресил классическую форму римского красноречия, уделяя всегда большое внимание изяществу построения своих речей. Что касается их содержания, то оно отображает все бесчисленные внутренние противоречия итальянского фашизма. Если в основе «философии фашизма» лежит, главным образом, отрицание классовой борьбы и подмена ее такими понятиями, как «национальное единство», «сотрудничество классов на благо наций» и т. д., то можно сказать, что таково же содержание большинства речей Муссолини. Оратор типа Муссолини *должен* льстить всем, к которым он обращается, предполагая при этом, что в рядах его слушателей не бывает идейных противников. Обращаясь к рабочим в Турине — город, где фашисты встретили наиболее сильный отпор со стороны местного пролетариата, — Муссолини в самых выспренних выражениях благодарит их за то, что они помогли фашизму «раздавить гидру революции и антипатриотизма». То же самое он говорит, обращаясь к предпринимателям в Милане или крестьянам в какой-либо захолустной деревушке. Всюду и везде он видит «славных чемпионов» национальной идеи и т. д. Но Муссолини, как ловкий оратор, хорошо знакомый с психологией своих слушателей и с мелким «локальным» тщеславием населения даже самого маленького и ровно ничем не замечательного городка Италии, льстит в начале каждой своей речи не только своим слушателям, но и самому городу, местечку или деревне, в которой он выступает. Это, ведь, так въелось в кровь и плоть итальянского народа, что опытному оратору без этого никак обойтись нельзя. «Я обращаюсь к вам, жители благословенной Равенны, великолепной Генуи, божественной Флоренции или трудолюбивого Турина» — таково типичное начало каждой речи Муссолини. Невольно, перечитывая речи этого величайшего политического Казановы нашего времени, вспоминаешь, что все эти «благословенные», маленькие Молинеллы, Пьяченцы, Полезине и т. д. залиты кровью беззащитных крестьян и рабочих, терзаемых вооруженными бандами господина Муссолини. Неутомимо разъезжая по городам и весям Италии и произнося всюду речи по малейшему поводу, Муссолини неизбежно вынужден повторяться в них; многие из них абсолютно бессодержательны, и читателю совершенно непонятно, с какой целью поклонники господина

Муссолини их включили в эти сборники. Но зато есть и обширные речи, имеющие «программное» значение. В этих речах есть еще одно преимущество: если, стоя на парламентской трибуне, Муссолини в качестве премьера должен был отдавать известную дань приличиям, то, обращаясь к толпе или своим партийным единомышленникам, он может распоясаться во-всю.

Наиболее интересной из речей, помещенных в обоих сборниках, несомненно, является речь, произнесенная Муссолини 29 января 1924 г. в присутствии представителя правительства и партии. Речь озаглавлена «Работа и цели партии» и занимает свыше 20 страниц. Речь эта была произнесена в эпоху внешнего «расцвета» итальянского фашизма и, помимо банальных рассуждений о «бессмертных идеалах Италии» содержит в себе весьма конкретные указания на то, что фашизм намерен проводить свою безраздельную диктатуру во всех областях итальянской жизни всеми законными и незаконными средствами. Эту речь Муссолини закончил патетическим заявлением: «Всегда и всюду, где речь идет об интересах отечества и фашизма, мы готовы *убивать* и умирать». Убийство Маттеоти вскоре подтвердило это заявление, по крайней мере, в первой его части.

При общей убогости фашистской литературы, представляющей собой, по большей части, затасканный хлам из арсенала ура-патриотической словесности ренегатов от социализма, — сборники речей Муссолини могут, несомненно, послужить одним из лучших пособий для изучения фашистской идеологии, тем более, что Муссолини — остается единственным европейским именем социалиста и публициста, до сих пор выдвинутым фашизмом.

III. TORQUATO NANNI. Bolscevismo e fascismo, — allumé della critica marxista. Bologna 1924. Стр. 302.

ТОРКВАТО НАННИ. Большевизм и фашизм в свете марксистской критики. Болонья 1924.

Книга представляет собой соединение самых сумбурных идей автора, несомненного ренегата от социализма, несмотря на все усилия скрыть это от читателя, — и обыкновенного литературного шарлатанства. Удивительно все же, что автор имеет наглость называть себя до сих пор членом «официальной» социалистической партии Италии, хотя вся книга написана с явной целью угодить правящей партии и лично Муссолини. Автор — «ревизионист» такого толка, который пытается в своей книге доказать *родственный характер* фашизма и большевизма, опираясь на ряд выдерганных им и грубо сфальсифицированных цитат и статей Маркса и Энгельса. И фашизм, и большевизм, по его мнению, представляют собой ветви одного и того же пролетарского движения, только идущие разными путями. Этот жалкий ренегат, чуть ли не на каждой странице свидетельствующий о своем глубоком уважении к Муссолини и о своей вере в полное бескорыстие фашистского вождя, пытается установить якобы враждебные отношения итальянской буржуазии к фашизму и отсюда делает вывод о родстве его с большевизмом. Невозможно перечислить всех грубых извращений марксистского учения, допущенных автором. Зато книга может послужить ярким образчиком той продажности и отступничества среди итальянского реформизма, который в большой мере способствовал победе фашизма.

IV. MASSIMO ROCCA. Idee sul fascismo. Firenze 1924. Стр. 357.

МАССИМО РОККА. Идеи о фашизме. Флоренция 1924.

Из всей фашистской литературы, если не считать речей Муссолини, эта книга безусловно должна быть признана наиболее интересной. Кроме того, это — единственная книга фашиста, позволяющего себе выступать с критикой если не личности, то действия самого вождя. Дело в том, что автор—бывший анархист, явившийся ближайшим соратником другого ренегата от социализма—Муссолини на первых порах образования фашистской партии. Они были неразлучными друзьями и сотрудниками до середины 1923 года. Начиная с этого момента, совпавшего с безудержным разгулом фашистских «царьков» в про-

винции, Рокка начал бить тревогу. По его мнению, фашисты, выполнив свою основную задачу установления прочного правительства, должны были отказаться от всякого террора и передать управление страной из рук партии в руки обыкновенных гражданских властей. Фашистская милиция, безнаказанно чинящая всякие беззакония, должна быть подчинена регулярной армии. Безобразиям фашистских сатрапов на местах должен быть положен конец. За эту программу Рокка был объявлен «оппозиционером» и, несмотря на заступничество Муссолини, исключен из руководящих органов партии. Сторонники Рокка получили название фашистов-диссидентов. Под этим именем они выступали даже самостоятельно на апрельских выборах с. г. В конце концов за свои разоблачения всяких фашистских безобразий Рокка,—так же, как и другой диссидент—фашистский депутат Мизури, был тяжко избит своими недавними единомышленниками и выступил из партии. Но цитируемая книга была написана им еще тогда, когда он был фашистом-диссидентом. Особенно интересной является его большая статья, написанная накануне выборов и озаглавленная «Закон итальянцам!». Несмотря на всю сумбурность идей автора, не раз уже менявшего свою политическую ориентацию, эта статья все же должна быть рассмотрена, как вполне трезвое и своевременное предостережение фашизму. Точно предвидя убийство Маттеоти и последующие события, автор предсказывает, что фашизм захлебнется в крови, если не будет выполнять своей основной задачи — водворения законности в Италии. На протяжении всей книги автор носится с этой своей мыслью о том, что фашизм был призван возродить уважение к закону в «разнузданной, анархической душе итальянского народа». Можно и должно держаться противоположного мнения, что фашизм никогда и ничего не собирался приносить в Италию, кроме разнузданности и насилия под флагом борьбы с революцией, но нельзя не отдать должного автору за его правильное предсказание, что фашизм погибнет от разгула и безнаказанности своих крайних элементов.

V. NINO d'AROMA. Fascismo rivoluzionario. Roma 1924. Стр. 25.

НИНО Д'АРОМА. Революционный фашизм. Рим 1924.

Муссолини, как известно, имеет свою оппозицию справа и слева. Но в то время как оппозиция справа, призывающая к обузданию диких элементов фашизма, влачит в настоящее время самое жалкое существование, оппозиция слева, т.-е. шайка наиболее оголтелых и безответственных элементов фашизма, противящихся всякой «нормализации», держит в своих руках самого Муссолини и открыто выдвигает ему на смену своего вождя—Фариначчи. Идеологи этого откровенно-разбойничьего течения в фашизме группируются, главным образом, вокруг редакции газеты «Импero». Они называют себя сторонниками «революционного фашизма», и в разбираемой брошюре мы можем найти краткое изложение их «программы». Брошюра выпущена в свет уже после убийства Маттеоти, и автор открыто заявляет, что поведение Муссолини в последнее время «не понравилось ему и его единомышленникам», ибо тон у Муссолини становится «неуверенным и колеблющимся». Фашизм погибнет, если поддастся на удочку «законности» и «конституционных гарантий», таков вывод, к которому приходит автор, в прямую противоположность тезису, выдвинутому в книге Рокка.

VI. PIERO GOBETTI. Matteoti. Torino 1924. Стр. 38.

П. ГОБЕТТИ. Маттеоти. Турин 1924.

Брошюра представляет собою с любовью написанную биографию и характеристику убитого депутата. Автор рисует жизнь его полную самоотверженного служения рабочему классу. Принадлежа к умеренному крылу социалистической партии, Маттеоти в борьбе с фашизмом не знал никаких компромиссов и был одним из неустанных разоблачителей его. Фашистские убийцы метили верно: они уничтожили самого стойкого, непримиримого врага.

VII. FRANCESCO BONAVITA. Mussolini svelato. Milano 1924. Стр. 246.

ФРАНЧ. БОНАВИТА. Муссолини в истинном свете. Милан 1924.

Книга Бонавита, видного фашиста и близкого друга Муссолини, представляет собой биографию последнего, довольно полную, написанную в духе крайней апологии. Обращает на себя внимание первая половина книги, посвященная описанию рабочей среды, из которой вышел Муссолини, и содержащая в себе хорошо написанную биографию его отца—Александра Муссолини, честного труженика и искреннего революционера. Вторая же половина представляет собою набор напыщенных и льстивых фраз, посвященных его «гениальному» сыну.

VIII. L. FREDDI. Fascismo—la sua storia—la sua dottrina—la sua organizzazione. Firenze 1924. Стр. 69.

Л. ФРЕДДИ. Фашизм, его история, доктрина и организация. Флоренция 1924.

Ничтожное произведение Фредди, судя по его широковещательному заглавию, должно было дать анализ не только истории, но и доктрины фашизма. На самом деле, брошюра совершенно не соответствует своему названию. В ней нет ничего, кроме поверхностной, грубой агитации в истинно-фашистском стиле, да разве подробного и с особенной любовью сделанного описания черной фашистской милиции и ее славных подвигов.

IX. Prof. VINCENZO MICELI. Il partito fascista e la sua funzione in Italia. Milano 1924. Стр. 128.

Проф. В. МИЧЕЛИ. Фашистская партия в Италии и ее работа. Милан 1924.

Книга профессора Мичели представляет собою одну из весьма распространенных в фашистской литературе аляповатых подделок под «беспартийное» произведение. О своей беспартийности и несвязанности с фашизмом автор повествует на каждом шагу, но это не меняет дела. Достаточно обратить внимание на то, что книга вышла под редакцией известного «теоретика» фашизма Дино Гранди, чтобы понять, что, кроме апологии фашизма под покровом «беспартийности», в ней ничего найти нельзя. Книга представляет собою еще и попытку подвести под фашизм известный юридический базис, для каковой цели автор—старый юрист—готов, очевидно, пожертвовать всем своим научным багажом. Впрочем, в заключительной главе автор делает фашистским главарям предупреждение в духе идей фашистов-диссидентов: если фашизм не сможет отделить партийных органов от государственных, это может иметь для него опасные последствия.

X. SERGIO PANUNZIO. Che cos'é il fascismo. Milano 1924. Стр. 64.

С. ПАНУНЦИО. Что такое фашизм? Милан 1924.

Брошюра Панунцио—одного из выдающихся ораторов фашистской партии, в сущности, является воспроизведением его речи, посвященной первой годовщине захвата власти итальянскими фашистами. Красивая по форме, эта речь содержит в себе обычную фашистскую дребедень о «бессмертном походе» на Рим, пытающуюся превратить этот памятный всем фарс в классический поход «отборной итальянской молодежи, воскресившей лучшие идеалы древнего Рима» при помощи современного револьвера и узловатой дубинки.

Г. Сандомирский.

К. РАДЕК. Девять месяцев английского рабочего правительства. Госиздат. Ленинград 1925 г. Стр. 64.

Когда, после девяти месяцев пребывания у власти первого в истории Англии «рабочего» кабинета, глава его, Макдональд, вынужден был пойти на всеобщие выборы, он и его сторонники оказались во власти злой необходимости сосредоточить все внимание избирателей на одном лишь вопросе—об англо-советском договоре. Ибо за девять месяцев «рабочим кабинетом» не было сделано ничего, кроме заключения этого договора, что могло бы резко и определенно провести грани между рабочей полити-

кой и политикой любого из предшествующих английских кабинетов—и чисто консервативных, и чисто либеральных, и коалиционных. Лишь в области сношений с СССР Макдональду выпало на долю как будто решительно отступить от политики своих предшественников, при чем и в данном случае его позиция была результатом скорей не «свободной воли», а «детерминизма», повлиявшего на решение Макдональда во время переговоров в виде нажима со стороны английского профессионального движения...

Это фактическое *бесплодие* «рабочего кабинета» отмечалось и на Гуллском конгрессе тред-юнионов, на котором по адресу кабинета недвусмысленно говорилось, что «пора взяться за то дело, к которому рабочие коммонеры приставлены», т.-е. по меньшей мере за широкое рабочее законодательство.

Однако бесплодным кабинет был только в том смысле, что он *не проводил самостоятельной рабочей политики.* Девять месяцев пребывания его у власти были не все время заполнены попытками удержаться у власти во что бы то ни стало и найти ходы для требующегося рабочими законодательства. Напротив. Создавшаяся, с благосклонного разрешения либералов, «рабочая власть» много и энергично работала. Она превосходно проводила в жизнь планы, намеченные министерством Болдуина в области колониальной политики (Египет и Индия) и министерством Ллойд-Джорджа в области политики внешней, хотя и выправляя и ту и другую по линии, которая намечалась ранее радикальным крылом английского либерализма. Тов. Радек отмечает даже, что признание СССР было лишь развитием позиций Ллойд-Джорджа в Каннах, где этот последний пытался втянуть СССР в международные отношения. Такая верность Макдональда либеральной политике вытекала из тех позиций, какие рабочая партия в Англии заняла в вопросах классовой борьбы,—позиций, характеризующихся тем, что «партия избрала не путь революционизирования масс решительной политикой, а путь доказательства того, что рабочее правительство не хуже других управляет государством», что рабочее правительство состоит из «государственных людей», выше всего ставящих интересы «общества в целом», т.-е. не какого-либо отдельного класса...

Как это стремление характеризует т. Радек в своей блестяще написанной брошюре, «это было стремление *занять место либеральной партии, сделаться второй либеральной партией*».

С точки зрения истории классовой борьбы, таким образом девятимесячное пребывание рабочего правительства у власти представляло собою практическую иллюстрацию *краха* антимарксистской рабочей партии, вожди которой безнадежно запутываются в трех соснах подражания пацифистским либералам, веры в надклассовую природу государства и во всеспасительность политики примирения с капиталистами. И брошюра т. Радека тем ценна, что она вскрывает перед нами практические результаты работы такого правительства, дает нам представление о причинах, побуждающих рабочую партию занять фактически позиции либералов во всех вопросах и внутренней и внешней политики, и о последствиях для рабочего класса такой работы. Из всего того, что в русской литературе появилось по поводу данного эпизода в истории классовой борьбы, эта брошюра представляет собою наиболее содержательную, наиболее глубокую и насыщенную выводами и обобщениями работу: т. Радеку удалось на нескольких десятках страниц охватить все самое существенное для понимания этого эпизода.

Д. Чекин

G. P. GOOCH. Franco - german relations. 1871 — 1914. Longmans and Green. London 1923. Pp. 64.

Г. П. ГУЧ. Франко-германские отношения. 1871—1914 г.г. Лонгманс и Грин. Лондон 1923 г. Стр. 64.

Небольшая книжка профессора Гуча представляет собою переработку публичной лекции, прочитанной им в лондонском университете. В среде английских либеральных историков уже несколько лет ощущается необходимость подвергнуть пересмотру тезис о винов-

ности Германии в войне, тезис, необходимый еще до сих пор «для толпы». Профессор Гуч и в своих публичных выступлениях, и в своих послевоенных статьях выступает решительным сторонником Лиги Наций, с тем лишь небольшим отклонением от своих более консервативных оппонентов, что считает необходимым включение в Лигу и Германии, и России.

Не решаясь открыто выступить с принципом одинаковой виновности всех капиталистических правительств в войне, профессор Гуч в своей книжке устанавливает основную причину франко-германского конфликта в стремлении Франции к реваншу. Всякому, кто познакомится с книжкой Гуча, с его историческим описанием судеб франко-германских отношений за 1870—1914 г.г., станет ясно, что о «виновности» Германии говорить нельзя. В своей лекции, еще более, чем в книге, Гуч нападал на французский шовинизм, так что французские историки сочли своим долгом выступить с ответом.

В книжке дается в сжатом виде история франко-германских отношений за указанный период; профессор Гуч далек, однако, от того, чтобы проникнуть глубже в причины франко-германского конфликта, и ограничивается только внешним описанием событий. Об этом нельзя не пожалеть; дипломатическая история последних сорока лет остается непонятной без хотя бы краткого описания экономической подоплеки конфликта.

В своем стремлении показать нарастание воинствующих настроений во Франции, профессор Гуч упустил из виду цели Германии в войне. Книжка профессора Гуча, хотя и написанная в 1923 году, представляется устаревшей; ни рурский вопрос, ни вопрос о присоединении бассейна Брио к Германии в ней не затронуты.

Правильно было бы поэтому отметить, что содержание книги Гуча не соответствует ее заглавию. Книгу правильнее было бы назвать «Эльзас-лотарингский вопрос», к истории которого на фоне франко-германских отношений сводится вся книжка.

История Марокканского вопроса изложена в книжке чересчур кратко; указание Гуча на то, что франко-германский договор 1911 года был исключительным успехом Франции, представляется нам слишком поспешным. В этом вопросе Гуч находится целиком под влиянием книги Кайо, в которой последний защищается от обвинений в германофильстве и даже предательстве (*Кайо:* Агадир).

И. Звавич.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. ВЕРНЕР ЗОМБАРТ. Народное хозяйство Германии в XIX и в начале XX в. *М. Брагинского.* — 2. В. ПОЗНЯКОВ. Квалифицированный труд и теория ценности Маркса. *А. Герценштейна.* — 3. И. ЛИТВИНОВ. Экономические предпосылки Октябрьской революции. *Ю. Спасского.* — 4. А. В. ШЕСТАКОВ («Никодим»). Капитализация сельского хозяйства России. *Ю. Спасского.* — 5. ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ СССР в 1923—1924 г.г. *А. Хавина.* — 6. В. ПОПОВ. Очерки политической географии Западной Европы. *Д. Кашинцева.* — 7. Проф. Е. ЛИСКУН. Разведение сельско-хозяйственных животных. *А. Бессера.* — 8. Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ. Современная кооперация. *А. Хавина.* — 9. Dr. ALBERT CALMES. Die Statistik im Fabrik und Warenhandelsbetrieb. *Г. Эльяшева.*

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ. Народное хозяйство Германии в XIX и в начале XX века. Пер. с нем. М. Е. Ландау. Изд. «Московский Рабочий». М. 1924 г.. Стр. 262.

Этот новый выпуск «экономической серии», выходящей под ред. Дволайцкого, представляет собою перевод известного обширного труда, принадлежащего перу довольно популярного среди русских читателей проф. Зомбарта и появившегося на русском языке еще до мировой войны в издании Брокгауза и Ефрона. Как мы узнаем из редакторской заметки, Зомбарт переработал свой труд специально для нового

русского издания. Но, повидимому, вся эта «переработка» по существу свелась к механическому и значительному (приблизительно на $^2/_3$) сокращению первоначального текста, умалившему, очевидно, те достоинства книги, ради которых редактор остановил на ней свой выбор предпочтительно перед другими работами с большим обилием фактических данных. Достоинства эти—«живость и увлекательность изложения и широта охвата»—книга проф. Зомбарта в новой «переработке» в значительной мере утратила. Зато мы в праве были ожидать, что автор при ее переработке, произведенной в 1923 г. или в начале 1924 г. (письмо-предисловие, присланное проф. Зомбартом и почему-то не воспроизведенное целиком в русском издании, помечено февралем 1924 г.), освежит, подновит и дополнит ее устаревший и уже недостаточный для нашего времени фактический материал. К сожалению, ни автор, ни редакция русского перевода этого не сдѣлали. О тех катастрофических переменах, которые произошли в народно-хозяйственной и политической жизни Германии в результате мировой войны, мы в новом издании книги Зомбарта не встречаем ни малейшего намека. О мировой войне автор упоминает как-то мимоходом и один только раз, и таким образом все изложение ведется вне всякой связи с теми величайшими потрясениями, которые были пережиты Германией и всем человечеством за все время войны и революции и, собственно говоря, заканчивается XIX веком, лишь изредка захватывая события первого десятилетия XX века. Поэтому, когда читатель встречается в книге с такими выражениями, как: «60 лет тому назад», «за последние два десятилетия», «последние 10 лет» и т. п., то он не должен забывать, что хотя перед ним лежит книга, изданная в 1924 г., но что в ней ведется речь о явлениях и событиях, идущих не далее первых лет нашего века. Вообще весь характер и способ изложения книги таков, что, читая ее, можно думать, что имеешь дело с автором, жившим задолго до мировой войны, или с сочинением, написанным в такое время, когда ничто этой войны не предвещало. Автор говорит, например, об «экономически-развитом *королевстве* Саксонском» (стр. 125), не как о бывшем, а как о ныне существующем. Говоря о сильном развитии торгового судоходства Германии, Зомбарт пишет: «Теперь только к нему (судоходству) устремляется настоящим образом широкий поток капитала» (стр. 142). Автор не только ни словом не упоминает, что после Версальского мира и торговый и военный флот сведен к ничтожному тоннажу и что от этого «теперь» не осталось и следа, а заканчивает соответствующую главу словами: «... тоннаж Германской империи со времени ее основания возрос почти втрое» (145). Образчики еще более режущих анахронизмов мы находим и во многих других местах книги, где автор ставит, напр., такие вопросы: «Чем объяснить, что Германия *шествует теперь* (курсив наш. *М. Б.*) во главе наций почти во всех областях сообщений?» Или где он делает такие заявления: «*Я думаю, мы имеем* (курсив наш. *М. Б.*) наилучшую в мире почту, наилучшие железные дороги...» (которые, как известно, с 11 октября уже принадлежат не германскому правительству, а моргановской компании).

Приведенные примеры, которые, при желании, можно было бы значительно умножить, подтверждают наше предположение, что профессор Зомбарт при переработке своей книги для русского издания ограничился лишь механическим сокращением ее объема, и молодой русский читатель, знакомящийся по этой книге с картиной экономического состояния современной Германии, получит, правда, известное представление о том, каково было это положение до войны, но будет лишен каких-либо руководящих указаний, которые помогли бы ему установить связь между этой картиной далеко отошедшего прошлого с картиной современной экономической действительности Германии. Между этими двумя картинами остается глубокий и ничем не заполнимый провал. В некоторых частях своих книга Зомбарта настолько устарела, что, например, в главе о средствах сообщения и связи ни словом не упомянуто ни об авиации, ни о радиотелеграфии.

Но, несмотря на отмеченные недостатки, книга проф. Зомбарта и в новом издании все же представляет немалый интерес. Это не чисто исторический, а историко-социологический трактат ученого, владеющего не только богатым фактическим материалом по экономической истории своей страны, но и способного подняться на высоту широких теоретических обобщений. А так как дело идет о развитии народного хозяйства такой страны, как Германия, экономическая история которой на-ряду с присущими ей особенностями дает много основных черт, типичных для общего процесса развития европейского капитализма, то сведения, почерпаемые из книги Зомбарта, имеют не один только специальный интерес; его теоретические построения, возводимые на основе собранного им фактического материала, хотя часто и подлежат оспариванию, все же не лишены общего научного интереса. В этом отношении особого внимания заслуживают те главы, в которых Зомбарт говорит о развитии домашнего, помещичьего, городского хозяйства, где он описывает строение древней германской марки (общины) и вообще старых аграрных отношений. Не менее интересны главы, посвященные развитию торговли, оптовой и розничной, крупной промышленности. В своих общих выводах Зомбарт часто вплотную подходит к выводам научного социализма, хотя социалистом, в строгом смысле этого слова, вопреки мнению некоторых экономистов, его никак нельзя назвать. В лучшем случае его можно было бы отнести к тем социалистам-постепеновцам, которые все свои надежды строят на мирном врастании социализма в капитализм. Но теперь и этого о нашем авторе нельзя сказать. Уже на последних страницах рецензируемой книги внимательный читатель подметит, что Зомбарт выступает там с весьма сомнительными заявлениями, в которых слышится некоторое разочарование ученого, его тоска по религиозным идеалам, и прорывается плохо скрытое презрение к выдвигаемым на первый план материальным интересам. И вот Зомбарт, еще вчера человек строго-научной складки, сегодня уже скатывается в трясину самой вульгарной религиозной мистики. Об этом мы узнаем из напечатанного в органе «Всегерманского объединения профессиональных союзов» «Gewerkschafts-Zeitung» от 4 октября 1924 г. отчета о съезде Общества социальной политики, состоявшемся в Штуттгарте 24—26 сентября. Самой большой сенсацией на этом съезде именно и было выступление Вернера Зомбарта с докладом на животрепещущую тему об идее классовой борьбы. Зомбарт решительно осудил идею классовой борьбы, как идею бессодержательную, чуждую любви, исполненную ненависти, пошлую и низкопробную, разрушительную и опасную для духовной жизни человечества, для мира, для государства. Но научными методами, говорил Зомбарт, бороться с идеей классовой борьбы невозможно, так как сторонники этой идеи давно возвели ее в неприкосновенный догмат, в непогрешимый символ веры. Этому суеверию должна быть противопоставлена истинная вера, каковой, по словам Зомбарта, является вера в бога. Из идеи веры в бога вытекает вера в идею и силу любви. Кроме религии, существует только три устоя общества, продолжал докладчик: семья, личное призвание, общность национального чувства, и все они в свою очередь покоятся на идее любви. Но не в обстановке трудового, производственного или торгового сотрудничества рождается любовь, и кажется безнадежной эта борьба, когда мы взглянем на Россию, на Германию, раздираемую классовыми противоречиями. Но, быть может, спасение явится из самых недр пролетарских масс? Во всяком случае, борьба против всего, что опошляет, обезличивает жизнь, будет продолжаться, закончил докладчик.

В прениях по докладу многие видные участники съезда резко выступили против мистической идеологии Зомбарта. Последний, защищаясь от нападок, заявил, что он не против классовой борьбы вообще и менее всего против борьбы профсоюзов. Он только против абсолютизированной (!) классовой борьбы, проповедуемой коммунистами.

Интересно объяснение, даваемое Зомбартом происшедшему в нем идеологическому сдвигу. Из опыта своей акаде-

мической деятельности он, по его словам, убедился, что научные аргументы на сторонников абсолютизированной, как он выражается, классовой теории не оказывают ни малейшего действия. Поэтому ему ничего другого не оставалось, как разъяснить своим слушателям, что, кроме земного бытия, есть еще бытие духовное, исходящее от бога, и что не все существующее безусловно может быть объяснено человеческой логикой. Все общественные движения в истории человечества имели, по словам Зомбарта, религиозную подоплеку. Он признает только небесную любовь, коренящуюся в божественном. Кроме здешнего мира, есть еще другой мир, за который Зомбарт и призывает бороться.

Таков тот крутой идеологический поворот, который проделан Зомбартом. Если во время переработки своей книги автор находился уже в своем новом идеологическом состоянии, то об отсутствии дополнительного повествования его о событиях и явлениях новейшего времени жалеть, пожалуй, не приходится.

М. Брагинский.

В. Н. ПОЗНЯКОВ. Квалифицированный труд и теория ценности Маркса. Изд. Коммунист. Ун-та имени Я. М. Свердлова. Москва 1924 г. Стр. 98.

Теория стоимости Маркса имеет до настоящего времени один существенный пробел — не разработан окончательно вопрос о квалифицированном труде. Как известно, рынок расценивает продукт квалифицированного труда выше, чем труда простого. Необходимо объяснить свойство квалифицированного труда создавать большие стоимости, исходя из общих принципов марксовой теории стоимости. Книга Познякова посвящена решению указанной проблемы. Своей собственной теории автор предпосылает исчерпывающий критический разбор всех попыток решения этой проблемы, начиная с классиков и до нашего времени. Все эти попытки он вполне справедливо считает неудачными, ибо авторы их роковым образом впадали в одну из двух ошибок. Они или сводили квалифицированный труд к труду более интенсивному, т.-е. утверждали, что коэффициент трудовых затрат квалифицированного рабочего выше, чем простого; или же объясняли высокую стоимость продукта труда квалифицированного рабочего более высокой заработной платой, которую он получает. Оба эти решения в зачаточном состоянии имеются уже у Смита. Позднейшие же экономисты, как до, так и после Маркса, лишь с теми или иными видоизменениями повторяли его ошибки. Исключение составляет лишь Р. Гильфердинг, о котором мы скажем ниже.

Первый Бухо-Богдановский вариант теории неизбежно приводит своих последователей к абсурду. В самом деле, ведь интенсивность труда ограничена довольно тесными физиологическими пределами и, следовательно, невозможно говорить о двойной, тройной и т. д. интенсивности труда, не погрешая против данных физиологии. Второй же вариант приводит нас прямехонько в объятия вульгарной экономики. Этот второй вариант, имеющий в числе своих защитников такую пеструю фалангу экономистов, как архи-буржуазный Милль, ревизионист Бернштейн, Платтер, Дейч и Бауэр—в наше время, с усердием, достойным лучшего применения, защищаются марксистом Львом Любимовым. Все эти экономисты, несмотря на индивидуальные отличия, сходятся в том основном пункте, что они выводят повышенную стоимость продукта труда квалифицированного рабочего из более высокой заработной платы.

Если эти теоретики хотят быть последовательными, то они должны перенести это свое положение и на простой труд и поставить стоимость товара вообще в функциональную зависимость от уровня заработной платы. Но если это так, то при чем же здесь марксизм? Правильно поставлена проблема квалифицированного труда только у Р. Гильфердинга, который расчленяет ее на два, по существу различные, вопроса. Одно дело — объяснить стоимость самой квалифицированной рабочей силы, которая находит свое выражение в категории заработной платы; другое дело—объяснить, каким образом и в каком отношении ква-

лифицированный труд создает бо́льшую стоимость, чем простой. Необходимо понять, что эти две величины не находятся в функциональной связи. Высокая стоимость квалифицированной рабочей силы (зарплата) обусловливается издержками на ее обучение; способность же квалифицированного труда создавать стоимость, бо́льшую по сравнению с простым трудом, объясняется тем, что в процессе обучения на рабочую силу *переносится* со стороны обучающих потребительная стоимость их рабочих сил, которая аккумулируется в личности квалифицированного рабочего и реализуется для общества лишь тогда, когда он приступает к работе.

Такова теория Гильфердинга. Но тут напрашивается одно существенное возражение.

Гильфердинг сам говорит, что теория редукции должна исходить из тех принципов, которые уже содержатся в самом законе стоимости [1]). Но ведь основной посылкой теории стоимости является двояко-характерность человеческого труда, создающего потребительные и меновые стоимости. В этих посылках мы не находим ничего такого, что дало бы нам право приписать труду еще третье свойство — перенесение потребительной стоимости рабочей силы на создаваемый товар. Эта явная несообразность у Гильфердинга вынуждает Познякова отойти от него и построить свою собственную теорию редукции. Оригинальность его работы сказывается прежде всего в методе подхода к проблеме. Автор отправляется от условий воспроизводства капиталистического хозяйства. Положив в основу своего анализа знаменитые марксовы схемы воспроизводства, он ставит вопрос, какова должна быть стоимость товаров, произведенных в той или другой отрасли, если на производство их затрачивается не только простой, но и квалифицированный труд.

Так как для непрерывного воспроизводства квалифицированной рабочей силы, занятой в этих отраслях, требуется в каждом воспроизводственном цикле определенное количество простой рабочей силы, занятой ее обучением, то на производство товаров квалифицированными рабочими, общество в целом фактически затрачивает больше труда, чем затратили *непосредственно* сами квалифицированные рабочие.

В этих товарах воплотился косвенно труд обучающих рабочих, отвлеченных от непосредственного материального производства. Общество расценивает продукт труда квалифицированных рабочих выше потому, что эти продукты стоят ему дороже. Что касается заработной платы квалифицированных рабочих, то ее высота обусловливается издержками по обучению и содержанию этих рабочих. Такова теория Познякова.

Нам представляется, что эта теория удачно заполняет пробел в общей теории стоимости, вполне согласуясь с духом ортодоксального марксизма. Но поскольку эта проблема является существенной в марксистской экономике, автор должен был бы в более популярной форме обосновать свои выводы.

Заметим еще, что путем остроумных соображений Позняков приходит к заключению, что норма эксплоатации квалифицированного труда не находится в непосредственной связи с нормой труда простого. В этом он вполне справедливо видит один из факторов, модифицирующих стоимость в цену производства. На всей книге лежит печать продуманности и цельности. Недостатком изложения является то, что Позняков слишком усложняет анализ математическими формулами, отпугивающими простого смертного.

Д. Герценштейн.

И. И. ЛИТВИНОВ. Экономические предпосылки Октябрьской революции. Гиз. Москва 1924 г. Стр. 66.

Автор задумал работу об экономических предпосылках Октября. В напечатанном 1-м выпуске (всех частей предположено 5) дана попытка изучения промышленной депрессии после 1905 г. Одновременно с этим автор набрасывает некоторые общие положения. Таково утверждение о «небывалой централи-

[1]) См. *Гильфердинг*. Бем-Баверк как критик Маркса, стр. 16.

зации и концентрации русской индустрии», происходивших под влиянием десятилетнего застоя (1899—1909 г.г.), Застой—по мнению автора—был также «одной из причин небывалого успеха синдикалистского движения в царской России». Депрессия содействовала ухудшению тех «тяжелых условий, в которых всегда жили русские рабочие». Автор утверждает, что во многих отраслях промышленности в 1909 и 1910 г.г. положение рабочего класса было хуже, чем в дореволюционное время. Основной вывод автора, что «в известном смысле депрессия *подготовляла предпосылки для успеха пролетарской революции и национализации крупной промышленности*».

Подлинную ценность книги составляет обильный статистический материал, в виде сводных таблиц прилагаемый к краткому тексту. Этот материал далеко не всегда подтверждает заостренные выводы автора. Можно ли, например, говорить об устойчивом господстве депрессии, если число веретен, количество переработанного хлопка и число ткацких станков непрерывно возрастали с 1901 года по 1910 г. Или о «небывалой концентрации»—по выражению автора,—если в 1905 г. на одну прядильную фабрику в среднем приходилось 55 тыс. веретен, а в 1910—только 527 тыс.? Или, наконец, об ухудшении положения рабочих, если годовой заработок рабочего текстильщика в 1906 г. равнялся 231 р., а в 1910 г. 243 р. при цене ржи в южных портах 1 р. 17,6 к.—в 1906 г. и в 1910—1 р. 15,5 к. за пуд.? Плохо гармонирует с депрессией как непрерывное возрастание железнодорожных грузов, так и постепенное повышение общего грузового пробега пудоверст.

Производственный застой, несомненно, переживался тяжелой индустрией.

С 1900 по 1908 год сократилась на 5 милл. пуд. выплавка чугуна (с 176 до 171 милл.). В 1907—1908 г.г. намечается некоторый поворот к подъему. Выплавка 1910 г. достигает 185 милл. пуд. С того же времени заметно возрастает выработка полупродукта и готового продукта. Деревня усиливает свое потребление сельскохозяйственных машин. Концентрация и синдицирование тяжелой промышленности становятся к концу десятилетия бесспорным фактом. Но сомнительно утверждение автора, что образование этих «могучих пролетарских центров — стратегических кулаков революции» следует отнести за счет застоя. Нам кажется, что концентрация происходила не благодаря, а *наперекор* застою. Решающую роль для концентрированного подъема русской металлургии играл прилив иностранного капитала.

Развитие нашей тяжелой индустрии после 1905 г. в конечном счете определялось иностранным капиталом. Иностранный капитал притекал, как акционерный капитал и как государственный кредит; можно сказать, что в зависимости от вращения международной капиталистической машины росла или топталась на месте наша тяжелая промышленность.

Автору не удалось доказать общей промышленной депрессии после 1905 г., не удалось проследить живую конкретную связь между *частичным застоем* этого периода и концентрированными формами капитализма в России. Желателен более объективный подход к исследуемому материалу, необходимы обобщения более осторожные, которые бы объясняли действительность, но не противоречили ей.

Ю. Спасский.

А. В. ШЕСТАКОВ («Никодим»). Капитализация сельского хозяйства России. Гиз. Москва 1925 г. Стр. 88. (Институт Красной профессуры.)

В «Развитии капитализма в России» Ленин исследовал ту экономическую основу, на которой впоследствии развернулась борьба классов русской революции. Перед 1905 г. капиталистический процесс уже много лет бороздил крестьянскую массу, некогда однородную, и раскалывал крестьянство на пауперов, скрыто или открыто пролетаризированных, и на зажиточную отслойку, захватывавшую все большую долю сельско-хозяйственного производства. Капитализм вызревал *внутри* деревни и кулак рос как за счет помещика, так и за счет крестьянского «мира».

Кулацкий капитализм продвигался в патриархально-диком образе «чумазого» охватывая производство, он вместе с тем был вооружен оружием торгово-ростовщического капитала. Высота земельной ренты на-ряду с архаическим надельным строем общинного землепользования держали внутри деревенский капитал в тисках: ему так и не удалось выбиться из ранней ремесленно-мануфактурной стадии вплоть до самой империалистической войны и революции. Бок-о-бок с крестьянским капитализмом аграрный капитализм развивался в помещичьих латифундиях, которые пре вращались в крупно-капиталистические предприятия, сочетавшие земледелие с индустриальной переработкой земледельческих продуктов. Несмотря на свои большие экономические и вне-экономические преимущества, эти капиталистические хозяйства — на прусский образец — постепенно отступали перед хозяйственно-крепким мужиком, прибиравшим к рукам таявшие помещичьи владения. Юнкерский капитализм прочно себя чувствовал лишь в лесном хозяйстве, в сахароварении и винокурении.

Существенным методологическим недостатком очерка т. Шестакова должно признать недостаточно ясное разграничение кулака от предпринимателя-помещика. Кулацкое хозяйство росло не только за счет внутриобщинного оскудения, но и за счет помещичьей земли. Убыль помещичьего предпринимательства происходила параллельно с подъемом крестьянского капитализма —мелкого и мельчайшего. Крупные рационально организованные капиталистические помещичьи хозяйства были скорее исключением, нежели правилом, и не они, во всяком случае, задавали тон в торжествующем продвижении аграрного капитализма. Автор основательно постарался забыть об этом, и отсюда его оптимистическая оценка процессов, протекавших внутри деревни, отсюда же та преувеличенная оценка производственного подъема, который полз вверх с медленностью черепахи. Поднялась ли средняя урожайность надельных земель в пятидесятилетие 1860—1910 г.г., и если поднялась—то не ограничился ли этот подъем верхним зажиточным полюсом деревни,— вопрос, ответ на который может быть дан в смысле застойности преобладающей массы крестьянских хозяйств. Ведь общеизвестно, что прирост всей суммы урожая наравне с увеличением экспорта совершался за счет усвоения колонизационного фонда,— распашкой девственных плодородных земель юга, юго-востока и Сибири. Одно можно сказать, что центр товарно-хозяйственной тяжести за эти пятьдесят лет перемещался с феодальной латифундии на землю отслаивавшейся кулацкой верхушки.

К 1916 г., по данным всероссийской сельско-хозяйственной переписи в Европейской России, частно-владельческие хозяйства владели только 11% всей посевной площади. Сопоставим с этим отзыв осторожного и добросовестного проф. Лященко о предшествующем десятилетии (1894—1904 г.г.), исчисляющего норму *местного* душевного потребления четырех главнейших хлебов для пятилетия 1894—1899 в 12,33 п. в год и для пятилетия 1899—1904 г.г. в 13,82 п. Некоторое увеличение проф. Лященко склонен приписывать или «вообще приблизительности вычислений или, тому, что среди первого пятилетия встречаются неурожайные годы, тогда как второе было высокоурожайное» («Аграрная эволюция», изд. 2, стр. 254, 255 и сл.). Тот же автор, давший в своей работе единственную в нашей «академической» литературе более или менее объективную сводку капиталистических изменений русского земледелия, характеризует порефор-менное хозяйство, как подчинение мелкого крестьянского производителя торговым капиталом, как капиталистическую систему «производства на скупщика».

«Не доедали, а вывозили»,— вынужден признать сам же т. Шестаков, рисуя прошедшую картину хлебного экспорта России. Более чем о какой-либо другой стране можно было бы сказать о дореволюционной России словами Маркса, что она страдала «не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития».

Если преувеличены и не довольно дифференцированы выводы т. Шестакова о формах и степени внедрения капита-

лизма в самый процесс сельско-хозяйственного *производства*, то столь же утрированным и малодоказательным кажется нам положение, что ... «в начале XX в. капитализм мощно распланировал в отдельных районах России отдельные отрасли сельского хозяйства, наметив детально пути их развития, как в полеводстве, так и в скотоводстве». С таким утверждением плохо вяжется тот несомненный факт, что еще в 1913 г. крестьянское хозяйство по крайней мере на целых две трети своей продукции продолжало оставаться *натуральным*. Именно этим объясняется, что в годы гражданской войны и революции, когда были перерезаны меновые связи, крестьянин сравнительно легко укрылся в самопотребительскую, натурально-хозяйственную скорлупу. Из этой скорлупы только теперь начинает выскакивать деревня. Худо ли, хорошо ли, но следует признать, что в сельско-хозяйственной области мы от капиталистического прошлого получили скудное наследство.

Ю. Спасский.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ СССР в 1923—24 г. (I, II и III кварталы). Издание Центросоюза. Москва 1924 г. Стр. 102.

Вопрос о кооперации, ее роли в ближайшее время в народном хозяйстве страны, ее взаимоотношений с государственной промышленностью — является основным вопросом текущей экономической политики.

Но для того, чтобы этот вопрос мог быть разрешен, необходимо прежде всего знать, что представляет собой сегодня наша кооперация, как велик ее удельный вес в торговом обороте страны, каков ее аппарат,—одним словом, достаточно ли она мощна для того, чтобы справиться с теми огромными задачами, которые перед ней ставятся.

Реферируемая работа, выполненная Статистико - Экономическим Отделом Центросоюза, восполняет поэтому давно уже ощущающийся пробел.

Работа распадается на три отдела. Первый отдел посвящен Центросоюзу. Этот разработанный наиболее детально отдел дает данные, характеризующие влияние осеннего кризиса сбыта на Центросоюз, ту реорганизацию, которую Центросоюз в результате этого кризиса проделал (сокращение торгового аппарата, изменение ассортимента товаров, мероприятия Центросоюза по снижению накладных расходов, работа по оздоровлению финансов). Этот отдел в общем и целом достаточно рельефно выявляет работу Центросоюза за этот период, хотя, конечно, имеются и пробелы. Так, например, совершенно обойдена идейно - организационная работа Центросоюза. Ведь Центросоюз является не только общесоюзным обществом оптовых закупок, но и всесоюзным идейно-организационным центром потребительской кооперации. Между тем об этой работе обзор не упоминает ни слова. Совершенно обойден также вопрос о взаимоотношениях Центросоюза с рабочей кооперацией и с другими формами кооперативного движения (сельско-хозяйственная кооперация).

Прежде чем перейти ко второму, этому, по нашему мнению, долженствующему вызвать максимальный интерес отделу «обзора» — отделу, посвященному работе союзной и низовой кооперации, остановимся вскользь на третьей части, посвященной вопросу об удельном весе потребительской кооперации в оптовом торговом обороте страны. Оперируя с данными об оборотах Московской и провинциальных бирж, авторы «Обзора» приходят к заключению о том, что в Москве удельный вес кооперации в общем товарном обороте колебался по отдельным группам товаров от 5% (химические товары) до 47% (бакалейно-колониальные товары) — в III квартале 1923 — 24 г., в провинции доля кооперации в общем товарном обороте составляет 28,7%.

Обращаемся теперь ко второй главе, посвященной работе союзной и низозой кооперации.

Наиболее важные выводы, к которым приходят авторы «Обзора», таковы: в течение первого полугодия 1923 — 24 г. кооперация проделывает огромную организационную перестройку; областные конторы Центросоюза ликвидируются,

вместо них создается ряд областных и краевых союзов (Северо-Западный, Уральский, Сибирский, Юго-Восточный). Значительное количество (23) губсоюзов отмирает, отмирает и ряд райотделений, вместо них быстро возрождаются райсоюзы (вместо 19 функционировавших в I квартале, в IV уже функционирует целых 89).

Другой вывод, это — быстрый рост кооперативной сети и числа кооперированного населения (в частности, в деревне) и собственных паевых капиталов кооперации.

И, наконец, третий основной вывод, это — значительный рост оборотов кооперации.

Все эти выводы и цифры, на которых они построены, несомненно заслуживают особого внимания. Интересны также и данные о нарастании продажных цен на товары по мере продвижения товара по кооперативной лестнице от Центросоюза к сельскому кооперативу и данные о %% надбавок, накладываемых сельскими ЕПО на товары.

И все же, несмотря на все это, эта часть «Обзора» не удовлетворит читателя, так как она все же не дает ответа на самые кардинальные, прежде всего напрашивающиеся у каждого внимательного наблюдателя нашей хозяйственной жизни вопросы.

Как распределена кооперативная сеть по всему СССР и по отдельным районам? Попадают ли все товарные массы, которые закупает кооперация к потребителю или есть еще какая-то доля товаров, которая по пути от треста или Центросоюза к потребителю выпадает из кооперативной сети, а если есть, то как велика она? (В этом отношении авторы «Обзора» ограничиваются лишь приведением таблицы о распределении контрагентуры одних лишь союзов, и то не давая анализа этой таблице, а ограничиваясь весьма общими и расплывчатыми выводами.) Не найдет читатель ответа и на вопрос о том, каково ныне финансовое положение союзной и низовой кооперации и в какой степени восстановила она свою кредитоспособность после осеннего кризиса. Не дает эта часть «Обзора» и материалов по вопросу о том, насколько успешно продвигает кооперация товары к непосредственному потребителю и нет ли налицо «затоваривания» кооперации, т.-е. не застревают ли товары внутри кооперативной сети, не достигая потребителя

Признавая все те объективные трудности, которые стояли перед авторами и на которые ссылается во вступлении к «Обзору» тов. Фишгендлер (запоздалость материалов с мест, временный перерыв в кооперативной статистике, вследствие реорганизации кооперации), остается пожелать, чтобы возможно скорее Центросоюз выпустил работу, которая дала бы достаточно исчерпывающую картину нынешней работы кооперации. До того же времени, думаем, и реферируемая работа принесет свою пользу.

Д. Хавин.

В. ПОПОВ. Очерки политической географии Западной Европы. Изд. Комм. Универ. им. Свердлова. М. 1924 г. Стр. 256.

Странное впечатление оставляет эта книга. Вопросы политической географии помимо своего научного интереса представляют сейчас особенно живой и актуальный интерес практический. Подошло время некоторого подытоживания перипетий мировой войны, констатирования и анализа результатов политики начала 20-х годов. Надо знать, что же теперь представляет собой европейский политический комплекс вообще и в отдельных государственных единицах. Книга или учебник на эту тему безусловно своевременны.

Но данные «очерки» заключают в себе слишком обширный, мало обусловленный задачей охват, и в результате получилась не политическая, а типично *эклектическая* география. На политику и вопросы, имеющие непосредственное к ней отношение, приходится около 23% из 220 страниц текста. Остальное распределяется между физико-географическими элементами, этнографией, экономикой и историей.

Более удачны физико-географические описания, в которых автор чувствует себя прочно, но приводимые данные чрезвычайно редко имеют политический или

экономический «коэффициент», представляя самодовлеющее, подчас только номенклатурное значение. Фрагменты изложения, отведенные этнографии, экономике и истории, достаточно случайны, поверхностны и не имеют выдержанной системы. Как в старых учебниках, описание каждой страны заключают отдельные серии городов с достопримечательностями.

Важнее, однако, насколько автор справился с основной, политической стороной своего задания. Мы в праве ожидать от политической географии разрешения таких вопросов, как степень и характер зависимости данных политических форм (структурно, а может быть, и социально) от наличной физической среды, как зависимость данных форм государственного строя и социальных отношений от экономических явлений современности или исторического развития; а от книги-учебника, во всяком случае, ясного описания политического строя с подчеркиванием его особенностей, характеристики парламентаризма, рабочего движения, роли коммунистической партии в каждой стране.

Первые вопросы лишь слабо затронуты в книге, а описательная часть страдает бессистемностью и неполнотой.

У автора отсутствует та необходимая «сетка», которая должна накидываться на всякий материал, вылавливать из него важнейшее. Отсутствует и выдержанная схема, по которой материал должен группироваться.

Поэтому пробелы встречаются на каждом шагу. В характеристике, хотя бы Англии, классического и в то же время своеобразного политического организма, нет, напр., указания на ее традиционную «двухпартийность» с теми переменами, которые внесены появлением рабочей партии. Вообще ни об одной партии, в том числе и коммунистической, нет даже упоминания. Неизвестно, распространяются ли избирательные права на женщин. Есть и неточности, вроде «всякий закон... если принимается палатой общин, то идет на утверждение палаты лордов, а затем уже короля»—«утверждение» лордов теперь уже необязательно». «Роль короля в Англии сравнительно (?) не велика, так как (?) министры и члены кабинета заправляют всей текущей и правительственной работой».

Много картограмм и таблиц, иногда удачно составленных, но зачем-то повторяющихся по нескольку раз. Много также и опечаток, — от такого высокого % мы уже успели отвыкнуть — при чем не безобидных, а искажающих смысл. (Не — вместо но — стр. 154, дважды «покрыты лесом», вместо «покрыты лессом»).

Не к выгоде автора говорит и преувеличенное пользование цитатами, не всегда из достаточно компетентных источников (напр., полуфельетонных корреспонденций), что сообщает тексту легковесно газетный оттенок.

Д. Кашинцев.

Проф. Е. ЛИСКУН. Разведение сельскохозяйственных животных. Госиздат. Москва. 1924 г. Стр. 248. Тираж 4.000.

Авторитетный специалист по животноводству проф. Е. Лискун первый откликнулся на острую нужду студентов сельско-хозяйственных вузов в конспектах, освещающих современные вопросы разведения с.-хоз. животных.

Это тем более необходимо, так как современное скотоводческое знание постепенно перестает быть искусством и переходит в учение о разведении сел.-хоз. животных. Кроме того, надо помнить, что мы находимся на рубеже новых путей хозяйственного бытия.

Борьба с трехполкой, как отжившей системой сельского хозяйства, проведение многопольных севооборотов, пропаганда раннего пара, пожнивной и зяблевой вспашки, изыскание новых приемов борьбы с неблагоприятными условиями природы, «картофелизация» РСФСР, расширение площади засева картофеля и поднятие урожайности картофельных полей, введение в севообороты и других пропашных и в связи с этим развитие животноводства — вот очередные задачи, на которые властно толкает СССР экономическая действительность. Чем скорее сельское хозяйство из потребительского перейдет к производству товарному и обращению

на внутреннем и на внешнем рынке, тем легче будет изжита рутина старых хозяйственных форм и задачи продуктивного животноводства с требованием к личным качествам животных, с стремлением поднять эти качества и производить улучшения животных, должны быть выдвинуты на первый план.

Правильно автор выражает мысль о необходимости изжития укоренившегося у нас взгляда копировать приемы работы по улучшению животных в западноевропейских условиях, где проделана уже громадная работа отбора и улучшения по продуктивности, и заводчики стали гоняться за получением совершенно однородного внешнего вида, модной окраски животных, что, кстати сказать, едва ли служит мерилом для суждения о продуктивности животного. У нас все должно быть направлено к требованию выгодной производительной деятельности животных при свете современных крупных научных завоеваний зоотехники, к улучшению качества животных и превращению их в хорошие машины, успешно перерабатывающие полеводственное сырье и продукты животноводства.

После введения, где говорится о целях и задачах разведения, автор излагает хозяйственные и биологические свойства животных, дает классификацию животных в хозяйственных целях, объясняет способы и технику разведения, организационные вопросы разведения и непосредственные мероприятия по улучшению животных, как-то: контрольные союзы, связь контрольных работ с выставочным делом, преемственность в деятельности выставочных экспертных комиссий и заводские и племенные записи.

Книжка, очень нужная и полезная для учащихся в высших сел.-хоз. школах, прочтется с большим интересом всяким, кто имеет даже поверхностное представление о трактуемых автором вопросах.

А. А. Бессер.

Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ. Современная кооперация. Издание 3-е, дополненное. Государственное издательство. М. 1924 г. Стр. 172.

В предисловии к первому изданию автор рассматривает реферируемую работу «не как обработанный учебник для совпартшкол и других учебных заведений, в курс которых введена кооперация, а только, как первый, далеко не полный и необработанный набросок».

Однако следует признать, что работа Н. Л. Мещерякова является ценным вкладом в нашу весьма скудную марксистскую литературу по вопросам кооперации, несмотря на все ее дефекты, являющиеся результатом спешной работы.

Центр тяжести работы с нашей точки зрения в главах, посвященных вопросам теории кооперативного движения — к этим главам в первую очередь относится вступительная глава, дающая определение термину «кооперация», анализ мелко-буржуазных теорий о кооперации, попутно обнажая их социальные корни.

Вторая глава дает сжатый очерк воззрений на кооперацию К. Маркса, наконец, 3-я глава дает критику теории, выдвигавшейся идеологами старой кооперации, рассматривавшими кооперативную прибыль, как своеобразную прибыль, в которой нет элемента эксплоатации, и ставит знак равенства между кооперативной прибылью и всякой прочей торговой прибылью.

Далее следуют главы, посвященные истории русской кооперации (от зарождения ее до наших дней), — главы, посвященные вопросам практической работы кооперации (главы о многолавочной кооперации, органах управления потребительскими обществами, средствах его), главы о кредитной и производительной кооперации.

Заключительные главы посвящены вопросам о связи кооперативного движения с другими формами рабочего движения и связи кооперации с политикой.

В общем следует признать, что реферируемая работа сразу вводит читателя, чуждого до сих пор вопросам коопера-

тивного движения (а именно, для этого разряда читателей они, очевидно, предназначены), в круг основных вопросов, связанных с кооперацией, и потому, конечно, выход ее третьим изданием нельзя не приветствовать.

Вместе с тем, однако, работа заключает и ряд дефектов, очевидно, являющихся результатами той обстановки, в которой автор писал ее (в предисловии автор указывает, что «работать приходилось в крайне неблагоприятных условиях — на курортах Закавказья, где невозможно было найти какую бы то ни было литературу о кооперации»). Таким дефектом является некоторая сухость изложения, скудость конкретных данных о положении кооперации, отсутствие фактических иллюстраций к тем теоретическим положениям, которые выдвинуты автором.

Имеется ряд других пробелов, из коих, по нашему мнению, наиболее серьезным является отсутствие в книжке даже намека на борьбу между рабочей и общегражданской кооперацией. Между тем для нового читателя отдельные эпизоды этой борьбы (в особенности на западе Германии) были бы, несомненно, очень поучительны.

Другой дефект работы, это — устарелость тех ее глав, которые трактуют практические вопросы работы кооперации, так, например, единые потребительские общества и мелкие объединения внутри последних уже отошли в историю кооперативного движения, и потому эти главы интересны исключительно уже как история кооперативного движения.

В заключение пожелаем, чтобы автору, наконец, удалось закончить работу по намеченному им плану с тем, чтобы устаревший ныне материал был заменен более новым и чтобы он давал возможность ознакомиться со всеми теми крупными изменениями, которые произошли в работе кооперации в последние $1—1^1/_2$ года.

Д. Хавин.

Die Statistik im Fabrik und Warenhandelsbetrieb von D-r ALBERT CALMES ord. Universitäts Professor a. D. Sechste, neu bearbeitete und vermehrte Auflage 1921. G. A. Gloeckmer Verlagsbuchhandlung in Leipzig.

Проф. АЛЬБЕРТ КАЛЬМЕС. Статистика фабрик и торговых предприятий. 6-е переработанное и расширенное издание. Лейпциг 1921 г. Изд-ство Г. А. Глёкнер. Стр. 268.

Литература, формулирующая общие принципы частно-хозяйственной статистики, равно как и касающаяся применения этих общих принципов к отдельному хозяйству, — чрезвычайно бедна. Причина этого заключалась в переоценке значения торговой бухгалтерии. Лишь постепенно начало создаваться убеждение, что двойная бухгалтерия хотя и представляет собой прекрасную систему счетоводства, необходимую для ведения торгово-промышленного предприятия, не является, однако, единственным источником для изучения хозяйства предприятия. Впервые на это указали *Гомберг* [1]) и *Сганцини* [2]). Позднее в западной литературе очень ярко эта мысль была выражена *Вагнером* [3]), указывавшим, «что даже двойная бухгалтерия при современном положении вещей не дает ясного и отчетливого представления о всех сложных операциях современного торгового предприятия. Никакая детализация вспомогательных книг, ни увеличение их числа не устраняют ощущения недостаточного знакомства с организацией дела, и этот недостаток может быть устранен лишь счетоводной торговой статистикой».

В применении к кооперации вопросы торговой статистики были освещены в работе профессора Шера — «Калькуляция и статистика в хозяйстве потребительных обществ», а у нас в статьях *Г. А. Кипена* и *П. Н. Колокольникова*

---

[1]) Grundlegung der Verrechnungswissenschaft. Leipzig 1907.

[2]) Zur Grundlegung der realistischen Theorie der doppelten Buchhaltung St. Gallen 1908.

[3]) Ueber die Organisation der Varenhäuser und der grossen Specialgeschäfte (изданном Zahn'ом. Мюнхен 1911 г.).

и Стат.-Экономического Отдела Центросоюза.

С возникновением и развитием частно-хозяйственной статистики на практике долгое время теория ее оставалась неразработанной, и право частно-хозяйственной статистики на существование и отношения ее к бухгалтерии оставались невыясненными.

Два старейшие сочинения, которые как будто бы касались частно-хозяйственной статистики — F. Daeschner «Kontrollstatistik im modernen Fabrikbetrieb» и Gottlieb Schnapper Arndt «Theorie und Geschichte der Privatwirtschafts Statistik» — в действительности касались не столько статистики, сколько вопросов организации промышленного предприятия вообще и исчисления себестоимости, в частности (в первом случае), и так называемых «семейных» бюджетов (во втором случае).

Кроме случайных теоретических замечаний о необходимости статистики в предприятии и попыток ее определения в литературе по бухгалтерии (Гомбарг, Сганцини, Шигут), существовали еще отдельные сочинения, в которых была описана организация статистики в определенных предприятиях, как, напр., Fr. Fuchs «Praktische Geschäftsstatistik»; C. Lewin «Technische oder Fabrikstatistik»; R. Baum «Buchhaltung und Statistik»; F. Schaaps «Statistik und graphische Darstellung im Dienste des Kaufmanns»; Fr. Schär «Konsumverein und Warenhaus»

Для выяснения полного пренебрежения к частно-хозяйственной статистике в науке характерным является то обстоятельство, что в объемистом двухтомном труде «Статистика в Германии в ее теперешнем состоянии», представляющем обширный обзор положения статистики к концу 1910 г., — ни одним словом не упоминалось о частно-хозяйственной статистике.

Первым трудом, дающим теоретическое обоснование статистики частно-хозяйственного предприятия и намечающим цели и способы ее работы и подводящим под нее научный фундамент, является разбираемая нами книга профессора Calmes'a, которого проф. *Жижек* справедливо называет основоположником частно-хозяйственной статистики. Книга распадается на три части: первая — общее учение о хозяйственной статистике, вторая — техника статистики и третья — отдельные отрасли статистики в предприятии. Таким образом автор дает определение частно-хозяйственной статистики или, точнее, статистики в предприятии, выясняет ее положение по отношению к общей статистике и к учению о частном хозяйстве, а также по отношению к бухгалтерии и калькуляции. Статистику в предприятии автор определяет как «статистический метод изучения частно-хозяйственных явлений в интересах единичного хозяйства».

В этой же части автор говорит об устройстве статистического органа (вопросы о централизации и децентрализации статистической работы и о самостоятельности статистического органа или о соединении его с другими органами предприятия), о персонале и подготовке его. По этому вопросу, исходя из того, что основной задачей статистика в частно-хозяйственном предприятии является хозяйственный анализ работы этого предприятия, он считает, что наиболее желательной является та подготовка, которая дается высшими коммерческими школами или коммерческими отделениями университетов.

Во второй части автор рассматривает общие вопросы статистической техники (наблюдения табличной сводки, счетной обработки и графического изображения) в применении к частно-хозяйственному предприятию, богато иллюстрируя изложение примерами.

Наконец, в третьей части автор рассматривает отдельные отрасли статистики в частно-хозяйственном предприятии: статистика средств, статистика прибылей и убытков, кассовая и финансовая, статистика служащих, статистика рабочих и заработной платы, статистика заказов, складов, оборотов по продаже, расходов, производства и так называемая внешняя статистика, имеющая своим предметом изучение не самого предприятия, а окружающей его среды.

Исходя из того, что каждое фабричное предприятие состоит из торговой и производственной части и что все отношения наиболее сложными являются

в крупных по размеру предприятиях, проф. Calmes все свое изложение ведет применительно к крупному промышленному предприятию. Это краткое описание содержания книги, выдержавшей в Германии за десятилетний промежуток времени 6 изданий, по нашему мнению, наглядно выявляет тот большой интерес, который представляет для всякого работающего в области частно-хозяйственной статистики эта книга, являющаяся единственным руководством в этой области, если не считать краткого отдела в 70 страничек, посвященного статистике в вышедшей в 1923 г. книге *Лейтнера* «Kontrolle, Revisionstechnik und Statistik in kaufmännischen Unternehmungen».

Г. Эльяшев.

РАБОЧЕЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. В. СВЯТЛОВСКИЙ. История профессионального движения в России. *Я. Финна.*—2. КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ. *А. Мильштейна.*—3. ГЕНДРИК де МАН и ЛУИ де БРУККЕР. Рабочее движение в Бельгии. *С. Гальперина.*—4. У. КРЭК. Краткая история современного рабочего движения в Англии. *А. Чекина.*

В. В. СВЯТЛОВСКИЙ. История профессионального движения в России. Издание Ленинградского Губ. Совета профессиональных союзов. 1924 г. Стр. 345.

Работами по истории российского профессионального движения наша литература крайне небогата. Брошюра тов. Лозовского на эту тему дает слишком беглые сведения, могущие удовлетворить неосведомленность иностранца, или же служить кратким введением в историю профессионального движения для рядовых рабочих на элементарных курсах ликвидации неграмотности. Книга т. Антошкина — «Профессиональное движение в России», изданная ВЦСПС в 1923 году, по своему схематическому изложению специально рассчитана на лекторов, которые на основании ряда других работ и архивного материала могут разбить изложенное в книге и восполнить имеющиеся в ней пробелы.

Остается работа В. Гриневича, переизданная в 1922 году. Но, к сожалению, она охватывает только период по 1907 год и изложена в недостаточно приемлемом объективном освещении бывшего «экономиста» и нынешнего поборника «нейтральности и независимости» профессионального движения. Поэтому неудивительно, если, узнав по заголовку, что книга В. В. Святловского охватывает историю профдвижения «от возникновения рабочего класса *до конца 1917 года*», и что у автора, принимавшего активное участие в жизни и деятельности профорганизации, к настоящему времени «с глаз спала и рабочедельская и меньшевистская пелена», заинтересованный читатель ухватится за рецензируемую нами работу, как за единственно исчерпывающее пособие по дооктябрьской истории профессионального движения. Распространение книги таким образом вполне обеспечено. Но в той же почти мере обеспечено разочарование в ней читателей.

Прежде всего о периоде, который охватывает своим изложением работа В. Святловского. За исключением беглого указания о том, что «с 1911—1913 г.г. большевики впервые начинают играть роль в профессиональном движении» (стр. 210); за исключением немногословной характеристики периодической прессы профсоюзов 1908—1911 г.г. «как обломков воздвигнутого было здания» (стр. 227); за исключением изложения запросов в III Думе о гонениях на профсоюзы и в IV думе, в связи с арестом избранных в военно-промышленные комитеты (304—306 стр.), мы не имеем в объемистом труде В. Святловского

никакого более или менее исчерпывающего освещения жизни и борьбы рабочего класса в России за время реакции (1908—1911 г.г.), за период нового подъема в рабочем движении (1911—1914 г.г.) и за годы войны (1914—1917 г.г.). А между тем здесь есть о чем поговорить, здесь-то и коренится зияющий пробел, характерный для всех перечисленных выше работ разных авторов по истории профдвижения в России. Нарастание новой волны рабочего движения к 1912 г., ленские события, борьба вокруг закона о больничных кассах, шовинизм в начале войны, военно-промышленные комитеты и борьба революционного авангарда рабочих, накопление «пороха» к 1917 году, роль фабрик и заводов во всех этих событиях, роль сохранившихся профорганизаций, — эти чрезвычайно существенные моменты остались вне пределов книги В. Святловского.

Весь 1917 год до Великого Октября представлен в разбираемой нами работе в виде краткого освещения решений III Всероссийской конференции профессиональных союзов. Грандиозная же деятельность фабрично-заводских комитетов, ставших прочным фундаментом наших профессиональных союзов и сыгравших колоссальную организационно-идейную роль в революции, уместилась буквально всего в 12 строках, в связи с оценкой лозунга рабочего контроля.

Как же относится автор к этому основному лозунгу Октября?

«Как политическая мера,— говорит В. Святловский на стр. 337,—*рабочий контроль* заслуживал серьезного внимания, это, несомненно, явилось важною и положительною мерою, но *как мера экономическая — была недодуманною, несолидною и потому в конце концов потребовавшею отмены*».

Так понимать роль и значение рабочего контроля могут только те, у кого на глазах осталась довольно плотная, непроницаемая пелена старых заблуждений и недооценки или непонимания крупнейших исторических факторов. Сейчас для всякого мало-мальски знакомого с историей российской революции ясно, что лозунг рабочего контроля был не только лозунгом, вокруг которого нерушимой стеной собирались силы революции, но что этот лозунг, осуществленный в жизни, дал нам возможность овладеть производством, овладеть народным хозяйством. И только после того, когда промышленность и торговля были национализированы, когда созданы были органы рабочего управления производством и распределением, только тогда рабочий контроль *в старых его формах* был заменен государственным контролем, рабоче-крестьянской инспекцией, ведущей свою работу на основе втягивания в нее широких рабочих масс.

Анализ решений III конференции профсоюзов верно изложен автором лишь по организационному вопросу. Что же касается вопросов хозяйственно-экономических и тех путей, которые были намечены в данной области, то в этом отношении автор рисует конференцию, как нечто единое, забывая про горячую схватку, которая имела место между мелкобуржуазной идеологией меньшевиков и революционной позицией большевиков.

«Новая Россия, — пишет автор,—начинает итти по неизведанным новым путям. Само собою понятно, что первые шаги по этому пути были робки и неумелы, что и отразилось на резолюциях «осознавания», выявленных на III конференции 1917 года. Это ощущали и понимали редакторы-издатели трудов I-го съезда».

Эта цитата была бы уместна в устах беспартийного историка, прожевывающего решения, как таковые, без учета того, почему они были приняты, какова была обстановка, каково было соотношение сил внутри рабочего класса. Как редактор трудов I-го съезда, могу констатировать, что для нас, как для всех сознательных работников профдвижения, было совершенно ясно, что робость решений III конференции была вызвана не новизной дела, не такой же робостью в рядах рабочих, а случайным составом конференции, на которой по инерции еще господствовали меньшевики, творившие политику мелкой и крупной буржуазии.

Таким образом работа В. Святловского, к сожалению, по-прежнему не дает нам истории профдвижения с 1908 по 1917 г., а отдельные существенные моменты освещены неправильно. Новая работа, следовательно, почти повторяет книгу того

же автора — «Профессиональное движение в России», изданную еще в 1907 году.

Но и в качестве второго издания старой работы книга В. Святловского, признающего теперь «руководство РКП в профессиональном движении», не дает нам того, что мы в праве были от нее ожидать. О сущности упоминаемых в книге «экономизма», «рабочедельства», как идейных течений, господствовавших в легальном российском профдвижении, автор ничего не говорит, ограничиваясь лишь заявлением (стр. 127) о том, что он сам «склонялся к революционной позиции» (какой? *Я. Ф.*). Между тем, не будучи осведомленным об идейной линии вожаков профдвижения, не зная внутренней борьбы в официально единой РСДРП, читатель не может достаточно правильно разобраться в истории развития и революционизирования российского профессионального движения.

Мало уделено автором внимания организационной стороне движения. В то время, как отжившему закону 4 марта 1906 г. уделено 35 стр. (254—289), в это же время движение рабочих за представительные низовые организации (старосты, комитеты) почти не нашло отражения, кроме упоминания про закон 10 июня 1903 года о старостах (стр. 5) и про борьбу за введение института старост на Фряновской шелковой мануфактуре (стр. 38). Как обслуживали союзы своих членов в организационном отношении, как представительствовали свои интересы каждая фабрика, завод, — об этом в книге мы почти ничего не находим. И совершенно ни слова не сказано про знаменитый закон временного правительства о фабрично-заводских комитетах, вокруг которого развернулась широкая борьба рабочих.

Издана книга небрежно. Достаточно указать, что объединительный съезд в 1906 году назван *вторым* партийным съездом. Является ли это корректурной опечаткой, или здесь меньшевистское летосчисление?

Дооктябрьское профессиональное движение, по всей вероятности, еще ждет своего историка.

Я. Финн.

Комиссия по изучению профессион. движения в России. Истпроф. ВЦСПС. МАТЕРИАЛ ПО ИСТОРИИ ПРОФЕСС. ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ. Сборн. 2-й. Изд. ВЦСПС. М. 1924 г. Стр. 365.

2-й сборник представляет значительно улучшенное издание, не только с внешней стороны, но и с внутренней. Имеется построение статистического материала. Имеются соответствующие отделы и даже «официальный отдел».

В 1-м сборнике построение отсутствовало.

Сборник открывается «великим спором» «об истоках профдвижения в России», тезисами доклада Яродкого (стр 3—6), содокладом — статьей Айнзафта «Были ли кассы взаимопомощи одним из истоков российского профессионального движения» (стр. 75—102). Наконец, в этом же отделе помещена стенограмма дискуссии по этому же вопросу (стр. 7—50). Стенограмма дана целым рядом сокращений (от редакции—стр. 7), что является безусловно минусом для лучшего понимания и выяснения спора самой дискуссии.

Статья Никитина «Очерки по истории професс. печати в России» останавливается на печати 1905 года, освещая большею частью печать союза печатников.

Из воспоминаний необходимо остановиться на статьях Адамовича «Моряк» и «Моряки перед судом»; написано весьма живо, хотя и несколько пространно.

Имеется хроника професс. и рабочего движения в России (1870—1889 г.г.). В хронике (стр. 295—332) изложены вкратце стачечная борьба, факты организации кассы взаимопомощи и борьбы и рабочее законодательство. Хроника является продолжением того же самого труда, помещенного в сборнике № 1. В изложении тот же самый недостаток, что и в предыдущей работе *Каца*.

Отдел библиографии сборника не богат и требует безусловного усиления со стороны редакции. Кроме помещаемых отзывов на выходящую историческую литературу по професс. движению, необходимо время от времени давать сводку имеющихся материалов, отмечающих отдельные этапы нашего профдвижения.

В заключение пару слов об официальном отделе Истпрофа. Нам кажется спорным нужность такого отдела в журнале, имеющем назначение не для узкого круга «архивариусов», а для широкого распространения. Нам кажется целесообразнее помещать в виде тех или других инструкций, а также проделанную и предполагаемую работу Истпрофа к сборнику в виде приложения. Подытоживаю: второй сборник показывает безусловное улучшение не только внутреннего содержания, но и внешнего. Будем надеяться, что редакция на этом не остановится, и третий сборник даст в еще более улучшенном виде.

А. Мильштейн.

ГЕНДРИК ДЕ-МАН И ЛУИ ДЕ-БРУККЕР. Рабочее движение в Бельгии. Перевод и предисловие Н. Л. Мещерякова. 2-е изд. Государственное Издательство. Москва 1924.

Появление вторым изданием книги о рабочем движении Бельгии, вдобавок книги, трактующей *о довоенном* его периоде, свидетельствует о большом интересе русского читателя к истории рабочего движения. Надо сказать, что рабочее движение Бельгии, несмотря на то, что страна эта принадлежит к числу малых держав, представляет значительный интерес как ввиду высоко индустриального характера страны, так и потому, что рабочее движение этой страны имеет в высшей степени показательный характер. Несомненная сила Бельгийской рабочей партии и примыкающих к ней профессиональных союзов, и влиятельное положение бельгийских социалистов во Втором Интернационале — где они занимают самое правое крыло, — оправдывают вполне это внимание русского читателя к Вандервельдовской вотчине.

Выпущенная Государственным Издательством книга представляет собой перевод двух статей де-Бруккера и де-Мана, появившихся в 1911 году в приложении к германскому марксистскому журналу «Die Neue Zeit». Книга дает всю полемику по этому вопросу: ответную статью Вандервельде и возражения авторов на статью Вандервельде. Вопрос о том, что представляла собою рабочая партия до войны, является, таким образом, освещенным со всех сторон.

В свое время вся эта полемика обратила на себя внимание социалистических кругов всего мира. Дело в том, что де-Бруккер и де-Ман, стоявшие тогда на левом крыле партии, с большой убедительностью вскрыли внутреннюю гнилость на вид очень могущественной Бельгийской рабочей партии. Они отметили и полную беззаботность деятелей партии насчет марксистской теории, и беспринципный оппортунизм бельгийских социалистов, и неумение их подняться над местными интересами. Они указали на низкий умственный уровень бельгийских рабочих и на неспособность и нежелание бельгийских социалистов отказаться от узкого партикуляризма во всей их экономической борьбе. По существу Бельгийская рабочая партия не была боевой классовой партией пролетариата, а левым крылом либеральной партии, отличавшимся от либералов чистой воды только большей решительностью в борьбе за демократию и свойственным некоторой части интеллигенции рабочелюбием.

До какой степени внешнее процветание партии не соответствовало достигнутым ее деятельностью результатам, видно хотя бы из того, что заработная плата бельгийского рабочего составляла лишь немногим больше половины заработной платы английского рабочего и была значительно ниже платы, которую получали рабочие соответствующих профессий в соседних Германии и Франции.

Чисто политическая работа партии была насквозь проникнута парламентским кретинизмом. Самый характер бельгийского парламентаризма прекрасно характеризуется словами де-Бруккера: «Палата депутатов — настоящая теплица для выращивания членов правлений акционерных компаний».

В легальной марксистской прессе дореволюционного периода было в моде восхищаться мощным ростом примыкающих к Бельгийской рабочей партии кооперативных организаций. Гендрик де-Ман развенчивает эту меньшевистскую

легенду. Он утверждает, что «в бельгийские кооперативы не проникает тот боевой дух, который должен жить в рядах партий и союзов, а, наоборот, консервативные мелко-буржуазные тенденции, пышно расцветающие в односторонне развитых кооперативах, окрашивают и остальные организации». Этот суровый отзыв вызвал в свое время необычайный гнев одного из руководителей партийного кооперативного движения, Ансееле, который требовал ни больше, ни меньше, как исключения де-Мана из партии.

В русской легальной прессе царского времени была в ходу и другая легенда о необычайной стойкости Бельгийской рабочей партии в борьбе за избирательное право, об организованных ею для этой цели всеобщих забастовках и так далее. Истинное значение этой борьбы бельгийских социалистов вскрывает де-Бруккер. Он указывает, что все стремления рабочей партии были направлены на свержение клерикального правительства и создание коалиционного либерально-социалистического министерства. О самостоятельной борьбе рабочего класса при такой постановке вопроса говорить не приходится. Вся деятельность партии была направлена на парламентскую победу, на создание либерально-социалистического большинства. Де-Бруккер очень красноречиво описывает работу этой социалистической «машины» для завоевания голосов избирателей.

Несколько слов о судьбе самих авторов брошюры. Как известно, эти левые вожди бельгийского социализма во время войны превратились в самых заурядных патриотов, а после войны они стали верными соратниками их оппонента Вандервельде в деле спасения II Интернационала. Это позорное падение требует своего объяснения.

Тов. Мещеряков в своем предисловии вскрывает некоторые корни этой последующей эволюции. Дело в том, что революционная теория не сочеталась у них никогда с революционной практикой. Критикуя Вандервельде и других оппортунистических вождей Бельгийской рабочей партии, они никогда не выходили за пределы словесной критики. «Протестуя в речах и статьях против оппортунизма большинства своей партии, — пишет тов. Мещеряков, — они подчинялись оппортунистическим решениям большинства, хотя и находили эти решения глубоко вредными и опасными для партии».

Надо к этому прибавить, что и самая их теория была не бог знает как революционна. Оба автора — каутскианцы. Как и Каутский, они протестовали против самых крайних извращений марксизма в практике социалистической партии. Они отстаивали резкую оппозиционную линию социалистов по отношению к либеральным буржуазным партиям (этим они отличались от большинства рабочей партии), но нигде в их выступлениях вы не найдете указаний на необходимость борьбы за диктатуру пролетариата, как действенный руководящий принцип, определяющий работу партии. И когда после войны резко стал вопрос: социалистическая революция или приспособление к буржуазному строю, выяснилось, что их революционаризм никогда не имел действенного характера. И этот факт мы должны отметить насчет всех каутскианцев. Недаром уже до войны тов. Ленин указывал, что в социал-демократии имеется три крыла: левое (большевики в России, Роза Люксембург и Карл Либкнехт в Германии), центр (Каутский и большинство социал-демократов) и правое (бернштейнианцы и Вандервельде). После войны центр слился с правыми.

Это читатель должен иметь в виду при чтении рецензируемой брошюры.

С. Гальперин.

У. КРЭК. Краткая история современного рабочего движения в Англии. Перевод с английского С. Пестковского. 2-е изд. Госиздат. Москва, год не указан. Стр. 112.

Об этой книге, представляющей собою ценный краткий учебник, теперь принятый в качестве пособия Центральным рабочим колледжем в Лондоне (кстати — автор книги является ректором этого колледжа), мы уже писали в одном из номеров «Печати и Революции» по поводу первого издания.

Тогда нами отмечалось, что работа заслуживает внимания, как одна из первых работ, написанных английским *марксистом* и появляющихся в русском переводе. Правда, писалась эта работа еще до Октябрьской революции и до оформления российского профессионального движения, опыт которого теперь во многом изменил и взгляды английских тред-юнионистов. В частности, как раз именно тот Фред Брамли (которого переводчик упорно именует «меблировщиком» — paper hangers, decorators, хотя Брамли являлся работником союза *мебельщиков* — «furniture makers»), с которым так усиленно полемизирует в защиту производственного объединения Крэк, теперь уже целиком стоит на позициях именно производственного объединения, а Гулльский конгресс тред-юнионов вынес резолюцию, поручающую Генеральному Совету тред-юнионов содействовать перестройке всего английского движения на началах производства. Недостатки, вытекающие из этого факта, чувствуются в последних главах работы Крэка во многих местах. Тем не менее, как краткий очерк истории профессионального движения, эта работа до сих пор остается полезной и нужной.

Но тогда же мы отмечали, что перевод далеко не отличается нужной точностью — в особенности в области терминологии. Ряд недочетов в этом отношении был указан, как была указана и желательность несколько увеличить число примечаний. Просмотр второго издания показывает, что *все в нем осталось без изменений*. Как переводчик «разводнял» труд в XI главе I изд., так он его «разводняет» и во втором издании... Это чрезвычайно досадный недосмотр Госиздата, ибо трогательное внимание к неправильной терминологии, не понижая ценности книги, оставляет впечатление небрежности...

Книга Крэка выдержит, конечно, еще одно издание. Быть может, к этому времени будет можно пересмотреть перевод и сделать дополнительные примечания?

Д. Чекин.

НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

1. НОТ В СССР. *Д. Рейтынбарга.* — 2. Б. МЕССИО. Рациональная организация труда и психология. *И. Шпильрейна.* — 3. Инж. К. БУФФ. Техническая организация и устройство промышленных предприятий. *Л. Рабиновича.*

Совет НК РКИ СССР по научной организации труда. НОТ в СССР. Справочник под редакц. секретаря Совета НК РКИ СССР по научной организации труда П. Смирнова-Троянского. Изд. НК РКИ СССР. Москва 1924. 348 стр.

Коллективный автор справочника, Совет по Научной организации труда НК РКИ СССР (Совнот), как известно, является органом, объединяющим всю НОТ'овскую работу в Союзе. Именно усилиями этого органа была созвана в марте прошл. г. 2-я Всесоюзная конференция по НОТ, подведшая итог нашим скромным достижениям в области НОТ.

Несколько отражает эти достижения и рецензируемая работа — первая попытка собрать воедино весь наш НОТ'овский опыт. А он — количественно, по крайней мере, не мал.

Вот перечисление отраслей работы, имеющих место в разных частях СССР.

Рационализация предприятий. Стандартизация. Вопросы управления. Выбор профессий. Психофизиология. НОТ в педагогике. НОТ на транспорте. НОТ в кооперации. НОТ в военном деле. НОТ в сельском хозяйстве. Складское дело. Счетоводство и отчетность. Калькуляция. Нормирование труда. Методология. Опытные станции. Рабочие кружки.

Это не темы, которыми отвлеченно интересуется страна, — каждая из них

воплощена в живой организации, ставящей себе целью длительную работу в данной области.

Работа эта, конечно, качественно не везде одинакова. На-ряду с крупными достижениями, имеются и «кустарничество и неудачные попытки», как заявляет т. Троянский в предисловии. Но и те и другие характеризуют всю работу в целом, как *широкое движение*. И в этом основное различие ее от НОТ'овской деятельности в капиталистических странах, где она носит замкнутый, жреческий характер. Причиной тут, конечно, государственный строй трудовых республик, граждане которых сами заинтересованы в рационализации своего хозяйства, в противовес рабочим капиталистических стран, которым НОТ'овские мероприятия навязываются извне— для вящшей славы хозяйского благополучия.

Вот факты: институты и лаборатории работают не только в центре, но в самых отдаленных углах СССР (Татреспублика, Сибирь). Активной организацией считается «рабочий кружок», первичная ячейка в самом производстве, как в центре, так и в глухих углах (Урал, Кавказ, Крым).

Книга была выпущена в начале года, когда только поднимался вопрос о производственных совещаниях и комиссиях — новых формах работы по поднятию производительности труда. Вместе с ними работа принимает действительно массовый уклон.

И заслуга «НОТ в СССР», кроме его прямой пользы, как справочника, в том и состоит, что он эту массовость конкретно показал.

Внешняя «организация» книги не оставляет желать лучшего. Четкая печать, хорошая бумага, хорошо составленные указатели — предметный, именной и городов и даже готовые каталожные карточки, — для библиотеки, — надо их только вырезать и наклеить на картон.

Недостатком можно считать только слишком большую основательность— «неподвижность»—работы. Такие справочники, как и всякие библиографические, должны формально допускать пополнения, — не в виде переиздания, а периодического издания новых выпусков, по мере накопления нового материала.

Д. И. Рейтынбарг.

БЕРНГАРД МЕССИО. Рациональная организация труда и психология (Библиотека по научной организации труда под общей редакцией О. Ерманского). Госиздат. Ленинград 1924. Стр. 233.

Книга Мессио войдет заметным вкладом в нашу еще не очень многочисленную литературу по прикладной психологии.

Автор дает подробное изложение всех возможностей приложения психологии к промышленной жизни. В этом отношении книга Мессио выгодно отличается от некоторых изданий, увязающих в психологизме и сравнительно мало связанных с промышленностью.

Книга Мессио касается следующих основных тем: непосредственная цель промышленной психологии, психологические факты, имеющие значение для промышленности, профессиональный подбор, рационализация трудового процесса, социальное значение психологической работы в промышленности.

Заглавие английского издания книги (Лекции по промышленной психологии) чрезвычайно характерно и показывает лишний раз, что совокупность тех наук, которые у нас называются общим именем НОТ, в странах английского языка рассматриваются, как отдел прикладной психологии.

Книга Мессио дает довольно полный обзор всего, что сделано до 1920 г. в промышленности англо-саксонских стран по прикладной психологии. Очень интересны последние главы — желательность приложения психологии к промышленности, где автор подробно рассматривает борьбу между рабочими организациями и предпринимателями по вопросу о применении методов НОТ. Очень многие сведения в этой главе впервые появляются на русском языке. Несомненно, эти сведения очень интересны, поскольку у нас после Пражского съезда по НОТ вопрос об участии рабочих организа-

ций в НОТ'овской работе капиталистических стран должен будет подвергнуться всестороннему обсуждению.

К недостаткам книги, и особенно русского ее перевода, относится полное игнорирование советского опыта. Это выразилось в том, что книги, имеющиеся уже в русском переводе, приведены в примечаниях только по-английски, и в том, что методология работы даже там, где она дальше развилась у нас, чем в Англии, все-таки нигде не упомянута в примечаниях. Например, в вопросах профподбора автор не идет дальше Мюнстерберга, между тем как ведущаяся у нас в этом направлении работа идет теперь вровень с работой передовых промышленных стран, частично опережая ее. Так же дело обстоит с изучением движений.

К недостаткам редакции относятся и редакционные примечания, принципиально отрицающие значение интенсификации труда для повышения производительности. В наших нынешних условиях, при недогрузке рабочего дня и фактическом использовании часто только 4—5 из обязательных 8 часов труда, такая точка зрения, конечно, не может быть признана актуальной

Нельзя надеяться, что машинизация, механизация, стандартизация, нормализация и разные другие «зации» сами по себе подымут производительность труда без того, чтобы этот труд поспевал за растущей интенсивностью работы машин.

В этом отношении нужно будет, принимая книгу Мессио, как ценный фактический материал по вопросу о внесении улучшенных методов в производство, все же пополнить и осветить этот материал с точки зрения, более соответствующей потребностям нашей науки и нашей промышленности.

И. Шпильрейн.

Инж. К. Т. БУФФ. Техническая организация и устройство промышленных предприятий. Перевод с немецк. под редакцией и с предисловием проф. А. А. Пресса. Изд. «Мысль». Ленинград — Москва 1924 г. Стр. 292.

Книга не узко-специальна, она служит общим руководством по организации и устройству всех сторон промышленного предприятия. Тема эта необычайно обширная, и в сравнительно небольшой по объему книге, конечно, нельзя исчерпать ее. Все же в этом смысле автор сделал все, что было возможно.

Он добросовестно и даже подчас детально останавливается почти на всех затронутых им вопросах.

Постройка завода, его техническое оборудование и благоустройство (силовое хозяйство, отопление, освещение, вентиляция и т. д.), вопросы административно-организационного характера (борьба с хищениями, поддержание порядка) — обо всем с одинаковой тщательностью трактует книга.

Основной принцип автора: наибольшая рациональность, строгая целесообразность и полное соответствие всех сторон организации — при условии строжайшей экономии средств.

Это крупное достоинство книги, делающее ценными все сравнительно небольшие сведения, которые она дает. И поэтому, несмотря на то, что многое рекомендуемое автором сейчас у нас неприменимо, а многое кажется и недоступным — как, напр., передвижные тротуары как средство транспорта, — все же организаторы фабрично-заводских предприятий могут извлечь для себя пользу из чтения этой книги.

Но есть вопрос, которого автор почти не касается, несмотря на его обширность и интерес. Это вопрос о помещениях и условиях быта самих рабочих.

Все учреждения, обслуживающие рабочих — столовые, клубы, библиотеки, ясли для детей и т. д.,—считаются автором только желательными; возможными же— исключительно там, где это позволяют средства предприятия.

Во всех вопросах, касающихся отопления, освещения и благоустройства помещений, обитаемых рабочими или служащими, автор подчас изменяет принципу рациональности для принципа экономии.

Все это, конечно, понятно и естественно для последователя того тэйлоризма, который насаждается в капиталистических странах. И разрешения таких вопросов нам, конечно, незачем искать в пере-

водной литературе по научной организации труда.

Написана книга популярно, ясно и лаконично.

Приложено больше ста схематических чертежей, иллюстрирующих все отделы книги.

Л. Рабинович.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

1. ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА». *Г. Лелевича.*—2. К. М. ТАХТАРЕВ. Рабочее движение в Петербурге (1893—1901 г.г.). *В. Невского.* — 3. ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СБОРНИК под ред. В. И. Невского. *А. Дивильновского.*—4. ИОСИФ ГЕЛИС. Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г. *Г. Лелевича.* — 5. Ф. ГРИГОРЬЕВ и Я. ШАПИРШТЕЙН-ЛЕРС К истории рабочего революционного движения в Бодайбинском золотопромышленном районе. *С. Пионтковского.*—6. ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА. *М. Клевенского.*—7. ОКТЯБРЬ ЗА РУБЕЖОМ. *Р. Ковнатор.* — 8. РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ. *С. Пионтковского.* — 9. В. ЛЕЙКИНА. Петрашевцы. *Б. Козьмина.* — 10. ЯКУТСКАЯ ТРАГЕДИЯ. *М. Зелинмана.*—11. Н. НЕЛЮДОВ. Виктор Павлович Ногин. *К. Злинченко.*

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча), под редакцией Дейча. Сборник № 2. Гиз. Москва 1924 г. Стр. 372. Тираж 4.000 экз.

Из воспоминаний, помещенных во 2-м сборнике «Группа Освобождение Труда», наибольшую ценность представляют два отрывка из воспоминаний Дейча, написанных в свое время на каторге под свежим впечатлением событий. 1-й отрывок «Жизнь Плеханова в Божи над Клараном» отличается яркостью и жизненностью, но большой исторической ценности не представляет. Зато крайне интересен 2-й отрывок, повествующий о переговорах пресловутой «священной дружины» с Лавровым, Тихомировым и Ошаниной,—переговорах, предшествовавших известным переговорам с Николадзе, Михайловским и Верой Фигнер. Воспоминания Дейча являются первым освещением этого исторического эпизода. Любопытно в них описание той серьезности, с которой вожди «Народной Воли» отнеслись к предложению придворных авантюристов. Из других воспоминаний наиболее интересны воспоминания Н. Кулябко-Корецкого «Эмигранты и наивный миротворец». Автор повествует, как в 1887 г. он приехал за границу и, обладая некоторыми средствами, задался целью объединить все направления русской революционной эмиграции от Драгоманова через Лаврова и вплоть до Плеханова. Из этой попытки, разумеется, ничего не вышло, и тогда автор пожертвовал свои деньги группе «Освобождение Труда». Именно эти деньги позволили выйти в свет знаменитому сборнику «Социал-Демократ». Остальные воспоминания (М. Рыжанской, М. Висконти и Ц. Гуревич-Мартыновской) дают кое-какие бытовые штрихи, но большой исторической ценности не представляют. Особняком стоят обстоятельные воспоминания Дейча об Аароне Зунделевиче и посмертные мемуары В. И. Засулич о нечаевском деле.

Отдел материалов и документов, менее ценный, чем в первом сборнике, все же ярок и интересен. Тут, прежде всего, следует отметить неопубликованную статью Плеханова «Философская эволюция Маркса» и письмо П. Б. Аксельрода «О задачах научно-социалистической литературы», очень характерное для первого периода деятельности пионеров русского марксизма. Кроме этих двух документов, в сборник вошли письма Дейча, Засулич, Стефановича, Плеханова, Маркса и Энгельса. Часть этих писем была уже опубликована (напр., переписка Засулич с Марксом и часть переписки Плеханова с Энгель-

сом). Наибольшую ценность среди этого материала представляет переписка Плеханова с Энгельсом, важная, во-первых, для характеристики взаимоотношений этих замечательных людей и, во-вторых, для выяснения истории конфликта Плеханова с пионерами польского марксизма на Цорихском конгрессе II Интернационала.

На-ряду с этими двумя основными отделами в сборнике имеются также 2 статьи: одна из них принадлежит перу О. Нельского и представляет из себя краткий очерк развития русской общественной мысли от Белинского до Плеханова. Очерк этот основан исключительно на опубликованных данных и более подходил бы для какой-нибудь популярной хрестоматии, чем для сборника новых материалов. Вторая статья— очерк Дейча «Был ли Нечаев гениален?». Здесь не место заняться специальным спором на эту тему. Думается, однако, что доказывать, будто в деятельности Нечаева не было «ничего не только особенного, но и сколько-нибудь разумного, целесообразного и полезного», — а именно это доказывает Дейч, — значит совершать величайшую историческую ошибку. Критиковать Нечаева можно только за его утопизм, за его недооценку массового движения, за его непонимание соотношения классовых сил, но никак не за его «неэтичность». И если весьма неубедительными кажутся теперешние попытки Дейча обосновать во что бы то ни стало старую либеральную клевету на Нечаева, то уже совсем непонятно, когда Дейч утверждает, что уже в 70-х годах он находил приемы Нечаева «не только недопустимыми для разумного революционера, но и сколько-нибудь целесообразными даже с его точки зрения» (стр. 85). Не правда ли, эти слова несколько оригинально звучат в устах одного из руководителей знаменитого «Чигиринского дела»?

Вообще, наше утверждение о неудовлетворительности исторических оценок, данных в первом сборнике «Группа Освобождение Труда» [1]), еще более подтверждается содержанием второго сборника. Статья о Нечаеве — лучшее доказательство этому. Не менее странно, что в своих воспоминаниях об Аароне Зунделевиче Л. Г. Дейч называет последнего «одним из первых социал-демократов в России» (стр. 185). Между тем дальше мы узнаем, что этот «социал-демократ», признавая правильность социал-демократической тактики в Германии (при чем он понимал ее, как исключительно мирную пропаганду и агитацию), отрицал применимость этой тактики в России и по вопросам русской тактики был самым настоящим народовольцем. Если это — социал-демократизм, то — не больший, чем «марксизм» Ткачева или Бакунина. Точно так же мало обоснованы и попытки Дейча реабилитировать Плеханова по вопросу о конфликте последнего с польскими социал-демократами. Плеханов, ослепленный фракционной близорукостью, личной неприязнью к Лео Тышке, давней дружбой с вождями польского социал - национализма, безусловно совершил политическую ошибку, защищая на конгрессе Интернационала националистов против пионеров польского марксизма Розы Люксембург и Лео Тышки. Суть вопроса именно в этой *политической ошибке*. И письмо Плеханова к Энгельсу от 16 мая 1894 г. доказывает, что Плеханов не только сам совершил ошибочный шаг, но и дал крайне неверную информацию Энгельсу, который, не будучи лично осведомленным о польских делах, не мог не относиться к сведениям Плеханова, как к надежнейшему источнику информации. Пора, наконец, признать, что эти действия Плеханова были ошибочны и что признание этой ошибки вовсе не является святотатством, вовсе не означает умаления заслуг основоположника русского марксизма.

Неприятно поражает в сборнике крайняя желчность тона, сквозящая в отзывах редактора сборника о том или ином инакомыслящем литераторе. Неужели, полемизируя со Щеголевым (стр. 82—83) и Рязановым (стр. 309—310), нельзя было удержаться от личных выпадов, порой весьма сомнительного свойства? Неужели неточность опубликованных некрологов Тютчева является поводом к свирепейшим издевкам над только

[1]) См. «Печать и Революция», 1924 г., № 5, стр. 207—208.

что скончавшимся человеком? У меня нет никакого желания заступаться за Н. Тютчева, но все-таки защиту доброго имени Стефановича можно было бы производить менее рьяно, особенно после опубликования в номере 16 «Былого» за 1921 год его пресловутой записки, предназначенной для Плеве—«Русская революционная эмиграция». С другой стороны, постоянство — очень хорошая вещь, но думается, что спустя сорок лет после событий о них можно говорить без неукротимой фракционной злобы, а эта злоба встречается в сборнике сплошь и рядом и мешает, между прочим, Дейчу хотя бы оценить положительную революционную роль «Народной Воли», — роль, которую неоднократно отмечал Плеханов.

Оба сборника «Группа Освобождение Труда» ценны неопубликованными материалами, и в этом, видимо, будет их главная ценность в дальнейшем.

Г. Лелевич.

К. М. ТАХТАРЕВ. Рабочее движение в Петербурге (1893—1901 г.г.). По личным воспоминаниям и заметкам. С приложением воспоминаний о Владимире Ильиче Ульянове-Ленине и партийном расколе. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1924 г. 194 стр.

Старая всем известная и интересная работа одного из активных участников рабочего движения в Петербурге, так что особенно много распространяться о ней нет никакого резона; тем более в этом нет резона, что издатели сами напоминают читателю о пристрастии автора в оценке описываемых им событий. Действительно, об этом говорилось не раз, да это и видно всякому маломальски разбирающемуся читателю — в особенности теперь, когда печатаются все новые и новые материалы из прошлого нашего рабочего движения.

Интерес представляют воспоминания автора о В. И. Ленине, приложенные к книге: здесь кое-что новое, а кое-что старое вновь подтверждается и подчеркивается.

Прежде всего Тахтарев отмечает, что В. И. был руководителем движения не потому, что хотел быть впереди всех, а потому, что шел впереди всех. Так он и говорит: «...я не могу не напомнить, что главным сторонником перехода к этой тактике (массовой агитации. *В. Н.*) была социал-демократическая группа. во главе которой стоял В. И., и первые рабочие, которые выступали с этой тактикой, были до известной степени его учениками» (стр. 168).

Это, конечно, известно, как известно и то, что В. И. был руководителем «С.-Петербургского союза борьбы» и что он горячо восставал против «экономистских» тенденций Якубовой, против расплывчатого демократизма в организационном вопросе. Интересным и новым в воспоминаниях Тахтарева является рассказ о его свиданиях с Плехановым и Вл. Ильичем за границей уже в период «Искры».

Тахтарев здесь передает, как он в 1900 году встретился с Плехановым на международном конгрессе в Париже и как он предложил Плеханову стать редактором «Рабочей Мысли». По словам Тахтарева, Плеханов ответил согласием при условии санкции его участия со стороны остальных членов группы «Искры» и группы «Освобождение Труда».

Как известно, предложение Тахтарева встретило отпор со стороны В. И. Из переписки В. И. с А. А. Якубовой, подготовленной уже к печати Институтом Ленина, видно, однако, что Тахтарев запамятовал и что он предлагал Плеханову не редакторство, а только сотрудничество в «Рабочей Мысли».

Довольно характерно сообщение Тахтарева и о том, как В. И. по приезде в Лондон обратился за содействием к Тахтареву в деле печатания «Искры». На предложение Тахтарева воспользоваться услугами «Независимой рабочей партии», членом которой состоял Тахтарев, В. И. ответил отказом, потому что партия не была марксистской, и обратился к «Соц.-демокр. федерации», во главе которой стояли Гайндман и Квелч.

Интересны и другие черточки, рисующие В. И., его образ жизни и работу в Лондоне, как ее описывает Тахтарев. Только читая то, что пишет Тахтарев,

в особенности об идейной стороне той борьбы, которую вел В. И. с экономистами, потом после раскола на втором съезде с меньшевиками, нужно не забывать, что Тахтарев все это дает в весьма субъективном «экономистском» освещении.

Любопытна характеристика В. И., данная Тахтаревым:

«Он был хорошим товарищем. На слова его всегда можно было положиться. Он обладал железной волей и ясным умом. Он любил итти прямо к цели, без зигзагов, беря с бою то, что нельзя было получить скорее иным путем. Он любил форсировать ход событий ради скорейшего достижения раз поставленных целей, к которым он стремился всегда неуклонно. Он казался мне человеком, который вступил в жизнь с раз навсегда поставленными целями. И жизнь его казалась мне прямолинейной, как будто она шла по ниточке, туго натянутой от места вступления его в жизнь до конечной его жизненной цели. Эта цель заключалась в руководстве революционным рабочим движением под знаменем марксизма» (стр. 183).

Принимая во внимание, что, кроме воспоминаний о В. И., в приложении Тахтарева имеются ценные подробности о втором съезде (место и помещение съезда и т. п.), сведения о Бабушкине, его побеге и некоторых других моментах и личностях нашей истории, можно сказать, что воспоминания Тахтарева должны быть приняты во внимание всяким членом партии, интересующимся историей той партии, которую создал Вл. Ильич.

В. Невский.

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СБОРНИК. Под ред. В. И. Невского. Том II. Группа «Освобождение Труда» Госиздат. Ленинград 1924. Стр. 428. 5.000 экз.

В книге преобладает сырой материал по истории и «предистории» «Гр. Освоб. Труда». Здесь масса листков, писем, речей, статей и пр. документов, почерпнутых главным образом из материалов Ист.-революционного архива, куда они, в свою очередь, большей частью попали из архивов Департ. полиции и т. п. Есть среди них чрезвычайно интересные, публикуемые притом впервые.

Особенно ценными представляются перепечатываемые целиком пять №№ «Зерна», рабочего листка партии «Черный Передел» (№ 1, 3—6, декабрь 1880 г.—ноябрь 1881 г.), хотя прямого отношения к теме книги они и не имеют. Если они сами по себе и не дают ничего нового для физиономии этой группы «чистого народничества», ставшей волею судеб исходным пунктом развития социал-демократии в России, то все же для истории революционного движения в России они — замечательные документы. Стоит почитать их в подлиннике, чтобы видеть, как народник-социалист того героического периода умело подходил к пропагандируемой им массе. Чудный, простой крестьянский язык, каким, несомненно, говорила тогда и рабочая масса, конкретное, ярко-фактическое изложение (частью опирающееся на теорию Маркса),— все это наверняка оказывало свое действие. Так и видишь автора-народника, почерпавшего знание массы не столько из книг, сколько из *жизни с нею*. В этом смысле «Зерно» может и до сих пор служить образцом для наших работников, при всей слабости своих основных точек зрения, заводящих иногда к подлаживанью под предрассудки «народа» (напр., под антисемитизм в № 3, ст. «Русская Жизнь»).

Более близкое отношение к теме имеют другие материалы; впрочем, и тут едва ли не половина характеризует больше соц.-дем. *кружки в России* 80-х и 90-х годов, чем «группу Осв. Труда». Но можно согласиться с редакцией, оговаривающей в предисловии свое право и задачу «определить те условия и обстановку в революц. среде, при каких и из каких рождалась «группа Осв. Труда». Следует, однако, отметить, что сырой материал, долженствующий освещать эти «условия и обстановку», слишком уж подавляет своею массой, так что, по крайней мере, для рядового партийного читателя, чуть что не с головой хоронит собственно историю «группы», задачи книги.

Но гораздо существеннее то, что анализ и освещение сказанного материала

у авторов двух руководящих статей—т. Невского «Гр. Освоб. Труда в период 1883—1894 г.г.» и т. Сергиевского «Гр. Осв. Труда и марксистские кружки»—далеко не всюду достаточны. Частью они представляют даже шаг назад в деле понимания истории «группы», не считаясь иногда даже с собранным здесь же материалом.

Тов. Невский в своей статье распадение первоначальной единой народническóй организации на «Народн. Волю» и «Черн. Передел» объясняет тем, что «дальнейшая капиталистическая эволюция разбила утопические иллюзии радикальной интеллигенции, а процесс, создавший пролетариат и пролетарское движение, создавал и условия, с одной стороны, для выработки теоретиков пролетарского социализма, а с другой—для создания героев и борцов за буржуазную конституцию под знаменем утопического социализма, радикалов в европейском смысле слова». Первое, конечно, имеет в виду сторонников «Черн. Передела», второе—народовольцев.

Вот это положение, которому т. Невский, мобилизуя огромный материал, находит новуюо пору,—в основе своей, в общем, верное и даже школьно-избитое,—не может считаться все же достаточным для полной оценки исторической роли обеих групп *в данных условиях* (России 70-х, 80-х г.г.), *в данной* исторической связи.

Кое-что необходимо здесь внести в виде фактического *ограничения* слишком общей схемы—и кое-что весьма и весьма существенное. Иначе мы, пожалуй, будем бить в лицо многим, хотя и *старым*, но крайне веским «документам».

Для начала устраним несомненную и непереваримую ошибку в словах «за буржуазную конституцию» по отношению к целям борьбы «Нар. Воли». Автор тут же говорит о народовольцах, как «радикалах в европейском смысле». Радикал, борющийся за конституцию!—явный ляпсус. *Целью* радикала «в европейском смысле» (возьмем, напр., германских Freisinnigen) в первую голову является республика—иначе какой же он политический радикал? Но если автор лишь обмолвился и имел в виду не европейских, а российских «радикалов», как это слово употреблялось в 70-х годах, то и там оно означало—*решительную* борьбу с самодержавием, борьбу на уничтожение. Радикал значило тогда почти то же, что «революционер». Следовательно, называя народовольцев радикалами, никак нельзя приписывать им борьбу «за буржуазную конституцию» — признак либералов — крупных буржуа, а никак не радикалов—мелких буржуа. Верно, конечно, что «Народная Воля», склонная, как всякая мелкобуржуазная партия, к более или менее беспринципным сделкам и соглашательству, доходила в погоне за «сочувствием», а лучше сказать за материальной поддержкой либералов («земства и городов»), до формулы «конституция». Но едва ли стоит распространяться, что «в уме» она, опять-таки как радикально-мелкобуржуазная партия, держала про себя нечто другое. Даже в разбираемом сборнике можно это видеть (ярые споры за границей народовольцев с либералом Драгомановым), а из «старых документов» почитаем, напр., Плеханова «Социализм и политическая борьба» (программа «Народной Воли», где выражена уверенность в «социально-революционном большинстве будущего Учредит. Собрания», затем—планы Л. Тихомирова о «захвате власти временным рев. правительством»: пусть это утопия, но что тут общего с конституцией?).

Да, впрочем, это—вещи, казалось бы, само собой разумеющиеся. Мелко-буржуазный «радикал» есть мелко-буржуазный «радикал» и демократ [1]) и смешивать его в одну кучу с анти-демократическим либералом - конституционалистом — значит грешить против *классовой* точки зрения. На ее максимально-отчетливом соблюдении в данном случае приходится настаивать потому, что именно «буржуазно - конституционная» — по т. Невскому — «Народная Воля» внесла в пролетарскую революцию России драгоценнейший организационно - революционный элемент, в смысле сплоченной, боевой, подпольной партии, борющейся за опредеенную политич. цель. Недостаток

[1]) Ср. у Невского же цифровые таблички, доказывающие *рост* демократического состава «госуд. преступников».

этого элемента как раз составлял самое слабое место и «Черн. Передела» и его преемницы «гр. Освоб. Труда» — при всех их неоспоримых заслугах в деле «выработки теоретиков пролетарского социализма». Ведь в вышесказанном смысле именно «Народная Воля» и никто другой является *необходимой предшественницей ленинизма, большевизма*, почти в такой же степени, как «гр. Осв. Труда» в теоретически-марксистской области. Это, кажется, давно признано и Лениным и нашей партией и составляет уже прямо азбуку нашей революции. Не упоминать об этом в исследовании о «гр. Осв. Труда»—значит неправильно освещать и историю последней, т.-е. делать здесь шаг назад.

Что из того, что «Народная Воля», будучи *одним из корней* нашей пролетарской партии в организационном (частью и *тактическом*) смысле,—все же не более, как мелко-буржуазная партия? В истории подобные «парадоксы» на каждом шагу; строго-«логических» схем в ней не ищите: схемы указывают только на *общий закон* развития, а не на все его конкретные проявления. И «Народная Воля» *в те времена, в тех условиях* относительной неразвитости и несознательности нашего пролетариата, выступая крайне активно в качестве передовой, революционной партии, тем самым как бы заменяла «одним боком» и рабочую революцию, фактически тогда молчавшую. Вот почему «буржуазный конституционалист» Желябов (которого Ленин высоко ценил, как известно, не за «конституционализм», а за конспиративно-организаторский, революционный талант и героизм) сочинил такую замечательную программу «Рабочей группы» партии «Н. В.»—почти программу самостоятельной революционной рабочей партии. Вот почему *все* боевые рабочие из «Земли и Воли» оказались именно в «Народной Воле», а не в «Черном Переделе» и не в «гр. Осв. Труда» (Халтурин, Обнорский, Тим, Михайлов). Вот почему, наконец, Маркс и Энгельс звали «Нар. Волю» «передовым отрядом революции в Европе» (предисловие их к русс. изд. «Коммунистического манифеста» 1882 г., перевод Плеханова). Не зря они вообще были «горячо привержены к партии «Н. Воли» (слова Ф. Меринга в его биографии К. Маркса), «сделавшей царя пленником революции в Гатчине». И не зря «напротив того относились с известной суровостью к партии «Черн. Передела», так как она воздерживалась от политическо-революционных выступлений».

Словом, «чистый и простой», слишком отвлеченный схематизм т. Невского проходит мимо крупнейших исторических фактов.

В действительности *обе* расколовшиеся народнически - революционные партии несли *каждая* по *одному корню* для будущей пролетарской революции. Одна, особенно в своей последующей фазе—«группа Осв. Тр.» — научную теорию социализма, капитала и борьбы классов, следовательно, теоретическую основу для *массовой* пролетарской партии; другая—живой, практический образец подпольной, централизованной, боевой революционной партии (пусть и со слишком узкой, чисто «интеллигентской» задачей единоличного террора). Пусть одна—партия в общем мещанская по своему классовому содержанию, но другая (даже в фазе «группы»)—*отчасти* (и в весьма важной части!) тоже немало мещанская. Сами же авторы статей в сборнике—и т. Невский, и т. Сергиевский—правильно указывают эти мещанские черты в облике «группы»; напр., широко соглашательские заявления Плеханова в 1892 г. по поводу голода («Всеросс. разорение») и еще худшие, прямо-таки право-меньшевистские, организационные предложения П. Б. Аксельрода в ряде статей и брошюр начала 1890-х годов. Но у авторов нашего «Сборника» причины этих поразительных «шатаний» оказываются чуть ли не исключительно личные: исчез, мол, Дейч-организатор, остались чистые теоретики (это Плеханов-то, герой Казанской демонстрации и проч.!). Между тем причина здесь—в сказанной, необходимой *двуполярности* народнического раскола, под влиянием которой и позже марксистской «группе» ближайшая политика все представлялась *только* в виде единоличного террора. Найти же высшую форму подпольно-массовой партии (точнее: централизованной подпольной партии, руководящей массами) дано было только

Ленину — интересно! — опять-таки живой, кровной связью (через брата, учителя и друга А. И. Ульянова), связанного с «Народной Волей». И через него *синтез* революционного марксизма с организованным, революционным гением «Н. Воли» только и победил в наши дни, отбросив предварительно в сторону меньшевистские принципы «широкой партии», — принципы, по словам самих же авторов «Сборника», идущие назад через «группу Осв. Труда» далеко в 80-е и даже 70-е годы, в среду тогдашних «интеллигентских» социал-демократов.

Забвение всего этого в основной формулировке раскола «Земли и Воли» ведет к причудливо-колеблющемуся изображению т. Невским и т. Сергиевским отношений между «группой Осв. Труда» и с.-дем. кружками в России. В самом деле то оказывается, что дряблая, соглашательская линия «группы Освоб. Труда» в 80-х и нач. 90-х г.г. периодически выправляется бодрой, жизненной энергией «молодых», наезжающих из России, где (особенно по т. Сергиевскому) движение развивается почти независимо (и, очевидно, много здоровее!) от воздействия «группы». То вдруг несомненными документами устанавливается, что русские-то кружки («туземцы») как раз и грешили теоретической ограниченностью, практической узостью, склонностью к «мирной» пропаганде, как таковой, к «мирному» экономизму (еще гораздо ранее собственно «экономизма» второй половины 90-х г.г.) и т. д. И «старики» Плеханов, Аксельрод задают им по этому случаю спасительный «политический» душ. Таковы «лассальянская» группа Благоева, узко-пропагандистская группа Бруснева-Голубева и целый ряд таких же в Москве, Ростове-н/Д., Нижнем, Киеве и проч.

Где же истина?

Истина же выясняется только тогда, когда будет отчетливо установлено с самого начала, что вплоть до Ленина с его «Петербургским Союзом борьбы» (1895 г.) *все* (или почти все) русские с.-демократы, и заграничные, и «туземные», пошедшие от «Черного Передела» и «группы Осв. Труда», и друг. были в большей или меньшей степени организационными оппортунистами — поскольку последовательная организационная революционность сосредоточилась именно в «Н. Воле». И потому *то* Плеханов, *то* «туземцы» с полным основанием подтягивали друг друга в своих уклонах. Но, конечно, Плеханов подтягивал чаще и с бóльшим правом—поскольку он, будучи, с одной стороны, более сильным теоретиком, оставался, с другой стороны, в контакте с «Н. Волей» и оттого сильнее чувствовал «политику», т.-е необходимость боевой партии, активно борющейся с самодержавием.

А отсюда следует, что и те народовольческие «пятна» на программах «группы Осв. Труда» 1883 и 1887 г.г., которые отмечаются авторами (остатки террора, опора на «внеклассовую» интеллигенцию) тоже должны считаться не просто «уклоном» в мещанство, а также и результатом сознания со стороны «группы» необходимости и высокой ценности народовольческого типа политической борьбы и в то же время—результатом неумения представить себе применение этого типа иначе, как в конкретно-народовольческой, единолично-террористической форме.

Только Ленину удалось окончательно ликвидировать эти колебания между Марксом и Желябовым и решить задачу «группы» о нахождении специально *российской формулы* строго конспиративной партии пролетариата, способной действительно победить царизм, а затем и капитал. Но и он не так скоро нашел бы искомое решение, не будь ранее мелко-буржуазной и, якобы, только «буржуазно-конституционной» «Н. Воли»

Повторяю, нельзя из-за деревьев—из-за новых исторических документов (хотя бы и многочисленных)—терять из виду лес: старых, давно известных, но существеннейших, исторически-первостепенных взаимоотношений между элементами нашей революции. Иначе могут получиться ложные или недостаточные выводы не только для ее прошлого, но и для настоящего и будущего.

А. Дивильковский.

ИОСИФ ГЕЛИС. Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г. Истпарт. Изд. «Пролетарий». Харьков 1924 г. Тираж 10.000. Стр. 116.

Книжка тов. Гелиса является первой работой, выпущенной Истпартом к 20-летию 1905 г. Автор в предисловии следующим образом формулирует свои задачи: «Восстановление картины восстания революционного Севастополя, черноморской флотской дивизии и частей гарнизона, «военного бунта», с самых первых дней его зарождения до гибели его, от протеста до восстания,—вот цель, которая руководила нами при разработке исторических материалов, относящихся к тому времени. Вторая задача нашей работы—выявление исторической роли лейтенанта Шмидта» (стр. 5).

С этими двумя задачами автор справился: ход восстания восстановлен в общем верно, роль в нем лейтенанта Шмидта вскрыта правильно. Средний читатель может получить в книжке Гелиса достаточные сведения по этим двум вопросам. Ценна книжка и для историка, так как она построена почти исключительно на неопубликованных следственных материалах по делу о севастопольском восстании.

Однако ценность монографии Гелиса значительно понижается тем обстоятельством, что автор, как правильно отмечает Истпарт в своем предисловии, почти совершенно не использовал печатной литературы вопроса, в том числе таких первоклассных источников, как книги Генкина и Вороницына и сборник Центрархива о лейтенанте Шмидте. Это чрезвычайно скверно отразилось на полноте монографии. Достаточно указать в качестве примера хотя бы на главу с характеристикой лейтенанта Шмидта. Характеристика Шмидта сделана Гелисом совершенно правильно, но она была бы несравненно убедительнее и ярче, если бы автор использовал данные книги Центрархива. В результате незнакомства с этой книгой, автор не привел таких ярких фактов, как заявление Шмидта в письме от 5 сентября 1905 г.: «я—социал-демократ и всю жизнь свою посвятил пропаганде идей научного социализма» и высказанное через полтора месяца после этого сногсшибательное предположение о его вхождении в кадетскую партию,—«если мы с этой партией в аграрном вопросе сойдемся» (см. книгу Центрархива, стр. 84 и 179).

Эта неполнота принудила Истпарт снабдить книжку Гелиса тремя дополнительными главами и подстрочными примечаниями (кстати, кое-где примечания автора и комментатора не отделены друг от друга). Дополнительные главы и примечания, написанные Р. Хабас, дают ценный фактический материал, но портят архитектонику книги, и без того не совсем безукоризненную. В изложении Гелиса, например, в главе «Севастополь перед ноябрьским восстанием» неожиданно появляется повествование о подавлении восстания, тогда как ни начало его, ни ход не известны еще читателю. Точно так же и написанная Р. Хабас глава об эсерах трактует о разгаре восстания, между тем как помещена она в самом начале книжки.

Наконец, ценность книжки уменьшается и тем обстоятельством, что автор не сформулировал политических уроков восстания. Между тем, было бы крайне полезно проанализировать ноябрьские дни в Севастополе с точки зрения гениальных замечаний Энгельса о восстании (ранее приписанных Марксу), — замечаний, которые так настойчиво цитировал Ленин в октябрьские дни.

Книга Гелиса безусловно разойдется. Крайне желательно, чтобы второе издание не носило такого мозаичного характера, как первое. Если автор дополнит свою монографию данными печатной литературы, устранит архитектурную неразбериху и сформулирует политические уроки, его книга будет образцовой работой.

Нельзя не отметить, что издательство «Пролетарий» отнеслось к своей обязанности в высшей степени небрежно. Внешность книги крайне неказиста, библиография почему-то помещена после оглавления, на стр. 87 перепутан порядок примечаний.

Г. Лелевич.

Ф. С. ГРИГОРЬЕВ и Я. Е. ШАПИРШТЕЙН-ЛЕРС. К истории рабочего и революционного движения в Бодайбинском золотопромышленном районе, Ленское «9-го января» апреля 1912 года. Издание Бодайбинского Комитета РКП (б.). Бодайбо 1924 г. VII+196+222 стр.

История событий апреля 1912 года на Ленских золотых приисках уже привлекала не раз и не два к себе внимание историков и имеет довольно большую литературу. При чем при изучении Ленских событий приходилось обращать внимание на два момента: с одной стороны, на то, что произошло и как произошло на самой Лене, с другой стороны, выяснить состояние обще-российского рабочего движения этого периода и роль в развитии обще-российского рабочего революционного движения событий на Лене. При изучении событий, происходивших на самой Лене и непосредственно в кругу Лены, историки имели в руках, главным образом, изданную еще до революции «Правду о Ленских событиях», до появившихся в 1923 году выдержек из отчета сенатора Манухина и кое-какие документы, приведенные в номере 20 «Былого». Книга Григорьева и Шапирштейн-Лерс посвящена исключительно детальному выяснению того, что происходило непосредственно на самой Лене. Она посвящена анализу самих Ленских событий в их географической ипостаси. Для составления этой книги авторами был использован в широкой степени местный архив, до сих пор не попавший в научно-исторический оборот. Это придает книге большой и, несомненно, исторический интерес. Всю книгу можно разбить на две крупные части: с одной стороны, исторический очерк, который захватывает не только события на Лене в 1912 году, но обрисовывает движение ленских рабочих, начиная с 70-х приблизительно годов и кончая падением Колчака. Таким образом это, так сказать, — история рабочего движения на Лене с момента его возникновения почти что до наших дней, и на фоне этой истории центральное место отводится анализу событий, разыгравшихся на Лене 4 апреля 1912 года. Кроме этой исследовательской части, имеется большое документальное приложение из новых документов, не бывших до сих пор в печати, без которых не сможет обойтись ни один историк рабочего движения, анализирующий Ленские события. Исследовательская часть книги в своем размахе имеет ряд недостатков. Период до Ленских событий и период после Ленских событий изложены довольно поверхностно. При чем нужно отметить, что рабочее движение на Лене в конце XIX века уже разбиралось в литературе на основании центральных архивов. (Работы Блека: «Рабочие на Ленских золотых приисках», «Архив истории труда», кн. 4, 5 и 9. Упоминания об этой работе в книге т.т. Григорьева и Шапирштейн-Лерс не встречается.) В той части своего исследования, которая посвящена анализу непосредственно Ленских событий, авторы дают много интересного. Они впервые поставили вопрос о критике текста так называемой «Правды о Ленских событиях», разбирая и анализируя происхождение и состав этой книги; дальше авторы борются очень настойчиво с легендой о том, что движение на Лене было чисто экономическим, и выясняют происхождение этой легенды. Далее очень интересный материал дается ими об организации самой Ленской забастовки. Этот момент тем более интересен, что в отчете сенатора Манухина вопрос об организации представлен был очень бледно и оставался необъясненным вопрос о происхождении листовок, выходивших на Лене в дни забастовки, и их ценности, как источника для обрисовки настроения рабочих. (Листовки эти в числе трех были напечатаны в одной из книг «Печати и Революции» мною.) Большое значение придают авторы разбираемой книги выяснению роли инспектора Тульчинского во время Ленской забастовки. В приложениях дан ряд очень интересных и ценных документов, дающих возможность представить теперь гораздо яснее и отчетливее внутреннюю историю того, что происходило на Лене. Эти документы прямо-таки необходимы историку рабочего движения. Без них понимание событий на Лене зависело всецело от того, что давала «Правда

о Ленских событиях». Нельзя не упрекнуть авторов книги, что они ни словом почти что не обмолвились об обще-российском значении Ленской забастовки. Это сделало бы книгу понятнее и ближе читателям далекой тайги и выяснило бы перед рабочими Лены обще-российскую связь рабочего движения. Думается, что совершенно неправильным и претенциозным является связывание Ленских событий с 9 января. В общероссийском масштабе момент внешнего сходства имеется; и там, и тут мы имеем процесс перехода «количества в качество», но содержание этого процесса иное. После 4 апреля 1912 года рабочее движение в России начинает с того момента, на котором оно остановилось после декабрьского восстания 1905 года, а 9 января 1905 года оно лишь отправлялось в путь к декабрю.

С. Пионтковский.

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Редакция П. Е. Щеголева. Том I. Госуд. Издат, Ленинград, 1924. Стр. 432.

Чрезвычайная следственная комиссия «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц» была образована уже в первые дни существования Временного Правительства, — соответственный указ сенату был распубликован 5 марта 1917 г. Возглавлял комиссию известный адвокат Н. К. Муравьев. Кроме «особ первых трех классов», т.-е. высших сановников, комиссия допрашивала, в качестве свидетелей и экспертов, и некоторых общественных деятелей. Всего было допрошено 59 лиц. О работе комиссии в целом председатель ее говорил речь в конце июня в заседании Петроградского Совета,—речь эта приведена в книге. Комиссия действовала более, чем половинчато. Расспрашивая тщательно бывших сановников о тех течениях, которые шли из Царского Села, она оставляла самого Николая совершенно вне всякого своего воздействия. Председатель комиссии ставил ей в большую заслугу то, что к министрам и прочим должностным лицам она подходила с точки зрения законов старого режима, которые поширались на каждом шагу высшими носителями власти. Н. К. Муравьев в своей речи сказал, что такое отношение комиссии к своей задаче совпадает, как ему кажется, с точкой зрения революционного народа. На самом деле, конечно, эта юридически-абстрактная выдумка не имеет ничего общего с настроениями и устремлениями революционного народа. Не имело никакого смысла в революционную эпоху создавать чрезвычайную комиссию для того, чтобы проверить, не нарушали ли сановники законов дореволюционного времени. В соответствии с основным подходом к делу стоит и самый способ обращения с являвшимися перед комиссией сановниками,—это обращение носит характер усиленного и подчеркнутого деликатничанья. По верному замечанию редактора книги, комиссия взяла на себя задачу, свойственную скорее ученому историческому обществу—задачу подбора документов и свидетельств, касающихся последних лет и дней царского режима. Ни одного судебного процесса ею создано не было. В I томе стенографических отчетов помещены допросы А. Н. Хвостова, Климовича, Протопопова, Хабалова, Васильева, Штюрмера, Бурцева, Наумова и Андроникова. Подбор доказательств того, до какой степени царизм изжил себя, получился очень богатый. В частности, показание Протопопова рождает у читателя вопрос,—умышленно ли он изображал из себя дурачка, думая этим уменьшить свою ответственность, или действительно внутренними делами империи в ее последние годы управлял совершенный дурачок. Все его показания производят до невероятности убогое и жалкое впечатление,—он сам все время говорит о своих глупостях. В таком же роде и показания Штюрмера: ни тени какого бы то ни было государственного смысла, полное непонимание самых элементарных вещей. Повидимому, значительно умнее был

травленый волк полицейского сыска, ген. Климович. Он не болтает безудержно, он очень сдержан и осторожен, силясь тщетно доказать свою голубиную чистоту. Показания ген. Хабалова дают яркую картину полной паники в правительственных кругах в последние часы старого режима. Очень характерно письменное заявление последнего директора департамента полиции Васильева: ему надоело «тунеядствовать» (в Петропавловской крепости), и он усиленно просится у нового правительства на какую бы то ни было службу, желая на деле доказать, до какой степени порвал он с прошлым и какой он убежденный сторонник нового строя. Историческое значение печатаемых материалов несомненно; рядовому читателю знакомиться с ними под-ряд будет, пожалуй, несколько утомительно,—вопросы и ответы нередко носят слишком детальный и мелочной характер.

М. Клевенский.

ОКТЯБРЬ ЗА РУБЕЖОМ. Сборник воспоминаний. Предисловие М. Н. Покровского. Госуд. Изд. Москва 1924. 96 стр.

В сборник вошли воспоминания солдат б. царской армии, волей империалистической войны защищавших союзницу самодержавия, республиканскую Францию. Россия играла в этой войне несамостоятельную роль, она явилась лишь орудием в руках империалистических союзников,—в руках Антанты.

Составители сборника указывают, что вопрос о посылке русских войск во Францию возник сразу же, на другой день войны, ибо, «давая деньги царизму, банкиры Франции помимо процентов в долговой реестр вписывали дивизии и корпуса «русской серой скотинки».

Уже в 1916 г. во Францию были высажены две дивизии усиленного состава, а затем отдельные маршевые батальоны (всего 80.000 чел.).

Весть даже о Февральской революции систематически скрывалась от солдат, и последние узнали о ней лишь от русских эмигрантов, с которыми, несмотря на все предостережения, солдаты имели связь.

После того как солдаты узнали о революции, во французских газетах замелькали физиономии князя Михаила, Милюкова, Гучкова и других.

— Но,—пишет один товарищ,— солдатам не хотелось смотреть на эти «хари»,— они читали газету «Наше Слово».

Начинается борьба солдат за проведение в жизнь приказов Петроградского Совета, касающихся солдат, но самое главное—солдаты решают требовать немедленной отправки в Россию, которая теперь выйдет из проклятой бойни. Так велико было сознание, что революция не может не принести с собой желанного мира.

Но поведение комиссаров правительства Керенского и русского командования убеждало солдат, что окончанием войны тут и не пахнет. И в солдатских массах растет мысль о «новой» революции. Понятно поэтому, что весть об Октябрьском перевороте была в измученных солдатских массах принята с неподдельным восторгом.

Организовавшийся тайно Военно-Революционный К-т русских войск в первую очередь обратился с воззванием «К солдату Франции», в котором объяснял, почему русские солдаты отказываются оставаться на фронте и требуют отправки на родину. В ответ на это, по распоряжению французского и русского командования,—солдаты были разделены на 3 категории.

Первая категория—желающие продолжать сражаться. Все, избравшие эту категорию, «пользуются свободой и подлежат переводу на французское содержание».

Вторая категория—рабочие роты в тылу, на положении полу-пленных. Им обещано было французское содержание, но без обмундирования, при 10-часовом рабочем дне.

И, наконец,—избравшие третью категорию (т.-е. решительно отказавшиеся воевать) лишались всех прав, переходили на положение осужденных преступников и высылались в африканскую пустыню на принудительные работы.

За исключением десятка зауряд-прапорщиков и фельдфебелей, вся «осталь-

ная масса, прекрасным строем в ногу, запевая «Смело, товарищи...», уходят к горе (условное место, куда уходили выбиравшие 3 категорию)» (ст. И. Алмазова).

После тщательного обыска, произведенного чернокожими (видимо, французские солдаты не считались достаточно надежными), все солдаты были помещены за проволоку, под усиленную охрану, в ожидании отправки.

Пищу в первые три дня никому не давали. Спать пришлось под открытым небом, в сырости и на ветру.

Через несколько дней, первые две партии «русских-каторжан» были отправлены в Африку...

Подробно описывается трагедия в Ля-Куртинском лагере, где стояло около 12.000 человек.

Командиры повели атаку против «так называемых Советов», которые «как безответственные организации, подлежат ликвидации».

Перейдя целиком в 3 категорию, лагерь подвергся в течение 6 дней орудийному обстрелу.

Французско-русское командование, расправившись с пленными, как гунны в старое время расправлялись с злейшими врагами, отправило часть солдат одиночками на принудительные работы вглубь Франции, а наиболее «закоренелых»—на каторжные работы в Африку.

Но так жестоко «республиканские» французские власти, вкупе с русскими генералами, расправлялись не только со здоровыми «бунтовщиками».

К раненым, искалеченным в боях, проявлялась та же «гуманность».

Больных солдат, заподозренных в симпатиях к большевизму, били, от них отворачивались врачи и сестры милосердия, заявляя, что они не обязаны лечить «всякую сволочь», и ставили перед больными дилемму: «Будешь в 3 категории — подыхай, перейдешь в другую—вылечим».

А вот несколько наугад выхваченных моментов из отношения к солдатам в «республиканских» тюрьмах.

«Никакой прогулки не полагалось». Кормили: кружка воды, 100—120 грамм хлеба; такой режим продолжался 18 дней.

Одно одеяло, сплошное «решето», выдавалось на троих.

В камере русских, в которой должно было помещаться 2—3 человека, помещалось до 14.

При допросе практиковалось: запускание шила в мягкие части тела, расписывание пальцами на листе горячего железа, битье до потери сознания и т. д. (В. Кропин).

Через такое же горнило страданий прошли русские части (более 30.000 чел.), стоявшие в Македонии.

Несмотря на полную оторванность, заброшенность, на то, что сведения приходилось брать исключительно из реакционных, злостных офицерских изданий, «солдатские массы, с одной стороны, а комитеты (полковые, ротные, дивизионные) с командным составом—с другой, образовали два противоположных лагеря к концу переговоров в Брест-Литовске»,—пишет тов. И. Рыжов.

Разве одного этого факта недостаточно, чтобы видеть, что, когда Ленин в ночь на 26 октября читал декрет о мире,—он говорил, действительно, от имени миллионов и миллионов истерзанных, угнетенных, измученных империалистической войной!

Здесь повторилась та же история, что и во Франции.

«Из 30.000 солдат отряда, в первые дни «предложений» и «категорий» оказалось желающих: фельдфебелей и унтеров 110 человек, избравших себе первую или вторую категорию, солдаты все перешли в 3 категорию. В течение полутора месяцев «воевали» с дивизией, пока не поработили ее расстрелами и казнями.

Нужно вчитаться в каждую строку статьи б. солдата Ивана Рыжова, чтобы почувствовать всю порочность, грабительскую жадность современной буржуазии, которая удар по российской буржуазии правильно восприняла, как удар и по ее могуществу и ее благосостоянию.

Без глубочайшего внутреннего содрогания нельзя читать статьи, написанные, как говорил когда-то Бэрне, «кровью сердца»: «На островах Крите и Микроносе» (Греция) и «8-я рота бис».

В последней рассказывается, как находящиеся в лагерях на принудительных работах русские солдаты забастовали, требуя себе улучшения условий. К их удивлению, французские власти быстро пошли на удовлетворение.

В полдень всем выдали немного вина и копченых сельдей.

Наелись досыта.

И вот тут-то начинаются главные, утонченные мучения. Люди, запертые в лагерях, оказались арестованными с наказанием и пыткой. Они были арестованы без воды.

Эти ужасные, нечеловеческие страдания продолжались более 3 суток.

В то же время сопровождавшее солдат офицерство, расстилая простыни, устраивало завтраки, запивая из бутылок вином, и старались пить так, чтобы это видели солдаты.

А последние дошли до того, что многие пили свою мочу, многие лежали без сознания, немало от безмерных мучений сошло с ума.

Какая статистика подведет точные данные всем этим вопиющим преступлениям империалистической бойни?

Французское командование правильно указывало, что им, собственно, не работа русских солдат нужна, а нужно «согласие и покорность».

Но покорными не могли быть солдаты знавшие, что на их родине победили народные массы, что власть «вампира-царя» и вместе с ним помещика и капиталиста—свергнута навсегда.

Как чувствовали себя в это время солдаты?

Вот яркое описание тов. Штанько: «Думали ли мы о жизни вообще? Нет. Мы считали себя уже заживо погребенными, но прежде, чем умереть, нам хотелось одного, а именно, чтобы трудящиеся массы России, изнемогающие в тяжелой революционной борьбе с помещиками и капиталистами, узнали о том, что мы с ними, что мы, горсточка, вдали от родных полей, уже перестали быть рабами, перестали подчиняться международному капиталу, что мы не пойдем против революции, что мы хотели помочь им в революционной борьбе, для чего требовали возвращения на родину, и что капиталисты, вместо отправки в Россию, приговорили нас к медленной, голодной смерти»...

В 1919 году первым счастливчикам удается выбраться из капиталистического ада и уехать в Советскую Россию.

В предисловии к этой книжке, тов. М. Н. Покровский указывает: «Было бы очень хорошо, если бы этот рассказ был переведен на французский язык. Это был бы один из лучших способов нашей агитации, который подействовал бы даже на наиболее отсталые слои французских рабочих и крестьян». Если бы это желание исполнилось, оно имело бы огромное значение в нашей международной агитации.

Нам же эта маленькая книжечка красноречиво говорит о настоящих друзьях и союзниках, которых имела великая Октябрьская революция, победившая благодаря восстанию миллионов и их усилиями закрепившая свою победу.

Р. Ковнатор.

РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ. Двухмесячный сборник Истпарта ОК РКП (б). № 3, май—июнь. Крымиздат. 1924 и 196 стр.

История гражданской войны в России интересна не только многообразием своих форм, она интересна еще и тем, что социальный уклад различных областей Союза резко проявил себя в создании разнообразных форм и организаций, в которых протекала гражданская война. Уже это само требует, наряду с общим изучением истории гражданской войны, изучения хода этой борьбы по отдельным областям. В этом отношении инициативу, проявленную Крымским Истпартом, можно и должно всячески приветствовать. Социальная и национальная структура Крыма породила ряд форм, которых не наблюдало общероссийское движение. В то же самое время особенность областного движения таила в себе общие формы, выступавшие здесь лишь в местном национальном или областном костюме. Сборник «Революция в Крыму» дает материалы, воспоминания и статьи, выясняющие как чисто местные особенности, так и то

общее, что было свойственно всей и всем участвующим в гражданской войне. Сборник 1 (3) «Революция в Крыму» дает очень интересные и ценные статьи и материалы по обрисовке Крымского подполья. Нужно вообще отметить, что, несмотря на колоссальную роль партии в истории гражданской войны, до сих пор роль эта в занятых контр-революционными государственными образованиями областях выяснена в литературе очень мало, и особенно не повезло в этом вопросе Украине и казачьим областям. В этом отношении то, что дает Крым-Истпарт, является в высшей степени ценным и своевременным. На-ряду с тем, что в этом сборнике дан материал по обрисовке Крымского подполья, здесь имеется описание рабочего восстания, бывшего в Крыму в 1919 году, и, наконец, приведена большая статья Елагина «Националистические иллюзии крымских татар». Кроме того, сборник старается дать библиографию о литературе, посвященной истории революционного движения в Крыму, и, наконец, в отделе «Наши жертвы» приводит биографические данные о т.т., павших во время гражданской войны в Крыму. Все эти статьи делают книжку «Революция в Крыму» интересной не только для крымского читателя, не только для историка-специалиста, но вообще для всякого, кто интересуется историей гражданской войны.

С. Пионтковский.

В. ЛЕЙКИНА. Петрашевцы. Под редакцией П. Е. Щеголева. С биографическим алфавитом петрашевцев, библиографией и портретами. Изд. Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М. 1924 г. Стр. 148.

Рецензируемая книжка В. Лейкиной состоит из ряда очерков. Первый из них, озаглавленный «Сороковые годы», посвящен общей характеристике эпохи петрашевцев и политическим настроениям русского общества того времени. Второй дает картину деятельности отдельных кружков петрашевцев. Третий и четвертый содержат в себе характеристику двух наиболее ярких фигур в среде петрашевцев: самого Петрашевского и Спешнева. Таково основное содержание книжки. К этому присоединен ряд ценных приложений. Очень интересно для характеристики того, как проникали в русское общество 40-х годов и воспринимались им западные социалистические учения, обширное показание одного из обвиняемых по делу Н. Я. Данилевского, содержащее в себе изложение учения Фурье. За ним следует алфавит лиц, привлекавшихся по делу петрашевцев. Этот алфавит, содержащий в себе 63 фамилии, дает краткие биографические сведения о каждом из привлеченных. Заключительная часть книжки отведена под библиографию о петрашевцах, составленную с большим вниманием и дающую, повидимому, исчерпывающие указания читателю. Нельзя только не отметить, что автор совершенно *напрасно* включил в нее указание на издание, еще не вышедшее из печати и неизвестно когда имеющее выйти. Мы говорим о трехтомном собрании материалов по делу петрашевцев под редакцией П. Е. Щеголева. Не будет необоснованным пессимизмом полагать, что мы еще не скоро увидим это издание осуществившимся.

Книжка Лейкиной основана на тщательном и вдумчивом изучении как литературных материалов о петрашевцах, так и архивного дела о них. По сравнению с известным трудом В. И. Семевского, она содержит в себе кое-какие новые данные, правда, не имеющие особенно важного значения. При таких условиях невольное недоумение в читателе вызывает призыв автора отнестись к делу Петрашевского «с большим вниманием и серьезностью, не только как к quasi-революционному (?) эпизоду 40-х г.г., как это до сих пор делается». Любопытно было бы знать, кто же именно относится к этому делу, как «к *quasi-революционному* эпизоду»? Среди петрашевцев были люди, настроенные определенно в революционном духе, не видевшие для России иного исхода, как только насильственный переворот. Наряду же с этим в их среде были люди совершенно иного типа—не революционеры, а мирные социальные реформа-

торы, мечтавшие облагодетельствовать страждущее человечество путем постепенных реформ сверху. Это несомненно; однако, кажется, никому не приходило в голову вычеркивать дело петрашевцев из истории нашего революционного движения. С другой стороны, было бы ошибкой и несоразмерно переоценивать его значение. Это—все-таки только эпизод, хотя и революционный, а не quasi-революционный. Где же тот противник, против которого ополчается воинственно настроенный автор? Не принадлежит ли он к числу дон-кихотовских ветреных мельниц?

Основной упрек, который с нашей точки зрения можно сделать автору, заключается в том, что он ограничился исключительно фактической характеристикой эпохи 40-х годов и дела петрашевцев и не дал анализа социально-экономической обстановки того времени. Без этого остается неясным для читателей взгляд автора на социальные корни всего движения петрашевцев. Между тем это—вопрос, который далеко еще не может считаться вполне выясненным. Или, с точки зрения автора, все это не заслуживает внимания?

Сделанные нами оговорки не мешают нам, однако, признать рецензируемое издание несомненно полезным. Особенно это можно сказать про «приложения», дающие весьма ценные указания для тех читателей, которые пожелают подробнее ознакомиться с делом петрашевцев.

Издана книжка Лейкиной очень изящно и снабжена 14 неизданными портретами петрашевцев и любопытным снимком с принадлежавшей петрашевцу И. М. Дебу литографии, изображающей фаланстер Фурье.

Б. Козьмин.

ЯКУТСКАЯ ТРАГЕДИЯ. Сборник воспоминаний и материалов под редакцией М. А. Брагинского и К. М. Терешковича. Изд. Общества политкаторжан. Москва 1925. Стр. 226.

Старое поколение революционеров пережило много трагических моментов под ударами царских палачей. Захваченного в плен борца самодержавие ставило в условия такой каторжно-тюремной обстановки, при которой нельзя было не протестовать против царившего насилия и произвола. Но при малейшем протесте тюремщики расправлялись свирепейшим образом со своей жертвой. Одна из таких зверских расправ над группой находившихся в якутской ссылке народовольцев описана в «Якутской трагедии», разразившейся 22 марта 1889 г.

Как редакторы, так и авторы помещенных в сборнике статей и писем, являются участниками в якутских событиях 1889 года. От этого живость описания этих событий много выигрывает. Нельзя без душевного волнения читать описанные т.т. М. Брагинским, М. Брамсоном и др. последние минуты приговоренных к повешению трех революционеров, участвовавших в якутском протесте: Н. Л. Зотова, Л. М. Коган-Бернштейна и А. Л. Гаусмана. Большое впечатление производят предсмертные письма идущих на эшафот борцов, обращающихся с последним «прости» к своим товарищам, друзьям и родным. Но вместе с тем письма эти столь характерно отражают в себе внутренний облик борцов эпохи «хождения в народ», что они способны поставить в недоумение читателя, незнакомого с этой эпохой.

Напрасно будет искать в этом сборнике (в особенности в письмах казненных) современный читатель *классовый* подход к событиям. Этого подхода и в помине нет. За несколько часов до казни один из приговоренных, безупречно преданный революции борец, А. Гаусман, в прощальном письме к своему малютке пишет: «Люби людей. Человечество потому только и существует, что в нем преобладала всегда любовь над ненавистью, а то оно давно бы угасло». *Каких* людей любить, неужели и тех, кто через несколько часов набросил веревку на шею борца? Рассуждение о том, что любовь всегда преобладает над ненавистью, доказывает, что народовольцы и на пороге 90-х г.г. XIX ст., когда уже существовали зачатки *современного рабочего* движения (группа «Освобождение Труда», Благоев-

ский и другие марксистские кружки, стачечное движение и т. д.), продолжали смотреть на классовое государство эксплоатации и угнетения человека человеком глазами древних христиан. Такую идеологию этого поколения народовольцев еще ярче выявил в своем предсмертном письме к малютке-сыну другой приговоренный Л. Коган-Бернштейн, обращающийся часто к богу и несколько раз призывающий благословение господа.

Отмеченную черту идеалистически-христианской идеологии, свойственной плеяде народовольцев той эпохи, необходимо иметь в виду при чтении разбираемой книги, которая не только интересна, но и ценна для изучающего историю революционного движения. Издана книга вполне удовлетворительно, а приложение портретов участников в якутской трагедии служит интересной иллюстрацией к тексту.

М. Зеликман.

Н. НЕЛИДОВ. Виктор Павлович Ногин (товарищ «Макар»). Краткий биографический очерк. Госиздат. Москва. Стр. 45.

Жизнь В. П. Ногина, это—история сплошного героизма и мученичества, связанного с безграничной преданностью партии большевиков, которой он, действительно, отдавал все свои силы и которая была для него тем, без чего он не мог бы жить, не мог дышать... Вероятно, ему потому и удавались частые побеги с суровых мест ссылки и каторги, что тяготение к своей партии было еще сильнее, еще мучительнее, чем стремление только вырваться на волю... Он рвался не столько на волю, сколько к своей партии, чтобы отдать ей всю свою жизнь.

В маленьком биографическом, весьма популярном очерке Н. Нелидова перечислены лишь хронологически все партийные и революционные мытарства и подвиги В. П., все тяжелые этапы его жизни, главнейшие эпизоды из его многолетней, многообразной, подпольной работы, его аресты, тюремные заключения, ссылки и побеги.

Указаны также вскользь и ошибки тов. Ногина, это—«активное примиренчество» по линии революционного марксизма в 1911 году, которым была заражена значительная часть пролетариата, а также его «тактические разногласия» с ЦК партии в 1917 г., когда В. П., вместе с некоторыми другими товарищами, вышел из состава Совнаркома и ЦК партии.

Но как ничтожны эти ошибки во всей почти тридцатилетней революционной «каторжной» работе тов. Ногина, горячо вместе с другими товарищами ковавшего и выковавшего нашу партию для того, чтобы она способна была совершить великую Октябрьскую революцию и удержать в руках пролетариата все его завоевания! Так ничтожны, что «выпячивание» этих ошибок некоторыми «историками» просто кажется смешным. Выкованная Ногиным и его соратниками партия, под руководством ее основателя и гениального вождя т. Ленина, сделала свое дело, оставив в стороне все эти *давно уже забытые пролетариатом ошибки*, «на которых все мы учились», по выражению этого вождя.

Нужно не «выпячивать» ошибки прошлого, а остерегаться делать их в будущем, так как они всегда возможны в огне и буре великого революционного движения у самых искренних, самых преданнейших пролетариату его вождей и рядовых работников.

В брошюре попутно встречается много имен крупнейших борцов большевизма, работавших вместе с Ногиным или томившихся вместе с ним по тюрьмам, каторгам и в эмиграции: В. А. Радус-Зенкович, И. А. Саммер, «Иннокентий» Дубровинский, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, Ем. Ярославский, М. Фрумкин, Сталин и мн. другие.

Любопытен эпизод провала тов. Ногина Р. Малиновским (провокатором) и их сиденье в смежных камерах в Бакинской тюрьме, куда охранка подсадила своего «знаменитого» агента для того, чтобы он «прощупал» Виктора Павловича, сидевшего под фамилией Атясова, но это ему не удалось с таким матерым волком революции, как т. Ногин, он же «Макар», «Атясов».

Брошюра Н. Нелидова рассчитана на широкую рабочую публику, что видно даже по крупному шрифту набора, в чем одно из ее достоинств. Побольше таких брошюр не только биографических, но и вообще по истории партии и революционного движения.

Снабжена она также несколькими снимками из жизни ссыльных и портретами т. Ногина в разные времена его жизни, отданной целиком на служение революции.

История его не забудет.

К. Злинченко.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

1. ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ. *Проф. П. Преображенского.* — **2. В. ПРАВДОЛЮБОВ. История письма.** *Проф. П. Преображенского.* — **3. ДРЕВНИЙ МИР.** *Н. Щербанова.* — **4. A. WIEDEMANN. Das alte Aegypten.** *В. Авдиева.*

Хрестоматия по истории материальной культуры. Сост. И. БРОНШТЕЙН. Ленгиз. 1924. Стр. 335.

Современное состояние книжного рынка, отчасти отвечающее задачам советского «культурничества», замечательно своим спросом на солидную популярную литературу и пособия хрестоматийного типа. В этом последнем, может быть, сказывается некоторая торопливость подрастающей советской интеллигенции, которой некогда рыться в увесистых сочинениях и которая предпочитает знакомиться с интересующими ее темами по подбору отрывков, предложенному преподавателем или составителем сборного пособия, образчик какового мы имеем в книге И. Бронштейна. Надо сказать прямо — именно этот повышенный интерес к хрестоматии особенно сильно повышает ответственность составителя, тем более, что у этого читателя есть и еще одна особенность — некоторый догматизм восприятия, объясняющийся и тем, что круг его интересов очень велик, по каждому вопросу много прочесть не успеешь и приходится довольствоваться малым, но зато воспринимая это малое «ударно» и «твердо».

И. Бронштейн совершенно прав, указывая на то, что у нас еще нет хрестоматийного пособия по истории технологии, по истории материальной культуры и что нужда в таковом очень чувствуется. Но как раз это обстоятельство еще более повышает ту долю ответственности, которая лежит на составителе и вынуждает особую зоркость у рецензента. Наши сомнения в правильности работы И. Бронштейна начинаются с самой «первобытности». Несомненно, что если уж приводить отрывки из отдельных сочинений, то необходимо тщательно выбирать их не только из отдельной работы, но из ряда параллельных сочинений подобрать наиболее солидное и авторитетное. Что же мы видим у И. Бронштейна? При характеристике каменных культур рядом с известным М. Гернесом (неолит) использован являющийся в этой области несомненным компилятором Ю. Готье. Не проще ли было характеризовать по Гернесу все каменные культуры? Еще более странно приведены отрывки по истории металла — Гернес - Готье - Андреев. Здесь можно только повторить уже сказанное нами. Затем для богатейших культур древнего Востока у И. Бронштейна нашлись только отрывок из книги Андерсона по Египту и бледный, ничего не говорящий отрывок из Тураева по Ассирии для всей культуры Двуречья. В истории античной технологии автор осведомлен так же плохо. Поэтому он применил очень простой прием, — дав вместо сведений по истории материальной культуры в античную эпоху просто-напросто несколько отрывков, иллюстрирующих организацию античного хозяйства вообще (Бюхер и Каутский). Столь же просто обо-

шелся автор и со средними веками — здесь ему пришел на помощь всеспасающий труд Кулишера, которого хватило не только на средневековье, но и на добрый кусок новой истории, вплоть до «века пара и электричества». Разумеется, далеко не все из приведенных автором кулишеровских выдержек относятся к взятой теме по истории материальной культуры, но это обстоятельство, очевидно, нисколько не затронуло авторского внимания. Столь же однообразно дана история технологии в век пара и электричества. Здесь место Кулишера занял Матшос с его историей паровой машины. Правда, приведенные из Матшоса отрывки дают довольно полное представление о разных способах применения парового двигателя, но напрасно читатель стал бы искать в книге И. Бронштейна каких-либо указаний на значение таких процессов, как пудлингование, бессемерование, томассирование и т. п. Вся история металлургии свелась к истории парового двигателя. Несколько более свежи и разносторонни собранные автором отрывки по истории новейшей техники, но даже и они достаточно бессистемны, чтобы дать связное представление о развитии современной технологии.

Так что—ответственность, принятая на себя И. Бронштейном, велика, а средств, чтобы как-нибудь ее оправдать, немного. Работы по истории техники, как первобытной, так и античной, как средневековой, так и новейшей, автору известны плохо, и он предпочитает двигаться по пути наименьшего сопротивления, собирая свой мед без особого разбора из немногих доступных не только ему, но и довольно широким кругам читающей публики источников. Для преподавателя эта хрестоматия не нужна, так как в огромном большинстве случаев материал И. Бронштейна ему хорошо известен, а читатель, может быть, и воспользуется ею, но не найдет в ней многого, о чем бы он желал узнать. История материальной культуры еще не дождалась соответствующего ее значению хрестоматийного сборника.

Проф. П. Преображенский.

В. ПРАВДОЛЮБОВ. История письма. «Красная Новь». Москва 1924. Стр. 92.

Сравнительно недурно изданная книжечка В. Правдолюбова пытается дать доступный советскому «культурнику-середняку» очерк происхождения и эволюции письменных знаков. С точки зрения формальной ясности языка, изложения и даже группировки материала задача скорее удалась автору, но в самом подборе материала, его истолковании, в некоторых своих гипотезах автор не уберегся от целого ряда ошибок, и подчас довольно неприятных. Прежде всего крайне наивно предположение В. Правдолюбова о самом происхождении письма (стр. 12). Представить себе дело так, что люди сознательно стремились к изобретению какого-либо средства передачи своих мыслей на расстояние, значит крайне упростить самый ход развития человеческой культуры и вернуться к весьма почтенной и давным давно оставленной теории «изобретений». Еще более странным и противоречащим всем данным современной этнологии является утверждение автора о том, что «в настоящее время, по словам путешественников, еще есть такие дикие племена, которые разговаривают почти исключительно при помощи жестов и телодвижений» (стр. 6). Не знаем, у каких таких путешественников почерпнул автор свои данные, но еще пикантнее тот факт, что в качестве иллюстрации своей мысли он приводит описание немого разговора северо-американских индейцев. Между тем языки этих индейцев крайне сложны по богатству своих форм (напр., ирокезский имеет до 3.000 глагольных форм). Столь же сомнителен приводимый В. Правдолюбовым рассказ об уничтожении соседними племенами африканского племени Вей за изобретение последним системы письма. Фактом остается, во всяком случае, одно — это племя поныне благополучно существует в Африке, даже после своего уничтожения. Очень сбивчива и характеристика иероглифического письма древних египтян. Совершенно не затронут вопрос о значении иератического письма, письмо демотическое представлено чересчур народным и доступным для изучения, вопрос о

роли гласных звуков в египетском письме поставлен и неясно, и неправильно. Напрасно автор склоняется к теории об изобретении первого алфавита древними евреями, да еще ставя это изобретение в связь с таким неясным и мало известным в своих подробностях фактом, как пребывание евреев в стране фараонов. Разумеется, это вопрос еще очень сложный и темный, но теория происхождения алфавита среди народностей, являвшихся носителями эгейской культуры, является все-таки более вероподобной. Наличие таких ошибок и неточностей у В. Правдолюбова заставляет предполагать, что далеко не все относящееся к теме равномерно и углубленно им проработано, а в этом случае, более чем когда бы то ни было, необходимо бережное отношение к своим собственным источникам — точное указание почерпнутых автором сведений, вместо безличных «рассказывают», «по словам путешественников», взятых им рисунков и таблиц. Это избавило бы его и от некоторой части критических замечаний, а, кроме того, несколько укрепило бы добрый обычай быть более милосердным к трудам других. Любопытно, что ни под одним рисунком, приводимым автором, мы не находим хотя бы скромного «по Иохельсону», «по Оппелю». Или источники автора еще более скромны?

Гораздо более подробны и интересны соображения автора о письме настоящего и будущего. Его предположения о выработке нового более удобного для скорописи алфавита, который бы представлял нечто среднее между нашим обычным алфавитом и сократительной речеписью наших стенографов, заслуживают самого тщательного рассмотрения. Весьма вероятны и те предположения В. Правдолюбова, где он высказывает мысль о своеобразном круговороте исторического развития письма, о будущем переходе от письма алфавитного к слоговому и, может быть, даже фигурально-иероглифическому в целях усовершенствования скорости, компактности и удобства письма. Интересна и мысль автора о возможной замене стенографии усовершенствованной машиной, комбинирующей в себе принципы фонографа и пишущей машины. Может быть, именно в этих рассуждениях автора и лежит ключ к настоящей его специальности.

Как было бы хорошо, если бы и в исторической части своей работы В. Правдолюбов с бо́льшим вниманием и осторожностью отнесся к затронутым им вопросам. Неплохо, когда интересные гипотезы о будущем имеют за собой солидный фундамент в виде основательного изучения прошлого. Они сами только приобретают в основательности и убедительности.

Проф. П. Преображенский.

ДРЕВНИЙ МИР. Периодический орган, издаваемый археологическим отделением научно-исследовательского Института Археологии и Искусствознания в Москве — ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Выпуск первый. Август 1924 г. Москва 1924 г. 54 стр. с 5 рис. и 4 табл. с 17 рис. в тексте Тираж 1.000 экз.

Наконец-то половина Института Археологии и Искусствознания увидела первый выпуск своего печатного органа, — необходимый вдохновитель к дальнейшей работе и некое свидетельство ее необходимости. Программа «Древнего Мира» намечена троякая: 1. Научные статьи, 2. Археологическая хроника русская и западно-европейская, 3. Библиография. В первом выпуске на-лицо отражения всех этих трех сторон: к первой можно отнести обстоятельную статью Ф. В. Баллода «Памятники египетского искусства времени Эхнатона» (стр. 20—39), ко второй—сводку В. А. Городцова «Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 г.г.» (стр. 1—20) и заметку А. С. Башкирова «О деятельности археологического отделения научно-исследовательского Института Археологии и Искусствознания в 1923 — 24 акад. году» (стр. 40—42) и, наконец, библиографический характер имеют статьи А. А. Захарова («Из новейших работ в области Эгейской культуры», стр. 42—46), А. И. Некрасова («Новейшая литература по истории древне-русского искусства», стр. 46 — 49) и И. Н. Бороздина («Юг

России в новейшей археологической литературе», стр. 50—53). Совокупность работ, входящих в «Древний Мир», дает достаточное представление о научно-исследовательских добытках как внутри страны, так и за границею за последние семь лет. Интересна статья Ф. В. Баллода, возражающего против умаления Борхардтом сущности искусства царя-еретика и предлагающего ныне не три, а четыре периода развития искусства времени Эхнатона, что, думается, дробностью своею несколько затруднит отнесение памятников к той или иной из этих четырех эпох. Нельзя принять положение В. А. Городцова (стр. 12), что нахождение вместе со скелетом мужчины костяков женского и детского говорит за насильственную смерть жены и ребенка: вполне возможен случай одновременной естественной смерти от эпидемии. В литературе у А. И. Некрасова не упомянуты три статьи Ю. А. Олсуфьева (1. Искусство XIV и XV веков. Изд. 2-е, Сергиев 1924 г., 2. К вопросу о шитом деисусном чине в Сергиевском музее. Сергиев 1924 г., 3. Кто вкладчики воздуха № 1479 и покрова № 1541 в Сергиевском музее? Сергиев 1924 г.), а у И. Н. Бороздина помимо пропуска двух важных работ по археологии юга России (акад. М. И. Ростовцев, «К вопросу о датировке погребений Куль-Обы, Чертомлыка и Солохи в «Изв. Имп. Арх. Ком.», вып 60, 1916 г., С. А. Половцева, «Объяснение изображений на драгоценных вещах из Солохи проф. Вороносом» в «Изв. Арх. Ком.», вып. 65, 1918 г.), отметим не совсем верный вывод (стр. 52) о датировке Вл. К. Мальмбергом Чертомлыцкого налуча: покойный профессор явно относил налуч к эпохе эллинистической, прибл. ко 2 пол. III ст. до нашей эры, а не к IV ст. до нашей эры, видя только параллели для фигур на налуче в типах V и IV в. в. до нашей эры (см. «Сборник в честь М. К. Любавского» стр. 412, где читаем: «... не оспаривая большой научной заслуги Б. В. Фармаковского, несомненно доказавшего, что наши обивки [Ильинецкая и Чертомлыцкая] изготовлены были много позже, чем было принято думать...»). Очень неполна заметка А. С. Башкирова: умолчание о работах Отделения Искусствознания — страшный результат легкомысленной небрежности.

Издана брошюра убого, жалостно, скудостно; рисунки, за исключением штриховых на стр. 3, более чем плохи, словно ваксою напечатаны. Небрежностей и опечаток — количество изрядное. Цена не слишком низка.

Н. Щербаков.

A. WIEDEMANN. Das alte Aegypten. S. 446. Mit 78 Text - und 26-Tafel-Abbildungen. Kulturgeschichtlche Bibliothek, herausgegebenvon W. Foy. 1 Reihe: Ethnologische Bibliothek mit Einschluss der altorientalischen Kulturgeschichte. 2. Heidelberg. 1920.

А. ВИДЕМАНН. Древний Египет. Стр. 446, 78 иллюстраций в тексте и 26 на отдельных таблицах. Культурно - историческая библиотека, издаваемая В. Фой. 1-я серия: этнологическая библиотека, включающая культурную историю древнего Востока. 2. Гейдельберг. 1920.

Материальная культура занимает одно из важнейших мест в общей культуре народа, ибо она не только обусловливает целый ряд более сложных проявлений народной жизнедеятельности, но также в полной мере отражает на себе своеобразную окрашенность данной исторической эпохи и данного культурного уровня народа. Поэтому, изучая историю какого-либо народа, необходимо обращать особенно пристальное внимание на его материальную культуру. Несмотря на значительное развитие египтологии, специальная египтологическая литература не может похвастать богатством работ в этой области. Капитальная сводная и компилятивная работа Уилькинсона в настоящее время в значительной степени устарела, прекрасная четырехтомная работа А. Эрмана, недавно вышедшая вторым изданием в переработке Ранке, больше затрагивает вопросы государственного и общественного строя, искусства и религии, чем чисто материальной культуры. Наконец, маленькая книга Жекье «Египетская цивилизация» выдержана в слишком схематичных и общих чертах и не дает читателю об-

щей картины древне-египетского быта. Поэтому настоящая работа Видеманна является чрезвычайно ценной, заполняя несомненный пробел в египтологической литературе.

Указав в своем введении на главнейшие использованные им источники, Видеманн переходит к обозрению всех сторон материальной культуры древних египтян. Он касается всех тех вопросов быта, которые связаны со страной, с разливами Нила, с народностью, населявшей Нильскую долину, с государством, обществом и правовыми условиями, при чем подробно рассматривает жизнь древнего египтянина, начиная с раннего детства его и кончая его смертью. Здесь наиболее интересны те главы, которые отмечают степени родства, молочное родство, куначество и побратимство, которые подробно описывают детство египтянина и систему школьного обучения, брак и то высокое юридическое положение, которым пользовалась женщина в древнем Египте. Наконец, вполне естественно, что автор довольно подробно говорит о погребальных обычаях древних египтян, о тех обычаях, которые занимали такое видное место в древнеегипетском быту. Далее следуют главы об одежде, об уходе за телом, о жилище, внутреннем убранстве домов и домашних животных, о средствах сообщения и транспорта, о войне, войске и оружии, об охоте и рыбной ловле, о земледелии, скотоводстве, садоводстве и огородничестве, о пище и напитках, о производствах и ремеслах, о торговле, о религии, магии, искусстве, литературе, о письме, языке и науке. Вот краткий и сухой перечень тех вопросов, которых касается в своей подробной и обстоятельной работе Видеманн.

Теперь нам остается отметить некоторые спорные, неясные или неполные указания, впрочем чрезвычайно интересной и богатой фактами, работы Видеманна.

Так, на стр. 76 Видеманн переводит название города «Менат Хуфу» — «город кормилицы царя Хуфу», нам кажется, что допустим и иной, более простой перевод, т.-е. «Кормилица Хуфу», что могло бы обозначать местопребывание детства фараона Хуфу. Далее на стр. 73 автор говорит о том, что символ жизни подносился богом к носу человека, однако мы должны указать на то, что существуют изображения, в которых этот символ подносился также и к половой сфере человека.

Непонятно указание Видеманна на стр. 76 на существование в древнем Египте мужских кормилиц. Очень возможно, что это было родство по кормилице, т.-е. отец, братья или сыновья кормилицы, то, что у нас называется молочным братом. Так же непонятно для нас, каким образом может автор сравнивать обычное кормление с верой древних египтян в то, что фараон питается молоком небесной богини. Изображенный на стенах египетских храмов, этот акт божественного кормления фараона, несомненно, имел чисто магический характер. Странно также и то, что, говоря о заговорах против крокодилов на стр. 245—246, автор даже не упоминает широко распространенных в древнем Египте табличек, изображающих Гора, попирающим крокодилов, и снабженных магическим текстом против всяких водных зверей, а в главе о напитках досадным пропуском является указание на известные слова Геродота: «египтяне—все те, которые живут ниже города Элефантины и пьют воду из реки Нила» (11—18). В этих словах Геродота ярко отражается любовное отношение древних египтян к своей великой реке.

По меньшей мере спорным является утверждение Видеманна на стр. 364, что древние египтяне в своем искусстве не стремились к изображению цельного художественного образа. То, что Видеманн называет мозаичностью, мы скорее назвали бы стремлением изобразить с наибольшей характерностью и яркостью каждую отдельную деталь. Так же неправильно указание Видеманна на стр. 385 на то, что верхняя часть систра делалась только из металла. Нам известны систры, в которых металлическими частями являются лишь поперечные перекладины и верхняя часть которых так же, как и нижняя, сделаны из глины. В главе о литературе Видеманн, к сожалению, ничего не говорит о богатой дидактической литературе, которая в значительной степени отражает древне-

египетский быт. Наконец, говоря о священных числах, Видеманн даже не упоминает числа четыре, которое, несомненно, имело в древнем Египте магическое и священное значение. Об этом нам ясно говорят тексты пирамид и другие магические сборники, в которых предписывается четырехкратное повторение жертвоприносительных и очистительных актов и четырехкратное повторение магических формул. Специальные тексты говорят нам о существовании в древнем Египте культа четырех стихий, который по докатившейся до Плутарха древней традиции символизировался в четырех перекладинах систра, священного музыкального инструмента древних египтян.

Но все же, несмотря на все эти недочеты, книга Видеманна, являясь строго проработанной и внимательно продуманной сводкой громадного материала, представляет большое научное значение и является ценным пособием и справочником не только для египтолога, но и для этнографа и этнолога, ибо в ней дана широкая и в то же время детально проработанная картина материальной культуры древних египтян.

В. Авдиев.

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ.

1. М. ГРИШИН. Основы философии марксизма. *И. Луппола.* — 2. ЛЕСТЕР ДЖЕМСОН И КОЛЛЕГИЯ «ПЛЕБСА». Очерк марксистской психологии. *С. Васильева.* — 3. О. ТРАХТЕНБЕРГ. Беседы с учителем по историческому материализму. *В. Сарабьянова.* — 4. Г. МАЛИС. Психоанализ коммунизма. *Я. Шафира.*

М. ГРИШИН. Основы философии марксизма. Общая философия марксизма и принципы исторического материализма. Повторительный курс. Краткое пособие при самообразовании, для марксистских кружков и учащихся различных учебных заведений. Киргизское Госуд. Изд Оренбург 1925. Стр. II + 59.

Брошюра М. Гришина крайне притязательна. Она претенциозна не только по своему длинному заглавию, — заглавие значительно «длиннее» содержания, — но и по тем задачам, которые поставил себе (не приходится говорить об их выполнении) автор. Он так определяет эти задачи: «Автор попытался дать работу, которая бы в *одном месте* сосредоточила *всѣ основные идеи* общей философии марксизма и исторического материализма в их связи, которая в то же время давала бы *схему* мировоззрения и *конспект* для повторения уже читанного, для *приведения в порядок* того запаса идей, который уже имеется у формирующегося марксиста». Словом, М. Гришин дает «в одном месте» универсальную схему мира в наикратчайшем виде, на пятидесяти девяти страничках, в назидание «учащимся различных учебных заведений», а также «для приведения в порядок» голов прочего населения.

Последние слова вовсе не насмешка над автором, но, в самом деле, всерьез брошюру М. Гришина брать нельзя, и прежде всего потому, что автору самому многое нужно еще «привести в порядок». Брошюра — незрелый плод многого непродуманного, непроработанного и просто неизученного в области диалектического материализма. Автору нужно было бы просто засесть года на два, на три за школьную скамью и уже после такой длительной и, может быть, неприятной процедуры писать «пособия» для других.

Подвергать оренбургскую брошюру детальной критике было бы делом весьма неблагодарным и, пожалуй, бессмысленным. Если в тексте — не цитата из классиков марксизма, то, значит, на-липо или искажение, или упрощение, вульгаризация, или невинная святая простота;

«популярность» же книги только в том, что она составлена главным образом на основании уже популярных работ по марксизму. Собственное творчество автора таково, что о нем не приходится много распространяться.

Вот, напр., формулировка автора: «*абсолютная*, т.-е. существующая независимо от человека, вне его головы находящаяся идея». О диалектике автор знает твердо, что основные законы ее, это — переход количества в качество и закон отрицания отрицания. Бедный Энгельс, если бы он знал, какое употребление сделают из известных глав «Анти-Дюринга» в Оренбурге! Автор необыкновенно любит «частные случаи». Это для него всеобщая схема. Так, напр., «свобода — частный случай необходимости», «целевое соответствие — частный случай противоречия, несоответствия», «случайность — частный случай причинности» и, наконец, «дух — частный случай материи». Мы могли бы продолжить этот ряд и сказать, что брошюра М. Гришина — частный случай неподготовленности писать брошюры. Если на одной странице дух выступает, как частный случай материи, то на другой он уже — продукт материи, на третьей — функция, а на четвертой — просто «более тонкая материя». Вот и пусть «формирующийся марксист» приводит после всего этого в порядок свой запас идей.

То обстоятельство, что недостаточно сведущий человек взялся писать и печатать вовсе незрелое произведение, это — еще полбеды, но то, что вся брошюра написана необычайно уверенным, самодовольным и безапелляционным тоном, это — значительно хуже и не обещает ничего хорошего в будущем прежде всего для самого автора.

Печальнее же всего то, что, пожалуй, говоря словами автора, «формирующиеся марксисты» в Киргизии и впрямь начнут изучать диалектический материализм по М. Гришину.

И. Луппол.

ЛЕСТЕР ДЖЕМСОН И КОЛЛЕГИЯ «ПЛЕБСА» Очерк марксистской психологии. Перевод с 4 английского издания под редакцией и с предисловием проф. М. Рейснера. Издание «Современные Проблемы». Москва 1924 г. Стр. 226.

Предисловие т. Рейснера рекомендует рецензируемую книгу, как «прекрасное и сжатое руководство, которое целиком построено на основе материалистического мировоззрения и проникнуто теорией исторического материализма» (стр. 8). Доверившийся этой рекомендации читатель рискует, однако, попасть впросак, так как книга изобилует целым рядом положений, ничего общего не имеющих не только с марксизмом, но и вообще материализмом.

Авторы книги находятся под влиянием Джемса, с одной стороны, и психоаналитиков — с другой. Грех этот был бы не так уж велик, если бы проглядывала хотя бы тень критического отношения к прагматизму и фрейдизму. Но авторы не сомневаются в том, что оба эти направления целиком укладываются в русло марксизма. Поэтому получается большая эклектическая путаница, которая ничего хорошего для читателя не сулит.

Приведем пару примеров.

Совершенно неверно с точки зрения марксизма, но вполне в духе вульгарного позитивизма, решают авторы вопрос об объективности истины. Для них теория есть только средство «удобно описать» явления, и ценность всякой теории они видят в ее прагматической ценности. Наиболее ясно выражена эта точка зрения в следующих словах: «Мы ничего не знаем об «абсолютной истине»... Для современного сознания критерием истины служит ее прагматическая или практическая ценность. Мы спрашиваем, исполняет ли она свое назначение?.. И, прежде всего, помогает ли она нам привести наши влечения в соответствие с принципом реальности? Если да, то она достаточно истинна для наших целей, она «есть «истина» для нашего класса, для нашего поколения» (стр. 213—214). Если бы эта формула, приведенная в конце книги, оставалась простой формулой, то можно было бы ее игнорировать. Но это не так. Ею, например, «подкрепляется» материа-

лизм, который рассматривается просто как «удобный» метод исследования, исключительно субъективный познавательный прием (стр. 85). Она служит аргументом и в утверждении детерминизма, вопрос о котором, по мнению авторов, «окончательно не разрешен» (стр. 142—143).

Некритическое принимание фрейдизма, а в особенности его сексуальной теории, в применении к общественным явлениям, тоже приводит к ряду ошибок и даже абсурдов. Как, например, объясняется в книге развитие производительных сил? Причины технического прогресса — отвечают решительно авторы — заключаются в сублимации полового инстинкта. «Досугу и потребности найти новые выходы для (полового) влечения мы обязаны постепенным изобретением и усовершенствованием орудий и развитием ремесл» (стр. 176). Вывод этот уже давно сделан фрейдистами. Сексуальное для них является primus motor [1]) общественного развития и развитием сексуальных отношений они обусловливают развитие общественных форм. Но что общего это имеет с марксизмом? Для марксистов ведь ясно, что не формы половых отношений определяют общественные формы, а наоборот. Зачем же тогда под видом марксизма преподносить прямую его противоположность?

Подобных ляпсусов можно привести много. Наудачу возьмем еще один пример. В книге дана совершенно метафизическая классификация основных психологических типов, игнорирующая эволюцию общественной среды и связанную с ней эволюцию психологических характеров. Эта классификация приводит к тому, что «бесплодный спор между материалистами и метафизиками» объясняется в книге различием «интроверзных» и «экстроверзных» характеров (стр. 161), а роль классовой борьбы остается вне поля зрения.

В Англии «Очерк» выдержал четыре издания. Это вполне объясняется его формальными достоинствами. Написана книга очень хорошо и читается легко и с большим интересом. Авторы обнаружили в ней большой дар популяризации. Очень хорошо, просто и не вульгарно освещены физиологические вопросы и механика рефлексов. Однако эклектизм и путаница с фрейдистскими категориями делают книгу совершенно непригодной в качестве *марксистской* психологии. Поэтому остается только пожалеть, что она не переработана в русском издании и не освобождена от изрядной доли наполняющей ее идеалистической трухи.

В крайнем случае можно было бы снабдить книгу обезвреживающим ее предисловием. Однако т. Рейснер не только не сделал этого, но, наоборот, скорее усугубил ошибки книжки. Двадцать четыре страницы его предисловия представляют собою хвалебный гимн книге и обнаруживают обычную для этого автора склонность к «психологизации» марксизма.

С. Васильев.

[1]) Первым (главным) двигателем.

ОРЕСТ ТРАХТЕНБЕРГ. Беседы с учителем по историческому материализму. Госиздат. Москва. 125 стр.

Книга эта, выпущенная тиражом в 25.000, допущена, как *руководство для преподавателей*, Научно-Педагогической Секцией ГУС.

Если бы не это, мы по-иному отнеслись бы к рецензируемой книге. Мы уже имеем много работ по историческому материализму: Бухарина, Горева, Адоратского, Семковского, Сарабьянова, Вольфсона и др. Каждая из них имеет много плюсов, как и минусов, но ни одна из них, даже наиболее полная т. Бухарина, не претендует быть руководством для преподавателей. Да и нужна ли для них специальная книжка?

Но уж если Госиздат решил такую книгу издавать, а ГУС допускать, то следовало проявить большую осторожность.

В данном случае нет и намека на осторожность.

Книжка О. Трахтенберга была бы полезна, как пособие, и для преподавателей, но в качестве руководства она прежде всего чрезвычайно, как бы это выразиться, легковесна, непродумана.

Прежде всего *руководство* должно обладать непременным свойством стройности,

последовательности, четкости; в мировоззрении автора не должно быть перебоев, а тем более прорывов.

Что же мы видим у т. Трахтенберга?

Уже одно перечисление пособий, как обязательных, последовательно эклектично. Нельзя же, в самом деле, безоговорочно рекомендовать и Бухарина, и Адоратского, и Сарабьянова, и Вольфсона. Лично я все эти книги обязательно рекомендую своей аудитории, но с большими оговорками относительно всех них.

Что касается изложения темы по существу, то здесь на-лицо изрядная путаница понятий и, часто, непонимание трактуемого вопроса.

Вот, напр., глава «Материализм»:

«Разлагая любой газ, любой металл или живую ткань, мы в *конце концов* (курсив мой. *Вл. С.*) доходим до мельчайших частиц-атомов, из которых состоит весь мир» (10 стр.).

Автор безмолвно принимает атомистическую теорию материализма, толкуя ее по-демокритовски, т.-е. что в конце концов мы дойдем до мельчайших частиц. А дальше что? — спросим мы. Еще более мельчайшие части? Но будем мыслить последовательно, додумывать до конца. Не обязывает ли принятие атомистического взгляда на мир признать наличие пустоты?

Ведь слишком ясно, что если мир — атомы и если каждый атом — индивидуум, то мир атомов является не миром беспрерывности, а миром смежности. Так как материалист не может признать наличия чего-либо не материального, в чем бы носились атомы, то ему остается встать на точку зрения Демокрита, Гоббса, французских материалистов: есть атомы и пустота.

Теперь спросим т. Трахтенберга, признает ли он существование пустоты, т.-е. «ничего»?

На другой (11) странице имеется косвенный ответ:

«Ну, а бог, а разные сверхмировые духи и пр.?.. Им решительно негде «поместиться» в этом материальном мире. Для них здесь нет места»...

А как же насчет межатомной пустоты?

Автор, повидимому, даже не догадывается, что перед ним стоит большой философский вопрос, вопрос цельного научного мировоззрения.

Касаясь проблемы физического и психического, т. Трахтенберг становится на точку зрения современных рефлексологов, выступающих против субъективизма в психологии, и одновременно он отстаивает Спиноза - Фейербах - Плехановскую точку зрения, что физическое и психическое суть две стороны одного процесса.

Автор не продумал проблему и сел сразу на два стула. А ведь ясно, что, принимая плехановское решение вопроса, нельзя принять безоговорочно рефлексологию; во всяком случае никак нельзя объективизмом лягать субъективизм, как это делает т. Трахтенберг.

«... мы вместо психологии, построенной по субъективному типу, и базирующейся на «самонаблюдении», или — в лучшем случае — на достаточно поверхностном эксперименте, получаем объективную, положительную науку, не уступающую по точности другим дисциплинам естествознания. Вместе с тем заполняется «пропасть» между «материальным» и «психическим».

Прежде всего спросим автора, как, по его мнению, до Павлова, Бехтерева и др. объективистов «пропасть» была заполнена или не была? И если, как вытекает из цитированных строк, не была, то в чем же заслуга материалистов вообще и Фейербаха, Маркса, Энгельса, Плеханова в частности в области философии? В этой области т. Трахтенберг вообще слаб, повторяя других авторов даже в очевидных ошибках формы или существа.

Тов. Деборин в своем «Введении в философию» в главе о Гоббсе пишет, что «система Спинозы есть... в сравнении с учением Декарта шаг вперед по направлению к материалистическому монизму», а несколькими строками ниже он говорит, что «дуализм Декарта и Бэкона превращается у Спинозы и Гоббса в законченный и цельный материалистический монизм».

По тому же вопросу, но в отношении Фейербаха, т. Трахтенберг повторяет т. Деборина: «Этот «монизм» Спинозы, устраняющий (вспомним выше о «пропасти». *Вл. С.*) противоположность духа и материи, сводя их обоих к природе,— этот монизм был окончательно превра-

щен в материализм Фейербахом, «который показал всю несостоятельность идеалистического учения и «открыл дорогу для материализма»

У обоих авторов, в одном случае открывается лишь дорога для материализма, в другом — окончательно утверждается последний.

Но не только в этом грех т. Трахтенберга, а еще в изуродовании Спинозы и Фейербаха. По т. Трахтенбергу, Спиноза дух и материю свел к природе. Как можно материю свести к природе, т. е. к материи же, это остается секретом нашего автора, но что Спиноза дух и природу свел к «божественной природе», это — верно, только под природой Спиноза понимал вещи начальные и конечные, а под «божественной природой»—мир в его безначальности и бесконечности.

Не поняв Спинозу, т. Трахтенберг и Фейербаха искалечил: «Не надо думать, однако, что мировоззрение марксизма есть простое заимствование учения Фейербаха. Не говоря уже о существенных поправках, внесенных в последнее Марксом и Энгельсом, они, как упоминалось, соединили с материализмом диалектику, это высшее достижение идеалистической философии Гегеля. Тем самым был создан диалектический материализм»...

Как мог т Трахтенберг, читавший Энгельса «Фейербах», не заметить диалектики у Фейербаха, нам это просто непонятно. Фейербах был учеником Гегеля и, как тянувший влево, он прежде всего взял у своего учителя диалектику.

Тов. Трахтенбергу должно же быть известно, что Чернышевский был диалектиком; но он ведь был фейербахианцем.

В чем Маркс и Энгельс не приняли Фейербаха, об этом говорят они сами, и нужно лишь внимательно их прочесть и продумать.

В вопросах диалектики т. Трахтенберг совсем слаб, слабее, чем в области материализма.

Он, например, не сумел поставить и вырешить вопроса о формальной и диалектической логиках.

Он обошел вопрос о качестве и количестве, в результате чего его утверждение наличия «относительного покоя» совершенно не обосновано, а значит, не мотивирована необходимость пользования формулой «да-да, нет-нет».

Социологическая часть выполнена немного сильнее. Однако здесь ошибок тоже много и гнездятся они как раз в главных пунктах исторического материализма.

Вот, например, базис - надстроечная теория. Уж не это ли важно — дать верное определение понятия «базис»? А что же делает т. Трахтенберг? Он дает схему, которую он, по какому-то великому недоразумению, называет «плехановской», и в этой схеме под базисом понимается «экономика или совокупность производственных отношений, характерно выражающаяся в классовом строении общества», а «техника, или (точнее) „производительные силы“» не относятся ни к базису, ни к надстройкам, но помещены под экономикой, где должен помещаться базис базиса.

Ведь, известно, что и Энгельс, и Маркс под базисом понимали производственный процесс или, по Энгельсу, производство действительной жизни.

Но так как производственный процесс двухсторонен, являясь, с одной стороны, отношениями людей друг к другу (экономика или расстановка людей в трудовом процессе, по удачному выражению т. Бухарина), с другой, отношениями к природе (техника).

В базис марксизм «зачисляет» не экономику или технику, а и то, и другое. Запутавшись здесь, автор путается и дальше. То он отождествляет технику и производительные силы, то производительные силы разделяет на 1) рабочую человеческую силу и на 2) технику в виде приемов и средств производства. Как можно отделять приемы производства и орудия труда и пр. от человеческой силы, мы не понимаем.

Производительные силы — вовсе не удобрения, не динамо, не плот с аэропланом, а *процесс*, в котором участвуют люди с орудиями и средствами производства в руках. Какая там производительная сила хотя бы станок или динамо, если они бездействуют! А когда они действуют? Тогда, когда действует человек.

А вот путаница по истории религии.

Т.т. Покровский и Степанов ряд полемических больших статей написали друг против друга, защищая каждый свою теорию появления религии, а т. Трахтенберг взял и очень мило их соединил, не синтезировал, а просто положил рядышком, дав такую «схему возникновения религии»:

«1. Страх смерти. 2. Страх перед покойником. 3. Почитание предков. 4. Почитание душ предков. 5. Почитание природных сил (одушевленных)».

Здесь сначала т. Покровский, затем т. Степанов.

Нельзя же так запанибратски обращаться с теориями!

В общем, как видит читатель, слабо, очень слабо!

Вл. Сарабьянов.

Г. МАЛИС. Психоанализ коммунизма. С предисловием проф. К. И. Платонова. Изд. «Космос». Полтава 1924 г. 79 стр.

Неблагополучно с психоанализом у нас. Широкий интерес к фрейдизму использовывается малокомпетентными, но ловкими людьми в целях саморекламирования и всяких иных, ничего общего с психологией (как наукой) не имеющих. За последние 2 года появилось у нас несколько книг, объединяющих Фрейда и Маркса, корректирующих Фрейда по Марксу, и наоборот. Все эти «углубительские» труды совсем не заслуживают внимания сами по себе, но беда в том, что все, относящееся к фрейдизму, у нас находит читателя и слушателя.

К числу этих симптоматических «трудов» принадлежит и рецензируемая книжка Г. Малиса. Под громким названием «Психоанализ коммунизма» содержится следующее утверждение: «в коммунистическом обществе не будет ни неврозов, ни религии, ни философии, ни искусства». Этот тезис обосновывается таким образом: «религия и творчество есть проявление не нашедших себе реального применения бессознательных сил». При коммунизме же мы, дескать, не будем «вытеснять» и, стало быть, не будет нужды в «нереальном» творчестве Вот основная мысль Малиса.

На это приходится указать, что вытесненное не исчерпывает содержания бессознательного. Об этом Фрейд говорит во многих местах. Особенно резко он подчеркивает это положение в одной из последних своих работ «Я и оно». Вот что говорит Фрейд по этому поводу:

«Ubw (бессознательное) не совпадает с вытесненным; остается верным, что все вытесненное бессознательно, но не все бессознательное есть вытесненное. Даже часть «я» без всякого сомнения бессознательна» («Я и оно», стр. 13).

Но если это так, то Малису следовало бы доказать другое: что при коммунизме у нас не будет вообще бессознательного. Затем утверждение, что при коммунизме мы не будем «вытеснять»,—также ни на чем не основанное. Совершенно не доказано, что при коммунизме наши потребности будут равняться возможностям удовлетворения.

Совершенно необоснованным и произвольным является утверждение, что при коммунизме исчезнет и педагогика. Воспитание, по определению Фрейда, представляет собой «побуждение к преодолению принципа удовольствия и к замещению его принципом реальности». Очевидно, что дети и при коммунизме должны будут преодолевать «принцип удовольствия», что это преодоление предполагает как непременное условие «побуждение».

Вообще, это—довольно праздная вещь сейчас гадать про «психологию будущего». Доживем—увидим. В данный момент на этот счет возможна лишь спекуляция, которая для практической жизни интереса не представляет.

Но если книжка Малиса в последней своей части представляет ряд необоснованных пророчеств, то вводная часть (которая занимает без малого 70 страниц из 79), с точки зрения и фрейдизма, и марксизма нелепа и вредна. Прежде всего по части фрейдизма. Малис Фрейда не понял. Это видно хотя бы по следующему отрывку: «Если, собираясь на какое-либо важное предприятие, вы сначала затеряете необходимые документы, потом будете долго и безуспешно искать куда-то положенную шляпу; наконец, забудете название улицы, куда нужно итти — можете смело оставаться дома.

У вас есть что-то, что мешает вам выйти из дому» (стр. 38).

Это не по Фрейду, а по-колдовски. Фрейдист на основании такой «рассеянности» будет утверждать одно: что бессознательно мы сопротивляемся предприятию. Но это не значит, что мы должны оставаться дома. Психоаналитик полагает, что, наоборот, следует в таких случаях преодолеть «сопротивление», осознав его. Ибо субъективное «сопротивление» ни в какой мере не говорит о том, следует или не следует делать то или иное дело. Пример, который приводит Малис, еще резче показывает, насколько он нелепо толкует психоанализ. Он утверждает, что ошибочные действия городничего в «Ревизоре» в первом акте свидетельствуют, дескать, о том, что бессознательно городничий понимает, что Хлестаков не ревизор. Это утверждение придает понятию «бессознательное» совершенно нелепое толкование. Выходит, что городничий одновременно воспринимает Хлестакова как ревизора сознательно, а бессознательно он чувствует «что-то неладно». Бессознательное оказывается высшим способом восприятия, наиболее критической психической инстанцией. Между тем ошибочные действия городничего находят себе очень простое объяснение в нерешительности городничего, в его желании избежать встречи с ревизором. Волнение, охватившее Сквозника-Дмухановского при мысли о предстоящей встрече с ревизором, вызывает в бессознательном ряд желаний, которые находят свое осуществление в ошибочных действиях городничего.

Искажения марксизма у нашего автора не менее грубы, чем искажения фрейдизма. Формула «бытие определяет сознание» Малисом комментируется таким образом: «столкновение индивидуальных бессознательных тенденций с социальной действительностью преломляется и отражается на сознании» (стр. 66).

Бытие здесь сводится всего-на-всего к психическому конфликту между бессознательными тенденциями и сознанием тенденций «социальной действительности». Иначе приведенная фраза теряет всякий смысл. Но такое толкование ничего общего с марксизмом не имеет. Бытие для марксиста, это — действительность, а не психический процесс.

В другом месте мы находим такое, с позволения сказать, соединение фрейдизма и марксизма: «Сознание человека зависит от идеологии всего общества, от современных ему производственных отношений. Все, что не соответствует этим производственным отношениям, в сознание пройти не может; если же и проходит («каменное» сновидение), то в измененном замаскированном виде» (40 стр.).

В этих немногих словах нагромождено много нелепостей. Малис здесь утверждает, что точно так же, как в индивидуальной психологии мы различаем сознание от бессознательного, точно так же в общественной психике мы имеем две различные сферы, что между этими сферами существует цензура, словом, все те инстанции, какие отмечает в психике Фрейд.

При этом все, что не соответствует производственным отношениям, нашим автором относится к бессознательному.

Нечего доказывать, насколько аналогия между индивидуальной и общественной психологией здесь ни на чем не основана, насколько она груба и несостоятельна. Мы останавливаемся так подробно на этой книжонке, так как считаем ее знамением времени. Малис повторяет только то, что до него говорят «столичные» ученые психологи, синтезирующие в два счета какие-угодно теории и учения, производящие перевороты во всех областях знания, с которыми только соприкасаются.

Нечего и говорить про то, какой глубокий вред приносят такие выступления, насколько все такие скоропалительные «переворотчики» (есть такая профессия) вносят сумбур и сумятицу в сознание неискушенного молодняка.

Мы не думаем здесь, однако, утверждать, что нет моста между фрейдизмом и марксизмом. Но строить его должны люди, хорошо знающие как марксизм, так и фрейдизм.

Я. Шафир.

НАРОДЫ И СТРАНЫ.

I. А. КИРЖНИЦ. У порога Китая; II. Г. ВОЙТИНСКИЙ. Что происходит в Китае; III. А. ИВИН. Китай и Советский Союз; IV. Г. САФАРОВ. Смысл событий в Китае.

В. Виленского-Сибирякова.

А. КИРЖНИЦ. У порога Китая. Издание «Красная Новь». М. 1924 г. 70 стр

Г. ВОЙТИНСКИЙ. Что происходит в Китае. Госиздат. М. 1924 г. 60 стр.

А. ИВИН. Китай и Советский Союз. Госиздат. М. 1924 г. 144 стр.

Г. САФАРОВ. Смысл событий в Китае. Изд. «Прибой». Л. 1924 г. 32 стр.

В последние месяцы, в связи с происходящими в Китае событиями, сильно возрос интерес к Китаю, это и было причиной появления целого ряда брошюр о современном Китае, задачей которых было удовлетворить законный интерес советского читателя и ориентировать его в происходящих в Китае событиях.

Писать о современном Китае — задача сложная. В прежнее время о Китае писали, главным образом, ученые синологи, которые подходили к Китаю как к историко-этнографической величине и обычно ограничивались изложением некоторых сведений о Китае и его особенностях. Такая литература для современного советского читателя, конечно, не годится. Он требует освещения экономической и политической жизни современного Китая для того, чтобы разобраться в том, что там в настоящее время происходит. Современный советский читатель требует характеристики классовой природы борющихся в Китае за власть группировок, их отношения к мировому империализму, к Советской России и т. п. Само собою разумеется, что тут старые методы описания «китайских диковин» не годятся, тут нужна новая книжка о Китае, написанная к тому же советским ориенталистом.

В этом смысле собственно и перестраивается сейчас наша литература о современном Китае. В этом направлении написаны все перечисленные выше книжки, хотя, конечно, не все авторы справились с своей задачей.

Книжка Киржница «У порога Китая» есть попытка дать связную картину жизни так наз. полосы отчуждения Китайско-Восточной жел. дороги в Маньчжурии, где не только сталкиваются интересы СССР и Китая, но где на протяжении последних лет концентрировалась русская дальневосточная эмиграция. Маньчжурия—это, действительно, порог Китая. Китайско-Восточная железная дорога — советское имущество на китайской земле. Отсюда должно быть понятным значение для Советской России всей маньчжурской проблемы, особенно в аспекте нашей дальневосточной политики.

К сожалению, этой последней стороне книжка т. Киржница почти не отводит места, или, вернее, автор говорит об этом мимоходом, сосредоточивая свое внимание, главным образом, на эмиграции, ее расслоении, характеристике экономических отношений в полосе отчуждения, а равно борьбе за К.-В. ж. д. со стороны различных белогвардейских группировок. Автор имеет, конечно, много оправданий: во-первых, он не ставил своей задачей дать книжку, посвященную Маньчжурии, ибо для этого нужен был бы другой подход; во-вторых, характеристика белогвардейщины в полосе отчуждения и борьба с нею — большая и нужная тема, и, наконец, в-третьих, книжка т. Киржница составилась из полугазетных-полужурнальных фельетонов, часть которых печаталась в журнале «Сибирские Огни», и автор скомпановал из них книжку, неособенно стремясь придать ей законченную форму.

Если первая часть брошюры т. Киржница сейчас, в силу изменившихся политических условий (признание Китаем СССР), превращается в исторический

очерк, то отдельные главы, вроде «Рабочее движение», должны представлять актуальный интерес для советского читателя, интересующегося жизнью рабочих К.-В. ж. д.

О Китае и о событиях, происходящих в нем, трактуют остальные перечисленные нами выше книжки. Тов. Войтинский пытается дать ответ на вопрос — что происходит в Китае? Его брошюре предпослано предисловие т. Радека, который пишет: «То, что происходит теперь на Тихом океане, является отчасти проявлением революционной борьбы, обострившейся во всем мире после войны, отчасти же выступлением к новому империалистическому походу, который собирается предпринять английский и американский империализм». Под этим углом зрения собственно и рассматривает т. Войтинский происходящие в Китае события.

Значительный интерес представляют страницы, посвященные автором первой тихоокеанской конференции транспортников, которая в июне 1924 года собиралась в Кантоне и положила этим как бы первый камень объединения транспортных рабочих Тихоокеанского бассейна.

Более пухлая по числу страниц брошюра А. Ивина представляет собою в большей своей части перепечатку уже известных статей этого автора, печатавшихся в некоторых из наших журналов. В предисловии к этой брошюре т. Карахан рекомендует автора с лучшей стороны. Он пишет: «В своих статьях автор подходит к Китаю с правильно применяемым марксистским методом»... Однако, когда обращаешься непосредственно к содержанию брошюры, то некоторые места последней написаны как бы специально для того, чтобы опровергнуть рекомендацию т. Карахана, что А. Ивин марксистски подходит к оценке китайских событий.

Так, например, давая оценку известной борьбы «бумажных тигров» (китайских фашистов) против правительства Сун-Ят-Сена, А. Ивин (на стр. 85) пишет: «Прежде всего мы должны сказать, что уподоблять «шан-туан»—добровольческие отряды куантонской (кантонской. *В. В.*) городской буржуазии или «мин-туан» — добровольческие отряды гуандунской сельской буржуазии итальянским фашистским отрядам приходится лишь с значительными оговорками. В условиях китайской жизни организация шан-туан и мин-туан *есть явление далеко не реакционное* (курсив наш *В. В.*), поскольку оно знаменует собою рост классового самосознания китайской буржуазии, пытающейся сорганизоваться для вооруженного отпора милитаристским кликам, хозяйничающим во всех китайских провинциях. Говорим «во всех китайских провинциях», ибо, *вопреки попыткам некоторых русских китаеведов подвести классовый базис под происходящую милитаристическую склоку в Китае, приходится констатировать, что ни одна из существующих в Китае милитаристических клик ни на какой основной общественный класс не опирается»* (курсив наш. *В. В.*). Надо полагать, что т. Карахан за недостатком времени не читал брошюры, для которой он написал предисловие, иначе он, конечно, не рекомендовал бы автора этой брошюры в качестве марксиста.

Будь бы г. Ивин марксистом, он, конечно, не стал бы противопоставлять «попыткам некоторых русских китаеведов подвести классовый базис» под происходящую в Китае гражданскую войну путаную теорию «внеклассовости» происходящей в настоящее время в Китае ожесточенной борьбы. То же обстоятельство, что г. Ивин к марксизму никогда никакого отношения не имел (одно время он себя рекомендовал в качестве анархиста), дает ключ к пониманию того, почему г. Ивин так сердится на китаеведов-марксистов, которые подводят под гражданскую войну в Китае «классовый базис».

Ясно, конечно, что теория «внеклассовости» китайского милитаризма—сущая чепуха. Китайский милитаризм есть производное от двух факторов китайской действительности: развития капитализма в Китае и внедрения в Китай мирового империализма. Переплетаясь между собою, эти два фактора дают причудливую картину борьбы между отдельными китайскими военными группировками, которая прикрывает собою непосредственные процессы классовой борьбы, происходящей сейчас в Китае. Но

если этого не дано видеть внеклассовому обывателю, то это должен разглядеть китаевед-марксист.

Отсюда для нас не удивительно, что «бумажные тигры» для г. Ивина не «фашисты» и даже «явление далеко не реакционное»... Почему? Да потому, что они «знаменуют собою рост классового самосознания китайской буржуазии». Выходит, что фашизм вообще не реакционное явление, ибо он знаменует собою, конечно, рост классового самосознания буржуазии, которая при помощи фашизма борется с революцией и коммунизмом. Трудно вообще придумать такой букет пошлости, который преподнесен г. Ивиным в той небольшой цитате, которую мы выше привели.

Судите сами. Из всех политических группировок в Китае революционными являются китайская компартия и партия Гоминдан, между которыми существует единый революционный фронт. Партия Гоминдан господствует на юге Китая, главным образом, в провинции Гуандун (главный город—Кантон), где существует демократическая администрация Сун-Ят-Сена, где имеет возможность развиваться рабочее движение в лице многочисленных китайских профсоюзов и т. п. И вот здесь напуганная ростом рабочего движения китайская буржуазия при поддержке империализма формирует фашистские отряды «бумажных тигров», которые должны свергнуть демократическую администрацию Сун-Ят-Сена и раздавить кантонское рабочее движение. Казалось бы, что классовая и реакционная природа этого явления должна быть вполне понятной. Увы, г. Ивин пытается нас уверить, что это «явление далеко не реакционное»...

Мы не имеем возможности останавливаться на целом ряде аналогичных «откровений» г. Ивина, которые имеют один и тот же корень — «внеклассовый» подход автора к политической жизни Китая. И это тем досаднее, что брошюра издана под многообязывающим названием «Китай и Советский Союз» и даже снабжена предисловием нашего посла в Китае т. Карахана.

Не знаю, бывал ли когда-нибудь т. Сафаров в Китае. Вернее всего, что не бывал. Но это не мешало ему произнести очень хороший доклад о смысле событий в Китае. Этот доклад издательство «Прибой» издало отдельной брошюрой. И хорошо сделало. Брошюра т. Сафарова, основываясь на существующей уже советской литературе о Китае, дает сжатое и ясное изложение происходящих в Китае событий, вполне правильно расценивая борьбу в Китае, как одну из ступеней мировой революции.

Сейчас Китай — колония иностранного капитала, но Китай становится на путь капиталистического развития. Это основа для всякого социально-экономического анализа, когда исследователь хочет понять смысл совершающихся политических событий. Китай в этом отношении никакого исключения не представляет, и поэтому прав т. Сафаров, когда он ищет связь между политикой великих держав и политикой китайских генералов, с одной стороны, и связь между развивающимся капитализмом в Китае и рабочим китайским движением, с другой.

Правильно он оценивает роль Сун-Ят-Сена, которого он расценивает следующим образом: «Он (Сун-Ят-Сен), правда, мелко-буржуазный демократ; ему еще многому нужно научиться; он совершил уже чрезвычайно много ошибок; но мы должны все же сказать, что истинное народное движение в Китае только на стороне Сун-Ят-Сена, только отсюда и только через него китайская революция может подняться на более высокую ступень, и только через него китайский народ может добиться своей свободы и государственной независимости».

Если говорить о сравнительной ценности рецензируемых нами брошюр, трактующих о событиях, происходящих в Китае, то наиболее удовлетворительной следует признать брошюру т. Сафарова, который, не мудрствуя лукаво, дал хороший популярный обзор китайской действительности, вполне доступный для широкого круга советских читателей, интересующихся Китаем.

Вл. Виленский-Сибиряков.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

1. ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ. Учебник политграмоты для деревни, ч. I. *Я. Шафира.* — 2. JANE ADDAMS. The Spirit of Youth and the City streets. *С. Марголиной.* — 3. МЕТОДЫ ОБЪЕКТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕБЕНКА. *Д-ра А. Залкинда.*

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ. Учебник политграмоты для деревни (Что должен знать каждый общественный работник в деревне.) Часть 1-я. Изд-во «Кр. Новь». 1924 г. 163 стр. Ц. 65 к.

Общие учебники политграмоты для деревенского работника не годятся. Не только потому, что недоступны по языку и вообще недостаточно популярны. Но главный их недостаток, это — отсутствие в них важнейшего, наиболее существенного для деревни. Самым актуальным для деревенского работника являются знания по части того, что происходит вокруг него. Политграмота в первую голову должна нас научить пониманию происходящего вокруг нас, а *через это* пониманию и явлений более отдаленных, значение которых мы в состоянии уловить посредственно. Никакие формальные знания, если они не смыкаются с нашим повседневным опытом, не могут прочно усваиваться читателем с сравнительно ограниченным объемом социального интереса.

Деревня такого учебника не имела до сих пор. Работа т. Ярославского, составленная по поручению ЦК РКП (б),— первая в этом роде. Книжка разделена на 9 бесед. Первая беседа посвящена «состоянию сельского хозяйства в СССР». Откуда пошла разруха нашего хозяйства, кто является «виновником» главнейших бед, обрушившихся на деревню, — исчерпывающий ответ общественный работник деревни получит в этой первой главе. Тут много цифр, характеризующих состояние сельского хозяйства и много данных, устанавливающих, на сколько это «настоящее» есть результат «старого наследства». Данных, может быть, даже слишком много для крестьянского читателя.

Может быть, следовало б самый существенный цифровой материал дать более крупным шрифтом, а менее нужный — петитом.

Это наше замечание, впрочем, относится не только к первой главе, но и ко всем остальным.

Вторая беседа о том, «как улучшить сельское хозяйство» Указав в самых общих чертах назначение науки и техники для земледелия, т. Ярославский сравнивает состояние нашего сельского хозяйства с заграничным. Надо полагать, что данные о высокой земледельческой культуре в ряде стран, в частности в Дании, и сопоставление их с некоторыми образцовыми хозяйствами у нас будут прочитаны с большим интересом нашими крестьянскими общественниками. Приводимые в беседе факты лучше всяких призывов убеждают в необходимости, в чрезвычайной важности покончить, наконец, с старинкой, с отсталыми формами хозяйничанья.

Третья и четвертая беседы трактуют об экономических отношениях в современной деревне. Тов. Ярославский дает эти взаимоотношения, как они сложились в течение последних лет, начиная, примерно с 1917 года и кончая 1923 годом. Тов. Ярославский широко использовал данные комиссии по работе в деревне ЦК РКП (б). В этих главах особенно подробно обрисованы изменения в деревне, произошедшие с момента объявления новой экономической политики, приведшей к сильному расслоению деревни. Как известно, новые данные, собранные этой же комиссией в 1924 году, еще больше говорят о происходящей классовой дифференциации.

Общественный работник в деревне особенно должен уметь различать, где враг и где друг. Он поэтому прежде всего должен уяснить себе классовые взаимоотношения в деревне, где как-будто с первого взгляда «все трудятся, все работают». Вот почему эти главы должны

быть основательно проштудированы учащимися.

Глава пятая дает главные сведения по конституции. Главы шестая, седьмая — о положении крестьянства при капитализме. Бегло читатель знакомится здесь с крепостным правом, крестьянскими восстаниями (Разин, Пугачев), «освобождением» крестьян и изменениями, произошедшими в положении крестьян после 1861 года.

Подробно обрисован процесс обнищания основной толщи крестьян после «освобождения», развитие капитализма в России. Тов. Ярославский подробно разбирает вопрос, развивается ли капитализм в сельском хозяйстве. Он доказывает, что разговоры об устойчивости мелкого крестьянского хозяйства — вздор, что мелкое хозяйство все больше и безнадежнее попадало в кабалу. Крестьянское хозяйство «спасало» от полного развала лишь то сомнительной выгодности обстоятельство, что крестьянская семья работала на скупщика, члены семьи занимались отхожими промыслами,— словом, каторжный труд, оплачиваемый весьма и весьма низко.

Восьмая и девятая беседы посвящены истории революционного движения, начиная с 70-х г.г. прошлого столетия. История эта доведена до Октябрьского переворота.

Такова первая часть учебника.

Написана книжка крепким и ясным языком. Автор удачно совмещает популярность формы с сжатостью изложения. В общем, учебник должен быть признан удачным. Может быть, следовало бы больше уделить внимания агропропаганде. Очень мало т. Ярославский уделил внимания положению женщин в деревне. Крестьянскому общественному работнику по этой части очень даже нужно подковаться.

В техническом отношении книга издана не совсем удовлетворительно. Сплошной текст без изобразительного материала, слишком много дано в разбивку. Крестьянину разбивка затрудняет чтение. Спорными для этого читателя являются и боковые заголовки.

Цена также должна быть признана несколько высокой.

Я. Шафир.

JANE ADDAMS. The spirit of Youth and the City streets. The Macmillan Company publishers. New - York 1921. 162 p.

ЖАННА АДАМС. Дух юношества и улицы наших больших городов. Изд. Макмиллена. Нью-Йорк. 1921. Стр. 162.

Это — тоже одна из поздно дошедших до нас книг, которые еще не утратили своего живого актуального интереса. Автор в течение двадцати лет работала в Чикагских сетльменах и близко наблюдала жизнь рабочих подростков. Она сумела вдумчиво и внимательно подойти ко всей жизни этих подростков и описать ее в сердечных и проникновенных, правдивых жизненных картинах. Все то, о чем мы обычно узнаем только из сухих безличных цифр статистики детского труда, развертывается здесь перед нами с силою и убедительностью подлинной жизни. Мы видим эти миллионы рабочих-подростков с первого же дня их вступления в трудовую жизнь; мы присутствуем при первых глубоких потрясениях, которые вызывает в их душе контраст между их юными иллюзиями и мечтами и притупляющим, бездушным, мертвящим фабричным трудом; мы видим, как они горько рыдают от усталости и тоски, бьются головой о стену, отказываясь примириться с мыслью, что им больше нечего уж ожидать от жизни... Перед нами развертываются картины тяжелой внутренней борьбы, когда 14-летний ребенок отказывается от всяких юных радостей и желаний и натягивает на свои детские хрупкие плечи непосильное бремя кормильца семьи, — пока энергия его не иссякает до дна, и его охватывает та нравственная усталость, тот паралич воли, когда ничто уже не может заставить его продолжать ходить на работу. Изнасилованная природа ребенка рано или поздно начинает бунтовать, и этот бунт выражается в самых разнообразнейших и нездоровых формах. Многие дети беспрестанно меняют место работы, пытаясь в этой частой смене занятий найти хоть какое-нибудь спасение от невыносимого однообразия фабричного труда. Специальные обследования установили, что многие дети меняют в течение первого года работы до шести

мест и что к концу года они начинают работать хуже и зарабатывать меньше, чем в начале, — и все же в этом непостоянстве «сказывается какой-то инстинкт самосохранения, спасающий этих детей от судьбы тех, которые так долго выдерживают однообразие фабричной работы, пока не становятся совершенно неспособными ни к какому труду».

Другие спасаются в мир приключений, ищут острых впечатлений и необычайных переживаний. Бегство детей из дому, ночевки под открытым небом и продолжительные многолетние скитания по белу свету становятся бытовым явлением. Многие дети странствуют целыми группами и впоследствии привлекаются к суду за бродяжничество. Почти все нравонарушения, зарегистрированные в протоколе судов для малолетних, поражают отсутствием каких бы то ни было иных побуждений, помимо жажды приключений. Дети привлекались к суду за кражу револьверов, за кражу лошадей для поездки за город, за кражу палаток для ночевок под открытым небом, за поджог сараев с целью вызвать приезд пожарной команды и т. д. Там, где не удается создать реальных возбуждений, прибегают к искусственным; морфинизм распространяется среди детей в ужасающих размерах. Дети пускаются во все тяжкие, чтобы только добыть себе кокаину, и создают целые кружки юных морфинистов, которые время от времени собираются в каких-нибудь укромных уголках, где на несколько дней умирают для внешнего мира. Опиум прельщает их не столько своим опьяняющим действием, сколько теми видениями и снами, которые он нагоняет.

Одним из таких средств искусственного возбуждения, бегства от пошлости и жестокости действительности является для ребенка театр, и многие дети увлекаются театром со всею неудержимою страстью настоящих пьяниц. Дети крадут у родителей деньги, закладывают свои вещи, тратят весь свой заработок, — лишь бы только попасть почаще в театр. Одна группа девочек упорно отказывалась принимать участие в устраиваемых авторо загородных прогулках, из страха опоздать в кинематограф. Дети ходят в кинематограф целыми кружками, и герои кинематографа становятся предметом их постоянных бесед. Капиталистический мир совершает двойной обман над этими детьми: днем он эксплоатирует их нежную юную рабочую силу, а ночью эксплоатирует их томление по лучшему миру и выманивает у них их скудный заработок, чтобы развращать их душу самым негодным духовным товаром. Однодневное обследование 465 кинематографов в Чикаго показало, что почти все они изображают картины мести, ревности, убийства, грабежей и отчаянных краж. Имеется множество случаев, когда дети под непосредственным влиянием кинематографических героев совершали кражи со взломом или даже покушение на убийство с «черными масками».

Имеется еще одна попытка освободиться от тяжелой действительности; попытка действительного переустройства мира, революционной борьбы за лучшее будущее. «В пылких сердцах молодежи пробуждается старое стремление к усовершенствованию мира, и молодежь упорно требует нового социального строя. Юношество отказывается терпеливо сносить мировое наследие несправедливости и зла, с возмущением отбрасывает «розовую водичку для исцеления ран» и ищет более решительных и смелых средств борьбы. Но этот «божественный огонь» быстро гаснет в условиях американской жизни. Юные иммигранты, приезжающие из России, где они всю жизнь готовились к решительной революционной борьбе за лучший социальный строй, наталкиваются в Америке на гранитную стену равнодушия и остаются потрясенными и разбитыми навсегда. Автор рассказывает о самоубийстве одной юной русской иммигрантки, которое произошло одновременно с покушением на самоубийства целой группы ее подруг. Одна из покушавшихся объяснила впоследствии свой поступок тем, что «она ничего не нашла в Америке, что Америка целиком занята коммерческими расчетами и поглощена добыванием денег, что американцы не объединены никакими историческими узами или великими идеалами будущего, что они совершенно не знают захваты-

вающих социальных и философских движений Европы, что ее личная жизнь в Америке превратилась в долгую, тяжелую, томительную борьбу за существование, что ей надоело делать за 75 центов шляпы, которые потом продаются за двадцать долларов и украшают чью-нибудь пустую голову, которой нет никакого дела до женщины, работавшей над нею».

Мы не станем останавливаться здесь на тех выводах, которые автор делает из своих наблюдений, на том, как она рекомендует патриотическим учителям «ввести в государственное русло революционные порывы русской молодежи и использовать их для оживления нашего потухшего энтузиазма к демократии» или серьезно советует американским фабрикантам использовать художественные влечения рабочих подростков для улучшения качества американских товаров. Все эти наивные рецепты теряются перед красноречивой убедительностью собранного автором жизненного материала, который позволит рабочему классу самому сделать свои выводы и заключения.

С. Марголина.

МЕТОДЫ ОБЪЕКТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕБЕНКА. Сборник под ред. проф. Эвергетова. Изд. Ленингр. Педолог. Института. 1924. Стр. 240 большого формата.

Наука о ребенке (педология) развернулась в СССР за эти несколько лет так, как не развернулась бы в мирное время в течение многих десятков лет. Революционная перекройка общественности потребовала, в первую голову, и перекройки старой воспитательной системы, в основе своей руководившейся классовыми заданиями помещичье-буржуазного строя. Новые педагогические методы, новые педагогические цели не могли, однако, мириться со старыми способами исследования, так как последние, приспособившись к старым классовым поручениям, непрерывно преподносили советской педагогике самые невеселые сюрпризы: *начался пересмотр методов исследования ребенка*, — пересмотр, далеко не во всем правильно сейчас протекающий, но, несомненно, давший уже кое в чем вполне ощутимые ценные результаты. Рецензируемый сборник тоже имеет отношение к этому пересмотру.

Положительным моментом в сборнике является рефлексологический его стержень. Как ни хрупка еще методика рефлексологического изучения человека, — все же объективизм и монизм ее побуждают к доверию: наблюдаются нерасщепленные кусочки детской биопсихики, а целостные ее проявления, — притом не «сами по себе», а в соответствии со строго, четко отграниченной серией опытных раздражителей. Как ни нуждается еще эта методика эксперимента в серьезных поправках, — все же для субъективистических выдумок она создает достаточно жесткие границы.

Начинается сборник с четырех статей, посвященных *генетической рефлексологии:* 1) Бехтерев и Щелованов — к обоснованию генетич. рефлексологии; 2) Щелованов — методы генетической рефлексологии; 3) Денисова, Фигурин — опыт рефлексологического изучения новорожденного; 4) те же — ранние дифференцировки сочетат. рефлексов у детей в младшем возрасте. При изучении взрослого человека чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно установить происхождение различных свойств личности и особенностей ее поведения: какие из них наследственно организованы, какие — результат индивидуального опыта. Генетический метод и пытается с первых дней бытия человека проследить его реакции, *тщательно отщепляя в них врожденное от напластований среды.* Благодарным моментом, в смысле объективной точности выводов, является при этом чрезвычайная простота детских реакций, не позволяющая истолковывать их по аналогии со сложными переживаниями взрослого, а тем самым мешающая и субъективизации выводов. Из тех, немногих пока, опытов, которые авторам удалось провести, они заключают, что новорожденный ребенок обладает двумя *врожденными* основными установками (реакции доминантного типа): пищевой доминантой (задержка ребенком при появлении пищевой реакции всех бывших до того общих реакций: движение, крик), и доминантой по-

ложения (при переведении из горизонтального в вертикальное положение, кричащий и двигающийся ребенок успокаивается). В первоначальном развитии ребенка, по выводам авторов, основное значение имеет зрительная и слухсвая область и т. д. Конечно, эти выводы педагогически пока не очень существенны, притом экспериментально они еще не вполне, по-нашему, подтверждены, но важно лишь констатировать здесь, что перед нами действительно открывается широкое поле для организованных, плодотворных наблюдений и опытов. Хаосу ранне-детских проявлений, под влиянием генетически-объективного метода, предстоит систематизироваться, — а это явится, в свою очередь, источником и для систематизации методов воспитательского воздействия, которого фактически в этом возрасте до сих пор не было: в 1-й год ребенок для воспитателей всегда был таинственным, непонятным и непонятым зверенышем, — между тем, именно этот возраст не только грубо - биологически, но и *педагогически* содержит в себе колоссальные, совершенно пока не используемые возможности. Хорошим предвестником для дальнейшего развития генетической рефлексологии является и то, что, по накопляющимся у ее работников данным, господствовавший до сих пор в старой педологии «биогенетический принцип» подвергается резкой критике. Зловредность же этого принципа (изживание ребенком в раннем детстве мистического и индивидуалистического — охотничьего, пастушеского и пр. стадий) для коллективистических, материалистических, индустриальных задач пролетарской педагогики слишком хорошо всем известна.

Интерес представляют также статьи проф. Басова и его сотрудников (Герке и др.): к методике психолог. наблюдения над детьми; проблема наблюдателя в наблюдениях за детьми и др. Басов принадлежит к группе живых педо-экспериментаторов, не дробящих ребенка при изучении его на искусственные части и серьезно учитывающих колоссальное значение внешней среды. Интересна постановка им вопроса о проблеме организованного *воспитания наблюдателя*, слишком часто субъективизирующего свои опытные впечатления. Пример: двое наблюдают одновременно за одной и той же девочкой Таней. Запись первого: «Добежав на обратном пути до бочки, достала оттуда исписанную тетрадку брата, вырвала быстрым и сильным движением 3 полустраницы и пошла, держа листки перед собою, повторяя: Вва-вва-вва... и еще что-то (как бы читая вслух). Выражение личика сосредоточенно-серьезное. У кровати остановилась, обернулась, что-то напевает, раскачиваясь мерно (ритмично) из стороны в сторону». Запись второго о том же: «Вынула тетрадку из бочки с игрушками, сделала вид, что читает». Разница, как видим, огромная.

Новым материалом для нашей экспериментально - педологической литературы являются попытки И. Л. Эвергетова и Е. И. Эвергетовой подойти к проблеме *групповой, коллективной психологии в детском возрасте*; «наблюдения над проявлениями социальности в детском возрасте», «групповая психология в школе». Возможно, что в этих попытках сказалось влияние жестокой марксистской критики — на 100% чисто индивидуалистических педологических работ I психоневрологического съезда. К сожалению, методика, используемая авторами, больна глубокой червоточиной, отличается той же выхолощенностью, той же смертоносной для детей скукой, которая характеризовала бо́льшую часть старых индивидуалистических наблюдений. Перспектив для эксперимента в области действительной коллективной психологии детства эта методика не открывает. Хорошо, однако, и то, что вопрос поставлен.

Большие сомнения вызывает статья Эвергетовой и Серебрянникова «о методах объективного изучения дошкольников». Совпадение выводов их метода с итогами методов Бинэ и Нечаева говорит не столько о правильности подхода авторов статьи, сколько об общей ошибке всех трех проверяемых ими методических систем.

Между прочим, чрезвычайно подавляюще действует благоговейное отношение ряда авторов сборника (в том числе и Басова) к педологической идеоло-

гии Монтессори, мистическая, индивидуалистическая и статическая позиция которой, конечно, для советской педагогики совершенно неприемлема (за исключением отдельных технических частностей). Идеологически выдержанным сборник вообще назвать никак нельзя, так как, во-первых, рефлексология и Басовская психология—вещи, конечно, разные (хотя и не чуждые), не говоря уже о том, что подтверждаемые в сборнике нечаевские эксперименты и работы Басова тоже далеко не близки друг другу. Но, все же, основная позиция сборника определяется его рефлексологической и басовской частью, что, по существу, делает бо́льшую его половину идеологически и практически приемлемой.

В сравнении с Бинэ, Симоном и их российскими подражателями,—это, все-таки,—шаг вперед. Хотелось бы, однако, больше новых методических указаний и практических выводов. **А. Залкинд.**

ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ.

1. Е. КАРСКИЙ. Русская диалектология. *Г. Винокура.* — **2. НИКОЛАЙ ДУРНОВО. Очерк истории русского языка.** *М. Петерсона.* — **3. К. О. ERDMANN. Die Bedeutung des Wortes, Aufsätze aus dem Grenzgebiet der Sprachpsychologie und Logik.** *Р. Шор.*

АКАД. Е. Ф. КАРСКИЙ. Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка). Книгоизд. «Сеятель». Ленинград 1924. Стр. 171. Тираж 2.000.

«Русская диалектология» акад. Карского, известного своими трудами в области белорусской этнографии и языка, производит чрезвычайно странное впечатление прежде всего со стороны самого построения своего. В самом деле, является ли так наз. «литературный язык», которому посвящен первый из крупных отделов книги, только одним из наречий некоторого более общего целого — «русского языка вообще», или же он обладает по сравнению с обычными диалектами какими-то специфическими признаками? Для современного лингвистического сознания бесспорным представляется именно последнее решение вопроса. Если на основе какого-либо говора или наречия создается литературный язык, как культурное достояние уже не отдельной этнической группы, а *нации*, как некая «койнэ», то тем самым говор этот перестает быть просто говором среди говоров и получает совершенно особое как культурно-историческое, так и лингвистическое значение. Само собою разумеется, что диалектология, которая имеет своей целью описание различных диалектов, связанных с данным литературным языком, как своим культурным центром, в качестве *методического приема* может пользоваться литературным языком, как отправным пунктом своего изложения: в этом случае диалектические особенности будут излагаться, как отклонения от норм литературной речи. Книга акад. Карского, однако, тем именно и отличается от обычных диалектологических пособий, что литературный язык играет в ней роль не методическую, а самостоятельную: это просто одно из наречий русского языка, особенности которого изучаются на первом месте ввиду лишь большей их известности. Так как, однако, в составе диалектологии с русским литературным языком делать все-таки нечего, то весь обширный первый отдел книги на деле оказывается нечем иным, как изложением основ общей фонетики (физиологии звуков речи) и начатков орфоэпии (правопроизношения) — так жестоко мстит за себя автору методология. Эти сведения по общей фонетике, которые предпосылает автор своему соб-

ственно-диалектологическому изложению, могут быть, конечно, весьма полезны для диалектологии, но это, очевидно, уже не «русская литературная речь» (см. заголовок на стр. 23), а, во-вторых, фонетика эта должна быть изложена действительно правильно и научно. И вот в этом-то, уже чисто-практическом, отношении книга акад. Карского способна возбудить недоумения самые серьезные и сомнения самые справедливые.

После громадного труда, проделанного в области учения о звуках речи как русской, так, в особенности, и западной наукой, после такой точной работы в специальном уже применении к славянским языкам, какой является известная книга Олафа Брока, на которую ссылается и сам автор рецензируемой книги, можно было бы, кажется, рассчитывать, что в современном руководстве по диалектологии, да еще принадлежащем столь авторитетному автору, как акад. Карский, не окажется места для той терминологической невыдержанности, объяснений современных фактов с помощью ссылок на историю языка, и совершенно фантастических, порою, изъяснений отдельных звуков речи, какие на деле составляют все почти содержание первого отдела рассматриваемого труда. Приведу некоторые примеры. Никакое стремление к популяризации не может оправдать, напр., того словоупотребления, к какому прибегает автор при изображении редукции безударных гласных в русской литературной речи. Совершенно непонятно, в частности, почему Карский называет «неопределенным», «невнятным», «иррациональным» и т. п. тот звук, который образуется в результате редукции второго предударного «о» или «а» и который передается в фонетической транскрипции знаком «ъ». Решительно ничего неопределенного в звуке этом нет, ибо он характеризуется вполне определенным местом образования, не менее определенным подъемом языка, и вся особенность его состоит только в том, что он есть звук неполного образования в качественном и количественном отношениях. Впрочем, о звуках неполного образования, иначе говоря — о редукции, у акад. Карского представление несколько странное. «Качественная редукция, — пишет он, — состоит в том, что при произнесении гласного язык принимает индифферентное положение, представляющее условное положение покоя или безразличности... Количественная редукция гласных выражается в сокращении гласного элемента до полного исчезновения включительно» (стр. 35). Между тем, для качественной редукции характерным является вовсе не то или иное положение языка, а именно *неполное образование голоса*, недостаточная активность голосовых связок, что же касается до количественной редукции, то здесь речь должна итти не о «сокращении гласного *элемента*», как раз составляющем признак редукции первого рода, а о сокращении *вообще звука*, т.-е. о той или иной степени его *долготы*. Однако и относительно долготы у акад. Карского представление существует весьма своеобразное. Так, напр., указывая на различие между согласными взрывными (мгновенными) и фрикативными (длительными), Карский именно такое различение и склонен считать различением «количественным» (стр. 26). Ясно, однако, что дело здесь не в количестве, ибо и взрывные звуки могут быть долгими, а фрикативные — краткими, и что указанное различение зависит уже от самого способа образования тех и других согласных. Если нужны еще примеры совершенно исключительной неотчетливости фонетических терминов автора, то можно было бы указать, напр., что Карский объясняет неслоговой характер гласных, как результат сокращения гласных слоговых (стр. 37), в то время как все различие между обоими типами гласных опять-таки заключается не в степени их долготы, а в степени силы; что мягкость конечного согласного в таких словах, как «путь» или «кинь», приписывается почему-то «исчезновению умягчительного гласного» («путь»—от старого «пути») и т. п. Последнее недоразумение, как нетрудно догадаться, имеет своим источником уже исключительно лишь неясность литературного изложения (мягкость согласных в этих случаях, очевидно, объясняется не «исчезновением» следовавшего некогда за ними гласного, а именно тем

фактом, что гласные в указанном месте *были*), неотчетливость стиля, также составляющие большой недостаток работы Карского.

Ясно, что на основах такой сумбурной, порою просто неверной фактически, физиологии звуков речи никакая диалектология не может быть изложена достаточно удовлетворительно. В последующих отделах книги, посвященных трем основным русским наречиям, мы не находим поэтому точного и систематического изложения соответствующих фонетических явлений. Конечно, основные и общеизвестные факты акад. Карским не упущены, но фактами этими можно пользоваться лишь после тщательной критики и проверки тех оснований, на которых они изложены у Карского. Чтоб не ходить далеко за примерами, скажу лишь, что нельзя объяснять неподготовленному читателю «акание» в таких выражениях: «среди неударяемых гласных особенно развито «а», при чем оно бывает более резко (в южновеликорусской речи), чем в литературной речи. Оно появляется всякий раз, когда звуку «о» приходится быть без ударения» (стр. 54). Не говоря уже о том, что совершенно непонятна квалификация гласного по какому-то метафизическому признаку «резкости», нужно указать, что только крайняя терминологическая некритичность автора позволила ему рассматривать «акание», как некий странный процесс, в котором «а» «появляется» на месте звука «о», который вежливо уступает соседу свое безударное место. Здесь, очевидно, можно говорить лишь о том, что в известную пору развития русского языка «а» и «о» в безударном положении совпали и что этим объясняется то обстоятельство, что южновеликорусские говоры не знают вообще в безударном положении звука «о»: наперекор Карскому, таким образом, звуку «о» никогда решительно не «приходится быть» без ударения...

Ценность книги Карского, таким образом, является весьма сомнительной. Специалистам она не нужна, а неподготовленный читатель не может ею пользоваться, поскольку она нуждается в предварительной критике, доступной только специалисту. Есть, однако, в книге Карского и такие страницы, к собственно диалектологическому изложению не относящиеся, которые заслуживают внимания более серьезного. Прежде всего, несомненным достоинством книги Карского, выгодно отличающим ее среди прочих учебников диалектологии, являются богатые ссылки на историю предмета в виде кратких исторических введений к соответствующим главам книги. Кроме того, к положительным достоинствам книги можно также отнести попытку Карского обставить свое изложение разрешением некоторых общих проблем, связанных с диалектологией, но именно только *попытку*, ибо само разрешение этих проблем, предлагаемое Карским, вряд ли можно признать удовлетворительным. Так, пробуя ответить на вопрос о внутренних причинах звуковых изменений, Карский так и не находит другого ответа, кроме старой стереотипной формулы: «звуки изменяются постепенно». Что же до вопроса о различии между языком и наречием, которого касается автор в заключительной главе книги, то различие это, кажется мне, может быть обосновано только в связи с той специфической проблемой «литературного языка», которую как раз и игнорирует Карский, как это указано в начале рецензии.

Г. Винокур.

НИКОЛАЙ ДУРНОВО. Очерк истории русского языка. Москва — Ленинград 1924 г. 376 стр.

«Настоящий «Очерк»,— говорит автор в «Послесловии» (365),—переработка моих университетских курсов». Однако, по его мнению, с которым нельзя не согласиться, «университетский курс должен не только служить пособием для экзаменов, но и быть также надежным руководством при самостоятельных занятиях русским языком как студентов, так и вообще начинающих ученых, преподавателей языка и специалистов по смежным областям научного знания, напр., по другим славянским языкам, истории русских государств, народов, литератур, русской этнографии и т. п., которым приходится для своих специаль-

ных занятий обращаться и к истории русского языка».

Таким образом эта книга должна обслуживать обширные кадры, которые еще возрастут, если припомнить, во-первых, значительный рост у нас краеведения, а во-вторых, то, что на «Очерк», несомненно, будет спрос и из-за границы. Ввиду всего этого, тираж книги (5.000) мне представляется очень небольшим.

По моему мнению, книга вполне отвечает своему назначению.

Обращаюсь к ее содержанию.

Книга состоит из «Введения» (1—108) и двух основных частей: I. История звуков русского языка (109—242); II. Историческая морфология (243—347). В «Приложении» даны: Объяснение транскрипций (348—353); Древние памятники русского языка (354—359); Указатель пособий (360—364). В конце — небольшое «Послесловие» (365—366).

«Введение» состоит из следующих глав: 1) Задачи и методы истории языка; 2) Звуковой состав современного великорусского литературного языка; 3) Морфологический состав русского языка; 4) Краткий очерк русской диалектологии; 5) Древнерусское правописание.

Обращаю внимание читателя на методологическую часть «Введения». Она очень ясно изложена, а главное, удачно иллюстрирована большим количеством хорошо подобранных примеров из истории русского языка.

То, что автор, прежде чем излагать историю русского языка, дает описание как литературного языка, так и диалектов, представляет оригинальную черту его книги, выгодно отличающую ее от других подобных руководств. Эту описательную часть еще больше приходится ценить потому, что в таком компактном и надежном виде ее нигде больше не найдешь. Здесь автор дает больше, чем обещает в заглавии (Очерк *истории* русского языка), но за такое расширение задачи ему можно только быть благодарным.

Обе основные части автор излагает по такому плану:

1. Явления, перешедшие в русский язык из общеславянского.
2. Общерусские изменения.
3. Великорусские явления.
4. Белорусские явления.
5. Малорусские явления.

Насколько мне известно, история русского языка по такому обширному плану излагается впервые. С такой трудной задачей мог справиться только такой отличный знаток русского языка, как Н. Н. Дурново, который опирался не только на труды своих предшественников, но и на свои собственные изыскания. Вообще книга стоит на высоте современных научных достижений. Я могу сделать только несколько частных замечаний по пунктам, в которых расхожусь с автором.

В понимании формы слова Н. Н. Дурново идет вполне по стопам Ф. Ф. Фортунатова, что, по моему мнению, можно только приветствовать; но то определение формы слова, которое автор дает (59), вместо фортунатовского, мне кажется неудачным.

Неудачен также, по-моему, термин «одушевленный и неодушевленный род» (64). Я бы предпочел термин Шахматова: «категория одушевленности», но очень хорошо, что автор не миновал этого своеобразного явления в русской морфологии, общего у него с некоторыми другими славянскими языками. Под глаголом автор разумеет (63) спрягаемые слова. «Формами спряжения в глаголе,— по мнению автора (65), — являются формы наклонения, времени и лица с их различиями по числам, а в русских формах прошедшего времени также форма рода и числа». Такое расширенное понимание термина «спряжение» едва ли целесообразно: получается смешение разнородных явлений — форм лица (веду, -ешь и т. д.) и форм рода (вел, -а, -о), которых никак нельзя отделить от таких случаев, как — добр, -а, -о. Глагол — это группа слов, выделяемая на основании форм словообразования, а не форм словоизменения, поэтому под глаголом в научной лингвистической литературе понимаются не только слова, имеющие формы лица (Verbum finitum), а также и причастия и деепричастия и инфинитив (Verbum infinitum).

Это, впрочем, мелочи, нисколько не уменьшающие ценности книги. Появление ее особенно надо приветствовать теперь, когда все другие пособия этого

рода стали библиографической редкостью. Впрочем, и среди этих пособий «Очерк истории русского языка» Н. Дурново занял бы почетное место.

М. Петерсон.

Die Bedeutung des Wortes. Aufsätze aus dem Grenzgebiet der Sprachpsychologie und Logik. Von KARL OTTO ERDMANN. Dritte Auflage. Haessel Verlag. Leipzig 1922. S. XII+226.

К. О. ЭРДМАНН. Значение слова. Очерки из области психологии речи и логики. Третье издание. Изд-ство Хессель. Лейпциг 1922. XII + 226 стр.

Предназначенная для широких слоев читателей, книга Эрдманна привлекает легкостью и блестящим остроумием стиля и почти беллетристической занимательностью материала. Автор ставит себе целью осветить один крайне важный для лингвистики вопрос — вопрос о значении языка, как орудия *коммуникации*. «Что может сделать язык в качестве средства сообщения, взаимопонимания? Поскольку слова являются знаками понятий, — поскольку они больше или меньше этого?»

Проблема, разрешение которой должно осветить этот вопрос, — это проблема *полисемии*, многозначимости слов. «Никто не отрицает in abstracto, — замечает автор в предисловии книги,—что слова обладают многими значениями и расплывчатыми границами; но на практике никто не считается с размерами и последствиями этого явления. Сколько ведется ожесточенных споров, беспредметность которых раскрывается при первой же попытке установить предварительно значение некоторых терминов. Спорщики напоминают здесь естествоиспытателей, которые удивляются вечному несовпадению своих наблюдений, но которым не приходит в голову проверить степень уклонения своих микроскопов и измерительных приборов — источника своих ошибок. Мои очерки и стремятся побудить к исследованию точности и продуктивности важнейшего нашего духовного орудия — языка».

Главная заслуга автора и заключается в том, что многозначимость — как это ясно из приведенных выше слов — не есть для него явление исключительно историческое. В отличие от обычных работ по семасиологии он не имеет в виду исследовать изменения значений слов во времени, хотя и делает на стр. 12—30 небольшой экскурс в эту область; но главное свое внимание он обращает на способность слова одновременно, синхронически обладать несколькими значениями в сознании говорящего. На стр. 9—10 разбираемой книги автор прямо настаивает на необходимости статического рассмотрения фактов полисемии. «...Для большинства говоряших существенно не становление (Werden), а бытие (Sein). И тот, кто рассматривает язык, как орудие коммуникации, как средство сообщения, должен принимать его современное состояние за относительную константу»...

На множестве примеров и лингвистических анекдотов, автор и раскрывает основные формы статической (не исторической) полисемии — многозначимость грамматических форм, многозначимость так наз. «относительных», или «неопределенных», слов, наконец, созвучность разных по значению слов, омонимию. Не довольствуясь этим, автор выдвигает парадоксальное утверждение: — «Все слова — за ничтожнейшими исключениями — многозначны», и подтверждает его, рассматривая приложимость того или другого слова к различным объектам (напр., изменение значения слова «стоять» при приложении его к таким предметам, как «скамья», «жердь», «тарелка», «рельс» и т. д.).

Положение это приводит автора — в очерке «Wortanalyse und Wortbegrenzung» — к отрицательному ответу на вопрос о возможности установить единый точный смысл слова путем анализа его значения. Он признает возможными только два типа раскрытия значения слова — описательный перечень всех существующих его употреблений (beschreibende Wortanalyse) и нормативное ограничение его из практических соображений (vorschreibende Wortabgrenzung). Ко второму типу — типу произвольных

дефиниций — автор и относит все приемы раскрытия точного смысла слов.

Перечисленным выше формам полисемии посвящен первый очерк книги: «Die Vieldeutigkeit und Unbestimmtheit des sprachlichen Ausdrucks». Еще одну форму многозначимости освещает второй очерк «Ein Kapitel Scholastik». Здесь в связи со средневековым учением о подстановках слов (suppositio materialis et formalis) рассматриваются случаи, «где слово, независимо от того, обозначает ли оно одно или несколько понятий, исполняет различные функции (напр., имя нарицательное исполняет функцию имени собственного) и тем самым выражает разный смысл». Наконец, четвертый очерк — «Nebensinn und Gefühlswert der Wörter» — посвящен многообразию экспрессивной, выразительной стороны слов, различиям эмоциональной окраски слов в языке различных общественных групп и базирующемуся на этом различию самых значений слов

При всей легкости и занимательности изложения, книга Эрдманна страдает одним серьезным недостатком — автор слишком избегает логического определения терминов и точных формулировок. Возбудив интерес читателя к поставленной здесь проблеме, подведя его вплотную к вопросу о возможности взаимопонимания при постоянной многозначимости слов, — автор уклоняется от прямого ответа на последний вопрос и лишь мельком упоминает о возможности понимания из контекста. А между тем здесь остается нераскрытым одно из важнейших положений современной лингвистики, — положение о том, что графическое слово, слово в словаре, далеко не всегда является самостоятельным словом, носителем определенного смысла. Обычно носителем определенного смысла является целое словосочетание, ряд словосочетаний; а отдельное слово является лишь осколком целого, указующим на вещи названием, точное значение которого открывается только в контексте.

Точно так же многое из того, что автор рассматривает как множественность значений слов, раскрывается в современной общей грамматике, опирающейся на анализ структуры слова, как элементы содержания слова, отнюдь не входящие в его значение. Так, напр., автор неоднократно повторяет, что слова суть «знаки» не только понятий, но и «знаки» различного рода эмоциональных переживаний (Gefühlswerte); а между тем он упускает из виду, что связь слова с его экспрессией, эмоциональной ценностью (valeur emotionnelle) *качественно* отлична от связи слова с его значением; ибо только во втором случае слово является «знаком», коммуницирующим известную мысль, тогда как в первом случае оно играет роль «признака» известных переживаний говорящего, не выраженных в самом акте речи.

В других случаях автор относит к фактам многозначимости различия «внутренней формы» и «значения» слова или различие «значения» слова и его «предметной отнесенности» (напр., в вопросе о приложимости слова к тому или другому предмету). И, как большинство семасиологов, в своем историческом экскурсе автор смешивает случаи перенесения названия со случаями изменения значения слова.

Такой же характер неопределенности, недоговоренности носят два последних очерка книги — «Gedankenloser Wortgebrauch» и «Anschauliche Sprache». Очерки эти посвящены вопросу о так наз. «образе» в речи прозаической и поэтической. Собранный в них материал ясно показывает, что «образы» эти отнюдь не следует отождествлять с представлениями. Но автор и здесь избегает точного вывода; самостоятельное же рассмотрение этого вопроса — одного из основных вопросов теоретической поэтики — выходит за пределы краткой журнальной заметки.

Р. Шор.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

1. ФРИЦ КАН. Млечный путь. *Проф. С. Блажко.* — **2. ПРОФ. И. Ф. ПОЛАК. Планета Марс и вопрос о жизни на ней.** *Проф. С. Блажко.* — **3. ДЖ. ДЖЭД. Возникновение и развитие идеи эволюции.** *М. Гремяцкого.* — **4. Л. ГЕНДЕРСОН. Среда жизни.** *Проф. Я. Никитинского.* — **5. УСПЕХИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ.** *М. Завадовского.* — **6. С. АРЖАНОВ. Земля и человек.** *Проф. А. Крубера.* — **7. ФАБР. Жизнь насекомых.** *А. Бессера.* — **8. Ж. Дюкло Коллоиды.** *Б. Андреева.*

ФРИЦ КАН. Млечный путь. Научно-популярная библиотека. «Человек и вселенная». Изд. «Земля и Фабрика». Москва — Ленинград 1924. Ц. 50 к.

Очень восторженно написанная книга. Автор воодушевлен грандиозными задачами, решить которые было, остается и останется предметом и целью астрономии, теми могущественными средствами, при помощи которых в последние десятилетия эти задачи решаются, и теми достижениями, которые характерны для последнего времени. В живом и образном изложении вопросов, связанных с млечным путем, он пытается заразить своим восторгом и читателя. И если читатель по своей психике родственен автору, то цель последнего, несомненно, будет достигнута. В этом положительная сторона книги. Но на протяжении 120 страниц небольшого формата автор касается столь разнообразных вопросов, что почти неизбежно некоторых из них касается бегло, так что для малоподготовленного читателя далеко не все в книге будет понятно; например, рассказ о спектральном анализе написан, правда, очень живо, но, пожалуй, самая картинность и образность выражений несколько затемняют суть дела (повторяем, для малоподготовленного читателя). Кроме того, в некоторых вопросах, напр., в вопросе об эволюции звезд, автор не учитывает последних достижений науки, а повторяет идеи конца XIX и начала XX века; в некоторых вопросах, самых трудных, не отмечено разнообразие взглядов различных исследований. Самое обилие приводимых сведений может иногда, при сжатости изложения, затруднить чтение. Но в общем книга может способствовать распространению интереса к астрономии и потому быть полезной.

С. Блажко.

ПРОФ. И. Ф. ПОЛАК. Планета Марс и вопрос о жизни на ней. «Начатки Естествознания». Гос. Изд. 1925. 100 стр.

Брошюра проф. Полака заслуживает того, чтобы рекомендовать ее всем, кто интересуется Марсом. После введения, в котором кратко охарактеризованы с физической стороны различные планеты нашей солнечной системы, первые две главы рассматривают движение Марса действительное вокруг солнца и видимое с земли и в связи с этим условия наблюдения его, его размеры, вращение около оси, времена года на нем, с интересным добавлением: астрономия на Марсе, спутников Марса. Остальные главы, на 70 стр., посвящены рассмотрению его поверхности с ее загадочными образованиями, атмосферы, температуры, — словом, всего того, что имеет отношение к вопросу о жизни на нем. Изложение неторопливое и достаточно подробное, имеющее в виду отнюдь не специалиста и даже не любителя астрономии, уже знакомого со звездной наукой. Автор поэтому, между прочим, останавливается в должной мере на выяснении условий, при которых приходится производить астрономические наблюдения, чтоб читатель сам мог судить о их трудности в рассматриваемом вопросе. Подробно говорится о знаменитых «каналах», и при этом излагаются наблюдения Скиапарелли, Лоуэля, противников геометрической сети каналов, наблюдения

Антониади и Геля, фотографии Тихова. Изложение простое, деловитое, но отнюдь не сухое и вполне популярное — для читателя не-специалиста, но умеющего читать книги. Таким образом читатель может составить себя ясное представление о том, что известно и что еще остается узнать о Марсе и о разнообразии воззрений астрономов, происходящем от трудности вопроса. В этом отношении брошюра проф. Полака должна быть безусловно предпочтена брошюре проф. Михайлова, слишком краткой и субъективной. В конце брошюры даются краткие указания о наблюдении Марса в небольшие инструменты. В заключении говорится вообще о возможности жизни и возможном разнообразии форм жизни на различных небесных телах. Книга способна возбудить у читателя много мыслей и расширить его миропонимание. Ее следует рекомендовать для различных библиотек, между прочим, и школьных.

С. Блажко.

ДЖ. ДЖЭДД. Возникновение и развитие идеи эволюции. Перевод с английского Н. Зверинского. [Под редакцией Н. Бобринского. Госиздат. М. 1924 г. Стр. 112.

Название книги может ввести в заблуждение того, кто ее возьмет в руки. Оригинал озаглавлен «The Coming of Evolution» — буквально — «Пришествие эволюции», что больше соответствует ее содержанию — рассказу о том, как трудами гениальных английских естествоиспытателей эволюционная идея одержала во второй половине прошлого века блестящую победу на всем фронте борьбы. В ней, по словам Гексли, «никто не боролся лучше и не был счастливее Чарльза *Дарвина*. Когда он начал свою деятельность, великая истина попиралась ногами, поносилась изуверами и осмеивалась обществом. Но он жил достаточно долго для того, чтобы увидеть ее — главным образом, благодаря своим же усилиям — утвержденной неопровержимо в науке, неотъемлемо связанной со всеми мыслями людей и ненавидимой и вызывающей страх в тех, кто мог лишь поносить ее, но не осмеливался против нее бороться». Рецензируемая книга должна бы выяснить, как и почему удалось Дарвину совершить свое великое дело, какие исторические силы подготовили торжество его идей и почему именно в Англии эволюционное учение впервые вылилось в стройную систему, быстро завоевавшую признание ученого мира. Однако ответов на эти вопросы у Джэдда мы не находим. Причина этого умолчания в том, что Джэдд ограничил свое исследование узким кругом современников и ближайших предшественников Дарвина, да и здесь замкнулся в сферу чисто научных геологических и биологических теорий, не изобразив даже основного фона своей картины — развития естествознания к середине XIX века. Лишь изредка, по случайным поводам, упоминает он с пренебрежением [1]) о Ламарке, с осуждением о Кювье, приписывая последнему идею многократных «актов творения», которой Кювье не высказывал. Зато по отношению к английскому «общественному мнению» Джэдд держится в высшей степени предупредительно, не раз спеша отметить, что те или иные геологические учения отнюдь не противоречат «Священному Писанию» (стр. 17, 21 и др.).

Эти особенности книги Джэдда делают ее мало пригодной для широких читательских кругов. Лица же, более подготовленные, знакомые с развитием биологической мысли, найдут в ней кое-что для себя интересное. Автор широко использовал менее известный исторический материал, в виде писем, воспоминаний и т. д., чему не мало способствовало его личное знакомство с Дарвином и его ближайшими сподвижниками. Пожалуй, это — единственное достоинство разбираемой книги. Перевод сделан удовлетворительно.

М Гремяцкий.

---

[1]) Кстати сказать, совершенно непонятно, почему редактор русского перевода говорит, что нетерпимость Джэдда к Ламарку «легко объясняется: он еще слишком полон воспоминаниями о великой борьбе за идею постепенного развития мира». Разве эту борьбу приходилось вести против Ламарка?

Л. Ж. ГЕНДЕРСОН. Среда жизни. Перевод С. Н. Скадовского и В. Н. Шредер. «Соврем. проблемы естеств.» Кн. 15. Государств. Издат. Ленинград 1924. Стр. 197.

Организм и среда — среда и организм. Пожалуй, ни одна из проблем биологии не сосредоточивала на себе столько внимания биологов. Дарвинизм дал биологическому знанию могучий толчок в этом направлении. Исследования Леба и его школы над химическим равновесием солей, работы последнего времени над значением кислой и щелочной реакции среды завершают бесконечный ряд работ над взаимоотношением между организмом и окружающей средой. В общем и целом эти взаимоотношения со стороны организма укладываются в понятие «приспособление», — «приспособленность».

Автор названной в заголовке книги перевертывает эту обычную для биолога формулу и подходит к вопросу с обратного конца: как приспособлена к организму и к явлениям жизни окружающая среда?

С этой точки зрения вопрос в свое время интерпретировался и усердно разрабатывался учеными богословами прошлого века и даже тогда, при весьма малой разработанности фактического и цифрового материала, позволял установить поразительно целесообразные отношения. Захватывая вопрос чрезвычайно широко, с самой общей научно-философской точки зрения, пользуясь самыми точными и новейшими научными данными, автор связывает его как с биологией, так и с целым рядом физико-химических дисциплин вплоть до геофизики и космогонии. Свою проблему он формулирует в конце концов следующим образом: «В какой мере свойства материи и энергии и космические явления благоприятны для существования механизмов, которые обладают сложным строением, способны к саморегуляции и снабжены определенного рода материей и энергией?» (другими словами, жизненных механизмов).

Главнейшими компонентами жизненной среды автор считает воду, угольную кислоту и органические вещества. Чрезвычайно тщательно подбирая фактический материал, он в высшей степени отчетливо выявляет их удивительную приспособленность к затребованиям жизненных явлений. По отношению к воде, рассматривая вопрос с биоцентрической точки зрения, он приходит к выводу, что со всеми ее характерными свойствами она является единственным подходящим для развития жизни веществом. «Вода сама по себе, так, как она образовалась в космической эволюции, необходима для всех жизненных процессов, и ее приспособленность в этом отношении не менее удивительна и многостороння, чем приспособление организма, выработавшееся в течение органического развития».

Сходные выводы получаются для угольной кислоты и для органических соединений.

Обобщая весь собранный им в этом направлении материал, автор говорит: «Эти особенности (воды, углекислоты, органических веществ) многочисленны, разнообразны и всеобъемлющи. В своей совокупности они создают такую приспособленность среды, что более совершенной мы и не можем себе представить. Другая внешняя среда, главная составная часть которой содержала бы другие известные нам элементы, среда, в которой отсутствовали бы вода и углекислота, никогда бы не обладала таким большим числом благоприятных особенностей. Она никогда не была бы в состоянии оказать такое сильное влияние на создание сложного, способного к саморегуляции и прочного органического механизма, который мы называем жизнью».

Изучив эту приспособленность среды, автор ставит следующий чрезвычайно интересный вопрос: «Приспособленность имеется на-лицо, и мы не можем отнестись к ней, как к простой случайности. Наш разум воспротивился бы такому решению; значительная и всесторонняя согласованность, которую мы встретили при исследовании вопроса, какие отношения существуют между свойствами материи и жизнью, должна быть точным следствием некоторого основного закона, или мы должны приписать его «первопричине» и препоручить таким образом философии»... Мы видим, что явления космического развития неразрывно связаны с характерными признаками организма и что, следовательно, пока еще необъяс-

нимым образом космическое и биологическое развитие образуют нечто целое. Одним словом, мы принуждены принять, что явления происхождения и эволюции жизни как космические, так и биологические, с известной точки зрения, представляют единообразное развитие, что пути этого развития не случайны и что они соответствуют тому, что по отношению к человеческим поступкам мы называем целесообразностью»... и дальше: «однако знания, накопившиеся за несколько столетий, ясно показали, что обычная телеология является опасной доктриной и что для науки она всегда была бесплодной, за исключением некоторых случайных успехов».

Затрагивает автор и вопрос о витализме, отзываясь о нем следующим образом: «Опыт учит нас, что механистическая гипотеза является единственной, которая может найти в явлениях материи и энергии прочную, строго доказанную основу»... «за последние три столетия витализм не имел ни одного положительного успеха»... «Всякий раз, когда витализм пытается проникнуть в область положительного знания, он всегда терпит поражение от науки и едва в состоянии защищаться, оставив всякую мысль о контр-атаке. Его единственный способ борьбы состоит в упрямом сопротивлении».

Я позволил себе потому удлинить рецензию целым рядом цитат, что хотелось дать возможно яркое представление о содержании книги и о характере трактовки вопросов со стороны автора. Книга настолько интересна, что вполне этого заслуживает. По качеству научного материала, по его расположению, по широте захвата и по внутренней логике изложения, не говоря уже о крайнем интересе самого вопроса, книга может быть названа первоклассной.

Перевод прекрасный, за исключением очень немногих мест, которые не стоит здесь отмечать, ибо имена переводчиков являются гарантией того, что эти небольшие редакционные недочеты во второе издание книги не проникнут. При высоких качествах изложения книга, благодаря трудности самого излагаемого предмета, читается нелегко.

Проф. Я. Никитинский.

УСПЕХИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ. Т. III. Вып. 1—2 под. ред. Н. К. Кольцова и И. Л. Кана. Государственное Издательство. 1924 г. 146 стр.

В состав номера входит шесть статей, каждая из которых представляет собою обзор современного состояния трактуемого вопроса. Из них четыре первых статьи тесно связаны между собою и дополняют друг друга: *Спиро* — Действие ионов на клетки и ткани, *Воронцов* — Новейшие теории возбуждения, *Самойлов* — Механическое воззрение на жизненные процессы, *Ефимов* — Физико-химические изменения мембран и процессы возбуждения в живых тканях. Эти четыре статьи дают характеристику современных исследований, направленных к физико-химическому анализу функций живых тканей. Статья Самойлова дает и нечто другое. Она посвящена недавно умершему исследователю — Лебу, который смело может считаться основоположником физико-химического направления в биологии и одним из более талантливых его представителей. Статья эта дает краткую и схематичную, но четкую характеристику исследований Леба, окрашенную в тона теплого воспоминания о личной встрече.

Последние две статьи сборника посвящены боевым вопросам современной биологии, но из другой сферы. *Зорин* — Glandula thymus реферирует работы по изучению загадочной до сей поры зобной железы, уделяя главное внимание стройному ряду исследований Уленгута, подошедшему с интересным анализом к этой железе внутренней секреции.

Розен — Экспериментальные основы неспецифической терапии—останавливается на другом крайне интересном для биологии и врача вопросе, на роли белков и прочих коллоидов, введенных путем впрыскивания в организм, в деле сопротивления последнего различным заболеваниям.

Говоря в общей форме, вышедший номер журнала представляет безусловный интерес.

М. Завадовский.

С. П. АРЖАНОВ. Земля и человек. Очерки физической географии. Государственное Издательство. Ленинград 1924 г. 183 стр.

Рассматриваемую книгу трудно отнести к какому-либо определенному типу, скорее всего это учебник физической географии с мало подходящим заглавием «Земля и человек», так как о человеке и его зависимости от среды говорится лишь вскользь. Но для учебника в книжке слишком мало систематичности; автор затрагивает массу вопросов, но, трактуя о них, сплошь да рядом ограничивается лишь несколькими намеками, чтобы тотчас же перейти к другому вопросу; автор, если можно так выразиться, скользит по поверхности, не давая себе труда критически отнестись к приводимым им положениям или гипотезам. Поражает прежде всего, что книга не имеет ни оглавления, ни разделения на главы, что чрезвычайно затрудняет пользование ею, и это в особенности в виду прихотливого хода мысли автора, когда трудно бывает предугадать, о чем дальше пойдет речь. Иногда между предыдущим и последующим устанавливается логическая связь, иногда и этого нет, и после точки начинается разговор о другом предмете, при чем читателю предоставляется самому установить эту связь.

Указанные особенности книги так же, как недостаток критического отношения к проблемам, которые далеко не являются установленными в науке, как, напр., существование суши на месте Тихого океана в недавнюю геологическую эпоху, или гибель Атлантиды в историческое время, или, наконец, связь между культурами египетской и перувианской и т. д., не дают возможности рассматривать книгу в качестве учебника. В качестве же популярной книжки названный труд опять-таки является мало подходящим: 1) потому что требует у читателя наличия многих предварительных сведений; 2) по недостаточно исчерпывающему и полному рассмотрению многих проблем; 3) по своей многопредметности. В самом деле на пространстве каких-либо 180 страниц говорится о множестве глубоко интересных вопросов, каждый из которых мог бы составить тему самостоятельной популярной книжки.

Таковы главные недостатки книги, но у нее имеется и ряд достоинств: автор хорошо знаком с новейшей, но преимущественно русской научной и научно-популярной литературой, он затрагивает много важных и интересных вопросов и этим будит мысль читателя, заставляет его задуматься над решением той или другой проблемы; написана книжка достаточно интересно и просто, в приложении к ней приводится ряд интересных разъяснений и указаний на новейшую литературу.

Полнее всего разработана в книге климатологическая часть, и приведенная классификация и описание климатов по Мартону заслуживают особенного внимания. В общем все же книжку можно рекомендовать читателю, имеющему уже некоторые сведения по физической географии и способному критически отнестись к материалу, который она дает.

Укажем еще на некоторые фактические ошибки и неясности, замеченные при чтении. Стр. 13, едва ли высеченные из камня фигуры на острове Пасхи можно уподоблять сфинксам; стр. 23, для мало-искушенного читателя непонятна фраза «сев. Африка наполнена *пришедшими* из Азии складками»; стр. 34 речь идет не о шахтах, а о буровых скважинах; сверх того в последнее время в Америке были заложены скважины более глубокие, чем в Силезии; на стр. 49 недостаточно полно (с пропусками), а потому и не вполне понятно изложен механизм нагревания воздушной оболочки; на стр. 50 говорится о какой-то силе *перемешивания* (?); на стр. 51 вверху имеется совершенно непонятная фраза, лишенная сказуемого; таблица на стр. 55 требует истолкования; стр. 56—57 нельзя сказать, чтобы влияние широты на климатические факторы было ясно из рисунка; стр. 58, термин токи *перемешивания* нельзя признать удачным; стр. 64, теория циклонов и антициклонов разработана недостаточно полно и ясно, в особенности в части, трактующей об их возникновении; на стр. 75—76 непонятная фраза: «Ограниченное количество дождя, распределенное равно-

мерно (почему только равномерно?) по временам года, может, смотря по общему количеству, результировать (?), либо пустынными образованиями (?), либо ставить определенный (какой?) предел развитию органической жизни»; стр. 87, следовало бы указать на своеобразные особенности новороссийской боры; на стр. 89, нельзя согласиться, что «лес для СССР является заменой океана»; из сказанного на стр. 154 можно вынести заключение, что образование мела и каменного угля приурочено исключительно к определенным геологическим эпохам; стр. 154, неверно, что в архейской системе (в смысле автора) *органического мира* (?) не найдено; стр. 157, следовало бы упомянуть об оледенениях, предшествовавших четвертичному периоду; а также рассмотреть гипотезы, объясняющие их возникновение; стр. 158, следовало бы указать более новую литературу по вопросу о горообразовании.

Проф. А. Крубер.

ФАБР. Жизнь насекомых. Перевод с французского Л. М. Очаповского. 2-е издание под редакцией и с примечаниями проф. Н. М. Кулагина. Госиздат. Москва 1924. Стр. 404. Тираж 3.000.

Десятитомный труд недавно умершего известного энтомолога-биолога Фабра—«Энтомологические воспоминания» не дошел до русской читающей публики ввиду большого объема и высокой цены издания; выдержки, сделанные из первых четырех томов и выпущенные под заглавием «Инстинкт и нравы насекомых», под редакцией энтомолога И. Шевырева, далеко не охватывали всей массы наблюдений над насекомыми, которые изложены в последующих томах, изданных Фабром. Незадолго до смерти великий натуралист успел сделать извлечение из своего большого труда; перевод этих извлечений и представляет настоящая книга. Написанная ясным, простым языком, она одинаково читается с захватывающим интересом как школьником, так и взрослым.

Мало того: Фабр открывает в своих наблюдениях новую научную область, с которой должен быть знаком всякий биолог. До Фабра популярная и научная литература говорила о сознательности и о высоком проявлении ума у животных и в том числе у насекомых, сравнивая поведение их с поведением разумного человека, особенности социальной жизни насекомых отождествляя с социальной жизнью человека. Фабр отвергает анекдотические рассказы об идентичности врожденных инстинктов насекомых с разумным поведением человека и делает резкую грань между этими инстинктами и разумностью человека. То, что гениальный физиолог-аналитик Ив. Павлов в своем учении о безусловных и условных рефлексах называет безусловным рефлексом, и есть фабровское определение инстинкта, т.-е. врожденная способность; разумность же вырабатывается в течение жизни. В своих наблюдениях над насекомыми Фабр меньше всего говорит о разумности и доказывает, что насекомые в своем поведении руководствуются безусловными врожденными рефлексами. Мир психических явлений был бы неполным, если бы наряду с работами в области зоопсихологии академика Павлова по условным рефлексам у высших животных, мы не воспользовались бы поистине громадным материалом, собранным Фабром по безусловным рефлексам насекомых.

А. А. Бессер.

Ж. ДЮКЛО. Коллоиды. Труд, премированный Французской Академией Наук Перевод со 2-го французского издания А. С. Селивановой и Н. Г. Ярцевой. Под редакцией проф. А. М. Беркенгейма. Изд Мосздравотдела. Москва 1924 г. Стр. 269.

Область коллоидальной химии начала разрабатываться сравнительно недавно. Тем не менее к настоящему времени в ней успел накопиться достаточно обширный фактический материал, а кроме того, уже довольно широко выяснилось ее огромное значение как для изучения многих явлений природы, так и для научной постановки целого ряда производств. Без знакомства с учением

о коллоидах теперь не может обойтись ни биолог, ни врач. Ибо большинство веществ, входящих в состав живого организма, являются коллоидами. Если же отметить, что при процессах крашения, в производстве взрывчатых веществ, в фотографии, в керамике, в кожевенном, текстильном и других производствах также приходится иметь дело с коллоидами, то ясно, что о них должны знать и техники. Сталкивается с коллоидами и земледелец. Поэтому потребность в общей, сравнительно доступной сводке накопленного наукой материала о коллоидах несомненно велика.

Книга Дюкло, который сам принимал активное участие в разработке вопросов коллоидальной химии, в значительной мере может удовлетворить этой назревшей потребности. Автор обращает внимание не столько на полноту материала, сколько на объединение его под углом одной общей точки зрения — электрохимической мицеллярной теории коллоидальных растворов. Благодаря этому книга отличается стройностью, последовательностью и ясностью изложения. Вначале в ней даются определения и понятия об общих методах получения коллоидальных растворов, затем описываются их свойства и подробно излагается сущность мицеллярной теории, получившей за последнее время не мало опытных обоснований. Далее рассматривается значение коллоидов в имеющих широкое распространение в явлениях адсорбции, вопрос об осмотическом давлении коллоидов, роль коллоидов в живых организмах, техника изучения коллоидов и, в заключение, фундаментальные работы Зеренсена об альбумине и Леба о желатине, подтверждающие правильность химической теории коллоидов.

Подготовленному читателю — химику, биологу, врачу, инженеру — книга Дюкло дает богатый, интересный и удачно систематизированный материал. Издана она хорошо.

Б. Андреев.

ВОЕННОЕ ДЕЛО.

1. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС. Статьи о войне 1870—1871 г.г. *Г. Гордона.* — 2. С. ВЕНЦОВ и С. БЕЛИЦКИЙ. Красная гвардия. *Путна.*—3. А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ. Мировая война. 1914—1918 г.г. *Н. Какурина.*—4. Б. ШАПОШНИКОВ. На Висле. К истории кампании 1920 года. *Н. Какурина.*— 5. АРТИЛЛЕРИЯ И ЕЕ БОЕВАЯ РАБОТА. *Е. Смысловского.*

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС. Статьи о войне 1870—1871 г.г. С предисловием Л. Д. Троцкого. С приложением двух карт на отдельных листах. ВВРС. М. 1924. [Стр. XIX+256. Перевод с английского под руководством преподавателя Военной Академии Б. В. Войниловича-Няньковского. Примечания и краткая хронология войны 1870—1871 составлены В. Триандофиловым. Редакция С. М. Белицкого и Д. А. Петровского.

Перевод замечательной книги Энгельса сделан с английского текста, опубликованного в 1923 г. в Вене Фридрихом Адлером. Адлер воспользовался для издания комплектом номеров лондонской «Pall Mall Gazette» за год Франко-Прусской войны, в которой Энгельс помещал составившие настоящую книгу шестьдесят статей и заметок, известных до настоящего времени чрезвычайно узкому кругу людей. В книге поражает прежде всего та глубокая компетентность, с которой Энгельс высказывает свои предположения, производит подсчеты, оценивает стратегическое положение пруссаков и французов в различные фазы войны: если не знать имени автора, то ни на миг не усомнишься, что книгу писал генерал с большим теоретическим знанием и большим боевым опытом. Так, впрочем, и думали читатели статей Энгельса, как составивших настоящую книгу, так и написанных

им по поводу Крымской кампании и Итальянской войны 1859 г. Между тем дело объясняется просто: после поражения революции в Бадене и Пфальце в 1849 г., Энгельс, эмигрировавший в Англию, ревностно принялся за изучение военной науки, необходимость знания которой для революционера стала для него несомненной. Талант и огромная работоспособность Энгельса сделали из него настоящего военного специалиста.

В книге разбросан целый ряд замечательных суждений об организации народных армий, о партизанской войне, о политической обстановке того времени: ее с одинаковым интересом прочтут и военный и гражданский историк. В своем предисловии Л. Д. Троцкий делает ряд интересных сопоставлений между взглядами Энгельса и теми выводами из них, которые имеют значение для нашей современности.

Переведена книга хорошо, издана отлично. Тем более досадна, поэтому, та непонятная небрежность, с которой редакция отнеслась к переводу географических названий. Зачем передавать словами Палатинат, Баль, Трев, Экс-ла-Шапель, названия провинций и городов, для которых на русском языке приняты их *немецкие* имена — Пфальц, Базель, Трир, Аахен? Может быть, и вместо Саверн лучше было бы написать Цаберн, так как это название, хотя бы в связи с известным инцидентом перед войной 1914 года, как-то больше привилось в русской литературе. Относительно Трира редакция сделала примечание, что он называется в книге Энгельса Трев, и потому и по-русски сохраняется это же название. Примечание крайне странное, надо заметить: ведь Энгельс писал по-английски, а у англичан нет другого названия для Трира, как Тривз, причем пишется это слово во французской транскрипции Трев. Если бы следовать логике редакции, то на стр. 239 пришлось бы заменить слово Варшава словом Варсав, так как именно эту транскрипцию мы найдем в английском тексте Энгельса. Между тем в русском переводе стоит именно Варшава, а не Варсав и не Уорсоу. По той же причине надо было писать Базель и Трир, а не Баль и Трев.

Г. Гордон.

С. ВЕНЦОВ и С. БЕЛИЦКИЙ. Красная Гвардия. Государственное Военное Издательство. М. 1924 г. Стр. 181.

Попытку т.т. Венцова и Белицкого разобраться в организационном процессе зарождения вооруженной силы рабочего класса России — Красной гвардии, а равно проследить и ее боевую деятельность, можно только приветствовать.

В нашей литературе и печати материалы по этому вопросу настолько скудны, что появление рассматриваемой здесь книжки является большим вкладом в наш литературный фонд по истории зарождения и развития вооруженных сил Октябрьской революции.

Красная армия, а тем более Красная гвардия, является нераздельной частицей революционного класса и революции; в силу этого и всякая попытка исследования их истории неизбежно должна привести к исследованию истории революции в целом.

Этим неизбежным предрасположением к охвату вопросов революционного движения в бывшей Российской империи, а затем к всеохватывающему очерку Февральской и Октябрьской революций, характеризуется и работа т.т. Венцова и Белицкого, но авторы книжки на всем протяжении работы, и не безуспешно, стараются ограничить свое внимание событиями и вопросами, только имеющими непосредственное отношение к процессу создания вооруженных сил революции и их боевой деятельности.

Книжка, предпослав читателю во вступительной части краткий очерк организации и развития боевых организаций рабочего класса в период, предшествовавший мировой войне, и в 1905 г. в частности, в последующих главах дает относительно подробное исследование развала старой армии, зарождения и развития вооруженных сил рабочего класса и их боевой деятельности в первый период борьбы с контр-революцией.

Очерк этот довольно подробно охватывает как организационную работу, так и боевую деятельность Красной гвардии в Красном Питере (Ленинграде), Москве, Донецком бассейне, Харькове и Финляндии. Более скудны и, пожалуй,

недостаточны сведения об Урале и совершенно упущена Сибирь и Дальний Восток. Роль боевых рабочих организаций в Сибири, объединенных с большевистскими ячейками, существовавшими в частях царской армии, в предоктябрьский период велика; работа этих организаций после их оформления с организационной стороны в виде отрядов Красной гвардии, в деле образования и удерживания Советской власти в Сибири была своеобразной и весьма тяжелой.

Работа в Сибири Красной гвардии, тогда руководимой Николаем Николаевичем Яковлевым (погибшим в Сибири) и Иваном Никитичем Смирновым, в общем очерке роли Красной гвардии в Октябрьской революции должна была получить должное отражение. Об этом пропуске в книжке можно только пожалеть.

Условия, в которых рабочему классу приходилось создавать и укреплять свои боевые отряды Красной гвардии, авторами в основных чертах вполне верно очерчены и оценены.

Ценность книжки не в том, что она дает хронологически последовательно построенный очерк событий, а, главным образом, в том, что на-ряду с выявлением моментов, имевших влияние на организацию и деятельность Красной гвардии, авторы отмечают, в чем конкретно это влияние сказалось.

Такой подход к работе — не только описательный, но и дающий читателю обобщения и оценку различных форм и периодов работы, делает книжку интересной и полезной не только для нас, кому даже беглый очерк дает возможность восстановить в памяти события истекших дней, но делает ее весьма ценной и для революционных партий тех стран, которые пока находятся в цепких лапах капитализма; им-то, во всяком случае, изучение опыта нашей организационной работы и тактики боевой работы Красной гвардии очень и очень пригодится.

Оценка отдельных этапов развития и тактические выводы, которые, по нашему мнению, основаны на правильном учете обстановки, могут послужить теми формулами, которые предостерегут еще борющихся товарищей от ненужных ошибок.

Как на удачный пример, укажу на вывод, сделанный авторами на 57-й странице:

«Конечно, если бы питерские, московские и харьковские товарищи не подоспели на помощь донецким и ростовским рабочим, то обстановка борьбы для последних была бы очень тяжела. Но в том, что кадры Октябрьской революции не задержались в центре и не почили на лаврах, а решили по важнейшим железнодорожным магистралям немедленно устремиться во все концы необъятной республики для утверждения Советской власти — в этом одна из характерных черт нашей пролетарской стратегии, благодаря которой русскому пролетариату удалось, в конце концов, отстоять свое право на коммунистическое строительство».

Анализ процесса зарождения Красной гвардии, ее развития, боевой деятельности и значение ее как кадра для созданной впоследствии Красной армии, в книжке т.т. Венцова и Белицкого нельзя считать законченным и исчерпывающим. В ней схвачено только основное; многие и весьма существенные детали организационных форм, техники мобилизационной связи и тактики Красной гвардии не развиты и не расшифрованы до их полной ясности для читателя.

Тем не менее, книжка не теряет своей ценности и, являясь чуть не единственной по этому вопросу, сослужит свою службу.

Учитывая же трудности, с которыми авторам книжки, несомненно, пришлось столкнуться при сборе материалов и сведений, мы должны признать, что ими проделана большая и трудная задача и первый камень, вложенный ими в фундамент работ по истории Красной армии, положен основательно и верно.

Путна.

А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ. Мировая война 1914 — 1918 г.г. Общий стратегический очерк. Государственное Военное Издательство. Москва 1924 г. 457 стр. + отдельный атлас с 50 схемами.

Работы такого характера, как труд *А. Зайончковского*, надлежит оценивать с двух точек зрения. С точки зрения

архитектоники самого труда и с точки зрения внутреннего содержаний книги.

Обширность перспектив, открывающихся перед исследователем, и увлечение какой-либо одной стороной или одним театром может отразиться на размерах труда и на внутренней пропорциональности его частей в зависимости от важности и значения различных театров военных действий.

С другой стороны чрезмерная краткость и лаконичность при обилии фактического материала может низвести труд до сухого хронологического перечня фактов, что придаст ему значение лишь узко-специального справочника.

Нам кажется, что автор удачно избежал той и другой крайности. Удачная планировка работы позволила ему в сравнительно скромном объеме уложить богатый фактический материал. Несмотря на лаконизм изложения отдельных операций, автор сумел характерными и меткими штрихами оттенить характер выполнения каждой из них, что позволяет читателю легче уяснить себе причины успеха или неуспеха того или иного маневра.

Не менее выпукло и рельефно излагает автор и очерк сути каждой операции, что весьма способствует наглядному представлению ее читателем, даже не получившим специального военного образования. В этом, на наш взгляд, и заключается одно из главных достоинств книги А. Зайончковского. Она может явиться хорошим справочным пособием для лиц, не специально углубляющихся в историю мировой войны под узким углом зрения, но вообще для историка или лица, интересующегося историей современной нам эпохи.

Легкость, простота и ясность изложения делают книгу доступной для широкой аудитории.

Работа А. Зайончковского базируется, главным образом, на иностранных источниках, при чем наиболее полно им, очевидно, использован труд Шерфиса. Это, однако, нисколько не умаляет ее достоинств, так как автору принадлежит заслуга включения в общую цепь описываемых событий звена русских фронтов и критического анализа отдельных периодов войны во всей их совокупности.

Из многотомных капитальных иностранных источников автору удалось выжать их наиболее существенное содержимое, что делает книгу особенно ценной для лиц, не владеющих свободно иностранными языками.

При наличии капитальных исторических трудов, пожалуй, излишне было пользоваться теми брошюрками германского генерального штаба, о которых сам автор в своей краткой оценке источников говорит, что их серия издавалась с специальной целью поднятия духа в войсках, а потому они никакой исторической ценности не имеют. Учитывая интересы русского читателя, было-бы желательно несколько подробнее осветить кампанию на итальянском фронте, поскольку он является для нас до сих пор наименее знакомым.

В заключение необходимо сказать несколько слов о чертежах, иллюстрирующих текст и о способе их выполнения.

Усвоение и понимание военного сочинения во многом зависит от ясности и наглядности иллюстрирующих его чертежей.

В этом отношении атлас схем, выполненный А. И. де-Лазари в графическом отношении включает в себе все те достоинства, которые труд А. Зайончковского имеет в литературном отношении. Схемы де-Лазари настолько динамичны, что сами по себе дают ясное представление о характере той или иной операции и ее ходе и нуждаются в пояснительном тексте лишь как в пособии. Государственное Военное Издательство, очевидно, не побоялось расходов, чтобы придать изданию изящную внешность, а главное заботливо издать атлас схем.

Книга А. Зайончковского этого вполне заслуживает.

Работа А. Зайончковского на русском языке является единственной в своем роде и заслуживает широкого распространения.

Н. Какурин.

Б. ШАПОШНИКОВ. На Висле. К истории кампании 1920 г. Государственное Военное Издательство. Москва 1924 г. 206 стр.+8 схем.

Задавшись целью дополнить брошюру М. Н. Тухачевского «Поход за Вислу», появившуюся в 1923 г., «теми данными, кои ускользнули от его внимания или не были ему известны», автор расширил рамки своей работы до научно-критического исследования двух операций Западного фронта в минувшую польско-советскую кампанию 1920 г., явившихся переломными моментами в ее ходе: Бугской операции, в которой автор усматривает генезис Варшавского сражения, и этого последнего.

Центр тяжести своего внимания автор перенес на анализ оперативных концепций командования Западным фронтом и главного командования в период подготовки к обеим операциям и во время проведения их.

Существенные разногласия в оценке обстановки и взглядах на дальнейшую организацию наступления у обоих командований отчетливо выявились в начале августа при подходе наших армий к линии р. Зап. Буг, которая, заворачивая от г. Брест-Литовска сначала на северо-запад, а затем круто на запад, являлась препятствием, разделяющим польские армии, прикрывавшие подступы к Варшаве.

Командование Западным фронтом считало, что главная масса сил противника сосредоточена к северу от р. Зап. Буг и сообразно этому массировало свои силы к правому флангу своего фронта, стремясь разбить главную, по его мнению, группировку противника, выигрывая ее внешний фланг глубоким охватом в направлении к нижней Висле, при чем в центре расположение фронта растягивалось, а левый фланг фронта обеспечивался слабой и сильно разбросанной в пространстве Мозырской группой. Это обстоятельство учитывалось командованием Западного фронта, которое надеялось на своевременное появление на Люблинском направлении I конной и XII армий Ю.-Зап. фронта, передача которых в оперативное подчинение Западного фронта была уже принципиально решена.

Главное командование относило центр тяжести группировки противника в районе южнее р. Зап. Буг и считало необходимым нанести противнику еще раз сильный удар в пространстве между р.р. Висла и Зап. Буг, пока он не успел благополучно уйти за оборонительный рубеж р. Вислы, для чего надлежало уменьшить размах охвата правофланговых армий Западного фронта, снизив их к югу.

Вместе с тем главное командование опасалось Ивангородского направления, которое могло быть использовано противником для действий против левого фланга армий Западного фронта. Анализу этих двух точек зрения и оценке их посвящена большая часть труда Б. Шапошникова.

Автор разделяет точку зрения главного командования, подкрепляя ее тщательными расчетами времени и пространства и учетом сил обеих сторон на различных направлениях.

Поскольку она предпринята в целях облегчения историкам их трудов, мы отметим, что представляет наибольшую ценность для историка, а именно то обстоятельство, что автору удалось, на наш взгляд, совершенно правильно установить основную причину нашего неуспеха на Висле, при которой более или менее удачная концепция сражения лишь отразилась бы на размерах неудачи, но не предотвратила бы ее.

Причина эта заключалась в стратегическом изнурении армий Западного фронта к моменту подхода их к рубежу р. Вислы.

Детально анализируя причины этого изнурения, автор приходит к заключению, что в условиях сложившейся обстановки они явились объективными и не зависели ни от воли, ни от возможностей, ни командования Западным фронтом, ни главного командования; в ряде их крупную и фатальную для нас роль сыграло полное расстройство транспорта в тылу наступавших наших армий, несмотря на ряд энергичных мер в отношении его восстановления.

Местами в труде Б. Шапошникова чувствуется полемический оттенок. Сильной стороной работы является глубина и всесторонность анализа. В этом отно-

шении труд Б. Шапошникова может занять одно из видных мест не только в нашей современной военной литературе, но и стать на-ряду с крупными произведениями подобного же рода иностранной военной литературы.

Всякое военное сочинение требует ясных и выразительных схем. В этом отношении приходится пожалеть, что, издательство не нашло возможным издать схемы в два цвета и в более крупном масштабе.

Н. Канурин.

АРТИЛЛЕРИЯ И ЕЕ БОЕВАЯ РАБОТА. Сведения для командного состава всех родов войск. В.-Н.-О. при военной академии Р.-К. К. А. Составили: В. Германиус, Е. Голубинцев, Б. Голубинцев, Б. Григорьев и С. Кремков. Г. В. Изд. Москва 1924. 301 стр. со 107 рис. в тексте. Изд. 2-е.

Первое издание этой книги, отпечатанное в 3.000 экз., разошлось в течение 4 месяцев. Такой успех ее можно объяснить двумя причинами: или тем, что своим содержанием книга отвечает на насущнейшие вопросы читателей, или же, что заключенный в ней материал обладает большими достоинствами. Просматривая 2-е издание, отличающееся от 1-го весьма незначительными и несущественными изменениями, можно сказать, что в книге действительно заключаются оба эти достоинства.

Не только военному, но и всякому гражданскому современному читателю, пережившему эпоху мировой и гражданской войны, или интересующемуся вопросами войны будущего времени, весьма ясно, насколько, в ряду современных средств вооруженной массовой борьбы, крупное значение имеет артиллерия. Современное ее развитие как в отношении численности, так и по колоссальным достижениям в качественном отношении, превзошло самые смелые ожидания глубоких знатоков артиллерийского дела и военного искусства, породив вместе с тем чрезвычайно многообразные, сложные, иногда противоречивые по идее взгляды на способы ее боевого использования, освещаемые весьма разносторонне в обширной специальной литературе. Не говоря уже об узко-специальной, эта литература недоступна для огромного большинства читателей военных, а тем более гражданских. Между тем, при нашей современности, вопрос об артиллерии давно уже вышел из рамок узкой специальности и по справедливости должен быть признан заслуживающим ничуть не меньшего интереса не только военного читателя, но и всякого, останавливающего внимание на обороне государства, чем авиация и химия.

Задавшись целью ответить на этот вопрос, в первую очередь для командного состава всех родов войск, авторы весьма удачно справились со своей задачей.

В кратком общедоступном изложении, снабженном обильно пояснительными чертежами и фототипиями, не погрешая против научных истин и природных свойств артиллерии, они изложили сложный и обширный вопрос о ней, в полном объеме необходимых о ней сведений, в согласовании с современными течениями артиллерийской и обще-военной мысли. Начиная от назначения артиллерии, в книге последовательно изложены сведения о технической стороне ее устройства, организации, стрельбе, применении ее к местности и основаниях употребления в различного вида боях. Содержание книги вполне отвечает ее заглавию. В ней затронуты и спорные вопросы, при чем авторы дают материал, достаточный для их освещения, а при желании, — и для собственного размышления и выводов читателя. Несомненно, что многие вопросы затронуты только в главных основных чертах; однако они изложены настолько удачно, что книга читается и усваивается легко.

Книга предназначается для командного состава всех родов войск, добавим — в том числе и артиллерии, так как рядовые специалисты найдут в ней не мало намеченных интересующих их вопросов, освещенных в достаточной мере, чтобы дать им исходные начала для их изучения в дальнейшем в более детальной форме; но кроме командного состава, за исключением немногой специальной терминологии, отнюдь не вредящей общему характеру доступности, она должна быть понятна и для граждан-

ского читателя, что приобретает большое значение при признанной ныне необходимости широкого ознакомления с военным делом всякого гражданина, в том числе и получающего образование в гражданском учебном заведении.

Как и в каждом труде, в книге имеются и недостатки, по большей части мелочные, к сожалению, имевшиеся и в первом издании, отмеченные уже в рецензиях, и не полностью исправленные при втором издании. Повидимому, это приходится объяснить спешностью переиздания и отнести больше к издательству, чем к авторам, труд которых от этого не теряет своих достоинств. В отношении внешности книга издана прекрасно.

В общем появление 2-го издания книги можно приветствовать и рекомендовать ее вниманию не только командного состава Красной армии, но и в качестве пособия в гражданских учебных заведениях, для ознакомления с артиллерией.

Е. Смысловский.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. OSKAR VON-SCHOULTZ. Ein Dostojewsky-Fund. *Н. Пиксанова.* — **2. А. ЛУНАЧАРСКИЙ. История западно-европейской литературы в ее важнейших моментах.** *В. Фриче.* — **3. ОТ ВОЛЬТЕРЬЯНЦА ДО МАРКСИСТА.** *Л. Ненора.* — **4. А. МАШКИН. Пути марксистской литературной критики.** *В. Полянского* — **5. ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРАМАТУРГИИ.** *А. Лежнева.*—**6. Г. УСТИНОВ. Литература наших дней.** *Проф. Н. Фатова.* — **7. ТОЛСТОЙ И О ТОЛСТОМ.** *Д. Благого.* — **8. М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН. Письма 1845—1889.** *М. Клевенского.* — **9. АТЕНЕЙ. Историко-литературный временник.** *Н. Бельчикова.* — **10. В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. Новейшая русская литература.** *Арк. Глаголева.* — **11. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАНИЦЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, т. III.** *И. Кубинова.*

OSKAR VON-SCHOULTZ. Ein Dostojewsky-Fund. Helsingfors 1924 г.

ОСКАР фон-ШУЛЬЦ. Находка по Достоевскому. Гельсингфорс. 1924. 56 стр.

Работа Оскара ф.-Шульца представляет собою отдельный оттиск из журнала «Commentationes Humanarum Litterarum» (том I, № 4) Финского Научного Общества (Societas Scientiarum Fennica) и имеет вид обычной немецкой «диссертации».

Имя О. ф.-Шульца доселе не было известно у нас в России, но самый беглый обзор его книжки удостоверяет, что перед нами хороший знаток Достоевского. Он внимательно следит за западноевропейской литературой по Достоевскому и ссылается на новейшие публикации, напр., St. Zweig, 1922, Andre Gide, 1923. Владея русским языком, Шульц усердно собирал специальную русскую литературу. Ему известны многие новинки — книга *И. И. Лапшина*: Эстетика Достоевского, 1923; *Л. П. Гроссмана:* Семинарий по Достоевскому, 1923; *В. Е. Чешихина-Ветринского*: Достоевский в письмах и воспоминаниях, 1923; публикация текстов, изданная Центрархивом под редакцией *В. М. Фриче* и *Н. Л. Бродского*, 1922, и другие. Старую литературу по Достоевскому и особенно самого Достоевского Шульц изучил очень хорошо.

И вот, подготовленный таким образом Шульц поставил перед собою важную задачу: изучить журналы Достоевского «Время» и «Эпоха» и определить анонимные статьи Достоевского. Журналы эти, действительно, не изучены. А в них, по подсчету Шульца, имеется до 120 анонимных статей, среди коих наверно многие принадлежат редактору, т.-е. Ф. М. Достоевскому. Изучив их всесторонне, Шульц пришел к выводу, что из них 17 принадлежат Достоевскому — целых 16 печатных листов, 256 страниц. Из статей девять — историко-литературного содержания, одна—

о художественной выставке, одна — фельетон, одна — переработка французской статьи, остальные пять — чисто полемические. Это не только «находка», это — целая «золотая россыпь» (Goldgrube), по заявлению Шульца. Приписываемые Достоевскому статьи исследователь делит на две группы: 1) несомненно принадлежащие руке Достоевского и 2) вероятно им написанные. В первой группе семь статей: 1) Вместо фельетона, «Время», 1861, май; 2) Выставка в Академии Художеств, «Время», 1861, октябрь; 3) Рассказы Н. В. Успенского, «Время», 1861, декабрь; 4) Два лагеря теоретиков, «Время», 1862, февраль; 5) Н. А. Добролюбов, «Время», 1862, март; 6) Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов, «Время», 1863, январь; 7) Чтобы кончить. Последнее объяснение с «Современником», «Эпоха», 1864, сентябрь. Во второй группе девять статей: 1) Подводный камень. Роман М. Авдеева, «Время», 1861, январь; 2) Письмо постороннего критика, там же; 3) Нечто о Шиллере, «Время», 1861, февраль; 4) Разные разности, там же; 5) Стихотворения А. Н. Плещеева, «Время», 1861, апрель; 6) По поводу одной драмы (Боборыкина), «Время», 1861, май; 7) Девятнадцатый нумер «Дня», «Время», 1862, февраль; 8) Ясная Поляна, журнал Л. Н. Толстого, «Время», 1862, март; 9) Критические вариации на разные темы. «Время», 1862, май. Кроме того, Шульц считает принадлежащей Достоевскому статью: Процесс Ласенера. Из уголовных дел Франции — в январской книге «Времени» 1861 года (по крайней мере — обработка французской статьи).

Представив своим читателям такой обширный список вновь открываемых статей Достоевского, Шульц, излагает и свою аргументацию. Во-первых, он во многих случаях опирается на список анонимных статей Достоевского, составленный его ближайшим сотрудником и другом, Н. Н. Страховым. Такие статьи уже вошли в новейшие посмертные собрания сочинений Достоевского, и Шульц, анализируя их, делает выводы о принадлежности Достоевскому и других статей, где встречает аналогичные черты. Затем Шульц широко пользуется стилистическим анализом, устанавливая сходства в лексике и фразеологии между подписанными и анонимными статьями. Сходства в идеологии, в образах и т. д. также заботливо выдвигаются в систему аргументов. Особенно щедро обставляет Шульц аргументацию в пользу принадлежности Достоевскому статьи о выставке в Академии Художеств. Он дает, во-первых, почти полный перевод этой, действительно, замечательной статьи на немецкий язык. Затем собирает важные свидетельства об интересе и высказываниях Достоевского в области пластических искусств и музыки — в pendant к этой статье. Для наглядности Шульц воспроизводит снимки с автографа «Жития великого грешника» — с рисунками Достоевского, а также — с рисунками бар. Клодта и картины Якоби (о коих идет речь в статье) и т. д. Здесь Шульц рекомендует себя как осведомленного и методического исследователя. В его лице наука о Достоевском получает достойного представителя в северной Европе.

Но как же нам отнестись к «находке» О. ф.-Шульца?

В самом конце своей работы Шульц жалуется на затруднительность сношений с Советской Россией при современных политических условиях. И действительно, это сильно повредило его работе. Фатально от него ускользнуло самое важное для него издание: два дополнительных тома сочинений Достоевского, изданных накануне революции Л. П. Гроссманом. В этих двух томах давно опубликованы многие из открытых Шульцем статей: — «Выставка в Академии»; — статья о Н. В. Успенском: — «Два лагеря теоретиков»;—«Необходимое литературное объяснение»; — «Нечто о Шиллере»; — предисловие к процессу Ласенера. В том же издании помещены и многие другие произведения анонимные, о которых вовсе не говорит Шульц.

Из списка открытий Шульца, таким образом, выпадает сразу шесть номеров. Правда, это — не в укор исследователю. Наоборот, то обстоятельство, что русский специалист включил в собрание сочинений Достоевского те же статьи, —

только подтверждает чуткость и осведомленность Шульца, и в науке не раз случалось — и мы это ценим, — что два ученых в разных странах, независимо друг от друга приходят к одним и тем же выводам.

Но вот седьмой номер списка Шульца — большая статья о Добролюбове 1862 г., — оказывается, включена была впоследствии в Критические статьи Н. Н. Страхова, изданные в Киеве в 1902 году (о чем Шульц не знает), и это обстоятельство уже тревожнее. В отношении к этой статье Шульц ограничивается ссылкой на другую анонимную статью в февральской книге «Времени» за 1863 год: «Ответ Свистуну», которую Страхов приписывает Достоевскому и которая защищает те же тезисы, как и статья о Добролюбове. Я мог бы подобрать еще целый ряд аналогий с подписанными статьями Достоевского. В ней мы находим восторженный отзыв о Пушкине — как и всюду у Достоевского. Автор ее постоянно, как и Достоевский, возвращается к переоценке Белинского. Анонимный автор считает естественным и необходимым, чтобы критика сочеталась с публицистикой, и это — одна из любимых мыслей самого Достоевского. Аноним цитирует стих Хомякова о Западе, «стране святых чудес», и это — любимая цитата Достоевского. Тирада о семинаристах-честолюбцах сближается с «семинаристом честолюбцем» Ракитиным из «Братьев Карамазовых». И т. д.

И все-таки: такие сближения не имеют безусловной доказательности. Культ Пушкина сильно выражен и у Апол. Григорьева, и у Страхова. О Белинском говорят в своих статьях часто и Страхов и Григорьев, да и все критики шестидесятых годов. Цитата о «стране святых чудес» встречается неоднократно и у Страхова. У него же немало высказываний о семинаристах (он и сам учился в семинарии). При единстве воззрений Достоевского, Ап. Григорьева и Страхова и при тесной сплоченности их в редакционной работе немудрено, что они повторяли друг друга.

Таким образом, все такие установки сходств еще недоказательны, а перепечатка статьи о Добролюбове в сборнике статей Страхова разрушает всю постройку косвенных аргументов у Шульца.

Отсюда густая тень сомнительности падает и на остальные отнесения Шульца. Это не значит, что мы должны их отвергнуть. Нет, заслугой финляндского исследователя является сама постановка вопроса об анонимных статьях «Времени» и «Эпохи» и подбор некоторых аргументов.

Однако их недостаточно, и русская наука должна будет произвести новую и тщательную экспертизу, прежде чем инкорпорировать анонимные статьи в собрание сочинений Достоевского.

Н. Пиксанов.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ. История западно-европейской литературы в ее важнейших моментах. Ч. 1-я и 2-я. Гиз. Москва. Стр. 235.

«История западно-европейской литературы» А. В. Луначарского представляет собой курс лекций, читанных в Свердловском университете.

«Наметить марксистский подход к литературе, указать связь писателей и литературных произведений с особенностями каждой эпохи и вскрыть их классовую сущность» — такова была одна из задач, поставленных себе автором. Более подробному разъяснению этой задачи посвящена первая глава первой части. Искусство рассматривается здесь как «одна из культурных надстроек в общественной жизни, базисом которой является человеческое хозяйство». В частности литература является искусством по преимуществу «идеологическим» (16). Как искусство «идеологическое», литература «насквозь пропитана определенными классовыми тенденциями» (24). Однако из этого не следует, что писателя можно «сразу отнести в определенную клеточку», что о нем можно сказать — «он отражает интересы и мнения такого-то класса». «Литератор может стоять на рубеже нескольких классов и групп». «Он сложен» (24). Чтобы понять писателя, «придется часто искать в его произведениях несколько классовых тенденций, распутать их, и тогда окажется, что в нем сочетались различные классовые линии» (24). Та же мысль повторена в другом месте: «Марксистский анализ заклю-

чается не в том, чтобы для каждого литератора и литературного произведения находить целостный и чисто классовый базис, а в том, чтобы часто в смятении и разнообразии данного произведения, данного автора найти те линии, те элементы, те лучи, которые перекрещиваются здесь, исходя из разных классов». Не останавливаясь здесь по существу на этом построении, необходимо отметить, что эта утверждаемая автором «сложность» в классовом отношении литературно-художественных явлений в дальнейшем изложении конкретных фактов выступает во всяком случае недостаточно отчетливо. Ограничимся двумя примерами из первой части. Вопреки установившемуся взгляду, автор склонен считать французскую классическую литературу XVII в. искусством не аристократии, а молодой буржуазии (Расин был «буржуазным писателем», он «выражал чувства молодой буржуазии») (233—234). Можно только приветствовать такой смелый разрыв с традицией. Можно было бы, кроме выраженных в этой литературе «чувств», привлечь к рассмотрению еще и некоторые другие ее специфические черты, напр., присущий ей рационализм, ее ориентировку на античность и др., и тогда «буржуазный» характер этой литературы выступил бы еще нагляднее. Но, однако же, в этом искусстве имеются, несомненно, и некоторые черты, связующие его с придворно-аристократической средой, иначе трудно было бы понять, почему Плеханов мог принять его вслед за Тэном — за искусство «придворное». Не имеем ли мы здесь перед собою литературную формацию, в которой «перекрещиваются линии, исходящие из разных классов»? Говоря о стиле барокко — преимущественно в изобразительных искусствах, — автор видит в нем стиль «иезуитской реакции» («эта иезуитская реакция создала целый особенный стиль, который отразился во всех чертах тогдашнего искусства, стиль, который называется барокко») (213). Возможно, — и Гаузенштейн пытался это обосновать, — что «барокко» стиль более «сложный», что он есть «равнодействующая нескольких классовых линий». Если не всегда достаточно отчетливо выступает таким образом подчеркнутая автором «сложность» тех или иных литературно-художественных явлений, то их классовый характер освещен всегда наглядно, и эта точка зрения проведена последовательно через весь обзор западной литературы — от античной древности до наших дней. Некоторые толкования автора представляются нам, однако, спорными, напр., утверждение, что Данте представитель и поэт «пробуждающейся буржуазии» (I, 130). Трудно примирить с этим утверждением такие факты, как известная нам из документов земельная собственность семьи Данте при отсутствии денег, его служба в кавалерии, его вхождение в цех после буржуазно-демократической революции 1293 г., его резко отрицательное отношение к вождям этого переворота, его борьба с флорентинскими материалистами, проходящая через всю «Бож. Комедию», идеализация прошлого Флоренции, когда господствовали рыцарские идеалы valore и cortesia, его отрицание в «Бож. Ком.» мирской науки, его культ св. Франциска, апостола бедности, и т. д. Но это, разумеется, не мешает тому, что Данте был вместе с тем выразителем той культуры, которую творила флорентинская буржуазия — он явление, несомненно, «сложное» в классовом отношении.

Для объяснения литературных явлений автор вводит часто, кроме категории «класс», еще и категорию «интеллигенция», и это вполне правильно, хотя не следовало бы иногда ставить на этом ударения. «Нельзя сказать прямо, что Мольер был буржуа... Это был интеллигент» (217). Что Мольер не «торговал», — а «работал пером», это, конечно, совершенно верно, однако «интеллигентских» черт в его творчестве так мало, что, напр., Лансон смог отчетливо показать всю подлинную буржуазность его тематики, морали и языка.

Автор не ограничивается освещением одной только идеологической стороны творчества писателей, — он отводит не мало места и литературным и даже художественным стилям... Это, несомненно, большое достоинство книги. Нет надобности подчеркивать, что всякий стиль от барокко до экспрессионизма связывается автором с известными классами или общественными группами в те или

иные периоды исторического существования этих классов и групп. Необходимо, однако, сделать несколько мелких замечаний. Говоря о барокко, автор замечает, что «отражение барокко в литературе не сильно» (217) и как пример берет Т. Тассо, который, однако, едва ли может считаться типичным представителем этого стиля. Впрочем, барокковый литературный стиль только в самое последнее время стал предметов пристального изучения, да и то, кажется, только для Германии XVII в. (*Strich;* Deutsche Barock Lyrik; *Hübscher;* Barock als Ausdruck antitetischen Lebensgefuhls в журн. Euphorion. XXIV B.). Хотелось бы видеть несколько более отчетливое противопоставление романтизма классицизму; смущает несколько рассмотрение Стриндберга и Ибсена немедленно после французских символистов и характеристика Гауптмана, как символиста, а не натуралиста по преимуществу.

Вторая задача, которую ставил себе автор в своем курсе, заключалась, по его словам, в том, чтобы «внушить слушателям любовь к литературе, уменье считаться с наследием прошлого не только как с каким-то проклятым мусором ненавистной старины». Эту вторую задачу автор разрешил так же удачно, как и первую («наметить марксистский подход к литературе»). Живость и увлекательность изложения не могут не захватить слушателя и читателя. Портреты писателей вылеплены порою с большим мастерством. Мертвые становятся живыми, дальние—близкими. Автор оговаривается в предисловии, что в силу известных условий его лекции «превратились в своего рода серию импровизированных речей на литературные темы». Этим характером «импровизаций» отчасти объясняется живость и увлекательность характеристик эпох и писателей, но этим же объясняются, очевидно, и некоторые фактические промахи, которые в следующем издании необходимо исправить, как-то: жену Данте звали Джеммою, а не Джокондой (I, 122), лучше не приписывать самому Данте письмо к Кан Гранде (I, 123), «маленький трактат Данте о благородстве» лучше заменить более точным определением «IV канцона «Пира» и комментарий к ней» (I, 127), «Мандрагору» Маккиавелли лучше назвать не «книгой», а пьесой (I, 151), Раблэ называл «папифобов» «собственно-папифигами» (I, 157), «Кориолан» Шекспира был написан не в 1902 г. (I, 196), первая драма Шиллера второго периода не «Вильгельм Телль», а трилогия о Валленштейне (II, 66), Гете был отмечен, конечно, не мейнингенским, а веймарским герцогом (II, 67), Ксавье де Местр надо исправить в Жозеф (II, 99), третье евангелие Золя озаглавлено «Истина», а не «Справедливость» (II, 184), автором «Нового Карфагена» является не Лемоннье, а Эккоут... Следует устранить и некоторые досадные опечатки (Гаденштейн вместо Гаузенштейн (I, 242); Лессинг родился в 1824 г., и умер в 1881—52, II, 44).

Лекции А. В. Луначарского не только одобрены ГУС'ом, но и введены как обязательные пособия при сдаче государственного экзамена по западной литературе и при поступлении в Научно-Исследовательский Институт Языка и Литературы (по секции Зап. литературы).

В. Фриче.

ОТ ВОЛЬТЕРЬЯНЦА ДО МАРКСИСТА. Художественные страницы по истории русской культуры. Редакция и примечания Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова. Издательство Френкель. 1924 г. Стр. 538.

За последние годы в области истории и истории литературы неприятное, подлинно «византийское» обилие хрестоматий: как будто иссякла творческая сила, и место исследователей заняли эксцериторы. Безжалостно кромсают ценные художественные произведения и научные монографии, а большая часть выкроенных сборников и крайне неудачна, и практически бесполезна. Последнее не относится к хрестоматии «От вольтерьянца до марксиста»: она нужна школе и, особенно, рабфакам. Там история литературы проходится в связи с обществоведением, с уклоном в сторону его; но скудно отмеренные часы позволяют изучить целиком немногое; про-

межутки необходимо заполнять обзорами и чтением отрывков.

Редакторы поставили себе задачу — дать «материал для характеристики моментов подъема и упадка нашей общественной мысли в ее связи с объективно-экономическими факторами»; при этом «заполнить схему всей пестротой и сложностью подлинной жизни, схваченной в образах художественного слова». Насколько удачна их работа?

Прежде всего, два основных недостатка. Художественные отрывки снабжены пояснительными примечаниями, в конце — хронологическая таблица литературных и общественных фактов, все это с целью «поставить поэтические образы и картины на историческую почву»; и все-таки лишь однажды, на 398 странице, подчеркнута связь с объективно-экономическими факторами. Для читателей, лишенных руководства, были бы полезны краткие заметки перед каждым отделом, указывающие политические и экономические условия эпохи.

Затем, рискованно иллюстрировать известную эпоху помощью произведения, написанного через 100 лет после нее. Художник, даже не слишком субъективный, часто бессознательно вносит в изображение черты своего времени, чуждые прошлому. Если нехватает современного явлению художественного материала, надо использовать соседнюю область — критики, публицистики, мемуаров, писем, дневников — человеческих документов. Бояться этого нечего; да редакторы и сами внесли отрывки из «Былого и Дум» и книги Троцкого.

Теперь о самом подборе материала. Первый отдел — вольтерьянцы и масоны. Совершенно правильно сборник, посвященный эволюции интеллигентной мысли, начинается екатерининской эпохой. Но заполнен отдел крайне неудачно. Кроме отрывков из «Войны и Мира» и «Дворянского Гнезда», против которых возражений нет, дан кусочек оды Радищева «Вольность» и «Послание к слугам моим» Фонвизина. Последнее лишь слабо иллюстрирует религиозное вольномыслие и должно быть дополнено хотя бы завещанием Опочинина, стихами молодых друзей Пнина из петербургского «Вольного Общества Любителей Словесности и Художеств», напр., басней о пчелах и трутнях, подчеркивающей социальную сторону антирелигиозного движения. Совершенно не представлена общественная работа новиковского кружка; отрывки из «Путешествия» Радищева, сатирических изданий Новикова и Крылова, материалов Фонвизина для журнала «Стародум» указали бы на борьбу интеллигенции с эксцессами и даже институтом крепостного права, со взяточничеством, сословными предрассудками, на оппозицию двору. Иначе идеалы эпохи неясны.

Еще хуже второй отдел. Отрывок из «Признаний Чалыгина» Полонского дает крайне поверхностное представление о 14 декабря, а главы Мережковского безусловно надо выбросить: в них фигуры каких-то мистических кликуш начала нашего века, с декабристами не имеющие ничего общего. Взамен следует использовать воспоминания участников движения; они, кстати, и художественно ценнее.

Много лучше третий отдел — 30-е—50-е годы. Следовало бы уделить внимание Чаадаеву; необходимо выделить западников и славянофилов, для чего полезно было бы поместить письмо Белинского к Гоголю, стихи Хомякова: «Тебя призвал на брань святую, тебя господь наш полюбил...» и отрывок из «Одно-дворца Овсянникова». Здесь, или в следующем отделе, нельзя пройти молчанием Бакунина; можно найти кое-что у него самого, интересно даже использовать иностранный роман — «Wahrheitssucher» Француза. Еще одно: деятельницы следующего периода появляются слишком неожиданно: следовало бы уже здесь дать кое-что из истории активной женской личности.

Дальше—шестидесятые годы. Отрывок из «Мещанского счастья» излишен: он не характерен, не на такой почве возникали конфликты между двумя слоями интеллигенции, не так вырастали разночинцы. Что, если бы заменить его биографией Решетникова? Милькеев вовсе не нужен: его общественное значение равнялось нулю. 1—2 ярких отрывка Писарева были бы желательны.

В отделе «Кающиеся дворяне. Народничество» нет ничего из Герцена (мещан-

ство Европы, призыв к молодежи), нет ценнейших отрывков из воспоминаний «ходивших в народ», нет характерного стихотворения в прозе Тургенева о черпорабочих и белоручке.

В части, посвященной восьмидесятым годом, недостает хмурых людей и неврастеников Чехова. Толстовство обрисовано односторонне-благожелательно; как противовес нужна фигура Гаврилова у Вересаева или отрывок из «Изгнания» Чирикова.

Седьмой отдел — марксисты и иародники. Первая революция — перегружен ничего не дающими стихами. Поражает отсутствие сцен из «Царя-Голода» Андреева, самого характерного произведения эпохи.

Интересно составлена последняя часть. — Под знаменем Октября, — полноты и перспективы здесь, конечно, требовать нельзя. В общем, совершенно неудачны только первые два отдела: книга пригодится и в настоящем виде, а после переработки могла бы быть очень полезной.

Л. Некора

А. МАШКИН. Пути марксистской литературной критики. Госиздат Украины. Харьков 1925 г. Стр. 48.

Очерк Машкина не представляет самостоятельной работы. Это попытка систематически изложить и осветить главные вопросы марксистской критики. К сожалению, автор, хотя и расширил свою тему анализом принципов критики школы позитивистов, но не использовал всего имеющегося марксистского материала, а ограничился лишь отдельными работами Плеханова. Он привел много цитат, сделав немало пересказов, но не потрудился проделать методологического анализа статей, чтобы извлечь из них поучительные уроки для марксистской критики. Следовательно, в очерке нет достаточной глубины и широты в разработке вопроса, он не возбуждает в читателе напряженного интереса и не дает удовлетворения.

В заключении очерка автор указывает, что его брошюра «явилась результатом двух-трех сообщений, сделанных в глухой провинции, где не имелось под рукой необходимого материала, кроме книг Плеханова». В данном виде очерк пригоден тоже только для «глухой провинции», только для начинающих задумываться над вопросами марксистской критики и литературно-художественного творчества. Впрочем, и сам автор считает свой очерк азбукой.

Но эта «азбука» перегружена, растянута, скучновата, не чувствуется в ней, что она затрагивает актуальный вопрос, так глубоко и остро волнующий современность, особенно пролетарских и крестьянских писателей.

В начале автор коротенько и для «азбуки» совсем неубедительно говорит о литературно-критической методологии школы позитивистов, Овсянико-Куликовского, Страхова, Веселовского, Горнфельда, делает сопоставление этих взглядов с западно-европейскими теоретиками, у которых, якобы, обычно-социологическая первопричина доминирует над всеми другими явлениями, определяющими природу художественного процесса. Тут автор, вопреки своим сожалениям о недостатке под руками книг, цитирует Луначарского, Троцкого, переписку Пушкина и даже «Portraits litteraires». Paris 1829 и статью из «Globe» 1830 г. В азбуке эти ссылки как будто взяты без нужды, взяты для придания очерку большей учености, как это обычно делали и делают рядовые приват-доценты, заменяя работу мысли и действительную науку множеством цитат и ссылок на авторитеты.

Основной недостаток школы позитивистов автор видит в том, что их школа не вскрывает социально-психологической сущности тех факторов, на базе которых она строит свое исследование, и поэта «считает лишь отражающим соответствующие переживания и взгляды, а не органическим продуктом определенной социальной среды, определяющей его художественное творчество, его художественный стиль».

Это слишком общее заключение и правильно и неправильно, потому что в нем нет нужной ясности и точности в выяснении процесса «отражения». Чтобы видеть это, достаточно почитать хотя бы те же «Вопросы теории и психологии

творчества», на которые в другом месте ссылается сам автор очерка. На этом мы, однако, не будем останавливаться, перейдем к тем страницам, которые отведены рассмотрению принципов марксистской критики.

Цитатами и пересказами Плеханова автор на 25 страницах иллюстрирует плехановскую формулу искусства, как она изложена Фриче: «Экономика — классовая психология — искусство». Он приходит к выводам: 1) литературное направление непосредственно вытекает из социально-экономического бытия класса, 2) литература носит классовый характер, 3) выполняет общественно-необходимую работу, организуя мысль и волю класса.

В общем и целом это, конечно, правильно, но автор обязан был проанализировать и показать «непосредственную» связь литературы с бытием. Шулятиков, например, так выяснял эту «непосредственную» связь, что лишал всякого значения целые свои книги. Недостаточно показана и организационная роль литературы, а это также необходимо было сделать, так как сейчас усиленно пропагандируется устарелый взгляд на искусство, как на жизнепонимание. Автор даже не раскрыл и не углубил основного положения, что литература носит классовый характер. Эта общая формула в настоящих условиях требует углубления, без которого становится мало-пригодной для того тонкого анализа художественного творчества, о котором так много сейчас говорят и пишут.

Ряд серьезных, основных вопросов лишь упоминается, ряд совсем опущен. Не указан ряд вопросов, которые выдвинуты нашей современностью и не были в поле зрения Плеханова. А они нужны даже и в «азбуке».

Необходимо отметить, что автор смешивает стиль «природы поэтической сущности» с темой, содержание отделяет от темы и идеи. Недостаточно ясно и точно разграничивает внутреннюю и внешнюю формы произведения, а это мешает выяснению вопроса о единстве формы и содержания.

Есть и еще отдельные промахи.

Давая правильное разрешение самых общих, всем известных вопросов марксистской методологии, очерк страдает отсутствием нужной полноты материала, нет в нем и нужной глубины и точности.

Валерьян Полянский.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРАМАТУРГИИ. Диспут в Малом театре под председательством А. В. Луначарского 26 мая 1924 г. Российский Институт Истории искусств. Academia. Ленинград 1924. Стр. 94.

Нельзя отрицать, что подобные брошюры представляют определенный интерес. В данном случае, однако, степень интереса понижена рядом обстоятельств. Во-первых, слишком широка и неопределенна тема диспута. Вопросов литературы и драматургии, наболевших вопросов, так много, что участники спора рискуют или говорить не на одну общую тему, а каждый по изолированному какому-нибудь вопросу, слабо связанному с другими, или не сказать ничего по существу и ограничиться общими местами. На деле так и случилось со многими участниками дискуссии. Далее, как это нередко бывает на диспутах, большая часть ораторов не подготовилась специально к выступлению, а ограничилась, так сказать, портативным теоретическим багажом и камерной степенью подготовки. Это придало их аргументации случайный характер и лишило их постановку вопросов продуманности.

Из 14 речей, произнесенных на диспуте, интересны, по существу, только две — Луначарского, особенно — заключительная. В них есть и широкая постановка вопроса, и остроумная аргументация. Остальные представляют собой или собранье общих мест (Сакулин), или беспорядочное перескакиванье с темы на тему (Глебов, Майская, Ключников), или исповедь горячего сердца в стихах и анекдотах (Безыменский, Маяковский, Чижевский, Пильняк), исповедь, в которой много жару, но мало доказательности. Некоторые из них в своем роде знаменательны, как, например, речь Маяковского, в которой он по-новому оценивает Пушкина. Но, к сожалению, и эти слова остаются не более как лирическим возгласом.

Даже наиболее продуманные речи, Лелевича и Плетнева, имеют лишь весьма относительный интерес, так как являются повторением того, что уже много раз высказывалось обоими критиками.

Главные из множества тем, затронутых на диспуте, следующие: 1) современное состояние литературы, 2) пролетарские писатели и попутчики, 3) критика и ее задачи, 4) отсутствие драматического репертуара и его причины. По первому вопросу амплитуда колебания мнений чрезвычайно широка: от Маяковского, утверждающего, что «литературного подъема в смысле работы сейчас нет, а есть подъем литдрак, прикрывающих чрезвычайно мелкую литературу», до Луначарского, который думает, что такая оценка необоснована мрачна и что и среди современных писателей есть такие, которых будущее отметит, как очень крупных. Относительно современной драматургии таких расхождений нет. Почти все выступавшие согласны в том, что на-лицо тяжелый кризис репертуара. Расхождения имеются только по вопросу о причинах кризиса. Единственное исключение составляет Чижевский (драматург). По его мнению, никакого репертуарного кризиса нет. Существует ряд новых пьес, числом 20, «созвучных нашему времени». Кризис создали режиссеры, которые упорно игнорируют новый репертуар и питаются либо старой завалью, либо иностранным изделием. Но он, Чижевский, нашел блестящий выход из положения: взять эти 20 новых пьес, «собрать все театры и предложить: вот, уважаемый Художественный театр, вот, уважаемый Малый театр, вы нуждаетесь в репертуаре — получите и постарайтесь из этого репертуара выбрать, что вам подходит, и провести через свою сцену». Иначе говоря, принудительное насаждение «Сиволапинских комедий». Гениальная простота этого плана вполне соответствует его героичности.

По вопросу о пролетарской литературе и попутчиках не было сказано ничего нового. Лелевич повторил свое (заимствованное у Толстого) определение искусства, как орудия эмоционального заражения, из которого (определения) он сделал вывод, что печатать надо только такие произведения, которые заражают читателя «эмоциями, соответствующими идеологии и психологии пролетариата как класса». На эти утверждения Лелевича возразил обстоятельно Луначарский: «тов. Лелевич потому не совсем прав,—говорит он,—что он исходил из определения искусства как заражающего и вместе организующего эмоции. Он говорит так: раз в первую очередь нам нужно организовать эмоции пролетария, то поэтому мы должны признавать только таких организаторов, которые будут организовывать эти эмоции чисто по-пролетарски. А между тем мы можем поставить вопрос так: допустим, что мы имеем очень ценного писателя не пролетария, попутчика или даже реакционера. Если бы, скажем, в наше время жили такие писатели, как Толстой или Достоевский, и они написали бы великое художественное произведение, проникнутое отрицательными для нас идеями, неужели бы мы должны были бы стать на такую точку зрения, что хотя это гениальное произведение, но вместе с тем, раз оно имеет тенденции, противоположные нашим тенденциям, нужно весь этот великолепнейший материал выбросить и не подпускать к нему пролетария? Я полагаю, что мы должны были бы очень задуматься над этим. Конечно, если бы это произведение было бы написано явно контр-революционно в такое время, в каком мы находимся, мы пошли бы на то, чтобы и такое крупное произведение задержать, но, конечно, скрепя сердце. Мы понимали бы, что мы из-за политических тенденций лишаемся огромного организующего материала и при мало-мальской возможности пропустили бы его в жизнь. С другой стороны, мы можем встретить чисто пролетарское произведение по своим тенденциям, но слабое в художественном отношении, и разве такое произведение дает воспитательно организующий материал? Нужно помнить, что искусство — та же жизнь. Как из жизни мы не можем изгнать материала, а должны изучать его, так и в искусстве. Пролетариат хочет разбираться в том мире, в котором он живет. Сюда относится и огромная крестьянская Русь, которая больше в 65 раз рабочей Руси. Как вы хотите, чтобы все

это замерло и чтобы было только то, что пройдет через партийное сито?» Таким образом т. Луначарский выдвигает два положения: 1) действие художественного произведения не ограничивается воздействием сознательной тенденции автора, 2) не один пролетариат, но и крестьянство может и должно найти свое отражение в художественной литературе. Второе положение Луначарским только намечено. Гораздо определеннее выражено оно Бухариным (в речи на совещании при Отделе Печати ЦК РКП): «У нас нет сплошного читателя и сплошного писателя... У нас должна быть крестьянская художественная литература. Ясное дело, мы должны давать ей ход. Должны ли мы душить ее за то, что она не пролетарская? Это бессмысленно... Мы должны во что бы то ни стало лелеять ростки пролетарской литературы, но мы не должны шельмовать крестьянского писателя, мы не должны шельмовать писателя для советской интеллигенции».

Надо, впрочем, отметить, что в своей речи на диспуте т. Лелевич говорил в значительно более мягких тонах, чем обычно. К „попутчикам" относятся,— заявил он,—и действительно революционные писатели, как хотя бы Сейфуллина, Бабель и целый ряд других, вещи которых действительно дышат революционным пафосом, но вследствие их неустойчивости мы относим их к „попутчикам"... Такие писатели, как Бабель, Сейфуллина, могут вполне притти в наши ряды и стать на нашу точку зрения». Это не мешало бы напомнить ввиду недавних споров о Бабеле.

Луначарский выступает и против требования В. Ф. Плетнева, чтобы искусство отбросило анимистичность своих образов, посредством которой будто бы просачивается «метафизическая идеология». «Он (Плетнев) говорит, что хотел бы, чтобы поэт действительно научно выражался, изгнал метафоры, изгнал анимизм». Отвечает Луначарский: «Это— требование, ни с чем не сообразное. В чем заключается сущность поэтического восприятия? В том, чтобы все вокруг себя воодушевлять, чувствовать, как все кругом живет. Думать, что если поэт делает сравнение, то он становится анимистом— курьез. Неужели всякий, кто говорит: «Солнце встало, дождь идет» — анимист? А это явление того же порядка, что оживляющее сравнение и метафоры. Говорилось, что нужно изгнать из искусства мистику. Но поэтический прием, поэтическая метафора не должны приниматься всерьез, как исповедь веры. Иначе мы можем засушить поэта. Неужели поэт не смеет сказать: «солнце всплывало все выше на небе», а должен сказать: «земля повернула на 45 градусов», а иначе его обвинят в распространении докоперниковских взглядов?»

А. В. Луначарский, к сожалению, не ответил на некоторые другие утверждения т. Плетнева, которые являются, на наш взгляд, совершенно неверными. Плетнев отмечает разброд в рядах марксистской критики и требует установления «ясного, не допускающего двух точек зрения, подхода к решению вопросов искусства». Это все более или менее правильно. Но как же т. Плетнев сам устанавливает этот подход? «С точки зрения социологии,— говорит он,— наша критика не может быть нечем иным, как орудием нашей борьбы, при чем критика эта будет *объективна с классовой точки зрения, а не объективна в том смысле*, какой этому слову придается *другими*» (курсив мой. *А. Л.*). В чем недостаток нашей критики? В том, что она еще не совсем стала наукой. Потому и возможен такой разброд мнений. Что нашей критике нужно? Стать научной до конца. Но наука основывается на познании объективного мира, т.-е. на установлении ряда объективных истин. Марксизм вовсе не отрицает существования объективных истин, каждая из которых является частью абсолютной истины. «Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин» (*Ленин.* Эмпириокритицизм и материализм,—Собр. соч. том, X, стр. 108). Бессмысленно говорить об «объективности с классовой точки зрения». Наука знает одну только объективность — соответствие научных выводов явлениям действительности. Пролетариату, восходящему классу, меньше всего следует бояться объективности научного исследования: это страх является уделом

гибнущих классов. Утверждение, будто возможна только объективность «с классовой точки зрения», обозначает на деле отрицание возможности познания мира, т.-е. возврат к идеализму.

Далее т. Плетнев утверждает, что старые, взятые у Белинского в пору его увлечения Гегелем, определения: «Искусство есть мышление при помощи образов», «Наука — мышление при помощи понятий» — «сейчас уже не выдерживают критики». Напомним, во-первых, что так определял искусство и науку не только Белинский, но вслед за ним и Плеханов. Во-вторых, из слов Плетнева следует, что было время, когда эти определения были верны. Если же они не годятся теперь, то это могло произойти только потому, что накопились новые факты, стоящие в противоречии с этими определениями. Каковы же эти новые факты? Какие изменения произошли со времен Плеханова и Белинского в науке и искусстве, которые давали бы нам основание утверждать, что научное мышление уже не совершается при помощи понятий и что конкретность, образность не является отличительным свойством искусства? Я думаю, что таких изменений т. Плетнев не укажет, потому что их нет и быть не может. Гегелевские определения науки [1]) и искусства определяют самое их существо, их организм, лежащий в них принцип, — и если они были верны 50 лет назад, то они верны и сейчас.

Отметим несколько технических недочетов книги. Порядок речей перепутан: Ключников и Таиров, возражающие Маяковскому, помещены раньше Маяковского, Татьяна Майская, возражающая Таирову, раньше Таирова и т. д. Кроме того, как оговаривается в предисловии А. В. Луначарский, некоторые авторы воспользовались своим правом корректирования больше, чем следует. Получилась «невязка утверждений и возражений». Наконец, некоторым участникам диспута редакция сборника предпослала довольно-таки неуклюжие «рекомендации», например: В. В. Маяковский, писатель-поэт, глава группы «Леф».

Д. Лежнев.

---

[1]) Собственно философии.

ГЕОРГИЙ УСТИНОВ. Литература наших дней. Из-во «Девятое Января» Транссекции. Тираж 3.000. Стр. 102. Цена не указана.

Горькое разочарование постигнет всякого, кто, обольщенный заманчивым заглавием этой книги, вздумает ее прочесть. В ней нет не только попытки серьезного, а тем более марксистского, анализа современной литературы, но даже нет и определенного плана. Говорится о многом, что никакого отношения к литературе не имеет, — о Столыпине, керенщине и корниловщине, о саботаже интеллигенции, об ак. Павлове и проф. Реформатском и пр. Когда Г. Устинов говорит о литературе, то почему-то внимание его часто останавливается на писателях, имеющих к «нашим дням» весьма отдаленное отношение; так, он пишет о Л. Андрееве, З. Гиппиус, Арцыбашеве, Ю. Айхенвальде, А. Амфитеатрове, Д. Айзмане, А. Каменском, графе Амори (!), даже о каком-то Доне-Аминадо (?!) и пр. О крупных писателях говорятся вещи положительно странные, чтобы не сказать больше.

О Блоке читаем, напр., такой перл:

«Пушечный выстрел по классовой революции был сделан символистом Блоком!!. Блок в «Двенадцати» дал пролетарской революции облик 12-ти пьяных хулиганов, слегка приправив их соусом мистицизма из лаборатории Достоевского. Эти 12 пьяных хулиганов были не просто хулиганы и разбойники. Их сердце билось «во имя божие», разбой вел их (революцию) на Голгофу... И не даром блоковская поэма понравилась литературным критикам из белого лагеря. А «красные критики», не расчухавшие, в чем тут соль, хором подпевали беленьким литераторам. И все выходило чисто и гладко и чрезвычайно талантливо» (стр. 77).

Можно, конечно, «сметь свое суждение иметь» о чем угодно и какого угодно сорта, но все же есть известный предел, за которым начинается то, что имеет очень определенное наименование: «клевета». Время споров о Блоке и «12» прошло. Теперь возможна трезвая, научная оценка. Блок не был ни ревс-

люционером, ни коммунистом, но он до глубины «души» ненавидел «старый мир» и принял Октябрь, как поэт-романтик. Нам известен теперь дневник Блока, и мы знаем, как глубоки были его переживания. От «12» он никогда не отказывался, идеалы Октября ему были неизменно дороги, хотя многое потом в развитии революции он и не понял так, как надо; поэтому ссылка на какие-то «последние» стихи (стр. 95), якобы контрреволюционные, является грубым искажением истины.

Столь же несправедливо попадает и Л. Андрееву. «Царь-Голод» — пьеса, конечно, целиком для пролетарского миросозерцания не приемлемая, но по адресу буржуазии в ней говорилось немало справедливого и сильного; имело значение и финальное пророчество о том, что побежденный пролетариат еще «придет». В годы реакции пьеса была революционной, не даром она была запрещена. Поэтому напрасно утверждает Г. Устинов, что «не напужали символисты царских опричников». Из писателей действительно современных автор останавливается лишь на некоторых и говорит о них либо вещи общеизвестные, либо малоубедительные. Так, о Д. Бедном он лишь кратко повторяет то, что писали т.т. Троцкий, Сосновский, Войтоловский и автор этих строк; о Маяковском говорится, что он «не поэт» и что «Про это» — лучшее его произведение (!) и пр. Особо увлекается Г. Устинов почему-то Вс. Ивановым, считая его «Бронепоезд» лучшей беллетристической вещью «из всего, что появилось за последнее десятилетие». Впрочем, эта чрезмерная похвала не мешает Г. Устинову несколько ниже утверждать о Вс. Иванове, что «он художественно наврал». Неприятно поражает и полная неспособность автора диалектически мыслить, благодаря чему он валит в одну кучу Горького и Бунина, отождествляет всю интеллигенцию с белогвардейцами. Забывая, что из рядов интеллигенции вышли и многие наши вожди, а не только г.г. Милюковы и порнографы-писатели. Не менее неприятно действует и пристрастие автора к хлестким словечкам, вроде «пиквикские принципы», «западно-европейская литературно-буржуазная парикмахерская», «психо-бандитизм» и т. п.

Проф. Н. Н. Фатов.

ТОЛСТОЙ и о ТОЛСТОМ. Новые материалы (Толстовский музей). Ред. Н. Н. Гусева. М. 1924. Стр. 143.

Новый сборник Толстовского Музея составлен с большим разнообразием, граничащим с некоторой даже пестротой. В нем находим отрывки из художественных и религиозно-философских писаний Толстого, его письма, воспоминания о нем, записи его слов, несколько образцов официальной «Толстовианы» — циркуляр Столыпина о праздновании юбилея Толстого, переписка тульских архиереев с тульским губернатором о его погребении, — «несказанную речь в день (sic!) 90-летия со дня рождения Толстого», два небольших историко-литературных исследования, наконец, библиографию и указатели.

На первом месте среди всего этого материала по своему интересу и значению должна быть поставлена открывающая сборник «неизданная глава из Крейцеровой сонаты», выпущенная автором из чисто-композиционных соображений, но по силе и беспощадности психологического проникновения (описание супружеской ревности) не уступающая лучшим страницам Толстого. Однако редакцией не принято во внимание, что глава эта, которая, действительно, не вошла в печатный текст повести, тем не менее, не является полной новинкой для многих читателей Толстого, имеясь во всех тех бесконечных списках (от руки и на гектографе), в которых повесть еще задолго до ее появления в печати обошла всю читающую Россию. Списки эти, кстати, дают первоначальную редакцию *Крейцеровой сонаты*, во многом отличающуюся от ее окончательного печатного текста, и представляют чрезвычайно интересный материал для изучения ее творческой истории.

Из писем Толстого особенно интересен ответ некоему студенту, упрекавшему его за несоответствие между жизнью

и учением и ссылавшемуся в подтверждение этого на известную книгу Мережковского «Толстой и Достоевский», тогда только что вышедшую 4-м изданием. Лаконизм этого ответа, — кажется, самого короткого из всех известных нам писем Толстого,—граничит почти с надменностью. Однако дата его примечательна — 24 октября 1910 года, т.-е. ровно за четыре дня до ухода Толстого из семьи. И ничего нет невозможного, что в ряду тех многих и сложных причин, которые подготовили этот предсмертный уход, роль одного из последних толчков сыграл как раз обмен письмами между Толстым и этим никому не ведомым студентом. Из остальных писем наиболее примечательно черновое письмо начала 80-х годов к неизвестному по поводу нашумевшего тогда дела казначея воспитательного дома Мельницкого, симулировавшего похищение казенных денег, и примирительное письмо поэту Полонскому, выступившему в конце 90-х годов с рядом резких статей против новых взглядов Толстого.

Тринадцать писем Толстого к разным лицам, печатаемые в сборнике под общим заглавием «письма Л. Н. Толстого о любви, браке и семейной жизни», дают любопытные примеры применения взглядов, выраженных в «Послесловии к Крейцеровой сонате», к конкретным житейским случаям.

Любопытны воспоминания Т. Л. Сухотиной-Толстой, касающиеся увлечения ее отца идеями Генри Джорджа, и воспоминания врача Семеновского о последних днях Толстого. «Слова Л. Н. Толстого, записанные С. А. Стахович», к сожалению, в большинстве своем, не датированы, даже приблизительно.

Из исследовательского материала сборника статья Н. Апостолова ставит интересную проблему о литературном влиянии на «Детство» Толстого Диккенса, который, как известно, был одним из любимейших его писателей. Автор статьи справедливо указывает, что при установлении этого влияния не следует «соблазняться сопоставлениями... сходства в настроениях, мыслях и чувствах» персонажей *Детства* и героев романов Диккенса, что только изучение поэтики Толстого может дать «обширный материал для суждения о степени зависимости Толстого от его предтеч на Западе, в частности — Диккенса». Однако вся статья заполнена как раз теми самыми сопоставлениями, которые ее автор теоретически себе запретил, о поэтике же Толстого не говорится в ней ни слова. Благодаря этому и ее вывод, — «Толстой пил из Давида Копперфильда, как из своего источника» — представляется малоубедительным.

К сборнику приложена очень удачная неизданная фотография Толстого 1907 г.

Д. Благой.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН. Письма. 1845—1889. Под редакцией Н. В. Яковлева, при участии Б. Л. Модзалевского. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Гос. Изд. Л. 1925. Стр. 329+33+VIII.

Печатаемые в этом издании 302 письма М. Е. Салтыкова почти все публикуются впервые. Лишь несколько писем были напечатаны раньше, и то неполно. Историко-литературный интерес писем в целом — первоклассный. Письмами устанавливается принадлежность Салтыкову некоторых анонимных публицистических статей в «Отечественных Записках». Сообщаются дополнительные сведения о некоторых литературных замыслах Салтыкова, напр., об очерке «Паршивый», очень показательном для идеологии сатирика, или о «Переписке императора Николая Павловича с Поль де Коком». Очень важно, что благодаря письмам можно установить историю создания некоторых произведений Салтыкова; так, мы узнаем, что «История одного города» возникла из «Помпадуров и помпадурш» путем сгущения фантастического колорита.

Интересны высказывания Салтыкова о многих авторах и произведениях. По большей части это резко-отрицательные отзывы. Таковы отзывы о «Нови», об «Обломове», уничтожающий отзыв об «Анне Карениной» («Ужасно думать, что еще существует возможность строить романы на *одних* половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру

безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется это подло и безнравственно»). Но о «Дворянском гнезде» тотчас по его выходе Салтыков говорит в приподнято-восторженном, прямо лирическом тоне.

О Тургеневе вообще говорится часто,— не только как о писателе, но и как о человеке. За человеческие слабости (искание популярности, неразборчивое сближение с людьми) Салтыков клеймит его весьма сурово. Однако когда Тургенева не стало, Салтыков вспоминает его уже в другом тоне — теплом и примиренном.

Щедро разбросаны в письмах Салтыкова крепкие и острые словечки, меткие эпитеты, замечательные блестки его ума. Вот немногие примеры. Напыщенного Ю. Самарина Салтыков сравнивает с «поповичем в случае». «Таков должен был быть певчий Разумовский на другой день после того, как он уконтентовал кроткую Елисавет». «Новое Время» именуется «портками Чичиковского Петрушки», Стасюлевич — «корректором». Поставленный в необходимость, после закрытия «Отечественных Записок», писать либо в «Русской Мысли», либо в «Вестнике Европы», Салтыков избирает последнее. Мотивировка: «Это не такой совершенный нужник, как «Русская Мысль», а только ватерклозет».

Много материалу находится в письмах относительно того тяжелого нравственного состояния, которое переживал Салтыков в 1884 г., потеряв свой журнал. «С тех пор, как у меня душу запечатали, нет ни охоты, ни повода работать». «Читатель был единственное существо, которое я любил — и вот на склоне моих дней у меня это существо отняли». Хотя эта любовь не мешала Салтыкову понимать, что читатель собственно «великий подлец», но примириться с потерей он не мог.

Заключительная черточка о Салтыкове-писателе: говоря о том, что нужно писать так, чтобы «внутренности дрожали», а не со скопческим спокойствием, он взволнованно заканчивает: «Клянусь: в ту минуту, когда я почувствую, что внутренности во мне не дрожат больше — кину перо, хоть бы пришлось умереть». Понятно, что писатель с таким темпераментом «еще маленький был, как надрывался от злобы и умиления, читая Гейне».

Письма Салтыкова дают много и для понимания его как человека. Его тяжелый для окружающих, подозрительный и раздражительный характер, особенно в последние годы жизни, постоянно чувствуется за строками писем. В области личных его отношений письма показывают весьма большое дружелюбие к П. В. Анненкову, — может быть, на почве значительных услуг, оказывавшихся последним Салтыкову.

Письма, повторяем, очень содержательны, — здесь кратко намечены лишь некоторые моменты. Выход книги тем более своевременен, что совсем не за горами столетний юбилей Салтыкова (в январе 1826 года).

В приложении даны некоторые письма к Салтыкову и другие материалы. Книга снабжена тремя портретами Салтыкова. Два очень интересны, третий (гравюра на дереве Грачова) совершенно неудачен: это какой-то купец 3-ей гильдии, а не Салтыков.

Комментарии к письмам обстоятельны. Отметим одну ошибку. На стр. 214 говорится, что И. П. Белоконский умер в 1913 г. Едва ли он не здравствует и до сих пор, — а если умер, то во всяком случае, совсем недавно, а не в 1913 году.

М. Клевенский.

АТЕНЕЙ. Историко-литературный временник. Под ред. Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и П. Н. Сакулина. Книги первая — вторая. Изд. «Атеней». 1924 г. Стр. 192.

Атеней — академический временник, составленный внимательно и широко из статей специалистов-историков русской литературы. — Открывается том новыми текстами Пушкина: эпиграммой на Е. П. Потемкину, программой ненаписанной статьи, заметкой о В. Скотте и критической статьей — «Письмо к издателю „Современника“» за подписью А. Б. (1836 г.). Здесь важным фактом является установление авторства Пушкина за статьей — «Письмо к издателю», — ею

пополняется журнальная проза Пушкина. Ю. Г. Оксман путем веских и остроумных доводов приводит к признанию авторства Пушкина, а хорошее знакомство Ю. Г. Оксмана с рукописным фондом пушкинского наследия помогло ему привлечь черновые фрагменты «Письма в редакцию» 1830 г. к издателю «Литературной Газеты», Дельвигу, как близкую, бесспорную и документальную параллель строкам анонимного «Письма к издателю „Современника“» 1836 г. Принадлежность обоих «писем» Пушкину Ю. Г. Оксман подкрепляет и с другой стороны: высказываниям Пушкина в «Письме» 1836 г. он находит параллели и сближения «в разновременно опубликованных им (Пушкиным) статьях, в черновых критических замечаниях и в дискуссиях интимной дружеской переписки». К сожалению, за Ю. Г. Оксманом нельзя признать права на «первородство» в этом вопросе. За несколько месяцев до появления «Атенея» во 2 номере журнала коллектива раб.-крест. писателей имени А. С. Неверова «Труд» напечатан (см. стр. 106 — 120) доклад В. П. Красногорского, посвященный как раз доказательствам принадлежности того же самого «Письма к издателю» Пушкину, — тут же воспроизведен и текст «Письма». Из послесловия узнаем, что доклад был читан Красногорским в 1916 г. в пушкинском семинарии умершего проф. С. А. Венгерова и вызвал «почти единогласную (за исключением мнения Ю. Г. Оксмана) положительную оценку», — так гласит выдержка из протокола заседания (119 стр.). — Теперь Ю. Г. Оксман взял на себя задачу разрешить тот же вопрос и разрешил его, по нашему мнению, в высшей степени основательно и умело, в серьезном тоне зрелого исследователя, не умолчав о докладе В. П. Красногорского, заявляя, что именно доклад Красногорского, как «смелая, но по слабости аргументации специалистами своевременно не принятая попытка... разрешить проблему признания тождества Пушкина и А. Б.» побудил его (Оксмана) заняться разысканиями. Разыскания Ю. Г. Оксмана надо признать успешными и за статьей его остается бесспорное право войти в научный оборот; комментарий же В. П. Красногорского слабее, расплывчатее и, главное, не формулирует четко опорные пункты вопроса и и не выявляет отчетливо методологию изысканий такого жанра. — Эти преимущества на стороне Ю. Г. Оксмана.

Методологическими являются статьи Н. К. Пиксанова и Б. М. Эйхенбаума. Н. К. Пиксанов в статье «Софья Павловна Фамусова» (Творческая история образа) детально и тонко расследует историю сложения образа, доказывая психологическую неубедительность и недостаточную мотивировку ряда черт в образе Софьи. Этот отрывок из исследования о «Горе от ума» представляет собой конкретный случай приложения выдвинутого автором метода изучения творческих историй художественных шедевров и их компонентов. — Статья Б. М. Эйхенбаума «Лермонтов как историко-литературная проблема» привлекает к себе внимание новизной подхода и осмысления творчества поэта. Нетрудно взгляд Б. М. Эйхенбаума, изложенный здесь, — что Лермонтов явился завершителем классического «высокого» периода русской поэзии и зачинателем периода расцвета прозаических форм, сблизить с его взглядом на художественный метод Некрасова (см. «Начала», № 2 и в сборн. «Сквозь литературу»). Лермонтов раньше, чем Некрасов, но оба очутились на спаде поэзии и оказались на гребне поднимавшейся волны прозы. Это основное положение в статье обставлено ценными наблюдениями литературного порядка, где местами рассыпаны экскурсы с богатой перспективой в изучение частных вопросов литературоведения. М. О. Гершензон в статье «Пушкин и Батюшков» занят анализом «термодинамической» психологии Пушкина, ее поэтическим выражением и доказывает, что П. у Батюшкова нашел все основные речения своей *своеобразной* психологической терминологии. П. Н. Сакулин полемизирует с Т. Майером в статье «Еще об образах», отстаивая наличие образов в поэзии и надобность их изучения для поэтики и истории литературы. — Интересна статья В. Л. Комаровича «Мировая гармония Достоевского». В. Л. Комарович прослеживает любопытный факт мировоззрения

Д., как Д., несмотря на консерватизм, охвативший его в конце жизни, не мог отрешиться, изжить мечты ранней юности о земном рае и насаждении земного счастья людей, стереть «мечтательный вред» социальных утопий, по выражению автора «Бесов». Автор — углубленный исследователь Достоевского, и данная статья говорит о том же. Остановимся на характеристике журнальной деятельности и позиции братьев Достоевских в эпоху «Времени» и «Эпохи». Редко кто затрагивал этот момент в деятельности Д.

Социальная жизнь знает не только массивы, но и мелкие группировки. Такую группировку, но не направление, и составляли лица, объединившиеся вокруг братьев Достоевских в начале 60-х годов. Эта группа интересна, хотя в традиционной истории соц. мысли она затушевана, ей не придается значения. В мировоззрении ее смешаны черты разных идеологий того времени. В. Л. Комарович определил их credo, как эклектическое, где совмещены черты идеологии славянофильства и западничества. Но, несомненно, эта группа имела и свои интересы в этой борьбе, свои вожделения и *свои* идейные уклоны. В чем это сказалось и как это было проявлено в жизни кружком Д., — в статье нет ответа. Но своеобразие идейной позиции кружка несомненно. Так как именно Ф. М. Достоевский в письмах брату, напр., часто твердил о том, что надо выдвинуть, обострить в литературной полемике свою позицию, свое лицо. Но не Достоевский играл руководящую роль в кружке, а Ап. Григорьев, сам Д. вошел в уже сформировавшийся кружок, нашедший себе и бытовую и идейную физиономию. По быту, это — богема, по симпатиям, это — сторонники городской культуры и нарождавшегося купца.

Эта статья интересна и с другой стороны. Современное изучение Д. все ближе приходит к мысли, что в раннем Д. даны в субъективном виде, в зародыше основные идеи его творчества. Тогда же определился и художественный метод творчества, и все это получало в дальнейшем лишь раскрытие. Д. дан в начале *весь*, и неудивительно, что до конца жизни в нем уживалась мечта о земном рае с православием и тусклой «верой» в изложении Победоносцева. Это неудивительно, так как, очевидно, противоречия эти были с ранней поры даны в Д., коренились и росли в нем в связи с его социальным бытием. Таким Д. и прошел свой путь.

В конце дан интересный обзор работ по литературной методологии А. А Смирновым, хроника литературных и научных объединений Москвы, Ленинграда, Одессы, Киева и др. Введен нужный отдел заметок и небольших разысканий: «На полях историко-литературных изданий». — Приходится редакции временника сделать упрек за «беспланность», неудачное распределение статей. Мы не уловили принципа, по которому расположен материал в томе. А между тем, сделать это нетрудно, — статьи общего характера, так сказать программные, надо поставить в начало, после текстов, и была бы тогда перспектива, — теперь же все статьи спутаны и перебивают друг друга.

Н. Бельчиков.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. Новейшая русская литература. 2-ое издание, исправленное и дополненное. Изд. Френкель. Москва—Ленинград 1924. Стр. 412+IV.

Наша новейшая литература доселе еще не подвергалась научному изучению в смысле систематического описания как целостной литературной эволюции в ее социальном обосновании. С этой точки зрения новая переработка В. Л. Львовым-Рогачевским своих «Очерков по новейшей русской литературе» представляется вполне своевременной и весьма желательной.

В сравнении с самими «Очерками» и их предыдущей обработкой новое издание представляет собой расширенную и углубленную редакцию, но, однако, подобно двум первым изданиям оставляет все же желать много лучшего.

В своих теоретических воззрениях автор примыкает к марксистскому мировоззрению, при чем, определяя свою литературно-методологическую позицию, кон-

статирует, что «при занятиях по литературе мы должны сочетать марксистский метод с достижениями формальной школы» («Послесловие»). Но эти стремления остаются лишь в пределах его пожеланий, не переходя в сферу его практического исследования новейшей литературы. В книге Львова-Рогачевского мы совершенно не находим последовательного и твердого марксистского социологического анализа литературной эволюции в ее новейшей стадии. Эта методологическая шаткость начинается с того, что в своем «Введении» автор насчитывает четыре этапа в развитии новейшей русской литературы: дворянско-помещичьей, разночинской, буржуазно-городской и четвертый, связанный с ростом пролетариата, а в последующем своем изложении автор придерживается трехчленной классификации на дворянско-помещичий, буржуазно-городской периоды и третий, соединяемый с пролетариатом. Рассматривая наполнение этих периодов конкретным литературным материалом, приходится констатировать его значительную случайность Дворянско-помещичий период Львов-Рогачевский берет лишь в эпоху его отцвета, стадии его «могиканства», при чем на-ряду с подлинными эпигонами— А. Н. Толстым, Буниным, Гумилевым попадает, напр., Фет и отсутствует такой подлинный певец заката помещичье-усадебной культуры, как Тургенев. Второй период, буржуазно-городской, правильно возглавляемый Достоевским, представлен чрезвычайно неполно и случайно, — из символистов уделяется место лишь одному Бальмонту (гл. 7), а о всех остальных символистах лишь говорится вскользь в гл. 5; имеются Короленко, Чехов и Гаршин и отсутствуют здесь такие подлинные «достоевисты», как Л. Андреев, Ремизов и прочие. Зато следующий, третий, период — «Под знаком пролетариата», наоборот, чрезвычайно перегружен, представляя собой совершенный хаос и невообразимую мешанину имен. К нашему величайшему изумлению мы встречаем здесь Сергеева-Ценского, Л. Андреева — этого «Ивана Карамазова русской литературы» — по квалификации самого Л.-Р. и др. Совершенно очевидно, что им место не «под знаком пролетариата», а под знаком Достоевского во втором отделе книги; точно так же необходимо произвести переселение туда же и А. Блока, который у нашего автора— сосед Д. Бедного, хотя для этого последнего гораздо приятнее было бы соседство, напр., Маяковского, о котором Л.-Р., к слову сказать, почти ничего не говорит. Далее под тем же «знаком пролетариата» в главе 10 появляются акмеисты, тот самый Гумилев, который в первой части квалифицировался — и справедливо — как «последний могикан дворянского периода». Такова классификация Львова-Рогачевского, долженствующая «сочетать марксистский метод с достижениями формальной школы». Не видя в ней соблюдения стилистического принципа, мы не замечаем в ней и ничего общего с подлинно-социологическим марксистским методом, эта «классификация» свободна от подчинения какому-либо методологическому принципу, — вся она насквозь пронизана невообразимой методологической анархией.

Столь же анархичен и непродуман и анализ отдельных литературных явлений. В огромном большинстве случаев анализируется не художественный стиль, исследуются не литературные школы и их социальное обоснование, а разбираются просто отдельные писатели, при чем этот разбор заключается в сообщении биографий плюс лирические излияния по поводу творчества, сдобренные публицистикой в духе Скабичевского, если же кое-где делается попытка отказа от биографически-импрессионистического подхода и намечается переход к анализу литературных школ и течений (напр., — гл. 5 части II, гл. 10 ч. III), то здесь дело ограничивается, главным образом, пересказом их фактической истории.

Таков подход Львова-Рогачевского: анализ стиля заменяется импрессионизмом и психологизмом (характерны в этом отношении даже оглавления некоторых глав книги, — напр., гл. 15 ч. III «Мятущийся поэт — А. Блок» и т. д. все в таком же роде), социологизм же подменяется скабичевщиной, лишь изредка промелькнет подлинный социологизм (напр., правильное и свежее определение Гуми-

лева, как эпигона дворянской культуры, но и то, как мы выше видели, не выдержанное монистически).

Так попытка Львова-Рогачевского дать социологически обоснованную историю новейшей русской литературы оказалась далеко не осуществленной. Марксистская история новейшей русской литературы все еще пока ждет своего автора.

Арк. Глаголев.

Н. Л. БРОДСКИЙ и Н. П. СИДОРОВ. Том III. Русский рабочий в отражениях художественной литературы. Стр. 368. Изд. Л. Д. Френкель. М.—Л. 1924 год.

Третий том хрестоматии Н. Бродского и Н. Сидорова носит название «Русский рабочий в отражениях художественной литературы». Здесь перед составителями была более трудная задача, потому что они располагали очень незначительным материалом. Вот почему, не имея произведений, отображающих быт крепостных рабочих, они вынуждены были брать отрывки из очерков Немировича-Данченко. Но, к сожалению, в этих очерках Немирович дает сведения о жизни рабочих в прошлом, но самих рабочиху него нет. Отрывок из повести—Решетникова «Горнорабочие» в первой его части можно бы сократить: уж очень он скучен и утомителен. Рассказ Мамина-Сибиряка «Блажные» и рассказ А. Эртеля «Крокодил» дают так мало, что их надо бы заменить другим материалом. Можно бы взять из романа Мамина-Сибиряка «Горное гнездо» встречу владельца Лаптева рабочими его заводов. Что касается рабочих-артельщиков, то вместо совсем немного дающего «Крокодила» Эртеля дать в соответствующем месте отрывки из рассказа Шмелева «Стена», где психология полукрестьян-пролетариев представлена гораздо ярче и интереснее.

Рассказ Куприна «Молох» не только один из слабых его рассказов, но он не дает ничего и для познания рабочей жизни. Внешнее описание завода — и только. По своему построению этот рассказ напоминает чеховский «Припадок» Как там, так и у Куприна в центре впечатлительный интеллигент. Студент Васильев у Чехова не выносит ужасов проституции, инженер Бобров у Куприна — ужасов страданий рабочих. В обоих рассказах друзья успокаивают впечатлительных Васильева и Боброва. Но замечательный рассказ Чехова построен так, чтобы вплотную подвести читателя к ужасу жизни дома терпимости. Чехов бегло и все-таки ярко набрасывает несколько фигур несчастных проституток. Куприн же, идя в данном случае от пародии на Чехова, бессилен последовать в построении своего рассказа за автором «Припадка» до конца. Он не дает читателю ни малейшего представления об облике рабочих описываемого завода. Вот почему рассказ не имеет ценности и в смысле содержания.

Из рассказов Серафимовича надо бы взять—«Под землей». Этот рассказ совершенно правильно отметили в свое время С. Венгеров и В. Короленко, Здесь— не только внешнее описание завода, но и живые люди. Рассказ М. Горького «9 января», где перед читателем сцены на улице, в строгом смысле — не рассказ из рабочей жизни. Ведь здесь, в этом рассказе, рабочее недовольство растворяется в общем море недовольства городского обывателя-бедняка, возмущенного действием солдат. Гораздо было бы лучше взять еще из М. Горького отрывки из повести «Хозяин» для помещения во второй отдел.

Очень жаль, что ничего не взято из первого романа А. Бибика. В романе «К широкой дороге» есть интересная сцена состязания в работе старого Суркова и молодого Игната (гл. V).

Необходимо было взять какой-нибудь отрывок, рисующий положение женщины-работницы в прошлом. В этом отношении вполне подходящими могут явиться страницы из повести Вересаева «Конец Александры Михайловны».

В последнем цикле («В борьбе за освобождение труда») кое-что для познания рабочего и его жизни является несущественным. Таковы, напр., стихи Безыменского («Клуб» и «Петр Смородин»), хотя сами по себе эти стихи и интересны. Здесь в этот отдел надо бы включить рассказ Костерина «На изломе дней», Впрочем, приходится учитывать и то

обстоятельство, что некоторые рассказы появились, пока хрестоматия печаталась: напр., рассказ К. Анищенко «Ткачи». В отрывке из Б. Пильняка «Кожаные куртки» надо было в примечании оговорить, что Пильняк заимствовал описываемый факт из книги Л. Либермана «В угольном царстве», вышедшей в первом издании в 1918 г. В третьем издании своей книги (1924 г.) Л. Либерман на это обстоятельство указывает в примечании на стр. 50.

Как первый опыт составления такой хрестоматии о рабочем в литературе, книга Бродского и Сидорова представляет несомненный интерес.

И. Кубиков.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

а) Русская.

1. ЛЕНИН В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ. *Г. Лелевича.* — **2. ВЕНОК. Стихи о Ленине.** *Г. Лелевича.* — **3. И. БЕХЕР. У могилы Ленина.** *Г. Лелевича.* — **4. КОНСТ. ФЕДИН. Города и годы.** *А. Лежнева.* — **5. А. ЯКОВЛЕВ. Октябрь.** *А. Лежнева.* — **6. В. ГОЛИЧКИН. Товарищ Семивзводный.** *А. Луначарской.* — **7. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ ДЛЯ ВСЕХ.** *А. Лежнева.* — **8. ВЛ. БАХМЕТЬЕВ. Маленькие рассказы о большой жизни.** *А. Лежнева.*

ЛЕНИН В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ. Отклики на смерть Ленина. Под редакцией Бориса Гусмана. Изд. «Прометей». Москва. 1925. Стр. 168. Тираж 5.000.

Довольно увесистый сборник Бориса Гусмана страдает одним весьма и весьма существенным недостатком: в нем материал просто расположен в алфавитном порядке авторов без всякого намека на классовую дифференциацию. Такое размещение материала было бы законно только при том условии, если бы в сборник вошли стихи одной и той же социальной значимости, напр., только стихи пролетарских поэтов на смерть Ленина. Между тем, на-ряду со стихами пролетарских поэтов в сборник входят не только стихи ближайших «попутчиков», как Маяковский или Тихонов, но и произведения таких явно чуждых революции писателей, как Иван Рукавишников или Рюрик Ивнев. Я вовсе не хочу сказать, что этих чуждых откликов на смерть вождя не надо было печатать, — наоборот, сборник произведений, посвященных Ленину и носящих различный классовый отпечаток, крайне интересен, но он может быть полезен читательской массе только при том условии, если материал разбит по основным классовым линиям, а в предисловии дан *социологический* анализ основных художественных подходов к этой гигантской теме. Поскольку Гусман этого не сделал, его сборник может иметь только значение беспорядочного собрания сырых материалов и справочника.

Как таковой, сборник *полезен*. Правда, он значительно уже названия. Уже самый подзаголовок указывает, что в книгу вошли не все поэтические изображения Ленина, а только отклики на смерть вождя (есть, впрочем, исключения, — напр., стихотворение Алексайдровского и первое стихотворение Безыменского написаны задолго до январских дней 1924 г.). Это ограничение помешало ввести в сборник такие ценные вещи, как «Истинный привет» или «Ленин пишет не пером» Демьяна Бедного, или как любопытные в социологическом отношении стихи Клюева, но в пределах, указанных в подзаголовке, сборник достаточно полон.

Из мелких недочетов надо отметить прежде всего, что совершенно напрасно помещено хорошее, но вовсе не говорящее о Ленине стихотворение Александра Жарова «Разговор с солнцем». Вряд ли

удачен выбор стихотворений Иоганнеса Бехера, у него можно было найти более ценные отрывки. Напрасно Чарльз Эшли назван Ашлеем. Кстати, о переводных произведениях: включенные в сборник многочисленные стихотворения немецких, английских, швейцарских, французских, польских, литовских, венгерских, шведских и эстонских поэтов придают книжке особую ценность, так как, кроме прекрасной книжки Иоганнеса Бехера, русские читатели до сих пор не имели ничего из написанного иностранными пролетарскими и революционными поэтами в траурные дни Это достоинство, однако, сильно умаляется невысоким качеством переводов.

Г. Лелевич.

ВЕНОК. Стихи о Ленине. Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск 1924. Стр. 56. Тираж 1.000.

В рецензируемый сборничек вошли стихи шести иваново-вознесенских поэтов, посвященные памяти Ленина. У нас имеется уже количественно немалая литература о Ленине, в том числе и много стихов. На-ряду с некоторыми, сильными и запоминающимися произведениями пролетарских и революционных поэтов (Безыменский, Доронин, Тихонов, Маяковский, Бехер и др.) написано немало рифмованных пошлостей. Неудивительно: Ленин, это — такая тема для художественного оформления, которой нужно не только техническое мастерство, не только даже сочувствие революции, но и *органическая близость* к последней.

Иваново-вознесенский сборник ни в каком отношении не выделяется из ряда ленинских стихотворений. Для большинства произведений этого сборника характерен, прежде всего, в высшей степени абстрактный подход к теме. Не художественный «показ» живого Владимира Ильича, не выявление его значения путем «показа» конкретных фактов революционной борьбы, а общее «воспевание» и восхваление, — таково основное лицо сборничка.

Наименее удачны стихи Ефима *Вихрева*. Этот поэт ухитрился написать на смерть Ленина ни более, ни менее, как «Венок сонетов». Заранее можно было предсказать, что попытка вложить переживания, вызванные смертью Ленина, в такую явно мертвую, застывшую и искусственную форму обречена на неудачу Перед нами нудное, тягучее размазывание общих мест, к тому же лишенных и формального совершенства, обязательного для сонета! Эпитеты — банальны: буйные силы, светлый путь и т. д. Сравнения часто совершенно нестерпимы: сирены загудели, как свирели; Ленин сияет, как меч, вынутый из ножен и т. д. Сплошь и рядом встречается просто напыщенная бессмыслица:

> Он воздвигал, слагая и деля,
> Из цифр сложнейших мудрые модели...

Как можно воздвигать модели из цифр!? В другом месте Вихрев предрекает, что «возникнут звезды новые из слов». Еще хуже второе стихотворение Вихрева: «Мертвый краснознаменец».

Рядом с Вихревым, заслуженно можно поставить второго поэта Георгия *Золотухина*. Он ухитрился уложить Ленина на «прокрустово ложе» даже не «венка сонетов», а вихляющейся северянинщины. Не угодно ли:

> Подойди и смолкни. Убедись, запомни,
> Что штрихи былого нежат примитив...

И эта северянинская конфетка связывается с Лениным! Еще почище такое описание пролетарской революции.

> Пало крепкосталье, вспела пролетарья...

И, наконец, еще один пример:

> Розовое небо спрятало Акмею,
> Чтоб пиитов смену дух взласкал...

Можно ли придумать бо́льшую безвкусицу, бо́льшее издевательство над памятью великого учителя?

После стихов Вихрева и Золотухина кажутся прекрасными произведения Авенира *Ноздрина* и Дмитрия *Семеновского*, хотя произведения эти довольно бледны и заурядны. Очень досаден только какой-то церковный, евангельский словарь этих двух поэтов, у Ноздрина фигу-

рируют: «пророческие вершины», «святые походы»; «Мавзолей Ленина — новой Мекки место». У Семеновского встречаются: «ад стоэтажный», «магический круг», «великий Исход», «возносимые на крест», «начало Третьего Завета». Разумеется, не надо слишком придираться к слову и поднимать вопль при каждом употреблении евангельского термина или образа. Но плохо, когда эти термины и образы попадаются в таком числе, что влияют на основной тон стихотворения.

Энергичнее прочих в сборнике стихотворение Сергея Селянина:

На восток и на запад летела весть
Поздно ночью, утром и днем.
И другого никто не мог произнесть:
Все о нем,
Об одном о нем.
Даже ветер уныло хрипел в тот день,
Словно кто-то его сковал —
И заводские крыши,
И тишь
Деревень
Вздохом трепетным целовал.
Знали все: в этот день
Ушел человек,
Тот, чей рост
Вздымался до звезд,
Для которого днем становился век.
Кто величественен и прост...

Значительно менее энергичны стихи молодого поэта Серафима *Огурцова*. Недочетов в них множество. Не всегда умело чередует он мужские и женские рифмы. Бедноват его словарь. Например, на протяжении каких-нибудь двух страниц у него и «путь отзвенел», и «воробьиный гомон прозвенел», и «ветер прозвенел». Часто встречаются прямые заимствования у других поэтов: у Маяковского («не умрет комсомольское сердце у коммуны в груди»). У Безыменского и Жарова («Знаешь, матка, партанкету скоро заполнит свет» и т. д.). Но все эти недостатки хочется простить Огурцову за то, что он, единственный из участников сборника, попытался выявить великое значение Ленина не общими словами, а путем «показа» *живых пролетариев, живых людей* нашей революции, по-своему чувствующих величие вождя. Тот путь, на который вступил Серафим Огурцов, — плодотворный, правильный путь.

В общем, Иваново-Вознесенский сборник не внес значительных ценностей в литературу о Ленине, но не совсем еще умелые стихи Огурцова и энергичные стихотворения Селянина внушают надежду, что в дальнейшем такой пролетарский центр, как Иваново-Вознесенск, даст достойный художественный отклик на неумолкающий ленинский призыв.

Г. Лелевич.

ИОГАННЕС БЕХЕР. У могилы Ленина. Цикл стихотворений. Пер. с немецкого. Библиотека иностранной литературы. Госиздат. Москва. Год издания не указан (вышла в 1924 г.). Стр. 31.

Те, кто посетили недавнюю I Всеобщую Выставку Немецкого Искусства в СССР, знают, что молодая германская живопись резко проникнута антикапиталистическими тенденциями, но, наряду с ненавистью к капитализму, в произведениях большинства молодых германских художников не менее отчетливо проступает и кровная связь протестантов с тем самым миром, против которого они протестуют. Молодые художники, бичующие разлагающийся капитализм, сами в большинстве случаев отравлены ядом этого разложения. Это относится не только к современной германской живописи, но также и к другим родам искусства, в первую очередь, и к художественной литературе. Современные германские писатели дали ряд потрясающих картин разложения капитализма, многие из них даже выявляют в своих произведениях определенное сочувствие революционному движению пролетариата, но очень немногие оказались способными действительно творчески слиться с пролетарской борьбой. Вспомним, хотя бы, «9-е ноября» Бернгарда Келлермана, — книжку, в которой великолепно заклеймена вакханалия выродившейся буржуазии, но вместе с тем обнаружена полная беспомощность при попытке художественно показать представителей

революционной борьбы. Вспомним, хотя бы, пьесы даровитого молодого Эрнеста Толлера, «отличающиеся безусловным сочувствием рабочей революции», но в то же время отравленные индивидуалистическим пессимизмом.

Это явление вполне закономерно. До тех пор, пока пролетариат не стал господствующим классом, пока, по выражению Воровского, у него не создалась еще своя творческая психика в области реальной жизни, пролетарского искусства, как значительного и широкохудожественного движения, быть не может, — могут быть только отдельные зачинатели, отдельные предтечи. Это мы наблюдали в России, то же самое мы можем наблюдать и в Европе. Ни в одной из капиталистических стран мы не имеем сейчас сложившегося пролетарского искусства. Если прогнивший капитализм сумел оттолкнуть от себя молодые таланты, все творческие силы, то зарубежный пролетариат еще не успел выдвинуть достаточного количества своих художественных сил. Тем ценнее отдельные художники, которые уже сейчас — более или менее последовательно — встали на точку зрения рабочего класса, тем большего внимания заслуживают они, тем шире надо знакомить с их произведениями читателей Советского Союза.

Иоганнес Бехер — один из немногих немецких писателей, наиболее близко подошедших к позициям пролетарской литературы. «У могилы Ленина», это — книга преданного борца рабочей революции, преданного борца коммунизма, написанная в незабываемые дни траура по Ильичу. Она художественно воплощает переживания европейского пролетария-коммуниста в эти потрясающие часы. Очень любопытно, что эти траурные стихи немецкого пролетарского поэта в целом ряде мест буквально совпадают со стихотворениями русских пролетарских поэтов, написанных в те трагические дни. Ясно, что ни о каких заимствованиях в данном случае не может быть и речи, здесь сказывается единство классового мировоззрения, единство классового мироощущения, здесь мы имеем дело с своеобразным творческим преломлением международной солидарности пролетариата. Книжка Бехера заключает в себе огромный заряд революционной энергии и пафоса. Она вся насыщена чувством, которое (в этом невозможно сомневаться!) захватило автора целиком. И эта эмоциональная напряженность, эта неподдельная искренность переживаний придают стихам Бехера силу, которая глубоко волнует читателя. Приходится удивляться, как немецкий поэт, переживший трагические январские дни прошлого года далеко от Москвы, смог воссоздать незабываемую картину траурной Москвы. Начало III главы, рисующее приближение траурного поезда с телом Ильича к Москве, и начало IV главы, рисующее прощание с Ильичом в Колонном зале Дома Союзов, принадлежат к сильнейшим страницам поэзии последних лет и должны быть включены во все антологии и хрестоматии.

Формально Иоганнес Бехер, как и бо́льшая часть современных европейских революционных поэтов, идет по пути Уотта Уитмэна: он отказался от чеканных, правильных метров и пишет свободным, несколько анархическим, часто сбивающимся на прозу стихом. Сплошь и рядом, он подчеркивает свое стремление «снизить» поэтический язык до уровня языка практического, стереть грань между этими двумя видами языка. С этой целью он прибегает, между прочим, к введению в свои стихи таких материалов, как выдержки из речей Сталина, Крупской и др. Здесь не место спорить о том, насколько подходит уитмэновский свободный стих к задачам пролетарской поэзии. Но нельзя не признать, что глубокая эмоциональная напряженность, искренность переживаний, заостренность чувства помогли Иоганнесу Бехеру выйти победителем и создать произведение, волнующее, действующее местами даже потрясающе.

Перевод (кстати, почему не указан переводчик?) в общем и целом правильно передает художественную манеру Бехера, но часто встречаются стилистические шероховатости.

Книжку Бехера следует прочесть каждому, интересующемуся современной революционной поэзией, каждому, желающему найти художественный отклик на события нашей современности.

А Госиздату следует обратить внимание на то, чтобы среди выпускаемой им переводной литературы было побольше произведений, действительно пролетарских и революционных художников слова, чтобы выход книжки Бехера не был редким исключением.

Г. Лелевич.

КОНСТАНТИН ФЕДИН. Города и годы. Госиздат. Ленинград Стр. 385. 1924 г.

У русских беллетристов замечается в последнее время тяга к авантюрному, приключенческому, сюжетному, занимательному роману. В этом, разумеется, ничего дурного нет: тенденция хорошая, да вот романы почему-то выходят все больше плохие. Примером может служить «Жанна Ней» Эренбурга.

Федин «отдал дань» общему увлечению. Его «Города и годы» сильно напоминают «Жанну Ней» — не только сложной диккенсовской сюжетностью, но и деланной, многословной наивностью своего лиризма, своей стилизованной банальностью. Но есть здесь и разница: «Жанна Ней» гораздо занимательней, построена ладнее и легче. «Города и годы» читаются тяжело, утомляют; роман перегружен лирическим и описательным элементом, резонерством, механизм его громоздкий и скрипучий. Но, если на стороне Эренбурга преимущество большей технической умелости, то зато Федин оригинальнее, выдумка его свежее. Он сумел, по крайней мере, обойтись без традиционных слепых, без старых развратников и роковых судебных ошибок.

Все же, в целом роман Федина неудачен. Основной замысел автора — построить сложное и занимательное действие, выдвинуть вперед сюжетную сторону, создать, пользуясь материалом, данным современностью, «роман тайн». И вот, в выполнении, в проведении этого замысла автор недостаточно последователен. Чехов как-то писал, что если в начале рассказа ружье висит на стене, то к концу рассказа оно должно выстрелить. Это правило в особенности применимо к сюжетному роману. В нем не может быть случайных с точки зрения конструкции подробностей, сцен или лиц, не может быть частностей, не ввязанных в общую цепь действия. Между тем, это сплошь и рядом встречается у Федина. Его ружья не стреляют или дают осечку. Есть у него ряд лиц, которые являются с точки зрения сюжетной конструкции лишними. Таковы: Лепендин, Майер, профессор из первых глав, Генниг, студент, появляющийся в начале романа на празднике в Эрлангене с пророчеством насчет грядущей войны и др. Майер нужен автору, как тип честного пацифиста, профессор и студент исполняют роль резонеров на политические темы (см. у Эренбурга), Лепендин необходим для того, чтобы немецкому национальному типу противопоставить русский национальный тип (новая вариация Платона Каратаева). Генниг — умеренно-шаржированная фигура ручного социалиста. Словом, все они могут быть нужны автору для характеристики эпохи, изображения национального характера, выявления собственной авторской философии и т. д., но в конструкции романа они—лишние. Роман мог бы обойтись без них, не потеряв ни одной сюжетной детали. А для вещи, интерес которой сосредоточен именно на сюжете, это — огромный недостаток.

Точно так же, как отдельные лица, выпадают из сюжетной конструкции целые сцены и главы, например: длиннейшие описания Эрлангена и эрлангенского праздника, Бишофсберга, монолог Андрея, начинающий роман, сцены ночных работ в Питере, сцены со стариком Щеповым, большая часть главы «Враг у ворот» и др.

Все это происходит оттого, что Федин не ограничивается выполнением своего основного замысла. Он хочет дать зараз: и сюжетный роман, и ряд бытовых картинок, и широкую картину мировой войны и революции, и их философию, и род национальной характеристики Германии, тройной экстракт из народной немецкой сущности, и много другого. Дать это одновременно довольно трудно и требует большего таланта, чем имеется у Федина. В результате же множественности задач, поставленных перед собой автором, получи-

лось только то, что ни одна из них не выполнена как следует, а линии основного замысла затемнены и потеряли отчетливость. Вместо занимательного романа получилась растянутая и местами порядочно-таки скучная вещь.

Множественность задач послужила причиной и другой особенности «Городов и годов»: большого разнообразия примененных в ней литературных приемов: здесь и обычный рассказ, и вставки писем, приказов, объявлений и надписей, и лирические отступления, и приемы народной песни (сравнение боев у Петербурга со встречей гостя — стр. 42, аналогичный прием в «Вицлипуцли» Гейне); здесь ирония, шарж, гротеск, стилизованная и нестилизованная сентиментальность. Это разнообразие приемов производит, однако, отрицательное действие, впечатление суетливости, неумения экономить средства: затраченные усилия не пропорциональны результатам. Отсутствие единства тона, перемежающаяся лихорадка стиля, в котором приступы иронии сменяются лирическими пароксизмами, заканчивающимися конвульсиями пародии — только утомляет читателя. Фединым не соблюдено чувство меры.

Образы действующих лиц у Федина часто невыдержаны. Героиня романа, Мари Урбах, вначале — живая девушка, с избытком сил и своеволия и в то же время с дегенеративной склонностью к жестокости (здесь Федин сильно напоминает немецкого изготовителя «страшных» романов, Г. Г. Эверса; детство Мари представляет параллель детству героини ром. «Alraune»). В этой детской и девической фазе Мари существует как художественный тип, существует, по крайней мере, в такой степени, что она еще доступна для читательского контроля. Читатель еще может судить, является ли тот или иной поступок естественным следствем ее характера (как его обрисовал писатель) или произвольной выдумкой писателя. В дальнейшем контроль этот становится невозможным. Мари, как художественный образ, перестает существовать. Читатель не видит, *почему* Мари вдруг превращается в нежную и верную подругу нерешительного Андрея, почему она становится (или почти становится) большевичкой и первая организовывает в маленьком немецком городке Совет солдатских депутатов, почему она, после того, как ее любовь разбита, находит тихую пристань в питерском детдоме (что это: вариация традиционного ухода разочарованной героини в монастырь?). Читатель во всем этом должен верить автору на слово; от Мари к середине романа остается одно только имя.

Немногим лучше мотивирована метаформоза другого действующего лица, художника Курта Вана. В начале романа он, как и следует художнику, любит природу, старинные города, пылок в дружбе и т. д. Когда вспыхивает война, он становится шовинистом. Тут мы автору еще верим. Но когда мы после войны застаем Курта Вана не только большевиком, но большевиком эренбурговского, геометрического, механизированного типа — мы уже верить не можем. Если такое превращение мыслимо — надо показать его процесс. Но показать невозможно, потому что аляповато-упрощенный образ большевика по Эренбургу выдуман, не живой.

Влияние Эренбурга на Федина, вообще, довольно сильно. От него и банальность любовных эпизодов, и поверхностное резонерствование на темы о революции и войне, и упрощенность национальных характеристик. Впрочем, в том, как приготовлены его немцы, чувствуется не менее эренбурговского, замятинский рецепт («Островитяне»). Удивительно, как мало интересного видят «наши за границей»! Удивительно, как банальны их наблюдения и характеристики! Любой солдат, побывавший в Восточной Пруссии или в плену, т.-е. в обстановке, очень мало располагавшей к объективности, находил в Германии много такого, чему можно поучиться, а вот наши писатели замечают только традиционного немца, выдумавшего обезьяну, филистера, над ограниченностью, аккуратностью, мелочностью которого как не поиронизировать с высоты российского превосходства! Как будто в Германии одно мещанство и как будто только оно в Германии!

Мы указали на главные недостатки романа. Справедливость требует, чтоб

были отмечены и достоинства. Они имеются. «Города и годы» — вещь далеко не бездарная. В основном автор потерпел неудачу, но есть превосходные частности (копание окопов в Питере, Эрланген, описание Бишофсберга в солнечное утро, когда и часы отзванивают «Зон-не», сцена в штабе, «Салават», госпиталь, пленные итальянцы, ослепленные газами и т. д.). Последние сцены написаны очень сильно (к сожалению, этого нельзя сказать про эпизоды из русской революции).

В заключение отметим две, правда, незначительные «неточности» автора: Андрей по-немецки не Андреус, а Андреас; фамилия *«фон цур* Мюлен-Шенау» вряд ли возможна, так как обе приставки (фон и цур) однозначны и вместе не бывают.

А. Лежнев.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ. Октябрь. Повесть. 2-е издание. «Земля и Фабрика». М.—Л. 1924. Стр. 182.

Автор старается показать дни революции в Москве так, как они преломляются через сознание героев его повести, трех рабочих: колеблющегося Василия, брата его, эсера Ивана, и молодого красногвардейца Акимки. Сам по себе этот прием, т.-е. то, что автор заставляет читателя смотреть попеременно глазами то одного, то другого действующего лица, далеко не нов. Особенно часто мы встречаем его у Льва Толстого. Но в данном случае он применен очень удачно. Автор тремя различными путями, из трех различных точек, подводит читателя все к одному выводу и, не делая сам ни одного видимого движения, заставляет читателя признать этот вывод единственно необходимым, обязательным. Объективность рассказа сохранена, но тем более возросла его убедительность. Автор не распределяет свет и тени так, что на одной стороне — только свет, на другой — только тени. Несмотря на свое сочувствие Октябрю, он не боится показать порой и у большевиков растерянность или жестокость, а у юнкеров — выдержанность или хладнокровное мужество (в этом отношении он даже хватает через край). И все же, когда в конце книги убежденный эсер и противник большевиков, Иван, борющийся на стороне юнкеров, чувствует, что он сделал непростительную ошибку, непростительный грех по отношению к рабочим и революции и под тяжестью этого чувства кончает с собой, это воспринимается читателем, как необходимый вывод из всей книги.

Повесть имеет свои недостатки. Однообразие приемов и некоторая растянутость утомляют. Большой сильный мазок заменяется у автора целым рядом мелких мазков, которые в сумме дают гораздо более слабый эффект. Нередко стилистическая безвкусица: «Сердце-вещун тосковало все сильнее и горестней», «Из глаз ее вместе со слезами глядела жуть», «По комнате ходила тоска», «переливчато бродили по бульварам». На стр. 74 узнаем, что «каждый русский ожидает прекрасного чуда».

Все же, несмотря на недостатки, в целом книга интересна и ценна — прежде всего своей искренностью и простотой. Что это признал и читатель — доказывает до известной степени ее 2-ое издание.

А. Лежнев.

ВЯЧЕСЛАВ ГОЛИЧКИН. Товарищ Семивзводный. Театральное представление в пяти действиях с прологом и эпилогом. Издание «Кооперация». Ленинград 1924 г. Стр. 182.

«Еже писах писах» — эпиграф автора, а читатель должен читать, а зритель смотреть, так как это — представление.

Книжка 182 страницы. В предисловии автор сожалеет, что не появилось почти ни одной пьесы из пережитой нами эпохи. Он попытается дать нам крупицу великой эпохи, при чем предупреждает, что он не коммунист, не консерватор и вовсе не намерен искать идеи в своем произведении. Это его ни в какой мере не интересует. Единственно, что его интересует, это — годится ли пьеса к постановке?

На единственно интересующий автора вопрос приходится ответить отрицательно. Несмотря на то, что самая тема

«Эпизод гражданской войны», взятая автором, предрасполагает к действию, а значит и к театральности, автор сумел ее так использовать, что получилась ультра-чеховская пьеса с длинными, скучными, наивно пропагандистскими разговорами иной раз на протяжении двух с половиной страниц.

С точки зрения существования в пьесе идеи, автор совершенно прав — ее было бы совершенно бесполезно искать. Психология же пьесы — неувядаемая способность обывателя к приспособлению. «Крупица революционной эпохи» отражена в анекдоте.

Молодой ученый филолог, только что выпустивший труд «История китайской культуры», волею автора становится командиром отряда красных, при чем, миролюбивый и скромный от природы, обнаруживает необычайные воинские достоинства. Солдаты его обожают, а белые трепещут и назвали даже этот отряд его прозвищем «Отряд тов. Семивзводного». Познакомивши нас в прологе самым внимательным и пространным образом с действующими лицами, которые и без того нам уже давно знакомы и даже надоели до смерти у Чехова, автор широким жестом переносит нас на берег Волги, где разрешается один из эпизодов гражданской войны. Две силы — красная и белая. Одна на правом берегу Волги, другая на левом. Положение красных безнадежно. Но командир отряда красных тов. Семивзводный, он же Лежаев — ученый по китайской культуре, гениально-дерзким налетом спасает положение и разбивает белых, бюрократически медлительных и как бы созданных для того, чтобы попадать в ловушки. Белые переарестованы, но судить их, за исключением удравшего грубого фата князя — порождение юнкеров, не за что. По существу это все милые старые интеллигенты-чудаки, которые к политике никакого отношения не имеют и не желают иметь, а жаждут спокойной более или менее жизни на благо родины. Во главе их «хорошая девушка» Вера, после одного разговора с тов. Семивзводным усвоившая всю несправедливость кампании белых. Естественно, она становится женой тов. Семивзводного-Лежаева, а сам он, невольный герой на час, возвращается к своим научным изысканиям и становится впоследствии преподавателем китайского языка в советском университете.

Тут мы с ними и попрощаемся, а автору посоветуем глубже отнестись к вопросу о том, что такое «крупица революционной эпохи». Даже будучи крупицей, она настолько велика, что анекдот никак не может нам показать ее.

Д. Луначарская.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ ДЛЯ ВСЕХ. Книга первая. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1924. Стр. 270.

Стихов в альманахе немного и подбор их случаен: Александровский и Гр. Сорокин («Повесть о комбате») и рядом — О. Мандельштам. Одни из них довольно удачны (Александровского, В. Рождественского), другие неоригинальны, подражательны (Сорокин) или представляют собой ребусы (Мандельштам), но и те и другие большого интереса не представляют. Проза гораздо лучше, хотя и здесь можно отметить крупный недостаток: отсутствие единства тона, чрезмерную пестроту и разношерстность собранных произведений. Притом здесь, как и в другом альманахе изд. «Прибой», «Стройке», нехватает центральной вещи, «гвоздя».

Лучшими вещами альманаха являются повесть Бориса Лавренева «Ветер» и рассказы Всев. Иванова «Ферганский хлопок» и Мих. Слонимского «Сухопутная жизнь». Повесть Лавренева несколько напоминает Арт. Веселого: отчасти пристрастием к изображению партизанщины и «нутряного», стихийного большевизма; как и у Артема, герой его повести чувствует себя на месте только в бою, в боевой обстановке. «Спокойная», хозяйственная, учрежденская работа не по нем. В нем романтика революции, ее яркие краски. Отчасти напоминает Арт. Веселого и его сочная колоритная, характерная манера письма, часто переходящая в сказ. Но у него нет той стилистической определенности, что у Артема: иногда он сбивается на Бабеля

иногда подражает Пильняку. Надо к тому же отметить, что анекдотичность начала повести (лейтенант Траубенберг, который по ночам, в виде таракана, защекотывает матроса Гулявина) не вяжется с ее последующим тоном. Несмотря, однако, на эти недостатки, у Лавренева чувствуется крепкое дарование; оно только начинает разворачиваться.

«Ферганский хлопок» Всев. Иванова написан в той его новой манере, которая пошла от «Фокина». Новый Иванов проще, понятнее и несколько тусклее старого: его восточные краски слиняли. Но зато он больше обращает внимания на сюжетную сторону и в его последних вещах больше движения и занимательности. Рассказ Иванова, в котором описывается, как два врага, русский-большевик и англичанин, агент иностранной компании, по очереди спасают друг друга как раз в те моменты, когда, по логике вещей и ходу их мыслей и чувств, они должны были бы погубить один другого, и как эти двукратные спасения делают из них друзей, преодолевающих классовые и политические антипатии, — этот рассказ («Ферганский хлопок») не является, конечно, крупной вещью; если угодно, это — пустяк, но пустяк, хорошо написанный. Выводить из него заключение о том, что Иванов желает притупления классовой вражды или гармонии классов, конечно, не следует. Это — не более, как добродушный анекдот, в котором в лучшем случае проглядывает мягкое, несколько напоминающее Толстого, отношение к людям художника, желающего в каждом человеке отыскать человеческие, гуманные черты. «Сухопутная жизнь» Мих. Слонимского тоже не вещь большого захвата, но сделана она мастерски. Остальная проза гораздо слабее. Хорош довольно только рассказ А. Чапыгина «Насельницы». Огромный отрывок из романа Ник. Каткова «Пепел» — слаб, растянут, утомителен. Рассказ Л. Гумилевского «Сорок сороков» имеет довольно интересный сюжет, но отличается большой стилистической безвкусицей. Тот же недостаток, только в гораздо большей степени, в «Скате» М. Казакова.

А. Лежнев.

ВЛ. БАХМЕТЬЕВ. Маленькие рассказы о большой жизни. Издат. «Земля и Фабрика». Москва — Ленинград 1924 г. Стр. 120.

Первое, что обращает внимание в рецензируемой книге — это исключительная революционность тематики. Все 11 собранных в ней рассказов посвящены революции. Их можно разбить на две группы: одна — большая — изображает непосредственно революционные дни, гражданскую войну, крестьянские восстания («В степи», «На дыбах», «Фроська», «Конец Ворошилина», «Прах», «В доме губернатора», «Встреча»), другая — меньшая — кануны революции, жизнь ссыльных («Кандальник», «Таежное», «На заре»). Первая группа художественно сильнее и ярче. Она почти свободна от фальшивых и книжных мест, которые встречаются во второй, особенно в драматическом этюде «На заре», наименее удачной вещи сборника.

Должен сознаться, что несколько манерное названиек ниги — «Маленькие рассказы о большой жизни» — заранее не расположило меня в ее пользу. Тем приятнее было, однако, убедиться, что претенциозности заглавия не соответствует ни содержание, ни форма заключенных в книге произведений. В них много трезвости и правды, иногда безжалостной («Конец Ворошилина»). Есть подробности, врезывающиеся в память:

«Перед саженным зеркалом солдат вдруг стал, взмахнул прикладом и ахнул,—осколки, звеня, полетели вокруг.

— Да ты что же это? — крикнул ему изумленный маляр.

Опуская приклад, солдат повернул к маляру свое лицо, *белое, с дрожащими, как бы плачущими губами* и произнес хрипло, спекшимся голосом:

— Пускай теперь... поглядятся!.. (Разгром губернаторского дома)».

В этих двух деталях — побелевшем лице солдата и его дрожащих, как бы плачущих губах — сила классовой ненависти, созданной столетиями угнетения, выражена так ярко, заключена в такой элементарный, отчетливый образ, поднесенный к самим глазам, что сюда уже почти нечего прибавить.

Революция взята Бахметьевым в ее героическом аспекте, хотя и без излишней приподнятости тона или идеализации. Есть, разумеется, и здесь вещи весьма неодинаковой ценности. На-ряду с «Фроськой» или «На дыбах», облеченными живой и полнокровной художественной плотью, имеются и довольно бледные рассказы, как «Прах».

Автор, очевидно, много работает над формой, над стилем. Довольно хорошо удался ему сказ («Рассказ инвалида»). Недостатком Бахметьева является здесь — как это ни странно — некоторая изысканность. Местами у автора стилизация, как, например, в последнем рассказе «Встреча», где сравнения и метафоры подогнаны под крестьянское, деревенское восприятие (на манер Клюева): поезд —«дряхлый самец по следам умчавшейся матки», пила — «большой сом», лес — «как пасть», березы — «клыки белые», туманы — «парное молоко», воды — «полные блюда», дороги — вожжи, борода — «чернозем весной» и т. д.

В целом книга, при идеологической выдержанности, несомненно интересна и с художественной стороны.

Д. Лежнев.

б) Иностранная.

1. ПЕТРОНИЙ АРБИТР. Сатирикон. *Р. Шор.* — 2. Ф. ФРЕЙЛИГРАТ. Вопреки всему. *Л. Войтоловского.* — 3. ЖОРЖ ЭКОУТ. Город. *К. Локса.* — 4. ДЖОЗЕФ КОНРАД. I. На отмелях. II. Рассказы о непокое. *К. Локса.* — 5. Ф. МАУТНЕР. Гипатия. *Федорова-Давыдова.* — 6. О. ВАРШАВСКИЙ. Спекулянты. *Я. Зунделовича.* — 7. Х. МАРТИНЕС-СИЕРРА. Благословенная весна и др. рассказы. *И. Гливенко.* — 8. ЖЮЛЬ РОМЭН. Душа толпы. *М. Эйхенбольца.* — 9. Э. ПУЛЬ. Гавань. *Л. Ровенталя.*

ПЕТРОНИЙ АРБИТР. Сатирикон. Перевод * под редакцией Б. И. Ярхо. Всемирная литература. ГИЗ. Москва—Ленинград 1924 г. Стр. 353.**

Перевод сохранившихся фрагментов знаменитого сатирического романа античной древности представляет почти неосуществимую задачу. Самое название романа (от satyra lanx, «винегрет») указывает на соединение в нем различных жанров и стилей. И действительно, «стилистический диапазон «Сатирикона» огромен: от высокопарной эпической поэмы до площадной брани, от юридического акта до болтовни шустрой служанки». Гибкость языка Петрония поразительна: изящный и порой изысканный в речах людей образованных, он звучит вульгарно и варварски в устах вольноотпущенников и рабов. Высшим достижением в последнем отношении является сцена пира у Трималхиона, где с величайшим мастерством комизма собраны и использованы все оттенки говора простонародья; не даром эта сцена является одним из важнейших источников для изучения так называемой «вульгарной латыни».

Переводчику грозит таким образом двойная опасность. Если он не передаст этой вульгарности выражений, он рискует обесцветить текст, лишить его всего обаяния присущего ему непревзойденного еще комизма. Если он постарается приблизить его к читателю, применяя простонародные выражения, он может слишком «обрусить» его, превратить римских вольноотпущенников в героев Островского или Лескова. К таким результатам пришел, напр., более ранний переводчик Петрония — Холодняк («На пиру у Трималхиона» — «Филологич. Обзор», II, 1900), у которого египетский раб распевает (вместо арии из Мима, как в подлиннике), «Шиль-пиль у папушки сэренький козлик».

Новый перевод «Сатирикона», изданный под редакцией известного московского филолога Б. И. Ярхо, счастливо избегает обеих опасностей. Нельзя не согласиться с выдвинутым в предисловии принципом перевода — «заставить читателя воспринимать текст хотя бы

приблизительно так, как воспринимает его наш современник, хорошо знакомый с латинским языком и литературой... Текст перевода должен производить впечатление чего-то иностранного, понятного, но нового и необычного... Излишняя руссификация только отдалит переводчика от его реалистической цели, создавая произведение, полное всевозможных противоречий» (13).

Эту задачу перевод и осуществляет в совершенстве. Только в двух-трех местах переводчику не удалось избежать излишних руссизмов. (Так, он употребляет выражения: «караул» (стр. 67— в подлин. «Quiritum fidem invocare»), «кикиморы» (стр. 93 — в подл. «larvae»), «ватные» (стр. 95 — в подл. «lanati») «двухкопеечный» (стр. 111 — в подл. «dupunduarius»). Вряд ли являются желательными и такие вульгаризмы в речах людей литературно-образованных, как «животишки» (стр. 49), «обхохотали» (стр. 75). С другой стороны, употребление без объяснения слова «фамилия» на стр. 84 (вместо правильно применяемого переводчиком в других случаях слова «челядь», «рабы») представляется ненужным латинизмом.

Больше возражений вызывает другой прием переводчика—перевод связующих фрагменты Петрония в цельный рассказ вставок фальсификатора XVII в.—Нодо. Действительно, перевод этих безвкусных и часто идущих в разрез с текстом вставок может быть понят только как уступка простой занимательности романа. Но занимательность «Сатирикона», как произведения беллетристического, к сожалению (говоря словами Шехерезады), «касается преимущественно вещей, находящихся ниже пояса». Значение же свое, как сатирической картины нравов расцвета Римской империи, роман всецело сохраняет и в фрагментарном виде подлинного текста.

Перевод сопровождает подробный комментарий, «рассчитанный на читателя, получившего неклассическое образование», но бесспорно ценный — в особенности в приводимых им литературных параллелях — и для филолога. Пожалуй, для читателя из широких масс некоторые примечания могут оказаться слишком сжатыми. (Так, в прим. 173 следовало бы, может быть, подробнее разъяснить, какие именно мифы имеет в виду Трималхион, как это и делается переводчиком в других местах — напр., в пр. 179. Не мешало бы также в эпизоде XXX (стр. 77—78) отметить примечанием невероятную цену одежды, которую называет раб, такой же хвастливый, как и господин его. Не совсем понятно и утверждение в прим. 24 о неточности примененной Аскилтом метафоры, так как ситуация Гитона и Аскилта, действительно, комически повторяет ситуацию в предании о Лукреции.)

Очень существенную пользу для приступающего к изучению Петрония и его эпохи окажут оба предисловия, предпосланные переводу—краткий исторический очерк Адр. Пиотровского, освещающий культурно-экономические основы возникновения этого романа [1]), и формальный анализ «Сатирикона» в предисловии Б. И. Ярхо,—анализ, который может служить образцом литературоведческой методологии [2]).

В общем, это издание ГИЗ'а—и по научному аппарату и по внешности — не уступает серым томам Сабашниковских «Памятников мировой литературы», — сыгравшим в свое время столь видную роль в деле популяризации античной литературы в России.

Р. Шор.

---

[1]) Не слишком ли только прямолинейно устанавливается автором связь между «безумным произволом вселенской торговли» и «случайно расплетающейся фабулой» романа? Ведь «случайность фабулы» Сатирикона обусловливается в значительной степени несовершенством традиции, сохранившей нам одни отрывки его.

[2]) Особенно интересными представляются доводы автора в пользу того, что по общей своей концепции «Сатирикон» есть произведение скорее юмористическое, чем сатирическое.

Ф. ФРЕЙЛИГРАТ. Вопреки всему. Избранные стихотворения. Перевод М. Зенкевич. Госиздат. Стр. 42.

Имя Фердинанда Фрейлиграта неизбежно заставляет думать о Карле Марксе. Член первой коммунистической партии и сотрудник «Новой Рейнской Газеты», Фрейлиграт был связан с Марксом узами крепкой и долголетней дружбы, от которой в значительной мере и заимствовала свой внутренний свет поэзия Фрейлиграта. «Певец революции и пролетариата» — так говорит о себе Фрейлиграт в письме к Марксу, и в этой самооценке нет преувеличения. Песни этого большого поэта, до сих пор почти неизвестные у нас, были распространены по всей Германии в предреволюционный и революционный период 1848 г. и относятся к любимейшим стихотворениям тогдашней революционной интеллигенции. В те отдаленные годы Фрейлиграт был единичным и чрезвычайно оригинальным явлением во всей европейской литературе. Он был не только самым ярким певцом революции 1848 года, но и первым певцом революционного пролетариата,— буревестником социальной революции.

Правда, свою бурную поэтическую карьеру Фрейлиграт начал довольно своеобразно, и первый успех пришел к нему совсем из другого лагеря, весьма далекого от демократических идеалов. Юношеские стихотворения Фрейлиграта относятся к тридцатым годам XIX века. Это было время буржуазного складывания Германии, когда полные капиталистического самосознания и зреющей промышленной мощи германские княжества и государства превращались в единый национальный рынок и протягивали во все стороны свои колониальные щупальцы. Города и гавани были наполнены грохотом торгового роста. И маленький вестфальский конторщик Фердинанд Фрейлиграт горячо ощутил свою связь и социальное родство с этим шумным прибоем растущей жизни. От сухих балансов и скучных бухгалтерских книг он уносился фантазией по следам буржуазных Робинзонов в царство экзотических снов и ослепительных миражей и приключений. Среди океанических бурь и химер, среди гроз и пустынь, наполненных тиграми, барсами и львами, эти экзальтированные мечты молодого конторщика открывали простор его риторическому таланту, его любви к словам единственным, редким и ослепительно-пышным, и явились модной одеждой для радужных иллюзий буржуазии о заморских странах и колониальных рынках. Так возникла первая книжка стихов Фрейлиграта, выпущенная в 1838 г. и стяжавшая ему славу королевского лауреата и насмешки демократической печати — в том числе особенно едкие Генриха Гейне. Но даже в этот период чистой экзотики львы и тигры были только своеобразным коэффициентом революционной значительности и дерзновений молодого поэта. На это справедливо указывал сам Фрейлиграт, когда говорил, что «поэзия львов и пустынь в своей основе была также революционной, ибо в ней заключалась решительная оппозиция против комнатной поэзии и кроткого ручного общества».

Дружба с Марксом, относящаяся к началу 40-х годов, является поворотным пунктом в творчестве Фрейлиграта, и вышедший в 1844 году сборник стихотворений «Символ веры» сразу ставит его автора в ряды крупнейших пролетарских поэтов.

Конечно, в этих песнях нет ничего нового для нашего времени. Но Фрейлиграт хорошо разглядел друзей и врагов пролетариата, хорошо знает и робких сердцем либеральных поддакивателей, и людей, нагруженных собственностью и дрожащих за свои лавки и дома. И в то же время он владел подлинным даром придавать своим стихотворным строчкам героический пафос и революционную четкость, которые делают радостный и смелый талант этого поэта родным и близким нашей горячей современности. Поэтому появление избранных стихотворений Фрейлиграта на русском языке следовало бы всячески приветствовать, если бы у автора этих переводов хватило уменья справиться со своей задачей. Фрейлиграт до конца своего творчества не мог освободиться от поэтического словаря романтической экзотики. Пла-

стического интереса его революционные песни не представляют. Весь эффект их в протестующей горячности, в диком и необузданном полете мыслей, в выражениях патетической силы и яркости. Между тем в распоряжении переводчика М. Зенкевич имеются крайне слабый язык и банальные обороты. Под его пером героическая фразеология автора и некоторая революционная кудреватость получает характер прозаической скомканности. Даже такое общеизвестное стихотворение, переведенное на все языки, как «Снизу вверх»,—эта истинная пролетарская поэма, полная социальной насыщенности и революционной энергии, — превращено переводчиком в суховатую прозу и вялые, рубленные строчки. Это особенно бросается в глаза при сравнении с переводом С. Заяицкого, недавно выпущенным книгоиздательством «Пролетарий» под редакцией Фриче. Чем больше патетического лиризма в оригинале Фрейлиграта, чем ослепительней полет его мыслей, тем беспомощней чувствует себя переводчик. Поэтому хуже всего удались ему такие стихотворения, как «Революция», «Вопреки всему», «Свободная печать» и «Мертвые — живым». Удачнее вышли стихотворения описательные: «Ледяной дворец», «Берлин» и некоторые другие.

Несмотря на все недочеты, издание избранных стихотворений заслуживает все-таки внимания, и, при полном отсутствии переводов Фрейлиграта, перевод Зенкевича может быть признан небесполезным для русского читателя, чему способствует, между прочим, вступительный очерк переводчика о Фрейлиграте.

Л. Войтоловский.

ЖОРЖ ЭКОУТ. Город. Перевод М. Веселовской. Гиз. 1924 г. 142 стр. 3.000 экз.

Рассказы Экоута из жизни бельгийских рабочих, крестьян и других «отверженных» (апашей, проституток) почти все построены на теме жертвы и искупления. Это представитель, если так можно выразиться, католического социализма, для которого социальная борьба символ духовного страдания и просветления. В своем изображении народа он напоминает наших славянофилов, его любовь к нему вне сомнения, но с этой любовью неразрывно связан какой-то мистический восторг перед страданием. Почти каждый рассказ кончается смертью, смерть — повод для торжественного славословия. Все эти рыбаки, солдаты, апаши, умирая, как бы являются прообразом человечества, которому суждено возродиться через страдание и смерть. Соответственно этому стиль рассказчика закруглен торжественными периодами, насыщен католической символикой. Вот некоторые образцы: «Ее падение наделяло ее величием Чистилища. Чем больше вникал я в ее рассказ, тем сильней любил я эту погибшую Магдалину оборвышей» (55). «Она напоминала безотрадный день стачки, взрыв керосина и газа, проклятие каторжной тюрьмы и в то же время чистую и святую крестильную купель» (57). «Я соединил в моем мозгу (?) его несчастную окровавленную голову с твоим небесным взглядом святой» (81). На-ряду с этой символикой в приемах и общей манере письма чувствуется сильное влияние французской натуралистической школы. Повидимому, Гюисманс— писатель, наиболее близкий Экоуту. Самое построение рассказов Экоута — мастерское, но некоторая монотонность, напоминающая медитации и патетические размышления, придает им риторические черты. Переводчица в общем удачно, если не считать отдельных промахов, справилась со своей трудной задачей.

К. Локс.

ДЖОЗЕФ КОНРАД. На отмелях. Перевод Ст. Вольского. 502 стр. Госизд. 1924 г. 5.000 экз.

ДЖОЗЕФ КОНРАД. Рассказы о непокое. Пер. с англ. А. В. Кривцова. Редакция и лит.-критический очерк Евгения Ланна. 319 стр. Изд-во «Земля и Фабрика». 1924 г. 10.000 экз.

По общему мнению западно-европейской критики — Конрад один из самых интересных прозаиков последних лет.

Его странная и необычная судьба — поляк, научившийся английскому языку на двадцатом году и начавший писать сорока лет — отчасти обостряют и усиливают этот интерес. Русский читатель, по всей вероятности, несколько иначе оценит Конрада, возможно, будет разочарован им. Мы слишком неустойчивы в наших суждениях об искусстве. Определенное в нем неизбежной традицией легко и поверхностно смешиваем с отсутствием оригинальности. Для читателей такого темперамента— Конрад скучен, работает «по старинке». Последнее несомненно. Конрад—не новатор, он целиком примыкает к классической прозе XIX века, точнее к Флоберу и Мопассану,—его оригинальность в способе изображения, в чрезвычайно гибкой и утонченной композиции и в стиле, более сдержанном, чем он мог бы быть. Стилистическая сдержанность, несмотря на богатство образов и оттенков, заставляет подозревать в прозаике скрытого поэта, «сделавшего поэзию средством писать прозу».

И наконец существенная оригинальность Конрада в его серьезном отношении к искусству. Это художник больших замыслов, глубокого знания и беспощадного анализа. Основные темы Конрада,—колониальный Восток, как сказали бы недавно — «восточная душа» в пересечении с западной. Его преобладающий интерес — изображение человеческих страстей, возвышенных и низких, руководящая нить изображения— истина во флоберовском смысле этого слова. Ради нее он готов пожертвовать своим романтизмом, своей любовью к мечте. В романе «На отмелях» (60-ые годы XIX столетия) изображается героический белый человек, благородный фантаст, одержимый идеей справедливости, которую он тщетно пытается восстановить на островах Малайского архипелага. Если угодно, его можно сравнивать с Дон-Кихотом, только более сложным, более завлекательным для современного воображения: «Очарование беззаконности окутывало его всего, подобно небу, окутывающему безграничный океан. Он был одинок, опасен, романтичен. В нем таились преступления, самозабвение, нежность, преданность и безумное увлечение идеей» (20 стр.). Умело введенная случайность — встреча с другими, потерпевшими крушение европейцами, женщина и ряд возникших отсюда коллизий и неудач — разрушают его мечту. Таков несколько неожиданно развертывающийся сюжет длинного романа, неравного по ценности и напряжению. Первая часть может служить образцом завязки своей умелой недоговоренностью, своим обещанием. Три средних части чрезвычайно медлительно подготовляют две последних заключительных, где распутываются все узлы. Общая композиция таким образом дана в стиле трагедии, и, быть может, эта стройность плана обусловила кропотливость и относительную неподвижность средних частей. Они вышли слишком подробными, слишком разъясняющими. Романтизм далеких скитаний, которым овеяна первая часть, магически-притягивающая власть ночного моря сразу уступают место прозаическим столкновениям, заговорам и великолепно разрисованной пошлости одного из спасаемых европейцев. Сложная интрига романа позволила ввести множество второстепенных лиц, соединенных по принципу контраста, и основная игра чрезвычайно запутанных отношений и обстоятельств проведены с большим мастерством. В общем роман требует медленного чтения, любви к подробностям, некоторого приспособления. Его растянутость всецело объясняется самой художественной манерой изображения: объективирующей, созерцательной, поясняющей. Тем не менее весь этот эпос насквозь пронизан горячей и взволнованной лирикой. В этих двух планах, взаимно-пересекающихся, основная особенность Конрада, как художника,—для него мир объективен, устойчив, как бы дан раз навсегда. Отсюда любовь к пейзажу, к твердым, устойчивым очертаниям. Но в этом объективно-данном мире заложен динамит душевной жизни, развивающейся по своим собственным законам — так оправдывается лирика, так выросли его «Рассказы о непокое». Каждый из них фактичен, обрамлен законченными очертаниями в стиле твердого реалистического рисунка. Событие, заключенное в эту оправу, по мере своего роста и

движения разрастается подобно сорвавшейся снежной лавине, а душевная жизнь граничит с безумием и патологией. «Человек в футляре» под влиянием измены жены превращается в грозного проповедника («Возвращение»), в сурового пуританина XVII века, за явным для всех миром пошлости или обыденщины совершаются потрясающие трагедии. Все это глубоко обосновано чрезвычайно тонким расположением отдельных моментов, умением соединять фантастику и реальное в нечто единое и целостное. Параллельно всему этому развертывается мировоззрение художника, питавшее его искусство. Оно пессимистично, проникнуто недоверием к обманчивой внешности, к красоте мира, которой он сам тем не менее наслаждается. Поэтому у него тема любви почти неизбежно превращается в тему ревности. Так, быть может, отразилась на творчестве Конрада его долгая жизнь на Востоке, его блуждания среди тропических морей и лесов, напоминающих душевный мир его героев. Перевод романа и рассказов, за исключением нескольких тяжеловатых мест, кажется точным, внимательным и изящным. Предисловие Ланна портит отсутствие определенной точки зрения. Оно, несомненно, могло быть написано лучше, судя по тому материалу, которым он располагал. Кроме этого, незачем было вводить такие слова, как «приключательский» и «фабулировать». Оба слова звучат не по-русски, равно как и следующее заключение: «европейская культура оберегла его опрокинуться в надрыв поляков, но она ни в малейшей степени не вытравила в нем национальных знаков: он вошел в английскую литературу и остался в ней художником душ, с которых сорван сюртук западно-европейского покроя» (22 стр.). Все это при желании можно было сказать проще и понятней, если бы автор внимательнее относился к написанному.

К. Локс.

ФРИЦ МАУТНЕР. Гипатия. «Современная иностранная библиотека». Гиз. 1924 г. Стр. 302.

Эпоха, в которой развивается действие романа,— время непосредственно после смерти «последнего язычника», императора Юлиана. Место действия также одно из классических,— Александрия. Все остальное тоже как полагается. С одной стороны, дикие и некультурные христиане-изуверы, с другой — последние могикане когда-то столь прекрасной античности. Они представлены старым профессором математики Александрийской академии Теоном и его прекрасной ученой дочерью Гипатией, вопреки всему продолжающей, несмотря на все гонения, открыто проповедывать философию красоты и античной свободы. Имеется на-лицо и еще один неизбежный персонаж таких произведений. Это правитель Александрии Орест, софист и тонкий гурман, неспособный ни к увлечениям, ни к ненависти, чуть-чуть юмористически ко всему относящийся, выхолощенный последыш рафинированной культуры. Общая фабула также трафаретна. Побеждает христианство в лице хитрого и коварного политика архиепископа Кирилла, последние остатки старой культуры гибнут, Гипатия трагически умирает, старый вельможа подает в отставку и уединяется на Кипре в своем имении, где в парке «между высокими миртами и цветущими розами стояли последние статуи старых богов» (стр. 294). Нового в этом романе, по сравнению с бесчисленным количеством когда-то читанных подобных, довольно ясно выраженная мысль о классовой подкладке новой религии, выявленная в борьбе пролетарских «еретических» сект с возникающей новой аристократией в лице официальных «князей церкви». Так же ясно показано, что новая религия есть вообще новая форма культуры, новая организация общества, приходящая на смену обществу Римской империи. Однако эта небезынтересная часть романа лишает его внутренней идеологической стройности. С одной стороны, все симпатии автора на стороне последних могикан догорающей культуры, тем более прекрасной в своем

угасании и в изображении безумств анахоретов и того «устраивания делишек», которое происходит под флагом религии, как будто бы на-лицо сатира на нее. Это особенно очевидно в истории с канонизацией святым убитого толпою проходимца Аммония и инсценировкой «чудес», якобы совершаемых его «мощами». С другой же, автор устами Гипатии признает в христианстве «истину». В результате же читатель за всем романом видит не кого иного, как автора, скептика, лишенного ясных симпатий и антипатий, умудренного опытом «нет ничего нового под луною». «Настанет время, когда христианские попы будут думать, что вместе с ними погибнет человечество, и животное начало восторжествует в новых идеалах, как сегодня думают это жрецы наших богов. Зная это, склоним голову и скажем: «прости» нашим врагам...» (стр. 269). В общем все одно и то же, но всякая истина «у бессмертной черни» делается «ложью и ханжеством», и поэтому ее сменяет новая форма той же истины, которую опять постигает та же участь. А над всем этим царят немногие «просвещенные духом», которые как раз и есть носители этой истины. А истина сия следующая: «начало и конец всякой мудрости есть сознание незначительности своего значения» (стр. 269). Поистине, если бессмертна «чернь», разрушающая и созидающая культуры, то бессмертен и старый марабу из этого романа, стоящий на одной ноге и задумчиво потирающий другою «свой лысый череп ученого».

Написана книга хорошим, очень европейским языком с пошедшей от немецких историков манерой модернизировать современные эпохе наименования и выражения. Среди той макулатуры и бульварщины, которая столь усердно переводится сейчас у нас с иностранного, книга все же много лучше других.

Федоров-Давыдов.

О. ВАРШАВСКИЙ. Спекулянты. Перевод с еврейского Я. Слонима. Редакция Андрея Соболя. Государственное Издательство. Москва 1924. Стр. 294.

Если это только не упущение переводчика, то отсутствие указания на жанр в заголовке книги О. Варшавского следует считать вполне обоснованным. «Спекулянты» — книга интересная, но это не роман (как оговаривается в своем предисловии переводчик), это даже не художественно завершенное произведение вообще — это лишь сырой, но богатый материал, ждущий своего художественного оформления, это пока лишь «галлерея спекулянтов разных мастей и оттенков... картина спекулятивной горячки, которая охватила всех и все во время немецкой оккупации Польши» (Я. Слоним). Может быть, именно многочисленность спекулянтской галлереи и мешает художественной слаженности произведения. Картина массового психоза спекулятивной горячки могла быть зарисована и без такого обилия лиц, если бы и в самом деле каждое лицо вносило новый, «свой» оттенок в общую картину. У Варшавского же это имеет место далеко не всегда. Жадно зарисовывает он образ за образом, торопясь не упустить никого и ничего из наблюдаемого. Но вследствие накопления однородных оттенков яркость каждого отдельного из них тускнеет, а с другой стороны в ряду многообразных зарисовок теряются такие, которые могли бы обогатить гамму оттенков, но выписаны автором лишь при помощи одного-двух штрихов. Отсюда коллективный герой «романа» — спекулянт — получается каким-то однотонным, лишенным красок живой действительности, и книга заинтересовывает все менее и менее по мере приближения к концу. Сказанное не мешает, однако, тому, что данный О. Варшавским тип хищника в общем осязателен, а некоторые детали имеют и совсем хорошую художественную полновесность. Такова, например, сцена, когда маленький Давидка утешает свою больную мать тем, что и он поедет с «товаром» в Варшаву, или сцена родов Глики, жены главного героя Пантеля, в котором пробуждается на миг что-то

человеческое. По словам переводчика, язык Варшавского отличается «разнообразием и сочностью диалектов, на которых говорят его герои». Но, как и указывает Я. Слоним, эта красочность совершенно не поддается переводу. Следует поставить в заслугу переводчику, что, стремясь передать своеобразие оригинала, он не побоялся ввести «непривычные для русского слуха выражения и обороты речи». Но создающаяся вследствие этого пестрота вызывает иногда комический эффект. Так, на одной и той же странице — русскими буквами дана без перевода польская фраза: «Чи ест пан комендант» (дома ли господин комендант), а двумя строками ниже такое предложение: «Bitte, bitte — обращается он по-немецки, — заходите, пожалуйста».

Я. Зунделович.

Х. МАРТИНЕС - СИЕРРА. Благословенная весна и др. рассказы. Перевод с испанского К. Жихаревой. Под редакцией А. Сереброва. Предисл. Е. А. Френкель. ГИЗ. Всемирная Литература. Берлин MCMXXII. 128 стр.

Мартинес-Сиерра, один из современных испанских писателей, прежде всего мастер художественного слова. Он очень чуток к красоте природы и свое чувство умеет выразить в доходящих до поэтического лиризма музыкальных, хотя и не стихотворных, строках, простых и непринужденных. И с этой стороны знакомство с ним не безынтересно для русского читателя теперь, когда мы так мало знаем, что делается в испанской литературе. И все же, читая книжку, изданную «Всемирной Литературой», невольно думаешь: да, недурно, красиво, но все-таки... мелковато... Три рассказа. В одном («Благословенная весна») — молодой «террорист-революционер» (кавычки мои), высокий брюнет, с матово-бледным лицом, изможденным усиленными занятиями наукой — решает для блага народа убить короля, который должен выехать на народное гулянье. Но чарующее весеннее солнце, выглянувшее после печальной и унылой зимы «с дерзкой веселостью возлюбленной» и, кстати, подвернувшаяся молодая красотка, и вся эта атмосфера света и любви так опьяняюще действуют на него, что он... забывает о своем великом решении. Второй рассказ («Приключение») — красивый пустячок на мотив о неожиданном влюблении. И только третий («Башня из слоновой кости») и самый большой рассказ представляет более значительный интерес как по своей фабуле, так и по ее разработке. Молодой «маркизик», воспитанный фанатической ханжей-матерью в полном неведении и в страхе перед жизнью, расслабленный неврастеник, сходится с жизнерадостной, полной сил, энергии и веры в свою силу швейкой и приживает с ней ребенка. Мать, узнав о таком ужасном «насилии» над ее сыном, увозит его с ребенком от его возлюбленной, которая вскоре появляется в имении маркиза за своим сыном и его отцом. Совершенно безвольный маркизик не решается ослушаться своей матери, и тогда Марианна (героиня рассказа) с презрением оставляет их, взяв с собой своего ребенка. Маркизик в конце концов гибнет. Контраст, с одной стороны, сильной «плебейки», с другой, расслабленного аристократика хорошо сделан, с большим чувством меры и безо всякой тенденциозной подчеркнутости. Фигуры живые, говорящие сами за себя. Таков Мартинес-Сиерра в рецензируемой книжке. Тонкий, изящный, художник, реалист, но хотелось бы и в Испании найти для перевода писателя с большей силой и глубиной.

Маленькое нота бене. Некоторое недоумение вызывает объяснение под строкой таких слов, как идиллия, кельты, миф, гекзаметр и т. п. Какими редакторскими соображениями вызваны эти объяснения? Не думал ли он, что эту книжку будут читать лица, не понимающие подобных слов? Если это так, то это очень трогательно, но наивно.

И. Гливенко.

ЖЮЛЬ РОМЭН. Душа толпы. Перевод с франц. А. Пол к. Библиотека Худож. Театра. Издательство «Петроград». Ленинград — Москва. 1924. 103 стр.

Талантливый Жюль Ромэн в ряде литературных манифестов, статьях и предисловиях защищает идеи всеединой, общной поэзии, унанимизма.

Своеобразие поэтической темы Жюля Ромэна в том, что коллективные социальные явления, город, толпа, различные социальные группы воспринимаются им, как органические существа. Еще в предисловии к своей повести «Возрожденный городок» 1906 г. Жюль Ромэн писал: «До настоящего времени психологический анализ простирался лишь на личности... Все известные романы и новеллы вращаются вокруг личных похождений. В них стремятся заинтересовать двумя или тремя главными фигурами, двумя или тремя героями, иногда и одним, чувства и поступки которых составляют существо произведения. Остальное — статисты или декорация. Я освещаю только одного героя, одно существо, одно «я», речь идет лишь о нем от первой до последней страницы. Но это не человек, это — город».

Правда, многообразный и изменчивый Поль Адан в тот же период создал роман «Львы», а позднее «Тайны толп», руководствуясь теми же предпосылками, что и Ромэн. Но последнему свойственно упорное постоянство в защите теории унанимизма и продуктивная, художественная реализация ее в своих стихах («Общная жизнь», «В пути», «Европа»), рассказах («Силы Парижа»), драмах («Армия в городе», «Старый Кромедейр»), романах («Однокашники»).

В ретроспективном обзоре мировой литературы Жюль Ромэн находит кажущихся предшественников унанимизма. Таков Золя, автор «Жерминаля», «Счастья дам», «Лурда» — изобразитель толпы забастовщиков, большого магазина, поезда с больными. Золя как будто раскрывает жизнь коллективных существ, но Ромэн усматривает в его творчестве скорее персонификацию, чем восприятие живого коллективного существа. Он видит в этом систему литературных приемов, аналогично примененную и при изображении локомотива в «Человеке-звере», перегонного куба в «Западне», Параду Аббата Мурэ.

Теория и художественная практика унанимизма у Жюль Ромэна, несомненно, была связана с трудами современных ему социологов — Дюркгеймом, Габриэлем Тардом, Гюставом Ме-Бон («Психология толп»). Тематический источник творчества французского писателя — в жизни современных индустриальных центров. Социально Ж. Ромэн примыкает к революционной группе французской литературы, и его творчество является в большей мере раскрытием революционной силы толпы.

Заглавие приведенной книги «Душа толпы» (в подлиннике произведения Ромэна названа нейтрально «Белое Вино из Ла-Виллет») удачно передает основную тему, связывающую серию рассказов, композиционно объединенных беседою нескольких рабочих за бутылкою вина о различных эпизодах своей жизни. Один вспоминает о своей солдатской жизни, когда его полк был вызван из провинции в Париж для разгона первомайских демонстраций пролетариата в 1906 году («Взятие Парижа», «Победитель», «Перед зимним цирком»), другой — Первомайскую демонстрацию 1907 г. («Простая прогулка»), затем враждебную демонстрацию рабочих перед испанским посольством («Смерть Феррера»), стачку железнодорожников («Атака автобусов») или расправу толпы с апашами («Самосуд на улице Родье»). Рассказчики — активные участники описанных событий; но во всех указанных случаях они являются выразителями не своей личной жизни, а глашатаями переживаний толпы, различных, наблюдаемых ими, социальных групп. Читателя захватывает тонкость, с какою Ж. Ромэн улавливает массовые движения, своеобразие в выявлении коллективных побуждений, переданных с большой простотой.

Вспыхивающая солдатская враждебность к толпе, распаляемая торжественностью боевой обстановки и военного парада — барабанным боем и оркестрами; отчужденность и пассивная ненависть к армии трудовой городской массы; карманьола рабочих демонстран-

тов во дворе буржуазного дома,—дома, который не шелохнулся и внутренности которого будто бы сжимались от колик; настороженная толпа перед редакционным объявлением о казни испанского революционера Феррера и инстинктивное нападение ее на лавку торговца-испанца; известия о расстреле толпы девятого января в С.-Петербурге, разно воспринимаемые буржуазными и рабочими группами; движение автобусов по Парижу на помощь демонстрантам и нападение их на войска; наконец, стихийный самосуд мирной, деловой мелкобуржуазной улицы над антисоциальным элементом — апашами.

В изображении всего этого у Ж. Ромэна проявляется исключительный динамизм; город и толпа оживают, как особые органические существа, раздираемые внутренней борьбой составных своих частей, классов и социальных групп.

В сборнике «Душа толпы» имеются также три рассказа («Власть над людьми», «Сон», «Лев»), несколько отклоняющихся от основного тона книги. Они посвящены подсознательной жизни личности и своеобразным гипнотическим явлениям, связанным, однако, с коллективной психологией. Перевод удовлетворителен, но не без галлицизмов, как — «вы платите?» и руссизмов, как — «городовые», и современных — «младший командный состав».

М. Эйхенгольц.

ЭРНСТ ПУЛЬ. Гавань. Роман. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1924. Стр. 310. Тираж 6.000 экз.

Герой романа, от лица которого ведется рассказ, типичный американский писатель, прославившийся рядом жизнеописаний знаменитых своих соотечественников под характерным заглавием «Америка, которую они знают». Сын зажиточных родителей, он родился и вырос в гавани Нью-Йорка. Она была источником его самых глубоких детских впечатлений; здесь он встретился с любимой девушкой, которая стала его женой; здесь он нашел материал для своих первых литературных произведений. Постепенно гавань перед ним раскрывала разные свои лики, пока, наконец, во время большой забастовки докеров он не узнал подлинную сущность экономического и социального строя своей страны. Социалистом герой романа не сделался; его пугает даже атеизм защитников рабочего класса, но от дальнейшего прославления дельцов он отказался. Рискуя своим материальным благополучием, он решает вести свою литературную работу по новому пути (как именно, точно не указано) и, пока что, принимается за писание «правдивой истории своей странной гавани».

Все это жизнеописание, которое воспринимается как автобиография самого Эрнста Пуля, изложено весьма вяло, скучно и бесцветно. Размеры дарования этого до сих пор нам неизвестного писателя более чем скромные. Некоторым лиризмом тона и задушевностью отличаются лишь страницы, посвященные детским воспоминаниям, жене и сынишке — «индейцу». Неясно очерчена фигура социалиста Джо; непонятно, в сущности, как относится к нему автор. Стачка описана весьма банально; все это мы много раз и с гораздо большим интересом читали у Синклера, умеющего убеждать изложением тщательно подобранных фактов.

«Гавань» Пуля отнюдь не тот социальный роман, распространение которого среди широкой читательской массы могло бы быть приветствуемо и сопровождаться успехом. Не было нужды его издавать. Да и сделано это плохо. Неприятна внешность книги. Скверно нарисована невразумительная «сюжетная» обложка с изображением гавани, огромного мужского лица и нелепо падающей статуи Венеры. Предполагаем, что перед нами перевод кем-то с какого-то языка сделанный, хотя на это нигде нет указания. Во всяком случае книжка написана мало выразительно и читается трудно. Отмечаем своего рода классический lapsus: «В зимнее время... люди работают по двадцать четыре часа и более в сутки» (стр. 200).

Л. Розенталь.

ИСКУССТВА.

1. І. К. ГАГЕМАН. Игры народов. Китай. Африка. II. Е. БЕРТЕЛЬС. Персидский театр. *Т. Козьмина.* — 2. М. ГИНЗБУРГ. Стиль и эпоха. *В. Згура.* — 3. GINO SEVERINI. Du cubisme au classicisme. *В. Гливенко.* — 4. Г. МАЛИЦКИЙ. Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства. *Н. Щербанова.* — 5. Н. А. КОЖИН. Памятник русской псевдоготики XVIII в. Села Знаменки Тамбовской губ. *Проф. А. Некрасова.* — 6. І. МОСКОВСКИЙ МАЛЫЙ ТЕАТР. 1824 — 1924. II. С. КАРА-МУРЗА. Малый театр. Очерки и впечатления. *В. Волькенштейна.* — 7. А. ГОЛДОБИН. Кино на территории СССР. *Н. Тихонова.* — 8. ПО ОКРЕСТНОСТЯМ МОСКВЫ. Экскурсии. — *Т. Корчилова.*

КАРЛ ГАГЕМАН. Игры народов. Выпуск III. Китай. Африка. Пер. с немецкого под редакцией А. А. Гвоздева. 110 стр.

Е. Э. БЕРТЕЛЬС. Персидский театр. 93 стр. Российский Институт Истории Искусств. Восточный театр. «Academia». Ленинград 1924 г.

Непериодическая серия, издаваемая разрядом истории театра Российского Института Истории Искусств представляет несомненный интерес, особенно теперь, когда самые широкие слои публики заинтересованы театром, его историей и постепенным развитием. Тем более театр, игры восточных народов возбуждают особенное внимание, как материал мало известный, мало до сих пор доступный и, конечно, чрезвычайно интересный в своей основе. Примитивизм форм, незамысловатость действия и яркость исполнения создают то самое, что так усиленно ищет театр Запада. Одновременно современный восточный театр представляет ряд «но», указывающих на некоторый его упадок за последнее время.

Работа Гагемана —Китай — дает представление о современных театральных постановках в Китае и знакомит с предшествующей историей этого древнего театра, столь своеобразного по своим формам.

Признавая китайский театр стоящим на примитивной ступени искусства как со стороны содержания пьес, так и драматургической техники, автор все же считает его, с точки зрения выявления художественной формы, как нечто законченное, нечто чрезвычайно выразительное.

Большим своеобразием отличается китайский театр теней, возникший, как предполагают, в эпоху династии Хань и существующий и поныне.

Переходя к Африке, Гагеман останавливается на играх и танцах негритянских племен, создавших жанровые танцовальные номера, главной целью которых являлось опьянение пляской, чего они в совершенстве достигали.

Первобытной свежестью, большим ритмом веет от этих танцев, которые разделяются на воинственные и праздничные, на танцы для развлечения и общественные игры в пляске. В противовес этому художественному примитиву Гагеман берет арабское варьете в Каире с его пеньем и танцами и отмечает отсутствие в них столь значительного самобытного туземного искусства, прикрытого теперь грубой маской европеизма. Танцы древнего Египта, поскольку о них можно судить по оставшимся рельефным изображениям и литературным источникам, танцы, игравшие столь значительную роль в стране в течение тысячелетий, теперь канули в вечность.

Евгений Бертельс знакомит читателя с персидским театром, предварительно дав вкратце картину истории Ирана, выделив при этом в особую главу шиитство, наиболее ярким проявлением которого и является в Персии «тазиэ», или религиозные мистерии, т.-е. то, что является лучшими театрами в этой стране.

Автор прилагает впервые появляющийся на русском языке перевод мистерии «Мученичество Хуфра ибн-Язида», исполняемой в четвертой день Мухаррама и являющейся, по его словам, очень характерным образцом персидских ми-

стерий, не удовлетворяющих с точки зрения драматической техники, но поражающих своей силой, своей непосредственностью, своим религиозным значением. Отметив развитие в Персии скоморошества, клоунады, Гагеман указывает на некоторое влияние Запада в виде появления переводных пьес и как любопытный образец приводит перевод некоторых сцен переделки комедии Мольера «Врач поневоле» на персидские нравы и далее говорит об оригинальных пьесах новейшего времени.

Заканчивается книжка главой о вращающихся дервишах-вертунах.

В заключительном слове автор, признавая все недочеты персидского театра, все же считает его тесно связанным с духовным укладом страны, а потому и жизненным и имеющим свое будущее.

Обе книжки изданы хорошо, снабжены иллюстрациями.

Работа Гагеман издана лучше, как по взятому шрифту, так и выполнению рисунков. Недостатком в книжке Бергельса является отсутствие оглавления.

В общем же оба издания производят довольно хорошее впечатление, и можно пожелать выхода дальнейших выпусков его.

Т. Козьмина.

М. Я. ГИНЗБУРГ. Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры. Госиздат. М. 1924 г. [Стр. 238. 23 рис. в тексте и XL таб. 8°.

Широкое заглавие книги невольно притягивает внимание; русскими художественно-теоретическими трудами мы настолько мало избалованы, что не можем сохранить равнодушие при виде работы, посвященной к тому же одной из основных в науке об искусстве проблем — стилю. На основе больших обобщений и анализа творческого результата европейского художественно-исторического сознания М. Я. Гинзбург пытается установить понятие современного стиля, его идеологию и потенциальные возможности. Автору нельзя отказать в умелой постановке вопросов, ясности определений и занимательности изложения. Первая половина книги, не давая точной формулировки, выясняет понятие стиля и строит схему его развития. Неразрывная слитность с эпохой, средой, материальными и культурными данными — непременное условие всякого стиля. «Есть причинная зависимость между реальными жизненными факторами и системой художественного мышления» (стр. 17). Со времени Земпера исследователи стиля строили свои выводы главным образом на анализе архитектуры, как самого статичного и утверждающего из искусств; М. Я. Гинзбург также отправляется от архитектуры и поэтому в первой же главе широкими штрихами набрасывает ее определение. «Изоляция пространства, замыкание его в какие-то определенные пределы» — вот главная задача архитектуры. Пространственное переживание — основной признак, отличающий ее от других искусств. Конструирование изолирующей среды и ряд многообразных проблем складывают окончательное понятие. При объективной исторической оценке стиля перед изучателем неизбежно встает генетический метод, создающий канву для постепенно развертывающегося четкого узора, пропускающего все случайные и несущественные изгибы прихотливого рисунка. Выясняя момент соприкосновения стилей, автор приходит к заключению, что преемственность и независимые принципы одновременно наличествуют в каждом стиле. Подлинно творческие эпохи целиком проникнуты своим формопониманием и отличаются ослабленным интересом к прошлому, увлечение которым характеризует художественное бессилие. Приходится пожалеть, что автор нисколько не останавливается на причинах смены стилей, что является существенным для понимания стиля и занимало многих историков искусства.

За установлением общих положений автор переходит к построению своей концепции. Для всей европейской архитектуры исчерпывающее значение имела «система классического мышления» Греции, выработавшая канонизированную схему. Созданная южанами, эта система была усвоена северными заальпийскими народами, понесшими ее через долгий путь европейской культуры. Абстрагирующему мышлению эллина

М. Я. Гинзбург противопоставляет, так сказать, эмоциальное мышление северянина. Отвлеченности, равновесию, регулирующему началу противостоит случайное сочетание отдельных моментов, персональное переживание, чувство локальности — черты, нашедшие высшее свое выражение в готике. Характеристика северного человека, даваемая М. Я. Гинзбургом, не нова; она знакома нам по А. Риглю и в недавнее времы была ярко «портретирована» О. Шпенглером. Вообще, значительная доля шпенглерианства, правда, очищенного от субъективного индивидуализма, должна быть признана за автором книги. Классическая система на итальянской почве, не создавая новых элементов, обогащается самостоятельным организационным методом римлян, за которым следует признать значение главной подготовки итальянской архитектуры XV века. Вместе с тем в римском искусстве есть моменты, получающие полное выражение лишь в эпоху барокко. Средние века рисуются упадком «классической системы»; тонкой, но не прерывающейся нитью она протягивается через памятники итальянского так наз. проторенессанса на фоне всеобщего увлечения готикой. Ярким пламенем снова вспыхивает она в XV ст. Ренессанс рассматривается М. Я. Гинзбургом, как «завершительный этап в эволюционном пути, апогей этого (классического) развития» (стр. 56), обусловленный изменением хозяйственных условий средневековья. К достижениям «классической системы» Ренессанс прибавляет разрешенную проблему центрального пространственного объема. (Греция решила подобную же проблему продольного объема). Стремление развить неиспользованный ренессансом пафос римского искусства порождает последний органический стиль — барокко. Нельзя, однако, целиком согласиться с таким толкованием возникновения этого огромного явления. Находишь также несправедливыми, в отношении сменившего барокко классицизма XVIII в., утерявшего уже генетический смысл, утверждения, что «пространственные и объемные задачи отходят здесь на задний план, что вся деятельность зодчего направлена на систему декоров, на детали обработки и окраски» (стр. 63) и что «архитектура изменила своей сущности» (стр. 62). «Сущности» зодчество XVIII века изменить не могло уже потому, что оно находилось в руках плеяды блестящих мастеров, зодчих в подлинном смысле этого слова, создавших ряд прекрасных построек, что, впрочем, признается и М. Я. Гинзбургом. Просмотр же конкретного материала убеждает, что чувство пространственного оформления было в значительной мере присуще как классике XVIII в., так даже и ампиру — стилю, в основе своей заключающему уже некоторую долю романтики. Путь «классической системы» М. Я. Гинзбург завершает беспомощной архитектурой конца XIX в. вызвавшей идеологически понятный протест в бестолковом модерне, и ретроспективными попытками классического эпигонства, дожившего до последнего времени.

Терминологической или внутренней непроработанности следует приписать противоречие, вкравшееся в стройную с первого взгляда схему М. Я. Гинзбурга. Ведь обрисовывается единая «греко-италийская классическая система мышления» по вехам: Греция, Рим, Ренессанс, Барокко (с миссией «последнего опустошения классической системы», стр. 62), Классицизм XVIII в. Северная готика выделяется в особое явление (стр. 54). А под конец появляются «две системы архитектурного мышления» (стр. 70) — Греция и Ренессанс на принципах равновесия и спокойствия, с одной стороны, а готика и барокко на принципах динамики и патетизма — с другой.

Вызывает недоуменный вопрос совершенное отсутствие в схеме «классической системы» византийского искусства; автор ни одним словом не обмолвливается об этом существенном моменте классического формопонимания.

После историко-теоретической части М. Я. Гинзбург переходит к выяснению предпосылок нового стиля. В последних мировых событиях — империалистической войне и революции, а в результате последней — преобладании нового социального момента заложена неизбежность нового и в архитектуре. Проблема рабочего дома и дома работы настоятельнс

встают перед зодчим и становятся знаменем эпохи, как для Греции — храм, а для ренессанса — дворец. Дом работы — фабрика, как аванпост современности, всего показательнее для суждений о предстоящем. Объединяющее в себе машины, фабричное здание само подчиняется лежащему в основе последних четкому закону необходимости и целесообразности. Машине М. Я. Гинзбург и придает решающее значение, как воздействующему фактору в выработке нового стиля. «Под влиянием машины выковывается в нашем представлении понятие о прекрасном совершенном, как о наилучше отвечающем особенностям организуемого материала, наиболее экономном его употреблении для достижения определенной цели, наиболее сжатом по форме и наиболее точном в движении» (стр. 96). В архитектуре «классической системы» ось движения, заложенного в каждом сооружении, всегда совпадает с осью симметрии. Машина с ее осью движения, находящейся почти всегда во вне, диктует формы ассимметричной архитектуры. Машина неизбежно должна стать генезисом новой формы; уже и сейчас от нее протягивается цепь к архитектуре в ряде: машина — подъемный кран — мост — промышленные сооружения. Новый стиль получит свое утверждение после того, как принципы, объединяющие приведенный ряд, перекинутся на архитектуру жилого дома. Промышленные сооружения современной Америки привлекаются М. Я. Гинзбургом для иллюстрации его мыслей — это элеваторы в Буффалло, которые уже воспроизводились в журнале «Архитектура» (1923, № 1—2). Вторая половина книги, изложенная в пяти главах, несмотря на некоторую декларативность и излишние повторения одного и того же, пробегается с интересом. Нет уверенности в правильности некоторых положений автора, но со многим нельзя не согласиться; многое как бы носится в воздухе. Переломность нашей эпохи осознана еще раньше на Западе, где мы знаем ряд попыток подвести итоги современности и поставить прогноз будущего (см., напр., журн. «L'esprit nouveau», «Die Form» и др.).

Вообще, думается, что работа Гинзбурга в значительной мере предопределена книгой Le Corbusier-Saugnier — «Vers une architecture». Более умелый в литературном и научном изложении М. Я. Гинзбург все же повторяет некоторые осповные мысли Le Corbusier-Saugnier.

Изобилие иностранных слов создает некоторую перегруженность изложения. Термин «восприятивность» в русском языке вовсе не существует и выглядит варваризмом. Совсем несущественная мелочь: почему памятник III Интернационала называется «башней»?

В книге приложено 40 табл., иллюстрирующих отражения нового стиля в произведениях современных русских архитекторов. Подтверждая некоторые теоретические доводы автора, они, в общем, не связаны с текстом (чего и не имелось в виду). Это первая иллюстративная сводка нового материала особенно интересна при отсутствии своевременной публикации.

Следует в заключение опять-таки подчеркнуть положительные качества и интерес книги и ожидать от талантливого автора продолжения его теоретических исследований.

В. В. Згура.

GINO SEVERINI. Du cubisme au classicisme (Esthétique du compas et du nombre). Paris. Y. Povolozky et C°. Sixième edition. P.p. 124.

ДЖИНО СЕВЕРИНИ. От кубизма к классицизму (Эстетика циркуля и числа). Париж. И. Поволоцкий и К°. Шестое издание. Стр. 124.

Во Франции и в Италии ряд талантливых кубистов обращается сейчас к классицизму, создавая этим новую сенсацию. В моде чинквеченто и Энгр. Рассказывают анекдот о парижанине, который, увидя в Лувре Рафаэля, воскликнул: «C'est tres bien, mais c'est du cubisme!». Фактические сведения об этом повшестве до нас доходят только эпизодически. Поэтому книга Северини интересна для нас прежде всего как подроб-

ное программное обоснование нового классицизма. Но интересна эта книга и с более общей точки зрения: математические вопросы изобразительной техники, которыми увлекались мастера кватроченто, но которые давно стали вопросами выучки, по существу чуждыми художественному творчеству, получают здесь неожиданное освещение, и это освещение сообщает им своеобразную художественную жизненность.

По существу вся книга Северини — это призыв изучать науку о пространстве прежде, чем браться творить в пространственном искусстве. С первого взгляда странно: автор излагает элементарные сведения о пропорциях, о перспективе и т. п. Первые уроки в академии? или даже в гимназии? Нет, дело в новом подходе к старым вещам. Поясню на простом примере линейной перспективы. Существует вообще три подхода к ней.

1. Перспектива, именно центральная, принимается, как формула, потому что она «правильна», потому что мы «видим» в перспективе. Так понимают перспективу академии. Против этого можно весьма многое возразить. Но и возражали достаточно: поэтому такой подход Северини просто игнорирует.

2. Перспектива отвергается. В частности, кубизм потому отвергает перспективу, что она всегда служила поверхностной иллюзии, а кубисты ищут живописной реконструкции вещей. Но Северини наглядно изобличает в беспомощности исканий одним «чутьем», без перспективных построений, как раз в этом направлении.

3. Подход Северини — принятие и использование перспективы как средства живописной реконструкции. Северини дает логически безупречный образец такого использования перспективы. Не академичен этот образец уже просто потому, что в нем перспектива берется не центральная, а ортогональная. Кроме того, с этой точки зрения перспектива является средством и для достижения внутреннего композиционного единства. А композиционный момент особенно важен для Северини, как для истинного итальянца, для которого искусство в конечном счете формулируется в фразе: «Créer une harmonie».

Вообще, в основу вопроса о композиции Северини кладет те же рационалистические принципы «эстетики циркуля и числа», что и в частных вопросах о перспективе и др. Всюду тенденция — продолжать проработку живописного материала, начатую классиками, и — прежде всего — проникнуться духом геометрии.

Замечу здесь же, что, к сожалению, для двух глав — «Les courbes» и «Les couleurs» — у Северини недостает теоретически проработанного материала, и он старается возместить этот недостаток явно неубедительными личными соображениями. Эта измена всему духу и смыслу работы компрометирует ее. Тем более, что названный недостаток теперь уже начинает восполняться в лабораториях германских физиков, и если заменить наивную отсебятину Северини в этих двух главах хотя бы выдержками из книга Оствальда «Die Harmonie der Formen» и «Die Harmonie der Farben», то это привело бы как раз к той цели, к которой стремится Северини.

Последняя глава — о творческом процессе вообще — написана блестяще. Критика Северини, конечно, односторонняя, когда он уже с самого начала своей книги протестует против творчества не только романтиков и импрессионистов, но даже и Энгра и Сезанна, квалифицируя все искусство девятнадцатого века, как искусство сенсуалистов и индивидуалистов и потому — искусство дилетантское по существу. Но, во-первых, в этом есть доля истины. А, кроме того, в боевом выступлении подобное обострение вопроса всегда не вредно.

Книга снабжена совершенно лишним предисловием сотрудника «Esprit Nouveau», доктора Алленди, и иллюстрирована шестью репродукциями с картин самого Северини и 32 чертежами.

В. Гливенко.

Г. Л. МАЛИЦКИЙ. Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства (в росписи и резьбе). Казань 1923 г. Стр. 44 с 12-ю рис. в тексте + 13 табл. на отд. листах. Тираж 1.000 экз.

Задачей своей работы автор поставил выявление иконографии тех тем и мотивов русского народного бытового искусства, «которые обусловлены окружающей средой и бытом или, по крайней мере, с ними непосредственно связаны, притом почти исключительно в области росписи и резьбы по дереву» (стр. 8). Книга, состоящая из предисловия и девяти глав, в действительности дает много больше обещаний автора и в смысле содержания и метода. Указав в предисловии рамки своего исследования и метод, автор останавливается затем на истории изучения русского народного искусства (I), определяет происхождение, развитие и социальную природу этого искусства (II), устанавливает его источники (III), вскрывает темы и мотивы (IV—VII), их видоизменения с течением времени (VIII) и идейное их содержание (IX). Выбор совершенно новой, (почти) никем еще не затронутой темы, блестящее, объективно-научное ее развитие, стройная, ясная классификация и тщательный анализ сложных мотивов и сюжетов настолько обстоятельны, что после этой работы дальнейшим изысканиям в области народного русского искусства, как с точки зрения иконографической, так и художественно-стилистического анализа, путь указан и облегчен. Подобно тому, как изучение иконописи уже стало точно-научным, так и здесь мы имеем теперь пример такого же подхода к росписи и резьбе по дереву. Оставаясь в пределах иконографии и пользуясь для углубления своей работы данными устно-народной словесности, автор не оставил без внимания и стиль искусства, его зависимость от материала и формы вещей. В одном только мы позволяем себе не согласиться с автором: на стр. 16 термин «культура» («...созданных новейшей культурой...») как-то напрашивается здесь на замену его термином «цивилизация». Издана книга со вкусом, в изящной обложке, на хорошей бумаге, иллюстрации выполнены четко, опечаток почти нет (на стр. 32 вместо «вордна» напечатано «вúрон»,—ср. стр. 21). Тираж для такой книги очень мал.

Н. Щербаков.

Н. А. КОЖИН. Памятник русской псевдготики XVIII в. Села Знаменки Тамбовской г. (Российский Институт Искусств). Ленинград 1924 г. Стр. 16 + 1 таблица.

Недурно изданная книжка [1]), всего в 16 страниц, представляет собою небольшое исследование о самом раннем произведении Баженова того «готического» стиля, который во времена самого мастера был назван «русским», а в искусствоведной оценке нашего времени называется «псевдоготическим». Как известно, Баженов, москвич и ученик московской архитектурной школы, был в России основоположником этого стиля.

Проекты публикуемого здания составлены Баженовым в 1768 г., т.-е. до его работ над Кремлевским и Царицынским дворцами и до произнесения знаменитой речи о московской архитектуре. Но несчастная судьба Баженова затянула постройку. Нет никакого сомнения, что Казаков в том же стиле не только был воспреемником Баженовских зданий во времени, но и идейным его последователем; в равной степени, иные наши «псевдоготические» архитекторы (напр., Фельтен) подходили к этому стилю иначе. Различие заключается в том, что Баженов в своем варианте стиля был не только отразителем западно-европейской романтики с ее влечением к средним векам, но и наследником собственного, русского средневековья, т.-е. форм и идей древне-русской архитектуры.

С этой точки зрения и обследован публикуемый памятник, при чем автор привлек не только весь изданный материал из области русского зодчества, но также обратился к архивам, неопубликованным чертежам и памятникам

[1]) К сожалению, две фотографии из приложенных трех недостаточно отчетливы.

западной архитектуры. Путем искусных сопоставлений автор выводит Баженовскую постройку из древне-русских шатровых храмов, «Нарышкинского» — барокко и московских барочных храмов первой половины XVIII в. Примеры столь убедительны, их хронология и эволюция форм столь отчетливы, что непосредственное исхождение Баженовско-Казаковской готики из древне-русского искусства должно стать постоянной идеей в истории новой русской архитектуры.

Конечно, предлагаемый этюд — только этюд, остановившийся на проблеме архитектурной композиции в виде вертикального треугольника и на генетическом анализе декоративных форм стиля, который признается самим автором «декоративным», а не «конструктивным», и не без основания. Но все же вопросы масс, объемов и конструкций должны еще быть дообследованы. Кое-что можно поставить и в упрек; так, не следует избегать термина «машикули», заменяя его сложным описанием; напрасно ставить ударение на Старицком соборе сравнительно с другими шатровыми храмами в отношении к вышеупомянутому треугольнику; необходимо указать на столь позднее употребление новгородского восьмискатного покрытия по четырем фронтонам, что могло быть известно Баженову как из некоторых московских памятников, так, кто знает, и из самого Новгорода [1])

Перехват шатра может итти не от западной архитектуры, а от «повала» деревянной архитектуры. Наконец, декоративные зигзаги или, лучше сказать, стрелки известны, начиная с древнейших памятников нашего каменного шатрового зодчества. Нельзя также не пожалеть, что автор, говоря о древнерусском начале в «псевдоготике» XVIII в., позабывает указать, что псевдо-готика у нас встречалась уже в XVII в., что готические мотивы и, быть может, даже идеи, как мы пытались показать в ряде наших работ, даже уже в первой половине XVI в. [1]), а далее вглубь времен приходится вспомнить «немецкие» постройки в Новгороде эпохи Евфимия, XV в., и проблему происхождения самих новгородских восьмискатных храмов, даже Звенигородский собор около 1400 года.

Если псевдоготика XVIII в. оказывается русским явлением в своих корнях, то древне-русские шатровые храмы не явление ли готическое? Так наука нашего времени, углубляя анализ, перетряхивает старые идеи, а казавшиеся наивными старые мысли делает правдивыми на основе логики фактов. Самая гипотеза Забелина «о происхождении Василия Блаженного от деревянных шатровых форм» взята под подозрение, на что есть солидные основания и что было уже отмечено в литературе одним из представителей московской искусствоведной школы, Н. И. Бруновым, еще до выхода рецензируемой нами книжки [2]).

Что касается данного автором в приложении проекционного чертежа Быковской церкви, то чертеж этот, вероятно, также принадлежит Баженову; но можно думать, что, выстроенная со многими изменениями ныне существующая церковь возведена Казаковым, если принять во внимание его постройки в Царицыне. Как и в других случаях, Казаков доделывал неисполненное Баженовым.

Как ни коротка рецензируемая нами книжка, как ни много в ней недоговоренностей и вопросов,—все же это есть одна из лучших работ нашего времени по истории искусств, основанная на археологическом изучении памятника и на историко-художественном его осмыслении, но без всяких отвлеченно-фантастических и фразеологических фокусов, как и без популяризаторско-сентиментальной болтовни. Русская художественно-археологическая наука, как нечто единое и неделимое, нуждается

[1]) Баженов, по приезде из-за границы в 1765 г. и до чертежей нашего памятника в 1768 г. ездил между С.-Петербургом и Москвой по крайней мере раз — в 1767 г.

[1]) Наши работы автору, повидимому, неизвестны.

[2]) M. Alpatov und N. Brunov. Nachrichten aus Moskau. Byzantinische Zeitschrift, XXIV, 3-4, 1924—12 Mitteilungen. Стр. 494.

все в большем и большем опубликовании хотя бы кратких аналитических штудий в типе книжки Н. А. Кожина. Российскому Институту Истории Искусств за таковое — большая благодарность. Очередь за Московским Научно-Исследовательским Институтом Археологии и Истории Искусств.

Проф. А. Некрасов.

МОСКОВСКИЙ МАЛЫЙ ТЕАТР. 1824—1924. Москва. Государственное Издательство. 709 стр.

С. Г. КАРА-МУРЗА. Малый театр. Очерки и впечатления. Издание автора. Москва 1924. 272 стр.

Историк театра находится в менее выгодном положении, нежели историк какого-либо другого искусства. Историк театра имеет дело с материялом неконкретным, воображаемым; так будет до тех пор, пока кинематограф в связи со звуковой фотографией не закрепит многообразной динамики театрального зрелища. Тем существеннее для историка театра уменье — по впечатлениям еще не умерших зрителей, по фотографическим снимкам и по описаниям современников — дать реконструкцию, наглядное изображение (полубеллетристического типа) или хотя бы живую характеристику спектаклей. На основании этого материяла уже должно возникнуть некое обобщающее представление о художественно-идеологической тенденции театра в целом в связи с освещением тех социально-исторических условий, при которых театр создавался и развивался, художественное лицо театра, его история, его культурное влияние на общественную жизнь страны.

Юбилейный сборник Малого театра дает много фактических данных из истории театра, но большинство статей, помещенных в сборнике, не отличаются ни изобразительноей силой, ни яркими обобщениями. «Реконструктивна» статья Маркова «Малый театр тридцатых и сороковых годов» — одна из наиболее живых статей сборника. Так, напр., в статье Маркова дана меткая характеристика водевиля сороковых годов, особенности его театрального стиля, а также его социально-психологической атмосферы; остро передана игра Живокини и т. д. Также приближает нас к Малому театру, к его жизни и творчеству статья Шамбинаго «Островский и Садовский»— этюд, посвященный сотрудничеству знаменитых драматурга и актера, той борьбе, которую им, славянофилам и художникам-реалистам, приходилось вести совместно. Однако эти статьи носят характер фрагментарный. И ни в одной статье сборника не передан тот трагедийный подъем, которым некогда Малый театр был замечателен, тот подъем, который придавал Малому театру значение национального театра большого стиля. Для тех, кто еще несколько лет назад был свидетелем последних патетических выступлений Ермоловой (хотя бы в роли Марфы в «Дмитрии Самозванце» и «Василии Шуйском» Островского), ясно, что именно в Малом театре была вершина русского *актерского* творчества. И хотелось бы в сборнике, посвященном театру к его 100-летнему юбилею, увидеть хотя бы слабый отблеск зрелища одухотворенного и величественного. Не удовлетворяет, напр., такая характеристика, данная Ермоловой проф. Сакулиным (в статье «Малый театр в последнюю четверть XIX в.»): «Вся красивая мощь трагического таланта М. Н. Ермоловой выразилась в высоком тоне ее душевной жизни и игры, в мягком лиризме, выливающемся из самых глубин взволнованного сердца, в художественных переживаниях, даваемых с той максимальной подлинностью, какая только возможна в акте творческого перевоплощения». Ермолова заслуживает характеристики более проникновенной и менее сбивчивой. Вообще, статья проф. Сакулина (очень ответственная по своей теме, так как она затрагивает и живой Малый театр — театр современный), полезная для будущего историка по изобильному фактическому матерьялу, носит несколько летописный характер. Из статей, дающих деятельности Малого театра социологическое и общекультурное толкование, наиболее интересна статья Луначарского — «К столетию Малого театра». Не столько прославляя Малый театр, сколько стремясь

определить его место среди других современных театров, Луначарский фиксирует современные театральные тенденции на почве революционной современности. Однако живая статья Луначарского — небольшой набросок. Большинство же других статей сборника, посвященных общественной роли Малого театра, его связи с общественно-культурными и политическими событиями века, статьи, в общем приятные живым изложением, не дают новых социологических соображений. Сюда относятся, напр., статьи: Кугеля «Общественно-культурное значение Малого театра», Филиппова «Очерк общественного значения деятельности Малого театра» или его же «Малый театр в годы революции» (ту же социологическую тему затрагивают отчасти и статьи Маркова, а также проф. Н. Бродского «В Малом театре 50—70-х годов»). Наиболее свежа в смысле общественно-политических данных — уже по своей теме — статья Филиппова «Малый театр в годы революции».

Таким образом задача — создать некий разносторонний и синтетический облик Малого театра — сборником не выполнена (что, впрочем, объясняется недолгим годовым сроком работы, как это указано во вступительной статье Южина). Нельзя же принять определение Южина: «...то, что называется традициями Малого театра — сила, правда, яркость». Это было бы определением слишком общим. Нельзя также согласиться и со следующим рассуждением: «Малый театр надо рассматривать как естественное выражение народной творческой силы... Сильна в данный момент творческая высота народного гения — силен и сам театр своими драматургами и актерами. Временно понизился уровень продуктивности страны — понижается и сам театр». Помимо того, что подобное рассуждение для театра, нуждающегося в обновлении (каким в настоящее время является Малый театр), звучит слишком успокоительно, оно еще грешит чрезмерной уверенностью в том, что «народный гений» в Малом театре не может не проявляться. Между тем, по слову Пушкина, «слава в прихотях вольна» и, продолжая этим высоким стилем, ее «огненный язык» — творческий подъем — в зависимости от социально-исторических условий может в разные периоды вспыхивать то над одной, то над другой театральной сценой.

Методологически неправильна и тем самым беспочвенна статья Попова — «Эволюция театральной обстановки на сцене Малого театра», отрывающая эволюцию театральной обстановки от общей художественной эволюции театра, сбивающаяся на краткий очерк по истории машинной техники Малого театра.

Обновлению Малого театра юбилейный сборник навряд ли поспособствует; тем не менее он частично пригодится будущему историку и доставит удовольствие поклонникам театра: сборник издан роскошно, с множеством снимков, среди которых, быть может, несколько непропорционально преобладают фотографии современных деятелей театра.

Книга Кара-Мурзы — как бы добавление к юбилейному сборнику — есть попытка дать характеристики отдельным актерам Малого театра. Такая задача требует от автора большой психологической остроты и художественной чуткости. К сожалению, автор даром портретиста не обладает. Ничего не говорит характеристика, состоящая из синонимов и тавтологий (Медведевой): «Игра Н. М. была необыкновенно проста и естественна, жизненна и реальна. В ее интонациях не было аффектации, выкриков, подчеркнутых акцентированных моментов» и т. п. О Ленском автор пишет: «Было бы трюизмом говорить, что он был блестящий Петруччио, искрометный Бенедикт». Однако автор сплошь и рядом злоупотребляет трюизмами.

Живее других, пожалуй, характеристика Горева; здесь автор находит слова, дающие более свежее впечатление, определяющие до известной степени художественный стиль игры.

В. Волькенштейн.

А. ГОЛДОБИН. Кино на территории СССР. Госиздат. М. 1924. 80 стр. 7.000 экз.

Под таким интригующим названием Художественный Совет по кино при Главполитпросвете выпустил брошюру

т. Голдобина, делающую попытку «проследить за всем тем, что появляется о кино на страницах провинциальной прессы. Для этого было просмотрено 114 провинциальных газет за *полтора месяца*, т.-е. все газеты, полученные в Москве с 15 июня по 31 июля с. г.»

Эти отзывы разбиты на отдельные главы: основные вопросы кино-дела в освещении провинциальной прессы, отзывы о заграничных картинах, отзывы о картинах советского производства, кино-хроника, научные картины, кино в рабочих клубах и кино для деревни.

Художественный Совет в своей вводной статье к материалу вполне резонно замечает, что «данная брошюра, конечно, не имеет целью дать полное освещение вопросов кино-дела, — но поскольку у нас часто нет никакого освещения и в особенности поскольку приведенные суждения товарищей с мест в общем дают правильный подход к делу, постольку брошюра может оказаться полезной». Такое заявление исчерпывает все, и после этого следовало бы положить рецензентское перо и поставить точку. Но все же необходимо отметить, что книжка уже значительно устарела, и не в материале с мест, который «вопиет» о полной расхлябанности нашего киноделa на местах и об отсутствии идеологически пригодного материала, но в тех замечаниях, которые делает сам Худ. Совет, указывая на необходимость организованной закупки картин за границей (это и будет делать Совкино) и предостерегая о ненужности мнений по покупке «заграничной макулатуры».

«Ошибка заключается в том, что т.т. часто рисуют возможность отказа от заграничной макулатурной буржуазной по содержанию картины. Еще чаще та же мысль выражается в ином виде: «зачем выписывать дрянь; ведь есть же на Западе хорошие картины» и сейчас же несколькими строками ниже подтверждает: «если говорить точно, то ни одна из европейских картин не подходяща по содержанию для удовлетворения потребностей трудящихся. Но без «боевиков»... невозможно получить доход от кино» (стр. 5). Так ли это?

Те же отзывы провинциальной прессы доказывают, что наши постановки «под заграницу» не пользуются успехом, картины же «идеологические» идут, и идут не в хвосте, а значительно обгоняют заграницу. Не симптоматично ли заявление «Нижегородской Коммуны» о картине «Андрей Кожухов». «Вот образец... как не надо ставить картины. Великолепный пример того, как даже самый удачный, интересный и увлекательный сюжет можно при желании превратить в тоску зеленую. Зачем все народники показаны сплошными неврастениками? Правда, жизнь суровая, подполье, каждый момент грозит тюрьмой, виселицей, но это еще не дает права представлять себе народников сплошными неврастениками» (стр. 39).

Мне кажется, что Худ. Совету не следовало бы в своих изданиях делать такие ультимативные заявления: «Таким образом перспективы развития кино таковы, что обойтись без буржуазных «боевиков» нет возможности. *Обратный взгляд основан на незнании дела*». «Научных картин много за границей, и они очень хороши. Но, по единогласному мнению всех прокатчиков, эти картины «не дают сборов, т.-е. не дают возможности на прибыль ставить советские картины». Так и написано черным по белому...

Здесь и открывается весь секрет. Оказывается, все прокатчики (все ли?) такого мнения, что без «боевиков» не проживешь, и главный руководящий орган по кино в Республике с этим согласен.

Прибыль прибыли рознь. За такую прибыль тифлисская газета «Раб. Партия» рекомендует в этой же книге «судить, как за растрату народных денег», Грозненский «Нефтерабочий» восклицает: «Хлама не должно быть на наших экранах». Там прошли три советских картины: «Красные дьяволята», «На крыльях ввысь» и «За власть Советов». И что же «уронили они сборы», «погубили» дело? При искусственно вздутых ценах (на 50%) они дали битковые сборы.

«Публика: и пролетарий, и обыватель, и даже панельная—набивала залы кино, чтобы посмотреть эти сильно нелюбимые кино-владельцами картины. «На грозненских экранах не будет пинкертоновщины». Но т. Голдобин выливает ушат холодной воды: «Пожелание благоче-

стивое. Но мало надежды, что оно осуществимо».

Не буду цитировавать дальше книгу. Советское кино движется, несмотря ни на что. И в книге есть бодрое и радостное, несмотря на пессимистические замечания автора.

Поменьше ориентации на прокатчиков, побольше веры в собственные силы, и здесь провинция идет впереди. Постановки Грузии, Сибкино, Саратова, Ростовского молодняка и даже из «Тверской Правды» мы узнаем, что там поставлена производством ОСПК картина «Власть тьмы» в 5 частях, о которой автор брошюры делает отметку — «в центре никому не известна»—доказывает, что и без буржуазных «боевиков» начинают обходиться.

Жаль только, что автор использовал бюро вырезок за самый мертвый для кино месяц в году и не охватил большего периода. Эта тема в сводке за год, куда, конечно, должны войти и столичные издания, дала бы яркую картину настоящего лица нашего кино и тех запросов, которые пролетариат к нему предъявляет.

Книга издана очень прилично. Четкий шрифт. Хорошая печать. Цена книги не высока.

Н. Тихонов.

ПО ОКРЕСТНОСТЯМ МОСКВЫ. Экскурсии. Библиотека рабочей молодежи под общей редакцией МК РЛКСМ и экскурсионной секции Губполитпросвета. Изд. «Новая Москва». М. 1924 г. Тираж 3.000. 180 стр. с иллюстр.+1 карта in 8°.

Вероятно, старой поговоркой «у семи нянек дитя без глазу» объясняется характер настоящего путеводителя по окрестностям Москвы, которым, кстати сказать, вообще не везет; на страницах настоящего журнала уже давались оценки предшествовавшим работам этого рода.

Едва ли можно считать, что назначение ее для массового читателя (комсомольцев) является оправданием ряда допущенных в статьях ошибок и фактических искажений, так же, как и небрежности редакторской стороны. Нам кажется, что наоборот!

Оставив в стороне прогулки естественно-геологического порядка (не будучи достаточно компетентными для их оценки), остановимся подробнее на художественно-исторических экскурсиях.

Начиная наш обзор по порядку, отметим последовательно ряд крупных, по нашему мнению, ошибок.

Так, в очерке «Горки» дана неверная характеристика усадьбы: владелица ее была не дочь фабриканта Морозова, а его жена, прежде бывшая простой работницей, на которой он женился и которая впоследствии вторично вышла замуж за Рейнбота. Это обстоятельство несколько разбивает поспешные выводы на последующих строках.

В статье «Дубровицы» поражает утверждение, что область религиозная была «наиболее отсталой в русской жизни» и что скульптура была совершенно незнакома русским художникам (стр. 74). Как известно, русская культура стала светской только усилиями Петра I, т.-е. в начале XVIII века, а скульптура (деревянная и каменная резьба) существовали у нас искони. Никем не доказано также, что в постройках и украшении дубровицкой церкви принимали участие итальянцы (стр. 74); стилистические черты скорее позволяют усмотреть здесь работу южно-германских мастеров. Автор, кстати, давненько не заглядывал в усадьбу. Он не написал бы, что в ней находятся бюсты «А. М. и П. М. Голицыных раб. Шубина» (стр. 77), уже несколько лет как увезенные отсюда и даже выставленные в Третьяковской галлерее.

Тот же упрек в незнании материала может быть поставлен автору очерка о «Нескучном», позволившего себе пятью строками легкомысленно отделаться от музея мебели, кстати сказать, построенного частично по «производственному», т.-е. крайне показательному для экскурсий, методу.

Автор заполняет свой очерк мало, по нашему мнению, нужными для комсомольца биографическо-историческими сведениями о прежних владельцах усадьбы.

На страницах, посвященных Кускову, едва ли правильно утверждение, что десятая часть населения Москвы собиралась гулять по праздникам в шере-

метевской подмосковной (в путеводителе приведена гиперболическая цифра 50.000!!).

Ряд мелких неточностей находим в дальнейших очерках. В Архангельском Гюбер Робер никогда не бывал и потому не мог «расписывать там комнат дворца». Едва ли верно также следующее утверждение: «О тихой мирной сельской жизни любило помечтать русское дворянство нач. XIX века, словно пресыщенное роскошью предыдущего века и предчувствующее свой неизбежный конец» (Кузьминки). Не думаем, что в таком случае стало бы оно создавать вообще подмосковные — строить каменные дома и разбивать парки. Довольно голословно утверждение, что Пушкин любил сидеть (в Остафьеве) над обрывом (!), где поставлен ему памятник. В усадьбе поэт был всего два раза (в декабре 1830 г. и январе 1831 г.), зимой, и едва ли сидел над обрывом в трескучие морозы — по крайней мере не сохранилось об этом документальных указаний. Кстати заметим здесь, что П. П. Вяземский основал не «Общество любителей русской старины» (оно основано было не так давно в Москве, если не ошибаемся, коллекционером Вадбольским), а «Общество любителей древне-российской письменности». Надо иметь также очень смутное понятие о русской иконописи, чтобы счесть хранящиеся в Остафьеве иконы «старыми и новгородскими».

Мы могли бы еще значительно расширить наш синодик фактических ошибок. Отметим только одно, по нашему мнению, важное обстоятельство — для комсомольца нужны не биографические сведения о Юсупове, Шереметеве и Голицыне, а сами художественные памятники, оставшиеся от прошлого, их формальный обзор и социально-экономические обоснования. Поэтому лучше всего, с нашей точки зрения, написаны очерки — Абрамцево и Покровское-Стрешнево.

В заключение приведем несколько досадных опечаток; если никого не убедит, что дом в Остафьеве построен в 1970 г., то многих в немалое смущение приведет следующее место: «Второй храм, начатый Никоном, в 1749 г., при Елизавете был переделан» и т. д. (Новый Иерусалим).

В списке лиц, принимавших участие в составлении сборника, неудобно также называть авторами одного и того же очерка двух разных лиц (Петровское-Разумовское один раз приписано Е. Е. Беллониной, другой — М. М. Себенцовой).

Наконец, позволим себе несколько слов о стиле изложения: почему мамонты «грустно бродили» и почему это надо знать комсомольцу? почему птеродактили, ихтиозавры и бронтозавры были «глупыми» животными и почему в Марфине бывали «изысканные красавицы»? (Хорошо известно, что и среди аристократии далеко не все женщины были «изысканно»-красивы.) Цинкографии, которыми иллюстрирован сборник, едва ли заслуживают серьезного внимания и мало красят книжку, нуждающуюся в коренной переработке, в настоящем же своем виде лишь затемняющую неискушенные и свежие умы.

Т. Корнилов.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

I.

Тов. редактор! Не откажите напечатать маленький ответ на большое «письмо в редакцию» т. Лепешинского, напечатанное в № 4 вашего журнала. В письме т. Лепешинского цитированы не полно заключительные слова моего отзыва о книге В. И. Невского «Очерки по истории РКП». Привожу полностью мои слова: «*Моя рецензия не исчерпывает содержания книги и ее дефектов. Я и не задавался такой целью.* Я хотел только указать, почему, бегло ознакомившись с книгой В. Невского накануне ее выхода в свет, я, как заведующий Истпартом, поспешил снять с нее фирму Истпарта. «*Пролетарская Революция» надеется вскоре дать более подробный разбор книги В. Невского*» («Пр. Рев.» № 5 (28), стр. 227).

Напечатанные курсивом слова опущены т. Лепешинским, и он подходит к моей «рецензии» с требованиями, которые я и сам не ставил себе.

Что же касается подробного разбора книги В. И. Невского, то он т. Батуриным дан в № 8—9 «Пролетарской Революции».

— Все мелочи, мелочи, — восклицает т. Лепешинский по поводу моих указаний на многочисленные ошибки В. И. Невского. Это — как посмотреть! Для т. Лепешинского это мелочи,—тем хуже было бы для него, если бы он писал это, как историк, а не как адвокат В. И. Невского.

Председатель Совета Истпарта
М. Ольминский.

II.

В № 5 «Печати и Революции» напечатана статья г. Б. Эйхенбаума «Вокруг вопроса о формалистах», где несколько замечаний обращено против меня. Я прошу разрешения ответить на них.

Я писал не раз о том, что у нас называют формальным методом, но г. Эйхенбаум, обещая «остановиться только на самом характерном», выбрал для возражения из того, что я писал, все-таки не то, что я писал по вопросам формального изучения литературы, а то, что я однажды сказал о «формалистах», это ему представляется более интересным. «Что же написано о формальном методе?—спрашивает г. Эйхенбаум и отвечает:—Написано очень много... до 1922 г.—почти ничего, хотя первый сборник «Опояза» вышел в 1916 г.». В той части, в которой это может относиться ко мне, оно не вполне верно: и в 1916, и в 1917 г.г., и о первом, и втором «Сборниках по теории поэтического языка» я писал в «Русском Богатстве». Там есть замечание по существу, но г. Эйхенбаум занят ответом на другое,—на то, что он называет «нотацией» и обвинениями, предъявленными мною «формалистам». Ничто в том, что я говорил, не дает основания видеть в моих замечаниях нотацию: я никогда не пишу для тех, о ком пишу,

а исключительно для читателей! Не думал я и об «обвинениях», как и о том, что «обвинения» эти придется доказывать: для иллюстрации моей мысли я напомнил о некоторых фактах, которые надо считать общественными; то-есть такими, которые даже в уголовном суде доказательству не подлежат. Но ничего не поделаешь: если г. Эйхенбаум хочет доказательств, он их получит.

Итак, во-первых, я сказал, что свой кружковый жаргон формалисты представили, как научную терминологию. На это г. Эйхенбаум отвечает: О «кружковом жаргоне» странно слышать из уст Горнфельда, написавшего книжку о новых словах. А что же надо делать—изобретать термины индивидуально или испрашивать на них благословения Парижской Академии Наук? На это приходится напомнить, что термины всегда изобретаются индивидуально и получают признание в призванном к тому коллективе, напр. в научном общественном мнении. Г. Эйхенбаум был бы, верно, менее игрив, если бы знал, что у естественников терминология часто служит предметом обсуждения Академий и даже устанавливается иногда на конгрессах. Но шутки в сторону: кого здесь обманывают? Знает Эйхенбаум разницу между научным словоупотреблением и кружковым жаргоном? Или этой разницы нет? Достаточно взять в руки статью кого-либо из «формалистов», чтобы найти в ней такие словечки, как «повтор», «задержание», «остранение» и т. д. «Закон задержания»,—говорит один. «Звуковые повторы—термин О. Брика»,—говорит другой. С каких пор это *термин*, то-есть нечто, принятое наукой? Простое русское слово «повторение» вполне удовлетворяло Александра Веселовского; оно не удовлетворяет О. Брика,—он говорит: повторы. Где была выяснена необходимость этой замены? Где и когда эти словечки получили научное место в системе? А между тем они повторяются с рассчитанной настойчивостью, и это повторение—только оно—создает иллюзию их общепринятости. При исконном свойстве молодежи соблазняться новизной слов и ими прикрывать свою беспомощность, надо бояться всего, что может поощрить в ней этот номинализм. Что же делают «формалисты»? Под флагом новых слов проводят старый груз, делая вид, что эти слова обозначают новые миры.

Да, старый груз. «Приемы, давно известные западной науке, они изобразили, как открытие смелых российских Невтонов». Это пункт второй моих «обвинений», о котором г. Эйхенбаум говорит: «Пункт второй просто неверен. Я предлагаю Горнфельду посмотреть в «Сборниках по теории поэтического языка» статьи о трудах Ниропа, Граммона и Сиверса, в «Поэтике» библиографию иностранных работ о стихе (не указанных раньше ни им, Горнфельдом, ни А. Белым, ни Брюсовым) и т. д. Имена Сарана, Сиверса, Дибелиуса и т. д. ввели в русскую науку формалисты. Факты говорят за себя—иду дальше».

Нет, так скоро нельзя—придется задержаться: нельзя такое выдавать за факты.

Прежде всего надо объяснить, почему я не указывал иностранных работ о стихе. Это потому же, почему я не указывал работ по минералогии: потому что никогда за это не брался. Около четверти века тому назад, действительно, написал страничку психологического введения к статье Е. А. Ляцкого «Стихосложение» в словаре Ефрона; там есть и краткая библиография, но она подписана единолично Е. А. Ляцким, и указания на Сиверса и Сарана там нет, потому что их работы появились позднее. «Факты говорят за себя».

В ответ на обращенное ко мне предложение посмотреть в «Сборниках» статьи о трудах Ниропа и других я предлагаю—не г. Эйхенбауму, он это знает—мою рецензию о «Сборниках». Здесь не только упомянуто о статье Ниропа, напечатанной в первом сборнике, но и прибавлено: «Статья эта так определенно отвергает футуристические тенденции прочих участников сборника, что включение ее в сборник положительно делает честь их научной добросовестности и заставляет серьезно отнестись к их исканиям». Полагаю, что, сославшись на мои позднейшие отзывы о книгах гр. Тынянова и Томашевского, я могу сказать, что я это в дальнейшем и исполнил.

Но это мелочи. Главное же вот что: неужто Эйхенбаум всерьез думает прикрыться Сараном и Сиверсом? Неужто до такой степени он не понимает, о чем идет речь?

В самом деле: разве дело в работах по стихосложению? Разве эта частная область занимает внимание? Разве в теории стихосложения,—которая для самого яростного приверженца «содержания» всегда была и могла быть только «формальной»,—разве в ней мнимые ереси наших «формалистов»? «Вопрос идет,—говорит Эйхенбаум, и на этот раз правильно говорит,—вопрос идет о принципах построения литературной науки—об ее содержании, основном предмете изучения, об организующих ее, как особую науку, проблемах». Скажу больше: вопрос идет об искусстве вообще, о его теории, об эстетике, об отношении творчества к традиции и т. д. Что здесь стихосложение? Основные теоретические статьи «Сборников»: «Искусство как прием», «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля», «О поэзии и заумном языке» и т. п. Здесь есть частные наблюдения и сопоставления, вся ценность которых в том, что они дают материал для обсуждения вопросов, в науке давно поставленных. Но неизменно это преподносится так, как будто «формалисты» создали новую науку. Оттого на протяжении ряда лет разным людям приходится говорить одно и то же. В 1917 году мне пришлось сказать, что в «Сборниках по теории поэт. языка» «из вещи старой делается вновь открытая Америка»; в 1922 году А. И. Белецкий писал: «Шкловский не чувствовал бы себя пионером в области хотя бы сюжетосложения, если бы хоть несколько был знаком с тем, что сделано по изучению композиции на Западе»; в 1924 году П. Н. Сакулин вынужден напомнить, что «задолго до появления «Сборников по теории поэт. языка» уже много говорили как раз о специфических задачах литературной науки». Что же мы сговорились, что ли, облыжно свидетельствовать о неосновательности претензий «Опояза»? Не лезут ли эти претензии в глаза? Трудно ли нас опровергнуть? Но дело в том, что ссылками на Сиверса и Сарана нас опровергнуть нельзя: этот грюк не поможет. Не поможет и трюк с Дибелиусом. Дибелиус, конечно,—книга ценная. Но когда его где-то в библиографическом примечании назовет В. М. Жирмунский (ученый, конечно, осведомленный и добросовестный—не даром он моих замечаний об «Опоязе» и не принял на свой счет), то этим никак нельзя прикрыть того, что г. Шкловский в брошюре о строении «Тристрама Шенди» говорит так, как будто композиционные вопросы поставил он, и ни одним словом не упоминает Дибелиуса, в книге которого обширная глава посвящена композиции романа Стерна. На протяжении одной странички Шкловский легко уничтожает поэтику образа, но русский читатель лишь гораздо позже и не от Шкловского узнает о книге Теодора Мейера, исходящей из критики теории образности. Шкловский объявляет, что искусство есть прием, но он нигде не упомянет о формальной эстетике: это он своим умом дошел. И до того силен этот гипноз, что в интересном сборнике «Задачи и методы изучения искусств» читаем: «традиционному делению на форму и содержание... было противопоставлено другое деление, основанное на существенных особенностях произведения искусства, как объекта эстетического рассмотрения: деление на *материал* и *прием* (см. статью В. Б. Шкловского «Искусство как прием»). Эта ссылка на В. Б. Шкловского находится на стр. 128 в статье В. М. Жирмунского, который не знал, что на стр. 21 того же сборника в статье Б. Л. Богаевского говорится: «Теория Земпера получила, как известно, весьма широкое признание в шестидесятых годах». «Земперианцы» выставили даже догматическое положение, гласившее, что «художественная форма есть продукт соединения *материи* и обрабатывающих ее технических *приемов*». Поневоле вспомнишь провинциального адвоката, который говорил: «Господа судьи, имейте в виду Взявший меч от меча погибнет, как сказал присяжный поверенный Герард». И вот, в таком ответственном месте, как только что вышедший «Словарь литературных терминов» («Литературная Энциклопедия»), как основополагающий пер-

воисточник, приводится слова Шкловского: «Литературное произведение есть чистая форма... Содержание (душа сюда же) литературного произведения есть сумма его стилистических приемов». Начитавшись таких открытий, как должен быть изумлен бедный российский читатель, когда он узнает от такого древнего гербартианца, как Роб. Циммерман, что «прекрасное есть не духовный мир, но исключительно сумма бессодержательных соотношений», или от такого эпигона, как Кроче, что «эстетический процесс сосредоточен в форме и есть не что иное как форма». Значит, это Бенедетто Кроче, а не Виктор Шкловский? Значит, это было известно?

Да, это было известно. Г. Эйхенбаум называет «Поэтику» Мюллер-Фрейенфельса безнадежно эклектической. Пусть так, но ведь это значит, что Мюллер-Фрейенфельс примиряет какие-то противоположные мнения. Значит, какие-то крайние мнения по вопросам поэтики в европейской науке существуют и сталкиваются. Значит, к какому-то из этих крайних течений примыкает «Опояз»—не упал же он с неба! Почему же, когда на протяжении ряда лет ему настойчиво указывают на всю беспочвенность его притязаний, он не дает лучшего ответа, чем эти безнадежные ссылки на Сиверса и Сарана, лишь свидетельствующие о том, как мало соответствует шум, поднятый «формалистами», действительной оригинальности их учений?

На этот шум я позволил себе обратить внимание читателя; я отметил, что «формалисты вопросы чисто научного метода сделали темами для крикливой публицистики». На это г. Эйхенбаум отвечает: «дело идет не о чисто научном методе, а о принципе». Не стану останавливаться на том, что метод и принцип науки связаны органической взаимной зависимостью! Но если шум по поводу научного метода кажется г. Эйхенбауму неуместным, то почему ему кажется уместным шум по поводу научного принципа? «Выход на улицу,—говорит он,—явился стихийным и совершенно естественным». Если так, то спорить, в сущности, не о чем: «выход на улицу» и есть ведь «крикливая публицистика»: г. Эйхенбаум ее не отрицает, он только находит для нее оправдание. «Горнфельд должен согласиться, что вопрос о существовании науки или искусства выходит за пределы вопросов академических-кабинетных». О, разумеется: остается только совершенно неясным, какой угрозе подверглось самое существование науки и в каком смысле оно обеспечено выходом формалистов «на улицу»; во всяком случае от Лобачевского и Менделеева до Ключевского и Шахматова русская наука двигалась и, полагаем, будет двигаться без «стихийной» потребности в уличном крике. Однако, по уверению г. Эйхенбаума, я должен одобрить «крикливую публицистику»: «ведь сам Горнфельд всю жизнь пишет не в академических «Известиях», а в журналах и газетах». Аргумент поистине потрясающий. Пьяного, орущего на Невском, останавливают: «Чего ты орешь?»—а он возражает: «Сам ты тоже ходишь по Невскому». Да, это верно: даже в трудовой книжке Горнфельда прописано: журналист; всю жизнь он писал в журналах и газетах, иногда даже о предметах научных, но он неизменно обходился без таких аргументов: в этом все дело.

Не буду останавливаться ни на тоне «Сборников по теории поэтического языка», ни на том ярком образце крикливой публицистики г. Эйхенбаума, который я воспроизвел в моей заметке, вызвавшей его возражение: он ведь находит, что это было нужно. Оказывается, шум нужен и теперь. Что находим мы в последней статье г. Эйхенбаума «Вокруг вопроса о формалистах»? Эта беспричинно высокомерная характеристика несогласно мыслящих «от почтенных литераторов и ученых до бойких барышень»,—это наука или крикливая публицистика? Это хихиканье над Сакулиным и Пиксановым вместо доводов,—это наука или крикливая публицистика? Это уверение, что противники Эйхенбаума всегда волнуются («Коган так взволнован», «Горнфельд чересчур взволновался»),—это наука или крикливая публицистика? Эта риторическая ссылка на никому не известный суд истории («Пусть история разбирает, кто из нас действовал правильнее»),—это наука или крикливая публицистика?

Эта величавость в оценках («пафос дурного тона» Гофмана, «мудрость Гершензона» Смирнова, «на редкость красноречивая фраза» Сакулина),—это наука или крикливая публицистика?

Остается остановиться на последнем образце этого пафоса хорошего тона. Так как Тиняков одобрил в газете какое-то мое «мнение о формалистах», Эйхенбаум ставит это на мой счет. Он превосходно знает, что никто не обязан говорить дважды два пять потому, что Тиняков может сказать дважды два четыре, и знает, что я не ответственен за то, что нравится или не нравится Тинякову. Но слишком велик соблазн. «Да,—говорит Эйхенбаум,—история делает иногда неожиданные сочетания: Коган—Чуковский, Горнфельд—Тиняков». Еще раз надо напомнить, что Горнфельд в газетах писал, но к таким приемам не прибегал. Г. Эйхенбаум считает их для себя естественными и стихийными: с этим приходится только согласиться; что они необходимы для существования науки, остается его личным мнением.

А. Горнфельд.

ХРОНИКА

СССР.

М. О. ГЕРШЕНЗОН.

В ночь на 19 февраля с. г. скончался М. О. Гершензон, автор имеющих широкую известность работ: «П. Чаадаев, жизнь и мышление», «Жизнь В. С. Печерина», «Декабрист Кривцов и его братья», «История молодой России», «Исторические записки», «Грибоедовская Москва», «Образы прошлого». Его перу принадлежит также большое количество статей по истории русской культуры и литературы в периодических изданиях 900-х годов. М. О. Гершензоном были собраны и изданы обширные и чрезвычайно ценные материалы по истории русской общественности и литературы: 5-томные «Русские пропилеи», «Сочинения и письма Чаадаева», «Сочинения И. Киреевского», «Новые пропилеи» и мн. др.

Научно-исследовательский институт языка и литературы.

▫ В течение последнего времени состоялся ряд докладов в секциях Института. В романско-германской: *Арсеньева* — «Социальные основы творчества Эдгара По»; *Карцевой* — «Черты реализма в творчестве Стерна»; *М. Эйхенгольца* — «Литературные группировки во Франции в XX веке». В социологической секции состоялся доклад *М. Эйхенгольца* — «Французские реалисты о реализме» (в течение двух заседаний). В марксистском семинарии при социологической секции, руководимом В. М. Фриче и В. Ф. Переверзевым, состоялся доклад Н. Н. Фатова, вызвавший оживленную дискуссию, в которой резко разделились мнения исследователей по вопросу о значении биографических данных о писателе для социологического изучения его творчества, а также по вопросу о деклассировании писателя.

Группа научных работников с В. Ф. Переверзевым во главе отрицает значение биографии и считает необходимым основываться при социологическом изучении исключительно на основном тексте произведений.

▫ Приступил к работам семинарий по историческому материализму при Институте под руководством Б. И. Горева.

▫ В ближайшее время Институт приступает к опубликованию ряда работ сотрудников Института

Секция литературы и искусств.

▫ В Коммунистической Академии образовалась секция литературы и искусств под председат. В. М. Фриче и при участии Вал. Полянского, В. Ф. Переверзева, Плетнева, И. Корницкого, Федорова-Давыдова, секретаря секции Д. А. Горбова и др. Выработан план работ на ближайшее время: исследование формального, рефлексологического и фрейдистского методов изучения литературы и искусства. 23 февраля состоялся доклад Вяч. Полонского о Достоевском. В прениях по докладу приняли участие В. Ф. Переверзев, Б. Г. Столпнер, А. Цинговатов, И. Н. Кубиков. Намечен доклад В. М. Фриче на тему об итогах работ немецких фрейдистов по литературе.

Союз писателей.

▫ В течение последних месяцев состоялся ряд исполнительных вечеров — «понедельники союза». *И. Новиковым* был прочитан новый рассказ «Товарищ

из Тулы». На вечере маленьких рассказов читали *А. Грин, Л. Гумилевский*. Состоялся вечер художественного чтения *Закушняка*. В союзе было организовано чествование *Н. Телешева* — 40-летие литературной деятельности. Состоялся вечер рассказов *Пантелеймона Романова*. Чтение *Н. Бромлей* своей пьесы «Король квадратной республики».

▫ 1 февраля состоялось годовое общее собрание союза, которым сконструировано новое правление и президиум в составе: В. Кириллова, А. Эфроса, А. Воронского, В. Лидина, А. Яковлева. в правление кроме того вошли: П. Орешин, В. Л. Львов-Рогачевский, Н. С. Ашукин, М. Герасимов, Артем Веселый, Ю. Соболев, В. Вересаев и др.

▫ Союз предполагает в ближайшее время приступить к изданию еженедельной «Литературной Газеты».

▫ Организуются Союзом клуб и столовая и расширяется библиотека-читальня.

Высший литературно-художественный имени Валерия Брюсова Институт (в 1924—25 академическом году).

▫ В самом начале отчетного периода Институт лишился своего основателя и первого ректора В. Я. Брюсова. Разрешение ряда вставших на очередь организационных вопросов: выборы нового ректора и правления, создание и работа в «Комиссии по увековечению памяти В. Я. Брюсова», «кружке друзей Брюсова», проведение силами Института целого ряда вечеров памяти покойного,— все это до некоторой степени отвлекло научных работников Института от текущей работы в его исследовательских кабинетах и затормозило деятельность последних.

Однако к настоящему времени все чрезвычайные организационные вопросы уже разрешены, и академическая жизнь Института вернулась в нормальное русло.

▫ Коллегией Главпрофобра утверждено новое правление в составе: ректора — *В. П. Полонского* и членов правления: *А. В. Луначарского, П. С. Когана, М. С. Григорьева* и *А. И. Корчагина* (последний — представитель от студенчества В. Л.-Х. И.).

▫ При исследовательском кабинете по марксистской критике организованы теоретические дискуссии. В феврале были обсуждены доклады: *Г. Лелевича*,— «Марксизм, как метод художественной критики» и *Виктора Шкловского* — «О формальном методе». В прениях участие приняли: А. Воронский, А. Лежнев, В. Полонский, А. Вешнев и др.

▫ В *исследовательском кабинете поэтики* за смертью В. Я. Брюсова председателем избран Г. А. Шенгели. В ближайшие заседания обсуждаются доклады *М. А. Петровского* — «Проблематика поэтики» и *Артюшкова* — «Фоника стиха». Во 2-м триместре прошлого учебного года сделали доклады: *В. Я. Брюсов* — «Левизна римф у Пушкина», *М. А. Гершензон* — «Рифма у Пушкина», *М. П. Малишевский* — «Метротоническая система стихосложения» (доклад занял 3 заседания). Издательством «Земля и Фабрика» выпущен сборник работ членов кабинета поэтики — «Проблемы поэтики». В сборнике помещены статьи: В. Я. Брюсова, А. В. Луначарского, Я. О. Зунделовича, А. Е. Адалис, Л. П. Гроссмана, М. П. Малишевского, К. Г. Локса, Г. А. Шенгели, М. С. Григорьева и М. А. Петровского.

▫ С конца февраля в В. Л.-Х. И. начнутся открытые отчетные заседания мастерских: прозы (руков. проф. К. Г. Локс), стиха (руков. Г. А. Шенгели), драматургии (руков. В. М. Волькенштейн), художественного перевода (руков. проф. Г. А. Рачинский, ассистенты— преп. И. А. Кашкин и научный сотрудник М. А. Гершензон), фольклора (руков. проф. Ю. М. Соколов) и др.

▫ В течение 1924 учебн. года произведения студентов В. Л. Х. И. были напечатаны в ряде литературных органов («Красная Новь», «Октябрь», «Перевал», «Красная Нива», «Огонек», «Прожектор», Ленинградский альманах «Ковш», «Звезда» и пр.). Печатались работы студентов: Артема Веселого, Акульшина, Алтаузена, Гербстмана, Гершензона, Козлова, Голодного, Кауричева, Приблудного, Светлова, Скорикова, Наседкина, Троицкого, Федорова, Ясного и мног. др. Госуд. Издательством выпускается ряд работ студентов В. Л.-Х. И. на языках национальных меньшинств. Среди них

отмечаем сборники Герда (вот. яз.) и Викторова (чуваш. яз.), а также переводные работы (Шекспир и др.) на белорусский язык, выполняемые т.т. Дубовка и Гаврюком.

▫ Кубс В. Л.-Х. И. выпустил сборник, посвященный В. Я. Брюсову — со статьями А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, Л. П. Гроссмана, С. В. Шервинского, Г. А. Рачинского, М. С. Григорьева, А. И. Корчагина, стихотворениями В. Я. Брюсова, Пастернака, Аксенова, Гербстмана, Троицкого и библиографией сочинений В. Я. Брюсова. Кубс'ом же издана брошюра М. Григорьева — «Сценическая композиция чеховских пьес». В ближайшее время предполагается выпуск сборника работ студентов В. Л.-Х. И.

▫ Через посредство комиссий заграничной помощи при ЦИК'е СССР В.Л.-Х.И. вступил в обмен научными работами с университетом в Филадельфии, который по своим задачам и структуре учебного плана несколько напоминает В. Л.-Х. И.

Кружок друзей Брюсова.

Организовался «кружок друзей Брюсова». Заседания происходят 9-го числа каждого месяца на квартире В. Я. Брюсова. Организационное заседание состоялось 9 января под председательством П. Н. Сакулина.

В группе «Перевал».

Группа объединяет содружество молодых рабоче-крестьянских писателей и поэтов и ставит себе, главным образом, задачи производственные. С этой стороны главное внимание членов группы обращено на творчество своих членов, на проработку вопросов художественного выражения и оформления действительности. Вечера «Перевала» поэтому не носят показательно-литературного характера, приближаясь к студийной работе.

Не замыкаясь ни в какую кружковщину, группа стремится объединить в своих рядах писательский молодняк рабочий, комсомольский, крестьянский, не ограничивая своих членов особыми декларациями художественного творчества.

Вместе с тем группа стремится завербовать в число своих друзей уже выявившихся мастеров слова, важнейших критиков и публицистов. Все время с начала существования в рабочей группе принимал самое активное участие т. А. К. Воронский, литературную позицию которого целиком поддерживает «Перевал».

На вечерах группы среди постоянно выступающих: Артема Веселого, Мих. Светлова, А. Костерина, Мих. Голодного, Ник. Зарудина, Ясного, В. Наседкина, Б. Ковынева, Д. Алтаузена, П. Дружинина, Акульшина, Дм. Петровского, Е. Эркина, Скуратова и других нужно отметить участие Василия Казина, А. Лежнева, Всеволода Иванова, И. Рукавишникова, Л. Сейфуллиной, Вяч. Шишкова и многих других.

В числе своих организационно-общественных задач внимание группы сосредоточено на связи с провинциальными писателями, в своем большинстве идущими одиноко, без чьей-либо поддержки.

Сборники «Перевала» — 1-й, 2-й и 3-й (выходит) значительное место уделили именно этому писательскому молодняку.

В ряде отдельных мест СССР организуются местные отделения группы.

▫ В состав вновь переизбранного правления «Перевала» вошли: Артем Веселый, Ник. Зарудин, В. Наседкин, Мих. Светлов и Дементьев. Проведена перерегистрация членов группы — исключены все невыявляющие себя творчески и пассивно относящиеся к работе.

▫ В творческой работе группа выявила себя в двух сборниках, уже вышедших из печати. Третий сборник находится в печати. Подготовляется четвертый.

С № 3 в сборниках отводится место для литературно-критического отдела и вводится специальный отдел «По большакам и проселкам», в котором периодически будет освещаться жизнь провинциального писателя, работа местных литературных организаций и так далее.

▫ *Артем Веселый* закончил и подготовляет для печати большой роман «Страна родная», охватывающий революционную действительность российского уезда. Писатель подготавливает также книгу своих рассказов и повестей.

На-днях вышла из печати переизданная отдельно «Молодой Гвардией» повесть «Реки огненные».

▫ *А. Костерин* закончил большую повесть «Будни» и сборник деревенских очерков и рассказов, печатающихся сейчас в разных изданиях.

▫ *Мих. Голодный* сдал в печать книгу стихов «Страна Советов», выходящих в из-ве «Новая Москва», подготовил к печати цикл городских стихов.

▫ *Мих. Светлов* написал две поэмы, одна из которых идет в № 3 «Перевал». В ближайшем будущем, в изд-ве «Московский Рабочий», выходит книга его стихов — «Корни».

▫ *Ник. Зарудин* заканчивает поэму «Пумра», охватывающую картины русской «Вандеи», бандитизма и гражданской войны. Готовится к печати сборник лирики, включающий циклы стихов: «Дневник», «Дребезг города», «Липовая грива» и т. д.

▫ *Ясный* написал книгу стихов «Ухабы», выходящую в из-ве «Новая Москва». Поэт работает над циклом стихов революционной лирики.

▫ *Павел Дружинин*, после выпущенного Госиздатом «Соломенного Шума», подготовил к печати 2-ю книгу стихов. В книгу входят стихи, печатавшиеся в 1923—24 годах в различных журналах.

▫ *Вас. Наседкин* закончил и приготовил для печати книгу стихов, представляющую целиком его творчество. В сборник входят, помимо типичных для автора крестьянских стихов, восточные стихи «Согдиана» и цикл стихов «Вечерни городов».

▫ *Евсей Эркин* работает над лирикой города, подготавливая к печати сборник стихотворений последнего периода. В ближайшем сборнике «Перевал» идет отрывок из его большой поэмы «Россия».

▫ *Родион Акульшин* выпускает отдельным изданием свои стихи. В печати появятся его новые рассказы и очерки.

▫ Стихи *Бориса Ковынева* выходят в издании «Новой Москвы». Приготовлен к печати сборник «Стихи из крови».

▫ В издании Госиздата выходит поэма *Д. Алтаузена* — «Ленин».

▫ В разных изд-вах выходят альманахи, составленные, главным образом, силами группы. Так, в изд. «Красная Звезда» вышел сборник «Шлем» (В. Наседкин, Г. Коренев, Н. Зарудин, П. Дружинин). В том же изд. выходит большой сборник лирики о природе — «Земля» (С. Есенин, В. Казин, В. Наседкин, Н. Зарудин, П. Дружинин, Евсей Эркин и другие).

▫ Готовится к изданию сборник «*Стихи о городе*» (М. Голодный, М. Светлов, Ник. Зарудин, В. Казин, П. Дружинин, Евсей Эркин, Пав. Дружинин, Ясный, Б. Ковынев и др.).

НА ЗАПАДЕ.

ГЕРМАНИЯ.[1]

Художественная литература. Стихи. Переводы.

▫ Под редакцией поэта *Е. А. Рейнгардта* (E. A. Rheinhardt) изд-во Листа (Paul List) в Лейпциге приступило к изданию серии мировых классических романов. Серия эта, носящая название «Epikon», ставит себе целью выявить социальное значение романа, взаимодействие романа и среды, его создавшей. Заключительный том серии будет посвящен этим вопросам («К социологии романа» — «Zur Sociologie des Romans»). В числе вышедших книг — романы Стендаля, Иммерманна, Мередит и Тургенева («Отцы и Дети» в переводе W. Bergengruen и B. Frank). В дальнейшем предполагается издать романы Штифтера, Флобера, Бальзака, Сервантеса и русских — Толстого, Достоевского, Гоголя. Серия издается очень тщательно, и отдельные тома снабжены статьями, при-

надлежащими виднейшим немецким писателям и критикам.

▫ В изд. Frankfurter Societäts-Druckerei во Франкфурте вышла книга путевых впечатлений *Фрица фон-Унру* (F. von-Unruh) под названием «Крылья Победы» — «Flügel der Nike. Buch einer Reise». Известный драматург Ф. Унру дает в этой книге описание поездки во Францию после войны.

▫ Из числа вышедших за последнее время романов и сборников рассказов отметим следующие:

1. Увлекательный роман написан В. Гегелером (W. Hegeler) «Der Apfel der Elisabeth Hoff» — «Яблоко Елизаветы Гофф» и вышел в изд. Deutsche-Verlagsanstalt — Немецком Издательском обществе — Штутгарт Берлин.

2. Ряд положительных рецензий появился за последнее время в немецкой прессе о романе *В. Баум* (V. Baum) — «Ulle der Zwerg» — «Карлик Улли». Роман этот дает яркий образ карлика и трагической его жизни.

3. Любопытен роман *Ф. Мейер-Экхардта* (V. Meyer-Eckhardt) «Die Möbel des Herrn Berthelemy» — «Мебель господина Бертелеми» (изд. E. Diederichs'a, Е. Дидерихса, Иена) из эпохи французской революции. Автор рисует архивариуса-сибарита, поглощенного хлопотами о возвращении ему реквизированной мебели, и совершенно не заметившего благодаря этому ни революции, ни исторических событий его эпохи.

▫ Кроме того, отметим романы: *В. Гармса* (W. Harms), рисующий «уездный» быт под сатирическим заглавием «Im Monarchenwinkel»—«В царском уголке» (изд. Grethlein und C⁰), *Ф. ф.-Коленегга* (V. v.-Kohlenegg) «Herrn Imelmans Krähe» — «Ворон господина Имельмана» (изд. Verlag der Gottaschen Buchhandlung), психология стареющего художника. — Отмечаем также книги рассказов: *А. Берендт* (A. Berend) «Kleine Umwege» — «Окольные дорожки», вышедшую в издательстве Ph. Reclam jun. в Лейпциге. *И. М. Беккера* (I. M. Becker) «Gestürtzte Cherubime» — «Павшие ангелы». Изд. Wailandtsche Druckerei — в Ашаффенбурге. *Г. Балушека* (H. Baluschek) «Grosstadtgeschichten» — «Столичные рассказы» (Изд. J. H. W. Dietz Nachf. в Берлине).

▫ Отмечаем следующие, вышедшие за последнее время сборники стихов:

Г. Иоста (H. Johst) — «Lieder der Sehnsucht» (изд. A. Langen — Мюнхен).

Г. Гартманна (G. Hartmann)—«Schicksal, Andacht, Liebe» — вышедший в изд. Pantos-Verlag в Фрейбурге.

Г. Бенна (G. Benn) — «Schutt» (изд. Alfred Richard Meyer Verlag — Берлин).

Т. Вегнера (T. Wegner) — «Die Strasse mit den tausend Zielen» — «Улица с тысячью направлений» (изд. Sibyllen-Verlag, Дрезден) и *Ф. Виттнера* (V. Wittner) «Sprung auf die Strasse», Берлин, из-во рабочей литературы — «Die Schmiede».

▫ В изд. «Die Schmiede» (Берлин) также вышел том драм *В. Газенклевера*, содержащий следующие пьесы: «Sohn», «Die Menschen» и «Jenseits».

▫ Любопытную антологию современных немецких поэтов составил A. Sergel «Saat und Ernte» — «Посев и Жатва» (Deutsches Verlagshaus Bong und C⁰, Берлин-Лейпциг). В антологию вошли около 120 поэтов, представленных стихами по их собственному выбору. Хотя антология эта далеко не полна, она дает, все же, интересную картину современной германской поэзии.

▫ Роман *Синклера Льюиса* «Беббит» вышел на немецком языке в изд. К. Wolff'a (Мюнхен). Перевод D. Brody.

▫ Изд. Kierpenheuer'a (Потсдам) выпустило перевод нового романа в письмах *Карин Михаэлис* «Семь сестер» («Sieben Schwestern»).

▫ Вышел и отмечен критикой перевод романа *Мартена Мартенса* (Maarten Maartens) «Gottes Narr» (изд. A. Langen в Мюнхене).

▫ Известная писательница *Элен Кей*, которой недавно исполнилось 75 лет, выпустила новую книгу,— том статей, носящий название «Alsegraren» (Всепобеждающий).

▫ В изд. Alf. Häger'a (Берлин) в переводе *Эриха Шмитта* (Erich Schmitt) вышла книга рассказов Пу-Сун-Линга, переведенного также и на русский. Книга называется «Волшебные рассказы Ляо-Чжай»—«Seltsame Geschichten aus dem Liao Chai».

▫ Лейпцигское изд. «Asia Major» выпустило в переводе *Ф. Штрауса* (V. Strauss) с его же предисловием и комментариями книги Лао-Тзы (Laò Tsès Taò Tè king).

Книги по искусству.

В связи с упрочившимся книжным рынком начали опять в большом количестве выходить книги по искусству, монографии и роскошные издания, почти совсем исчезнувшие в последние годы. Краткий перечень наиболее интересных из них приводим ниже:

Венское изд. Scholtscher-Verlag выпустило монографию о *К. Штеррере* (K. Sterrer) с 118 иллюстрациями. Текст — *А. Вайкслгертнера* (A. Weixlgärtner).

Изд. Kascher'a в Цюрихе издает серию альбомов Hadler'a. До сих пор вышло четыре альбома.

Гольбейну посвящена книга *К. Глязера* (K. Glaser) «Holbeins d. J. Zeichnungen» (изд. B. Schwabe, Базель).

Очень тщательно изданы O. Recht'ом (Мюнхен) две монографии «Леонардо» — текст *К. Пфистера* (K. Pfister) и «Ван-Дейк» (текст *А. Ф. Мейера* — A. V. Meyer).

Богато иллюстрированная книга об индусском искусстве, составленная *Крамришем* (Kramrisch) — «Основные черты индусского искусства» («Grundzüge der indischen Kunst») вышла в изд. Avalun-Verlag в Геллеране (Helleran).

Очень интересен альбом старых Мюнхенских художников, выпущенный издательством Holbein Verlag в Мюнхене. В альбоме представлены Корнелиус, Каульбах, Швинд, Дэфреггер, Генелли, Бёклин, Фейербах и много других.

Своеобразны две книги поэта-художника *У. Бирнбаума* (U. Birnbaum), вышедшие в венском изд. Thyrsos-Verlag «Der Kaiser und der Architekt» и «Moses». Первая книга—сказка, вторая—библейское жизнеописание Моисея. В обеих книгах как текст, так и иллюстрации проработаны *Бирнбаумом*.

В изд. B. Cassierer'a (Берлин) вышла книга C. Witt'a «Die tapferen Zehntausend» — изложение для юношества «Анабазиса» Ксенофонта; иллюстрации к книге выполнены художником M. Slevogt'ом. В том же изд. вышла книга "«Bilder aus Aegypten» путевые впечатления M. Slevogt'a и J. Guthman'a, совершивших совместное путешествие по Египту. Первому принадлежат рисунки, второму — текст.

То же изд. выпустило две монографии «Дега» и «Ренуар», составленные Ambroise Vollard'ом.

В издаваемой Insel-Verlag'ом под редакцией *К. Шеффлера* (K. Scheffler) и *К. Глязера* (Glaser) серии немецких мастеров вышла книга *В. Воррингера* (W. Worringer) «Die Anfänge der Tafelmalerei». В той же серии вышла монография о К. Ф. Шинкеле (K. F. Schinkel), составленная А. *Гризебахом* (A. Grisebach).

Монографию о K. Witz'е выпустил в изд. B. Schwabe (Базель) *Г. Вендланд* (H. Wendland).

Интересна большая монография о художнике М. Бекманне (M. Beckmann), снабженная статьями *Глязера, Мейер-Греффе, Гаузенштейна и В. Френгера* (W. Fraenger) и вышедшая в Мюнхенском изд. R. Piper und C⁰.

В изд. Piper und C⁰ (Мюнхен) вышла небольшая монография *Мейер-Греффе* (Meier-Graefe), посвященная Hans'y von Marees (Ганс фон Марэ).

С предисловием художника Макса Либермана в Дрезденском изд. C. Reissner'a вышла книга H. Zille, посвященная очеркам Берлина («Berliner Geschichten und Bilder»). Книга снабжена 163 иллюстрациями.

Книги по философии.

В числе книг по философии вышли следующие работы:

И. Ремке (*I.* Rehmke) «Grundlegung der Ethik als Wissenschaft» — «Основоположение этики как науки» (изд. Guelle und Meyer, Лейпциг).

И. А. Шаутена (I. A. Schauten) «Ueber die Entwickelung der Begriffe des Raumes und der Zeit und ihre Beziehungen zum Relativitätsprinzip», «О развитии понятия пространства и времени и их отношении к принципу относительности». Перевод со второго голландского издания Verf'a (изд. B. G. Teubner'a, Лейпциг).

Книга эта вышла в серии «Wissenschaft' Grundfragen, Philos. Abhandlungen», редактируемой *Р. Генигсвальдом* (R. Hönigswald).

Ежегодники, альманахи.

Из числа вышедших в конце 1924 года альманахов и ежегодников отметим несколько наиболее интересных.

Издательство Fischer'a выпустило альманах 1925 г., который, кроме статей, интересен большим количеством портретов современных писателей. Подобный же альманах выпустило изд. Insel-Verlag.

Изд. Velhagen und Klasing также опубликовало свой очередной на 1925 г. альманах, в котором помещен ряд интересных статей и большое количество иллюстраций, появившихся в течение года в ежемесячнике названного изд-ва.

Вышел первый выпуск философского ежегодника 1925 г. «Philosophischer Kalender», «Философский календарь» (изд. Reuther und Reischard, Берлин), издаваемый *А. и Е. М. Ковалевскими* (А. и Е. М. Kowalewski) и ставящий себе целью знакомить более широкую публику с виднейшими философами и их учениями, приурочивая альманахи к юбилейным датам. Первый номер всецело посвящен Канту.

Изд. K. Schroeder-Verlag (Бонн, Лейпциг) выпустило второй том театрального ежегодника «Das deutsche Theater» за 1923 — 24 г.г.

Вышел также ежегодник за 1924 г. «Jahrbuch der Jungen Kunst» — «Ежегодник молодого искусства» (Лейпциг), изд. Klinkhardt und Biermann. Том этот снабжен свыше 500 иллюстрациями. Редакция — G. Biermann'a.

Недавно вышел пятый том (1925) ежегодника «Ganymed», посвященного вопросам искусства, издаваемого Мейер-Греффе и редактируемого *В. Гаузенштейном* (W. Hausenstein, изд-во R. Piper und C⁰, Мюнхен). В пятом томе помещены, между прочим, следующие статьи: *Даммана* (Damman) «Altägyptisches Raumgefühl und Wir» и «Palladianes»; *Г. Ессвейна* (H. Esswein) «Physiognomisches zur Kunst des H. Bosch»; *Рейфенберга* (Reifenberg) «Vermeer»; *Мейер-Греффе* «Lovis Corinth» и «Bonnard»; *А. Эйнштейна* (A. Einstein) «Heinrich Schütz», *Е. Преториэса* (E. Pretoriess) «Das Problem des Bühnenbildes». В четвертом томе этого ежегодника (за 1922 год) была помещена большая статья о Гоголе *Р. Каснера* (R. Kassner).

— В изд. Dieterichsche Verlagsbuchhandlung (Лейпциг) вышел гетевский альманах-ежегодник на 1925 год. «Goethe-Kalender auf das Jahr 1925», под редакцией *К. Гейнеманна* (Heinemann). Особенно интересны в этом томе очередная статья редактора Heinemann'a о самых выдающихся явлениях гетевской литературы за истекший год, рассказ E. Ebermayer'a, имеющий темой смерть Шиллера, и статья A. Hünich'a о Гете и его издателях.

Разное.

▫ В Берлинском изд. J. H. W. Dietz Nachfolger вышла книга *Вильгельма Блосса* — очерки эпохи крестьянских войн «Florian Geyer, Lebens und Charakterbild aus dem Grossen Bauernkrieg».

▫ В изд. Reimar Hobbing вышел статистический отчет о внешней торговле Германии за 1923 г. и первую половину 1924 г. «Der deutsche Aussenhandel im Jahre 1923 und im I Halbjahr 1924; Bearbeitet vom Statistischem Reichsamt» (Государственное статистическое бюро).

▫ Любопытную книгу об Азии, преимущественно о развернувшихся там военных действиях во время войны 1914—1918 г.г., написал *А. Фишер* (A. Fischer. Изд-во Deutsche Verlagsanstalt. Штутгарт, Берлин, Лейпциг) «Orient». Автор принимал активное участие в военных действиях в Азиатской Турции и, позже, в выступлении Джемаля-паши против английских войск и дает живую картину современной Азии.

▫ Изд. Franksche Verlagsanstalt в Штутгарте издает серию детских романов, посвященных технике и естествознанию — «Onkel Herbert Bücher». Недавно вышедшие два романа этой серии, написанные J. Fuheberg-Horst носят название «Radio bei Onkel Herbert» и «Auto und Motor bei Onkel Herbert».

▫ Также проблемам естествознания посвящен детский ежегодник того же изд-ва «Jugendkosmos», четвертый том которого недавно опубликован.

▫ В конце декабря скончался швейцарский писатель Carl Spittler — *Карл Шпиттлер*, получивший в 1919 году нобелевскую премию. Главное произведение Шпиттлера — эпическая поэма «Олимпийская весна» «Der Olympische Frühling». Известностью пользуются также его первая поэма «Prometheus und Epimetheus» и роман «Imago». Незадолго до смерти Шпиттлер опубликовал новую свою поэму «Prometheus der Dulder».

▫ 5 января в Берлине скончалась писательница E. Heyking, автор нашумевшего в начале столетия романа «Briefe, die ihn nicht erreichten».

«Rossica».

▫ В Вене в изд. C. Gerold's Sohn вышла книга *Н. Бассехеза* (N. Basseches), посвященная экономическому положению СССР («Das Wirtschaftliche Gesicht der Sowjet-Union» — «Хозяйственный облик Советского Союза») (270 стр.).

▫ Вопросам оплаты труда в СССР посвящена книга *С. Шварца* (S. Schwarz) «Der Arbeitslohn und die Lohnpolitik in Russland» — «Заработная плата в России», вышедшая в изд. Thüringer Verlags-Anstalt und Druckerei (Иена).

▫ В изд-ве Frommansche Buchhandlung в Иене вышел перевод книги *Юрия Данилова* «Россия в мировой войне 1914 — 1915» — «Russland im Weltkriege 1914 — 1915». Перевод выполнен R. V. Campenhausen'ом.

▫ Книга *И. Сталина* «Ленин и ленинизм» вышла в переводе на немецкий в Венском изд. Verlag für Literatur und Politik — I. Stalin «Lenin und Leninism».

▫ Работа *О. Д. Хвольсона* «Физика и ее значение для человечества» переведена на немецкий язык G. Kluge и вышла в изд. Fr. Vieweg und Sohn (Брауншвейг) (Die Physik und ihre Bedeutung für die Menschheit).

▫ Независимо от выпускаемого изд. B. Cassirer'а (Берлин) собрания сочинений *Л. Н. Толстого*, берлинским же изд-ом Ладыжникова выпущена недавно «Анна Каренина» (в 2-х томах) и «Детство, Отрочество и Юность» («Kindheit, Knabenjahre, Jugendzeit»). Обе вещи переведены А. Лютером. Очередным томом в изд. Cassirer'а вышли «Севастопольские рассказы» («Sewastopol-Erzählungen aus den Jahren 1852—1855»).

▫ В изд. «Propylaen-Verlag» вышел том рассказов *Гоголя* под редакцией O. Buek'а «Phantastische Geschichten» («Фантастические рассказы»).

▫ В изд. Ладыжникова вышел перевод «Бесов» («Die Dämonen») *Достоевского* (в 2-х томах). Перевод выполнен G. Jarcho.

▫ Изд. C. H. Beck в Мюнхене выпустило собрание сочинений *Лескова* в 4-х томах.

▫ Роман *И. Эренбурга* «Трест Д. Е. История гибели Европы» переведен на немецкий язык и вышел в изд. Welt-Verlag (Берлин) под заглавием «Die Geschichte der Zerstörung Europas». Это несколько сокращенное название, очевидно, и послужило причиной тому, что редакция газеты «Deutsche Allgemeine Zeitung» в списке полученных на отзыв книг поместила «Гибель Европы» в отделе «истории, истории культуры».

▫ В Берлинском изд. Welt-Verlag вышел перевод с рукописи книги *Д. Мережковского* «Тайны Востока» («Die Geheimnisse des Ostens»). Перевод выполнен А. Элиасбергом.

▫ В литературном приложении газеты «Deutsche Allgemeine Zeitung»—«Welt und Werk» от 4 января помещена небольшая статья *О. Ф. Риземанна* (Riesemann), посвященная выпущенным Госиздатом дневникам П. И. Чайковского, относящимся к 1873—1891 годам. В статье приводится ряд выдержек из дневников.

▫ Монография *Г. Лукомского* об Андреа Палладио вышла на немецком языке в изд. Allgemeine Verlags-Anstalt (Мюнхен). Перевод—E. Luther'а.

▫ Изд. F. Schneider'а (Берлин, Лейпциг, Вена, Берн) в издаваемой им серии романов для детей «Der gute Schmöker» опубликовало переводы повестей: *Короленко* «Без языка» («Der seltsame Mensch»), выполненный H. Aeckerle и A. Goldschmidt с иллюстрациями K. Holz'а, и *Алексея Толстого* «Царь Иван Грозный» («Zar Iwan der Schreckliche»), иллюстрированный Z. Pickerot'ом.

ФРАНЦИЯ.

Международная выставка декоративных искусств в Париже.

▫ В середине апреля открывается международная художественно-промышленная выставка, на которой будет в специально выстроенном для этой цели павильоне (по проекту архитектора К. С. Мельникова) представлена художественная промышленность СССР.

▫ Следует отметить, что Комитету Русского Отдела выставки, руководимому П. С. Коганом, удалось преодолеть в подготовке участия СССР в выставке ряд исключительных затруднений. Особенно тяжело отразился на начале работ факт позднего приглашения СССР на выставку. В то время как итальянский, британский, чехо-словацкий павильоны давно уже строятся, располагая притом весьма значительными материальными средствами, СССР принужден был приступить к возведению своего павильона почти накануне открытия.

▫ По отзыву иностранных архитекторов, строящих национальные павильоны, а также секретариата выставки проект арх. К. С. Мельникова чрезвычайно удачно разрешает основную задачу: дать оригинальный и легкий павильон (материал русского павильона — дерево и стекло). Проект был принят по конкурсу, устроенному комитетом. Положительную оценку встретил проект также и у председателя комит. Выставки проф. Бонье.

▫ Кроме павильона, каждая страна получает выставочную площадь на «Эспланаде» (сады на другом берегу Сены — выставка расположена по обоим берегам), в Галлерее и специальную площадь в главном здании — Grand Palais.

▫ В основу построения русского отдела положен принцип, резко отличный от построения других павильонов. Основной задачей является выявление нового быта. Соответственно этому и располагаются на выставке различные отрасли и стороны нашей художественной промышленности и культуры. Французская пресса отмечает в ряде интервью эту особенность построения отдела СССР.

▫ В павильоне будут представлены рабочий клуб, ряд национальных уголков, изба-читальня, которую французы окрестили длиннейшим названием — «La petite maison rustique avec une salle à lecture»: в этой части Выставки будут представлены — Госиздат, книги частных издательств, революционный плакат, полиграфическое производство и др. Национальные уголки, кавказский, бухарский и др. с воспроизведением — национальной художественной, кустарной промышленности и культуры.

▫ В главном здании (Grand Palais) будут представлены: кустарная промышленность, фарфоровый завод, декоративный институт, мебель, архитектурные проекты, керамика и пр.

▫ Часть выставочной площади «Эспланады», предоставленной СССР, представляющая собой «пятиклумбовые сады», отделенные друг от друга галлереями, сдана Комитетом Выставки Внешторгу для организации там ряда театрально-концертных выступлений и устройства выставочных лавок. На Эспланаде же предполагается организация наиболее характерных типичных форм народных гуляний.

▫ В Галлерее — будут представлены театральные макеты, оборудования, достижения в области театра (в особенности в области построения сценической площадки). Достижения театра СССР особенно интересуют Запад.

▫ В подборе экспонатов для выставки, в большинстве отраслей художественной промышленности, комитет придерживался принципа анонимности — не индивидуального показа, за исключением, разумеется, театра, архитектуры и некоторых других областей, в которых соблюден индивидуальный принцип. К работам по организации выставки привлечен ряд хозяйственных и государственных органов и учреждений, в том числе ВСНХ, НКВТ, промысловая и кустарная кооперация, Государственное Издательство, представители национальностей и т. д. Работы ведутся быстрым темпом; к 1 апреля должен быть готов павильон и доставлены экспонаты.

▫ Интерес, проявляемый французским обществом к русскому отделу Вы-

ставки, сказался в ряде выступлений печати в устройстве специального доклада в обществе «Франко-русской дружбы», в постоянном внимании к начинаниям и задачам русского отдела со стороны ряда выдающихся представителей французской интеллигенции, в том числе, например, редактора и издателя журнала, посвященного искусствам Вольдемара Жоржа, известных деятелей — Барша, Донзеля, писателей группы «Кларте» и многих других.

▫ На прощальном собрании, устроенном накануне отъезда председателя русского отдела П. С. Когана в Москву, состоялась беседа о русской литературе и перспективах русского искусства, в которой принял участие ряд французских писателей, а также художников и писателей русских. Комитет предполагает в результате этой выставки иметь более тесные связи между левой частью французской интеллигенции и современными культурными силами России.

Художественная литература.

▫ Андрэ Бретон (André Breton), один из главарей новой литературной школы во Франции, выступающей под названием «сверхреализма» (Surréalisme), выпустил недавно манифест («Manifeste du surréalisme», изд. Sagittaire), в котором дает следующее определение своей школе: «Сверхреализм — это психический автоматизм, посредством которого предполагается выражать, будь то словом, письмом или каким-либо другим образом реальную, фактическую деятельность мысли. Диктуемое мыслью, при полном отсутствии какого-либо контроля со стороны рассудка — вне всяких эстетических и моральных предрассудков». Сверхреалисты противопоставляют себя реализму, который презирают, позитивизму, дадаизму, с которым, однако, имеют много общего. Они отрицают культуру, не признают существующих литературных и философских авторитетов вроде Франса, Верлена, Шекспира, Флобера, Бальзака, Спинозы, Платона, Вергилия и пр. Свою книгу Бретон заключает повестью «Poisson soluble», которой иллюстрирует свои теоретические положения. Его же том статей «Les Pas perdus» вышел в изд. Nouvelle Revue française. В настоящее время вышло несколько романов последователей школы сверхреалистов, из которых некоторые очень талантливы и отмечаются критикой. Так, интересен роман Луи Арагона (Louis Aragon) «Le Libertinage» (изд. Nouvelle Revue française), а также фантастический роман Иосифа Дельтейа (Joseph Delteil) «Les cinq sens» (изд. B. Grasset) и том рассказов в стиле Поля Марана, рисующих современные нравы Ла Рошелля (Drieu La Rochelle) «Plainte contre inconnu» (изд. Nouvelle Revue française). Менее значителен, но занимателен роман Филиппа Суполя (Philippe Soupault) «Les frères Durandeau» (изд. B. Grasset).

▫ За 1924 год журнал «Revue de Paris» опубликовал целый ряд романов, пользовавшихся большим успехом. Особенно нашумели новый роман Пьера Бенуа «Puits de Jacob» и печатавшийся в конце года роман Ф. Мориака (François Mauriac) «Désert de l'amour». В 1925 году «Revue de Paris» предполагает напечатать романы следующих авторов: Анри де Ренье «Divertissement provincial», Буайлева (Boylesve), Рони (Rosny) (младший), Д'Эма (J. Д'Esma) «Barbares», Бойэ (J. Bojer). Будут опубликованы также переписка Мадам де Сталь с графом O'Donnele и целый ряд историко-литературных и исторических работ, в том числе статья Андрэ Моруа (Andre Maurois) о Дизраэли «Vie de Disraeli, vicomte Beaconsfield».

▫ После довольно значительного перерыва вышло три новых романа популярного писателя René Boylesve (Буайлев). Первым вышел в изд. Ferenczi роман «Souvenirs du jardin détruit». Роман этот, как и все произведения Буайлева, написан в психологической манере. Затем, в изд. A. Fayard'a вышел роман «Je vous ai desirée un soir...» и в изд. Le Livre — «Nouvelles leçons d'amour dans un parc».

▫ Большое внимание критики и публики привлек молодой писатель Марсель Арлан (Marcel Arland) своим романом «Etienne». В литературных кругах предполагали, что именно эта книга удостоится премии Академии Гонкуров. Роман — психологический, написан с

большим жаром и живостью, хотя все же в нем чувствуется не вполне зрелая рука художника. Книга вышла в изд. Nouvelle Revue française. В том же изд. вышла вторая книга Арлана «La route obscure», состоящая из ряда небольших набросков на исторические темы.

▫ В конце прошлого года вышла новая книга Жоржа Дюамеля «Le prince Jaffar» (изд. Mercure de France). Книга содержит ряд рассказов и впечатлений, собранных Дюамелем во время его пребываний в Тунисе. Книга переведена на русский язык и недавно вышла из печати.

▫ Роман Пьера Бост (Pierre Bost) «Homicide par imprudence», вышедший в изд. Fast, получил премию «Amis des lettres françaises». Роману этому посвящена большая статья в «La revue hebdomadaire» от 10 января.

▫ В изд. Rieder вышла новая книга Панаити Истрати «Oncle Anghel», заключающая в себе три рассказа.

▫ Люсьен Фабр (Lucien Fabre) опубликовал свой новый роман, носящий название «Tarramagnou» а также три статьи: «Bassesse de Venise», «Traversée de l'Europe en avion» и «Légat».

▫ Отметим несколько новых романов, появившихся в начале этого года: «Conflits intimes» Поля Буржэ, «Baltus le Lorrain» Ренэ Базена (Rene Bazin), «Jean Ferbal», Л. Бертрана (L. Bertrand), посмертный роман J. Peladan'a «Dévotes vaincues» и «Jeu de l'amour et de la mort», «Игра любви и смерти» Ромэна Роллана.

▫ Из других романов, вышедших за последнее время, отмечаем: Pierre Lagarde — Пьера Лагард — «La poupée de son».

▫ В изд-ве «Fayard» вышел роман-хроника Октава Обри (Octave Aubry)—«Le roi perdu», «Потерянный король». Роман написан, судя по отзывам, талантливо. Как литературную форму Обри использовал историческую хронику — история жизни сына Людовика XVI, «исчезнувшего в младенчестве»,—восстановленную по мемуарам и документам.

▫ Проблеме расовой розни посвящен роман Пьера Милля (Pierre Mille) и Андрэ Демэзон (André Demaison) «La femme et l'homme nu», вышедший в изд. Edition de France.

Критика и история литературы.

▫ Фредерик Лефевр (Frederic Lefevre) печатающий в журнале «Nouvelles Litteraires» (Новости Литературы) еженедельные интервью с виднейшими французскими литераторами, выпускает сейчас эти интервью в форме книги. Недавно изд. Nouvelle Revue française (в собрании Documents bleus) выпустило второй том этих интервью, дающих много любопытных характеристик современных писателей Франции. Том носит название «Une heure avec...» (deuxieme serie). Первый том нами отмечался ранее.

▫ Большим интересом во Франции пользуется сейчас французский писатель середины прошлого века Гобино (Comte de Gobineau). Из числа вышедших за последнее время исследований о нем отметим работу Мориса Ланга (Maurice Lange) «Le Comte de Gobineau» (изд. литературного факультета ун-та в Страсбурге) и небольшую книгу Леона Дефу (Leon Deffoux) «Le Comte de Gobineau; Don Juan et les Cousins d'Jsis» (изд. Mercure de France). Вторая работа содержит ряд новых документов и несколько неизвестных стихов Гобино. Изд. B. Grasset выпустило также новое издание первого романа Гобино «Le prisonnier chanceux».

▫ О значительном интересе, возникшем в последнее время к творчеству Меримэ, свидетельствует ряд работ, появившихся почти одновременно во Франции, Швейцарии и Англии. Недавно в Сорбонне читалась диссертация Pierre Trahard — Пьера Трагара — о Меримэ в молодости. Чтение привлекло к себе большое внимание и происходило при значительном количестве присутствующих. Эмиль Анрио (Emile Henriot) посвятил этому докладу большую статью в «Temps» (от 30 дек. 1924 года. Трагар редактирует полное собрание сочинений Меримэ, готовящегося к изданию.

▫ Вышел XV том «Annales de la Société Jean-Jacques Rousseau» (Ежегодники общества по изучению Руссо), выходящие в Швейцарии под редакцией Бернара Бувье (Bernard Bouvier). Том этот содержит два труда Куртуа (L. - I. Courtois) «Chronologie critique de la vie

et des oeuvres de Jean-Jacques Rousseau» и «Remarques critiques sur la „Correspondance"». Первая работа представляет собой биографическую канву и дает исчерпывающую библиографию (свыше 900 номеров) как произведений самого Руссо, так и работ, дающих о нем биографические сведения. Вторая работа заключает ряд исправлений, составленных по первоисточникам, которые следует принять для последующих изданий «Correspondance».

▫ В декабрьском номере журнала «Revue de Paris» помещена статья Луи Барту (Louis Barthou) об Анатоле Франсе в период его работы в библиотеке сената. Барту публикует в своей статье ряд очень интересных документов, относящихся к этой эпохе жизни Франса.

▫ В ноябре вышла из печати монография Жан-Жака Брусона об Анатоле Франсе: «Анатоль Франс в халате». Эта книга является наиболее обстоятельной и подробной из всех, посвященных до сих пор творчеству и личности покойного писателя. В настоящее время книга эта переведена на русский язык.

▫ Из всех произведений Анатоля Франса наибольшее число изданий выдержала «Красная лилия» (398 изданий), затем идут «Таис» — 270 изданий и «Боги жаждут» — 259 изданий.

▫ В литературном отделе «Temps» от 23 декабря в своей очередной статье Emile Henrio (Эмиль Анрио) приводит содержание восьми неизвестных до сих пор записных книжек поэта Морэа (Moreas), находящихся во владении известного парижского библиофила A. Godoy. Книжки эти заполнялись поэтом набросками и отрывками стихов, воспоминаниями и отдельными мыслями во время путешествий и прогулок и дают богатый биографический и историко-литературный материал.

▫ В газете «Les amitiés nouvelles» была помещена статья о русской литературе — «La littérature russe». Статья рисует вредную роль, которую сыграла эмиграция, заполнившая своими произведениями европейский рынок и отодвинувшая из поля зрения иностранцев действительную современную русскую литературу, выросшую в Советской России. Мережковский и Бунин, — говорит автор статьи,—еще, быть может, и имели основания видеть свои вещи переведенными на французский язык, но иностранный читатель заполонен к тому еще и разными Гребенщиковыми.

Литературную жизнь Советской России автор считает чрезвычайно плодотворной. «Изолированная от западных влияний литература России нашла свои, оригинальные пути».

▫ Андрэ Моруа выпускает книгу статей об английской литературе «Essais sur la littérature anglaise».

▫ Фр. Лефевр публикует книгу бесед с Полем Валери — «Entretiens avec Paul Valery».

▫ J. Bever и P. Vinson приступили к редактированию серии монографий, посвященных греческим и римским писателям и философам. Серия носит название «Heures antiques». Первыми томами вышли: «Платон» A. Hermant'a, «Катулл» R. de Flers'a, «Плутарх» A. Chaumeix, «Эразм» P. de Nolhac'a и «Гораций» A. Dupouy.

Разное.

▫ В конце 1924 года состоялись выборы трех новых членов во Французской Академии и двух — в Академии Гонкуров. Во Французской Академии избраны *Альберт Бенар* (Albert Besnard), *Эмиль Пикар* (Emile Picard), *Жорж Лекомт* (Georges Lecomte). Недавно вышел новый роман *Лекомта* «Le mort saisit le vif» (изд. Fasquelle). В члены Академии Гонкуров избран поэт *Рауль Поншон* (Raoul Ponchon). В 1920 году вышла его книжка стихов «Muse au cabaret». Вторым избран *Поль Нэвэ* (Pol Neveux), автор ряда романов и критических работ и активный культурный работник. Последний его роман, вышедший в 1917 г., «La Douce enfance de Thierry Seneuse» пользовался во Франции большим успехом и получил одну из премий Фр. Академии. В числе кандидатов в Академию Гонкуров находился также *Жорж Дюамель*, не получивший, однако, достаточного числа голосов.

▫ В январе в издании парижской национальной библиотеки открылась интересная выставка, дающая картину жизни поэта *Ронсара* и его эпохи «Ronsard

et son temps». На выставке собраны издания того времени, рукописи, гравюры, медали, предметы искусства и быта. Выставка пользуется большим успехом.

▫ На одном из состоявшихся в конце декабря литературных аукционов произошел курьезный случай, рисующий строгость, с какой во Франции оберегается «мораль»: была запрещена продажа экземпляра первого издания «Цветов зла» *Бодлера*, так как в каталоге значилось, что книга полностью содержит «недозволенные» стихи. Стихи эти, запрещенные в 1857 году, не раз перепечатывались в позднейших изданиях, и изъятие из продажи антикварного экземпляра вызвало возмущенную заметку в «Temps».

▫ Недавно в изд. Hachette в собрании Collection des Muses вышла книга *Пьера Милля* (Pierre Mille) «Искусство учения» (Le Bel'art d'apprendre). В том же собрании уже вышла книга *Эмиля Фагэ* «Искусство чтения» и *Жоржа Берр* «Искусство речи». В скором времени выйдут еще следующие тома: «Искусство письма» *Абеля Эрмана* и «Искусство видения» *Робера Сизеранна*.

▫ Изд-во «Librairie Larousse» приступило к изданию «Всеобщей истории народов», включающей очерки политического, социального и культурного развития ряда стран. Издание входит в серию «Collection in 4⁰» и редактируется Maxime Petit, автором ряда исторических трудов. К участию привлечены многие видные французские историки, члены Академии. Издание выходит под заглавием «Histoire générale des peuples».

▫ Изд-во «Larousse» выпустило новый энциклопедический словарь (малый) «Nouveau petit Larousse», включающий ряд новых слов, сведения о современных деятелях и др.

▫ *Жан Кокто* (Jean Cocteau) выпустил в изд. Delamain et Boutelleau альбом рисунков («Dessins»), в который входят картины современных нравов, портреты, карикатуры и пр. Единственным текстом служат весьма выразительные подписи под рисунками.

▫ В «Ревю де Женев» начался печатанием роман *И. С. Шмелева* — «Это было» со вступительной статьей Марка Семенова.

▫ В октябрьском номере «Клартэ» появился перевод поэмы *Вл. Маяковского:* «Слушайте, сволочи!».

▫ Переведен на французский язык последний роман *Д. С. Мережковского* — представляющий собой опыт художественной реконструкции, по типу известной трилогии того же автора, египетской эпохи. Роман называется в переводе «La naissance de dieux» — «Рожденье богов» — и написан на основании результатов последних раскопок в Египте и открытия гробницы Тут-Анх-Амона (Роман вышел в изд-ве Calmann Lévy).

▫ Роман «Женщина-лиса» *Гарнета* выдержал во Франции шестнадцать изданий.

▫ Вышел перевод нового романа *Рабиндраната Тагора* «A quatre voix».

ЧЕХО-СЛОВАКИЯ.

«Rossica».

▫ *И. Шром* выпустил книгу «Советская Россия», первое подробное и объективное описание политической, экономической и культурной жизни СССР, на чешском языке (изд. «Орбис»).

▫ *И. Грдина* выпустил брошюру «Новая экономическая политика России» (изд. Вортел и Рейман).

▫ *И. Рикси* опубликовал работу «Материалы к истории крестьянского сословия на Руси», посвященную преимущественно истории «тягла» и основанную на изучении автором русских архивных материалов и устной народной традиции (Изд. Международного Аграрного Бюро).

▫ Выходит сборник документов из архивов СССР об отношении царского правительства к чехо-словацкому освободительному движению во время войны, собранные и редактированные *Ярославом Папоушком*. Большая часть этих документов уже напечатана в газете «Народни освободзени» и произвела большое впечатление на чешскую политическую общественность, как яркая иллюстрация глубоко неприязненного отношения правящих сфер царской России к чехо-словацкой революционной борьбе.

▫ *К. Казбунда* опубликовал на основании недоступных до недавнего времени документов венских архивов работу «Па-

ломничество чехов в Москву 1867 г. и австрийская дипломатия» — ценный материал для истории чешско-русских отношений (изд. «Орбис»).

▫ Вышел сборник речей и статей *Эд. Бенеша* «Проблемы новой Европы и внешняя политика Чехо-Словакии», заключающий интересный материал для истории чешско-советских отношений. Примечательна статья «Славяне и западная Европа», где Бенеш резко расходится в своей концепции славянства с традициями чешского романтического панславизма.

▫ Новейшей русской литературе посвящены брошюры *Вейля* «Русская революционная литература» и *Кубки* «Поэты революционной России».

▫ Вышел специальный русский номер органа левого искусства *«Гост»*, посвященный новым течениям в литературе, театре и живописи в СССР.

▫ Журнал «Бытова культура» публикует ряд интересных этюдов *Н. Мельниковой-Папоушковой* о русском художественном фарфоре, которые в скором времени выйдут и отдельной книгой.

▫ Большое внимание уделяет русской науке журнал славянской филологии «Славия», публикуемый в Праге третий год на всех славянских и главных западно-европейских языках. В журнале принимает участие ряд ученых из СССР.

▫ Коммунистическое издательство выпустило два тома избранных сочинений Ленина, в переводе на чешский язык («Империализм как новейший этап капитализма» и статьи 1917 г.).

▫ Вышло роскошное издание перевода «Двенадцати» Блока с прекрасными иллюстрациями художника Машка. Переводчик *Матезиус* удачно использовал чешский уличный жаргон и тонко уловил в своем переводе сложную ритмическую структуру подлинника (изд. «Пламя»).

▫ За последнее время вышел в чешском переводе ряд новых русских романов, в том числе «Голубые пески» Всеволода Иванова (перевод *Харвата*, изд. «Чин») и книги Эренбурга: «Хулио Хуренито», «Трест Д. Е.» и «Тринадцать трубок» (перевод *Пишка*, изд. «Штрох-Мариен»).

▫ Для нужд чешской школы проф. Поливка выпустил два сборника русских народных сказок с тщательными научными комментариями.

Художественная литература.

▫ Вышли книги двух ярких представителей направления новейшей чешской поэзии, близкого русским футуристам, культивирующим слово как таковое — сборник стихотворений *В. Незвала* — «Пантомима» и *Я. Зейферта* «На волнах Т. С. Ф.».

▫ Издано двухтомное собрание сочинений недавно скончавшегося даровитого молодого поэта Юрия Волькера.

▫ Популярный коммунистический поэт *Иосиф Гора* выпустил книги стихов «Бурная весна» и «Италия».

▫ Яркое явление молодой словацкой поэзии — сборник лирики коммунистического поэта *Яна Роба Поничана* «Живу мыслю, чувствую».

▫ Из драматических произведений последнего времени наиболее интересны: историческая драма *Дворжака* «Белая Гора», драма *Гильберта* «Другой берег», посвященная проблеме революционного террора, и трагикомедия *Завржела* «Боксерская борьба».

▫ Вышел фантастический роман «Кракатит» прозаика и драматурга *К. Чапека*, прославившегося в Европе пьесами «Р. У. Р.» и «Из жизни насекомых», социальный роман унанимиста *Ванчуры* «Пекарь Ян Маргоуль», натуралистический роман бытописца пражской буржуазии *К. Чапека-Ходя* «Вилем Розкоч».

▫ Из новых сборников новелл привлекают внимание книга лирической прозы утонченного стилиста *Ярослава Дурыха* «Змеиные цветы» и военные рассказы импрессиониста Фр. Шрамка «Изумленный солдат».

▫ Издательство «Гиперион» выпустило шесть томиков полного собрания сочинений величайшего чешского романтического поэта *Карла Махи*. Издание представляет большую научную ценность ввиду исчерпывающего подбора вариантов и тщательной работы издателей над критикой текста.

Гуманитарные науки.

▫ Проф. *Радль* опубликовал работу «Запад и Восток», посвященную сравнительной характеристике двух культурных типов.

▫ Проф. *Зденек Неедли*, лучший знаток истории чешской музыки, издал I том научной биографии величайшего чешского композитора Бедржиха Сметаны. Перу того же автора принадлежит краткая характеристика этого композитора, вышедшая в изд. «Орбис» на чешском и русском языках.

▫ Братиславский университет издал объемистый труд проф. *В. Халоупецкого* «Старая Словакия» — исследование по древнейшей истории Словакии, до последнего времени почти не разработанной.

▫ Лучший в Европе знаток славянского фольклора, проф. *Юрий Поливка* выпустил первые два тома собрания словацких сказок. Издание должно охватить весь богатый сказочный репертуар Словакии и снабжено детальными научными комментариями.

▫ Вышло несколько ценных популярных работ о чешском языке и его истории: проф. *Гуер* «Введение в историю чешского языка», проф. *Травничек* «О чешском языке», *Флайшганс* «Наш родной язык».

▫ Проф. *Отокар Фишер* издал большую монографию, посвященную Генриху Гейне, как поэту социальной революции.

▫ Издательство «Орбис» выпустило на русском яз. под редакцией *Бутгера и Доразила* книгу «Чехословацкая республика» — подробный иллюстрированный обзор культурной, политической и экономической жизни Чехо-Словакии.

СПИСОК КНИГ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Государственное Издательство. Москва — Ленинград.

И. Сталин. — О Ленине и ленинизме.

П. Керженцев. — Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. С предисл. Н. Крупской.

Н. Бухарин. — К вопросу о троцкизме.

Г. Зелевич. — Ленин как историк партии и революции.

И. Сталин. — Ленин как организатор и вождь РКП.

За ленинизм. Сборник статей.

Л. Троцкий. — О 9 января.

Ф. Кон. — 9 января.

Я. Субботина. — Январские дни 1905 года. Предисл. Е. Ярославского.

В. Абарюков. — Библиография русских типографских шрифтов.

Е. Аркин. — Мозг и душа.

Д. Крадман. — Полный курс шведской системы физических упражнений.

М. Клейн. — Развитие одного ребенка.

Лауридс Брунн. — Безрадостная вдова.

А. Соболь. — На каторжном пути.

А. Станчинский. — Политграмота.

Родной язык и художественная литература в комплексном преподавании. Сб. статей под ред. С. Никифорова.

К. Радек. — Германская революция. Т. I. Империализм, война и возникновение компартии.

М. Липский. — Производственные комиссии и производственные совещания.

Я. Кафка. — Искусство обработки металла.

П. Степанов.—Что такое геология, и как собирать геологические коллекции.

Материалы о состоянии печати СССР.

Н. Ленин. — Экономическая политика. Пособие для совпартшкол и комвузов. Сост. Г. Крумины.

Г. Зиновьев. — На смерть Ленина.

Е. Ярославский. — Мысли Ленина о религии.

Н. Бухарин. — Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок. К вопросу об экономическом обосновании троцкизма.

Я. Яковлев. — Наша деревня. Новое в старом и старое в новом.

М. Клевенский. — А. Д. Михайлов.

Н. Перетерский. — Очерки международного частного права РСФСР.

Е. Аркин. — Экономика человеческого организма.

Е. Игнатьев. — В царстве смекалки, или арифметика для всех.

А. Сыркин. — Государства Прибалтики (Эстония, Латвия, Литва).

Социализм Белинского. Статьи и письма. Редакция и комментарии П. Сакулина.

П. Гриневич. — Изобразительное искусство и ручной труд в единой трудшколе.

Проф. Рихард Гольдшмидт. — Аскарида. Общедоступное введение в науку о жизни.

В. Зомбарт. — Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека.

Герман Шлютер. — Чартистское движение. Очерк соц.-полит. истории Англии.

Н. Шаповаленко. — Город на костях. Повесть из времени основания Петербурга.

А. Степанов. — Лечебник домашних животных в общедоступном изложении.

М. Теряева. — Кровавый урок. 9 января 1905 г. Рассказ для детей.

П. Хлебников. — Краснокожие. Из жизни северо-америк. индейцев.

К годовщине смерти В. И. Ленина. Сборник статей, воспоминаний и документов под ред. А. Ильина-Женевского.

П. Керженцев. — Чему учит Ленин.

Ленинский день въ клубе. Сборник материалов к годовщине смерти В. И. Ленина. Под ред. А. Тарасова.

З. И. Лилина. — Ленин и юные ленинцы. Сборник.

Ленинский день в избе-читальне. Сб. материалов под ред. А. Тарасова.

Н. Крупская. — О Владимире Ильиче.

С. Гусев. — 9 января 1905 г. и Ленин.

М. Коваленский. — Вчера и завтра. Как и откуда взялась новая красная Россия.

Сельский учитель. — Сборник под ред. З. Лилиной. Статья Г. Зиновьева «С помощью Советской власти вперед!».

Гарриэт Джонсон. — Опыт педагогической работы в яслях Америки.

Г. Зиновьев. — Рабочий класс и крестьянство.

М. Гремяцкий. — Происхождение человека.

Генрих Гейне.—Избранные стихотворения.

Бернт Ли. — Школьник Свен. Повесть.

Всеволод Иванов.—Бронепоезд № 14.

Валерьян Полянский.—Н. А. Некрасов. Критико-биографический, очерк (1821—1878).

П. Орешин. — С гуся вода. Рассказ.

М. Клокова. — Бубенцы. Сборник стихотворений.

П. Голубев. — Ефимка - партизан. Рассказ для детей.

С. Малышев. — По дороге в город. Рассказ.

И. Лаварева. — Малаша-делегатка. Рассказ.

М. Калинин. — Смычка города и деревни. Доклад на XIII Съезде РКП (б) и революции.

Я. Мексин. — Комар-комарище.

Проф. Я. Никитинский (младший). — Стакан воды. Значение воды в жизни человека.

С. Мстиславский. — Классовая борьба в Германии.

Н. Ленин. — О пролетарском государстве. Пособие для совпартшкол и комвузов. С предисл., примечаниями и указателями В. Вегера и П. Стучки.

Л. Каменев. — Год без Ильича.

Революция и РКП (б) в материалах и документах. Хрестоматия. Т. VII. Эпоха империалистической войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.).

А. Морэ и Ж. Дави. — На заре истории. Очерки первобытной культуры. Под ред. Гурко-Кряжина.

Джангир-Назиев. — Индия под гнетом Англии.

А. Кактынь. — Борьба за производительность труда.

Н. Лебедев. — Завоевание земли. Т. II. Новое время (XVI, XVII и XVIII вв.).

Г. Баммель. — Ленин и революционная теория.

В. Львицкий. — Томас Мор.

И. Кубиков. — В. Г. Белинский. Жизнь и литературная деятельность.

Г. Никифоров. — В окружении. Рассказ.

Перевал. — Сборник № 2 под ред. А. Веселого, В. Казина, А. Макарова, В. Наседкина.

Проф. Л. Грец. — Эфир и теория относительности.

Гуго Эферот. — Библия безбожника.

Александр Жаров. — Обновленная земля. Стихи.

А. Бибик. — Рассказы.

А. Завалишин. — Не те времена.

В. И. Ленин. — Задачи пролетариата в нашей революции. Проект платформы пролетарской партии.

В. И. Ленин. — О революционной фразе. 1918 г.

А. Тимирязев. — Ленин и современное естествознание.

Л. Каменев. — Ленин.

Г. Зиновьев.— Шесть дней, которых не забудет Россия.

Г. Зиновьев. — Новый великий почин. Рабкоровское и селькоровское движение.

Мысли В. И. Ленина об экономической политике.

Н. Ленин. — Карл Маркс (биографический очерк).

К. Лепилов. — Рисование и моделирование ребенка-дошкольника.

Ленин в поэзии 1924—1925 г.г.

Г. Арельский. — Повести о Марсе.

В. Ульянский. — В плену 1915 — 1918 г.г.

Проф. Б. Райков и проф. М. Римский-Корсаков. — Зоологические экскурсии. Руководство для изучения зоологии в природе. Для учащих, учащихся и любителей природы.

Б. Томашевский. — Теория литературы. Поэтика.

Проф. А. Немилов. — Жизнь и смерть.

Школа крестьянской молодежи. Материалы. Первый год обучения.

Г. Зиновьев. — Лицом к деревне. Статьи и речи.

М. Горький. — 9 января. Очерк.

Г. Зиновьев. — В. Ульянов (Ленин). *9 января.* Книга для чтения. Сост. А. Шилов.

В. Ленин. — Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Под ред. Л. Каменева.

В. Игнатьев. — Советская волость и стоящие перед ней задачи.

Я. Дегтярев.—Политработа в Красной армии.

Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай. 1914—1917.

Г. Клейн. — Астрономические вечера.

Проф. А. Грабаров. — Вспомогательная школа (школа для умственно-отсталых детей).

Е. Петрова. — Школьные сценарии.

Р. Григорьев. — В. Г. Короленко.

И. Нусинов. — Вокруг озера Селигер (три месяца культшефской работы в деревне).

Вопросы политической экономии. Хрестоматия по Ленину. Пособие для совпартшкол и комвузов. Сост. П. Александров, Г. Каганович, И. Сегалович. Под ред. Ш. Дволайцкого.

Ж. Ромэн. — Преображенный град.

Проф. А. Вилла. — Религия в свете науки. Под ред. Г. Сандомирского.

А. Иоффе. — Англия в наши дни.

В. Виленский-Сибиряков. — Чжан-Цзо-Лин. Маньчжурская проблема.

Исторический материализм.—Хрестоматия по Ленину. Пособие для совпаршкол и комвузов. Сост. В. Адоратским.

Н. Лукин-Антонов. — Очерки по новейшей истории Германии. 1890—1914 г.г.

В. И. Ленин. — О религии. Статьи и письма с предисл. Н. Алексеева.

А. Д. Рубинштейн. — Уголовный суд РСФСР. Система и производство.

В. Ленин. — О профессиональном движении. Статьи и речи под ред. В. Яроцкого.

Петроградская общегородская и всероссийская конференция РСДРП (б) в апреле 1917 г.

С. Котляревский. — Бюджетное право СССР.

П. Сакулин. — Русская литература и социализм. Ч. I. Ранний русский социализм.

К. Архипов. — Советские автономные области и республики.

К. Тимирязев. Жизнь растения. Десять общедоступных чтений.

М. Пистрак. — Насущные проблемы современной советской школы.

А. Аркий. — Современная Польша.

Б. Горев. — Г. В. Плеханов.

Г. Зиновьев. — Профсоюзы и наши задачи.

Д-р Е. Аркин. — Детский сад в свете социальной гигиены и биологии.

Ф. Шмидт. — Почему и зачем дети рисуют. Педологический и педагогический очерк.

А. Шебунин. — Н. И. Тургенев.

Я. Берлин. — Дикари. Их быт и нравы.

А. Мюллер. — Иностранные живописцы и скульпторы в России. Под ред. П. Муратова.

Л. Каганович. — Как построена РКП (б). Об уставе партии.

А. Рыков. — Неурожай и народное хозяйство СССР.

А. Кравченко. — В борьбе за лучшую жизнь. Простые рассказы о том, как рабочие и крестьяне завоевали свободу.

Партизаны. Сборник рассказов под ред. П. Низового.

Георг Гервег. — Стихи живого человека.

Л. Гумилевский. — Своими руками (рассказы).

Д. Крептюков. — Попы и подпопки. Роман.

Я. Мексин и С. Шервинский. — Мастера и детвора.

В. Кутюрье. — Жан бесхлебный.

И. Свадковский. — Далтон - план в применении к советской школе.

Л. Хавкина. — Авторские таблицы Кеттера в переработке для русских библиотек.

Шесть лет Коминтерна. Сб. пособий для массовой клубной работы. Под ред. Е. Шелагиной.

Ленин. — О работницах и крестьянках. С предисл. Н. Крупской.

Проф. В. Шарвин. — Юстус Либих.

Джей Ловстон. — Труд и капитал в Америке.

Н. Ленин. — Империализм как новейший этап капитализма.

И. Сталин. — На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март—октябрь 1917.

В. Лавровский. — Аграрный переворот в Англии.

М. Гремяцкий. — Человек-машина.

П. Орешин. — Соломенная плаха. Стихи. Т. II.

Агр. Л. Штрандт. — Разведение кур.

И. Кобленц. — Жилищное право.

О Ленине. — Воспоминания. Кн. 2. Под ред. Н. Л. Мещерякова.

В. И. Ленин. — Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции.

Поль Лафарг. — Сочинения. Т. I. Под ред. Д. Рязанова.

Евгения Бош. — Год борьбы. Борьба за власть на Украине. 1917 год до немецкой оккупации.

А. Богданов и И. Степанов. — Курс политической экономии. Т. II. Вып. IV. Общая теория капитализма. Коллективистический строй.

Е. Коровин. — Международное право переходного времени.

Капитал против труда в Англии. Предисл. Ф. Ротштейна.

С. Розенблюм. — Земельное право РСФСР.

Н. Лебедев. — П. А. Кропоткин.

А. Назаров. — Лавуазье.

Б. Андреев. — Газовая опасность и как от нее защититься.

Н. Евдокимов. — М. А. Врубель.

В. Львов. — Жаркие страны. Рассказы о растениях, животных и дикарях тропических стран.

И. Арямов. — Рефлексология детского возраста.

Де-Вер-Стэктул. — Озера безмолвия. Роман приключений в дебрях Конго.

Б. Меншуткин.—Л. Б. Ломоносов.

К. Трояновский. — Современный Египет.

М. Планк. — Физические очерки.

Г. Лелевич. — В Смольном. Стихи.

Лит.-худ. альманах «Ковш». Кн. 1.

А. Рорберг. — Треугольник и его практические применения.

М. Здорик. — Лесные законы с разъяснениями для крестьян.

Государственное Издательство Украины.

Проф. Я. Столяров. — Организация учебно-методологической работы в Институтах.

С. Петропавловский. — Уроки троцкизма.

Н. Павлович и Н. Рафаил. — Очерки современной Румынии.

Проф. П. Фомин. — Экономика горной промышленности.

А. Лейтес. — Ренессанс Украинской литературы—факты и перспективы.

Инж. Д. Смарагдов. — Электронасосы. Их устройство, действия, принадлежности, уход за ними и ремонт.

Д-р П. Сербинов. — Болотная лихорадка (малярия и борьба с ней).

В. Короленко. — Полное посмертное собр. сочинений. Слепой музыкант. Т. VIII.

Э. Синклер. — 5-ое Авеню. (Метрополис.) Роман.

А. Аграновский. — Балы. Дымовщина. Записки журналиста.

Р. Цветаева. — Происхождение мира.

А. Нагорный. Действие отравляющих веществ на организм человека.

Б. Семейкин. — Солнце, его дети и внуки.

Очередные задачи работы среди женщин.

Д-р Шумбург. — Половые болезни.

Я. Андренко. — Вода в природе.

Издательство «Московский Рабочий».

Н. Ленин. — Большевики и мелкая буржуазия.

Н. Ленин. — О кооперации.

Н. Ленин — Крах II Интернационала.

Н. Ленин. — Новый подъем рабочего движения.

А. Кравченко. — Из опыта. К вопросу о методах работы с ленинцами в сокращенных школах политграмоты.

25 сентября 1919 года. Памяти погибших при взрыве в Леонтьевском переулке.

Л. Каменев. — Год без Ильича. Доклад на собрании ответственных партработников в МК РКП (б) 10 января 1925 года.

Ленинизм и троцкизм? С приложением «Уроков Октября» Троцкого и его писем к Чхеидзе, Урицкому и Ольминскому.

Первая годовщина 1924 г.—21 января 1925 г. (Ленин, о Ленине, о ленинизме).

Я. Буров.— Рабочие общества для шефства над деревней.

Ленинский призыв. — По московской организации.

А. Аросев. — Материалы и биографии Ленина.

Е. Ярославский. — Ленин и раскрепощение женщин.

Е. Варга. — План Дауэса и мировой кризис.

Очерки по аграрному вопросу. Под ред. Е. Варга. Т. 1 Вып. V.

М. Павлович (Мих. Вельтман). Химическая война и химическая промышленность.

8-ое марта и работницы.

Издательство «Мосполиграф». Москва.

П. Кропоткин. — Записки революционера. Под ред. Н. Лебедева.

Издательство МГСПС «Труд и книга». Москва.

Вечер памяти Ленина в клубе.

М. Лейзеров.— Красные уголки.

За единство профдвижения. Сб. речей и статей т.т. Г. Зиновьева, А. Лозовского, Г. Монмусо, А. Переселя, М. Томского. Сост. М. Розен.

С. Гальперин. — Профессиональные союзы Западной Европы в годы войны.

М. Баскин. — Как изучать политграмоту.

Д-р А. Штейнберг. Октябрь и социальное страхование.

Б. Эльский. — Стенные газеты и их организация.

П. Скалкин. — Лыжи и их применение в кружках физической культуры.

Д. Нечаев. — От деревни до профсоюзов.

С. Айнзафт. — Профессиональное движение в России 1905 — 1907 г.г. Под ред. Ю. Милонова.

М. и З. Маржовичи, Д. Воздвиженский. — Сцены из эпохи Великого Октября по Дж. Риду и А. Блоку.

С. Гиринис. — Ленин и профессиональное движение.

С. Гиринис. — Ленин о сельском пролетариате.

М. Лейзеров. — Вечера профагитации в клубе. Вып. II.

В. Каспарова. — Раскрепощение женщины Востока.

Л. Шаповаленко. — 1881 г. Мелодрама в 5 действиях.

День работницы в клубе. — 8-ое Марта. Международный женский коммунист. день. Сб. материалов для проведения международного дня работницы. Сост. Мария Розен.

Издательство «Новая Москва». Москва.

А. Луначарский. — Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем.

В. Мюнценберг и *Р. Шиллер.* — История юношеского движения на Западе.

Марксистская хрестоматия по литературе. Сост. В. Голубков, Н. Горностаев, Б. Лукьяновский, В. Сахаров.

Дальтон-план в школе фабзавуча. Сб. статей и материалов под ред. И. Финкеля с предисл. Н. Крупской.

Южно-русские рабочие союзы. Под ред. В. Максакова и В. Невского.

Ф. Делези. — Демократия и финансовая олигархия во Франции.

Молодым безбожникам. Сб. составл. под ред. Политпросвета ЦК и МК РЛКСМ.

А. Гринберг. — Рассказы беспризорных о себе.

Я. Окунев. — Завтрашний день. Фантаст. роман.

П. Низовой. — Новь. Рассказы.

Н. Лещинский. — Жизнь юного пролетария.

И. Рахилло. — Сын улицы. Рассказы.

Л. Шацкий. — Пять лет Коминтерна молодежи.

Евсеев.—Фашизм и его организации.

Г. Зиновьев. — РЛКСМ. Две речи о комсомоле.

Комсомол и Октябрь. По поводу «Уроков Октября» т. Троцкого.

Левгур. — Как возник и развивался комсомол.

Левгур. — Задачи комсомола.

Левгур.—Обязанности комсомольца.

П. Дорохов. — Новая жизнь. Рассказ.

Н. Кузнецов. — Рабочее сердце. Стихи.

В. Куфаев. — Борьба с правонарушениями несовершеннолетних.

Н. Усольцев. — Справочная работа в библиотеках.

П. Зилов. — Что сделал трактор.

М. Гершензон. — Муравейник. Сказка.

Программа для школ малограмотных и общеобразовательных кружков по комплексному методу. Сост. Д. Эльконин и Л. Фрид.

Ленин о Троцком и троцкизме. Из истории РКП (б).

К. Милонов. — Философия Ф. Бэкона.

Н. Амтер. Современная Америка. Под ред. Паскаля.

А. Луначарский. — Социальные основы искусства.

С. Долинский. — Ленин и ленинизм в клубе.

С. Долинский. — Ильич в клубах молодежи.

А. Волжский.— Бытовые рассказы.

И. Миротин. — Комсофлотцы за границей. (На «Авроре».) С предисл. т. Зофа.

Е. Ярославский. — Ильич и молодежь.

Г. Панев. — Ленин, великий вожатый (Сон пионера Шурки Буракова).

Е. Ярославский. — Ленин. Жизнь и работа.

А. Ульянова.—В. Ульянов (Н. Ленин.) Детские и школьные годы.

Л. Гумилевский. — Воскресенье. Рассказы.

П. Замойский. — Письмо Ильичу. Рассказ.

Рихард Гаман. — Рембрандт. Гравюры. Ред. проф. А. Сидорова.

Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисл. М. Н. Покровского.

Издательство «Современные Проблемы». Москва.

Джон Хоррабин и *«Коллегия Пмбса»*—Экономическая география в марксистском освещении.

Юрий Слезкин. — Девушка с гор. Роман.

Шервуд Андерсон. — Торжество яйца. Книга впечатлений из нашей американской жизни.

Д. Гернетт. — Человек в зоологическом саду. Роман.

Издательство «Коммун. Университета им. Я. Свердлова». Москва.

Тезисы и планы по истории революционного движения Западной Европы в 1789—1914. Сост. студентами комвузов под руководством и редакцией Ц. Фридлянда.

Л. Кушнер. — Очерк развития общественных форм.

Издательство «Сабашниковых». Москва.

П. Некрасов. — Водный режим почвы.

Торжество муз. Памятка исторических воспоминаний к столетнему юбилею Московского Большого театра 1825—1925 гг. Сост. Ольгой Чаяновой.

Издательство «Экономическая Жизнь». Москва.

П. Уферман и К. Хюглин. — Стиннес и его концерны. Со вступ. статьей К. Радека.

Г. Крумин. — Под знаком роста и укрепления.

С. Глебов. — Изучение и нормирование времени.

В. Ефимов. — Физиология труда.

П. Шанин. — Денежная система СССР в свете марксистской теории.

Дж. М. Кейнс. — Трактат о денежной реформе.

Издательство «Прометей». Москва.

Ленин в Европейской поэзии. Отклики на смерть Ленина. Под ред. Б. Гусмана.

Издательство «Союза Текстильщиков». Москва.

И. Кутузов. — В стране «Его Величества». Письма и заметки об Англии русского рабочего дипломата.

Н. Лебедев. — Русский текстильщик в рабочем движении. Под ред. Г. Раскина. Ч. 1-я от Петра I до реформы 1861 года.

Инж. Н. Павлов. — Хлопок и его обработка. От плантации до фабрики. Трепание.

Проф. Н. Вознесенский. — О крашении. Химическая технология волокнистых веществ.

Д-р Розенбаум, д-р С. Пинскер и инж. В. Дорватовский. — Санитарно-гигиенические условия труда в текстильной промышленности. Вып. II.

Издательство «Всероссийского Союза Поэтов». Москва.

Мария Шкапская. — Земные ремесла.

Мария Шкапская. — Кровь — руда.

А. Крученых. — Язык Ленина. 11 приемов ленинской речи.

Записная книжка Велимира Хлебникова. Собрал и снабдил примечаниями А. Крученых.

Издательство центральной военной газеты «Красная Звезда». Москва.

Рабкоры о смерти Ильича. Сост. под ред. М. Лукоянова и М. Рафаила.

Изд-ство газеты «Правда». Москва.

В. Астров. — Ленин и рабочая печать в России.

В. Куйбышев. — К вопросу о производительности труда.

Н. Борисов. — За правду. Памяти рабкора тов. Н. Спиридонова. Предисловие М. Ульяновой.

П. Сосновский. — Дымовка. Дело об убийстве селькора Г. И. Малиновского.

Н. Бухарин. — О рабкоре. Сб. статей.

Итоги и перспективы рабселькоровского движения. (Стенографический отчет.)

Издательство газеты «Беднота». Москва.

И. Киселев. — Права наследников.

А. Волжанин. — Как вести спорные земельные дела.

А. Волжанин. — Переделы и выделы земли.

А. Ржаницын. — Как получить землю в пользование.

Спасайте поля от вредителей. Ред. агронома Борисова.

Девичий век. — Сб. рассказов.

Свинья—крестьянская копилка. Под ред. Н. Борисова.

Издательство «Вопросы труда». НКТ. Москва.

С. Каплук. — Современные проблемы женского труда и быта.

Изд-ство «Голос Труда». Москва.

С. Лурье. — Антифонт. Творец древнейшей анархической системы.

Издательство «Земля и Фабрика». Москва.

А. Чеглок.—Нолла. (По Австралии. Рассказы из жизни птиц.)
А. Чеглок.—Смеющийся осел.
» Наследие.
» Лирохвост.
» Гралина.
» Эму.
» Отчего он умер?
» Шалашники.
» Черный лебедь.

А. Свирский.—Искатели янтаря. Сб. рассказов.
А. Свирский. — На костре.
» Из мрака прошлого. Повести и рассказы.
В. Залежский. — На путях к революции (1896—1906).
В. Ряховский.— Липовый дух. Рассказы.
В. А. П. П.—Архангельская группа писателей «Октябрь». Багряные льды. Литературный альманах.
Марк М. Криницкий. — Светозар Октябрев. Повесть.
Г. Я. Христоффель фон Гриммельсгаузен. Чудаковатый симплициссимус.
С. Хатунский. — На заработок.
В. Веревкин. — Молодцы из Генуи. Роман приключений. Кн. 1-ая.
Дж. Лондон. — Полн. собр. сочинений (1876—1916). «День пламенит».
Б. Скубенко-Яблоновский. — Мишка-герой.
Б. Скубенко-Яблоновский. — Юнга Шток.
М. Баршева. — Книга про Леньку.
Ф. Астон-ног Штарк. — В. Коссель. Природа химических сил сродства. Со вступит. статьей проф. Шилова.
К. Шильдкрет. — Рожденные бурей. Повесть.
Ф. Туркин. — Ласточки моего окна.
» Маленький разбойник.
» В степи.
» Бездомница.
» Двугорбая кормилица.
» Два лесника.
» Отверженный.
» Колючий охотник.
» Гадюка.
» Немой работник.

А. Артамонов. — От деревни до каторги (воспоминания).
Гаврилов. — Рассказы на ходу.
А. Окулов. — На Амыле-реке. Сб. рассказов.
На баррикадах. — Сб. рассказов из истории рев. движения во Франции в XIX веке, с предисл. В. Залежского. Под ред. А. Алтаева.
Чарльз Джибсон. — Великие изобретения.
А. Демидов. — На шахте. Сб. рассказов.
Дж. Лондон. — Джерри. Островитянин.
О. Форш. — Летошний снег. Сб. рассказов.
Д-р [illegible]-Серазини. — На зимний воздух.

«Кооперативное Издательство». Москва.

Договоры и сделки. Вып. III. Подряд, поручения и доверенность. Комиссия. Сост. А. Иогансен и А. Долматовский.
Г. Нефедов и Т. Юдин. — Складское дело.
П. Власов. — Обработка почвы при засухах.
Н. Иозефович. — Травосеяние в засушливой области СССР.
А. Макаров. — Беседы по племенному животноводству.
П. Власов. — Спутник плотника и столяра.
Н. Асеев и В. Маяковский. Рассказ о том, путем каким с бедой управился Аким.
Проф. В. Эдельштейн. — Огородничество, сбыт овощей и кооперация.
М. Васильев. — Крестьянский плодовый сад.
А. Рыков. — Письма в деревню. Письмо первое о кооперации. Письмо третье о нашем договоре с Англией.
В. Хижняков. — Кооперация в школе.
Инж. П. Бобков. — Производство картофельного крахмала.
Н. Ищенко. — Руководство по счетоводству сельско-хозяйственных и кредитных товариществ.
Устав трудовой земледельческой артели.
Устав кооперативного товарищества по животноводству.
В. Влагин. — «Схватка». Пьеса в 3-х действ.

Издательство Академии Художественных Наук. Ленинград.

М. Рославлев. — Старый Петербург и Новый Ленинград.

Издательство Брокгауз — Ефрон. Ленинград.

Б. Вишневский: — Человек как производительная сила.
Д-р Л. Василевский. — Гигиена школы.
С. Бахрушин. — Казаки на Амуре.
В. Мюллер. — Пират королевы Елизаветы.
И. Колубовский. — Первобытное хозяйство.
И. Гревс. — Тургенев и Италия. С приложением литературной справки «Тургенев и Петербург».
Проф. Ю. Готье. — Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. I. Каменный век. II. Бронзовый век. Железный век на юге России.
Проф. В. Кильпатрик. — Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе.
К. Львов. — Железная дорога. Сб. материалов по организации праздников железной дороги.
И. Павлов.—Сельский труд. Стихи.
И. Павлович. — Большевик Том. Стихи.
И. Павлович. — Капризник Тики.
А. Н. Толстой. — Кот — сметанный рот. Сказка.
И. Колубовский. — Полеводство. Общая часть. — Россия.
Проф. И. Полянский. — Юным натуралистам. В помощь при первоначальном знакомстве с природой.
И. Плотников. — Революционная литература. (Из опыта применения Дальтон-плана).

Проф. К. Кудряшев. — Последний фаворит Екатерины II (Платон Зубов).
Половой вопрос в школе и в жизни. Под ред. И. Симонова.
Д. Егоров. — Записка солдата Берналя Диаза. I. В погоне за золотом. II. Золото и смерть.

Издательство «Время». Ленинград.

Роже Мартэн дю-Гар.—Весна. Роман.
Роже Мартэн дю-Гар. — Семья Тибо. Роман.
Пандит Истрати. — Кира Киралина. Роман.
Жером и Жан Таро. — В будущем году в Иерусалиме.
Гергардт Гауптман. — Остров Великой матери, или чудо на Иль дедам. Роман.
Бласко Ибаньес. — Закат. Роман.
Георг Кайзер. — Кинороман. Комедия в 3-х действиях.
Жорж Дюамель. — Принц Жаффар.
Средневековый быт. Сборн. статей под ред. проф. О. Добиаш-Рождественской, А. Хоментовской и Г. Федотова.
Акад. А. Ферсман. — Новые центры, новые науки. Из заграничных впечатлений.
Проф. Цур-Штрассен. — Поведение человека и животных в новом освещении.
Луис Поль Ложнер. — Генри Форд и его «Корабль Мира». Воспоминания. С предисловием М. Горького.
П. Орловский. — Автомобиль. Его устройство и обращение с ним.
Феликс Пинкер. — Вожди германской промышленности. Крупп, Стиннес, Сименс, Отто Вольф, Ратенау и др.
Стефан Цвейг. — Жгучая тайна. Первые переживания.

Издательство «Книга». Москва—Ленинград.

Франц Вейс. — Жестяник.
А. Эпштейн. — Портниха.
Э. Толлер. — Освобожденный Вотан. Комедия.
Н. Рожков. — Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 11.
Ю. Мартов. — Общественные и умственные течения в России.
А. Ельницкий. — Роза Люксембург. Очерк ее жизни, общественной, революционной, публицистической и научной деятельности.
Дионис Михали. — Электрические дальновидения и темпер.
Александров и Балухатый.—Политпросветработа.
Де-Монж. — В Россию и обратно.
С. Лозинский. — Классовая борьба в средневековом городе.
К. Гений. — Фердинанд Лассаль.
Мучиано Цуккель. — Киф Тебби.
Эдгар Уоллес. — Чик.

Издательство «Academia».

Анри де Ренье. — Живое прошлое. Роман.
В. Мюллер. — Драма и театр эпохи Шекспира.

Издательство «Мысль». Ленинград—Москва.

О. Генри. — Что говорит город.
» Душа Техаса.
Дж. Лондон. — Белый клык.
» Игра.

Джс. Лондон. —Пути женщины.
» Морской волк.
» Мятеж.
» Пытка.
» Вера в человека.
» Дети Мороза.
» Зеленый змий.
» Маленькая хозяйка большого дома.
Райдер Хаггарт. — Хоу-хоу или Чудовище. Роман.
Вуд. — Кожевенное производство.
Н. Доломанова. — Музыкальное воспитание детей от 9 до 12 лет.
Мультатулли. — Макс Хавелаар или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества.
Литературная Мысль. Альманах III.

Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва—Ленинград.

М. Фроленко. — Побег Алеши Поповича (Виктора Костюрина).
М. Фроленко. — Побег Дейча, Стефановича и Бохановского.
В. Виленский-Сибиряков. —Каторга и ссылка в русской революции.
В. Виленский-Сибиряков. — Ветераны революции с портретами.
Декабрист Н. И. Пущин. — Записки о Пушкине и письма из Сибири. Редакция и биографический очерк С. Штрайха. 1925.
В. Виленский-Сибиряков.—Кровавое воскресенье 9 января 1905.
В. Виленский-Сибиряков. — Ленин в Сибирской ссылке.
С. Швецов. — Провокатор Окладский.

Рабочее издательство «Прибой». Ленинград.

Троцкий о Ленине и ленинизме. Сб. материалов, под ред. Г. Сафарова.
Ленин о Троцком и троцкизме. С предисл. М. Ольминского.
С. Канатчиков. — История одного уклона.
М. Левидов. — К истории союзной интервенции в России. Т. I. Дипломатическая подготовка.
Г. Евдокимов. — Как выполняются заветы Ленина.
О. Барабашев. — Чему учил Владимир Ильич молодежь.
С. Ковалев. — Всеобщая история в популярном изложении для самообразования. Ч. 1-я. Древний мир.
Г. Евдокимов. — Год работы по заветам Ильича.
Морис Доманже. — Бланки.
И. Вавилин. — Иностранные капиталы в России.
Инж. В. Никольский. — Электричество в природе и в технике.
Борис Лавренев. — Ветер. Сборник рассказов.
Уптон Синклер. — Жизнь на развалинах. Комедия 2000 года.
Даниэль де Фоэ. — Робинзон-Крузе. Новая переработка для рабоче-крестьянской молодежи.

Издательство «Пучина». Ленинград-Москва.

Пьер Амп. — Леп. Роман.
Вл. Лидин. — Голубое и желтое.
А. де Пузуреиль.— Китайские тени. Роман.
Проф. Л. Гуллевич. — От лаборатории к фабрике.
Проф. М. Голенкин. — Растительный мир как производительная сила природы.
Н. Кулагин. — Животные организмы как производительные силы природы.
К. Фламмарион. — Прогулка по звездам.
Проф. Б. Козо-Полянский. — Новый принцип биологии. Очерк теории симбиогенеза.
Проф. Н. Виноградов. — Очерки по истории идей дошкольного воспитания.
Д. Ллойд-Джордж. — Мир ли это?

Издательство «Радуга». Москва—Ленинград.

Н. Агнивцев. — Чашка чая. Рис. В. Твардовского.
Н. Агнивцев. — Винтик - шпинтик. Рис. В. Твардовского.
Н. Агнивцев. — Как примус захотел фордом сделаться. Рис. К. Елисеева.
Е. Шварц.—Вороненок. Рис. Е. Белуха и К. Рудакова.
Вера Инбер и В. Типот. — Крошки сороконожки. Рис. В. Твардовского.
С. Федорченко. — Сказка. Рис. П. Пастухова.
Е. Верейская. — Индюк. Рис. А. Петрова.
В. В. Лебедев. — Охота.
Виталий Бианки. — Первая охота. Рис. В. Сварога.
М. Андреев. — Аника Воин. Рис. М. Сварога.
Андреев. — Самсусам. Рис. В. Твардовского.
М. Андреев.—Хоровод. Рис. А. Радакова.
К. Чуковский. — Тараканище. Рис. С. Чехонина.
К. Чуковский. — Мойдодыр. Рис. Ю. Анненкова.
К. Чуковский. — Мухина свадьба. Рис. Вл. Конашевича.
К. Чуковский. — Бармалей. Рис. М. Добужинского.
С. Маршак. — Мороженое. Рис. В. Лебедева.
С. Маршак — Пожар. Обложка Б. Кустодиева. Рис. Вл. Конашевича.
С. Маршак. — Книжки про книжки. Рис. С. Чехонина.
С. Маршак и В. Лебедев. — Цирк.
С. Маршак. — Загадки. Рис. К. Петрова-Водкина.
С. Маршак — Детки в клетке. Рис. С. Олдина.
Е. Шварц. — Война Петрушки и Степки Растрепки. Рис. А. Радакова.
Виталий Бианки. — Однодневки. Рис. М. и С. Рахманиных.
Виталий Бианки. — Кукушонок. Рис. П. Бучкина.
Виталий Бианки. — На великом морском пути. Рис. В. Сварога.
П. Литвинов и С. Рахманин. — На лоне природы. Рис. С. Рахманина.
Я. Перельман. — Между делом.
» Газетный лист.

Издательство «Петроград». Ленинград.

Франц Юнг. — Завоевание машин. Роман.
Г. Винтер. — Тейлоризм.
К. Шторк. — Система Далькроза с предисл. Гайдебурова «Э. Жак-Далькроз и его система».
Якоб Вассерман. — Уши господина маркиза.
Рабиндранат Тагор. — Моя жизнь.
Мартин Андерсен Нексе. — Навстречу молодому дню. (Путешествие в Советскую Россию.)
Таддеус Риттнер. — Духи в городе (роман).
Ф. Эллепс. — Басс-бассина-Буллу. Роман. Под ред. И. Эренбурга.
Жюль Ромэн. — Душа толпы.
Георг Герман. — Барышня Геберт. Роман.
Ф. Мауптер. — Атеизм в эпоху Великой Французской революции.
Джэк Лондон. — Гавайские рассказы.
Джон Лондон Потерянное лицо.
» Джон — ячменное зерно или алкогольные воспоминания.

Ред.-издательский отдел военно-морских сил СССР. Ленинград.

Морской Сборник № 1. 1925 г.
А. Крылов. — Основные сведения по теории корабля.
И. Егоров. — Наши соседи (Финляндия, Польша, Румыния, Эстония, Латвия, Литва).
Б. Давыдов. — В тисках льда. Плаванье канлодки «Красный Октябрь» на остров Врангеля.
С. Лукашевич. — Краткий словарь морских выражений.
Революционная и боевая работа руководителя вооруженных сил СССР.
М. В. Фрунзе. — Биографический очерк.
Льготы и преимущества для военнослужащих Р.-К. К. А. и Р.-К. К. Ф. и их семей.

Издательство «Френкель» Москва — Ленинград.

Г. Даниловский. — Ласточка. Роман.
Проф. Г. Леви. — Экономическая жизнь Соед. Штатов Америки.
Приват-доцент д-р А. Нейнц. — Стыд и его значение для полового чувства.
Проф. И. Люблинский. — Преступления в области половых отношений.

Издательство «Сеятель». Ленинград.

Франц Верфель. — Верди. Роман оперы.
Проф. В. Штейн. — Развитие экономической мысли. Т. I. Физиократы и классики.
Н. Болдырев и С. Гессен. — Современная Европа. Экономический и политический обзор всех государств Западной Европы после войны.
Проф. Н. Гредескул. — Происхождение и развитие общественной жизни. Т. I. Биологические основы социологии. Коммунизм в биологии, его роль, как фактора эволюции.

Издательство «Буревестник». Краснодар.

Ф. Дингельштедт. — Причинность и целесообразность.
Ф. Дингельштедт. — Диалектический материализм.
Ф. Дингельштедт. — Накопление капитала, обнищание рабочего класса.
Т. Маркарьян. — Школа, ребенок и учитель.
Б. Козо-Полянский. — Диалектика в биологии.
С. Куницкий. — Очерк истории английской революции.
Д. Зеленский. — Промысел Божий. (Притча по языцех о добром пастыре, продающем злое стадо. Комедия 5-ти действ.).

А. Земляк. — Промашка.
» Ошибся.
П. Яковлев. — Как Арина мужиков победила или в кооперации сила.
Д. Дмитриевич. — Дурь налог.
» Лес погубишь— засуху наживешь.

Изд-ство «Пролетарий». Харьков.

А. Финкель. — О языке и стиле В. И. Ленина. Вып. I.
С. Гопнер.— Ильич и его заветы.
После смерти вождя.— Материалы и документы.
Кормчий Октябрь. О Ленине в октябрьские дни. Сост.П. Анатольев под ред. Н. Попова.
С. Красковский. — Марс. Популярная монография.
А. Попов. — Очерки истории Китая.
Э. Квиринг. — Год без Ленина.
Л. Каменев. — Дело Ильича. Речь на 7-ом Всесоюзном Съезде Железнодорожников.
Арк. А—н.—История рабочего движения в Англии, Франции и Германии.
Я. Пилецкий. — Две теории империализма. (Марксистская легенда и возврат к Марксу.)
В. Виленский (Сибиряков).— Современный Китай.
Л. Каменев. — Ликвидация гегемонии пролетариата в меньшевистской истории русской революции.
Л. Каменев. — Меньшевики разрывают с революцией.
В. Виленский-Сибиряков. — Современная Монголия.
Д. Павлов. — Комсомол после смерти Ильича.
Г. Трофимов. — Как должна работать комсомольская ячейка на производстве.
Д. Дембский. — Нравственность и право с точки зрения исторического материализма.
Д. Эрдэ. — Ленин и неграмотность.
А. Фигурин. — Азбука безбожия. Тезисы по антирелигиозным вопросам.
Б. Горев. — Очерки исторического материализма.
А. Ветков. — Наука и религия.
А. Воробьев. — Краткий курс политграмоты.
Хрестоматия рабочего журналиста, под ред. А. Русанова, с предисл. С. Ингулова.

Издательство «Рабочий Донбасса». Артемовск.

Л. Каменев. — Был ли Ленин вождем пролетарской революции. (К переписке т. Троцкого с Чхеидзе и т. Ольминским.)
Н. Бухарин. — К вопросу об экономическом обосновании троцкизма.
Краткий политический словарь.
Материалы самообразования ленкомсомольца (О группах чтения ЛКСМ).

Издательство «Советский Кавказ». Тифлис.

А. Мясников. — Армянские политические партии за рубежом.

Издательство «Уралкнига». Свердловск.

Проф. В. Сементовский. — История земли.
Т. Каменев. — Старая и новая школа.
Демьян Бедный. — К борьбе, труду, победе! (Избранные произведения.)
В. Быков. — Возмутители. (Бунты в Ревдинском заводе в 1826—1841 годах.)
А. Дудолин. — Народный суд в СССР.
А. Поликашин. — Ленин и крестьянство.
Ф. Михайлов. — Что такое союз советских социалистических республик.
Агр. П. Патшурев. — Рядовой посев.
О работе кооперации в деревне.
Хозяйство Урала в 1924 году. Сб. материалов для агитаторов и пропагандистов. Под ред. С. Бессонова.
К чему должен стремиться и кем должен быть комсомолец. Устав и программа РЛКСМ. Заветы Ленина комсомольцу.
Красный календарь. Революционные годовщины в детских учреждениях Сб. 1-й. Годовщина смерти В. И. Ленина. 2-й — 20-ая годовщина «9-го Января». Сост. Р. Харитонова, М. Березова, В. Витте, Д. Ушаков.

Издательство ЦСУ и НКЗ. Харьков.

Д-р А. Томилин. — Материалы о социально-гигиеническом состоянии Украинской деревни.
В. Якиманский. — Рыночный оборот в крестьянских хозяйствах Украины. По бюджетному обследованию 1923 г.
В. Якиманский. — К итогам аграрной революции на Украине. По данным анкетного обследования 1922 года.
М. Гуревич. — К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства Украины. Очерк 1-й.
Материалы по районированию Украины.
Статистика Украины.—Народное образование Украины по 1 января 1923 г. Учреждения социального воспитания.

Издательство «Межрабпом». Москва—Берлин.

Жюль Ромэн. — Разговоры в Порту. Рассказы.
Бласко Ибаньес. — Король прерий. Рассказы.
А. Маслов. — Новая эра пацифизма.
Андерсен Нексе. Семейство Фраик.